

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ИНСТИТУТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ (МОСКВА)

А К В И Л О Н

МОСКВА

ISTORICHESKAIA GEOGRAFIIA

VOLUME 1

edited by
Irina G. KONOVALOVA

АКВИЛОН
MOSCOW 2020

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

ТОМ 1

Ответственный редактор
И.Г. КОНОВАЛОВА

А К В И Л О Н

МОСКВА 2020

УДК 913. 1
ББК 63. 3
И 73

РЕДКОЛЛЕГИЯ

д.и.н. И.Г. Коновалова (отв. ред.),
к.и.н. А.А. Фролов (отв. секретарь),
к.геогр.н. В.Э. Булатов, акад. М.Д. Бухарин,
к.и.н. Т.П. Гусарова, д.и.н. И.Н. Данилевский,
к.и.н. Ф.С. Корандей, д.и.н. Е.А. Мельникова,
д.и.н. М.С. Петрова, д.геогр.н. В.Н. Стрелецкий,
д.и.н. Ар.А. Улунян, д.геогр.н. Л.С. Чекин,
к.и.н. А.С. Щавелев

И 73 ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ. Том 1 / Отв. ред. И.Г. Коновалова. — М.: Аквилон, 2020. — 576 с. — 2-е изд., испр.

В первом томе сборника «Историческая география» помещены статьи, отражающие широкий хронологический спектр и проблемный репертуар современной исторической географии, а также ее источниковедческие ресурсы и методики. В статьях представлены историко-географические реконструкции в контексте археологии, ономастики, исторического источниковедения, этнографии и устной истории, исследованы географические образы различных регионов и общественно-политический потенциал геопространственных конструктов, рассмотрены вопросы методики и преподавания исторической географии. В сборнике также помещены рецензии на издания по историко-географической проблематике, опубликованные в 2007–2011 гг. в России и за рубежом, и аналитические отчеты о важнейших международных конференциях по исторической географии, состоявшихся в 2011 году.

Издание представляет интерес не только для специалистов по исторической географии как таковой, но и предназначено для историков, географов, страноведов, демографов и этнографов, историков географии и картографии, культурологов.

Научное издание

© И.Г. Коновалова, общая редакция, составление, 2020
© Коллектив авторов, 2020
© Институт всеобщей истории РАН, 2020
© Издательство «Аквилон», 2020

ISSN 2307–8200
Istoričeskaâ geografîâ (Istor. geogr.)

ISBN 978–5–906578–55–6

Репродуцирование (воспроизведение) данного издания или его части любым способом без письменного соглашения с издательством запрещается

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Историческая география на междисциплинарных перекрестках (<i>И.Г. Коновалова</i>).....	8
---	---

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ В РАЗЛИЧНЫХ КОНТЕКСТАХ

<i>Т.Г. Алпаткина, О.С. Никулина</i> Городище Старый Термез с точки зрения географических факторов: Взаимосвязь двух групп исторических памятников.....	20
<i>И.Е. Суриков</i> Перикл, Ламах и Понт Евксинский (Историческая география и ономастика: о пользе комбинированного использования данных).....	51
<i>М.Д. Бухарин</i> Возвращение или разворот? τὸ πέρασ τῆς ἀνακομιδῆς в «Перипле Эритрейского моря» (З: 1. 12–15).....	68
<i>Л.С. Чекин</i> Эсхатологическая география в IX веке (конец земли и обращение последних народов).....	81
<i>А.А. Фролов</i> Административная система центральных районов Новгородской земли в X – начале XVII века (в контексте истории территориальных юрисдикций).....	110
<i>А.В. Постников</i> Иностранцы в Приамурье во второй половине XVIII – начале XIX века (в поисках возможностей торгового и миссионерского проникновения в Цинскую империю из России).....	155
<i>О.С. Петрова</i> Развитие исторической географии в России во второй половине XIX – начале XX века (по материалам Всероссийских археологических съездов).....	196

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ

<i>Д.Н. ЗАМЯТИН</i> Метагеографические оси Евразии.....	206
<i>Ф.С. КОРАНДЕЙ</i> К вопросу о «личности Ирландии»: Историко-географические образы острова в региональных характеристиках конца XIX – начала XXI века.....	247
<i>В.В. ЧИХИЧИН</i> Историко-географический образ Ставрополя: От города-крепости к столице житницы и здравницы.....	282
<i>А.А. УЛУНЯН</i> Проблема геопространственных конструкторов в современном публичном и академическом дискурсе Эстонии.....	302

ВОПРОСЫ МЕТОДИКИ И ПРЕПОДАВАНИЯ

<i>С.З. ЧЕРНОВ</i> Рекомендуемые форматы исторических карт уезда и волости (стана) средневековой России XIII–XVII веков (по материалам Взада, Волока Ламского и московских волостей Воря и Пехорка)...	344
<i>А.В. ТУТОРСКИЙ</i> К методике исследования микротопографии сельских поселений (опыт отечественной этнографии).....	362
<i>Е.И. БУРЛА</i> Возможности устной истории в изучении исторических ландшафтов.....	390
<i>Т.П. ГУСАРОВА</i> Историческая география у медиевистов МГУ.....	419

РЕЦЕНЗИИ

<i>Кендерова С., Стаматов А., Стоименов Д.</i> Атлас: Българските земи в средновековната арабописмена картографска традиция (IX–XIV в.) / Под ред. С. Кендеровой и А. Стаматова. София: ТАНГРА ТанНакРа ИК, 2011. 336 с. (<i>И.Г. КОНОВАЛОВА</i>).....	431
<i>Цымбурский В. Л.</i> Конъюнктуры Земли и времени: Геополитические и хронополитические интеллектуальные расследования. М.: Европа, 2011. 372 с. (<i>А.С. ЩАВЕЛЕВ</i>).....	439
<i>Aiken E. J.</i> Scriptural Geography: Portraying the Holy Land. London, New York: I. B. Tauris, 2010. 244 p. (<i>Ф.С. КОРАНДЕЙ</i>).....	447
<i>Gautier Dalché P.</i> La Géographie de Ptolémée en Occident (IV ^e – XVI ^e siècle). Turnhout: Brepols, 2009. 443 p. (Terrarum Orbis.	

Histoire des représentations de l'espace: textes, images. T. 9) (Л.С. ЧЕКИН).....	459
<i>O'Loughlin Th.</i> Adomnán and the Holy Places. The Perceptions of an Insular Monk on the Locations of the Biblical Drama. T&T Clark. London, New York, 2007. 348 p. (Ф.С. КОРАНДЕЙ).....	466
Routes d'Arabie. Archéologie et histoire du Royaume d'Arabie Saoudite / Sous la direction de Ali Ibrahim al-Habban, Béatrice André-Salvini, Françoise Demange, Carine Juvin et Marianne Cotty. Paris: Somogy Éditions d'Art; Louvre éditions, 2010. 623 p. (М.Д. БУХАРИН).....	472

ХРОНИКА

Двадцать четвертая международная конференция по истории картографии (Москва, 10–15 июля 2011 г.) (В.Э. БУЛАТОВ, И.Г. КОНОВАЛОВА, Л.С. ЧЕКИН).....	488
Две конференции по исторической географии: Историческая география: Пространство человека vs Человек в пространстве: XXIII Международная научная конференция (Москва, 27–29 января 2011 г.); IV Международная научная конференция «Глобальные и региональные проблемы исторической географии» (Санкт-Петербург, 28–31 марта 2011 г.) (Ф.С. КОРАНДЕЙ).....	502
Первая международная конференция по исторической географии и исторической демографии (Сыктывкар, 11–13 мая 2011 г.) (И.Г. КОНОВАЛОВА).....	507
Коллоквиум «Язык карт: Картография как средство коммуникации в Средние века и эпоху Возрождения» (А.А. АНИСИМОВА).....	510
Новое диссертационное исследование по древней истории и географии Персидского залива (М.Д. БУХАРИН).....	525

IN MEMORIAM

Николай Николаевич Комедчиков (24 ноября 1959 – 24 октября 2011).....	555
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ СОКРАЩЕНИЯ.....	558
ABSTRACTS.....	559
CONTENTS.....	568
ОБ АВТОРАХ.....	571

И.Г. КОНОВАЛОВА

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ НА МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ПЕРЕКРЕСТКАХ

Историческая география как научная дисциплина никогда не представляла собой единое предприятие, развивающееся на универсальной научной основе. Она была и продолжает оставаться полем деятельности отдельных академических сообществ, более или менее связанных между собой и практикующих разнообразные методологические подходы к дисциплине. История становления и формирования национальных школ исторической географии сама по себе могла бы стать предметом историко-географического исследования.

Историческая география выросла из практики изучения и комментирования античных и средневековых текстов, служивших основным источником для реконструкций сначала античной и библейской, а затем и средневековой географий европейскими учеными XIV–XVIII вв. В дальнейшем историческая география развивалась в значительной мере в контексте написания национальных историй, поскольку в эпоху модерна сложилось представление о том, что основной формой (в том числе — пространственной) организации памяти о прошлом является национальная история с характерным для нее вниманием к таким вопросам, как история политических и административных границ, история внутренней колонизации, локализация отдельных объектов и событий и т.п. Такой подход поддерживался и господствовавшей тогда ньютоновско-картезианской моделью пространства, рассматривавшегося как гомогенное пространство, пространственный «контейнер» для природных и культурных объектов, а также для событийной истории.

Оформление истории и географии в самостоятельные отрасли науки и профессионализация университетского преподавания обеих дисциплин во второй половине XIX в., помноженные на особенности протекания этих процессов в той или иной стране, привели к тому, что историческая география стала развиваться в рамках разных интеллектуальных контекстов.

На становление историко-географического направления в лоне географической науки большое влияние оказал европейский колониализм. В XIX – начале XX в. в рамках британского (а затем англо-американского) колониального дискурса сформировалось особое направление исторической географии, более тесно связанное с современностью, чем антикварно-историческое. В России значительная часть историко-географических исследований велась в контексте статистического описания территории Российской империи и была таким образом ориентирована на связь с современностью.

В дальнейшем выделение географии человека (*human geography*) как суботрасли географии и позиционирование исторической географии как подраздела этой дисциплины привели в XX в. к резкому расширению историко-географической проблематики, во многом за счет активного взаимодействия исторической географии со смежными суботраслями географии человека — культурной, экономической, политической, гуманитарной географией и т.п.

Что касается сообщества историков, то наиболее заметный вклад в методологический прогресс историко-географических исследований со стороны историков внесли французские ученые междисциплинарной «Школы Анналов», развившие на исторической почве многие идеи социологии, антропологии и географии человека. В целом же в историческом сообществе историческая география получила в итоге статус «вспомогательной» (или «специальной») исторической дисциплины и в силу своей относительной несамостоятельности оказалась менее подвержена влиянию методологических новаций по сравнению с исторической географией, разрабатываемой географами.

Хотя всяческое развитие исторической географии как специфической источниковедческой практики (то есть в качестве «вспомогательной» дисциплины) продолжает оставаться и важной задачей исторической науки, и ее безусловной вотчиной, следует

признать, что присущий ей методологический изоляционизм сильно ограничивает ее возможности как в плане саморазвития, так и в выстраивании междисциплинарного сотрудничества.

Вопросы, так или иначе связанные с изучением пространственной составляющей исторического процесса, затрагиваются во многих работах отечественных историков, благодаря чему появляется множество качественных исследований по различным историко-географическим сюжетам российской и всеобщей истории. Проблема в том, что результаты этих исследований очень часто не позиционируются как достижения в области исторической географии и вследствие этого не подвергаются соответствующему теоретическому осмыслению в рамках этой дисциплины, что, в свою очередь, не помогает институализации той реальной работы, которая ведется историками в области историко-географических исследований. Ярким свидетельством того, что в профессиональном сообществе историков весьма слабо выражен интерес к теоретическим проблемам исторической географии, является отсутствие у российских историков своего периодического (или хотя бы продолжающегося) издания, целиком посвященного вопросам исторической географии как таковой.

Как «вспомогательная» дисциплина историческая география становится не слишком интересной не только за пределами исторического сообщества, но даже для самих историков. Это, в частности, ярко проявилось на очередном, 21-м Международном конгрессе исторических наук (Амстердам, 22–28 августа 2010 г.). В программе конгресса, насчитывающей около 70 страниц, слова «историческая география» ни в каком контексте ни разу не упоминались, хотя там состоялось несколько заседаний, на которых обсуждались проблемы, напрямую относящиеся к исторической географии. Так, два круглых стола были посвящены проблеме формирования и функционирования представлений об окружающем мире в картографии от Античности до наших дней; на ряде заседаний рассматривалась проблема распада империй, в том числе ее пространственный аспект; обсуждались типы, характер и функции границ, а также восприятие пространства в Новое время и роль пространственных концептов в формировании различных территориальных общностей. Однако историко-географическая ипостась всех этих проблем исследовалась не в формате «вспомо-

гательной» (или «специальной») исторической дисциплины, а в более широком историческом и — главное — историографическом и методологическом контексте, позволяющем по-новому взглянуть на проблемы исторической географии.

В результате «пространственного поворота» (*spatial turn*), произошедшего в социально-гуманитарном знании в 70–80-е гг. XX в.¹, усилилось внимание к изучению пространственного измерения всех сфер социальной жизни. Пространство стало рассматриваться как динамическая структура, проявляющаяся через социальные практики². Это, в свою очередь, привело к мультипликации пространств, ставших столь же разнообразными, как и отношения: географическое, историческое, политическое, экономическое, социальное, картографическое, когнитивное, городское, пространство «сетей» и «поток» и т.п. Привычный национально-государственный формат историко-географических исследований стал объектом острой критики, воспринимаемый как «территориальная ловушка» (*territorial trap*) для исследователя³.

В историографии последних лет уделялось большое внимание историко-географическому изучению нематериальных феноменов — таких как представления о географическом пространстве у разных народов, формирование идентичностей и т.д. В результате были проблематизированы ключевые пространственные понятия и представления, которые традиционно воспринимаются как обозначения реально существующих физико-географических, историко-культурных и политико-административных объектов («регион»; «территория»; «граница»). «Регионы»⁴, «территории»⁵ и «границы»⁶ стали рассматриваться не столько как данность и готовая форма, сколько как социальные и ментальные конструкты, вызванные к жизни вполне определенными общественными и поли-

¹ Lefebvre 1974; Harris 1991; Döring, Thielmann 2008; Warf, Arias 2009; Withers 2009; Трубина 2011.

² Верлен 2001; Бедаш 2009.

³ Agnew 1994; Brenner, Elden 2009.

⁴ Allen, Massey, Cochrane 1998; Paasi 2002; Amin 2004; Entrikin 2008; Гладкий 2009.

⁵ Gottmann 2008; Kymäläinen, Lehtinen 2010

⁶ Бреская 2007; Power, Standen 1999; Peters 2001; Jones 2009; Jones 2010; Schaffter, Fall, Debarbieux 2010; Johnson et al. 2011.

тическими причинами и потребностями, очень часто лежащими за пределами самого региона. Классический пример — Британская Индия, которая до прихода англичан не знала политического единства. Поэтому районирование из привычной отправной точки историко-географического исследования все больше становится его целью. Этот семантический сдвиг находит отражение в самих терминах: говорится не столько о «границах», сколько о «разграничении», не о «регионах», а об их «конструировании». Можно назвать уже, наверное, больше десятка монографий, где история региона или страны — Восточной Европы, Балкан, Юго-Восточной Азии, Индии, Франции, Испании, Ирландии, Японии и др. — рассматривается как его «изобретение» или «конструирование»⁷.

В историко-географических исследованиях все шире вводятся в оборот и новые термины для обозначения пространственных реалий с весьма специфическими, пограничными социо-культурными характеристиками — например, «контактная зона» у историков (или «транзитная зона» у географов), то есть место возникновения синтетных феноменов, формирующихся на базе взаимодействующих социумов⁸.

Проблематизирована также универсальная природа научного знания как такового и историко-географического знания, в частности. Появилось довольно много исследований, где на разном материале от Античности до наших дней рассматриваются вопросы, связанные с региональными особенностями производства знания, и делается вывод о том, что производство и потребление научных знаний всегда было обусловлено не только временем, но и местом⁹. Для современных историко-географических исследований характерна констатация наличия различных «пространств знания» (*spaces of knowledge*), в каждом из которых вырабатываются концепты и подходы, в содержательном плане совпадающие между собой только частично и поэтому значимые лишь в пределах определенного пространства¹⁰.

⁷ Wolff 1994; Todorova 1997; Howarth 2007; Cox 2011; Fleet, Wilkes, Withers 2011.

⁸ Klein, Mackenthun 2003; Morrisey 2005.

⁹ Livingstone 2003; Naylor 2005; Naylor 2011.

¹⁰ Meusbürger, Livingstone, Jöns 2010.

С точки зрения «географии знания» подвергаются переоценке и сами академические структуры, в частности такие их столпы как академические географические журналы, имеющие международный статус и высокий рейтинг. В целом ряде статей обсуждается вопрос о том, что циркуляция идей в современной научном мире отнюдь не беспрепятственна и не определяется исключительно их интеллектуальной ценностью. Напротив, одни идеи рассматриваются в плотной привязке к тем местам, где они возникают, в то время как другие позиционируются как всеобщие и всепроникающие. Такая практика локализации или — наоборот — детерриторизации идей служит выстраиванию определенной иерархии в «географии академического знания» и складывается вовсе не стихийно. Как показал библиометрический анализ так называемых «международных» журналов в области географии человека, методологическую повестку дня и правила игры в пределах дисциплины формулируют, как правило, представители англо-американских университетов, олицетворяющие собой «западную» науку вообще, а на долю европейских ученых, не говоря уже обо всех остальных, остается формат изучения частных вопросов в жестко установленных методологических рамках¹¹.

Наконец, проблематизация не обошла стороной и карты — один из важнейших источников для историко-географических исследований, а также очень часто конечный продукт таких штудий. Начиная с середины 80-х годов прошлого века, во многом под влиянием работ Дж.Б. Харли о картографии Раннего Нового времени¹², был подвергнут кардинальному пересмотру статус карты как «объективного» научного продукта, единственной целью которого является максимально точное отображение поверхности земли, и тем самым был поставлен под сомнение взгляд на историю картографии как на поступательное движение ко все большей и большей точности карт¹³. Сейчас признано, что не существует «картографии вообще» как единого научного предприятия; есть лишь различные способы картографирования, каждый из которых является частью более широкого национального контекста, в рам-

¹¹ Gutiérrez, López-Nieva 2001.

¹² Harley 1989; Harley 1990.

¹³ Edney 1993.

как которого формируется определенный способ ментального и технологического освоения пространства¹⁴. Поэтому в современных исследованиях акцент делается не на изучении карты как продукта, а на картографировании как процессе, посредством которого знание не столько репрезентируется, сколько создается, причем создается всякий раз заново, под новую задачу. Очень показательны в этом отношении наименования ключевых тем в повестке дня на 23-й международной конференции по истории картографии (Копенгаген, 12–17 июля 2009 г.). Из 19 больших проблем, обсуждавшихся на конференции, названия 11 были сформулированы именно как «картографирование» — шла ли речь об изображении на картах того или иного участка Земли (Арктики или американских колоний), об особенностях производства карт в разные периоды времени, о специфике той или иной отрасли картографии (военной, морской, религиозной) или же о роли карт в формировании национальной идентичности. То же самое можно сказать и о формулировке тем докладов, обсуждавшихся на 24-й конференции (Москва, 10–15 июля 2011 г.)¹⁵.

Производство карт рассматривается в контексте общественных и государственных потребностей того или иного времени и места и это, конечно, принципиально изменяет отношение к интерпретации карты как таковой. За последние двадцать лет в историографии утвердилась мысль о том, что карты следует оценивать не с точки зрения их «точности», а через призму из культурно-исторической и художественной специфики. Изучение социокультурного и политического контекста, в рамках которого карты производились и использовались, привели к выводу о многофункциональности карт и — соответственно — к признанию сложного характера картографического изображения как такового. Таким образом, карта рассматривается как более или менее ангажированная концептуализация географического пространства, как культурный текст, наполненный смыслами, выходящими за рамки собственно пространственных отношений¹⁶. «Вторым текстом» карты стала признаваться ее подспудная идеологическая составляющая,

¹⁴ Kitchin, Dodge 2007.

¹⁵ См. ниже подробный отчет об этом мероприятии в разделе «Хроника».

¹⁶ Wood, Fels 2008.

которая через заказчика карты и ее пользователя оказывает влияние на смысл и назначение картографического изображения¹⁷.

В самостоятельную проблему выделилось изучение производства карт как формы политического дискурса, как одной из отраслей политики и пропаганды, как манифестации власти (военной, административной, религиозной, экономической)¹⁸. И это относится не только к картам Средних веков или Нового времени, но и к современным картам, составленным с помощью ГИС-технологий. Как показывает анализ ГИС-карт, они также ценностно ориентированны и ситуативно обусловлены, как и карты Нового времени¹⁹.

Сегодня историческая география включает в себя широкий круг проблем, касающихся практически всех пространственных аспектов развития человеческого общества и изучения исторических закономерностей в их пространственной форме — таких, как влияние природной среды на пространственное разнообразие исторического процесса, формирование и динамика территориальных различий в жизни общества, исторические изменения окружающей среды и роль в них антропогенного фактора, политические аспекты географических границ, миграции, переселения, завоевания, история коммуникаций и инфраструктуры, география населения и хозяйства, география знания, религии и вообще всего, чего угодно — от здоровья и туризма до подземного и космического пространств²⁰. В системе современного научного знания историческая география фактически развилась в самостоятельное, имеющее междисциплинарный характер, направление исследований на стыке разных наук. К современным историко-географическим исследованиям вполне применима метафора Д. Холдсуорта, сравнившего историческую географию с гигантским спрутом, щупальца которого протягиваются ко множеству смежных дисциплин.

Поэтому не случайно, что сегодня не только среди историков, но и среди географов нет общепринятого определения предмета исторической географии. Можно сказать, что историческая гео-

¹⁷ Monmonier 1996.

¹⁸ Perkins 2004; Barber, Harper 2010.

¹⁹ Gregory 2002; Crampton 2003; Gregory, Healey 2007.

²⁰ См., например, разнообразие тем докладов на последней международной конференции по исторической географии (Киото, 23–27 августа 2010 г.): Kinda et al. 2010.

графия сегодня понимается прежде всего как метод, позволяющий исследовать пространственно-историческую составляющую практически любого социокультурного процесса.

Совершенно очевидно, что при разработке проблем исторической географии всегда будет существовать некое разумное разделение труда между историками и географами уже хотя бы потому, что большинство географов, занимающихся исторической географией, ориентированы на связь своих исследований с современными проблемами и далеко в глубь хронологии идут сравнительно редко. Кроме того, географы, как правило, сами не работают с историческими источниками, в особенности с древними и средневековыми, так как извлечение из них информации требует специальных знаний, умений и навыков, а либо опираются на исследования историков в соответствующей области, либо включаются в совместные проекты (см., например, отчет о сотрудничестве античников, географов, археологов и IT-специалистов по изучению пространственных данных в «Истории» Геродота²¹). Поэтому нам меньше всего хотелось бы противопоставлять друг другу те два историко-географических дискурса, сформировавшихся в отечественной науке в рамках исторического и географического сообществ. Исторически сложившиеся различия между ними в понимании предмета и методов исторической географии не должны служить препятствием для плодотворного сотрудничества.

В сборнике «Историческая география» планируется публикация различных материалов по историко-географической проблематике без ограничений по хронологии и региону исследования: исследовательских статей и сообщений (включая публикацию источников), историографических и тематических обзоров, рецензий, научной хроники. Нашей целью является активизация историко-географических исследований в России; стимулирование дискуссий по теоретическим и методическим проблемам исторической географии; обсуждение проблем преподавания исторической географии; консолидация профессионального сообщества ученых разных специальностей, занимающихся историко-географическими исследованиями.

И.Г. Коновалова

²¹ Barker, Bouzarovski, Pelling, Isaksen 2010.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бедаш 2009 — *Бедаш Ю.* Пространство как проблема постметафизической философии // *Топос.* 2009. № 1 (21). С. 94–113.
- Бреская 2007 — *Бреская О.* Введение в пограничную теорию // *Перекрестки: Журнал исследований восточноевропейского пограничья.* 2007. № 1–2. С. 156–174.
- Верлен 2001 — *Верлен Б.* Общество, действие, пространство. Альтернативная социальная география // *Социологическое обозрение.* 2001. Т. 1. № 2. С. 26–47.
- Гладкий 2009 — *Гладкий Ю.Н.* Регион как научная категория: Реальный конструкт или «мусорный ящик»? // *Псковский регионологический журнал.* 2009. № 8. С. 3–10.
- Трубина 2011 — *Трубина Е.Г.* Поворот к пространству: Междисциплинарное движение и сложности его популяризации // *Политическая концептология.* 2011. № 4. С. 34–49.
- Agnew 1994 — *Agnew J.* The Territorial Trap: The Geographical Assumptions of International Relations Theory // *Review of International Political Economy.* Vol. 1. № 1. P. 53–80.
- Allen, Massey, Cochrane 1998 — *Allen J., Massey D., Cochrane A.* Rethinking the region. London, 1998.
- Amin 2004 — *Amin A.* Regions unbound: Towards a new politics of place // *Geografiska Annaler. Ser. B.* 2004. Vol. 86. № 1. P. 33–44.
- Barber, Harper 2010 — *Barber P., Harper T.* Magnificent Maps: Power, Propaganda and Art. London, 2010.
- Barker, Bouzarovski, Pelling, Isaksen 2010 — *Barker E., Bouzarovski S., Pelling C., Isaksen L.* Mapping an ancient historian in a digital age: the Herodotus Encoded Space-Text-Image Archive (HESTIA) // *Leeds International Classical Studies.* 2010. Vol. 9.1: http://oro.open.ac.uk/20528/1/hestia_lics2010.pdf (август, 2012).
- Brenner, Elden 2009 — *Brenner N., Elden S.* Henri Lefebvre on State, Space, Territory // *International Political Sociology.* 2009. Vol. 3. P. 353–377.
- Cox 2011 — *Cox K.L.* Dreaming of Dixie: How the South was Created in American Popular Culture. Chapel Hill, 2011.
- Crampton 2003 — *Crampton J.* The political mapping of cyberspace. Edinburgh, 2003.
- Döring, Thielmann 2008 — Spatial Turn: Das Raumparadigma in den Kultur- und Sozialwissenschaften / Hg. von J. Döring, T. Thielmann. Bielefeld, 2008.

- Edney 1993 — *Edney M.H.* Cartography without “progress”: Reinterpreting the nature and historical development of mapmaking // *Cartographica*. 1993. Vol. 30 (2-3). P. 54–68.
- Entrikin 2008 — *Regions: Critical Essays in Human Geography* / Ed. J.N. Entrikin. Aldershot, 2008.
- Fleet, Wilkes, Withers 2011 — *Fleet Ch.J., Wilkes M., Withers Ch.W.J.* Scotland: Mapping the Nation. Edinburgh, 2011.
- Gottmann 2008 — *Gottmann J.* The evolution of the concept of territory // *Politics: Critical Essays in Human Geography* / Ed. Agnew J., Mamadouh V. Aldershot, 2008.
- Gregory 2002 — *Gregory I.N.* A place in history: A guide to using GIS in historical research. Oxford, 2002.
- Gregory, Healey 2007 — *Gregory I., Healey R.* Historical GIS: Structuring, mapping and analysing geographies of the past // *Progress in Human Geography*. 2007. Vol. 31. P. 638–653.
- Gutiérrez, López-Nieva 2001 — *Gutiérrez J., López-Nieva P.* Are international journals of human geography really international? // *Progress in Human Geography*. 2001. Vol. 25. N. 1. P. 53–69.
- Harley 1989 — *Harley J.B.* Deconstructing the map // *Cartographica*. 1989. Vol. 26. N. 2. P. 1–20.
- Harley 1990 — *Harley J.B.* Cartography, Ethics and Social Theory // *Cartographica*. 1990. Vol. 27. № 2. P. 1–23.
- Harris 1991 — *Harris C.* Power, Modernity and Historical Geography // *Annals of the Association of American Geographers*. 1991. Vol. 81. No. 4. P. 671–683.
- Howarth 2007 — *Howarth D.* The Invention of Spain: Cultural Relations between Britain and Spain, 1770–1870. Manchester; New York, 2007.
- Johnson et al. 2011 — *Johnson C., Jones R., Paasi A., Amoore L., Mountz A., Salter M., Rumford Ch.* Interventions on rethinking ‘the border’ in border studies // *Political Geography*. 2011. Vol. 30. P. 61–69.
- Jones 2009 — *Jones R.* Categories, borders and boundaries // *Progress in Human Geography*. 2009. Vol. 33. № 2. P. 174–189.
- Jones 2010 — *Jones R.* The spatiality of boundaries // *Progress in Human Geography*. 2010. Vol. 34. № 2. P. 263–267.
- Kinda et al. 2010 — *Proceedings of the 14th International Conference of Historical Geographers, Kyoto 2009* / Ed. by A. Kinda, T. Komeie, S. Minamide, T. Mizoguchi, K. Uesugi. Kyoto, 2010.
- Kitchin, Dodge 2007 — *Kitchin R., Dodge M.* Rethinking maps // *Progress in Human Geography*. 2007. Vol. 32 (3). P. 331–344.

- Klein, Mackenthun 2003 — *Das Meer als Kulturelle Kontaktzone: Räume, Reisende, Repräsentationen* / Hg. von B. Klein, G. Mackenthun. Konstanz, 2003.
- Kymäläinen, Lehtinen 2010 — *Kymäläinen P., Lehtinen A.A.* Chora in current geographical thought: Places of co-design and re-membering // *Geografiska Annaler: Ser. B. Human Geography*. 2010. Vol. 92 (3). P. 251–261.
- Lefebvre 1974 — *Lefebvre A.* La production de l'espace. Paris, 1974.
- Livingstone 2003 — *Livingstone D.* Putting Science in its Place: Geographies of Scientific Knowledge. Chicago, 2003.
- Meusbürger, Livingstone, Jöns 2010 — *Geographies of Science* / Ed. by P. Meusbürger, D.N. Livingstone, H. Jöns. Heidelberg, 2010.
- Monmonier 1996 — *Monmonier M.* How to lie with maps. Chicago, 1996.
- Morrisey 2005 — *Morrisey J.* Cultural geographies of the contact zone: Gaels, Galls and overlapping territories in late medieval Ireland // *Social and Cultural Geography*. 2005. Vol. 6. № 4. P. 551–565.
- Naylor 2005 — *Naylor S.* Historical geographies of science: Places, contexts, cartographies // *British Journal for the History of Science*. 2005. Vol. 38. P. 1–12.
- Naylor 2011 — *Naylor S.* Historical geographies of provincial science // *Journal of Historical Geography*. 2011. Vol. 37. P. 390–392.
- Paasi 2002 — *Paasi A.* Place and region: regional worlds and words // *Progress in Human Geography*. 2002. Vol. 26. № 6. P. 802–811.
- Perkins 2004 — *Perkins Ch.* Cartography – cultures of mapping: power in practice // *Progress in Human Geography*. 2004. Vol. 28. № 3. P. 381–391.
- Peters 2001 — *Peters E.* Omnia permixta sunt: Where's the Border? // *The Medieval History Journal*. 2001. Vol. 4. № 1. P. 109–127.
- Power, Standen 1999 — *Frontiers in Question: Eurasian Borderlands, 700–1700* / Ed. by D. Power, N. Standen. Basingstoke, 1999.
- Schaffter, Fall, Debarbieux 2010 — *Schaffter M., Fall J.F., Debarbieux B.* Unbounded boundary studies and collapsed categories: rethinking spatial objects // *Progress in Human Geography*. 2010. Vol. 34. № 2. P. 254–262.
- Todorova 1997 — *Todorova M.* Imagining the Balkans. New York, 1997.
- Warf, Arias 2009 — *The Spatial Turn: Interdisciplinary perspectives* / Ed. by B. Warf, S. Arias. London, 2009.
- Withers 2009 — *Withers Ch.W.J.* Place and the Spatial Turn in Geography and History // *Journal of the History of Ideas*. 2009. Vol. 70. № 4. P. 637–658.
- Wolff 1994 — *Wolff L.* Inventing Eastern Europe: The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment. Stanford, 1994.
- Wood, Fels 2008 — *Wood D., Fels J.* The Natures of Maps: Cartographic Constructions of the Natural World. Chicago, 2008/9.

Т.Г. Алпаткина, О.С. Никулина

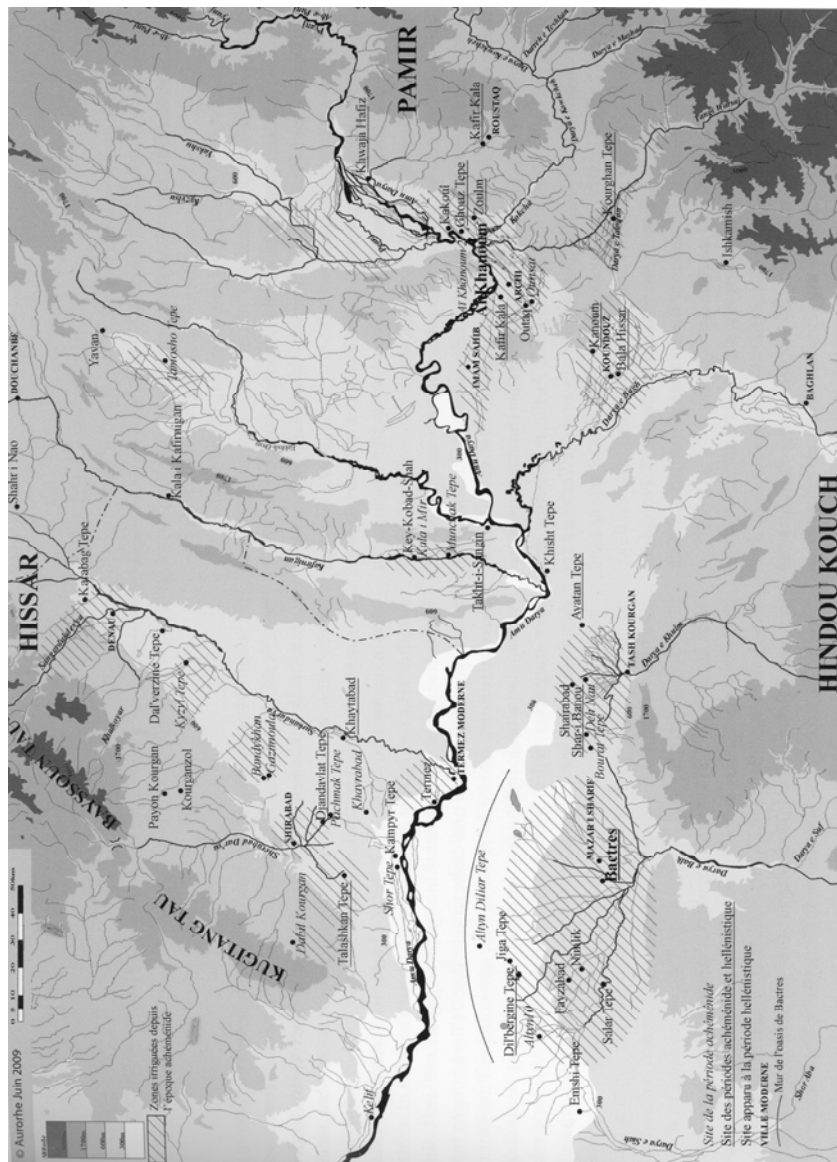
**ГОРОДИЩЕ СТАРЫЙ ТЕРМЕЗ
С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ
ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ**

**ВЗАИМОСВЯЗЬ ДВУХ ГРУПП
ИСТОРИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ**

Аннотация: Сурхандарьинский оазис на юге Узбекистана в древности был территорией Северной Бактрии. Один из крупнейших городов региона — Термез. Городище Старый Термез включает две группы исторических памятников: «Приамударьинскую» и «Присурханскую». В статье проанализированы основные этапы истории города с середины I тыс. до н. э. до XVIII в. Отмечено, что до IX–X вв. раскопками установлено существование только Приамударьинской группы. Отдельно рассмотрен вопрос о водоснабжении города. Показаны географические особенности создания ирригации в нижнем течении Сурхандарьи, при ее впадении в Амударью. Сделан вывод о первостепенном значении географических, а именно особых ландшафтных и климатических условий для возникновения поселения в Присурханской группе и проведения отсюда каналов к городу в Приамударьинской группе, без чего был невозможен дальнейший рост и экономическое развитие Термеза.

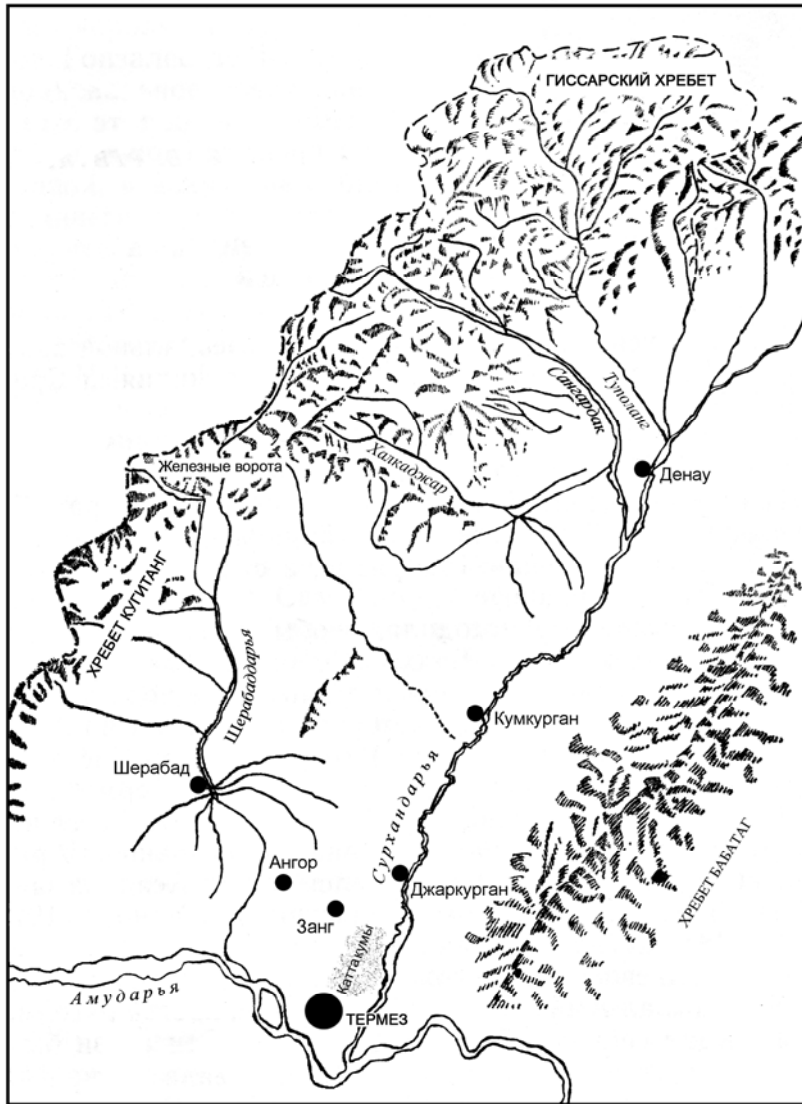
Ключевые слова: юг Узбекистана, Сурхандарьинский оазис, городище Старый Термез, важность географических факторов.

На юге Узбекистана в Древности и Средневековье располагался исторический регион, который занимал территорию современного Сурхандарьинского оазиса и носил название Северная Бактрия или Бактрия–Тохаристан, Северный Тохаристан (Илл. 1–2). Естественными границами Сурхандарьинского оазиса являются на севере и северо-западе Гиссарский хребет, на западе и востоке — хребты Кугитанг (Илл. 3) и Бабатаг, на юге — река Амударья.

Илл. 1.

Термез на карте Бактрии ахеменидского и эллинистического времени.
 Публ. по: Leriche 2009: Abb. 6.

Илл. 2.

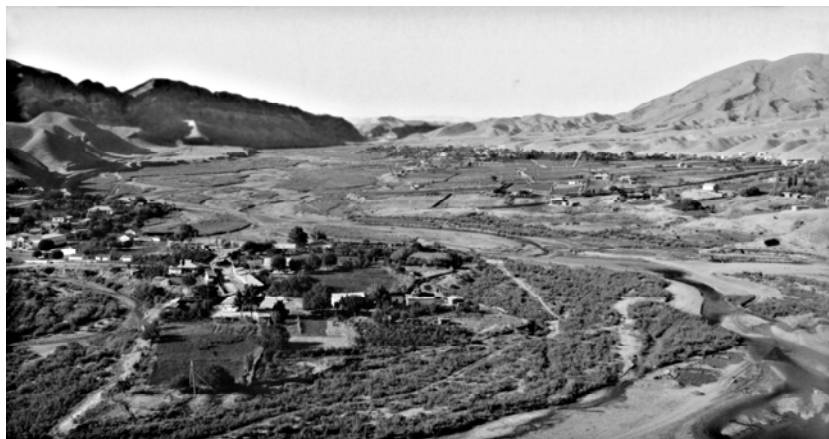
Сурхандарьинский оазис. Схема.

Публ. по: Ртвеладзе 1989: 94 (Северо-западный Тохаристан IX–XII вв.); Surhon.net (карта Сурхандарьинской обл.).

Илл. 3.
Хребет Кугитанг. Фото Т.Г. Алпаткиной. 2007 г.

Основные реки региона — Сурхандарья и Шерабаддарья. Сурхандарья, образованная слиянием русел Туполанга и Каратага, берущих начало в Гиссарском хребте, пересекает оазис с северо-востока на юго-запад и орошает его восточную часть (Илл. 4); главный приток Сангардак впадает в нее с северо-западной стороны.

Илл. 4.
Долина Сурхандарьи, вид с юга: справа хребет Кугитанг, слева хребет Бабатаг. Публ. по: Leriche 2009: Abb. 2.

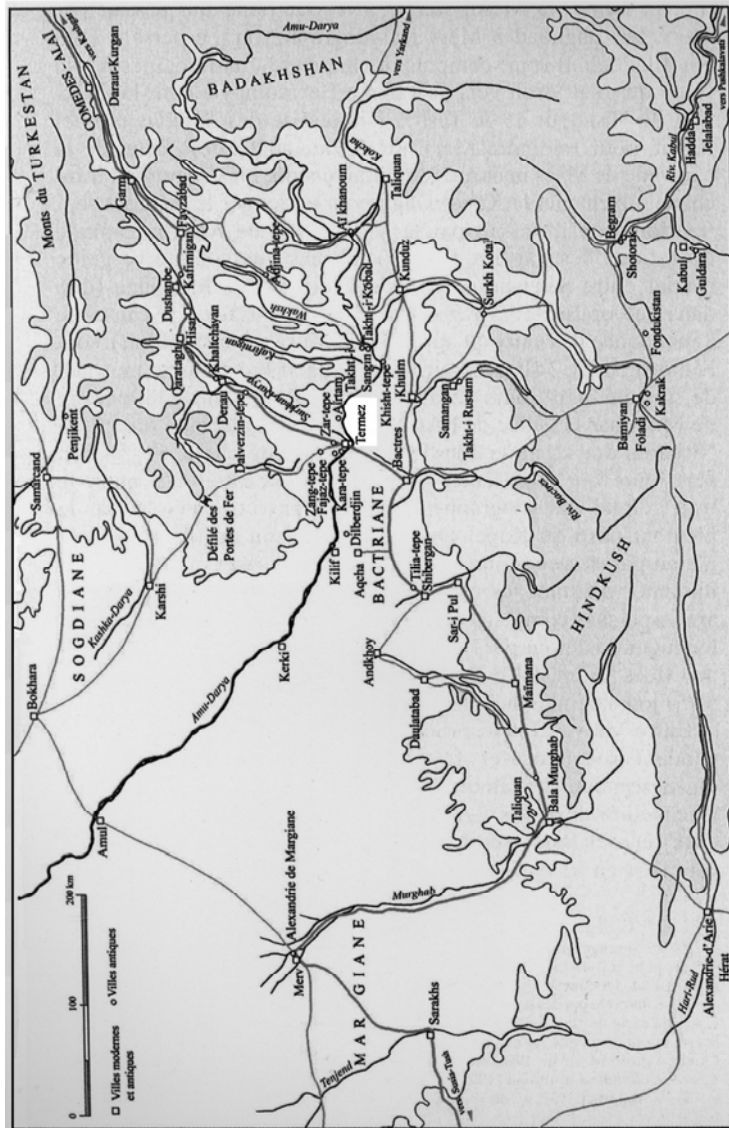
Сурхандарьинский оазис с трех сторон защищен высокими хребтами, что создает благоприятные климатические условия, оказавшие влияние на исторические процессы: исключительно плодородные земли в долинах рек способствовали довольно раннему заселению территории региона, а в дальнейшем обусловили интенсивное развитие земледелия на базе искусственного орошения, возникновение городов и сельских поселений¹. Горными проходами, долинами рек и водными артериями оазис был связан с соседними областями: Южной Бактрией (Северный Афганистан), Северо-Восточной Бактрией (долины Кафирнигана, Вахша и Пянджа), Маргианой (Мервский оазис), Южным Согдом (Кашкадарьинский оазис), Хорезмом (Приаралье). Через горный проход «Железные ворота» (ущелье Бузгалахана, Байсунский перевал) и по долине Сурхандарьи проходила трасса Великого Шелкового пути.

Исключительно удачное географическое расположение региона, по территории которого в древности и средневековье шли трассы международных торговых путей, объясняет борьбу за владение этими землями в разные исторические эпохи (Илл. 5). В период с VI–V вв. до н. э. по XVIII в. н. э. регион входил в состав крупных государственных образований: империи Ахеменидов, Селевкидского, Греко-Бактрийского и Кушанского государств, Арабского халифата, владений династий Тахиридов, Саманидов, Газневидов, Сельджукидов, Караханидов, Гуридов, Монгольской империи, Чагатаидов, Тимуридов, Шейбанидов, Джанидов и Мангитов.

Значение региона определялось, прежде всего, ролью пограничной области, прикрывавшей Бактрию с северо-запада. Одной из государственных крепостей, контролировавших переправы через Амударью, был город Термез². Две группы исторических памятников — Приамударьинская и Присурханская, получившие общее название «городище Старый Термез», расположены в среднеазиатской, правобережной части Северной Бактрии–Тохаристана у слияния Амударьи и Сурхандарьи (Илл. 6).

¹ Аршавская, Ртвеладзе, Хакимов 1982: 13.

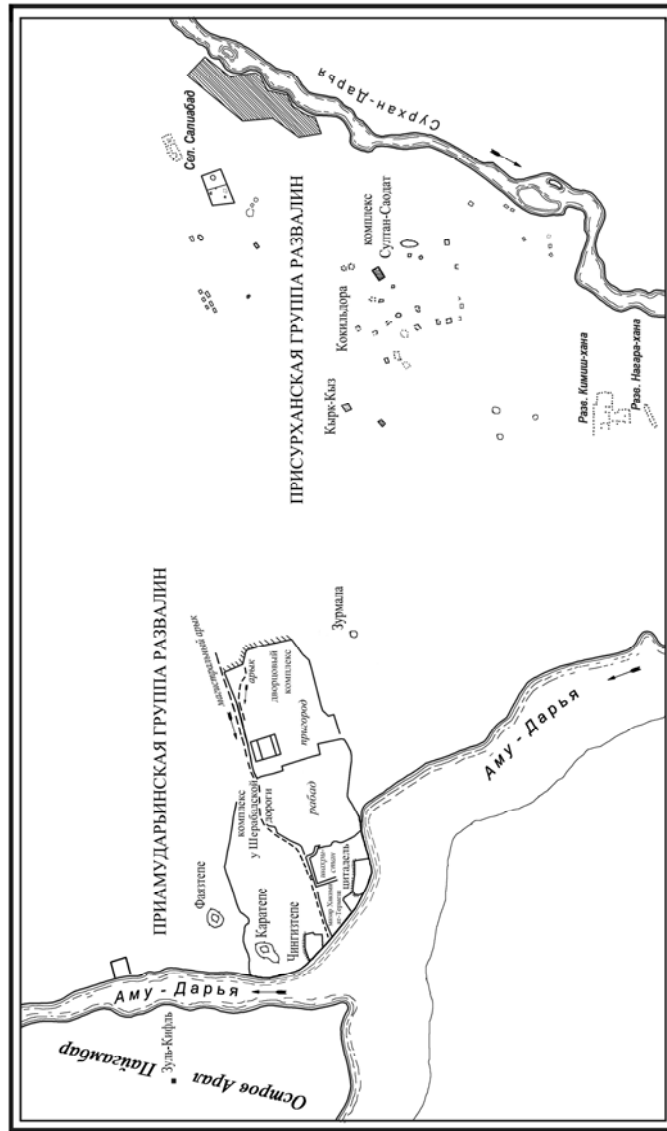
² История государственности Узбекистана 2009: 242.

Илл. 5.

Схема географического расположения Термеза.

Публ. по: Leriche 2009: S. 158, Abb. 7 (Карта дорог Бактрии из Маргианы через Согд в Индию и Китай в 100 г. н. э.).

Илл. 6.
Городище Старый Термез, общий план расположения двух групп памятников. Публ. по: Шишкин 1940: илл. 74, 75.

Физико-географические факторы, как это выявлено в разных государствах для разных эпох, играли важную роль в определении места для размещения поселений. В этом отношении исследователями сразу было отмечено выгодное положение Термеза. Так, М.Е. Массон писал: «Место для города нельзя не признать весьма удачным. Термез оказался в силу исторических причин лежащим на издавна большой дороге, соединявшей его со столицей Бактрии Балхом, а следовательно, и со всем пучком сходящихся в нем торговых путей из Индии и Ирана. Оба берега Амударьи близ Термеза были прочно связаны наличием хорошей переправы, а сама река являлась прекрасным водным путем...»³.

В.А. Шишкин, начавший исследование исторической топографии городища, отмечал, что «в треугольнике, образуемом излучиной Амударьи, расположено в сущности три разновременных Термеза... Древнейший из них занимал наиболее западное положение на самом берегу реки, в том месте, где она круто поворачивает на север. Здесь высится цитадель, остатки зданий и стен, ...получившие в своей совокупности наименование “приамударьинской группы развалин”... Вторая группа, “присурхандарьинская”, находится восточнее первой, ближе к реке Сурхан... Это остатки города, построенного в XIII–XIV вв., после разрушения древнего города монгольскими войсками...». К югу от присурхандарьинской группы развалин расположен третий Термез — современный город, сложившийся в 1890-х гг. близ русского военного укрепления у селения Патта Киссар⁴.

Первые полноценные исследования памятников Старого Термеза были проведены в 1926–28 гг. экспедицией Музея Восточных культур (в настоящее время — Государственный музей Востока) под руководством Б.П. Денике. Эти работы были расширены Термезской археологической комплексной экспедицией (далее — ТАКЭ) М.Е. Массона в 1936–1938 гг. Никоим образом не умаляя огромное значение всех последующих (начиная с 1960-х гг.) исследований, нужно все же отметить, что результаты, полученные в ходе работ первых двух экспедиций, заложили основную базу

³ Массон 1940: 87. См. также: Ширинов, Пидаев 1995: 3; Пидаев, Лериш 2001: 122–123; Stride 2007: 112.

⁴ Шишкин 1940: 124, 126.

наших сведений об историческом развитии Старого Термеза. До сих пор мы используем в работе археолого-топографический план городища, выполненный В.А. Шишкиным в 1936 г. и являющийся единственной схемой расположения двух групп памятников на территории Старого Термеза (Илл. 6). Других общих планов городища пока не создано. Существует три топографических плана Приамударьинской группы: 1928⁵ и 1936 гг.⁶ и недавно опубликованный план, включающий только часть этой территории, без пригорода X–XIII вв. (Илл. 7)⁷.

Единственной остается и работа Д.Д. Букинича по водоснабжению Старого Термеза⁸. Для нашей темы отметим действующий в рамках Бактрийской Франко-Узбекской экспедиции отряд по обследованию региона Сурхандарьи, в задачи которого входит датировка ирригационной сети и динамики плотности населения: впервые воссоздается именно историческая география региона, и к настоящему времени составлена карта памятников в верховьях Сурхандарьи⁹.

Изучение обширной научной литературы по истории Термеза показывает, что существует своеобразная традиция — описывать памятники городища поочередно, начиная с более древней Приамударьинской группы развалин и переходя к Присурханской, как правило, только при рассмотрении периода после разрушения Старого Термеза монголами в 1220 г. Исключение составляет В.А. Шишкин, который, говоря о главных этапах в развитии города, начал описание с Присурханской группы, и то лишь потому, что «вопрос о территории города начала XIII в. решается наиболее определенно»¹⁰. Между тем, эти две группы стали связаны значительно раньше, более того, как мы увидим далее, на определенном этапе своего развития первая из них не могла продолжать дальнейшее существование без возникновения второй группы, и эта связь была обусловлена в первую очередь географическими факторами.

⁵ Алпаткина 2008: илл. 26.

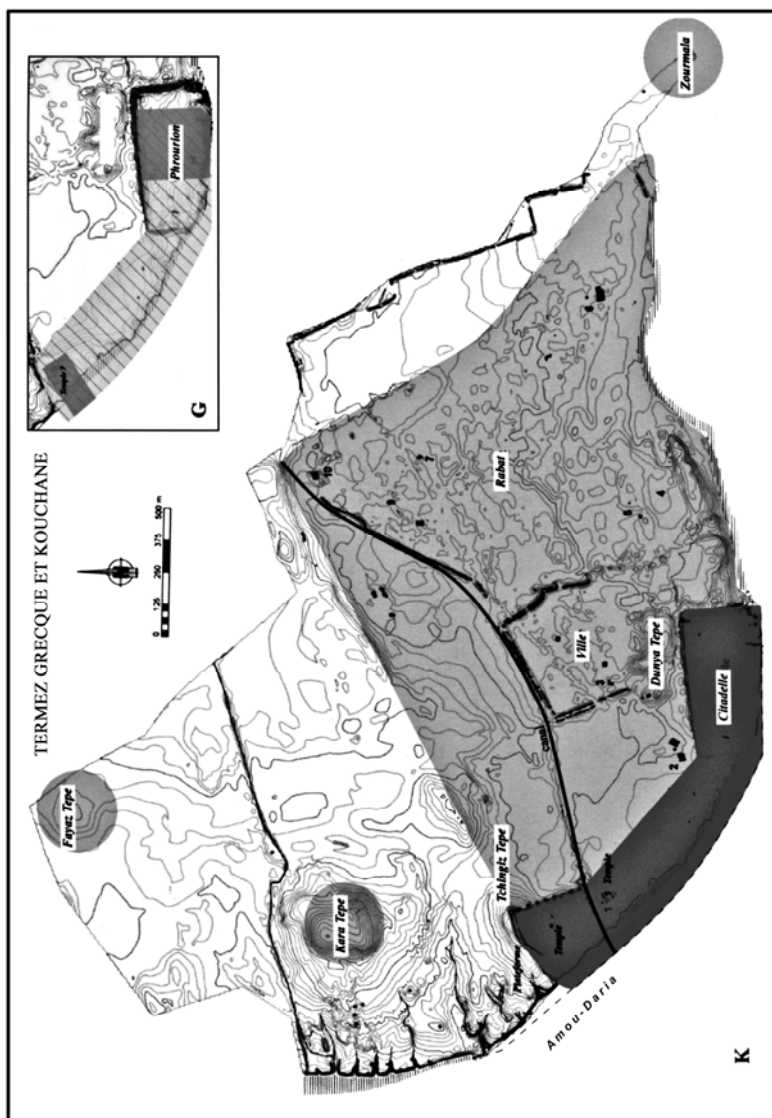
⁶ Шишкин 1940: илл. 75.

⁷ Leriche, Pidaev 2007: fig. 2; Leriche 2009: Abb. 10.

⁸ Букинич 1940: 154–158; Букинич 1945: 191–195.

⁹ Жантель, Страйд 2002: 83–89.

¹⁰ Шишкин 1940: 149.

Илл. 7.

Античный Термез: G — распространение города в греческое время; К — буддийские памятники Каратепе, Фаязтепе и Зурмала в кушанское время. Публ. по: Leriche 2009: Abb. 10.

В Приамударьинскую группу городища Старый Термез входят: цитадель (*кала*), буддийские сооружения Каратепе, Чингизтепе, Фаязтепе и Зурмала, комплекс сооружений у мазара Хакима ат-Термези, комплекс сооружений у Шерабадской дороги (так называемый Курган, а также Шерабадский минарет, мечеть Чор-Сутун, постройки Чор-Ислам и Тешик-Пештак, мавзолеей Ходжа Варух), загородный дворцовый комплекс. В эту группу включают мавзолей и мечеть Зуль-Кифль, которые находятся на острове Арал-Пайгамбар на Амударье напротив городища. В Присурханскую группу входят: Кырк-Кыз, Кокильдора и комплекс мавзолеев Султан-Саодат.

Приамударьинская группа занимает площадь около 1000 га¹¹. Площадь Присурханской группы никогда и никем не определялась даже приблизительно. Возможно, поэтому и расстояние между этими группами исследователи указывают различное: «верстах в пяти», «в двух милях»¹²; «восточнее, на несколько верст вверх»¹³; «в 7–8 км восточнее»¹⁴; «на расстоянии один от другого [города] более 10 *ли* (около 5 км)», «в двух милях (т.е. в расстоянии около 4 км)»¹⁵. Первая группа изучена более тщательно уже в силу того, что здесь сохранилось значительное число памятников, позволяющих составить представление об истории Термеза с середины I тыс. до н. э. по XVIII в. Для второй группы археологические материалы дают датировки лишь начиная с IX–X вв. То есть для полутора тысяч лет — от середины I тыс. до н. э. по IX в. н. э. — раскопками установлено существование города только в Приамударьинской группе. По итогам 85-летних (с перерывами) археологических и историкотопографических работ складывается следующая картина возникновения и развития памятников городища Старый Термез.

При выборе территории для строительства первых поселений в полной мере были учтены выгодные географические условия местности. В 1933 г. в ходе работ экспедиции Узбекстанского комитета по изучению памятников старины и искусства под руководством М.Е. Массона было определено, что для разбивки собст-

¹¹ Массон 1940: 102; Шишкин 1940: 124.

¹² Денике 1927: 13, 17.

¹³ Засыпкин 1928: 17.

¹⁴ Шишкин 1940: 126.

¹⁵ Массон 1940: 9-10.

венно города наиболее пригодными являются возвышенные платформы выходов третичного песчаника и плотного мергеля: два холма естественного происхождения — холм будущей цитадели на берегу Амударьи и расположенный к северу от него холм Дуния-тепе¹⁶ (Илл. 7).

Судя по археологическим и нумизматическим данным, первоначальное поселение возникает на холме цитадели в III–II вв. до н. э., в греко-бактрийское время¹⁷ (Илл. 7). Вместе с тем, не так давно появилось мнение, что древнейшее ядро города находилось в восточной половине цитадели, вокруг которой в середине I тыс. до н. э. он и был основан, и что в греко-бактрийский период Термез уже сложился как крупный городской центр, занимая всю территорию цитадели и участок, прилегавший к ней с северо-запада, включая, возможно, холм Чингизтепе.

Расцвет города приходится на кушанский период, когда обжитая территория разрастается до 350 га. Особенно плотно застраивалась цитадель¹⁸. С этим периодом связано сооружение вокруг города мощной оборонительной системы. Причем имела развитая фортификация и со стороны Амударьи: с южной стороны цитадели находятся так называемая «набережная» и «гавань». Все это сооружение с востока и запада было защищено мощными стенами, что указывает на существование здесь речной пристани¹⁹.

В кушанский период Термез становится крупным центром буддизма в Средней Азии. В северо-западном углу городища на трехглавом холме — естественной возвышенности, сложенной тем же песчаником, что и холм цитадели, возникает буддийский культовый центр Каратепе (Илл. 8). Сразу же за городской стеной располагается другой храмово-монастырский комплекс — Фаязтепе (Илл. 9).

¹⁶ Массон 1940:32, 86, 88; Шишкин 1940:135–136.

¹⁷ Денике 1927: 14; Жуков 1940: 95; Шишкин 1940: 129; Козловский, Некрасова 1976: 30, 38; Пидаев 1989: 43, 49.

¹⁸ Шишкин 1940:129; Жуков 1940: 92; Козловский, Некрасова 1976: 30–38; Пидаев 1989: 46; Пидаев, Лериш 2002: 134–136; Пидаев, Лериш, Папахристу 2001: 107.

¹⁹ Денике 1927: 14; Шишкин В.А. 1940: 126, 131–132; Пидаев, Лериш 2001: 123; Пидаев, Лериш, Папахристу 2001: 110.

Илл. 8.
Городище Старый Термез.
Приамударьинская группа памятников. Буддийский культовый
центр Каратепе. Публ. по: Mkrtyshew 2009: S. 213, Abb. 2.

Илл. 9.
Городище Старый Термез. Приамударьинская группа памятников.
Буддийский храмово-монастырский комплекс Фаязтепе.
Публ. по: Mkrtyshew 2009: S. 212, Abb. 1.

Оба памятника датируются концом I в. до н. э. – III в. н. э.²⁰ Причем Фаязтепе, согласно последним исследованиям, в конце IV в. был заново отстроен и существовал до первой половины V в., а в 90-х гг. VII в. монастырь был окончательно заброшен²¹.

К востоку от внешней стены города находится монументальная ступа II–IV вв. — Зурмала²².

У северо-западного угла цитадели располагаются два холма — Большой и Малый Чингизтепа. Первый из них в 1920–30-х гг. был определен как буддийский монастырь, интенсивное обживание которого приходится на кушанский период²³. Современные исследования позволяют предполагать, что это сильно укрепленный форт греко-бактрийского времени, в кушанский период приспособленный под буддийский храм²⁴. На Малом Чингизтепе открыто храмовое буддийское здание кушанского времени²⁵.

В V–VI вв. происходит сокращение заселенной площади в пределах всего города²⁶, наблюдается упадок жизни на цитадели²⁷, практически повсеместно отсутствует керамика²⁸. «По-видимому, на протяжении этого времени процесс дальнейшего развития города претерпевал какой-то кризис»²⁹. Этот кризис отмечен и на примере отдельных форм керамики, появившихся в конце III в. н. э. и полностью исчезнувших к началу VI в.³⁰

В VII в., к моменту завоевания Термеза арабами, кризис был уже на исходе, это выразилось, в частности, в том, что город был обнесен новой мощной оборонительной стеной³¹. Китайский буддист-паломник Сюань-цзан, побывавший в странах Центральной

²⁰ Альбаум 1976: 43; Козловский, Некрасова 1976: 38; Ставиский 1998: 18, 23, 25, 41, 155, илл. 1, 1–4; Пидаев, Като Кюдзо 2001: 114–118; Консервация и реставрация руин Фаязтепе 2006: 8–18; Аннаевы, Горин 2010: 67–72.

²¹ Аннаевы 2010: 64–65.

²² Стрелков 1927: 28, 30; Ставиский 1998: 13–14, 152.

²³ Стрелков 1928: 41, илл. 22–24; Пиотровский 1940: 159, 166–167.

²⁴ Пидаев, Лериш, Папахристу 2001: 113; Пидаев, Лериш 2002: 136.

²⁵ Пидаев, Лериш 2002: 138–139.

²⁶ Пидаев, Лериш 2001: 124.

²⁷ Жуков 1940: 96; Козловский, Некрасова 1976: 38.

²⁸ Шишкин 1940: 148.

²⁹ Массон 1940: 91–92.

³⁰ Пидаев 1989: 48, 50–51.

³¹ Шишкин 1940: 150; Пидаев, Лериш 2001: 124.

Азии в 629–645 гг. и оставивший «Записки о западных странах, [составленные в правление] великой династии Тан», посетил Термез, который описал как город, где было около 10 монастырей и около 1000 монахов³². Историческую подоснову эти сведения получили после раскопок жилого района в шахристане, где под постройками IX–X вв. были обнаружены остатки буддийской ступы. Упомянутые Сюань-цзяном буддийские сооружения Термеза, по всей вероятности, находились именно здесь³³.

В конце VII в. Термез был завоеван арабами, но уже с начала VIII в. город постепенно восстанавливается, здесь строятся мечети, развивается ремесленное производство³⁴. В IX в. у северо-западного угла цитадели строится мазар, где был погребен ученый-суфий Абу Абдаллах Мухаммад ат-Термези (ум. 869 г.)³⁵. В IX–X вв. «меняется не только величина города и его положение, но и самый внешний его облик, характер застройки... Преобладающее экономическое значение переходит к новым частям города, где сосредотачиваются крупные здания, базары и ремесленно-производственные кварталы»³⁶. Описания арабских географов сообщают о Термезе X в., что это был ремесленно-торговый город-пристань; он состоял из цитадели-кухендиза, где находился дворец правителя, собственно города-шахристана и пригорода-рабада (Илл. 6)³⁷. Раскопками установлено, что начиная с этого времени город занимает территорию цитадели и прилегающий участок, к востоку от него появляются шахристан, ремесленно-производственный рабад, позднее — большой пригород³⁸.

В XI–XII вв. Термез в своем развитии поднялся на качественно новый уровень, а к началу XIII в., накануне монгольского завоевания, достиг своего наибольшего роста. В значительной мере, вероятно, этот расцвет был обязан наличию в городе цитадели, ох-

³² Александрова 2008: 17–18, 160.

³³ Пидаев, Лериш 2002: 139–142, илл. 2; Leriche, Pidaev 2007: 190–193, fig. 8; Пидаев, Баратова 2010: 82.

³⁴ Ширинов, Пидаев 1995: 4–5; Termez 2001: 19.

³⁵ Денике 1927: 14; Засыпкин 1928: 22–24, илл. 11, 14; Массон 1940: 56–58; Пидаев, Лериш 2001: 142.

³⁶ Шишкин 1940: 151–152.

³⁷ Массон 1940: 8–9, 92; Шишкин 1940: 150–151.

³⁸ Шишкин 1940: 150–151; Массон 1940: 92–95; Пидаев, Рахманов 1995: 28; Termez 2001: 19–21; Пидаев, Баратова 2010: 82–83.

ранявшей одну из важнейших переправ через Амударью. Раскопки показывают, что на этот период приходится последнее интенсивное обживание цитадели и что в городе последний раз производились большие строительные работы, связанные главным образом с укреплением фортификации шахристана и рабада³⁹. Была исследована планировка рабада; открыты большие районы ремесленных производств: кварталы металлистов⁴⁰ и гончаров⁴¹.

На территории окруженной стеной пригорода Термеза (Илл. 6), ближе к его юго-восточному углу, находится большая группа развалин — комплекс дворцовых сооружений, вокруг которого была возведена отдельная стена и который включает дворец XI–XII вв., здание, условно названное «Малый Кырк-Кыз» и предположительно отнесенное к VII–VIII вв., а также несколько хозяйственных построек⁴². Южнее стены, окружавшей пригород, по направлению к башне Зурмала, находился район древних кирпичных заводов⁴³. В целом эта территория была слабо застроена и, по-видимому, являлась пригородной местностью, занятой садами и, может быть, загородными домами состоятельных жителей Термеза⁴⁴.

Позднее других в черту города к началу XIII в. был включен участок в северной части рабада, там, где на территорию Приамударьинской группы входит современная, но известная с древности дорога Термез-Шерабад. Это архитектурный комплекс у Шерабадской дороги, основные памятники которого — Курган, мечеть Чор-Сутун с минаретом и Чор-Ислам.

Первоначальная постройка на месте позднего здания VI–VII вв., так называемого Кургана (Илл. 10, слева), датируется кушанским периодом⁴⁵. Его назначение вызвало много противоречивых мнений: ханака (странноприимный дом), зиндан, медресе, за-

³⁹ Шишкин 1940: 133, 149–150, илл. 77–79; 1940: 97; Козловский, Некрасова 1976: 38; Пидаев, Лериш 2001: 124; Пидаев, Лериш, Папахристу 2001: 109.

⁴⁰ Массон 1940: 99; Князев 1945: 165, 167–168, 172–174; Пидаев, Лериш, Папахристу 2001: 110–111.

⁴¹ Шишкин 1940: 144–145.

⁴² Алпаткина 2008.

⁴³ Шишкин 1940: 144–145; Массон 1940: 100.

⁴⁴ Шишкин 1940: 147.

⁴⁵ Шишкин 1945: 115, 128–130, илл. 26–28; Козловский, Шейко 1989: 53–57.

мок-кешк⁴⁶. Один из этапов функционирования Кургана связан с возведенной рядом с ним в IX–X вв. мечетью Чор-Сутун⁴⁷. В этот период он выполняет роль общежития для паломников. В 1032 г. в этот комплекс вливается минарет — самый ранний из известных раннесредневековых минаретов Северной Бактрии (Илл. 10, справа)⁴⁸.

Илл. 10.

Городище Старый Термез. Приамударьинская группа памятников. Комплекс у Шерабадской дороги: уничтоженный в 1930-х гг. минарет и здание так называемого Кургана. Фотоархив экспедиции МВК. 1926 г.

К юго-востоку от мечети Чор-Сутун располагались развалины крупной постройки, именуемой Чор-Ислам, которая в XIV–XVII вв., вероятно, использовалась как «гостиница» для паломников, направляющихся на поклонение к мазару Хакима ат-Термези⁴⁹.

⁴⁶ Засыпкин 1928: 18–19, илл. 8; Шишкин 1945: 129; Козловский, Шейко 1989: 59.

⁴⁷ Шишкин 1945: 105–106.

⁴⁸ Денике 1927: 16; Засыпкин 1928: 19–20, илл. 9–10; Массон 1940: 58–61.

⁴⁹ Козловский, Шейко 1989: 59–60.

В 1220 г. Термез был взят Чингизханом и оставлен жителями. Были частично разрушены все городские укрепления, в том числе цитадель; город быстро пришел в упадок⁵⁰. Судя по археологическим материалам, в XIV–XV вв. он совершенно опустел, за исключением отдельных частей. В начале XV в. была вновь отстроена (вернее, капитально отремонтирована и достроена) цитадель; данные раскопок указывают на ее функционирование в качестве военной (пограничной) крепости до конца XVII в.⁵¹ Небольшие поселения существовали у мазара Хакима ат-Термези и у Шерабадского минарета. Мазару Хакима ат-Термези при Тимуре и Тимуридах вообще придавалось большое значение, о чем свидетельствует целый ряд ремонтов и перестроек⁵². Тимур неоднократно посещал Термез в 1399, 1404 гг., в том числе с целью поклонения местным святыням⁵³. Возможно, одновременно с мазаром Хакима ат-Термези была приведена в порядок мечеть Чор-Сутун: по археологическим данным устанавливается, что она функционировала в XV–XVI вв.⁵⁴ Как «гостиница» для паломников в XIV–XV вв. использовалось здание Кургана⁵⁵. Помимо этого, в приамударьинских развалинах в XV–XVII вв. под жильем использовались участки в северной части рабада и на территории пригорода⁵⁶.

После разрушения в 1220 г. приамударьинского города быстро растет город в Присурханской группе (Илл. 6). Уже в тридцатых годах XIV в., по сообщению арабского путешественника Ибн Батутты, это был большой, хорошо отстроенный город. Испанский посол при дворе Тимура, Клавихо, посетивший «новый» Термез в 1404 г., также описывает его как очень большой и населенный город, в котором было много садов и воды⁵⁷.

⁵⁰ Денике 1927: 13; Засыпкин 1928: 17; Массон 1940: 101.

⁵¹ Шишкин 1940: 129, 132; Массон 1940: 102; Пидаев 1989: 46; Пидаев, Лериш 2002: 134–136; Пидаев, Лериш, Папахристу 2001: 107; Leriche, Pidaev 2007: 182.

⁵² Шишкин 1940: 149, 151–152; Аршавская, Ртвеладзе, Хакимов 1982: 62.

⁵³ Йазди Шараф ад-Дин Али 2008: 250, 333.

⁵⁴ Шишкин 1945: 130–131; Жуков 1940: 92.

⁵⁵ Козловский, Шейко 1989: 60.

⁵⁶ Массон 1940: 102.

⁵⁷ Денике 1927: 13; Шишкин 1940: 124, 126; Некрасова, Филимонов 1989: 91–92.

Первые исследователи отмечали, что «обширность территории, отсутствие дорог, многочисленные широкие арыки и сплошные, с каждым годом расширяющиеся хлопковые плантации чрезвычайно осложняют систематическое исследование этих руин» и что памятники «обречены на постепенное разрушение»⁵⁸. В полном соответствии с этим предупреждением, в 1920-е гг. здесь было «много руин сырцовых купольных зданий, типа мавзолеев»⁵⁹, в 1930-е гг. обследовано 17 из них⁶⁰, к 1980-м гг. сохранилось лишь «около десятка сырцовых развалин»⁶¹, а в настоящее время осталась только одна сырцовая постройка — Кырк-Кыз и два культовых сооружения — Кокильдора и Султан-Саодат.

Кырк-Кыз — уникальный памятник сырцовой архитектуры (Илл. 11). Мнения исследователей в определении назначения этого сооружения расходятся: большой дворец или замок, ханака или караван-сарай, загородная феодальная усадьба⁶². Датировка здания также вызвала много споров⁶³. Исследованиями 1979–1980 гг. доказано, что его возведение не может быть датировано ранее XIV в.⁶⁴.

Здание Кокильдора Б.Н. Засыпкин датировал второй половиной XV в.; вероятнее всего, это монументальное здание культового назначения⁶⁵.

Ансамбль Султан-Саодат — место захоронения термезских Сейидов (Илл. 12); этот архитектурный комплекс слагался с X–XII до XVII в.⁶⁶.

⁵⁸ Засыпкин 1928: 28.

⁵⁹ Засыпкин 1928: 28. См. также: Денике 1927: 18, илл. 7.

⁶⁰ Массон 1940: 8. Эти материалы в печати так и не появились. Были опубликованы только результаты обследования построек Приамударьинской группы: Бачинский 1945: 196–226.

⁶¹ Некрасова, Филимонов 1989: 91–92.

⁶² Згура 1928: 19–20; Некрасова 2001: 115.

⁶³ Денике 1927: 17; Массон 1940: 66; Аршавская, Ртвеладзе, Хакимов 1982: 88–89.

⁶⁴ Некрасова 2001: 114–121.

⁶⁵ Массон 1940: 29.

⁶⁶ Засыпкин 1928: 33; Аршавская, Ртвеладзе, Хакимов 1982: 91–98; Некрасова, Филимонов 1989: 91–92.

Илл. 11.
Городище Старый Термез. Присурханская группа памятников. Кырк-Кыз.
Фотоархив экспедиции МВК. 1926 г.

Илл. 12.
Городище Старый Термез. Присурханская группа памятников.
Комплекс мавзолеев Султан-Саодат. Фотоархив экспедиции
МВК. 1926 г.

В XVII – начале XVIII в. в Термезе различали «великую крепость» (цитадель Приамударьинского городища) и город возле Сурхандарьи, где проживала основная масса жителей. К 70-м гг. XVIII в. в результате постоянных междоусобных войн Термез опустел⁶⁷.

Как видим, из сохранившихся памятников Присурханской группы самыми ранними являются постройки X в. н. э. в комплексе Султан-Саодат⁶⁸. Однако поселения на этой территории должны были возникнуть значительно раньше, поскольку, как это было установлено в ходе исследований города в Приамударьинской группе, Сурхандарья всегда служила главным источником городского водоснабжения⁶⁹, а значит, нужна была организация переброски воды к приамударьинскому Термезу и постоянное наблюдение за состоянием ирригационных систем, выведенных из Сурхана.

Древний Термез, расположенный на 12 км ниже впадения Сурхандарьи в Амударью, мог орошаться только водой из Сурхана. Это объясняется, в первую очередь, физико-географическими особенностями — уклон реки, в отличие от Амударьи, позволял создавать ирригационные системы разной сложности и протяженностью до сотен километров. Главным источником водоснабжения приамударьинского Термеза служили два выведенных из Сурхандарьи арыка. Первый из них, магистральный, входил в город в северо-восточном углу территории пригорода IX–XIII вв., проходил вдоль северной стены рабада и шахристана и сбрасывал воду в Амударью у Чингизтепе; собственно говоря, весь город протянулся вдоль этого магистрального арыка (Илл. 6). Второй арык входил на территорию пригорода несколько южнее первого и, судя по топоплану В.А. Шишкина, сливался с ним. В ходе работ первых экспедиций сразу было отмечено, что после разрушения в 1220 г. город переместился дальше от берегов Амударьи, по направлению к востоку, вверх по арыкам, вытекавшим из Сурхана⁷⁰.

Начиная с какого же времени могли быть проложены каналы-арыки от Сурхандарьи к приамударьинскому Термезу? Самый

⁶⁷ Массон 1940: 11.

⁶⁸ Аршавская, Ртвеладзе, Хакимов 1982: 91–98.

⁶⁹ Шишкин 1940: 124; Массон 1940: 18–19.

⁷⁰ Засыпкин 1928: 28. См. также: Шишкин 1940: 135, 147–149, 151–153; Пиотровский 1940: 167.

ранний период, для которого известно наличие сурханских каналов, — VII в. Раскопками установлено, что в период арабского завоевания на большом канале, снабжавшем город водой из Сурхана, находился целый ряд крупных и мелких зданий и что большое число обжитых пунктов, также со следами крупных сооружений, прослеживается дальше — к северо-востоку от Термеза, вдоль русла магистрального арыка⁷¹.

Более ранние сведения о водоснабжении Приамударьинского городища предоставили раскопки кушанского Фаязтепе. Здесь в одном из помещений хозяйственного комплекса были найдены водопроводные трубы, направленные на юг от памятника, к району за городской стеной, где в I–III вв. работали гончары. Для бесперебойной работы большого района керамистов требовалось много воды. На вопрос, откуда сюда подавалась вода, попытались ответить Л.И. Альбаум и В.А. Козловский. На основании собственных раскопок они предположили, что стена, окружавшая Термез в кушанский период, это не крепостная стена города, а сложное ирригационное сооружение, снабжавшее водой территорию от Каратепе до башни Зурмала, и что это ирригационное сооружение появилось «в I–II вв. н. э., а, возможно, и раньше». Л.И. Альбаум пишет: «Первоначально был возведен мощный вал, сравнявший все неровности рельефа местности. Общий наклон вала шел от Каратепе. На нем сооружен небольшой канал... По мере удаления от Каратепе канал суживался, т.к. часть воды расходовалась в верхней части. Постоянные ветры, дующие с южной и юго-западной стороны, разрушали южную внутреннюю сторону канала, поэтому к ней была приставлена вторая подпорная стена... Не исключено, что воду из Амударьи поднимали наверх при помощи чигирной системы, приводимой в движение животными. При раскопках синхронного храма в Сурх-Котале (Афганистан), расположенного на 70-метровой возвышенности, была обнаружена надпись, повествующая о том, что для снабжения храмов водой был сооружен колодец, выложенный камнем, а над ним «устроен подъемник для воды... благодаря этому колодцу и благодаря этому подъемнику весь акрополь стал процветающим»⁷².

⁷¹ Шишкин 1940: 150; Массон 1940: 91.

⁷² Альбаум 1976: 45.

Предположения Л.И. Альбаума и В.А. Козловского о снабжении кушанского Термеза водой из Амударьи никогда и никем не опровергались. И если отталкиваться от них, то работы по проведению каналов из Сурхандарьи должны были начаться по окончании кризиса, отмеченного для Термеза в V–VI вв. В 30-х гг. VII в. Сюань-цзан описывает Термез как вытянутый с востока на запад город, а он, как говорилось выше, был «вытянут» именно вдоль русла магистрального канала. Начиная с IX в. археологически отмечено интенсивное развитие города, который передвигается вверх по орошавшим его каналам-арыкам⁷³. Отметим, что анализ подъемного материала, собранного в районе Присурханской группы, показал, что там явно преобладает керамика ранее V–VI вв., «остальные же эпохи, начиная с IX века, представлены примерно равномерно»⁷⁴. В середине X в. арабский географ ал-Истахри сообщал, что в Термезе «для питья служит вода Джейхуна (Амударьи) и реки, текущей со стороны Саганиана (Сурхандарьи); пашни орошаются не водой Джейхуна, а только водой саганианской реки»⁷⁵.

Таким образом, если до III–IV вв. Термезу было достаточно водоснабжения из Амударьи, то по окончании кризиса V–VI вв. городу для дальнейшего экономического развития, неизбежно связанного с территориальным ростом, была нужна другая система водоснабжения. Обеспечить возросшие потребности населения в воде для питья и особенно орошения, а также появившиеся многочисленные ремесленные кварталы — в воде для технических нужд могло только проведение каналов из Сурхандарьи.

Маршрутная съемка 1936 г. выявила, что от Присурханской группы к Приамударьинским развалинам идут следы двух древних каналов в виде мощных двойных валов⁷⁶. На землях комплекса Султан-Саодат в 1930-е гг. еще существовал арык Салават⁷⁷. К сожалению, тогда же этот участок был перекопан при экскаваторных работах по устройству современного Термезского канала, прове-

⁷³ Шишкин 1940: 151–152.

⁷⁴ Букинич 1940: 158.

⁷⁵ Цит. по: Денике 1927: 13.

⁷⁶ Букинич 1945: 191–192, 194. См. также: 1940: 147; Зеймаль, Ртвеладзе 1999: 133.

⁷⁷ Массон 1940: 21.

денного практически по руслу древнего, а к настоящему времени эта территория окончательно занята хлопковыми полями и застроена, и проведение археологических исследований здесь уже невозможно.

В каком месте были выведены из Сурхандарьи эти каналы — вопрос достаточно сложный, в первую очередь, по причине совершенно особых, по сравнению с другими районами Сурхандарьинского оазиса, климата и ландшафта в своеобразном «треугольнике» между Амударьей и Сурхандарьей в ее нижнем течении (Илл. 2). Отмечено, что в этом районе господствующие ветры дуют в сторону реки и создают такие условия, когда сыпучие барханы Каттакумов непрерывно надвигаются на реку. Как отметил Д.Д. Букинич, руководитель отряда ТАКЭ, в 1936–38 гг. проводившего специальное изучение вопросов ирригации и водоснабжения городища Старый Термез, пески «уже похоронили в древности значительную площадь орошаемых земель»⁷⁸. Кроме того, полоса песков Каттакумы играла роль колоссальной губки для находившихся именно здесь холостых частей выведенных из Сурхандарьи каналов (в частности, холостая часть Древнетермезского канала могла составлять около 10 км)⁷⁹.

Еще одним характерным фактором на правобережье Сурхандарьи, в ее нижнем течении, является подвижность русла реки и разрушение верхней террасы, на которой расположены орошаемые земли. Если динамическая ось главного потока в реке по каким-то причинам перемещалась, то для направления потока в желательную сторону требовались колоссальные усилия. Здесь присутствует и такой фактор, как сильное заиливание поймы: режим наносов характерен для Сурхана тем, что они находятся во взмученном состоянии и при попадании воды из реки в канал быстро отлагаются в головной части канала⁸⁰. Все это вместе взятое создает чрезвычайно трудные условия для борьбы с заиливанием каналов. Последнее актуально и для термезских каналов, имеющих к тому же сравнительно малый уклон. Борьба с заиливанием сложна даже для современной техники, в древности же проводить очистку ка-

⁷⁸ Букинич 1940: 156; Букинич 1945: 193–194.

⁷⁹ Букинич 1945: 192, 194.

⁸⁰ Букинич 1940: 155–156; Букинич 1945: 194.

налов протяженностью в десятки километров с помощью отстойников было не под силу — следов от них нигде и не было найдено. «Заилившиеся каналы в эту эпоху попросту бросали и прокапывали новые»⁸¹.

Кроме того, исследованиями установлено, что в древности происходило некоторое понижение базиса эрозии для рек Аральского бассейна. По мнению Д.Д. Букинича, это понижение не могло не отразиться, хотя бы в небольших размерах, и на Сурхандарье, связанной с главной магистралью Аральского бассейна — Амударьей. На обрывах одной из речных террас наблюдается некоторое заглубление, которое и явилось причиной того, что во время существования приамударьинского Термеза «было легче подавать к нему воду из ближайших к Сурхану пунктов вследствие более высоких горизонтов в реке, не говоря уже о ее большей многоводности. С понижением же горизонтов заборные сооружения приходилось располагать все выше и выше по реке»⁸².

Обусловленный своеобразными ландшафтно-климатическими условиями режим Сурхандарьи в нижнем ее течении заставлял древних ирригаторов закладывать головы оросительных каналов возможно дальше вверх по течению, в более или менее фиксированных участках реки, для того, чтобы получить большие уклоны для создания незаиляемых скоростей⁸³. Площадь древнего орошения по Сурхандарье можно разделить на три не связанные между собою участка: верхний — Туполангский, средний — Кум-Курганский и нижний — Джаркурганский. Д.Д. Букинич указывал на наличие древнего канала, выведенного из Сурхандарьи в районе Джаркургана и имеющего длину около 50 км; этот канал доходил до кишлака Занг, где в своей концевой части делился на несколько магистралей. В песках Каттакумы в 1930-е гг. прослеживалась отдельная ветка от Джаркурган-Зангской системы по направлению к современному Термезу⁸⁴. Кроме этого, по результатам осмотра древних акведуков в верхней части Сурхандарьи было высказано предположение о том, что «в древности существовал большой

⁸¹ Букинич 1940: 155.

⁸² Букинич 1940: 157–158.

⁸³ Букинич 1945: 194.

⁸⁴ Букинич 1940: 154.

оросительный канал, бравший начало из Сангардакдарьи, по которому вода могла доходить и до Древнего Термеза»⁸⁵.

Примечателен вывод, сделанный Д.Д. Букиничем по результатам своих исследований: «Не в развитии земледелия заключалась историческая роль Древнего Термеза: это был не более как форпост на пути завоеваний, и как таковой он нуждался, скорее всего, в водоснабжении, нежели в солидной ирригационной сети»⁸⁶.

На головных участках оросительных каналов возникали специальные поселения для их охраны⁸⁷. Ценность выведенной из Сурхана воды, увеличенная к тому же сложностью ландшафтно-климатических условий, и вытекающая отсюда необходимость постоянного поддержания каналов в должном состоянии в нижнем течении реки, неизбежно должны были привести к появлению поселения и в том месте, где Древнетермезский канал на выходе из каттакумских песков поворачивал к приамударьинскому городу, то есть на территории Присурханской группы развалин Старого Термеза. Время возникновения здесь поселения — вопрос открытый. Определение Д.Д. Букиничем собранного в этом районе керамического материала временем «ранее V–VI вв.»⁸⁸ можно трактовать по-разному — и как кушанский, и как греко-бактрийский период. В 1969 – начале 1970-х гг. отряд Узбекстанской искусствоведческой экспедиции проводил археологическое обследование Сурхандарьинской области, в ходе которого на территории от Присурханской группы Старого Термеза вверх по правому берегу Сурхандарьи до Джаркурмана был собран нумизматический материал и выявлены несколько памятников, которые датируются начиная с античного и кушанского времени⁸⁹. Это показывает, что поселение в Присурханской группе могло возникнуть одновременно с приамударьинским городом; сурханская вода использовалась сначала только для собственных нужд, начиная же с VII в. каналы протягиваются до приамударьинского Термеза.

⁸⁵ Букинич 1945: 192.

⁸⁶ Букинич 1945: 194.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Букинич 1940: 158.

⁸⁹ Ртвеладзе 1974: 74, 79, 82.

Как мы видим, географические условия были достаточно важны и в полной мере использованы в процессе сложения первоначального поселения городища Старый Термез на берегу Амударьи в середине I тыс. до н. э. В дальнейшем же, в период после кризиса V–VI вв., именно географические, а не экономические и политические факторы, имели первостепенное значение: только наличие ирригационных систем в нижнем течении Сурхандарьи, существование связанного с ними поселения в Присурханской группе городища Старый Термез и проведение сурханских каналов к приамударьинскому городу обеспечивали территориальный рост и развитие Термеза, что позволило ему сохранять за собой роль политического и экономического центра Северной Бактрии.

Таким образом, на территории одного городища мы имеем две группы памятников, на протяжении нескольких веков тесно связанных между собой. Причем, как представляется, эта связь была обусловлена целиком географическими факторами, а именно особыми, по сравнению со всем Сурхандарьинским оазисом, ландшафтно-климатическими условиями в своеобразном «треугольнике» между Амударьей и Сурхандарьей и, как следствие, возможностью масштабного снабжения города в Приамударьинской группе только водой из Сурхандарьи по магистральным каналам, проведенным по территории Присурханской группы памятников городища Старый Термез.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Александрова 2008 — *Александрова Н.В.* Путь и текст: китайские паломники в Индии. М., 2008.
- Алпаткина 2008 — *Алпаткина Т.Г.* Дворец правителей Термеза XI–XII вв. (по опубликованным и архивным материалам). М., 2008.
- Альбаум 1976 — *Альбаум Л.И.* Исследование Фаяз-тепе в 1973 г. // Бактрийские древности. Предварительные сообщения об археологических работах на юге Узбекистана / Отв. ред. В.М. Массон. Л., 1976. С. 43–45.
- Аннаевы 2010 — *Аннаев Дж., Аннаев Т.* Архитектурно-планировочная структура и датировка буддийского монастыря Фаязтепа // Традиции Востока и Запада в античной культуре Средней Азии. Сборник

- статей в честь Поля Бернара / Ред. К. Абдуллаев. Ташкент, 2010. С. 53–66.
- Аннаевы, Горин 2010 — *Аннаев Дж., Аннаев Т., Горин А.* Монетные находки из Фаязтепа // Традиции Востока и Запада в античной культуре Средней Азии. Сборник статей в честь Поля Бернара / Ред. К. Абдуллаев. Ташкент, 2010. С. 67–72.
- Аршавская, Ртвеладзе, Хакимов 1982 — *Аршавская З.А., Ртвеладзе Э.В., Хакимов З.А.* Средневековые памятники Сурхандарьи. Ташкент, 1982.
- Бачинский 1945 — *Бачинский Н.М.* Сырцовые здания Древнего Термеза // Труды АН УзССР. Сер. I. История, археология. Термезская археологическая экспедиция / Отв. ред. М.Е. Массон. Ташкент, 1945. Т. II. С. 196–226.
- Букинич 1940 — *Букинич Д.Д.* Краткие предварительные соображения о водоснабжении и ирригации Старого Термеза и его района // Труды УзФАН СССР. Сер. I. История, археология. Ташкент, 1940. Вып. 2. Термезская археологическая комплексная экспедиция 1936 г. / Отв. ред. М.Е. Массон. С. 154–158.
- Букинич 1945 — *Букинич Д.Д.* Каналы Древнего Термеза // Труды АН УзССР. Сер. I. История, археология. Термезская археологическая экспедиция / Отв. ред. М.Е. Массон. Ташкент, 1945. Т. II. С. 191–195.
- Денике 1927 — *Денике Б.П.* Экспедиция Музея Восточных культур в Термез. Предварительный отчет // Культура Востока. Сборник Музея Восточных культур / Ред. Б.П. Денике. М., 1927. С. 9–18.
- Жантель, Страйд 2002 — *Жантель П., Страйд С.* Долина Сурхандарьи (первые результаты работ бактрийской МАФУз по региональному обследованию) // Культурное наследие Средней Азии / Ред. Э.В. Ртвеладзе. Ташкент, 2002. С. 83–89.
- Жуков 1940 — *Жуков В.Д.* Стратиграфический разрез части крепостной ограды калы древнего Термеза // Труды УзФАН СССР. Сер. I. История, археология. Ташкент, 1940. Вып. 2. Термезская археологическая комплексная экспедиция 1936 г. / Отв. ред. М.Е. Массон. С. 82–97.
- Засыпкин 1928 — *Засыпкин Б.* Памятники архитектуры Термезского района // Культура Востока. Сборник Музея Восточных культур / Ред. Б.П. Денике. М., 1928. Т. II. С. 17–40.
- Згура 1928 — *Згура В.В.* Развалины дворца около Термеза // Культура Востока. Сборник Музея Восточных культур / Ред. Б.П. Денике. М., 1928. Т. II. С. 19–26.

- Зеймаль, Ртвеладзе 1999 — *Зеймаль Т.И., Ртвеладзе Э.В.* Северный Тохаристан // Археология. Средняя Азия и Дальний Восток в эпоху средневековья. Средняя Азия в раннем средневековье / Отв. ред. Г.А. Брыкина. М., 1999. С. 131–143.
- Йазди Шараф ад-Дин Али 2008 — *Йазди Шараф ад-Дин Али.* Зафар-наме. Ташкент, 2008.
- История государственности Узбекистана 2009 — История государственности Узбекистана. В трех томах. Ташкент, 2009. Т. I. Вторая половина II тысячелетия до нашей эры — III век нашей эры / Под. ред. Э.В. Ртвеладзе, А.С. Сагдуллаева.
- Князев 1945 — *Князев П.И.* Разведочно-археологические работы в квартале металлистов Древнего Термеза // Труды АН УзССР. Сер. I. История, археология. Термезская археологическая экспедиция / Отв. ред. М.Е. Массон. Ташкент, 1945. Т. II. С. 163–175.
- Козловский, Некрасова 1976 — *Козловский В.А., Некрасова Е.Г.* Стратиграфический шурф на цитадели древнего Термеза // Бактрийские древности / Отв. ред. В.М. Массон. Л., 1976. С. 30–39.
- Козловский, Шейко 1989 — *Козловский В.А., Шейко К.А.* Раскопки «Кургана» на городище Старого Термеза // Краеведение Сурхандарьи / Ред. Э.В. Ртвеладзе. Ташкент, 1989. С. 52–62.
- Консервация и реставрация руин Фаяз-тепе 2006 — Консервация и реставрация руин Фаяз-тепе. Обобщающий отчет. Ташкент, 2006.
- Массон 1940 — *Массон М.Е.* Городища Старого Термеза и их изучение // Труды УзФАН СССР. Сер. I. История, археология. Ташкент, 1940. Вып. 2. Термезская археологическая комплексная экспедиция 1936 г. / Отв. ред. М.Е. Массон. С. 5–122.
- Некрасова 2001 — *Некрасова Е.Г.* Археологическое исследование Кырк-Кыз // Древняя и средневековая культура Сурхандарьи / Под ред. Э.В. Ртвеладзе, Ш.Р. Пидаева. Ташкент, 2001. С. 114–121.
- Некрасова, Филимонов 1989 — *Некрасова Е.Г., Филимонов В.М.* Хонако в ансамбле Султан-Саодат // Краеведение Сурхандарьи / Под ред. Э.В. Ртвеладзе. Ташкент, 1989. С. 86–92.
- Пидаев 1989 — *Пидаев Ш.Р.* Эволюция двух форм керамики Древней Бактрии // Краеведение Сурхандарьи / Под ред. Э.В. Ртвеладзе. Ташкент, 1989. С. 43–51.
- Пидаев 1995 — *Пидаев Ш.Р.* Термез кушанского времени по данным археологии // Городская культура Бактрии-Тохаристана / Отв. ред. Ш.Р. Пидаев. Самарканд, 1995. С. 26–28.
- Пидаев, Баратова 2010 — *Пидаев Ш.Р., Баратова Л.С.* Новые данные к истории средневекового Термеза // Древние цивилизации на Сред-

- нем Востоке. Археология, история, культура / Науч. ред. С.Б. Болелов. М., 2010. С. 82–83.
- Пидаев, Като Кюдзо 2001 — *Пидаев Ш., Като Кюдзо*. Археологические исследования на буддийском центре Каратепа в Старом Термезе // Археологические исследования в Узбекистане — 2000 год / Отв. ред. Т.Ш. Ширинов. Самарканд, 2001. С. 114–122.
- Пидаев, Лериш 2001 — *Пидаев Ш.Р., Лериш П.* Древний и средневековый Термез в свете новейших археологических открытий // Termez city and its place in the world civilization / Отв. ред. Ш.Р. Пидаев. Ташкент; Термез, 2001. С. 122–125.
- Пидаев, Лериш 2002 — *Пидаев Ш.Р., Лериш П.* Археологические работы Узбекско-Французской экспедиции на городище Старого Термеза // Археологические исследования в Узбекистане — 2002 год / Отв. ред. Т.Ш. Ширинов. Ташкент, 2003. Вып. 3. С. 134–143.
- Пидаев, Лериш, Папахристу 2001 — *Пидаев Ш., Лериш П., Папахристу О.* Новые данные о раскопках в Старом Термезе // Археологические исследования в Узбекистане — 2000 год / Отв. ред. Т.Ш. Ширинов. Самарканд, 2001. С. 105–114.
- Пидаев, Рахманов 1995 — *Пидаев Ш., Рахманов У.* Новые материалы по исторической топографии Термеза // Городская культура Бактрии-Тохаристана / Отв. ред. Ш.Р. Пидаев. Самарканд, 1995. С. 28–29.
- Пиотровский 1940 — *Пиотровский Б.Б.* Раскопки на Чингизтепе // Труды УзФАН СССР. Сер. I. История, археология. Ташкент, 1940. Вып. 2. Термезская археологическая комплексная экспедиция 1936 г. / Отв. ред. М.Е. Массон. С. 159–167.
- Ртвеладзе 1974 — *Ртвеладзе Э.В.* Разведочное изучение бактрийских памятников на юге Узбекистана // Древняя Бактрия. Предварительные сообщения об археологических работах на юге Узбекистана / Отв. ред. В.М. Массон. Л., 1974.
- Ртвеладзе 1989 — *Ртвеладзе Э.В.* К истории Северного Тохаристана в IX – начале XIII в. // Краеведение Сурхандарьи / Под ред. Э.В. Ртвеладзе. Ташкент, 1989. С. 93–112.
- Ставиский 1998 — *Ставиский Б.Я.* Судьбы буддизма в Средней Азии. По данным археологии. М., 1998.
- Стрелков 1927 — *Стрелков А.* Зурмала или Катта-тюпе около Термеза // Культура Востока. Сборник Музея Восточных культур / Под ред. Б.П. Денике. М., 1927. С. 27–30.

- Стрелков 1928 — *Стрелков А.* Доисламские памятники Древнего Терме-за // Культура Востока. Сборник Музея Восточных культур / Ред. Б.П. Денике. М., 1928. Т. II. С. 41–47.
- Ширинов, Пидаев 1995 — *Ширинов Т.Ш., Пидаев Ш.Р.* Термез и мировая цивилизация // Городская культура Бактрии-Тохаристана / Отв. ред. Ш.Р. Пидаев. Самарканд, 1995. С. 3–6.
- Шишкин 1940 — *Шишкин В.А.* К исторической топографии Старого Термеза // Труды УзФАН СССР. Сер. I. История, археология. Ташкент, 1940. Вып. 2. Термезская археологическая комплексная экспедиция 1936 г. / Отв. ред. М.Е. Массон. С. 123–153.
- Шишкин 1945 — *Шишкин В.А.* «Курган» и мечеть Чор-Сутун в развалинах Старого Термеза // Труды АН УзССР. Сер. I. История, археология. Термезская археологическая экспедиция / Отв. ред. М.Е. Массон. Ташкент, 1945. Т. II. С. 98–132.
- Leriche 2009 — *Leriche P.* Das Baktrien der 1.000 Städte // Alexander der Grosse und die Öffnung der Welt. Asiens Kulturen im Wandel / Hrsg. von S. Hansen, A. Wiczorek, M. Tellenbach. Mannheim, 2009. S. 155–167.
- Leriche, Pidaev 2007 — *Leriche P., Pidaev Sh.* Termez in Antiquity // After Alexander. Central Asia before Islam / Ed. by J. Cribb, G. Herrmann. London, 2007. P. 179–211.
- Mkrtyschew 2009 — *Mkrtyschew T.* Buddhistische Kunst in Baktrien // Alexander der Grosse und die Öffnung der Welt. Asiens Kulturen im Wandel / Hrsg. von S. Hansen, A. Wiczorek, M. Tellenbach. Mannheim, 2009. S. 211–223.
- Stride 2007 — *Stride S.* Regions and Territories in Southern Central Asia: What the Surkhan Darya Province tells us about Bactria // After Alexander. Central Asia before Islam / Ed. by J. Cribb, G. Herrmann. London, 2007. P. 99–107.
- Termez 2001 — Termez — an ancient and modern city at an important crossroads. Tashkent, 2001.

И.Е. СУРИКОВ

ПЕРИКЛ, ЛАМАХ И ПОНТ ЕВКСИНСКИЙ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ И ОНОМАСТИКА: О ПОЛЬЗЕ КОМБИНИРОВАННОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДАННЫХ

Аннотация: Автор предпринимает попытку показать, что при комбинированном использовании ономастические данные могут внести ясность в ряд спорных проблем исторической географии. В качестве примера выбрана понтийская экспедиция Перикла (ок. 437–436 гг. до н. э.). В результате привлечения данных ономастики установлено следующее: 1. Флот Перикла, несомненно, побывал в Северном Причерноморье. 2. Дополнительно подтверждается афинское присутствие в Нимфее и выявляется посещение флотом Перикла Пантикапея. 3. Херсонес Таврический оказывается безусловно существующим на момент экспедиции; таким образом, любые мнения о более позднем его основании должны быть отвергнуты.

Ключевые слова: историческая география античности, ономастика, Понт Евксинский, Афины, Перикл, Ламах, Херсонес Таврический.

Специальные исторические дисциплины представляют собой не механическую совокупность, а единый комплекс; соответственно, наиболее эффективной работа с их данными будет при их согласованном, комбинированном использовании, когда выводы, достигнутые в одной дисциплине, помогают решить какие-то проблемы другой и *vice versa*. Этот тезис вполне тривиален, но от того не становится менее верным. На словах с ним согласятся, наверное, все, но в реальной жизни он не всегда учитывается в полной мере; нередки случаи, когда в различных специальных исторических дисциплинах исследования идут изолированно друг от друга. Среди тех, кто своей работой являл прекрасный образец синтеза

этих дисциплин, — безвременно покинувший нас А.А. Молчанов¹. Нумизматика, эпиграфика, геральдика, ономастика, генеалогия, просопография, топонимика, историческая география, сфрагистика... Он воспринимал их как целостность и, как никто другой, умел находить точки соприкосновения между всеми ними. Непревзойденная эрудиция, умение логично и красиво мыслить, великолепная память — всё это помогало ему. Нам хотелось бы посвятить эту статью светлой памяти Аркадия Анатольевича — уникального специалиста, замечательного человека, друга.

* * *

Итак, не будем ограничиваться рассуждениями в отвлеченных тонах, а проиллюстрируем высказанные мысли о необходимости комплексного привлечения материала специальных дисциплин (в данном случае исторической географии и ономастики) вполне конкретным примером. Одной из интересных историко-географических проблем, связанных с греческим миром классической эпохи, является военно-морская экспедиция Перикла в Понт Евксинский (ок. 437–436 гг. до н. э.); особенно много вопросов возникает касательно ее маршрута. Нам уже доводилось писать по этому сюжету², однако назрела необходимость нового обращения к нему — по той причине, что появились соображения, которые, кажется, ранее еще никем не высказывались, по крайней мере, в развернутой форме.

Как известно, единственное нарративное свидетельство об экспедиции сохранено Плутархом, и его необходимо привести в первую очередь, как всегда и делается при рассмотрении интересующей нас темы: «Прибыв Понт с большой эскадрой, блестяще снаряженной, он сделал для эллинских городов всё, что им было нужно, и отнесся к ним дружелюбно; а окрестным варварским на-

¹ Суриков 2011: 217–220.

² Наиболее подробно — в статьях: Суриков 1999: 98–114; Surikov 2001: 341–366. В более краткой форме, но с некоторыми новыми нюансами см. также: Суриков 2008: 330–334. В указанных работах мы ссылаемся на предшествующую историографию вопроса, так что здесь нет необходимости вновь специально перечислять эту литературу. Назовем, пожалуй, лишь несколько исследований последнего времени: Mattingly 1996: 151–157; Anochin 1998: 33–44; Braund 2005: 80–99.

родам, их царям и князьям он показал великую мощь, неустранимость, смелость афинян, которые плывут куда хотят, и всё море держат в своей власти. Жителям Синопы Перикл оставил тринадцать кораблей под командой Ламаха и отряд солдат для борьбы с тираном Тимесилеем. После изгнания последнего и его приверженцев он провел в Народном собрании постановление о том, чтобы в Синопу было отправлено шестьсот человек афинян, изъявивших на то согласие; они должны были жить вместе с коренными гражданами Синопы, поделив с ними дома и землю, которую прежде занимали тираны» (Plut. Pericl. 20).

Как видим, эксплицитно Плутарх сообщает только о посещении Периклом Синопы в Южном Причерноморье. Несмотря на это, ученые, занимавшиеся этим походом, в подавляющем большинстве считают, что афинская эскадра побывала также и у северных берегов Понта Евксинского, в частности, в регионе Боспора Киммерийского³. Нам эта точка зрения тоже представляется верной⁴. Однако, строго говоря, она не основывается на прямых свидетельствах нарративной традиции, а до сих пор являлась плодом логических умозаключений, порой косвенных, что и придавало ей некоторую уязвимость. Здесь мы покажем, как с помощью привлечения ономастических данных удастся поставить решение проблемы на несравненно более прочную почву.

Прежде всего представляется необходимым акцентировать следующее важное обстоятельство. Классическая греческая антро-

³ Пожалуй, единственное значимое исключение — работы И.Б. Брашинского, категорически отрицавшего возможность посещения эскадрой Перикла Северного Причерноморья (см.: Брашинский 1958: 110–121; Брашинский 1963: 56–88). Впрочем, достаточно осторожную позицию занимает и Г. Маттингли (Mattingly 1996: 151, 157). С другой стороны, встречается и другая крайность — приписывание Периклову флоту плавания в Восточное Причерноморье и проведения там далеко идущих действий (Высокий 2004: 412 сл.), но в пользу такого предположения нет никаких веских оснований. Также сразу оговорим, что здесь мы вообще не будем рассматривать гиперкритическую точку зрения, согласно которой понтийская экспедиция Перикла в целом — не исторический факт, а фикция (Fettagese 1974: 7–19). С подобной экзотической гипотезой не имеет смысла даже всерьез дискутировать: настолько однозначно она опровергается источниками.

⁴ Суриков 1999: 111–113 (с картой реконструируемого нами маршрута экспедиции).

понимика — сложный, но отнюдь не хаотичный комплекс, в рамках которого действовали определенные, достаточно строгие закономерности⁵. Часть этих закономерностей в целом ясна, часть пока остается в тени, но, во всяком случае, можно уверенно говорить, что произвольность имянаречения (столь характерная, например, для наших дней) была минимальной; в большинстве случаев к моменту, когда ребенок рождался, было уже фактически запрограммировано, как он будет назван.

Помимо отражения в ономастиконе родственных и матримониальных связей, особо подчеркнем момент, который в контексте настоящей работы наиболее важен: ономастические последствия отношений ксении⁶ — столь распространенной в греческом мире ритуальной дружбы-гостеприимства между гражданами различных полисов. Часто грек называл сына в честь своего ксена, и таким образом имена, употребительные в одном полисе, «перекочевывали» в другой⁷.

В свете сказанного выше обратим внимание вот на какой факт. Как указывает Плутарх, среди видных участников понтийского похода Перикла был полководец Ламах. В дальнейшем он еще на протяжении нескольких десятилетий продолжал играть видную роль в военной истории Афин (погиб в ходе сицилийской экспедиции 415–413 гг. до н. э.) и, что характерно, считался, судя по всему, фактически главным в полисе «экспертом по понтийским делам». Во всяком случае, когда в 424 г. до н. э. афиняне проводили едва ли не единственную за время Пелопоннесской войны операцию в Черном море, руководство было поручено именно Ламаху (Thuc. IV. 75).

Теперь отметим, что в южнопонтийской Синопе — а там, как мы уже знаем, флот Перикла (и в его составе Ламах) побывал совершенно точно — в IV–III вв. до н. э. фиксируются носители имени Ламах⁸. Это никак не может быть случайностью; вне всяко-

⁵ Об этом нам и ранее неоднократно приходилось в той или иной связи писать, наиболее подробно — в работах: Суриков 2005а: 122–130; Суриков 2005б: 15–33; Суриков 2007а: 380–393; Суриков 2009б: 102–127. См. также: Brenne 2001: 49–86.

⁶ О феномене в целом см.: Nerman 1997.

⁷ Nerman 1990: 349–363.

⁸ Федосеев 2003: 132–140.

го сомнения, интересующие нас лица являлись потомками синопских ксенов афинского стратега. Последний же должен был установить соответствующие ксенические отношения именно в период понтийской экспедиции (а когда еще?).

Таким образом, перед нами яркий пример того, как ономастический материал подкрепляет сведения письменных источников. Не поможет ли он нам и в тех случаях, для которых письменные источники информации не дают? Имеем в виду, разумеется, вопрос о том, посещала ли эскадра Перикла Северное Причерноморье. Попробуем рассмотреть на сей предмет ономастические данные из названного региона (задача облегчается тем, что недавно эти данные были сведены воедино в вышедшем в 2005 г. 4-м томе известного компендиума «Лексикон греческих личных имен»⁹, далее — LGPN IV), а в качестве, так сказать, «лакмусовой бумажки» возьмем для начала имя того же Ламаха.

Выясняется, что из северопонтийских полисов это имя засвидетельствовано в двух центрах — Пантикапее (5 примеров) и Херсонесе Таврическом (3 примера)¹⁰. Лица, его носившие (в тех случаях, когда датировка возможна) жили в довольно позднее время (I в. до н. э. — начало II в. н. э.), но это не слишком принципиально, поскольку, повторим, механизмы имянаречения в античном греческом мире были весьма четкими и, главное, стабильными. Предок получал имя в честь «афинского гостя», а впоследствии это имя транслировалось в семье от потомка к потомку, из поколения в поколение¹¹, подчас на протяжении целого ряда столетий¹².

Итак, появляется возможность сделать надежный и ответственный вывод о том, что Ламах побывал в вышеназванных городах Северного Причерноморья и обзавелся там ксенами — а те дали своим детям его имя. Единственным реально допустимым контекстом его визита туда является понтийская экспедиция Перикла.

⁹ Lexicon 2005.

¹⁰ LGPN IV. P. 206, s.v. Λάμαχος, № 1–5, 7–9.

¹¹ Разумеется, с пропусками: в древнегреческой антропонимической традиции обычай наречения внука именем деда решительно преобладал над обычаем наречения сына именем отца.

¹² Примеры подобного многовекового ономастического континуитета на материале афинских аристократических родов см., в частности, в работах: Молчанов 2003: 141–150; Молчанов 2005: 201–203.

Возможно, имеет смысл специально оговорить (хотя кому-то это уточнение, несомненно, покажется излишним, поскольку речь, в общем, идет о вещи само собой разумеющейся), что налицо следы именно ксенических связей, а не каких-либо иных (т.е. родственных или матримониальных). Сородичам у Ламаха в Пантикапее и Херсонесе было взятыя неоткуда; равным образом, невозможно предположить, что в обоих этих полисах (да, получается, еще и в Синопе) он каким-то образом заключил браки. Да ему и не позволила бы это сделать существовавшая на тот момент в Афинах правовая база, конкретно — закон Перикла о гражданстве 451 / 450 г. до н. э.¹³ Высказывалось, правда, предположение о наличии между Афинами и Боспором эпигамии (разрешения законных браков между гражданами двух государств)¹⁴, но это — чистая догадка, не основанная ровно ни на каких известных фактах и, более того, противоречащая им¹⁵.

* * *

Приведем еще некоторые релевантные данные. Типично афинским было личное имя Мегакл, причем оно употреблялось практически исключительно в среде знаменитого аристократического рода Алкмеонидов — того самого, кстати, к которому по материнской линии принадлежал сам Перикл. Без преувеличения, можно с полной уверенностью утверждать: если мы встречаем в классических Афинах носителя этого имени (или производных от него, например, Мегаклид), то, даже в тех случаях, когда о данном лице ничего больше не известно, всё равно его принадлежность к Алкмеонидам либо, по крайней мере, родственная связь с ними — вне сомнения.

В Северном Причерноморье Мегаклы зафиксированы также в двух центрах¹⁶. Один из них — боспорский Нимфей (1 пример, IV в. до н. э.); особые отношения этого города с Афинами прекрасно известны (в последней трети V в. до н. э. он был главным форпостом афинян на Боспоре, и там, возможно, присутствовали

¹³ Об этом законе см. новейшее исследование: Blok 2009: 141–170.

¹⁴ Жебелев 1953: 192.

¹⁵ Суриков 2009а: 393–413.

¹⁶ LGPN IV. P. 225, s.v. Μεγακλής, № 1, 5–6.

афинские поселенцы), так что вряд ли обязательно об этих отношениях здесь специально распространяться. Второй — тот же Херсонес (2 примера, III в. до н. э.). Укажем тут же, что оба херсонесских Мегакла принадлежали к одной и той же семье, были дедом и внуком, что лишний раз иллюстрирует подмечавшиеся нами выше общие закономерности древнегреческой антропонимии.

Есть их тезки и в Западном Причерноморье¹⁷, а именно в Аполлонии Понтийской (3 примера) и Месембрии (1 пример). Время жизни этих лиц, как и Мегаклов с северных берегов Понта, — тоже достаточно раннее, IV–III вв. до н. э., причем из трех аполлонийских Мегаклов два — члены одной семьи, отец и сын. Аполлония, напомним, входила в состав Афинской архэ (IG. I³. 71. Col. 4. 128)¹⁸, причем ее включение в симмахию имело место с почти безусловной степенью вероятности именно как результат понтийской экспедиции¹⁹.

Вся эта «цепочка» — Аполлония, Месембрия, Херсонес, Нимфей — в высшей степени удачно коррелирует с реконструкцией маршрута плавания Перикла, предложенной нами (по совершенно другим основаниям) более десяти лет назад (см. прим. 4), еще до выхода LGPN IV. Столь оптимального соответствия трудно было бы даже и ожидать. Напомним, одна из главных целей настоящей статьи — продемонстрировать, насколько плодотворных результатов можно достигнуть путем комбинированного использования данных, полученных с помощью методов различных специальных исторических дисциплин.

В Афинах носителем рассматриваемого сейчас имени в интересующую нас эпоху был современник и родственник (двоюродный брат) Перикла, представитель основной ветви рода Алкмеонидов — Мегакл, сын Мегакла²⁰. Этот аристократ был лицом известным в полисе: в 436 г. до н. э. он прославился, одержав олимпийскую победу в состязании колесниц (Schol. Pind. Pyth. VII. hypoth.)²¹. Кроме того, Мегакл занимал и достаточно высокие го-

¹⁷ Ibid. P. 225, s.v. Μεγακλής, № 7–9, 11.

¹⁸ Avram, Hind, Tsetskhladze 2004: 931.

¹⁹ Блаватская 1952: 67 слл.

²⁰ Мегакл (V) по генеалогической классификации. О нем см.: Суриков 2000б: 210.

²¹ Moretti 1957: 105; Surikov 2004: 201.

сударственные должности. Так, в 428 / 427 гг. до н. э. мы застаем его на ответственном финансовом посту секретаря казначеев Афины (*γραμματεὺς ταμιῶν τῆς θεοῦ*); в этом качестве он фигурирует в нескольких аттических надписях. Наконец, в первые годы Пелопоннесской войны (ранее 425 г. до н. э.) он был послом в Персию (Aristoph. Ach. 614 sq. cum schol.). А послами в афинском полисе становились, как правило, видные политики²².

Похоже, что именно этот Мегакл принял участие в понтийской экспедиции афинского флота. В каком качестве — неизвестно, но надо полагать, представитель блестящей знати и богач не был простым моряком, а, очевидно, входил в число высших офицеров (скорее всего, являлся триерархом — капитаном одного из кораблей²³). И в ходе плавания, он, подобно Ламаху, приобрел себе ксенов в ряде городов. Наверняка многие представители элиты полисов Северного Причерноморья желали вступить в отношения дружбы-гостеприимства со столь известной личностью (особенно если на тот момент Мегакл был уже олимпийским победителем, хотя точно знать этого мы не можем, поскольку, как отмечалось выше, датировка понтийской экспедиции несколько колеблется).

Из понтийских же Мегаклов наиболее интересен нимфейский²⁴. О его существовании стало известно относительно недавно, в результате находки надписи, которая была сразу же признана исключительно важным документом по ранней истории Боспорского государства (в основном в связи с необычной, даже уникальной формулой титулатуры его правителя, фигурирующей в памятнике) и породила обширную литературу²⁵. Но нас здесь этот круг вопросов занимает только с ономастико-просопографической точки зрения, и уже тут выявляется весьма примечательный нюанс.

²² Ср.: Hansen 1989: 25 ff.; Суриков 2000а: 101.

²³ О триерархах и триерархии см. в недавно вышедшем первом отечественном исследовании, специально посвященном афинским литургиям: Бондарь 2009: 118–163.

²⁴ LGPN IV. P. 225, s.v. Μεγακλῆς, № 1.

²⁵ Вот лишь несколько примеров: Соколова 2001: 368–376; Соколова, Павличенко 2002: 99–121 (editio princeps); Завойкин 2004: 150–162; Завойкин 2007а: 218–243. Пока остается неопубликованной блестящая докторская диссертация А.А. Завойкина (см.: Завойкин 2007б), в которой этот вопрос также поднимается.

Сын нимфейского Мегакла, живший в годы правления Левкона I, носил имя Теопротид²⁶. Это последнее имя на Боспоре и в Северном Причерноморье в целом пока больше не зафиксировано на протяжении всей античной эпохи. Однако значимо то, что имя Теопротид производно от имени Теопрот, которое принадлежало брату синопского тирана Тимесилея, свергнутого уже известным нам Ламахом по поручению Перикла. Указанный ономастический факт вносит чрезвычайно пикантные, парадоксальные обертоны, но в рамках настоящей статьи они могут быть скорее лишь кратко затронуты, чем трактованы с исчерпывающей полнотой.

Остановимся всё же на вопросе чуть подробнее. Если делать надлежащие выводы из ономастических данных и не считать, что перед нами случайное совпадение (такая возможность реально мала), оказывается, что некая знатная семья из Нимфея поддерживала ксенические отношения как с афинским родом Алкмеонидов²⁷, так и с домом тирана Синопы, изгнанного афинянами. Как это могло получиться? Разумеется, здесь возможны только более или менее вероятные предположения.

В свое время Ю.Г. Виноградов в своей этапной (но при этом, конечно, не лишенной целого ряда более или менее спорных положений) статье²⁸ использовал открытый незадолго до того проксенический декрет ольвиополитов в честь Тимесилея и Теопрота (Тимесилей, как мы знаем, был известен уже и ранее, из Плутарха, а вот о наличии у него брата Теопрота ученым впервые поведала именно эта надпись) для обоснования следующей гипотезы: синопский тиран с братом после того, как афиняне изгнали их с ро-

²⁶ LGPN. P. 166, s.v. Θεοπρότιδης, № 1.

²⁷ Левкон I правил в 389–349 гг. до н. э., но внутри этого хронологического отрезка датировку надписи Теопротида, кажется, можно далее конкретизировать. По авторитетному мнению А.А. Завойкина, специально занимавшегося вопросом, памятник относится к 360-м гг. до н. э. Стало быть, Теопротид мог родиться на рубеже V–IV вв. до н. э., а его отец Мегакл, соответственно, в 430-х гг. до н. э.; опять возникает оптимальная корреляция с понтийской экспедицией Перикла. Очевидно, данного Мегакла нарекли непосредственно в честь одноименного афинянина.

²⁸ Виноградов 1981: 65–90. Впоследствии исследователь вновь обратился к этому сюжету в своей монографии об Ольвии (Виноградов 1989: 109 сл.), причем продолжал отстаивать всё те же, ранее высказанные им положения.

дины, перебрались в Ольвию и поселились там. На базе подобного построения ученый делал принципиальный вывод, что и в самой Ольвии на тот момент политическим строем была тирания. Тезис этот зиждется, на наш взгляд, на слишком шаткой опоре, но разбор его здесь никаким образом не входит в наши задачи.

Отметим только, что и сам факт переселения Тимесилея и Теопрота в Ольвию никоим образом нельзя считать доказанным. Хотя ранее мы и сами солидаризировались с Ю.Г. Виноградовым в том мнении, что ольвийский декрет был издан после изгнания Тимесилея (соответственно, после экспедиции Перикла)²⁹, но по здравом размышлении выясняется: абсолютно ничто не говорит в пользу того, что последовательность событий обязательно была именно такова. И эпиграфический памятник не может быть датирован с точностью до года-двух, да и сведения о самой экспедиции, как неоднократно отмечалось выше, тоже не позволяют дать ее предельно точную датировку.

Как минимум не менее вероятно, что дело обстояло противоположным образом: почести были декретированы ольвиополитами Тимесилею тогда, когда он еще правил Синопой (так полагает, в частности, Д. Браунд³⁰). А в таком случае гипотетическое построение, согласно которому он с братом впоследствии оказался в Ольвии, оказывается вообще ничем не подкрепленным и теряет право на существование. Иными словами, мы не знаем, куда отправился низложенный тиран, и возможны самые различные варианты. В том числе и такой: а почему бы ему было не поискать убежища на Боспоре? Причем если наличие тирании в Ольвии, строго говоря, не доказано, то в главном боспорском центре — Пантикапее — как раз в то время утверждается у власти династия тиранов Спартокидов³¹. А тираны греческих полисов, как известно, проявляли «корпоративную солидарность» по отношению друг к другу³². Почему бы было Спартоку I не принять синопского «коллегу»?

Возможен, впрочем, и несколько иной ход размышлений. Почему мы обязательно должны рассматривать судьбы Тимесилея и

²⁹ Суриков 1999: 111–112.

³⁰ Braund 2005: 83–84; Braund 2007: 59. Д. Браунд датирует ольвийский декрет временем около 440 г. до н.э.

³¹ В связи с характером их тирании см.: Суриков 2007б: 140–156.

³² См., напр.: Суриков 2006: 51.

Теопропа неотрывно друг от друга? Да, они были братьями, но в истории греческого полисного мира есть сколько угодно примеров, когда в тиранических семьях близкие родственники не были близки друг другу и даже враждовали³³. По большому счету, из того факта, что Тимесилей был изгнан афинянами из Синопы, еще нельзя без дополнительной аргументации делать вывод, что с ним был выдворен и Теопрот. А может быть, последний перешел на сторону Перикла и Ламаха, и ему позволили остаться в полисе? Если это так, то дружественные отношения нимфейской семьи Мегакла — Теопротида как с афинянином Мегаклом, так и с синопцем Теопротом могут получить объяснение. Разумеется, вопрос в конечном счете приходится оставить пока открытым; цель вышеприведенного экскурса заключалась скорее в том, чтобы продемонстрировать, на какие сложные, трудноуловимые ныне коллизии может порой намекать источниковый материал при комплексном использовании.

* * *

Подведем некоторые итоги. Привлечение ономастических данных для решения историко-географических проблем в нашем случае дает следующие результаты (какие-то из них, несомненно, следует признать достаточно весомыми).

Во-первых, появляется возможность твердо и уверенно (а не предположительно и гадательно, как раньше) утверждать, что флот Перикла посетил Северное Причерноморье.

Во-вторых, в нашем распоряжении оказываются новый материал, свидетельствующий об афинском присутствии в Нимфее и дополнительно подтверждающий оное. Также можно удостовериться в том, что Перикл имел стоянку и в Пантикапее (о чем ранее известно не было).

Наконец, третье (но здесь как раз тот случай, когда воистину *last, but not least*; более того, этот вывод мы, пожалуй, обозначили бы как важнейший в данной статье): после многолетней дискуссии появляется возможность сказать что-то определенное о времени основания Херсонеса Таврического.

³³ Несколько примеров, взятых наугад: братья Поликрат и Силосонт на Самосе в VI в. до н. э., братья Тимофан и Тимолеонт в Коринфе в IV в. до н. э. Перечень аналогичных случаев можно было бы множить и множить.

Как известно, долгое время в историографии безраздельно господствовала датировка, впервые предложенная Г. Шнайдервиртом, а наиболее детально разработанная А.И. Тюменевым³⁴; согласно ей, вышеозначенная гераклейская колония появилась на свет в 422–421 гг. до н. э. Есть исследователи, которые и поныне придерживаются того же мнения. Однако некоторое время назад начала складываться (претерпевая по ходу дела некоторые изменения, что вполне естественно в связи с общим развитием науки) альтернативная точка зрения, которая теперь иногда обозначается в историографии³⁵ как «концепция Ю.Г. Виноградова, М.И. Золотарева и И.Е. Сурикова». Суть последней — в том, что Херсонес в действительности был основан много раньше, во второй половине VI в. до н. э.³⁶

С другой стороны, наблюдались и тенденции противоположного характера. Так, в фундаментальной монографии А.В. Буйских высказано предположение, что херсонесский полис вообще возник в IV в. до н. э. и не ранее³⁷. Как и в случае с маршрутом понтийской экспедиции Перикла, до сих пор многое в этом вопросе приходилось обсуждать на слишком гипотетичном уровне.

Теперь же, повторим и подчеркнем, из вышеизложенного прямо следует, что афиняне Ламах и Мегакл были в Херсонесе и вступили в ксенические связи с какими-то из его граждан. Из этого, соответственно, вытекает, что на момент понтийской экспедиции Перикла Херсонес уже существовал. Экспедиция, напомним, имела место около 437–436 гг. до н. э. Таким образом, применительно к основанию данного полиса как старую датировку Шнайдервирта — Тюменева, так и новейшую датировку А.В. Буйских следует отклонить. В силе могут оставаться только датировки более ранним временем.

³⁴ Schneiderwirth 1882: 16; Тюменев 1938: 245–275.

³⁵ См., например: Зубарь 2009: 68 и др.

³⁶ Ю.Г. Виноградов и М.И. Золотарев развивали данную концепцию в целом ряде работ, из которых назовем итоговые, в которых их построения приобрели наиболее законченную форму: Vinogradov, Zolotarev 1999: 111–131; Виноградов, Золотарев 1999: 91–129. Наш вклад в формирование представления о раннем основании Херсонеса см.: Суриков 2002: 72–82; Суриков 2006; Суриков 2009в: 185–201.

³⁷ Буйских 2008. К критике ключевых тезисов А.В. Буйских см.: Зубарь 2009; Суриков 2009в.

И еще одно заключительное замечание. В высшей степени интересно, что в Северном Причерноморье вообще не встречается имя Перикл. И это тоже, думается, отнюдь не случайно. Судя по всему, лидер Афин и командующий плаванием в Понт на протяжении похода воздерживался (в отличие от своих подчиненных) от установления ксенических контактов. Это в полной мере согласуется с известием, согласно которому Перикл, достигнув власти в государстве, сознательно избрал строгий, замкнутый образ жизни, чуждался друзей:

...Перикл переменял и весь свой образ жизни. В городе его видели идущим лишь по одной дороге — на площадь и в Совет. Он отказался от приглашений на обеды и от всех такого рода дружеских, коротких отношений, так что во время своей долгой политической деятельности он не ходил ни к кому из друзей на обед; только, когда женился его родственник³⁸ Евриптолем, он пробыл на пире до возлияния и тотчас потом встал из-за стола. И действительно, панибратство обладает такой силой, что перед ним не может устоять никакая напускная величавость, и при коротких отношениях трудно было сохранить важность, которая рассчитана на приобретение славы (Plut. Pericl. 7).

Если не обращать внимания на некоторую (вполне естественную) риторическую витиеватость Плутарха, которая отнюдь не мешает ему быть одним из самых ответственных и скрупулезных античных авторов³⁹, то в целом приходится отметить, что всё сказано совершенно верно⁴⁰, а соотнесенность данных реалий именно со второй половиной политической биографии Перикла (с середины 440-х гг. до н. э.) мы показали в другом месте⁴¹.

³⁸ Судя по всему, двоюродный брат — по генеалогической классификации Евриптолем (II), кстати, родной брат упоминавшегося выше Мегакла (V). В любом случае речь идет о представителе рода Алкмеонидов. См.: Суриков 2000б: 199, 250 (генеалогическая таблица).

³⁹ Blois 2006: 429–440.

⁴⁰ Ср.: Humphreys 1983: 24.

⁴¹ Суриков 1997: 14–35.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Блаватская 1952 — *Блаватская Т.В.* Западнопонтийские города в VII–I веках до н. э. М., 1952.
- Бондарь 2009 — *Бондарь Л.Д.* Афинские литургии V–IV вв. до н. э. СПб., 2009.
- Брашинский 1958 — *Брашинский И.Б.* Понтийская экспедиция Перикла // ВДИ. 1958. № 3. С. 110–121.
- Брашинский 1963 — *Брашинский И.Б.* Афины и Северное Причерноморье в VI–II вв. до н. э. М., 1963.
- Буйских 2008 — *Буйских А.В.* Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху. Симферополь, 2008.
- Виноградов 1981 — *Виноградов Ю.Г.* Синопа и Ольвия в V в. до н. э. Проблема политического устройства // ВДИ. 1981. № 2. С. 65–90.
- Виноградов 1989 — *Виноградов Ю.Г.* Политическая история Ольвийского полиса VII–I вв. до н. э.: Историко-эпиграфическое исследование. М., 1989.
- Виноградов, Золотарев 1999 — *Виноградов Ю.Г., Золотарев М.И.* Херсонес изначальный // ДГ. 1996–1997 гг. М., 1999. С. 91–129.
- Высокий М.Ф. — *Высокий М.Ф.* Греческая колонизация Восточного Причерноморья: итоги и перспективы исследования // Проблемы истории, филологии, культуры. 2004. Вып. 14. С. 398–424.
- Жебелев 1953 — *Жебелев С.А.* Северное Причерноморье: Исследования и статьи по истории Северного Причерноморья античной эпохи. М.; Л., 1953.
- Завойкин 2004 — *Завойкин А.А.* «Две Синдики» (замечки касаются исторической значимости посвящения Теопротида, сына Мегакла из Нимфея) // Древности Боспора. 2004. Т. 7. С. 150–162.
- Завойкин 2007а — *Завойкин А.А.* Боспорская монархия: от полисной тирании к территориальной державе // Античный мир и варвары на юге России и Украины. Ольвия. Скифия. Боспор. М.; Киев; Запорожье, 2007. С. 218–243.
- Завойкин 2007б — *Завойкин А.А.* Образование Боспорского государства: Археология и хронология становления территориальной державы. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 2007.
- Зубарь 2009 — *Зубарь В.М.* Еще раз о времени основания Херсонеса Таврического // Боспорские исследования. Вып. 23. Симферополь; Керчь, 2009. С. 63–83.

- Молчанов 2003 — *Молчанов А.А.* Антропонимическая традиция как одно из слагаемых исторической памяти (на примере именованного афинских эвпатридов X в. до н. э. – V в. н. э.) // ДГ. 2001 г. Историческая память и формы ее воплощения. М., 2003. С. 141–150.
- Молчанов 2005 — *Молчанов А.А.* Антропонимия и генеалогия знати в древних Афинах // Ономастика в кругу гуманитарных наук. Екатеринбург, 2005. С. 201–203.
- Соколова 2001 — *Соколова О.Ю.* Новая надпись из Нимфея (предварительное сообщение) // Древности Боспора. 2001. Т. 4. С. 368–376.
- Соколова, Павличенко 2002 — *Соколова О.Ю., Павличенко Н.А.* Новая посвятельная надпись из Нимфея // *Hypoboreus*. 2002. Vol. 8. Fasc. 1. P. 99–121.
- Суриков 1997 — *Суриков И.Е.* Перикл и Алкмеониды // ВДИ. 1997. № 4. С. 14–35.
- Суриков 1999 — *Суриков И.Е.* Историко-географические проблемы понтийской экспедиции Перикла // ВДИ. 1999. № 2. С. 98–114.
- Суриков 2000а — *Суриков И.Е.* Два очерка об афинской внешней политике классической эпохи // Межгосударственные отношения и дипломатия в античности. Казань, 2000. Ч. 1. С. 95–112.
- Суриков 2000б — *Суриков И.Е.* Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох: Род Алкмеонидов в политической жизни Афин VII–V вв. до н. э. М., 2000.
- Суриков 2002 — *Суриков И.Е.* О некоторых факторах колонизационной политики Гераклеи Понтийской // Проблемы истории, филологии, культуры. 2002. Вып. 12. С. 72–82.
- Суриков 2005а — *Суриков И.Е.* Просопографическая заметка об афинской аристократии эллинистической эпохи // *Antiquitas aeterna*. 2005. Вып. 1. С. 122–130.
- Суриков 2005б — *Суриков И.Е.* ΔΗΜΟΤΕΥΤΑΙ: Политическая элита аттических демов в период ранней классики (К постановке проблемы) // ВДИ. 2005. № 1. С. 15–33.
- Суриков 2006 — *Суриков И.Е.* Черноморское эхо катастрофы в Сардах (Персидское завоевание державы Мермнадов и колонизационная политика Гераклеи Понтийской) // Античная цивилизация и варвары. М., 2006. С. 47–72.
- Суриков 2007а — *Суриков И.Е.* Имена правителей в государстве Спартокидов (о нескольких дискуссионных проблемах древнегреческой политической ономастики) // Древности Боспора. 2007. Т. 11. С. 380–393.

- Суриков 2007б — Суриков И.Е. К вопросу о характере тирании на Боспоре Киммерийском: стадияльно-типологический контекст // Из истории античного общества: Сборник научных трудов. Вып. 9–10: К 60-летию профессора Е.А. Молева. Нижний Новгород, 2007. С. 140–156.
- Суриков 2008 — Суриков И.Е. Античная Греция: политики в контексте эпохи. Время расцвета демократии. М., 2008.
- Суриков 2009а — Суриков И.Е. Кое-что о родственниках Эсхина и Демосфена («Раб Тромет», «предатель Гилон» и другие, или: а был ли «нимфейский след»?) // Древности Боспора. 2009. Т. 13. С. 393–413.
- Суриков 2009б — Суриков И.Е. Новые наблюдения в связи с ономастико-просопографическим материалом афинских остраконов // Вопросы эпиграфики. М., 2009. Вып. 3. С. 102–127.
- Суриков 2009в — Суриков И.Е. «Херсонес изначальный» или «предхерсонесское поселение»? // *Studia historica*. 2009. Т. 9. С. 185–201.
- Суриков 2011 — Суриков И.Е. Аркадий Анатольевич Молчанов (1947–2010) // ВДИ. 2011. № 1. С. 217–220.
- Тюменев 1938 — Тюменев А.И. Херсонесские этюды // ВДИ. 1938. № 2. С. 245–275.
- Федосеев 2003 — Федосеев Н.Ф. Археологические свидетельства об афинской клерухии в Синопе // ВДИ. 2003. № 3. С. 132–140.
- Anochin 1998 — Anochin V.A. Die Pontische Expedition des Perikles und der Kimmerische Bosphoros (437 v. Chr.) // *Stephanos nomismatikos*. Berlin, 1998. S. 33–44.
- Avram, Hind, Tsetskhladze 2004 — Avram A., Hind J., Tsetskhladze G. The Black Sea Area // *An Inventory of Archaic and Classical Poleis: An Investigation Conducted by the Copenhagen Polis Centre for the Danish National Research Foundation*. Oxford, 2004. P. 924–973.
- Blois 2006 — Blois L. de. Plutarch's Solon: A Tissue of Commonplaces or a Historical Account? // *Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches*. Leiden; Boston, 2006 P. 429–440.
- Blok 2009 — Blok J.H. Perikles' Citizenship Law: A New Perspective // *Historia*. 2009. Bd. 58. H. 2. S. 141–170.
- Braund 2005 — Braund D. Pericles, Cleon and the Pontus: The Black Sea in Athens c. 440–421 // *Scythians and Greeks: Cultural Interactions in Scythia, Athens and the Early Roman Empire (Sixth Century BC — First Century AD)*. Exeter, 2005. P. 80–99.

- Braund 2007 — *Braund D.* Greater Olbia: Ethnic, Religious, Economic, and Political Interactions in the Region of Olbia, c. 600–100 BC // *Classical Olbia and the Scythian World: From the Sixth Century BC to the Second Century AD.* London, 2007. P. 37–77.
- Brenne 2001 — *Brenne S.* Ostrakismos und Prominenz in Athen: Attische Bürger des 5. Jhs. v. Chr. auf den Ostraka. Wien, 2001.
- Ferrarese 1974 — *Ferrarese P.* La spedizione di Pericle nel Ponto Eusino // *Contributi dell'Istituto di storia antica (Milano)* 1974. Vol. 2. P. 7–19.
- Hansen 1989 — *Hansen M.H.* The Athenian Ecclesia II: A Collection of Articles 1983–1989. Copenhagen, 1989.
- Herman 1987 — *Herman G.* Ritualized Friendship and the Greek City. Cambridge, 1987.
- Herman 1990 — *Herman G.* Patterns of Name Diffusion within the Greek World and Beyond // *Classical Quarterly.* 1990. Vol. 40. No. 2. P. 349–363.
- Humphreys 1983 — *Humphreys S.C.* The Family, Women and Death: Comparative Studies. London, 1983.
- Konstan 1997 — *Konstan D.* Friendship in the Classical World. Cambridge, 1997.
- Lexicon 2005 — *Lexicon of Greek Personal Names.* Vol. 4: Macedonia, Thrace, Northern Regions of the Black Sea / Ed. by P. Fraser, E. Matthews, R.W.V. Catling. Oxford, 2005.
- Mattingly 1996 — *Mattingly H.B.* Athens and the Black Sea in the Fifth Century BC // *Sur les traces des Argonautes.* Paris, 1996. P. 151–157.
- Moretti 1957 — *Moretti L.* Olympionikai, i vincitori negli antichi agoni Olimpici. Roma, 1957.
- Schneiderwirth 1882 — *Schneiderwirth H.* Das pontische Herakleia. Heiligenstadt, 1882.
- Surikov 2001 — *Surikov I.E.* Historico-geographical Questions, Connected with Pericles' Pontic Expedition // *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia.* 2001. Vol. 7. No. 3/4. P. 341–366.
- Surikov 2004 — *Surikov I.E.* Athenian Nobles and the Olympic Games // *Mésogeios.* 2004. Vol. 24. P. 185–207.
- Vinogradov, Zolotarev 1999 — *Vinogradov J.G., Zolotarev M.I.* L'ostracismo e la storia della fondazione di Chersonesos Taurica // *Minima epigraphica et papyrologica.* 1999. Vol. 2. P. 111–131.

М.Д. БУХАРИН

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЛИ РАЗВОРОТ?

τὸ πέρασ τῆς ἀνακομιδῆς

В «ПЕРИПЛЕ ЭРИТРЕЙСКОГО МОРЯ» (3: 1. 12–15)

Аннотация: Двухсотлетие исследования «Перипла Эритрейского моря» до сих пор не выявили значение одного из базовых понятий торговой терминологии его безымянного автора: τὸ πέρασ τῆς ἀνακομιδῆς. Практически все исследователи трактовали это понятие как конечный пункт возвращения из плавания и относили его к Беренике. Анализ расстояний, приведенных автором «Перипла», показал, что под данным понятием следует понимать пункт разворота, а не возвращения, который следует локализовать в современном Анфайлском заливе (The Anfile Bay). Это означает, что один из путей морской торговли, описанных в «Перипле», не пересекал Баб эль-мандебский пролив.

Ключевые слова: Красное море, торговые пути, «Перипл Эритрейского моря», Береника, Адулис.

«Перипл Эритрейского моря» (40–70 гг. н. э.) — уникальный в своем роде источник. Дело даже не столько в том, что данный перипл — единственный текст, содержащий важнейшую информацию по политической и экономической истории, различным аспектам исторической географии целого ряда регионов от Египта до современной Танзании и от Мероэ до Китая. Уникальность его состоит и в том, что, несмотря на многочисленные переиздания, значительный объем информации в нем остается непонятым. «Перипл Эритрейского моря», с одной стороны, для издания очень привлекателен: текст сохранился всего в двух рукописях, объем его относительно небольшой, накоплен достаточно солидный опыт интерпретации. С другой стороны, слишком широкий географический разброс информации, необходимость оперировать данными совершенно неродственных традиций, «корявый» язык автора, скудость рукописной традиции и отсутствие аналогичных источников делают работу с «Периплом Эритрейского

моря» в высшей степени затруднительной. Базовые и, казалось бы, элементарные вопросы длительное время не могут найти своего разрешения. Например — местонахождения начальных и конечных пунктов отправления.

Текст начинается, как и положено, с указания начальных пунктов отправления (1: 1. 2–4): более северного Миос Гормос (совр. Старый Кусейр — *Qusaqr al-qadīm*¹), за которым в 1800 стадиях на юг следует Береника². Из данного параграфа можно сделать вывод, и вполне логичный, что корабли отправлялись в плавание по Красному морю из Миос Гормоса. Однако далее в тексте основным ориентиром для автора является отнюдь не Миос Гормос, а именно Береника: указывая на наиболее южные порты африканского берега, автор «Перипла» говорит об их расположении относительно Береники: *τῆς ἐν δεξιοῖς ἀπὸ Βερνίκης ἠπείρου* (18: 6. 22). Описывая затем путь с африканского берега на аравийский, в Левке Коме, автор «Перипла» вновь начинает его не от Миос Гормоса, а от Береники: *Ἐκ δὲ τῶν εὐωνύμων Βερνίκης ἀπὸ Μυδῶν ὄρμων δυοὶ δρόμοις ἢ τρισίν...* (19: 6. 26–27). Расположение порта Муза на крайнем юго-западе Аравийского полуострова также дается автором относительно Береники (указывается расстояние в 12000 стадий), лежащей при этом на противоположном берегу (21: 7. 20).

Едва ли можно убедительно прокомментировать данное обстоятельство, касающееся автора «Перипла», исходя лишь из тех скудных данных, которые содержатся в самом тексте источника. Любое предположение обречено остаться предположением до тех пор, пока сведения по организации морской торговли в Красном море не будут существенным образом дополнены документальным материалом.

Нельзя не отметить и следующего фрагмента «Перипла», толкование которого в исследовательской литературе не вызывает доверия:

Μετὰ δὲ τοὺς Μοσχοφάγους ἐπὶ θαλάσσης μικρὸν ἐμπόριον ἔστιν, ἀπέχον τὸ πέρασ τῆς ἀνακομιδῆς σταδίουσ περὶ τετρακισχιλίουσ, Πτολεμαῖς ἢ τῶν θηρῶν λεγομένη... (3: 1. 12–15).

¹ Об отождествлении и локализации см.: Бухарин 2007: 65–67.

² О локализации см.: Бухарин 2007: 67–69.

[За мосхофагами у моря есть маленький рынок, отстоящий от конечного пункта возвращения примерно на 4000 стадий, называемый Птолемаида Охотничья]³.

Из текста совершенно неясно, что имеется в виду под конечным пунктом возвращения. Автор «Перипла», указывая расстояние до тех или иных портов, ориентируется или на порт, указанный перед этим (от пункта А до пункта В Х стадий, а от пункта В до пункта С У стадий), или на исходную точку отсчета, которой, как указано выше, для автора «Перипла» являлась Береника. В случае с расположением Птолемаиды Охотничьей — третьим портом на воображаемом пути следования вдоль африканского берега Эритрейского моря, автор «Перипла» вдруг ориентируется не на предыдущий порт и не на порт опрвления, а на некий «конечный пункт возвращения». Можно подумать, что таким странным образом автор обозначил все же исходный пункт отправления, который и являлся пунктом возвращения. В зависимости от того, где, по мнению исследователя, должен был заканчиваться воображаемый обратный путь автора «Перипла», исследователи располагали его или в Беренике⁴, или в Миос Гормос⁵. Последнее предположение основывалось на том, что товары из Восточной Африки, Аравии и Индии гораздо удобнее было перевозить до Нила через Миос Гормос и Копт, чем через Беренику. Однако и в данном случае остается неснятым следующее: почему автор «Перипла» не сослался на предыдущий порт (Береника) или начальный порт отправления (Миос Гормос) под его обычным и вполне ожидаемым в данном контексте именем, а ссылается на некий пункт, расположение которого может быть ясно только «специалисту» — коллеге автора «Перипла», столь же уверенно пользующимся жаргонной терминологией морских торговцев?

История интерпретаций оборота τὸ πέρασ τῆς ἀνακομιδῆς («конечный пункт возвращения») в более ранних изданиях «Перипла» может быть представлена следующим образом:

³ Перевод цит. по: Бухарин 2007: 49.

⁴ В частности: Casson 1989: 245. За единственным исключением все предыдущие попытки пряснить смысл этого оборота также исходили из того, что под «конечным пунктом возвращения» имеется в виду Береника (см. ниже).

⁵ Бухарин 2007: 71.

Уильям Винсент — один из первых интерпретаторов «Перипла» — указал, что расположение Птолемаиды Охотничьей дано относительно Береники:

It lies about four thousand stadia from [the harbour which is established for] the reception of such articles of commerce as are brought from beyond the straits, that is from Berenice⁶.

При этом Винсент оспаривает точку зрения Дж. Хадсона — предыдущего издателя «Перипла»⁷, по мнению которого (в интерпретации Винсента) под началом залива (т.е. Красного моря) имелся в виду Баб эль-мандебский пролив. Винсент настаивает на том, что под τὸ πέρασ в данном случае следует иметь в виду «тот берег», т.е. восточноафриканское побережье Аденского залива (такое толкование допустимо при описании торговой активности в Аравии; см. например, упоминание «привозного», дословно — «потустороннего», т.е. африканского ладана в 8: 3. 30). Соответственно, раз товары с «того берега» доставлялись в Беренику, то и под «конечным пунктом возвращения» следует иметь в виду именно этот порт⁸.

Рассматриваемый фрагмент привлек внимание Г. Бернарди, выпустившего в свет небольшое исследование со спорадическими замечаниями к сочинениям греческих географов. По его мнению, τὸ πέρασ — «locus affectus» (искажение)⁹. Однако никаких трактовок Бернарди не предложил.

Б. Фабрициус — единственный, кто издавал «Перипл Эритрейского моря» дважды. В первом издании рассматриваемый фрагмент выглядел следующим образом:

Μετὰ δὲ τοὺς Μοσχοφάγους ἐπὶ θαλάσσης μικρὸν ἐμπόριον ἔστιν, ἀπέχον τῆς τῶν πέρασ ἀνακομιδῆς σταδίου περὶ τετρακισχιλίου, Πτολεμαῖς ἢ τῶν θηρῶν λεγομένη...

К этому фрагменту издатель дал примечание, в котором указал, что вариант ἀπέ. τῶν πέρασ τῆς ἀνακομιδῆς ранее предложил Г. Бредоу, а под Ἀνακομ. имеется в виду вывоз редких товаров¹⁰.

⁶ Vincent 1800: 84.

⁷ Hudson 1698.

⁸ Vincent 1800: 84, n. 43.

⁹ Bernhardt 1850: 22.

¹⁰ Fabricius 1849: 4.

Карл Мюллер — выдающийся знаток античной географии и издатель «Малых греческих географов» — не постеснялся вставить название Береники прямо в перевод соответствующего фрагмента древнегреческого текста, несмотря на отсутствие в нем каких-либо конкретных указаний:

*Post Moschophagos juxta mare parvum est emporium distans a Berenice quattuor fere millia stadiorum...*¹¹.

Понимая все же, что данная интерпретация, несмотря на попытки ее оправдать в соответствующем примечании, не очень убедительна, Мюллер предложил исправить в тексте «Перипла» ἀνακομιδῆς на ἀνατολικῆς, что, по его же мнению, не привнесет более ясного смысла, или исправить всю фразу ἀπέχον τὸ πέρασ τῆς ἀνακομιδῆς на ἀπὸ Βερνίκης τῆς ἀνὰ Κοπτικὴν или на ἀπέχον [Βερνίκης τῆς κατὰ] τὸ πέρασ τῆς ἀνω κομιδῆς. Очевидно, что ни одно из предложенных исправлений не улучшит понимание текста: расположение Птолемаиды Охотничьей более ясным не станет, а исправление текста слишком существенное, чтобы его принять.

Игнорируемый (и не всегда заслуженно!) в исследованиях по красноморской торговле в целом и в «перипловедении» в частности перевод «Перипла» Э. Штрёйбеля, часто выделяется неожиданностью выводов в комментарии. Так и в данном вопросе — относительно расположения Птолемаиды Охотничьей — Штрёйбель оказался оригинальнее своих предшественников. Он рассчитал, что расстояние в 4000 стадий от Птолемаиды приводит в Арсиною, которую, таким образом, и следовало бы рассматривать как точку отсчета в данном случае¹². Мнение Штрёйбеля следует, конечно, отклонить: Арсиноя не упоминается в тексте «Перипла» в качестве отдельного взятого торгового центра, она не лежала на море, да и выбор именно Арсинои в качестве точки отсчета не имел бы объяснения: описание плавания идет вдоль морского берега, а не вглубь материка. Кроме того, данная точка зрения подразумевала бы значительное перемещение локализации Миос Гормос и Береники, впрочем, признаваемое и самим Штрёйбелем.

Джон Уотсон МакКриндл — неутомимый переводчик античных текстов об Индии — не мог обойти вниманием такой источ-

¹¹ Müller 1855: 258.

¹² Streubel 1861: 10, Anm. 6.

ник как «Перипл Эритрейского моря»: Индия в нем занимает едва ли не половину объема. Уровень критичности МакКриндла при обращении к источнику был не высок: он довольствовался изданиями предшественников. Так, он добросовестно перевел на английский текст «Перипла» с латинского перевода К. Мюллера. Соответственно и в рассматриваемом фрагменте «конечным пунктом возвращения» для него оказалась Береника¹³.

Длительное время образцовым изданием «Перипла Эритрейского моря» считалась вторая публикация Б. Фабрициуса¹⁴. Древнегреческий текст рассматриваемого фрагмента претерпел в нем сильную правку:

Μετὰ δὲ τοὺς Μοσχοφάγους ἐπὶ θαλάσσης μικρὸν ἐμπορίον ἐστὶν, ἀπέχον Βερενίκης τῆς κατὰ τὸ πέρασ τῆς ἄνω κομιδῆς σταδίου περὶ τετρακισχίλιους, Πτολεμαῖς ἢ τῶν θηρῶν λεγομένη...¹⁵.

В соответствующем комментарии, кратко подытожив неудачный опыт предшествующих издателей (не упомянутых в данной статье), он, ссылаясь на более раннюю публикацию Г.Г. Бредоу¹⁶ и соглашаясь с выводами автора, пишет:

...ἀπέχον τὸ πέρασ τῆς ἀνακομιδῆς, d.h. der Ort liegt etwa 4000 Stadien von dem Platze, wo man die Waaren von jenseits der Strasse einbringt, d. i. Berenike.

Таким образом, как и другие комментаторы XIX столетия, Фабрициус воспроизвел в данном случае точку зрения У. Винсента.

Столь же неоригинален был У.Х. Шофф. Он также лишь указал в своем переводе на то, что 4000 стадий до Птолемаиды Охотничьей нужно отсчитывать от Береники¹⁷.

Автор лучшего (и единственного, а потому — до сих пор не превзойденного) филологического исследования «Перипла» Х. Фриск так же, как и ранее Бернарди, счел анализируемый фрагмент испорченным. Ранее предложенные корректуры он справедливо охарактеризовал как «неудовлетворительные». По мнению Фриска, если τὸ πέρασ относится к Беренике, то τῆς ἀνακομιδῆς

¹³ McCrindle 1879: 43–44.

¹⁴ Fabricius 1883.

¹⁵ Fabricius 1883: 38.

¹⁶ Bredow 1802: 746.

¹⁷ Schoff 1912: 22.

должно указывать на ввоз товаров не на север, в Беренику, а на юг, так как ἀνά и ἄνω в «Перипле» указывают на движение к югу, тогда как κατά — к северу. Так как Береника из египетских портов расположена южнее всего, то эти «непонятные слова» действительно могли бы, по мнению Фриска, относиться к Беренике (т.е. Береника была бы точкой отсчета 4000 стадий до Птолемаиды). Однако Фриск выражает удивление тем фактом, что автор «Перипла», описывающий африканский берег и рассматривающий Беренику как пункт отправления, характеризует ее же как конечный пункт возвращения. По мнению Фриска, в таком случае следовало бы добавить ἐν τῇ Αἰγύπτῳ. В итоге Фриск склоняется к тому, что фраза τὸ πέρασ τῆς ἀνακομιδῆς являлась глоссой к Βερνίκῃ, вставленной или читателем-египтянином, для которого Береника являлась крайне южным пунктом Египта, или позднейшим глоссатором, который, как и Фабрициус, неверно интерпретировал ἀνακομιδῆς как указание на движение на север и хотел таким образом обозначить пункт отправления автора «Перипла»¹⁸.

Трудно согласиться с Фриском в том, что ἀνακομιδῆ в рассматриваемом фрагменте «Перипла» должно обозначать движение на юг: если автор начинает свой путь, пусть и воображаемый, от Миос Гормос и Береники и продолжает его далее на юг, то и вернуться на юг не представляется в данном контексте возможным. К сожалению, Фриск сразу же принял на точку зрения о том, что рукописное чтение в данном фрагменте является испорченным и не использовал возможностей самого текста для его толкования.

Во впервые изданной в 1979 г. и в переизданной в 1990 г. Хрестоматии «История Африки в древних и средневековых источниках» данный фрагмент «Перипла» оригинально (как и многое другое) интерпретировал Г.М. Бауэр:

За мосхофагами, у моря, есть маленький рынок, отстоящий [от ...] конечного пункта привоза, идущего вверх, приблизительно на 4000 стадий¹⁹.

В комментарии Бауэр указал на то, что рукописный текст испорчен и что, хотя «вверх» в «Перипле» обычно означат «юг», в данном случае по смыслу должна иметься в виду Береника²⁰.

¹⁸ Frisk 1927: 104.

¹⁹ Бауэр 1990: 100.

²⁰ Бауэр 1990: 108, прим. 9.

Перевод Бауэра не может быть принят, так как получается, что «вверх идет» «конечный пункт привоза», что, очевидно, бессмысленно.

Дж.У.Б. Хантингфорд в своем переводе следовал рассуждениям Фриска: τὸ πέρασ τῆς ἀνακομιδῆς он рассматривал как глоссу, которую исключил из него и придал, таким образом, своему переводу необходимую стройность: «After the Moskhophagoi there is beside the sea a small mart, distant about 4000 stades, called Ptolemais of the Huntings»²¹ (трактовке названия Птолемаида Πτολεμαῖς ἡ τῶν θηρῶν — используя «huntings» вместо «hunters», Хантингфорд явно пытался в ущерб смыслу придать анализируемому топониму определенное созвучие с собственной фамилией). Следуя Хантингфорду, нужно признать, что Птолемаида Охотничья расположена в 4000 стадиях (ок. 740 км) к югу от Береники. Это, очевидно, невозможно, так как согласно «Периплу» (4: 1. 19–20), в 3000 стадиях от Птолемаиды уже лежит Адулис: растянуть побережье от Береники до Адулиса на 7000 стадий (ок. 1295 км) невозможно, даже если принять во внимание возможные искажения в измерениях.

Л. Кассон, как уже указывалось, в комментарии также счел τὸ πέρασ τῆς ἀνακομιδῆς глоссой, относящейся к Беренике. Удалив ее из перевода и обозначив вслед за Фриском порчу текста, он предложил следующий перевод:

Beyond the Moschophagoi, about 4000 stades distant ... on the sea is a small port of trade called Ptolemais Thêrôn [“Ptolemais of the Hunts”]²².

Данный вариант, лишенный слабых мест своих предшественников, страдает, однако, другим недостатком: автор «Перипла» точно указывает расстояние между портами на всем протяжении африканского побережья. В варианте Кассона же такое указание отсутствует, что, очевидно, едва ли могло иметь место в исходном тексте.

Таким образом, указание автора «Перипла Эритрейского моря» на то, что Птолемаида Охотничья отстоит от «конечного пункта возвращения» на 4000 стадий все издатели «Перипла» воспри-

²¹ Huntingford 1980: 19–20.

²² Casson 1989: 51.

нимали как результат порчи рукописного текста. При этом в самой рукописи следов вторжения в данном фрагменте не наблюдается. Тем не менее, под самим «конечным пунктом возвращения» за двумя исключениями (Арсиноя и Миос Гормос) издатели и интерпретаторы текста понимали Беренику.

Описание пути на юг от Птолемаиды, как кажется, приоткрывает завесу тайны, сгустившейся над рассматриваемым фрагментом «Перипла» и способно уберечь текст от необоснованной правки. Автор «Перипла» указывает (4: 1. 19–20) на то, что в 3000 стадиях от Птолемаиды расположен Адулис. За Адулисом в 200 стадиях на юг лежит остров Гористый²³ (4: 1. 21–22), а еще далее на юг, в 800 стадиях, лежит «еще один глубокий залив», в котором одним только добывается обсидиан (5: 2. 16)²⁴. Далее, как говорит автор «Перипла» (7: 3. 8), Аравийский залив (т.е. Красное море) поворачивает на восток, т.е. здесь заканчивается описание рынков внутри современного Красного моря, и воображаемый путь торгового судна выходит за пределы Баб эль-мандебского пролива.

Конечно, от последнего из заливов, описанного автором «Перипла», до выхода из Красного моря еще несколько сот километров. Однако, так как последние торговые операции на африканском берегу проводились в заливе, в котором лежит Адулис — совр. Gulf of Zula (ранее именовался The Annesley Bay), то дальнейший путь внутри Красного моря автора «Перипла» не интересовал: дальше следовал выход из него и поворот на восток.

Сложив расстояние от Птолемаиды Охотничьей до Адулиса (3000 стадий), от Адулиса до острова Гористый (200 стадий) и от острова Гористый до «другого глубокого залива» (800 стадий), получим искомые 4000 стадий, на которые отстоит Птолемаида

²³ Имеется в виду о. Диссей (Casson 1989: 102–103).

²⁴ Этот залив традиционно идентифицируется с заливом Хоачил (Casson 1989: 109). Однако залив Хоачил расположен столь близко к о. Диссей, что 800 стадий — слишком много, чтобы принять это отождествление даже с возможными искажениями. Кроме того, залив Хоачил не имеет ярко выраженного входа, о котором говорится в «Перипле» как о засыпанном песком (5: 2. 17). По всей видимости, автор «Перипла» имел в виду следующий залив (The Anfile Bay), форма которого, действительно, может ассоциироваться с глубиной. Так как залив имел высокое песчаное дно, то речь, конечно, не идет о том, что залив был глубок в прямом смысле слова.

Охотничья. Таким образом, этот самый залив и есть «конечный пункт возвращения». Однако «возвращение» в данном случае следует понимать не как «достижение пункта отправления на обратном пути», а как «разворот».

Автор «Перипла» перечисляет товары, которые можно было купить и продать в данном районе. И этот список — один из самых длинных во всем «Перипле»:

Ввозят же в эти места грубые варварские гиматии, производимые в Египте, арсионоитские стóлы, броские цветные аболлы, и полотенца, и ткани, подшитые с двух сторон, и много разновидностей прозрачного стекла, и другого — морринового, производимого в Диосполе, латунь, которой пользуются для украшения и для разрезания на кусочки вместо монет, и медные кувшины медового цвета — для приготовления пищи или разрубания на ручные и ножные браслеты для некоторых женщин, и железо, используемое на стрелы против слонов, других зверей и врагов. Также и топоры ввозят, и скребки, и ножи, и большие круглые медные кувшины, и немного денариев для иностранцев, и немного италийского и лаодикийского вина, и немного оливкового масла. Для царя же — серебряные и золотые {изделия}, изготовленные в местном стиле, и из одежды — аболлы и гаунаки без рисунка, эти — недорогие. Также из внутренних областей Ариаки индийское железо и сталь и индийскую хлопковую ткань довольно широкого покроя, называемую монахе, и сагматогены, и набедренные пояса, и гаунаки, и одежду из мальвы, и немного полотна, и цветной краситель. Везут же из {этих} мест слоновую кость, и черепашку, и носорога²⁵.

Очевидно, что данный регион был весьма важен для торговцев из римского Египта: даже товары для царя Аксума ввозились через него. Сюда же, а не только в Южную Аравию и собственно Египет, прибывали и товары из Индии.

Трактовка выражения τὸ πέρασ τῆς ἀνακομιδῆς как «разворот» показывает, что далеко не все римские торговцы, о которых пишет автор «Перипла», рисковали выходить за пределы Баб эль-мандебского пролива; часть их них довольствовалась торговыми операциями внутри современного Красного моря. Данный вывод уточняет положение, высказанное ранее Л. Кассоном о том, что, хотя автор «Перипла» описывает два основных направления тор-

²⁵ Перевод цит. по: Бухарин 2007: 50.

говли — от Египта вдоль африканского побережья и от Египта же до Индии, разрозненные замечания автора «Перипла» позволяют предположить, что далеко не все торговцы следовали до конца пути: некоторые останавливались в Адулисе, Музе или Кане²⁶. Торговцы не останавливались в Адулисе, а продолжали свой путь до современного Anfile Bay, где и происходил разворот на 180°.

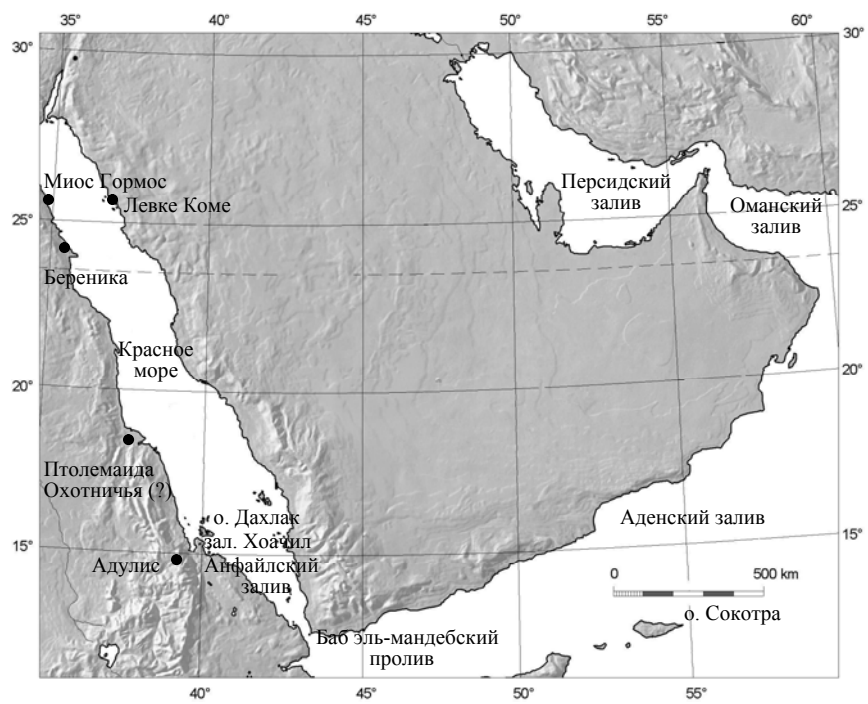
Из красноморских маршрутов Кассон не выделил те, которые вели вдоль аравийского побережья Красного моря из Восточной Африки. На их существование указывает сам автор «Перипла», когда говорит о транспортировке тех или иных товаров «варварами» с африканского берега в аравийские порты Муза и Окелис (8: 3. 19–20) и «в Аравию» (8: 3. 31), а также о том, что набатейский порт Левке Коме предназначен для приема товаров, отправляемых «из Аравии» (19: 6. 30). Не выделен также маршрут с африканского берега на аравийский — из Бериники в Левке Коме (19: 6. 26–27). Трактровка выражения τὸ πέρασ τῆς ἀνακομιδῆς как «разворот» позволяет выделить еще один: от Миос Гормос до современного Анфайлского залива.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бухарин 2007 — Бухарин М.Д. Неизвестного автора «Перипл Эритрейского моря»: текст, перевод, комментарий, исследования. СПб., 2007.
- Бауэр 1990 — История Африки в древних и средневековых источниках. Хрестоматия. 2-е изд. М., 1990. Неизвестного автора «Перипл Эритрейского Моря» (§ 1-18). Пер. Г.М. Бауэра.
- Bernhardy 1850 — Bernhardy G. *Analecta in geographos graecorum minores*. Halle, 1850.

²⁶ “The prime purpose of the *Periplus* is to describe two major lines of trade, both of which started from the Red Sea ports of Egypt. Upon leaving the Red Sea, the first followed the coast of Africa, while the second went eastward as far as India... However, through remarks that the author drops here and there, we are able to discern certain other lines originating from different places and carried on by different casts of characters... some traders went the whole length of a route, all the way down the east coast of Africa to Rhapta or all the way across to India, but... some stopped short, at Adulis or Muza or Kanê” (Casson 1989: 15).

- Bredow 1802 — *Bredow G.G.* Untersuchungen über einzelne Gegenstände der alten Geschichte, Geographie und Chronologie. Zweites Stück. Altona, 1802.
- Casson 1989 — *Casson L.* The Periplus Maris Erythraei. Text with Introduction, Translation and Commentary. Princeton, 1989.
- Fabricius 1849 — *Fabricius B.* Arriani Alexandrini Periplus Maris Erythraei. Dresdae, 1849.
- Fabricius 1883 — *Fabricius B.* Der Periplus des Erythraeischen Meeres von einem Unbekannten. Leipzig, 1883.
- Frisk 1927 — *Frisk H.* Périples de la Mer Érythrée suivi d'une étude sur la tradition et langue. Göteborg, 1927 (Göteborgs Högskolas Årsskrift. Bd. 33).
- Hudson 1698 — *Hudson Jo.* APPIANOY ΠΕΡΙΠΛΟΥΣ ΤΗΣ ΕΡΥΘΡΑΣ ΘΑΛΑΣΣΗΣ. ARRIANI PERIPLUS MARIS ERYTHRAEI // Geographie Veteris Scriptores Graeci Minores. Cum Interpretatione Latina, Dissertationibus, ac Annotationibus. Oxoniae, 1698. Vol. I.
- Huntingford 1980 — *Huntingford G.W.B.* The Periplus of the Erythraean Sea by an Unknown Author. With Some Traces from Agatharkhides «On the Erythraean Sea». London, 1980 (Works Issued by the Hakluyt Society. Second Series. 151. Issued for 1976).
- McCrimble 1879 — *McCrimble J.W.* The Commerce and Navigation of the Erythraean Sea; Being a Translation of the Periplus Maris Erythraei, by an Anonymous Writer and of Arrian's Account of the Voyage of Nearkhos from the Mouth of the Indus to the Head of the Persian Gulf. London; Bombay; Calcutta, 1879.
- Müller 1855 — *Müller C.* ΑΝΩΝΥΜΟΥ [ΑΡΡΙΑΝΟΥ, ΩΣ ΦΕΡΕΤΑΙ] ΠΕΡΙΠΛΟΥΣ ΤΗΣ ΕΡΥΘΡΑΣ ΘΑΛΑΣΣΗΣ. Anonymi [Arriani, ut fertur] Periplus Maris Erythraei // Geographi Graeci Minores. E codicibus recognovit, prolegomenis, annotatione, indicibus instuxit, tabulis aeri indicis illustravit Carolus Mullerus. Parisiis, 1855. Volumen Primum.
- Schoff 1912 — *Schoff W. H.* The Periplus of the Erythraean Sea. Travel and Trade in the Indian Ocean, by a Merchant of the First Century. London; Bombay; Calcutta, 1912.
- Streubel 1861 — *Streubel E.* Des Pseudo-Arrians Umschiffung des Erythraeischen Meeres — die ersten neun Kapitel vollständig, die übrigen in Ausgaben (Jahres-Bericht über die Stralauer höhere Bürger-Schule für das Schuljahr von Michaelis 1860 bis Michaelis 1861, womit einladet C. Hartung. B., Druck von Hickethier). Berlin, 1861.
- Vincent 1800 — *Vincent W.* The Periplus of the Erythraean Sea. An Account of the Navigation of the Ancients... London, 1800. Part 1.

Илл. 1.
Красное море в «Перипле Эритрейского моря»

Л.С. ЧЕКИН

ЭСХАТОЛОГИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ В IX ВЕКЕ

КОНЕЦ ЗЕМЛИ И ОБРАЩЕНИЕ ПОСЛЕДНИХ НАРОДОВ

Аннотация: Возрожденная как в Византии, так и на латинском Западе идея империи привела к новому осознанию пространственного мира и вновь оживила эсхатологические ожидания, согласно которым пространственное расширение христианства до «концов земли» приблизит и временной конец мира. Сравнительное изучение свидетельств о обращении хазар в иудейскую веру (Христиан из Стаvlo), о миссии Ансария к свеонам (Римберт) и о так называемом первом крещении руси (в Окружном послании патриарха Фотия) добавляет новое измерение соперничеству между церквями во второй половине IX века. Они устремлялись к последнему пределу христианской миссии, к «концам земли», в результате создавая этнографическую карту региона, известного в наше время как Восточная и Северная Европа.

Ключевые слова: Эсхатология, миссия, гог и магог, кинокефалы, русь, норманны, хазары, Христиан из Стаvlo, Ансарий, Фотий.

Как в Византии, так и в раннесредневековой латинской Европе географические идеи были связаны с историей человечества, понимаемой как история Спасения. Круг земной представлялся как арена действия исторических событий: пространство средневековой карты или нарративного описания Земли не синхронно, оно включает ссылки на исторические события от Сотворения мира до Страшного суда, причем концы мира, периферийные области, соотносятся с концом света¹. Поэтому у географии, создававшейся раннесредневековыми писателями и путешественниками, был заметный, а иногда и преобладающий эсхатологический аспект.

¹ См. von den Brincken 1968; Gautier Dalché 1991; von den Brincken 1992.

Я сопоставляю свидетельства о трех загадочных событиях девятого столетия, которые в посвященной им богатейшей историографии обычно рассматриваются отдельно друг от друга². Одно из этих свидетельств — сообщение Христиана из Ставло около 870 г. о обращении хазар в иудейскую веру. Второе свидетельство — это описание миссии к «свеонам» в «Житии Ангария», составленном Римбертом около 875 г. Третье свидетельство — Окружное послание патриарха Фотия 867 г., которое извещает об отправке епископа к народу «рос».

Общая черта трех известий о религиозном обращении народов — географическое направление всех трех событий. Крайний северо-восток известного тогда мира, где состоялись эти события, еще со времен библейских пророков был маркирован как источник зла и гибели. Возрождение Западной и Восточной империй в IX в. дало импульс новым эсхатологическим ожиданиям, которые проявились в крещении народов северо-востока, и которые нашли подтверждение в обращении хазар. Эти эсхатологические ожидания сыграли роль и в соперничестве между Восточной и Западной церквями во второй половине IX в., в особенности во время патриаршества Фотия и понтификата Николая I.

Эсхатологические ожидания могут пониматься либо оптимистически, позитивно (крещение последних народов), либо пессимистически и негативно (народы гог и магог). Ужас гибнущего мира не должен заслонять перспективу пришествия Господа, которое истинно верующие ожидают с надеждой и преданной любовью. Эта перспектива вдохновляла первых миссионеров, отправившихся в IX в. в северные земли.

Миссионерская задача

Новейший и заключительный период мировой истории, после сошествия св. Духа на апостолов, следует понимать как пространственное расширение христианства до «концов земли», что в Новом завете непосредственно связано с ожиданием Страшного суда: временной конец откладывается до тех пор, пока не будет завершена миссия. В соответствии с версией малого апокалипсиса у

² В статье дополняются выводы, ранее сделанные в следующих публикациях: Chekin 1997; Chekin 2008.

Матфея, «проповедано будет сие Евангелие Царствия по всей вселенной, во свидетельство всем народам; и тогда придет конец» (Мф. 24, 14; ср. Мк. 13, 10). Объединение последних скорбей и миссионерской задачи не является побочным мотивом. Некоторые библеисты старались показать, что тема миссии как неперменного условия конца света проходит через все Деяния Апостолов и большую часть сочинений Павла³.

Апостолам отведена ключевая роль в выполнении божественного плана искупления: «и будете Мне свидетелями в Иерусалиме и во всей Иудее и Самарии и даже до края земли» (Деян. 1, 8). Согласно Р. Аусу, Павел желал отправиться в Испанию (Рим. 15, 24; 28) именно по причине ее нахождения у крайних пределов земли⁴.

В письме к далматинскому епископу Исихию от 418 г. Августин указал, что апостолы не завершили миссионерскую задачу. Не им одним было наказано проповедовать до края земли, но и последующим поколениям, что отодвигает сроки Второго пришествия. Августин упомянул народы за пределами римского владычества, которые были совершенно не затронуты христианством. У Церкви остаются возможности для роста, пока не исполнится пророчество о Христе, обращенное к его прообразу Соломону: «Он будет владычествовать от моря до моря и от реки до концов земли» (Пс. 71 [72], 8). «От реки» означает от того места, где Христос был крещен, так как оттуда Он начал проповедовать Евангелие, а «от моря до моря», по толкованию Августина — это и окруженный океаном земной круг, и все острова океана со всеми народами⁵.

Евангельские стихи говорят именно о проповеди, а не обращении. По словам Августина, «у народов, где пока нет Церкви, необходимо, чтобы она появилась. Но это не значит, что все, кто там живет, уверуют»⁶. Это важно, поскольку проповедь среди язычников приобретает в эсхатологическом плане гораздо большее значение, чем, например, освобождение в прошлом христианских земель Азии или Африки из-под власти ислама.

³ Ср. Cullmann 1936; Thompson 1971.

⁴ Aus 1979.

⁵ Augustinus 1865: 922–923 (Ep. CXCIX. XII.47). См. анализ письма Августина к Исихию в: Chocheyras 1988.

⁶ Augustinus 1865: 923 (Ep. CXCIX. XII.48).

Британский миссионерский епископ в Ирландии в V в. Магнус Сукатус Патрикус (святой Патрик) размышлял о том, что он может «последовать примеру тех, которым Господь уже давно предсказал, что им суждено было проповедовать Его Евангелие во свидетельство всем народам до конца света, и мы видели, что так оно и исполняется. Ведь вот, мы свидетели тому, что Евангелие проповедано до тех мест, дальше которых уже никто не живет». Успешная миссионерская работа, которая протекала на фоне распадающейся Римской империи, укрепила его в убеждении, что он жил «в последние дни» (*in nouissimus diebus*, ср. Деян. 2, 17)⁷. Он прошел «через многие опасности, до внешних областей, дальше которых никто не жил, и до которых никто не доходил, кто бы крестил, или поставлял в священник сан, или сплотил народ в веру (*aut populum consummaret*)»⁸.

Идея о миссии на краю земли может соприкасаться с идеей странствия Христа ради (*peregrinatio propter Christum*) — того подвига аскетической бездомности и отчуждения от мира, который в особенности практиковался ирландскими монахами раннего средневековья. Монашеское благочестие заключалось не просто в том, чтобы оставить родных и близких и закрыться в монастыре, но в том, чтобы оставить и свой монастырь, отправившись в дикие пустыни дальних островов. Такие монахи были первыми поселенцами в Исландии и на других островах Атлантики. Однако ирландские первопоселенцы в Исландии принимали свои плавания в основном из аскетических соображений. Родиной они жертвовали ради жизни «в пустыне», но не ради проповеди Евангелия до краев земли⁹.

Конечно, не вполне справедливо отказывать в миссионерских намерениях ирландским монахам, которые сыграли столь важную роль в распространении христианства в континентальной Европе, как, например, Колумбан в Галлии после 591 г. Но хотя их миссионерская деятельность не была случайной и бессистемной, на первом месте у них стояли идеал бездомности и аскетическое совершенство.

⁷ Bieler 1993: 176 (I.34).

⁸ Bieler 1993: 186 (I.51).

⁹ Ср. von Campenhausen 1930: 21–23.

Св. Колумбан жил в ином мире, нежели св. Патрик. Вспомним картографическое видение, которое явилось Колумбану в Брегенце около 611 г. и убедило его отложить планы проповеди у «венетиев, которые также зовутся славянами». Святой увидел ангела Господня, который «в виде небольшой окружности, как обычно пером на странице изображают круг обитаемых земель, показал ему мироздание» и сказал: «ты видишь, что весь мир остается пустынным. Иди направо или налево, куда выберешь, дабы вкушать плоды дел своих»¹⁰. Для Колумбана мир был пустыней, где работа только начиналась, как при дворах лишь номинально христианских королей-Меровингов, так и среди языческих племен швабов или славян.

Патрик и Колумбан по-разному видели мир за пределами христианской цивилизации — как миссионерское поле и как пустыню. Оба видения могли и совмещаться, но относительное преобладание того или другого непосредственно зависело от судеб империи, Римской или, позднее, империи Каролингов и Оттонов. Миссионерская программа ирландских, англо-саксонских и других последователей Колумбана в течение VII и VIII вв. была в принципе универсальной. Они не забывали, что проповедуют на островах на краю земли¹¹. Однако для св. Бонифация, неутомимого крестителя Германии, всегда оставались непросвещаемые племена, «нечистые потомки Магога»¹².

Всепоглощающий миссионерский пыл св. Патрика опирался на эсхатологический оптимизм, на достоверное ощущение близости конца света, на уверенность в том, что христианская миссия

¹⁰ Gautier Dalché 1994: 697–698; Gautier Dalché 2008: 50–51. Я несколько меняю русский перевод в кн.: Ронин 1995: 361 в соответствии с пониманием данного места П. Готье-Дальше.

¹¹ См. O'Reilly 2002.

¹² Flaskamp 1929: 31–34. Сопоставляя эти слова со строками из другого стихотворения, Фласкамп заключил, что под «Магогом» понимались славяне, и что Бонифаций исключил славян из плана спасения, поскольку они говорили на совершенно непонятном языке (Согласно Фласкампу, границы миссии определялись распространением германских диалектов). На деле, другое стихотворение вовсе не дискриминирует славян, так как говорится в нем об особой склонности к невежеству и греху, которую проявляют «край германский, грубый народ славян и дикая Скифия» (Dümmler 1881: 13, 16; Ронин 1995: 413–421).

приблизилась к концу земли и последним народам. К каролингским временам основа для этого эсхатологического оптимизма постепенно вернется по мере того, как будет возрождаться идея империи.

Идея мирового владычества находилась в центре римских идеологии и политики как в имперский период, так и до него. Если Август и определил границы территорий под его управлением, то способность его государства или системы (пока не определявшейся термином «империя») в конечном итоге занять все пространство известного мира под сомнение не ставилась¹³. Последующие поколения представляли его эпоху так, как если бы идеал был достигнут. В течение всего средневековья Август воспринимался как правитель всего мира, принесший народам мир. Рождество Христово посреди рах Augusti освятило правление Августа и подняло его над всеми властелинами мира, за исключением, возможно, Константина Великого, первого императора-христианина. После обращения императора Константина в 312 г. «в империи видели средство для христианизации всего мира; тот факт, что рождение Христа совпало с правлением первого римского императора, казалось, обосновывал эти ожидания»¹⁴.

В каролингскую эпоху идеологи империи рассматривали ее рост за счет варваров как инструмент для христианизации мира и как отображение духовного единства всех христиан. Реальная власть императора в течение IX в. все уменьшалась, территория под его управлением сужалась, но Седулий Скотт, ирландец, живший в Льеже между 848 и 858 гг., писал панегирики Карлу Лысому и Лотарю I в традиции первой «Георгики» Вергилия: «tibi seruiat ultima Thule». Согласно Седулию Скотту, слава двух цезарей достигла Фулы (Туле), легендарного острова на крайнем северо-западе известного мира¹⁵. Имперская риторика оставалась актуальной, и традиционные географические имена напоминали о вселенских амбициях Римской империи.

На Востоке имперская идея была продуктом непрерывного развития. Хотя территория под реальной властью императоров безнадежно сократилась, в идеале она все еще совпадала с ойкуме-

¹³ См. Nicolet 1991.

¹⁴ Wood 1981: 85.

¹⁵ Gautier Dalché 1988: 218, 229, n. 7.

ной, всем обитаемым миром; единственным исключением, как и раньше, был варварский хаос на крайних пределах земли. В проповеди о нападении варваров на Константинополь в 860 г. Фотий подчеркнул, что незаконные враги угрожают не старому Иерусалиму, столице одного народа, но городу, царствующему «едва ли не над всей вселенной»¹⁶.

Византийская политическая риторика была нагружена религиозными смыслами. Религиозный смысл империи был впервые сформулирован Евсевием Кесарийским: ускорить распространение христианства путем объединения всего известного мира. Отсюда проистекает миссионерская задача византийского императора, которую он выполняет в идеальной гармонии с патриархом: «любая победа империи была победой для христианства, а любая победа христианства за пределами цивилизованного мира была победой империи»¹⁷.

После кульминации византийской миссионерской деятельности в VI в. при Юстиниане, миссия представляла собой скорее серию случайных успехов, чем программу. К середине IX в. восточная империя оправлялась от арабских завоеваний на востоке, от натиска германцев и славян в Европе и от междоусобной борьбы иконоборцев с иконопочитателями. Вновь начав расширяться, империя предприняла и широкомасштабную миссионерскую работу. Наиболее важным видом миссионерской работы в те времена были, по наблюдению И. Шевченко, не миссии в результате военных завоеваний и не поездки энтузиастов-одиночек, но миссии, «в которых дипломатическая деятельность была закамуфлирована как ответ на запросы извне»¹⁸.

Коронация Карла Великого в 800 г., совершившаяся по византийскому образцу, с одобрением народа и папским благословением, представило для византийских притязаний на всемирную империю серьезную проблему. С этого времени имперская идея будет развиваться во взаимодействии Восточной и Западной империй, которое было в дополнение осложнено различием в подходах между западными императорами и римскими папами.

¹⁶ Кузенков 2003: 27–28, 36–37 (Гомилия III.3).

¹⁷ Sevcenko 1988–1989: 8; см. также: Christou 1971.

¹⁸ Sevcenko 1988–1989: 13.

В IX в. миссионерская активность обеих империй пересекалась, в особенности в Моравии и Болгарии, что привело к ожесточенному соперничеству и знаменитой полемике между патриархом Фотием и папой Николаем¹⁹. И моравская, и болгарская миссии имели дело с народами, которые были уже давно включены в орбиту имперской политики. Но и здесь были моменты сотрудничества, примеры которого находим в деятельности крестителей моравов, святых Кирилла (Константина Философа) и Мефодия, пользовавшихся покровительством и Константинополя, и Рима. Определенное взаимопроникновение идей было неизбежно.

География народов

Результатом возрождения имперской идеи было обострившееся внимание к географическому, пространственному миру. Средневековье в основном сохранило картину мира, унаследованную от авторитетов поздней античности и, в частности, зафиксировавшую этническую и политическую ситуацию поздней Римской империи. Недостатки этой картины стали выявляться, когда средневековые географы заинтересовались территориями за пределами древнеримского географического знания, в особенности той областью, которая теперь называется Восточной Европой и Скандинавией. Этот интерес возбуждался и постоянными миграциями алтайских народов, и нападениями викингов. Так, целью структурных изменений в землеописании, предложенных Дикуилом в трактате 825 г. «Об измерении круга земель» и анонимом, от имени которого сохранился лишь инициал G., в трактате «О положении земного круга» (между 856 и 870 гг.), было показать географический фон норманнской угрозы²⁰. Несмотря на улучшения трансконтинентальных контактов, новой географической информации поступало немного. Доступной для понимания эта информация могла стать, только будучи включенной в систему традиционных географических сведений и идей.

В историографии последних десятилетий средневековые этнические группы все чаще описываются как ментальные категории, привнесенные извне, а не как результаты автохтонного институционального или экономического развития внутри самих

¹⁹ Dvornik 1948; Haugh 1975.

²⁰ Gautier Dalché 1983.

варварских обществ. Эта историографическая тенденция, частично обусловленная реакцией на крайности националистических представлений о доисторических этносах²¹, дала возможность исследователям средневековой этничности воспользоваться достижениями литературоведческих теорий²². Различные модели средневековой этничности, впрочем, не противоречат друг другу, поскольку идеологические конструкты и влияли на социальную реальность, и в свою очередь подкреплялись этой реальностью. Ни одно единственное объяснение возникновения национальных государств не может быть адекватным. Социальная сила имперского географического и эсхатологического дискурса является лишь одним из возможных объяснений, добавившимся к другим в результате сдвига историографических приоритетов в направлении словесного выражения и идеологии.

Загадочные и противоречивые сведения средневековой литературы часто могут указывать на тот факт, что определенные социальные категории приносились в мир варваров извне, и что этнографическая карта Восточной и Северной Европы была во многом создана случайными внешними наблюдателями, которые структурировали хаос новых данных, опираясь на собственные традиционные модели. Унаследованные от Рима представления о территориальной и лингвистической этничности переносились на варваров на краю ойкумены. Как и их римские и греческие предшественники, географы раннего средневековья преодолевали свой страх перед варварами, преобразовывая варварскую хаотическую массу в систему территориальных групп — в мир народов.

Регинон Прюмский (ум. в 915 г.), считающийся одним из провозвестников современного национализма, писал в своем часто цитируемом «Письме к архиепископу Хатону», что различные народы (*nationes populorum*) различаются по происхождению, обычаям, языку и законам (*genere, moribus, lingua, legibus*)²³. В своей хронике под 889 г. он отметил появление жесточайшего и свирепейшего народа венгров «из скифских царств, из бесконечных болот, образованных разливом Танаиса». Этот народ был ранее не

²¹ Ср.: Scott 1996.

²² Pohl 1994.

²³ Kurze 1890: XX.

известен и нигде не упоминался, и Регинон описал местоположение Скифии и скифские обычаи, дословно пересказывая Юстина и Павла Диакона²⁴.

Внутренние противоречия той «этнонациональной» классификации человечества, которая разрабатывалась средневековыми учеными, были, в общем, те же, что и в эпоху национализма и колониализма. Как отмечает южноафриканский специалист по колониальной картографии Джон Нойес, картографы, работавшие в Германской Юго-Западной Африке, не могли признать, что у туземцев были собственные представления о своем месте в мире. На деле же люди за пределами доминирующей цивилизации определяли и конструировали свой собственный пространственный порядок. У них также была своя система символов, которая придавала их пространственному порядку особые смыслы²⁵. «Народы» на краю цивилизованного мира не сразу научились приспосабливаться к представлениям о территориальной и лингвистической этничности.

Конечно, существуют значительные различия в принципах, согласно которым конструируются средневековый и современный миры народов. В современной этнографии важнейшую роль играет противопоставление кочевых и оседлых народов, определяющееся в экономических терминах²⁶. Но было бы неверным проецировать это противопоставление в средневековье и пытаться выявить некий конкретный «образ кочевника» наряду с общим «образом варвара»²⁷. Для средневекового ученого наблюдателя не имело значения, какой тип экономической деятельности обеспечил снаряжение варварского набега. Он понимал кочевничество прежде всего как подвижность и неукорененность и отмечал его наряду с другими свойствами хаоса, угрожающего христианской цивилизации: неизвестностью, безымянностью, низостью, удаленностью, дерзостью, беззаконием и безначалием²⁸.

²⁴ Kurze 1890: 131–132; Назаренко 1993: 105–110.

²⁵ Noyes 1995.

²⁶ Golden 1992.

²⁷ Khazanov 1984: 1.

²⁸ Это качества народа рос, перечисленные патриархом Фотием, см.: Кузенков 2003: 47 (Гомилия IV.2). Ср. Чекин 2000: 692–693. Характерно, что эпитет «кочевнический» (ἔθνος ... βαρβαρικόν, νομαδικόν) привел в недоуме-

Раннесредневековые наблюдатели организовывали хаотический мир варваров в соответствии с телеологической концепцией истории: как мир территориальных групп, которые могут быть обращены в христианство.

Основное направление, откуда варвары нападали на средиземноморскую цивилизацию (скифы, сарматы, готы, гунны, авары) — это север и северо-восток. Скифия, название региона на северо-восточной окраине известного мира, стало синонимичным идее варварства. Так, одна из самых ранних средневековых карт, Альбийская карта второй половины VIII в., определяет область между Каспийским и Черным морями как страну «варваров»²⁹. Эта коннотация присутствует в названиях других ориентиров на севере и северо-востоке известного мира: острова Севера, Каспийское море, Меотийское болото (Азовское море) и Кавказские горы.

Именно в этих областях средневековые географы помещали народы гог и магог, которых сатана, согласно книге Откровения, соберет перед концом света с «четырех углов земли» (Откр. 20, 7). В пророчествах Иезекииля упоминается Гог, князь Роша, Мешеха и Фувала, находящийся в земле Магог (Иез. 38, 2; 39, 1). В книге Бытия (10, 2) также есть Магог, но там он — один из сынов Иафета. Из этих библейских стихов развилась легенда, ставшая ключевым элементом в христианских и мусульманских представлениях о Севере — легенда о великом воинстве, собравшемся в ожидании конца света. В некоторый момент эта легенда объединилась с мотивом варварских племен, запертых Александром Македонским за некоей стеной, горой или воротами. Легенда о гоге и магоге и Александровых вратах прошла многие стадии развития в исламских и христианских традициях, и она нередко привлекалась для описания таких народов северо-востока, как гунны, авары или монголы. В таких случаях образ гога и магога не обязательно сохранял эсхатологическую коннотацию, но всегда представлял собой квинтэссенцию дикости, обозначал варвара, нарушающего все и всякие законы и табу.

ние современного комментатора, который ищет ему объяснение в «расширении зоны активности» руси и в институте полюдья: «эпитет, казалось бы, мало подходит для славян» (Кузенков 2003: 67).

²⁹ Albi, Bibliothèque Municipale, 29, fol. 57v. См.: Чекин 1999: 85–87.

На Эбсторфской карте XIII в., самой большой из сохранившихся до нового времени средневековых карт, следы легенд о гоге и магоге присутствуют на всей территории Севера. Основным источником является «Космография» Этика Истрийского (середина VIII в.) — авантюрный роман в форме космографического сочинения, представленный как перевод путевых заметок некоего греческого философа, который якобы сам объездил большую часть описываемых земель. Одна из форм названия реки Волхов (Olchis) сходна с названием гор, среди которых, согласно Этику, Магог, сын Иафета, построил город Хоолисту между Каспийским морем и Северным океаном. На острове в океане близ скифских берегов карта показывает тюрков из рода гога и магога (Turci de stirpe Gog et Magog). Но и сами гог и магог занимают заметное место на восточном берегу Каспийского моря. Апокалиптические народы изображены в виде двух устрашающих людоедов, надежно отделенных от остального мира стеной и горной грядой. Они пожирают оторванные руки и ноги несчастного человека, которому каким-то образом удалось пробраться в их страну (Илл. 1)³⁰.

Не совсем ясно, нужно ли нам истолковывать светлую прическу жертвы как нимб мученика. Возможно, он здесь изображен для того, чтобы проиллюстрировать каннибалистический обычай народов гог и магог, который описывается в картографической легенде внутри стены. Однако одна из легенд с наружной стороны стены сообщает, что евангельскую проповедь слышали в непосредственной близости от этой области зла: «Здесь в пустыне святые отцы много претерпели ради Христа» (Hic sancti patres in deserto multa pertulerunt pro Christo).

Изображение гога и магога на карте подводит нас к конкретной миссионерской проблеме. Мир средневековых географов сосредоточен на Христе. На Эбсторфской карте мира Христос объемлет все творение: и готов, и франков, и песьеглазцев, и амазонок. Таков же и смысл обращения к Христу в одной из коленопреклонных молитв в праздник Пятидесятницы в день сошествия огненных языков на святых апостолов: «ибо у Тебя власть над всеми, и в руках Твоих Ты

³⁰ Эбсторфская карта была уничтожена во время бомбардировки Ганновера в 1943 г. Обзор сохранившихся репродукций и данных о Севере см.: Чекин 1999: 136–152, карты 48–55, дополнения и исправления в кн.: Chekin 2006: 146–161, 459–466.

держишь все концы земли». Но могут ли быть спасены гог и магог? Возможна ли в их стране проповедь Евангелия?

Обращение гога и магога

Богослова, который ответил на этот вопрос в IX в., некоторые переписчики его основного труда, комментария на Евангелие от Матфея, называли Христианом Грамматиком, а в литературе более недавнего времени он известен как Христиан из Ставло. Он посвятил свой комментарий монахам Ставло и Мальмеди, двух монастырей в Арденнах, бывших под началом одного аббата. Помимо посвящения, связь Христиана со Ставло не вполне прояснена, поэтому именование «Христиан из Ставло» весьма условно.

Эти монастыри находились на территории, доставшейся злополучному внуку Людовика Благочестивого, Лотарю. Борьба Лотаря за право развестись с Теутбергой и за признание рожденных от него Вальдрадой детей своими наследниками стала краеугольным камнем каролингской политики во времена Христиана. Она продолжалась до безвременной и постыдной кончины Лотаря в 867 г. и передела его королевства между его дядями Карлом Лысым и Людовиком Немецким в 870 г. В течение всей средневековой и новой истории два монастыря пережили немало варварских набегов, до времен Французской революции, когда монахи были изгнаны, а здания разрушены.

Но первая крупная катастрофа случилась в конце 881 г., когда норманны, «пагубный и ненавистный всему миру народ данов», появились в Арденнах, грабя деревни и сжигая города³¹. Были разорены и Ставло, и Мальмеди³². Ни зданий, ни других объектов материальной культуры ранее этого времени не сохранилось, за исключением мощей св. Ремакла, которые были спасены бежавшими от грабителей монахами и которые ныне хранятся в церкви св. Себастьяна. Это событие представляет собой *terminus ante quem* завершения работы над комментарием³³.

Основной задачей Христиана из Ставло было раскрыть историческое (буквальное) значение Евангелия, что для него представ-

³¹ Holder-Egger 1887: 439.

³² См. ссылки на источники в кн.: Dümmler 1888: 158–159; Baix 1924: 99–101.

³³ Ср. Baix 1924: 173.

лялось единственной возможной дорогой к постижению духовного смысла. Согласно Христиану история является основой всякого знания. Поэтому для истолкования главы 24, в которой Христос говорит о Страшном суде, Христиан прибег к книге Откровения. По поводу стиха 12 («и по причине умножения беззакония во многих охладает любовь») Христиан отметил, что здесь речь идет о временах Антихриста. В связи со стихом 14 («И проповедано будет сие Евангелие Царствия по всей вселенной, во свидетельство всем народам; и тогда придет конец»), он вспомнил о помощниках Антихриста, народах гог и магог. И добавил: «Мы не знаем народ под небесами, в котором не было бы христиан. Даже среди гога и магога, гуннских племен, называющих сами себя хазары, одно племя, которое было сильнейшим из них, запертых Александром, теперь обрезалось и исповедует все догматы иудаизма. А болгары, относящиеся к тем же семи племенам, ныне обращаются в христианство»³⁴. Это замечание Христиана, источник которого, вероятно, локализуется в Южной Италии или в Риме 860-х – 870-х гг., является самым ранним свидетельством о загадочном и спорном событии, которое в литературе известно как принятие хазарами иудаизма³⁵.

Известие об обращении алтайских племен дало решение нашей миссионерской проблемы: проповедь среди гога и магога и возможна, и необходима. Народы гог и магог должны будут сыграть свою роль в конце света. Более того, как отметил Христиан из Ставло, одно из племен обратилось в иудаизм, и это означает, что успех христианской миссии среди этих людей не мог быть полным. Но в то же время, крещение другого их племени означает высшее торжество христианства: в этом эсхатологический аспект крещения болгар. Тема конца возникает в связи с крещением болгар и в других источниках. Ксантенские анналы, писавшиеся неподалеку от Ставло в области Нижнего Рейна, в статье 868 г. представляют крещение болгар как достойное исполнение папой Николаем миссии св. Петра, улавливания душ человеческих. Ведь

³⁴ Huygens 2008: 436: *Nescimus iam gentem sub caelo, in qua Christiani non habeantur. Nam et in Goc et Magoc, quae sunt gentes Hunorum quae ab eis Gazari uocantur, iam una gens, quae fortior erat ex his quas Alexander conduxerat, circumcisa est et omne Iudaismum obseruat. Bulgarii quoque, qui et ipsi ex ipsis VII gentibus sunt, cotidie baptizantur.* Ср. 335.

³⁵ Chekin 1997.

через папу Николая апостол Петр, «забросив невод проповеди в Европейский Понт, порученное ему некогда Господом рыболовство продолжил до самого конца мира (ad finem usque mundi)»³⁶.

Тема конца света и окончности мира возникает и в разговоре о других северных варварах, в том числе норманнах — западном аналоге хазар. Термин «варвары» сам по себе не очень часто применялся к норманнам. Однако все элементы образа злейших врагов цивилизации были в наличии³⁷, несмотря на долгую историю и военных, и мирных контактов, как на границе, так и в ключевых пунктах международной торговли, таких, как Бирка и Хедобю. Эти контакты и подготовили почву для принятия христианства³⁸.

Путешествия св. Ансария в Данию и Швецию отразились в «Житии Ансария» (между 865 и 876 гг.), написанном его учеником и последователем Римбертом (ок. 830–888 гг.). Около 851 / 852 г., когда Ансарий готовился к поездке на Север, ему в видении предстал скончавшийся в 826 г. Адальхард, аббат Корбийского и Корвейского монастырей. Аббат процитировал пророчества Исайи об островах, дальних народах и о конце земли (Ис. 49.1–7). Как мы узнаем из «Жития Ансария», эти слова непосредственно относятся к земле «свеонов», так как почти вся она состоит из островов, и так как «северная окончность мира находится в областях свеонов»³⁹. Итак, в «Житии Ансария» высказывается предположение, что миссия достигла крайних пределов известного мира.

Привнесена эта эсхатологическая настроенность Римбертом, или она отражает реальные мотивы поездки Ансария? В отличие от римбертовского «Жития Ансария», жизнеописание самого Римберта, написанное вскоре после его смерти в 888 г., но позднее отредактированное (единственная рукопись датируется XII в.), не уделяет достаточно внимания его миссионерской деятельности. Сообщается о его поездках за море, в частности в Свеонию, однако цель этих сообщений — показать, что он часто терпел корабле-

³⁶ de Simson 1909: 25. Ср. Мф. 4, 18–19.

³⁷ Ср. примеры: Zettel 1977: 137–138, 200, 208.

³⁸ Jankuhn 1967.

³⁹ Waitz 1884: 55: finis mundi in aquilonis partibus in Sueonum coniacet regionibus. Об эсхатологических коннотациях образа Скандинавии как архипелага см.: Gautier Dalché 1988; Чекин 2001.

крушения как апостол Павел, или же, что он нередко мог словом успокоить бурю.

«Житие Ангария» было адресовано монахам Корби с явной целью заручиться поддержкой для миссии, перспективы которой выглядели все менее радужными. Дж.Т. Пальмер выявил в «Житии Ангария» следы идей выдающегося корбийского богослова Пасхазия Радберта (ок. 786–860 гг.): «Радберт явно повлиял на представления Римберта о том, что происходило на Севере»⁴⁰. Важнейшим трудом Радберта был комментарий на Матфея. Третий и заключительный том комментария был составлен после того, как Радберт ушел с должности аббата Корби около 849 г.

Пасхазий Радберт различал в событиях своего времени непосредственное осуществление евангельских пророчеств⁴¹. Междоусобные войны франков и нашествия варваров были для него знаками приближающегося конца⁴². Как и Христиан из Ставло (писавший несколько позднее, но независимо от Радберта⁴³), он также указал на тот факт, что христианская вера распространилась по всему миру. Поясняя слова Евангелия от Матфея с помощью Августина (не каждый уверует, но каждому должна быть дана возможность услышать Евангелие), Радберт привел пример недавно построенных церквей в области неких «датских» племен⁴⁴.

Переписка Римберта с Ратрамном из Корби (ок. 825 – ок. 870 гг.) может еще полнее прояснить взгляды Римберта на будущее христианской миссии. От этой переписки сохранился только ответ Ратрамна, написанный до 865 г. Ратрамн проанализировал новую информацию, собранную Римбертом о кинокефалах — чудовищах с телом человека, но с песьей головой, которые лаяли вместо того, чтобы говорить. Основываясь на данных Римберта и сопоставляя их с известными с древности сведениями о кинокефалах-песьеголовцах, Ратрамн сделал вывод, что у чудовищ, описываемых Римбертом, есть разумная душа⁴⁵.

⁴⁰ Palmer 2004: 244–245.

⁴¹ Ср. Coupland 1991: 538.

⁴² Paulus 1984: 1159.

⁴³ Ср. Huygens 2008: 34, n.53, 38, n. 58.

⁴⁴ Paulus 1984: 1165: *sicut nuper in quibusdam gentibus Danorum constructas et fabricatas ecclesias quosdamque in eisdem baptizatos nouimus*; см. также 1163.

⁴⁵ Текст: Dümmler 1925, перевод: Рыбаков 2005.

Высказывались разные мнения о том, каково происхождение мотива о песьеглавцах вообще, и почему этот мотив локализовался на Севере в частности. Песьеглавцев видели на Севере задолго до Римберта: «Космография» Этика Истрийского (середина VIII в.) помещает этот народ на одном из островов Севера, называемом Муниция⁴⁶ (область с таким названием есть и на Эбсторфской карте). Название острова, возможно, кельтского происхождения, а сам остров весьма предположительно идентифицируется с горными областями Норвегии⁴⁷. Исследователи связывали подобные истории с конкретными традициями и ритуалами северных народов (меховые шапки, маски волка и проч.). Миниатюры греческих иллюстрированных псалтырей IX–XI вв., на которых Христос изображен в окружении песьеглавцев, указывают на другой важный источник этого образа, Псалом 21 (22), 17: «псы окружили меня»⁴⁸.

Кого бы Римберт (или, скорее, его информанты) ни признали за песьеглавых людей, следует согласиться с наблюдением И. Вуда: «по сути Римберт пытался установить границы для своей работы, как физические, так и концептуальные»⁴⁹. Для того, чтобы установить границы для всемирной миссии, географического определения концов земли было недостаточно. На окраинных «островах» граница между человеческим и чудовищным была далеко не очевидной.

Неудивительно, что гог и магог и песьеглавцы обладали общими характеристиками и подчас появлялись в средневековой литературе бок о бок. Например, в «Откровении» псевдо-Мефодия Патарского, написанном в Сирии в середине VII в. и вскоре переведенном на греческий и латинский языки, кинокефалы упоминаются среди племен гога и магога (в результате чего перечисление племен гога и магога у псевдо-Мефодия оказывается ранним свидетельством северной локализации песьеглавцев)⁵⁰. И те, и другие представляют собой крайнюю степень варварства, угрожавшего цивилизации, и крещение их могло знаменовать окончательную победу христианства.

⁴⁶ Prinz 1993: 114–116.

⁴⁷ Löwe 1975: 122–123.

⁴⁸ Friedman 1981: 59–86.

⁴⁹ Wood 1987: 65. См. также: Вуд 2005.

⁵⁰ Истрин 1897: 20.

Первое крещение руси

В то же время, когда Христиан из Ставло пытался выявить смысл обращения хазар и болгар, и когда св. Ангарий крестил свеонов, у византийцев также была возможность понаблюдать за народом последних дней. Это был «скифский» народ по имени «рос». Каковыми бы ни были его язык и другие этнические признаки, с точки зрения и каролингских, и византийских наблюдателей IX в. «рос» был тем же народом, что и норманны или, точнее, «свеоны».

Достаточно вспомнить свидетельство Бертинских анналов, самого раннего средневекового текста, где появляется имя народа «рос». В тот период анналы вел при дворе Людовика Благочестивого Пруденций (ум. в 861 г.), будущий епископ Труа.

Восемнадцатого мая 839 г. в Ингельгейм на Рейне, резиденцию Людовика Благочестивого, прибыло посольство от последнего византийского императора-иконоборца Феофила. При посольстве находилась группа людей, которые назвали себя представителями народа «рос», имя или титул своего короля передали как *Chasanus* (или, в другом чтении, *Chaganus*), а причину, по которой они были отправлены к Феофилу, определили как «ради дружбы» (возможно, росы имели в виду заключение мирного договора). В письме, которое было доставлено посольством, византийский император просил Людовика разрешить этим людям пройти через его земли, так как путь, которым они пришли в Константинополь, был небезопасен из-за свирепствовавших там диких племен. Но более внимательное расследование причин, по которым они прибыли в Ингельгейм, показало, что эти люди были «свеонами» (*gentis Sueonum*), и потому могли быть шпионами как в Византии, так и в Каролингской империи. Поэтому Людовик решил запросить у Феофила дополнительную информацию, а в ожидании ответа на запрос задержать этих подозрительных людей. Так первые «русские», упомянутые в историческом источнике, на деле оказались «шведами»⁵¹. С XVIII в. эта запись в Бертинских анналах была краеугольным камнем в «норманнской» теории происхождения российского государства и соответственно главным камнем преткновения для соперничавших с ней конструкций русской национальной идентичности⁵².

⁵¹ Grat, Viellard, Clémencet 1964: 30–31.

⁵² См.: Riasanovsky 1981: 337–338.

Год 839-й, в котором посольство прибыло в Ингельгейм, имел безрадостное начало. Анналист не записал никаких хороших новостей. Статья Бертинских анналов под этим годом начинается с описания очередного бунтарского предприятия Людовика Немецкого. В том же году Людовика Благочестивого весьма огорчила новость об обращении его духовника, епископа Бодона в иудаизм (Бодон принял имя Елеазар и бежал в Сарагосу). Затем мы узнаем о наводнении, опустошившем Фризию, а также о тревожных знамениях на небе. Непосредственно перед рассказом о посольстве Феофила анналы сообщают о письме, которое Людовик после Пасхи (шестое апреля) получил от английского короля. Король, в частности, описывал видение, явившееся после Рождества некоему богобоязненному священнику. Священник узнал, что, «если христиане быстро не покаются в своих разнообразных грехах и преступлениях, и если они не будут соблюдать День Господень строже и достойнее, то на них вскоре обрушится великое и разрушительное бедствие. В течение трех дней и ночей очень густой туман распространится по их земле, и затем внезапно язычники нападут на них во множестве кораблей и уничтожат огнем и мечом большую часть народа и страны христиан со всем их имуществом. Но если они готовы немедленно и искренне покаяться и прилежно искупить свои грехи постом, молитвой и раздачей милостыни согласно велению Господню, то они еще смогут избежать этих наказаний и бедствий благодаря заступничеству святых»⁵³. Посланники народа «рос» появились после всех этих знамений и предупреждений, им предшествовали вспышки зарниц и небывалые звездопады. Неудивительно, что Людовик решил уточнить имя этого народа и подробнее узнать о его намерениях.

Более чем двадцать лет спустя, в 860 г., народ «рос» напал на Константинополь, когда император Михаил III со своим войском предпринимал поход против арабов. Патриарх Фотий описал это нападение в двух проповедях. Фотий в основном черпал вдохновение из пророчеств Иеремии о народе от страны северной и от краев земли (Иер. 6, 22). Из-за наших грехов «выполз народ с севера, словно устремляясь на другой Иерусалим, и народ поднялся от краев земли, держа лук и копье; он жесток и немилосерд; голос их шу-

⁵³ Grat, Vielliard, Clémencet 1964: 29–30.

мит, как море»⁵⁴. Нападающие опустошили пригороды Константинополя, убивая все, что дышит, сваливая людей и скот в одну ужасную гору трупов. Но город был спасен тем средством, которое предлагал в 839 г. благочестивый английский священник: искренним покаянием. Жители Константинополя покалялись и обеспечили себе заступничество Богородицы, облачение которой, хранившееся в храме во Влахернах, Фотий обнес вокруг городских стен.

В проповедях Фотий не называет точного имени напавших⁵⁵: вероятно, это имя было для него достаточно новым. «Народ... безвестный — но получивший имя от похода на нас, неприметный — но ставший значительным, низменный и беспомощный — но взшедший на вершину блеска и богатства...»⁵⁶. Пафос риторического периода в том, что Бог выбрал в качестве своего бича самый презренный и недостойный народ — это свидетельствует о тяжести грехов жителей Константинополя. «Имя», которое этот народ получил, может просто предполагать славу, так как народ «рос», конечно, появлялся в византийских пределах и раньше (о чем мы, в частности, знаем из рассказа Бертинских анналов). Но этноним «рос» упоминается в различных описаниях нападения 860 г. в более поздних византийских хрониках. Явно ссылаясь на эти описания, «Повесть временных лет» отмечает, что Русская земля «начая прозывати» в царствование Михаила III (который был императором во время нападения руси на Константинополь)⁵⁷.

Около 861 г., вскоре после осады Константинополя, в Хазарию на север были отправлены два миссионера. Эти миссионеры были Константин Философ и Мефодий, которые позднее в Моравии начнут совершать литургию на славянском языке. Поездка Константина и Мефодия в Хазарию открыта различным интерпретациям. Возможно, одной из причин поездки был поиск союзников против народа «рос». Но В.И. Ламанский, анализирувавший в начале прошлого столетия «Житие Константина», предположил, что отправились

⁵⁴ Кузенков 2003: 24, 32 (Гомилия III.1).

⁵⁵ Имя «рос» появляется только в заглавиях, но не в текстах обеих проповедей (причем в одной из ранних рукописей вместо «рос» в заглавии дано «варвары»), см. Кузенков 2003: 39–40.

⁵⁶ Кузенков 2003: 47, 57 (Гомилия IV.2).

⁵⁷ См. публикацию источников: Кузенков 2003.

они именно к этому народу⁵⁸. Меотийское озеро и Каспийские ворота Кавказских гор, к которым они отплыли из Херсонеса согласно славянскому «Житию Константина»⁵⁹ (латинские тексты топографических данных не приводят), не обязательно обозначают реальный маршрут. Это географические объекты, традиционно ассоциирующиеся с северным краем земли, со страной гога и магога.

Было ли это результатом трудов Константина и Мефодия или нет, но «рос» вскоре появляется в качестве христианского народа. В Окружном послании к восточным патриархам 867 г. Фотий, подробно известив о положении с болгарской миссией, сообщает, что жестокий и кровожадный народ, «поднявший руки на саму Ромейскую державу», ныне крестился и принял епископа. На этот раз патриарх назвал и имя народа, рос. Это первое надежно датированное упоминание имени руси в византийской литературе. В том же послании Фотий выражает уверенность в том, что исполнятся слова Библии: «Узнают Меня все, от малого их до великого их (Иер. 38, 34), и по всей земле прошло слово апостольских учений, и до пределов вселенной — речи их (Пс. 18,5, Рим. 10,18)»⁶⁰.

Мы можем конкретизировать понятие «пределов вселенной» с помощью географической информации из «Библиотеки» Фотия. «Библиотека» представляет собой собрание рецензий и менее формальных заметок о книгах, составленное Фотием по просьбе его брата Тарасия в середине IX в., возможно, около 845 г.⁶¹ Библиотека включает в себя обзоры «Христианской топографии» Козьмы Индикоплова (которую Фотий высмеял) и книг о дальних странах — таких, как «Невероятные приключения по ту сторону Фулы» Антония Диогена и «О Персии» и «Об Индии» Ктесия. Фотий также знал «Историю войн Юстиниана» Прокопия Кесарийского, в которой, в частности, идет речь об угрозе с севера (в заметках Фотия упоминаются гунны, Меотийское озеро и ворота, построенные Александром Великим)⁶².

⁵⁸ Ламанский 1903–1904.

⁵⁹ Лавров 1930: 13.

⁶⁰ Кузенков 2003: 73, 75.

⁶¹ См. Treadgold 1980.

⁶² Henry 1959–1991, t. I: 21–22 (No. 36), 66–68 (No. 63), 90 (No. 65), 105–47 (No. 72); t. II: 140 (No. 166); t. V: 182, 186 (No. 241).

Все это представляло контекст, в который Фотий мог поместить северный народ «рос».

Имя «рос» сходно с одним из титулов Гога в Иез. 39, 1 согласно Септуагинте (отличается только ударение, так как в большинстве форм этнонима «рос» в древнейших источниках ударение обличенное, в отличие от острого ударения в библейском слове). Не раз предполагалось, что форма имени «рос» подверглась влиянию библейского текста⁶³. Насущной необходимости в такой гипотезе нет, поскольку форма имени «рос» объяснима как заимствование из славянского языка (те, кто напал в 860 г. на Константинополь, по всей вероятности, пользовались им при общении с византийцами)⁶⁴. Х. Станг несколько видоизменил гипотезу о влиянии библейского текста, посчитав, что при первом появлении этого народа в Константинополе (т.е. в 838 г.) имперским секретарям был предложен целый ряд различных наименований и форм, из которых была выбрана форма, наиболее сходная с библейской⁶⁵.

Конечно, усмотреть связь между яростными северными варварами и иезекииловским «рошем» было достаточно просто, и мы знакомы именно с таким этимологизированием в других, более поздних источниках⁶⁶. В 860 г. жители Константинополя могли задумываться о возможном эсхатологическом значении нападения народа «рос». Некоторые специалисты предполагают, что и сам Фотий усматривал эту связь уже в своей первой проповеди о набеге на Константинополь⁶⁷. Доказать это предположение сложно, так в проповеди Фотия нет ни имени «рос», ни цитат из Иезекииля⁶⁸. Мотивы из пророка Иеремии явно говорят о Божьей каре, которую можно предотвратить искренним покаянием. Эти мотивы часто повторяются в описаниях набегов норманнов. Так, анонимный свидетель норманнского набега на Ставило в 881 г. дает сходное

⁶³ Пархоменко 1924: 55–56; Сюзюмов 1940.

⁶⁴ См. Schramm 1981.

⁶⁵ Stang 1996: 298.

⁶⁶ См.: Vasiliev 1942–1943.

⁶⁷ Vasiliev 1942–1943: 122; Сюзюмов, Иванов 1988: 183.

⁶⁸ Флоровский 1925: 516. Ср. неудачную попытку обнаружить в этой проповеди ссылку на Иезекииля и даже на Апокалипсис — Stang 1996: 222.

объяснение этому событию и оснащает свой текст сходными цитатами (Иер. 1, 14 и 6, 22–23)⁶⁹.

Активная оптимистическая позиция, которой придерживались Фотий и другие крестители северных народов, коренным образом отличается от народных суеверных страхов, выразившихся в этимологизировании этнонима «рос» из библейского «рош». Оптимизм фотиевского Окружного послания к восточным патриархам и римбертовского «Жития Ансария» основывается на Евангелии, которое отвергает вопросы о временах и летах, а взамен предлагает программу миссии до концов земли (Деян. 1, 7–8).

Попытки крестить северные народы в IX в. предпринимались, прежде всего, по политическим соображениям (прекратить набеги викингов). Идеологическое оформление этих попыток на Западе и в Византии было также сходным, им сопутствовало ощущение конца апостольской миссии. Одновременный подъем имперской идеологии обусловил не только напряженное соперничество между византийцами и латинянами, как в случае спора о церковной юрисдикции Болгарии. Результатом подъема имперской идеологии явилась переоценка и реорганизация географических и этнографических знаний о «концах земли» и, возможно, обмен этими знаниями между византийскими и западными учеными.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Вуд 2005 — Вуд И. Кинокефалы: кто они? // ДГ. 2003 г. М., 2005. С. 13–35.
- Истрин 1897 — *Истрин В.М.* Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила в византийской и славяно-русской литературе. М., 1897.
- Кузенков 2003 — *Кузенков П.В.* Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение руси в средневековых письменных источниках // ДГ. 2000 г. М., 2003. С. 3–172.
- Лавров 1930 — *Лавров П.А.* Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л., 1930.
- Ламанский 1903–1904 — *Ламанский В.И.* Славянское житие св. Кирилла как религиозно-эпическое произведение и как исторический источ-

⁶⁹ Holder-Egger 1887: 439.

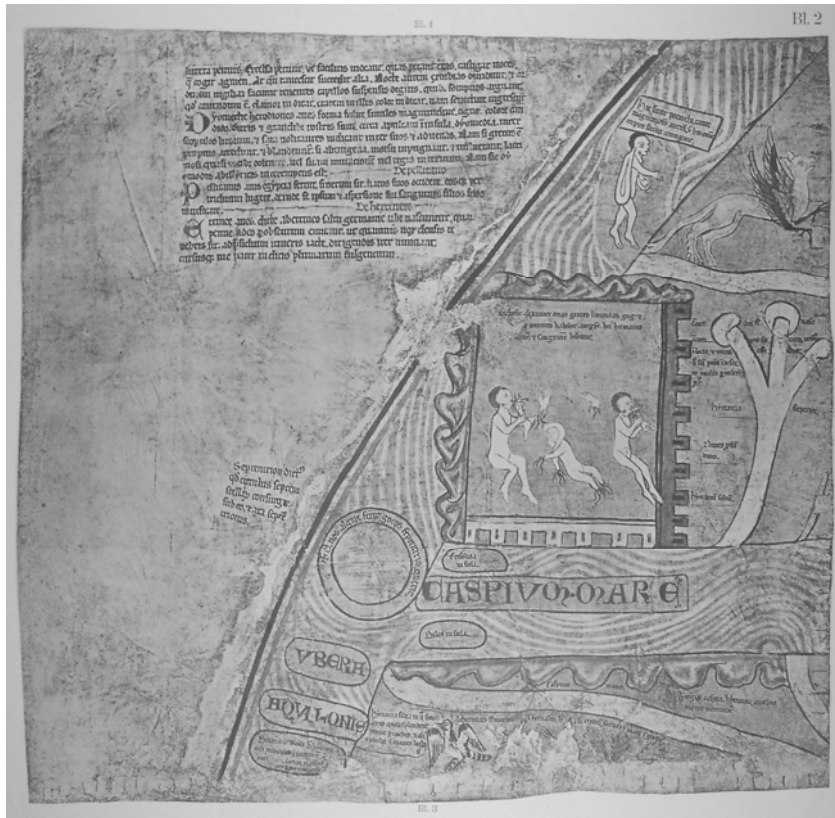
- ник // ЖМНП. 1903. Ч. 346 (апрель). С. 345–385; Ч. 347 (май). С. 136–161; Ч. 348 (июнь). С. 350–388; Ч. 350 (декабрь). С. 370–406; 1904. Ч. 351 (январь). С. 137–173.
- Назаренко 1993 — Назаренко А.В. Немецкие латиноязычные источники IX–XI веков: Тексты, перевод, комментарий. М., 1993 (Древнейшие источники по истории Восточной Европы).
- Пархоменко 1924 — Пархоменко В. У истоков русской государственности. Л., 1924.
- Ронин 1995 — Ронин В.К. Житие св. епископа Аманда. «Житие св. аббата Колумбана и его учеников» Ионы из Боббьо. «Загадки, посланные сестре» и переписка Бонифация. Письмо Алкуина // Свод древнейших письменных известий о славянах. М., 1995. Т. 2. С. 406–408, 359–363, 413–421, 461–463.
- Рыбаков 2005 — Ратрамн из Корби. Письмо св. Римберту о людях с песьими головами / Пер. В.В. Рыбакова // ДГ. 2003 г. М., 2005. С. 424–434.
- Сюзюмов 1940 — Сюзюмов М.Я. К вопросу происхождения слов Рос, Росия, Россия // ВДИ. 1940. № 2. С. 121–123.
- Сюзюмов, Иванов 1988 — Сюзюмов М.Я., Иванов С.А. Комментарий // Лев Диакон. История. М., 1988.
- Флоровский 1925 — Флоровский А. «Князь Рош» у пророка Иезекииля (гл. 38–39) (Из заметок об имени Русь) // Сборник в честь на Васил Н. Златарски. София, 1925. С. 505–520.
- Чекин 1999 — Чекин Л.С. Картография христианского средневековья VIII–XIII вв: Тексты, перевод, комментарий. М., 1999 (Древнейшие источники по истории Восточной Европы).
- Чекин 2000 — Чекин Л.С. Безбожные сыны Измаиловы: Половцы и другие народы степи в древнерусской книжной культуре // Из истории русской культуры. М., 2000. Т. 1 (Древняя Русь). С. 691–716.
- Чекин 2001 — Чекин Л.С. Первые карты Скандинавского полуострова // ДГ. 1999 г. М., 2001. С. 44–85.
- Augustinus 1865 — Sancti Aurelii Augustini, Hipponensis episcopi Opera omnia. Parisiis, 1865. Т. II (PL. Т. XXXIII).
- Aus 1979 — Aus R.D. Paul's Travel Plans to Spain and the "Full Number of the Gentiles" of Rom. IX 25 // Novum Testamentum. 1979. Vol. 21. P. 232–262.
- Baix 1924 — Baix F. Etude sur l'abbaye et principauté de Stavelot-Malmédy. Première partie: L'abbaye royale et bénédictine. Paris; Charleroi, 1924.

- Bieler 1993 — *Bieler L.* Libri Epistolarum Sancti Patricii Episcopi: Introduction, Text and Commentary. Dublin, 1993 (Clavis Patricii. Vol. II).
- von den Brincken 1968 — *von den Brincken A.-D.* Mappa mundi und Chronographia: Studien zur "Imago mundi" des abendländischen Mittelalters // Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters. 1968. Bd. 24. S. 118–186.
- von den Brincken 1992 — *von den Brincken A.-D.* Fines Terrae: Die Enden der Erde und der vierte Kontinent auf mittelalterlichen Weltkarten. Hannover, 1992 (MGH. Schriften. Bd. 36).
- von Campenhausen 1930 — *von Campenhausen H.* Die asketische Heimatlosigkeit im altkirchlichen und frühmittelalterlichen Mönchtum. Tübingen, 1930 (Sammlung gemeinverständlicher Vorträge und Schriften aus dem Gebiet der Theologie und Religionsgeschichte. Bd. 149).
- Chekin 1997 — *Chekin L.S.* Christian of Stavelot and the Conversion of Gog and Magog: A Study of the Ninth-Century Reference to Judaism among the Khazars // *Russia Mediaevalis*. 1997. T. IX.1. P. 13–34.
- Chekin 2006 — *Chekin L.S.* Northern Eurasia in Medieval Cartography: Inventory, text, translation, and commentary. Turnhout, 2006 (Terrarum Orbis. Vol. 4).
- Chekin 2008 — *Chekin L.S.* Geography, Eschatology, and Religious Conversions in the Ninth Century // *Religion and the Conceptual Boundary in Central and Eastern Europe: Encounters of Faiths* / Ed. by T. Bremer. Houndmills, Basingtoke; New York, 2008. P. 16–39.
- Chocheyras 1988 — *Chocheyras J.* Fin des terres et fin des temps d'Hésychius (Ve siècle) à Béatus (VIIIe siècle) // *The Use and Abuse of Eschatology in the Middle Ages* / Ed. by W. Verbeke, D. Verhelst, A. Welkenhuysen. Leuven, 1988. P. 72–81.
- Christou 1971 — *Christou P.* The Missionary Task of the Byzantine Emperor // *Byzantina*. 1971. Vol. 3. P. 279–286.
- Coupland 1991 — *Coupland S.* The Rod of God's Wrath or the People of God's Wrath? The Carolingian Theology of the Viking Invasions // *Journal of Ecclesiastical History*. 1991. Vol. 42. P. 535–554.
- Cullmann 1936 — *Cullmann O.* Der eschatologische Charakter des Missionsauftrages und des apostolischen Selbstbewusstseins bei Paulus [1936] // *O. Cullmann. Vorträge und Aufsätze, 1925–1962* / Hrsg. von K. Fröhlich. Tübingen; Zürich, 1966. S. 305–336.
- Dümmler 1881 — *Poetae Latini aevi Carolini* / Rec. E. Dümmler. Berolini, 1881. T. I (MGH. Poetae Latini medii aevi. T. I).
- Dümmler 1888 — *Dümmler E.* Geschichte des Ostfränkischen Reiches. Leipzig, 1888. Bd. 3.

- Dümmler 1925 — *Epistolae variorum* No. 12 / Ed. E. Duemmler // *Epistolae Karolini aevi*. Berolini, 1925. T. 4 (MGH Epp. T. 6). P. 155–157.
- Dvornik 1948 — *Dvornik F.* The Photian Schism. Cambridge, 1948.
- Flaskamp 1929 — *Flaskamp F.* Die Missionsmethode des hl. Bonifazius. Hildesheim, 1929 (Geschichtliche Darstellungen und Quellen. Bd. 8).
- Friedman 1981 — *Friedman J.B.* The Monstrous Races in Medieval Art and Thought. Cambridge, 1981.
- Gautier Dalché 1983 — *Gautier Dalché P.* Tradition et renouvellement dans la représentation de l'espace géographique au IXe siècle // *Studi Medievali*. 1983. 3a serie. T. XXIV. P. 121–165.
- Gautier Dalché 1988 — *Gautier Dalché P.* Comment penser l'Océan? Modes de connaissance des fines orbis terrarum du Nord-Ouest (de l'Antiquité au XIIIe siècle) // *L'Europe et l'océan au Moyen Age: Contribution à l'histoire de la navigation*. Nantes, 1988. P. 217–233.
- Gautier Dalché 1991 — *Gautier Dalché P.* L'espace de l'histoire: Le rôle de la géographie dans les chroniques universelles // *L'historiographie médiévale en Europe*. Paris, 1991. P. 287–300.
- Gautier Dalché 1994 — *Gautier Dalché P.* De la glose à la contemplation. Place et fonction de la carte dans le manuscrit du haut Moyen Age // *Testo e immagine nell'alto medioevo*. Spoleto, 1994 (Settimane di studio del Centro italiano di studi sull'alto medioevo. T. XLI). P. 693–771.
- Gautier Dalché 2008 — *Gautier Dalché P.* L'héritage antique de la cartographie médiévale: les problèmes et les acquis // *Cartography in Antiquity and the Middle Ages: Fresh Perspectives, New Methods* / Ed. by R.J.A. Talbert, R.W. Unger. Leiden, 2008. P. 29–66.
- Golden 1992 — *Golden P.B.* An Introduction to the History of the Turkic Peoples: Ethnogenesis and State-Formation in Medieval and Early Modern Eurasia and the Middle East. Wiesbaden, 1992.
- Grat, Vielliard, Clémencet 1964 — *Annales de Saint-Bertin* / Ed. par F. Grat, J. Vielliard, S. Clémencet. Paris, 1964.
- Haugh 1975 — *Haugh R.* Photius and the Carolingians: The Trinitarian Controversy. Belmont, Mass., 1975.
- Henry 1959–1991 — *Photius*. Bibliothèque / Ed. par R. Henry. Paris, 1959–1991.
- Holder-Egger 1887 — *Ex miraculis S. Remacli Stabulensibus* / Ed. O. Holder-Egger // *MGH SS. Hannoverae*, 1887. T. 15. Pars 1. P. 431–443
- Huygens 2008 — *Christianus dictus Stabulensis*. Expositio super Librum generationis / Ed. par R.B.C. Huygens. Turnhout, 2008 (Corpus Christianorum, Continuatio Mediaevalis. T. 224).

- Jankuhn 1967 — *Jankuhn H.* Das Missionsfeld Ansgars // Frühmittelalterliche Studien. 1967. Bd. 1. S. 213–221.
- Khazanov 1984 — *Khazanov A.M.* Nomads and the Outside World / Trans. by J. Crookenden. Cambridge, 1984.
- Kurze 1890 — *Reginonis abbatis Prumiensis Chronicon* / Rec. F. Kurze. Hannoverae, 1890 (MGH SS rer. Germ.).
- Löwe 1975 — *Löwe H.* Salzburg als Zentrum literarischen Schaffens im 8. Jahrhundert // Mitteilungen der Gesellschaft für Salzburger Landeskunde. 1975. Bd. 115. S. 99–143.
- Nicolet 1991 — *Nicolet C.* Space, Geography, and Politics in the Early Roman Empire. Ann Arbor, 1991.
- Noyes 1995 — *Noyes J.K.* The Natives in Their Places: “Ethnographic Discovery” and the Representation of Autonomous Spaces in Ovamboland, German South West Africa // History and Anthropology. 1995. Vol. 8. P. 237–264.
- O’Reilly 2005 — *O’Reilly J.* Islands and Idols at the Ends of the Earth: Exegesis and Conversion in Bede’s *Historia ecclesiastica* // *Bède le Vénérable entre tradition et postérité* / Ed. par S. Lebecq, M. Perrin, O. Szerwiniack. Lille, 2005. P. 119–145.
- Palmer 2004 — *Palmer J.T.* Rimbert’s *Vita Anskarii* and Scandinavian Mission in the Ninth Century // *Journal of Ecclesiastical History*. 2004. Vol. 55. P. 235–256.
- Paulus 1984 — *Pascasii Radberti Expositio in Matheo Libri XII (IX–XII)* / Cura et studio B. Paulus. Turnholti, 1984 (Corpus Christianorum, Continuatio Mediaevalis. T. 56 B).
- Pohl 1994 — *Pohl W.* Tradition, Ethnogenese und literarische Gestaltung: eine Zwischenbilanz // *Ethnogenese und Überlieferung: Angewandte Methoden der Frühmittelalterforschung* / Hrsg. von K. Brunner, B. Merta. Wien; München, 1994. S. 9–26.
- Prinz 1993 — *Die Kosmographie des Aethicus* / Hrsg. von O. Prinz. München, 1993 (MGH Quellen zur Geistesgeschichte des Mittelalters. Bd. 14).
- Riasanovsky 1981 — *Riasanovsky A.V.* Ideological and Political Extensions of the “Norman” Controversy // *Nation and Ideology: Essays in Honor of Wayne S. Vucinich* / Ed. by I. Banac, J.G. Ackerman, R. Szporluk. Boulder; New York, 1981. P. 335–350.
- Schramm 1981 — *Schramm G.* Gentem suam Rhos vocari dicebant: Hintergründe der ältesten Erwähnung von Russen (a. 839) / Hrsg. von U. Haustein, G.W. Stobel, G. Wagner // *Ostmitteleuropa: Berichte und Forschungen*. Stuttgart, 1981. S. 1–10.

- Scott 1996 — *Scott B.G.* Archaeology and National Identity: The Norwegian Example // *Scandinavian Studies*. 1996. Vol. 68. P. 321–342.
- Sevcenko 1988-1989 — *Sevcenko I.* Religious Missions Seen from Byzantium // *Harvard Ukrainian Studies*. 1988–1989. Vol. 12/13. P. 7–27.
- de Simson 1909 — *Annales Xantenses et Annales Vedastini / Rec. B. de Simson*. Hannoverae; Lipsiae, 1909 (MGH SS rer. Germ.).
- Stang 1996 — *Stang H.* The Naming of Russia. Oslo, 1996.
- Thompson 1971 — *Thompson J.W.* The Gentile Mission as an Eschatological Necessity // *Restoration Quarterly*. 1971. Vol. 14. P. 18–27.
- Treadgold 1980 — *Treadgold W.T.* The Nature of the Bibliotheca of Photius. Washington, 1980.
- Vasiliev 1942–1943 — *Vasiliev A.* Medieval Ideas of the End of the World: West and East // *Byzantion*. 1942–1943. T. XVI. P. 462–502.
- Waitz 1884 — *Vita Anskarii auctore Rimberto. Accedit Vita Rimberti / Rec. G. Waitz*. Hannoverae, 1884 (MGH SS rer. Germ.).
- Wood 1981 — *Wood I.* The Conversion of the Barbarian Peoples // *The Christian World: A Social and Cultural History / Ed. by G. Barraclough*. New York, 1981. P. 85–98.
- Wood 1987 — *Wood I.* Christians and Pagans in Ninth-Century Scandinavia // *The Christianization of Scandinavia / Ed. by B. Sawyer, P. Sawyer, I. Wood*. Alingsås, 1987. P. 36–67.
- Zettel 1977 — *Zettel H.* Das Bild der Normannen und der Normanneneinfälle in westfränkischen, ostfränkischen und angelsächsischen Quellen des 8. bis 11. Jahrhunderts. München, 1977.

Илл. 1.
 Эбсторфская карта мира. Лист 2.
 Sommerbrodt E. Die Ebstorfer Weltkarte. Hannover, 1891. Pl. 3.

А.А. ФРОЛОВ

АДМИНИСТРАТИВНАЯ СИСТЕМА ЦЕНТРАЛЬНЫХ РАЙОНОВ НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ В X – НАЧАЛЕ XVII ВЕКА

В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ
ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ЮРИСДИКЦИЙ*

Аннотация: Статья посвящена общей характеристике административной системы, существовавшей в эпоху Рюриковичей на Новгородской земле, в двух аспектах: территориальный рост Новгородской земли и формы управления на подконтрольных территориях в X – начале XVII в. Развивая достигнутое в историографии понимание проблемы, автор рассматривает историю административной системы новгородских земель в контексте истории территориальных юрисдикций различных типов. Важнейшим элементом этой системы было «смешное управление» на землях, расположенных на границе Новгорода с Великим княжеством Владимирским и смоленскими землями, где новгородцам принадлежала лишь часть прерогатив. Помимо систематизации знаний, полученных в ходе полуторавекового изучения проблемы, работа предлагает во многом новые интерпретации сведений важнейших исторических источников: Устава князя Святослава 1137 г., Устава князя Ярослава «о мостех», писцовых книг рубежа XV–XVI вв.

Ключевые слова: административная система, Новгородская земля в средние века, территориальные юрисдикции.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 12–01–00098а. Автор выражает искреннюю благодарность д.и.н. Сергею Заремовичу Чернову (Институт археологии РАН, Москва), который высказал ряд ценных замечаний по содержанию, учтенных при подготовке окончательного варианта работы.

Новгородская земля — крупнейшее политическое образование Древней Руси. Ее территориальное деление и принципы организации управления давно привлекали внимание исследователей. Границы новгородских пятин еще двести лет назад нанес на карту Д.И. Языков, снабдив ею свой перевод работы А.Х. Лерберга¹. Первой работой, где была предложена характеристика всей территориально-административной системы земель Великого Новгорода, стало исследование К.А. Неволлина. Помимо летописных свидетельств и актового материала, он мобилизовал такой ценный вид источника как новгородские писцовые книги конца XV–XVII в.². Работа сыграла неопределимую роль в изучении проблемы. Опубликованные Неволлиным в приложениях конспекты всех известных в то время новгородских писцовых книг до сих пор могут быть использованы для навигации по фонду этих источников³, а составленные им карты новгородских пятин (правда, не исправленные, а иногда дополненные ошибками) служат для иллюстрации территориального деления Новгородской земли даже в современных исследованиях⁴.

Развитие системы новгородских погостов-округов с X по XVII столетия К.А. Неволлин представлял как «различные перемены», которые «происходили в... их числе, названиях, пространстве, составе... Тот вид, в котором погосты являются по писцовым книгам, был последствием продолжительного исторического развития»⁵. Последующие десятилетия дали науке ряд историко-географических исследований Новгородской земли, решавших многие конкретно-исторические вопросы (например, локализация на местности селений писцовых книг, типология сельских поселений, принципы налогообложения и т.п.), однако в основном они следовали общему представлению о системе, изложенному К.А. Неволлиным.

¹ Лерберг 1819: Приложение.

² Неволлин 1853.

³ Более фундированным является вышедший недавно в РГАДА каталог новгородских писцовых книг (Писцовые книги 2004), однако в нем нет выдержек из писцовых описаний, также полезных при историко-географических штудиях.

⁴ Аграрная история 1971: 78. Почему-то приведена карта только для Деревской пятины; Степанова 2004: 97–99.

⁵ Неволлин 1853: 93.

Новое видение механизма развития территориально-административной системы было предложено Н.П. Павловым-Сильванским. Как и другие исследователи своего времени, он считал, что первоначально погост являлся центром земледельческой общины. Но причины эволюции системы погостов он связал с возникновением феодальных отношений в Древней Руси: «Земли древнего погоста-общины, — писал он, — были расхищены боярами; след древнего общинного единства сохранялся лишь в объединении правительственном»⁶. Утрата общиной управленческо-владельческих функций привела к тому, что со временем под словом «погост» стали понимать по преимуществу церковный поселок.

Концепция Павлова-Сильванского оказала сильное влияние на всю последующую историческую мысль, в том числе и на советских историков (например, Н.Н. Воронина, который писал о погостах-округах как общерусской дофеодальной форме организации общины, а в новгородской системе погостов видел особую ситуацию, «где крупная земельная вотчина сохранила под своим покровом общинный строй»)⁷.

Чрезвычайно важные выводы о связи административной системы с эволюцией поселенческой структуры и феодальных отношений (на материалах Северо-Восточной Руси) сделал С.Б. Веселовский. В отличие от своих предшественников и оппонентов, полагавших изначальной связь погоста с определенной территорией, он считал, что «первоначально за погостом была закреплена не территория, а подданное и подсудное население, и только позже территория, занимаемая этим населением, приобрела определенность податного и судебного округа»⁸. Однако, распространение феодального иммунитета в XIV–XV вв. подорвало основы, на которых функционировала система государственных центров-погостов, что привело в Северо-Восточной Руси к «отливу к селу функций сначала приходских, а затем и тяглового элемента», а в Новгородской Руси к сохранению за погостом функций «центра приходской жизни и мирского самоуправления» и получению им «зна-

⁶ Павлов-Сильванский 1988: 206.

⁷ Воронин 1935: 28. Развернутую критику конкретных положений данной работы см.: Романов 1960: 327–476.

⁸ Веселовский 1936: 15.

чения округа, аналогичного стану княжеской Руси»⁹. Данная концепция получила признание в отечественной историографии. Все исследователи послевоенного времени признают нетождественность погостов домонгольского времени и тех, что зафиксированы в документах XV–XVI вв., имея в виду именно ту разницу, о которой писал Веселовский¹⁰.

Б.А. Рыбаков древнее (XI в.) деление Новгородской земли представлял как «сотенное» (основываясь на интерпретации текста «Устава о мостех» XIII в.), а «провинциальные сотни» считал установлением княжеской власти. Не были охвачены «сотенным» делением земли, освоенные новгородцами позднее (в конце XI и в XII в.). Совпадение названий некоторых «провинциальных сотен» «Устава о мостех» с позднейшими пятинами и полупятинами Рыбаков трактовал как «превращение сотен в пятины... возможно в связи с упадком княжеской власти и с окончательным переходом управления Новгородской землей к кончанскому вечу каждого конца»¹¹.

Систематизация показаний источников по территориально-административной системе Новгородской земли была предпринята А.Н. Насоновым. Он дал пространственную характеристику процесса экспансии новгородской системы даней, опираясь, главным образом, на летописные известия. Относительно поздние погосты, зафиксированные писцовыми книгами на рубеже XV–XVI вв., по его мнению, не могут служить материалом для изучения древних административных центров¹². Сопоставляя деление центра Новгородской земли на пятины в конце XV в. с более ранними формами административного деления, исследователь отметил, что земли, не вошедшие в пятины, в XII–XIII вв. находились в совместном владении Новгорода с великими князьями владимирскими¹³. Формирование этой системы он отнес к последним десятилетиям XII или началу XIII в.¹⁴.

⁹ Веселовский 1936: 13, 20, 21.

¹⁰ Насонов 1951: 95–96; Романов: 416; Аграрная история 1971: 325; Платонова 1988: 16–17; Свердлов 1983: 63–64; Харлашов 1990: 72–83; Селин 2003: 42, 43; Фролов 2001: 6–9.

¹¹ Рыбаков 1938: 150.

¹² Насонов 1951: 95–96.

¹³ Насонов 1951: 118.

¹⁴ Насонов 1951: 192, 193.

Новую попытку систематизации сведений о росте территории и развитии системы управления на Новгородской земле в домонгольскую эпоху предпринял А.В. Куза. Он подверг критике некоторые положения монографии А.Н. Насонова, в целом подтвердив его выводы. При этом был сформулирован тезис о существовавшем разделении Новгородской земли на две зоны — ядро и окружающие его волости-провинции. Конституирование такого разделения Куза связал с реформой 1230 года¹⁵. В объяснении природы статусных различий между центром и периферией исследователь близок к позиции Б.А. Рыбакова. По мнению Кузы, княжеские права в этих зонах были различны: в податных районах, отраженных еще в грамотах князя Ярослава Мудрого, то есть в центральных областях Новгородской земли, князь сохранял такие же права суда и сбора дани, которые были у его предков. Но в волостях-провинциях он такого права не приобретал. А.В. Куза полагал, что поименованные в интерполяции к «Уставу о мостех» областные территории соответствуют как раз ядру Новгородской земли, где еще в XIII в. сохранялась древняя сотенная организация свободного населения, постепенно вытесненная феодальной погостской¹⁶.

В.А. Кучкин, анализируя взаимоотношения владимирских князей и Новгорода, пришел к выводу, что уже в 80–90-х гг. XII в. происходит разделение территории пограничных волостей на новгородскую и владимирскую части. Более определенно — в Торжке, менее четко фиксируют этот процесс источники в Волоке Ламском¹⁷. Представленный исследователем материал демонстрирует то, как и без того не простая система администрирования на землях Великого княжества Владимирского была осложнена «местным» характером управления на пограничье Новгородской земли. Монография В.А. Кучкина обозначила новую перспективу в изучении средневековой системы управления — исследование истории различных типов юрисдикций.

Дальнейшее развитие темы на новгородских материалах сдерживалось ограниченной источниковой базой и отсутствием источниковедческих исследований важнейшего вида источников по проблеме — новгородских писцовых книг. В связи с этим исключи-

¹⁵ Куза 1975: 160–164.

¹⁶ Куза 1975: 167–169.

¹⁷ Кучкин 1984в: 96–97.

тельное значение имеет цикл работ В.Л. Янина, применившего для освещения проблемы методы комплексного источниковедения¹⁸. Сопоставление показаний письменных источников и берестяных грамот с данными сфрагистики, удачная интерпретация специфической категории археологических находок — деревянных цилиндров — как своеобразных пломб, применяемых сборщиками дани, позволили не только более выверенно охарактеризовать процесс расширения зоны новгородских даней в пространстве, но и более предметно представить механизмы управления в различных частях Новгородской земли в X–XIII вв.

Благодаря работам Янина становится очевидной ошибочность предложенного Рыбаковым и Кузой объяснения природы различий в статусе «ядра» и «периферии» Новгородской земли: многие территории «периферии» были освоены новгородцами уже в XI в., к тому же сбор дани на них осуществлялся представителями новгородской элиты, а не князем¹⁹. Констатируя разделение Новгородской земли на центральную часть (составившую позднее пятину) и периферию (волости или колонии, не вошедшие в состав пятин), В.Л. Янин предположил, что в основе этого разделения лежат различные принципы сбора дани. Если в первом случае он осуществлялся через погосты, то во втором — посредством вооруженных походов²⁰. Однако, сбор дани в военном походе в XII–XIII вв. трудно себе представить для важнейших территорий «колоний» — Торжка и Волока Ламского. Думаю, следует принять точку зрения, в соответствии с которой различия между «внутренней» и «внешней» зонами лежат в типах юрисдикции. Именно поэтому границы новгородских пятин в конце XV в. отрезали собственно новгородские земли от территорий, на которые часть прав новгородцам не принадлежала.

Методы комплексного источниковедения были использованы С.З. Черновым в историко-географическом исследовании по истории Волока Ламского XIV–XVI вв. Ему удалось реконструировать историю территориальных юрисдикций на Волоке и в его округе в связи с историей структуры землевладения и продемонстрировать

¹⁸ Янин 1977; Янин 1985; Янин 1987; Янин 1998; Янин 2001.

¹⁹ Янин 2001: 31–65.

²⁰ Янин 2001: 72.

перспективность подобных региональных исследований как таковых²¹.

Главным образом на материалах новгородских писцовых книг исследование территориально-административной системы проводилось А.А. Селиным. Впервые с начала XX в. (монография А.М. Андрияшева²²) он подошел к изучению проблемы на основе результатов локализации населенных пунктов писцовых книг (по Водской пятине)²³.

Приходится признать, что в целом изучение особенностей статуса земель на пограничье Новгорода и княжеств Северо-Восточной Руси затрудняется некоторой «полярностью» восприятия этой проблемы: если часть исследователей смотрит на нее «из Новгорода», оперируя преимущественно новгородскими источниками (ведь в новгородско-княжеских соглашениях пограничные земли названы «волостями новгородскими»), то другая часть, напротив, базируется на показаниях источников по истории Северо-Восточной Руси (впрочем, иногда это происходит из-за отсутствия равноценных новгородских источников).

В связи с этим следует отметить источниковедческие наблюдения над новгородско-княжескими договорами С.А. Шарова-Делоне. Он пришел к выводу, что каждый договор между Новгородом и князем оформлялся не двумя, а четырьмя документами: основные докончальные грамоты содержали фундаментальные права князя и новгородцев в самом Новгороде и новгородской метрополии, а дополнительные, «приписные» грамоты регулировали их отношения за пределами метрополии и в особых экстерриториальных районах. При этом и те, и другие грамоты существовали в двух взаимодополняющих противнях каждая. Противни не были аутентичны. Экземпляры, хранившиеся в Новгороде, были «в пользу» князей, а в княжеских архивах — «в пользу» новгородцев. Известный по соглашениям (экземплярам, хранившимся в княжеских архивах) перечень «волостей новгородских» есть перечень новгородско-княжеских совлдений. В «новгородских» же противнях следовало бы ожидать иной подзаголовок к тому же перечню: «А се волости великого кня-

²¹ Чернов 1998.

²² Андрияшев 1914.

²³ Селин 2003.

зя»²⁴. В связи с этим полагаю, что наиболее перспективными для изучения проблемы новгородско-княжеских совладений являются территории, хорошо обеспеченные источниками как «новгородского», так и «княжеского» происхождения. Здесь оказывается возможным преодоление «полярности».

Автору этих строк на протяжении полутора десятка лет довелось заниматься пристальным изучением территориально-административной системы эпохи древнейших писцовых книг (рубеж XV–XVI вв.). Обнаружение множества расхождений между бытующими в историографии представлениями и показаниями источников побудили его сначала к написанию ряда конкретно-исторических работ²⁵, затем — к новому пониманию давно известных фактов²⁶, а в конечном итоге — к попытке вписать сделанные выводы в общую историческую картину.

За полтора столетия исследований понимание проблемы значительно продвинулось вперед, накоплен большой фонд как частных наблюдений, так и принципиальных выводов, созданы новые методики, привлечены нетрадиционные источники. На современном этапе важным представляется дать общую картину развития территориально-административной системы Новгородской земли в эпоху средневековья — в контексте развития государственности на этих территориях, прошедшей несколько этапов от первоначальной северо-русской федерации племен легендарного Рюрика до вхождения в состав Московского государства при великом князе Иване III. Всесторонняя ревизия представлений об ее административном устройстве не предпринималась со времен К.А. Неволлина, а суммирование данных о динамике территориальных изменений — со времен А.В. Кузы. По моему убеждению, одним из важнейших факторов, который мешает продвижению проблемы в целом и в деталях, является отсутствие во многих, даже специальных историко-географических исследованиях, географических карт, которые наглядно отображали бы соотношение различных объектов и округов (как синхронных, так и разновременных) в пространстве.

²⁴ Шаров-Делоне 2005: 34, 36.

²⁵ Фролов 2003; Фролов 2005; Фролов 2006 и др.

²⁶ Фролов 2008.

Современным состоянием проблемы определяется и круг задач, решить которые пытается автор в настоящей работе. В стороне останется анализ проблемы организации управления в городах Новгородской земли. Эта тема имеет свою значительную специфику не только в подходах, но и в источниках. Поэтому в данной статье речь о городах пойдет лишь в самом общем виде, необходимом для освещения обозначенной темы. То же самое можно сказать о проблематике епархиального территориального деления и системы управления. По-видимому, будет правильнее посвятить ей отдельную работу. Масштабность темы вынуждает к некоторой «пунктирности» изложения, заданной форматом обзорной статьи. В какой-то степени это оправдывает и неполноту историографических штудий, и отсутствие детальной проработки каждого из затронутых сюжетов, многие из которых ждут своего исследователя десятки лет. Хронологически настоящее исследование ограничено началом Смуты XVII в., внесшей заметный хаос в территориальное деление и, прежде всего, в систему управления, что позволяет рассматривать последующий период как заслуживающий отдельного исследования.

* * *

Для первых столетий существования древнерусской государственности используемое здесь понятие «Новгородская земля» соответствует территории тех общин, которые оказались втянуты посредством даннических отношений в сферу влияния новгородцев — представителей правящей элиты севернорусской федерации племен.

Древнейшим известием об организации сельских административных пунктов на территории Новгородской земли является летописный рассказ о походах княгини Ольги на Мсту и Лугу в 947 г. (Карта 1): «Иде Вольга Новугороду и оустави по Мьсте повосты и дани и по Лузе оброки и дани...»²⁷. Археологи предположительно указывают и археологические эквиваленты первых погостов, например, Передольский погост в верховьях р. Луги, городище у д. Малышево в нижнем течении р. Белой (правый приток р. Мсты в

²⁷ Лаврентьевская летопись 2001: 60.

её среднем течении)²⁸. Регламентация отношений с подданными общинами, таким образом, заключалась в отказе от примитивной формы полюдья и взимании фиксированных сумм через погосты. Наложённая на погост дань разверстывалась среди окружающих его общин, образующих, таким образом, одну волость. В отличие от большинства древнерусских земель, где сбор дани был прерогативой князя, в Новгородской земле активное участие в этом процессе принимали представители городской общины. Лица, уполномоченные Новгородом, в установленное время объезжали соответствующую территорию от погоста к погосту, собирая дань и осуществляя судебные функции. Такое право существовало у них, по меньшей мере, со времен Ярослава Мудрого, а возможно и с момента приглашения князя союзом племен²⁹. Оно отражено во всех новгородско-княжеских соглашениях: «А волости ти, княже, новгородских своими мужи не держати, нъ держати мужи новгородскими; а дар от тех волости имати»³⁰.

Уже во второй трети XI в. территория, так или иначе включённая в сферу интересов новгородцев, стала весьма значительной. Новгородская берестяная грамота № 526 упоминает Русу, Лугу, Шелонь, Селигер, Дубровну в качестве регионов, связанных с Новгородом через ростовщические операции и, скорее всего, через даннические отношения³¹. Вероятно, по Мсте влияние новгородцев в XI в. распространяется на Тверцу — левый приток р. Волги, где в её среднем течении уже в первой половине XI в. существует город Торжок³². Не позднее конца XI в. Новгород собирает дань также в верховьях р. Мологи (новгородская берестяная грамота № 789 упоминает Волчину — так назывался левый приток Мологи³³; грамота № 902 рубежа XI–XII вв. упоминает о разверстке дани в Езске и на р. Волчине)³⁴.

²⁸ Платонова 1991: 68–88; Конецкий, Носов 1995: 29–54.

²⁹ Янин 2001: 62.

³⁰ ГВНП 1949: № 1–3, 6, 7, 9, 10, 14, 15, 19, 22, 26, 77. В московском варианте договора 1456 г. фраза усечена, а в московском варианте 1471 г. отсутствует: ГВНП 1949: № 23, 27.

³¹ Арциховский, Янин 1978: 124–127.

³² Куза 1975: 173–174; Малыгин 2001: 41.

³³ Янин, Зализняк, Гиппиус 2004: 22–23.

³⁴ Янин, Зализняк, Гиппиус 2004: 94–95.

На юге новгородские владения приходят в соприкосновение с полоцкими уже в XI в. С этим связаны новгородско-полоцкие конфликты 1021 и 1065–1067 гг.³⁵. В первой половине XII в. новгородские земли смыкаются со смоленскими. Около 1130 г. новгородский Юрьев монастырь получает право сбора дани с погоста Буйцы³⁶, который долго, по меньшей мере до начала XVI в., маркировал южную границу Новгородской земли. С середины XII в. упоминаются новгородские Великие Луки³⁷.

В 1030 г. Ярослав строит г. Юрьев (Тарту), ставший плацдармом для распространения даней среди эстонской чуди. В 1036 г. новгородским «пригородом» становится Псков (впрочем, уже с 1137 г. город фактически становится независимым от Новгорода)³⁸. Вскоре после превращения Пскова в новгородский пригород начинаются конфликты новгородцев с финно-угорским населением западнее псковских земель. С середины XI в. летописи повествуют об экспедициях на чудь. Постепенно в орбиту новгородского влияния попадают земли води (со второй половины XI в.), корелы (первая половина XII в.), ижоры (первая половина XIII в.) и других финно-угорских племен Северо-Запада.

В начале XII в. в подчиненное Новгороду положение попадает и Ладога, прежде представлявшая собой полузависимое от Киева ярлство³⁹. Конечно, это событие расширило возможности новгородцев в освоении северо-западных и северных земель, однако уже в течение XI в. их контроль распространяется на многие земли Русского Севера: не позднее середины XI в. на Тихменгу и Емцу, не позднее второй половины XI в. — на Вагу до ее устья, не позднее первой четверти XII в. — на Пинегу (Карта 2)⁴⁰. Уже к началу XII в. новгородцы собирают дань и с печеры, что документировано рассказом Гюряты Роговича. Дани печерские упоминаются и под 1133 г.⁴¹.

Ко второй четверти XII в., по мнению В.Л. Янина, относится возникновение новгородско-смоленской юрисдикции у земель, со-

³⁵ Ипатьевская летопись 1998: 133, 156.

³⁶ ГВНП 1949: № 81; Янин 1991: 135.

³⁷ Новгородская Первая летопись 2000: 32.

³⁸ Янин 1992: 3–14.

³⁹ Кирпичников 1988: 54–62.

⁴⁰ Янин 2001: 66; Макаров 2003: 149–163.

⁴¹ Лаврентьевская летопись 2001: 302.

ставивших южное пограничье Новгородской земли⁴². Особенности этого статуса мы коснемся позднее, поскольку о них известно в основном по источникам XV в. Здесь важно отметить, что волости Морева, Велила, Молвотицы, Жабна, Стерж, Лопастыцы и Буйцы, согласно гипотезе В.Л. Янина, были переданы Новгороду киевским князем Мстиславом Владимировичем из состава смоленских земель для финансового обеспечения его прямых потомков на новгородском столе. В годы, когда стол занимал князь из другой ветви Рюриковичей, дани с этих земель поступали в Смоленск. Именно это позволило князьям единолично, без согласия с Новгородом, раздавать земли из этого земельного фонда⁴³.

Новейшие результаты лингвистического анализа текста жалованной грамоты Юрьеву монастырю на село Буйцы (в ней названы имена киевского князя Мстислава Владимировича и новгородского князя Всеволода Мстиславича), полученные А.А. Гиппиусом, не позволяют утверждать, что для пожалования погоста Буйцы требовалась санкция новгородского князя⁴⁴. Это, в свою очередь, дает основания сомневаться в аттестации массива земель южного пограничья как домена новгородских князей, однако никоим образом не опровергает тезиса о возникновении новгородско-смоленской юрисдикции на этих территориях при князе Мстиславе Владимировиче. Перечень земель, получивших тогда особый статус, требует уточнения. По Янину, Ржева новгородская и Великие Луки получили этот статус значительно позже — в XIV в., а Холмский погост чуть ли не во второй половине XV в.⁴⁵. Во всяком случае Ржева во второй половине XIII в. находилась еще полностью под новгородским суверенитетом (подробнее об этом ниже).

* * *

Со смертью киевского князя Мстислава Владимировича Русь вступает в новую эпоху, которая для Новгородской земли как части древнерусской конфедерации была ознаменована возникновением элементов суверенной государственности. После периода мирного

⁴² Янин 1998.

⁴³ Янин 1998.

⁴⁴ Гиппиус 2008: 109–129.

⁴⁵ Янин 1998: 85.

сосуществования Новгорода с Суздальской землей в рамках политической системы Владимира Мономаха наступает время войн между Новгородом и князьями Северо-Восточной Руси (с 1132 г. по 1170-е гг.) за сферы влияния на приграничных территориях от Волока Ламского до Заволочья. Баланс сил, оформленный в виде того или иного типа юрисдикции, здесь еще не сложился. Острота конфликта была, вероятно, обусловлена и актуальностью вопроса о финансовом обеспечении на новгородском столе князей, не имевших прав на доходы с новгородско-смоленского пограничья.

Одно из древнейших свидетельств того, что финансовое положение князя в Новгородской земле было обеспечено значительными массивами подданных территорий, — Устав князя Святослава Ольговича 1137 г., сохранившийся в виде приписки к Синодальной кормчей 1280-х годов и блестяще исследованный В.Л. Яниным⁴⁶. Он содержит подробное описание древнейшей территориальной структуры новгородского Заволочья. Упомянутые в Уставе погосты локализуются по рекам Сухоне, Онеге, Северной Двине, Пинеге⁴⁷. Текст Устава содержит две интерполяции, озаглавленные как «а се Обонезьский ряд» и «а се Бежичьский ряд». Это перечни пунктов, с которых в пользу новгородского владыки взималась десятина в Обонезье и Бежичах, о которых подробнее будет сказано позднее.

Устав содержит сведения, позволяющие охарактеризовать особенности юрисдикции этой территории в средневековье. В уставе

⁴⁶ Янин 1977: 80–90.

⁴⁷ Насонов 1951: 104–109. Локализуются далеко не все пункты Устава, однако А.М. Спиридонов обнаружил пространственные закономерности в их расположении. По-видимому, большинство погостов расположены в порядке их посещения сборщиками дани. Относительно остальных пунктов исследователь предположил, что с них местные старейшины подвозили собранную дань к установленному маршруту (Спиридонов 1989: 18–19). Такое объяснение уязвимо для критики: механизм сбора дани предполагает подвоз на погост дани на всех участках маршрута, и сборщики дани должны были посещать все пункты, указанные в Уставе. Возможна иная трактовка, основанная на опыте реконструкции маршрутов писцов в ходе писцового описания конца XV в. (Фролов 2006: 299–318). Из пространственной последовательности выбиваются пункты, помещенные в конце Устава. При этом они расположены на окраинах региона, охваченного сбором дани. Возможно, в текст перечня погостов Заволочья эти топонимы вносились уже после его оформления в первоначальном виде — в порядке вхождения в систему полюдья.

князь назначает фиксированную сумму в 100 гривен в качестве церковной десятины в пользу Дома св. Софии — вместо доли от вир и продаж, собираемых на князя с погостов Заволочья. Указанная сумма выдается домажиричем, сидящим в «Онеге», что уже указывает на присутствие княжеской администрации в регионе⁴⁸.

Сразу за постановлением о 100 гривнах Устав перечисляет суммы, следовавшие с отдельных пунктов. А.Н. Насонов, который рассматривал запись об Обонежском ряде как синхронную остальному тексту Устава, считал, что 100 гривен, заменявших десятину от вир и продаж, взимались со всех пунктов Обонежского ряда, а на менее освоенных территориях к северо-востоку от Онежского озера и в Подвинье практиковался сбор с каждого конкретного пункта⁴⁹. Я.Н. Щапов, вслед за А.А. Зиминим, отнес приписку об Обонежском ряде к более позднему времени (XIII в.), а «Онего», где сидел домажирич со 100 гривнами, локализовал восточнее Онежского озера. Он считал, что Заонежье платило 100 гривен со всей территории, а Подвинье — конкретные суммы с каждого пункта, обложенного данью. При этом по существу Щапов согласился с Насоновым: указанные различия «отражали различное административно-финансовое положение этих близких районов»⁵⁰.

В.Л. Янин опроверг мнение Насонова на том основании, что, во-первых, текст об Обонежском ряде имеет более позднее происхождение, чем основной текст Устава, а во-вторых, сумма сборов с Обонежского ряда значительно меньше 100 гривен, в то время как сумма сборов со всех пунктов основного текста Устава чрезвычайно близка 100 гривнам. По его мнению, 100 гривен шли с тех пунктов, которые поименованы в основном тексте Устава⁵¹.

Однако и такая интерпретация вызывает возражения. Не ясно, для чего Устав приводит роспись сумм по конкретным пунктам, если они никак не влияют на размер выплат владыке (100 гривен). Более того, размер судебных сборов не может быть предсказан и зафиксирован законодательно, поскольку он определяется количеством судебных разбирательств, различным в различные годы. Мне

⁴⁸ Янин 1977: 80–90.

⁴⁹ Насонов 1951: 94.

⁵⁰ Щапов 1972: 162–163.

⁵¹ Янин 1977: 85–86.

представляется более естественным видеть в этих суммах, распределенных между 27 поименованными пунктами, десятину не от вир и продаж, а от даней. В пользу такой трактовки свидетельствует учет в нескольких случаях «дара», который является не судебным побором, а разновидностью подати фиксированного размера, то есть гораздо ближе к дани, чем к вирам и продажам. Таким образом, Устав 1137 г., вслед за постановлением о судебной десятине, воспроизводит роспись десятины от даней, которая определена «преже... бывшими князьями».

Казалось бы, такому пониманию мешает фраза «Урадил есмь аз святеи Софии и написал Никола князь новгородьский Святослав...», как будто свидетельствующая о новейшем происхождении этой росписи. Но «упряжено преже» князя Святослава могло быть само постановление о взимании десятины, в то время как его конкретное обеспечение (суммы с каждого пункта и номенклатура пунктов) ранее могло отличаться от росписи 1137 г. Выше я уже отмечал, что несоответствие между порядком перечисления пунктов в Уставе (пункты, замыкающие роспись) и их пространственной близостью может быть объяснено постепенным пополнением перечня за счет включения в податной округ новых центров. Таким образом, князь Святослав заменил десятину от судебных пошлин на фиксированную сумму и обновил перечень пунктов, плативших князю дань (и, соответственно, десятину владыке).

Предложенное прочтение Устава позволяет полностью присоединиться к точке зрения В.Л. Янина об исключительности прав князя на новгородское Заволочье в середине XII в. и несколько конкретизировать её: после 1136 г. князь получал здесь не только дар, но и основную дань, и доход от вир и продаж. Надо полагать, что приобрел эти права князь как раз в качестве компенсации за потерю части прерогатив, произошедшую вследствие конституирования сместного суда в Новгороде, ведь, как установил В.Л. Янин, в предшествующий период (XI – первая четверть XII в.) дань с этих территорий собиралась «новгородскими мужами»⁵². В ситуации 1136 г. это было тем более актуально, что приглашенный на новгородский стол князь Святослав Ольгович не имел прав на земли Смоленского пограничья.

⁵² Янин 2001: 31–65.

Судьба заволоцких прав новгородского князя во второй половине XII–XIII вв. ясна не вполне. В.Л. Янин полагает, что особые права князя в Заволочье были ликвидированы в связи с изъятием из юрисдикции князя суда в «новгородских волостях». В качестве компенсации новгородский князь получил территорию Бежецкого и Обонежского «рядов», описание которых включено в качестве позднейших интерполяций к Уставу 1137 г. Не подвергая сомнению разновременность Устава и интерполяций к нему, отмечу, что предложенная мотивация представляется не совсем логичной, ведь и Бежичи принадлежали к территориям новгородско-княжеской юрисдикции. Кроме того, тема особых прав князя в Заволочье снова всплывает в новгородско-княжеских отношениях в начале XIV в., причем в чрезвычайно интересном контексте. В двух проектах 1305–1307 гг. соглашения с Михаилом Ярославичем новгородская сторона сформулировала этот пункт таким образом: «А за Волокъ ти своего мужа не слати, слати новгородца; а тебе серебро емати»; «А за Волокъ ти, княже, своего мужа не слати, продаяти ти дань своя новгородцю»⁵³. Тем самым, князю предлагалось передать новгородцу некий свой доход в Заволочье на правах откупа.

Новгородцам, впрочем, не удалось отстоять данную позицию на переговорах. В подписанном в 1307 г. договоре формулировка другая: «А за Волокъ ти слати своего мужа изъ Новагорода въ дву носаду по пошлине; а опять ехати туды же на Новъгородъ; а съ Низу ти не слати; такоже и въ Бежице. А что пошлинь князю въ Новгородской волости, того вы мене не таити въ всехъ волостяхъ»⁵⁴. Последняя фраза оттеняет ту исключительность, которую играют Заволочье и Бежичи в данной системе: только с них новгородцы физически не могут утаить от князя пошлин (поскольку он собирает их своими людьми), а в остальных волостях новгородцы обязуются их не утаивать. Аналогичная формулировка включена в договор 1371 г. с князем Михаилом Александровичем⁵⁵. Формулировка договора 1327 г. с князем Александром Михайловичем лаконична, но свидетельствует, что «старина» включает и право князя на суд: «А за Волокъ ездити судьи, како пошло по Новгородской пошли-

⁵³ ГВНП 1949: № 6, 7.

⁵⁴ ГВНП 1949: № 9, 10.

⁵⁵ ГВНП 1949: № 15.

не»⁵⁶. Таким образом, в системе княжеских прерогатив Бежичи представляют не альтернативу Заволочью, а дополнение к нему. Их объединяет общая судьба в XIII–XIV вв.

Не совсем понятно, имел ли какие-нибудь права в Заволочье князь во второй половине XIII в.: фраза «а за Волок ти своего мужа не слати, слати новгородца» была вписана в готовый текст первого проекта договора 1264 г.⁵⁷, но во втором проекте того же договора и в соглашении 1268 г. этот пункт уже отсутствует. Думаю, что не имел, но вопрос о Заволочье в переговорах с князьями время от времени всплывал.

Есть некоторые основания возводить «пошлину», на которую ссылается воскресшая в договоре с князем Михаилом Ярославичем норма, к Уставу 1137 г.: именно в XIV в. (судя по почерку), то есть в период, когда порядок суда в Заволочье был реанимирован, возникает приписка к Синодальной кормчей 1280-х годов, содержащая Устав Святослава Ольговича 1137 г.

Кроме того, в контекст сказанного о правах князя на Заволочье во второй четверти XII и в XIV в. хорошо вписывается сюжет, отраженный в новгородской берестяной грамоте № 724. В.Л. Янин датировал ее временем около 1166/67 г. и связал описанные в ней события с Заволочьем⁵⁸. Автор грамоты, Савва, собирал дань пещами вместе с осмником Тудором, делал это без санкции новгородского посадника Захарии, к тому же оправданием его действий должно было служить то, что «сельчанам своим князь сам от Волока и от Мсты участки дал». Все это свидетельствует о его принадлежности к «мужам княжим». Сбор дани происходил осенью, что вызывает ассоциации с «осенним полюдьем даровным», известным по жалованной грамоте князей Мстислава Владимировича и Всеволода Мстиславича Юрьеву монастырю на Буйцы, то есть «даром», который полагался именно князю. Наконец, из контекста ясно, что Савва не был подчинен Тудору, а возглавлял еще один отряд. Сбор даней двумя «осмами» находит соответствие в праве князя отправлять своего мужа за Волок на двух насадах, зафиксированном в договорах XIV в.

⁵⁶ ГВНП 1949: № 14.

⁵⁷ Янин 1991: 142–146.

⁵⁸ Янин, Зализняк 2000: 24–25.

Таким образом, текст берестяной грамоты демонстрирует в действии механизм, описанный в Уставе 1137 г. и новгородско-княжеских соглашениях XIV в. Предписание в договорах XIV в. ездить из Новгорода и возвращаться в Новгород, а не в Низовскую землю объясняется очень просто: новгородцы должны были контролировать собранные князем средства, поскольку из них владыке следовала церковная десятина.

* * *

Следующие два периода в истории территориально-административного устройства и территориальных юрисдикций Новгородской земли — становление Новгородского государства как части древнерусской конфедерации (с 1170-х годов до татаро-монгольского нашествия) и его существование в составе конфедерации русских земель под сюзеренитетом Золотой Орды (с 1240-х до 1370-х гг.) по состоянию источников мы вынуждены рассматривать вместе (Карта 2).

Территориальный рост Новгородской земли в эти периоды замедляется — в силу достижения некоторого баланса интересов с соседними землями. В 1187 г. состоялась экспедиция сборщиков дани в Печеру и Югру⁵⁹. «Законы Гулатинга», составленные в XIII в., косвенно свидетельствуют, что новгородцы собирали дани вплоть до северных земель нынешней Норвегии⁶⁰. Под 1216 г. в летописи упоминается «терский данник»⁶¹, то есть новгородец, собиравший дань с населения Терского берега Белого моря (волость Тре, известная по новгородско-княжеским соглашениям со второй половины XIII в.). В середине XIII в. на Крайнем Севере, в Лапландии, происходит столкновение новгородских интересов с норвежскими, о чем сообщают Исландские анналы XIV в.⁶². В XIV в. Новгород заключает первые международные соглашения о границах. Ореховский договор 1323 г. Новгорода со Швецией документировал существование широкой полосы земель, где сбор дани осуществлялся обеими сторонами (пространство между Ботническим и Финским заливами Балтийского моря и Белым мо-

⁵⁹ Новгородская Первая летопись 2000: 38, 229.

⁶⁰ Шаскольский 1945: 39.

⁶¹ Новгородская Первая летопись 2000: 57, 257.

⁶² Шаскольский 1994: 234–239.

рем)⁶³. Договор 1326 г. Новгорода с Норвегией также зафиксировал существование широкой зоны совместных интересов — от Люнгстуэна на северо-западе современной Норвегии до Кандалакшского залива Белого моря⁶⁴. К сожалению, пределы этих зон могут быть указаны на карте очень приблизительно, поскольку локализация большинства ориентиров, которые указывают источники, дискуссионна. На западе в XIII в. происходит сначала сокращение пределов влияния новгородцев — за счет данничества эстонских племен в связи с успехами немецкого Ордена в Восточной Прибалтике, а затем в результате выделения из состава Новгородского государства Пскова.

Важнейшим явлением в истории юрисдикций домонгольского периода было оформление в волостях, расположенных вдоль границы Новгорода и княжеств Северо-Восточной Руси, сместного порядка управления, предполагавшего участие как новгородского представителя, так и представителя великого князя Владимирского, и сосуществование новгородского и княжеского землевладения. Для краткости назовем этот порядок «системой совладений». Перечень территорий, включенных в «систему совладений», содержится во всех новгородско-княжеских соглашениях, начиная с древнейшего, датированного В.Л. Яниным 1264 г.: «А се волости новгородские: Волокъ съ всеми волостьми, а держати ти сво[и] тивунъ на половине, а но[в]городець на половине въ всеи волости Волоцьской; а в Торожку, княже, держати тивунъ на своей чясти, а новгородець на своей чясти...А се волости новгородские: Бежиче, Городець, М[еле]чя, Шипино, Егна, Вологда, Заволоцье, Колоперемь⁶⁵, Тре, Перемь, Югра, Печера; а ты волости държати мужи новгородскими; а даръ от нихъ имати» (карты 1 и 2)⁶⁶. Специальные исследования свидетельствуют, что в таких волостях новгородская и великокняжеская половины были довольно четко разделены территориально⁶⁷.

⁶³ Линд 1998: 96–115.

⁶⁴ Линд 1997: 135–143.

⁶⁵ Эта загадочная волость недавно получила локализацию: Шилов 2009: 339–345.

⁶⁶ ГВНП 1949: № 1–3, 6, 7, 9, 10, 14, 15, 19, 22, 26, 77 (исключение составляют московские варианты договоров 1456 и 1471 гг.: ГВНП 1949: № 23, 27); Янин 1991: 142–189.

⁶⁷ Кучкин 1984в: 152–155; Чернов 1998: 39–55; Малыгин 1994: 125–126.

Как были связаны с «системой совладений» права новгородского князя в Заволочье, существовавшие со второй четверти XII в.? Ретроспективное изучение землевладельческой структуры этого региона, предпринятое С.А. Шаровым-Делоне, выявило присутствие здесь как новгородского землевладения, так и земель великих князей Северо-Восточной Руси, князей ростовских и белозерских. При этом одни топонимы Устава 1137 г. попадают в зону собственно новгородского землевладения, а другие расположены на территории, отнесенной к зоне совладений Новгорода с князьями Северо-Восточной Руси (Карта 2). По предположению исследователя, земли в регионе, освоенные ко второй трети XII в., но «не охваченные» Уставом 1137 г., имели иную церковную юрисдикцию — относились к Ростовской епархии⁶⁸.

Таким образом, юрисдикция новгородского князя в Заволочье не поглощалась новой системой юрисдикции великих князей Владимирских на княжеской части, а представляла собой нечто самостоятельное и более раннее. Безусловно, это доставляло неудобства новгородцам и вызывало у них стремление ликвидировать старинные княжеские права. В этом контексте определенную трактовку получают некоторые факты новгородско-княжеского противостояния 1220-х годов, с которым многие исследователи связывают возникновение того формуляра новгородско-княжеских докончаний, который стал известен по более поздним документам⁶⁹.

Все 20-е годы XIII в. князья, после короткого княжения, буквально сбегают из Новгорода. При этом, как отмечает В.Л. Янин, постоянные отказы князей от новгородского стола совершаются не в результате прямых конфликтов между республиканской и княжеской властью, а вследствие неудовлетворенности обстановкой, в которой они там находились. Консолидация боярства и успехи антикняжеской борьбы приводят к резкому умалению авторитета новгородского князя, и сам новгородский стол перестает быть приманкой в глазах князей⁷⁰. Летописные свидетельства позволяют заключить, что это проявлялось и в ограниченности финансовых возможностей князя.

⁶⁸ Шаров-Делоне 2005: 45 и др.

⁶⁹ Черепнин 1948: 253 и сл.; Янин 2003: 196; Куза 1975: 160–161.

⁷⁰ Янин 1962: 194.

В 1225 г. в Новгород пришел Михаил Всеволодович Черниговский, «и бысть легко по волости Новугороду»⁷¹. При этой «легкости» князь Михаил задержался на новгородском столе лишь несколько месяцев. Новгородцы «много уимаша и, молячесь, и не могоша его умолити», но он заявил им: «не хочю у вас княжити, иду Църнигову...». Новгородцам пришлось вернуть на стол Ярослава Всеволодовича, который «продержался» в Новгороде рекордные для этого десятилетия три с половиной года. Но князю, вероятно, более довольному жизнью, чем его предшественники, теперь уже новгородцы предъявили свой ультиматум, содержание которого объясняет причины его благополучия: «поеди к нам, забожнице отложи, судье по волости не слати; на все воли нашей и на всьех грамотах Ярославлих ты нашъ князь; или ты себе, а мы себе». Ярослав проигнорировал ультиматум, после чего в 1128 г. его сменил тот же Михаил Черниговский, который «целова крест на всеи воли новгородьстеи и на всьех грамотах Ярославлих; и вда свободу смърдом на 5 лет дании не платити, кто сбежал на чюжю землю, а сим повеле, кѣто сде живеть, како уставили переднии князи, тако платите дань»⁷². Другими словами то же сообщает Софийская Первая летопись: «и ради быша новгородьци, и целова князь крест, что ходити по Ярославлим грамотам, а боле того не изневолят Новаго города»⁷³. Это первое упоминание «грамот Ярославлих» в источниках. Однако уже в 1229 г. новгородцы снова посылают за Ярославом и вновь предъявляют ему свои требования: «отступиися Волока, и что есть новгородьского за тобою, силою еси зашьл, а крест целуи». Ярослав принял условия новгородцев только в конце 1230 г.

«Забожнице» не без основания трактуется как некий вид подати⁷⁴. Однако в других источниках он не упоминается, поэтому кажется вероятным, что нормативным было ее иное название, новгородцы же, именуя ее таким образом, апеллировали к конкретному документу, регулирующему ее взимание. Прямую ассоциацию «забожнице» вызывает с «десятой частью божией» Устава 1137 г., то есть с десятиной. Предложение «отложить» забожнице означа-

⁷¹ Новгородская Первая летопись 2000: 64, 268.

⁷² Новгородская Первая летопись 2000: 68, 274.

⁷³ Софийская Первая летопись 2000: 284.

⁷⁴ Словарь русского языка 1978: 136.

ет отказаться от его присвоения, перестать взимать (ср.: «А вязчего не пошло по Новгородской волости, то судиямъ твоимъ отложить»⁷⁵). Оседание десятины в казне князя, возможно, вызвало подозрения в сговоре владыки Арсения с князем и дало основания для обвинения, прозвучавшего в адрес владыки во время восстания 1229 г.: «...выпровадил Антония владыку на Хутино, а сам сел, дав мзду князю»⁷⁶. Поскольку условия первого ультиматума Ярослав не выполнил, второй содержит те же условия, выраженные другими словами.

Эти слова позволяют отождествить тот регион, с которого князь присвоил «забожничье» и куда он слал своих судей, с Заволочьем. Но ущемление в этом конфликте прав новгородской кафедры свидетельствует, что князь Ярослав Всеволодович пытался действовать в рамках тех прав, которыми обладал князь Святослав Ольгович в 1137 г., но которые были ликвидированы «грамотами Ярославлими». Следовательно, уже к 1225 г. князья потеряли право посылать своих судей и брать дани с новгородского Заволочья, что косвенно датирует и конституирование новой юрисдикции Заволочья в «системе совладений» временем ранее 1225 г. Замечу, что С.А. Шаров-Делоне договорное оформление режима сместного управления северных волостей косвенно датировал временем до 1218 г. — на основании того, что великие князья Владимирские (Всеволодовичи) представляли интересы и ростовских Константиновичей, хотя после смерти в 1218 г. Константина Всеволодовича владения и владельческие права Всеволодовичей и Константиновичей окончательно разделились⁷⁷.

Как отмечалось выше, близка к новгородскому Заволочью была ситуация с прерогативами князя в Бежичах. С одной стороны, запись о Бежецком ряде дополняла княжеский Устав 1137 г., с другой Бежичи, как и Заволочье, в XIV в. являются теми исключительными территориями, где новгородский князь имеет право собирать дань и осуществлять суд. О сходстве ситуаций говорит и то, что структурно статья о дани в Заволочье и Бежичах в договорах с князьями отделена от списка «волостей новгородских» с описани-

⁷⁵ ГВНП 1949: № 7.

⁷⁶ Новгородская Первая летопись 2000: 67, 272.

⁷⁷ Шаров-Делоне 2005: 36.

ем особенностей юрисдикции в них. Но в таком случае речь должна идти, как и в случае с Заволочьем, о более ранней системе управления Бежичами, которая предшествовала оформлению «системы совладений» и не была поглощена последней.

Посмотрим на особенности юрисдикции Бежичей через призму княжеского участия в системе суда и даней на основной территории Новгородской земли. Согласно новгородско-княжеским соглашениям XIII–XV вв., право на дань у князя в Новгородской земле отсутствовало. Вместо дани князь получал от волостей дар. Право суда князь имел в самом Новгороде и в новгородских пригородах — совместно с посадником. Что касается проездного суда князя, новгородцы очень ревниво относились к этому его праву. Оно распространялось далеко не на все территории Новгородской земли, а лишь на ограниченный их круг, что видно и из формулировок соглашений: «А куда пошл[о] судии твоему ездити по волости, ехат[и и]мъ межень по Петрове [д]ни»; «А судье слати на Петровъ день, тако пошло»; «А судиямъ твоимъ ездити по волости, куда пошло, лете съ Петрова дни, по пошлине».

Эта формулировка отсутствует только в одном из проектов соглашения 1264 г., зато здесь имеется другая: «А судь, княже, отдадь Дмитрии съ новгородци бежичяномъ и обонижаномъ на 3 лета, судье не слати». Из этого можно заключить, что в остальных договорах волостями, «куда пошло» слать судей, являются только Обонежье и Бежичи. Можно догадываться, что передача суда обонезанам и бежичанам осуществлялась «на возмездной основе», то есть на основе откупа.

Уникальную возможность точно определить территорию, на которую простиралась прерогатива князя в Бежичах и Обонежье, дают две интерполяции к Уставу князя Святослава Ольговича 1137 г. — о Бежецком и Обонежском рядах. К Обонежскому ряду относилось 14 пунктов, к Бежецкому — шесть. Почти все топонимы Бежецкого ряда локализованы. Маркированная этими пунктами территория лишь наполовину попадает в пределы Бежецкого Верха, известного по источникам XVI–XVII вв., то есть в пределы территории, включенной в «систему совладений» XIII в. (новгородские волости Бежичи, Городец Палец, Мелеча, Шипино, Егна). Вторая половина территории Бежецкого ряда оказалась в границах Бежецкой пятины Новгородской земли, возникшей на рубеже

1470–1480-х гг. на землях новгородской метрополии. Таким образом, Бежецкий ряд явно игнорирует границу между «внутренней» и «внешней» зонами, что также указывает на его более древнее происхождение по сравнению с «системой совладений».

Княжеские прерогативы, существовавшие в Обонежье и Бежичах (в объеме, очерченном Бежецким и Обонежским рядами), сохранялись и в XIV–XV вв. Для Обонежья это подтверждено откупной грамотой на обонежский суд 1460 г., территория которого в точности соответствует Обонежскому ряду⁷⁸. Функционирование проездного княжеского суда в районе «Бежецкого ряда» еще в 80-х годах XIV в., помимо отмечавшегося уже упоминания Бежичей в договорах 1307 и 1371 гг., подтверждается его реликтовым упоминанием в актах XV в. на село Присеки⁷⁹, которое находится в непосредственной близости от Городецко «Бежецкого ряда». Если бы прерогативы князя в пунктах «Бежецкого ряда» являлись составной частью «системы совладений», то захват Москвой всей территории Бежецкого Верха (это произошло, вероятно, в первой половине XV в.) привел бы к их аннулированию. Однако, вместо этого, они были компенсированы выделением другого района в пределах «внутренней зоны» Новгородчины — в Водской земле. Впервые это документировано московским проектом договора 1456 г. («А в Водцкую землю слати княземъ великимъ ежегодъ, по старине») и повторяется в московском проекте договора 1471 г.⁸⁰.

А.В. Куза датировал возникновение Обонежского и Бежецкого рядов 1230 г., В.Л. Янин — периодом между 1137 и 1225 гг., Я.Н. Шапов — 1263–1264 гг.⁸¹. Исключительность права участия князя в управлении в Бежичах и Обонежье придает датирующее значение новгородской берестяной грамоте № 222 (не позднее 1217 г. по В.Л. Янину)⁸². Грамота сообщает о конфликте с участием представителей колбягов (этнической группы, населявшей Обонежье), который предполагается разрешить с помощью княжеского чиновника — детского. Тем самым, грамота свидетельствует о существовании княжеской юрисдикции на этой территории уже к

⁷⁸ ГВНП 1949: № 93; Янин 1991: 184.

⁷⁹ Назаров 1989: 84–92.

⁸⁰ ГВНП 1949: № 23, 27.

⁸¹ Шапов 1972: 164; Куза 1975: 160–161; Янин 2001: 78.

⁸² Янин, Зализняк 1993: 182–185.

1217 г. Кстати, о княжеском участии в сборе дани в Бежичах, по упоминанию черной куны и детских, можно судить по берестяной грамоте № 718, датируемой XIII в.⁸³

Таким образом, есть основания считать, что особые права новгородского князя в Заволочье, Бежичах и Обонежье связаны с этапом истории территориальной юрисдикции, предшествовавшим оформлению «системы совладений». Вероятно, оформление этой системы сопровождалось ликвидацией прав новгородского князя в Заволочье, что особенно сильно ограничивало возможности князей, не имевших отношения ни к Смоленску, ни к великому княжеству Владимирскому. Процесс достижения нового равновесия в отношениях Новгорода с князьями проходил в первой трети XIII в. С конца 1230 г. конфликтность между князем и новгородцами значительно снижается, а с 1240 г. созданная политическая система приходит в стабильное состояние, при котором на новгородский стол приглашаются только Владимирские великие князья. Очевидно, что «система совладений» предоставила достаточные возможности для финансового обеспечения деятельности новгородского князя.

Формирование «системы совладений» означало разделение всей территории Новгородской земли на две зоны — внутреннюю и внешнюю. Если первая находилась целиком под юрисдикцией Новгорода, во второй действовала смешанная новгородско-княжеская юрисдикция. Ценнейшим источником по структуре внутренней зоны является «Устав князя Ярослава о мостех», датируемый В.Л. Яниным серединой 1260-х годов⁸⁴. Первая интерполяция к тексту Устава перечисляет городни Великого моста через Волхов или их группы, обозначенные по имени источника финансирования ремонта этих городен. Десять городен ремонтировалось десятью городскими «сотнями», одна сотня названа Княжой, но кроме того интерполяция перечисляет ещё девять неких единиц: Княжая, Ржевская, Бежецкая, Водская, Обонежская, Лужская, Лопская, Поволховская, Яжелбицкая.

Большинство исследователей считает их областными (провинциальными, волостными, сельскими) сотнями, подобными город-

⁸³ Янин, Зализняк 2000: 16–18.

⁸⁴ Древнерусские княжеские уставы 1976: 150–151; Янин 1991: 146–147.

ским сотням (Б.А. Рыбаков, А.Н. Насонов, А.В. Куза, В.Л. Янин⁸⁵ и др.). В.А. Буров считает их «тысячами», образующими вместе с городской тысячей «тьму»⁸⁶. Активно дискутируется природа этих элементов «десятичного» деления Новгородской земли (общинная или княжеская?).

«Гордиев узел», в который «завязалась» проблема «областных сотен» (назовем их условно «волостями» Устава), в настоящее время оказался разрублен с помощью лингвистики. Как установил А.А. Гиппиус, все эти интерпретации основаны на неверном понимании синтаксической структуры перечня. Прилагательные «княжа», «Ржевская» и т.д. согласуются не с гипотетическим «ста» (слово «ста» женского рода ни в каком славянском языке никогда не существовало), а с подразумеваемым «городня»⁸⁷. Так что ни о сотнях, ни о тысячах в сельских районах Новгородской земли говорить не приходится. Документ лишь сообщает нам названия тех источников, из которых покрывались расходы на ремонт примерно половины городен Великого моста, причем восемь из девяти этих источников имеют географическую привязку, а одна («Княжая») — институциональную. Это существенно, потому что свидетельствует о нахождении восьми поименованных «волостей» в сфере действия только новгородской юрисдикции.

Историко-географический аспект интересующей нас интерполяции «Устава о мостех» — тема специального исследования, выходящего за пределы статьи. Но основные наблюдения изложить здесь необходимо, поскольку существующая историография именно суммарную территорию «волостей» Устава рассматривает как центр Новгородской земли, противопоставляя его «внешней зоне».

Сомнительным представляется распространенное в историографии объяснение названий некоторых «волостей» Устава (и, соответственно, их локализация) через противоположение той или иной территории: Ржевской — по противоположанию Ржеве Володимиро-

⁸⁵ Рыбаков 1938: 132–152; Насонов 1951: 124–126; Куза 1975: 164–169; Янин 1977: 109. Впрочем, в одной из последних работ по этому вопросу В.Л. Янин вообще сомневается по поводу «самой правомерности использования термина «сотня» для обозначения провинциальных земель («волостей») Новгорода» (Янин 2001: С. 70).

⁸⁶ Буров 1993: 98–110.

⁸⁷ Гиппиус 2005: 16–18.

вой⁸⁸ или Ржеве новгородской — позднее Ржеве Пустой, Бежецкой — по противолежанию волости Бежицам⁸⁹. Подобные случаи именованья для Новгородской земли действительно известны, но они касаются административных единиц более поздних, изобретенных московскими дьяками, притом не имеющих своего исторически сложившегося центра (таким образом во второй половине XVI в. получили названия Белозерская и Тверская половины Бежецкой пятины).

Полагаю, что центром Ржевской «волости» может быть только Ржева новгородская (что свидетельствует о позднейшем переходе ее под совместную юрисдикцию Новгорода и Великого княжества Литовского), поскольку Ржева Володимерова на Волге никогда не имела отношения к Новгороду. Сложнее дело обстоит с Бежецкой «волостью». Единственно возможным объяснением парадоксальной ситуации, при которой округ Бежичи числился одновременно и в составе земель новгородской юрисдикции (Бежецкая «волость» Устава о мостех), и в составе земель «системы совладений» (Бежичи и другие волости княжеских соглашений), является допущение о том, что округа, подчиненная Бежичам, была гораздо больше, чем территория будущего Городецкого уезда. Оформление «системы совладений» выделило из этой округи только часть, в то время как остальной массив земель в «систему совладений» не попал.

Это допущение подтверждается скугими свидетельствами источников. Во-первых, в период до оформления «системы совладений» в бежецкую округу входили земли, значительно удаленные от позднейшей границы Городецкого уезда⁹⁰. Во-вторых, в XVI в. обширная территория к западу от Бежиц (почти до Новгорода) принадлежала к Бежецкой десятина Новгородской епархии (на территории Городецкого уезда находилась другая, Городецкая десятина).

⁸⁸ Рыбаков 1938: 138–140.

⁸⁹ Янин 1987: 119–134.

⁹⁰ В берестяной грамоте № 789 (80–90-е гг. XI в.) перечисляются недоимки фиска в городецких гривнах с поселения Лама на Волчине (локализована В.Л. Яниным в пределах Бежецкого ряда недалеко от р. Молога) и с поселения Шитовичи на р. Мсте (Янин, Зализняк, Гиппиус 2004: 22, 23); в грамоте № 902 (рубеж XI–XII вв.) в планы сборщика дани, застрявшего в Езьске, первоначально входила еще и Волчина (очевидно, отдельная волость, занимавшая основное течение р. Волчина) (Янин, Зализняк, Гиппиус 2004: 94, 95).

Именно епархиальное деление дало названия для новгородских пятин на рубеже 1470–1480-х гг. и полупятин во второй половине XVI в.⁹¹ причем все остальные церковные десятины получили свои имена от объектов, расположенных в пределах соответствующих территорий.

Принято считать, что перечень волостей «Устава о мостех» целиком соответствует территории новгородской метрополии. Это мнение представляется ошибочным. Бремя благоустройства средневекового города несла его сельская округа, поэтому в задачи «Устава», совершенно очевидно, не входило описание всей территориально-административной или финансовой системы государства. Безосновательно искать среди волостей Устава земли, составлявшие округу Русы, Ладоги, потому что, выражаясь языком более позднего времени, расположенные вокруг них волости уже в XIII в. должны были исполнять «городовую повинность» в отношении этих городов, а не Новгорода.

Не касаясь в деталях проблемы локализации средневековых границ, обозначим лишь принципиальные моменты. О границах округа, тянувшей к Ладоге, можно судить только по позднейшим документам писцового делопроизводства. Ясно, что округа эта никогда не была слишком велика. Пока недостаточно обоснованной представляется тезис, который высказал впервые, кажется, А.В. Куза и поддержал А.Е. Мусин о подчиненности Ладоге территории Обонежья⁹².

Чуть более определенные указания имеются об округе Русы. Историческая связь между Русой и территорией, известной в конце XV в. как «Курский присуд», проявляется уже в летописной статье 1200 / 01 г.: «Литва взяша Ловоть и до Налюча, с Белеи и до Свинорта и до Ворча середу...»⁹³. Топографические подробности этой статьи «дешифрованы» В.Л. Яниным⁹⁴. Как и в других подобных случаях (ср. известие о том, как немцы воевали «Лугу и до Сабля») ⁹⁵, Налюч обозначает глубину проникновения завоевателей на территорию, обозначенную как «Ловоть». Поскольку Налюч нахо-

⁹¹ Фролов 2011.

⁹² Куза 1975: 152–153; Мусин 1988: 43–45.

⁹³ Новгородская Первая летопись 2000: 45, 239.

⁹⁴ Янин 1996: 30–33.

⁹⁵ Новгородская Первая летопись 2000: 78, 295, 450.

дится не на р. Ловати, а на р. Поле, топоним «Ловоть» может соответствовать только волости или исторической области. Это подтверждается отнесением к «Ловоти» Налюча и в духовной грамоте Федора Остафьевича 1460-х гг.⁹⁶. Роль Русы как центра этой области безальтернативна, поскольку небольшой городок Курск на Ловати возник гораздо позже описанных событий. В связи с этим надо полагать, что северо-западные границы области «Ловоть» находятся в районе Свинорта и Доворца, где и пролегла северо-западная граница уезда Русы по данным писцовых книг XVI в.

Еще одно свидетельство, более позднего времени, касается локализации Щербовского мыта, на котором взимались пошлины с купцов, едущих со стороны Селигера в Русу. Курский наместник, которому принадлежала эта доходная статья, в 1546 г. бил челом великому князю Ивану IV о том, что торговые люди уклоняются от уплаты мытной пошлины. Последовавшее предписание великого князя торговым людям платить положенный сбор было адресовано наместникам города Русы⁹⁷. Щербовский мыт расположен на восточной (а не западной!) границе Курского присуда на реке Поле⁹⁸.

Весьма вероятно, что помимо земель Ладоги и Русы из округа Новгородского XIII в. должны быть исключены земли вокруг городка Демана (упоминаемого впервые в «Списке городов дальних и ближних» (1375–1381 гг.), но по наблюдению археологов, во второй половине XII в. открывшего «городскую» фазу своей истории⁹⁹) и городков на Шелони, по меньшей мере часть которых была поставлена уже в 1239 г. Александром Невским (Порхов, Опоки, Вышегород, Высокое, Кошкин городок)¹⁰⁰.

Таким образом, территориально-административная структура Новгородской земли в середине XIII в. предстает в следующем виде: а) новгородская метрополия — зона новгородской юрисдикции, включающая восемь крупных регионов — «волостей» Устава, а также округу городов Русы, Ладоги, район городков на Шелони и городка Демана; б) периферийная зона, находящаяся в сфере более сложных схем юрисдикции, при которых часть прерогатив принад-

⁹⁶ ГВНП 1949: № 111; Янин 1991: 220–221.

⁹⁷ Акты 2008: 128.

⁹⁸ Фролов, Пиотух 2008: 64.

⁹⁹ Торопов 2009: 252–254.

¹⁰⁰ Новгородская Первая летопись 2000: 70, 289.

лежит не новгородской власти: князьям Великого княжества Владимирского на северо-востоке и востоке и Смоленского княжества — на юге. По-видимому, в том же контексте сформировались механизмы управления периферийной зоной на северных окраинах Новгорода, точнее — совместного сбора дани со Швецией и Норвегией.

Рассмотренные доходы князя от суда и даней, очевидно, составляли значительную часть его бюджета, необходимого, в том числе, и для ремонта «Княжей» городни Великого моста. Для полноты картины, имеющей прямое отношение к истории территориально-административной системы на землях Новгорода, следует прокомментировать и другие доходные статьи. Согласно новгородско-княжеским соглашениям второй половины XIII–XV вв., князь получал куны с двух новгородских погостов — Важанского (на р. Свирь) и Имоволожского (на оз. Имоложье в бассейне верхней Мсты)¹⁰¹. В.Л. Янин объясняет передачу князю доходов с двух названных погостов тем, что они являлись удобными пунктами финансового контроля путей: из Новгорода в Заволочье и из Новгорода в Низовские земли. Полагаю, что определенное значение имело и расположение их вблизи от границ наиболее освоенных новгородских территорий: к востоку от Важанского погоста начиналось Заонежье, к юго-востоку от Имоволожского — Новоторжская волость, а к югу от него же — земли новгородско-смоленского пограничья, имевшие особый статус, о котором будет сказано ниже. В таких пунктах удобным был сбор мытной пошлины. Не случайно новгородско-княжеские соглашения упоминают о кунах с этих двух погостов в соответствующем контексте: «А что, княже, мыть по Суждальской земли и въ твои волости: от воза имати по 2 векши, и от лодье, и от хмелна короба, и от лняна. А дворяномъ твоимъ у купчевъ повозовъ не имати, разве ратной весте. А свободъ ти, ни мыть на Новгородской волости не ставите. А на Имоволожскомъ погосте куны ти имати и на Важанскомъ»¹⁰².

Дополнительные сведения по вопросу об источниках финансирования князя в Новгородской земле сообщают писцовые книги рубежа XV–XVI вв. В книге Шелонской пятины упомянуты земли на южном берегу оз. Ильмень (погосты Взвяд и Ужин), ещё в эпоху

¹⁰¹ ГВНП 1949: № 3, 19, 22, 26; Янин 2000: 47–50.

¹⁰² ГВНП 1949: № 3.

новгородской независимости считавшиеся великокняжескими¹⁰³. С показаниями писцовых книг перекликаются свидетельства новгородско-княжеских договорных грамот о месте Взада в княжеском хозяйстве¹⁰⁴.

* * *

С 1380-х гг. до 1478 г. существует независимое Новгородское государство. Возглавляемая Великим княжеством Владимирским конфедерация русских земель прекращает свое существование, а «система совладений» испытывает кризис. В изменившихся политических условиях окраинные земли Новгорода оказываются в совместном управлении с Великим княжеством Московским и Великим княжеством Литовским, причем на фоне постепенного укрепления позиций Москвы пограничные территории становятся предметом споров и открытых вооруженных конфликтов.

Уже в 1397 г. происходит временная коммендация Двинской земли, Волока Ламского и Бежичей к Москве. Между 1397 и 1456 гг. новгородцы фактически утрачивают контроль над Вологдой. Бежичи окончательно переходят к Москве, вероятно, в первой половине XV в. Яжелбицкий мир 1456 г. лишает новгородцев земель по рекам Пинега и Мезень. Между 1456 и 1462 гг. к Москве присоединен Волок Ламский¹⁰⁵. Двинской земли Новгород окончательно лишился в 1475 г.

Вотчинный уклад серьезно изменил как формы эксплуатации, так и систему управления на соответствующих землях. Развитие феодальной вотчины вело к распаду волостей на ряд «волосток» или «боярщин», население которых, отдавая по-прежнему государственные подати на погост, теперь имело хозяйственные связи с центром земельного владения, с господским двором. При этом, по мере развития внутренней колонизации и роста численности населения, в XIII–XV вв. радикально поменялась и сельская поселенческая структура. Вследствие этого пространственная связь с древними новгородскими погостами ослабевала, а изменившийся социально-экономический контекст превращал их в анахронизм.

¹⁰³ НПК 1905: 356–359; Янин 1985: 92–104; Чернов 1985: 104–112.

¹⁰⁴ ГВНП 1949: № 1–3, 6, 7, 9, 10, 14, 15, 19, 26.

¹⁰⁵ Чернов 1998: 51–54.

Местом сбора податей и, возможно, производства проездного суда становились вновь возникшие приходские центры¹⁰⁶, которые даже в микрорегионах, заселённых ещё в «домонгольское время», были топографически обособлены от ранних административных центров¹⁰⁷.

Тесная связь территориального деления с системой церковных приходов базировалась на политическом фундаменте: контроль над земельной собственностью в Новгородской земле осуществлял архиепископ. Со второй четверти XIV в. его печатью скреплялись практически все документы, фиксирующие движение земельной собственности (купчие, раздельные, закладные, меновные)¹⁰⁸. К концу XIII в. В.Л. Янин относит возникновение в Новгородской земле института владычных наместников, которые поочередно сидели в Ладоге, Торжке, Кореле и на Двине. Однако П.Д. Малыгин обосновал синхронность существования владычных наместников в этих городах¹⁰⁹. Более обстоятельная характеристика связей епархиального деления с территориально-административной системой Новгородской земли — тема отдельного исследования.

К моменту ликвидации независимости Новгорода ядро Новгородской земли состояло из тысяч мелких, средних и крупных волосток, объединённых вокруг погостских (приходских) центров. В документах новгородского времени эти волостки идентифицировались по имени собственному, соответствовавшему, чаще всего, названию его хозяйственного центра — владельческого села. Во всяком случае, никаких упоминаний об особых погостах-округах источники до 1478 г. не содержат. В пределах территории, описанной в составе пятин, приходских центров насчитывалось более 360-ти.

Административным центром с представителями власти (посадник или его представитель, княжеский наместник или служи-

¹⁰⁶ Изредка летописи упоминают о строительстве сельских храмов: Новгородская Четвертая летопись 2000: 373 (основание церкви Рождества Богородицы на Крестцах в 1393 г.); Новгородская Четвертая летопись 2000: 438 (основание каменной церкви Прокофия на Белой в 1443 г.); Новгородская Четвертая летопись 2000: 607 (основание церкви Николая в Бурегах в 1432 г.).

¹⁰⁷ Платонова 1988; Харлашов 1990: 82; Фролов 2003: 3–12.

¹⁰⁸ Янин, Гайдуков 1998: 8–9.

¹⁰⁹ Янин 1970: 86, 87; Малыгин 1999: 218–224.

лый князь), которому была подконтрольна сеть сельских приходов в судебном и податном отношениях, являлся город — центр присуда. Сведения о системе присудов XIII–XV вв. в источниках фрагментарны. Только древнейшая русская писцовая книга (Деревской пятины письма 1495–1496 гг.) содержит описание территориальной структуры присуда. Границы присудов разрезают территории погостов-округов, разделяют на части отдельные поместья, розданные великим князем, но проходят по границам вотчин Новгородского времени¹¹⁰. Это не случайно: статья 36 Новгородской судной грамоты предусматривает судебную ответственность «владычня, боярского, житейского, купецкого, монастырского, кончанского, улитцкого» человека в волостке (т.е. проживающего в их владении) через землевладельца: «ино в коей волости будет от владыки волостель, или поселник, ино им поставить того человека у суда; а боярину и житьему и купцю, и монастырскому заказцику и поселнику, и кончанскому и улитцкому, также своих людей ставить у суда»¹¹¹.

На территории мстинско-ловатского междуречья, составившей в конце XV в. Деревскую пятину, присудов было три: Новгородский, Деманский и Курский. Надо полагать, что в основе уездов, известных по писцовым книгам остальных новгородских пятин, также лежат присуды, существовавшие до присоединения Новгорода к Москве. Во всяком случае уже на рубеже XV–XVI вв. часть этих «уездов» была упразднена, а часть подверглась территориальным изменениям — очевидно, в виду их несоответствия московскому видению административной системы. Но поскольку писцовые книги по этим пятинам были составлены чуть позже книги Деревской пятины, то они зафиксировали уже несколько иную ситуацию. Гигантские размеры имел Новгородский присуд. Фрагментарные свидетельства древнейших писцовых книг позволяют говорить о том, что внутри его существовало более дробное деление по группам погостов, подконтрольных одному волостелю.

Детальный текстуальный и историко-географический анализ описания книги Деревской пятины обнаружил факт нахождения вне системы присудов Холмского погоста с пятью волостями, ко-

¹¹⁰ Фролов 2001: 8.

¹¹¹ Законодательство 1984: 307–308.

торые уже в начале XVI в. были исключены из состава Деревской пятины и образовали Холмский уезд. Благодаря наличию других источников, характеризующих южные окраины Новгородской земли, можно более определенно говорить об их различиях от земель, принадлежащих к системе присудов.

Если на территории присудов уже к моменту ликвидации Новгородской независимости к одному погосту тянуло множество владений различных вотчинников, то в южных волостях массив земель, тянувших к одному погосту, был монолитен. В Холмском погосте, Мореве и Велиле, как уже говорилось, писцовые книги владельца не указывают, но зато в них есть единая структура, которой подчиняются все части этих округов: деление на десятки (в Холмском погосте они сгруппированы в станы); волости Стерж и Лопастницы числились за Аркажским монастырем, волость Буйцы — за Юрьевым монастырем. Оба монастыря, как показал В.Л. Янин, являлись магистратами Великого Новгорода¹¹², то есть могли олицетворять здесь не только вотчинную, но и государственную власть.

Право на получение части государственных доходов с этих и некоторых других земель (Лубоково, Заклинье, Буйцы, Лопастницы, Молвотицы, Кунско, Стерж, Морева, Жабна, Березовец, Холмский погост, Ржева Пустая и Великие Луки) принадлежало Великому княжеству Литовскому (по основному виду сборов — «черной куны» — эти территории именуются иногда в источниках «Чернокунством»). Новгородско-литовские договоры 1431 и 1441/1442 гг., а также проект договора 1471 г. сообщают детали этих полномочий. Таким образом, они являлись объектом международного права. Те же документы противопоставляют земли «Чернокунства» новгородским погостам «Деман, Полоново, Цна» (т.е. Деманский, Полоновский и Посонский погосты Новгородского и Деманского присудов писцовой книги), отмечая, что последние — это «погосты новгородские»¹¹³.

Несмотря на неоднократное обращение исследователей к сюжету новгородско-ржевского межевания 1480-х годов, ни в одной из работ не ставится вопрос о том, почему восточная оконечность

¹¹² Янин 1977: 136–149.

¹¹³ ГВНП 1949: 63, 70, 77.

межи не соответствует самой восточной точке соприкосновения новгородских и ржевских земель. Само размежевание было инспирировано требованиями брата великого князя Ивана III — Бориса Васильевича Волоцкого — уладить пограничные споры. Но если в конечной, самой западной, точке описанной межи заканчивалось противолежание владений Новгорода и Ржевы и начиналась граница Ржевы с Великим княжеством Литовским, то самая восточная точка межи отстоит от начала ржевско-новоторжского участка границы примерно на 30–50 км к западу, то есть далеко не «закрывает» всего пограничного участка¹¹⁴. Размежеванию в 1484 г., таким образом, подлежал лишь отрезок, где земля Ржевы соприкасалась с новгородскими волостями (Березовец, Стерж, Лопастыцы). Новгородские Жабенский и Посонский погосты Новгородского присуда отделять от ржевских территорий почему-то надобности не было¹¹⁵.

В отличие от погостов новгородских присудов, центры волостей не меняли своего расположения на протяжении всей новгородской истории: на городищах Морева, Велила, Стерж, Березовец, на селище Буйцы прекрасно представлены археологические материалы первой половины II тыс. н. э., они имеют очень «солидную» археологическую округу в виде селищ и могильников этого времени¹¹⁶.

Таким образом, в отличие от земель новгородских присудов, Холмский погост и волости сохранили управление, присущее ранним, доivotчинным, погостам, при котором их границы не требовали четкого определения в фискальных целях. Консервации архаичных порядков способствовало пограничное их положение и нахождение в сфере международных отношений.

Незадолго до конца XV в. таким же статусом обладали и земли Жабенского и Молвотицкого погостов. По древнейшей писцовой книге, ядро их составляли огромные владычные волости Жабна и

¹¹⁴ Кучкин 1984а: 149–161; Кучкин 1984б: 165–176.

¹¹⁵ Формально волость Березовец описана в писцовой книге Деревской пятины, составленной в 1499 г., в числе земель Жабенского погоста, однако ее включение в территорию погоста произошло уже после проведения писцовых работ 1495–1496 гг. в связи с опалой в январе 1499 г. князя И.Ю. Патрикеева. Ранее эта волость находилась у князя в кормлении (Фролов 2005: 118–119).

¹¹⁶ Фролов 2001: 11–12.

Молвотицы, а вотчины занимали лишь периферийное положение. Надо полагать, что первые предпосылки для перехода жабенских и молвотицких земель в Новгородский присуд возникли с потерей Литвой Ржевы Володимеровой в 1381 г.: упомянутые новгородско-литовские соглашения сохранили упоминание об управлении с помощью ржевского тиуна, хотя, как отметил В.Л. Янин, это всего лишь стереотипное воспроизведение формулировки более ранних соглашений¹¹⁷.

Помимо Холмского погоста и примыкавших к нему волостей, режим совместной эксплуатации действовал и на других пограничных с Литвой территориях. В Великих Луках практиковался сместной суд («а на Лукахъ нашъ тиунъ, а твои другой, а судъ имъ наполю»¹¹⁸). «Запись о Ржевской дани» 1479 г.¹¹⁹ свидетельствует о проездном суде представителя литовской власти, хотя часть судебных прерогатив принадлежала новгородскому владыке и новгородскому Кириллову монастырю.

* * *

Серьёзная реорганизация территориально-административной системы Новгородской земли была предпринята московским правительством после 1478 г. (Карта 3). Вероятно, сразу после ликвидации независимости Новгорода, земли «внутренней зоны» были разделены на пять частей — пятин. Водская пятина отделялась от Обонежской рекой Волхов, Ладожским озером, далее граница шла от северо-восточного берега озера (севернее г. Олонец) на север. Граница Водской пятины с Шелонской проходила от Новгорода до верховьев р. Луги, далее — почти на всем протяжении — по р. Луге. Восточнее располагалась Обонежская пятина. От Бежецкой пятины ее отделяла р. Мда, от Деревской — р. Мста. Еще далее на восток располагалась Бежецкая пятина, которая соприкасалась с Деревской пятиной по р. Мсте. В состав Деревской пятины вошло пространство к юго-востоку от Новгорода. Её граница с Шелонской пятиной проходила по р. Ловать. Шелонская пятина располагалась между Деревской и Водской. По пятинам проводилось описание земель

¹¹⁷ Янин 1998: 55.

¹¹⁸ ГВНП 1949: № 63, 70, 77.

¹¹⁹ Янин 1991: 200–202.

великокняжескими писцами, было организовано касающееся этих территорий управление и делопроизводство. Пятинная система лишь очень условно может быть соотнесена с исторически сложившейся на Новгородской земле территориальной структурой, однако в целом территория пятин точно соответствует «внутренней зоне», на которой функционировала система присудов.

Исключением стало нахождение в составе Деревской пятины южных волостей, что объясняется очень просто: великий князь не признавал на эти земли никаких прав, о которых заявляло Великое княжество Литовское. Как только Торопец, из которого «по старине» осуществлялось участие в управлении «Чернокунством» литовской стороной, оказался в составе Московии, необходимость придания спорным территориям вида коренных земель новгородской метрополии отпала: уже в начале XVI в. возникает Холмский уезд, который, кстати, в течение XVI в. по-прежнему сохраняет механизмы управления из Торопца¹²⁰.

Еще одна территория, оказавшаяся в несколько неопределенном положении при организации пятинного деления — северная окраина Новгородской земли. О принадлежности лопских погостов к Водской пятине сообщают только источники XVII в., но даже по ним нельзя утверждать, что они относились когда-либо к Корельскому уезду. А.А. Селин полагает, что отрицание принадлежности Лопских погостов к Корельскому уезду — это всего лишь дипломатическая уловка московского правительства в споре со Швецией за приграничные территории в начале XVII в.¹²¹, однако представляется не случайным, что эти территории находились в зоне, которая в XIV–XV вв. была зоной общих новгородско-шведских интересов (впрочем, определенной локализации ее границы пока не поддаются). Севернее, вдоль западного берега Белого моря, лежало Карельское Поморье, не относившееся ни к какому-либо уезду, ни к пятинам вообще. Выяснение границ этой территории требует дополнительных изысканий.

Поначалу управление в пятинах осуществлялось по-прежнему, по присудам. Но массовые конфискации земель и последующие поместные раздачи сделали эту исторически сложившуюся систему неэффективной, вследствие чего около 1500 г., после заключи-

¹²⁰ Фролов 2005: 106–120.

¹²¹ Селин 2003: 40.

тельной волны конфискации вотчинных земель («накрывшей» владения новгородского архиепископа и монастырей в 1499 г.), основной территориальной единицей становится погост-округ. По-видимому, такой округ соответствует территории отдельного церковного прихода, пределами которого руководствовались великокняжеские писцы во время валового описания земель рубежа 1490-х годов¹²². На смену присудам в Новгородской земле пришли уезды, состоявшие из нескольких погостов-округов. На рубеже XV–XVI вв. в новгородских пятинах насчитывалось 12 уездов: Новгородский, Ладожский, Копорский, Ореховский, Ямской, Корельский, Русский, Порховский, Ивангородский, Кошкина Городка, Вышгородский, Высокогородский, однако уже в первой половине XVI в. три последние уезда были упразднены, а их земли включены в состав Порховского уезда. Около 1500 г. увеличились в размерах округи, административно подчиненные Орешку и Ладогге.

Уезд управлялся великокняжеским наместником, концентрировавшим в своих руках всю полноту власти — административной, судебной, военной. Помимо уездных городов, наместники получали в кормление городки Курск и Деман, бывшие центрами присудов Деревской пятины, и Холмский погост. Отдельные территории выделялись в кормление волостелям. Источники упоминают волостелей в волостях Ошта, Выгозеро в Заонежье, Боровичи и Воллок Дершков Бежецкой пятины¹²³.

В третьей четверти XVI в. пятины оказываются разделены на «половины» — явление, также характеризующее прежде всего технику писцового учёта и делопроизводства. Из документов 70–80-х годов XVI в. известны их названия. В Водской пятине это Полужская и Корельская половины, в Обонежской — Нагорная и Заонежская половины, в Бежецкой — Тверская и Белозерская половины, в Шелонской — Залесская и Зарусская (при этом Старорусский уезд был исключен из системы полупятин и описывался отдельно), в Деревской — Григория Морозова и Жихоря Рябчикова половины. Объем земель каждой полупятины во многом определялся составом территории, которую описывала в конце 1530-х гг. одна писцовая комиссия (каждая пятина описывалась двумя комиссиями).

¹²² Фролов 2008: 151–165.

¹²³ Акты 2008: 103, 104, 287.

Не всегда возможно точно провести границы полупятин: писцовая документация разных лет пограничные погосты относит то к одной, то к другой полупятине, не исключено и разделение территории одного округа между двумя полупятинами. Данный вопрос пока не исследован в должной мере, весьма неопределенны мнения исследователей и о функциональности этих территориальных образований. По-видимому, на полупятину распространялась власть губного старосты, избиравшегося из среды землевладельцев той же территории.

На протяжении XVI–XVII вв. в составе земель новгородских пятин произошёл ряд изменений. Так, после московско-литовской войны в начале XVI в. за счёт южных земель Деревской пятины был образован Холмский уезд. В середине 1560-х гг. в связи с учреждением опричнины от Деревской пятины опричному Селижаровскому стану Ржевы Володимеровой были переданы Ясеновичский погост и волость Березовец целиком, а также южные части Жабенского, Полоновского и Посонского погостов и восточная часть волостей Буйцы и Лопастницы. Несколько позднее, после «опричного разгрома» Новгорода 1570 г., в опричнину были взяты Обонежская и Бежецкая пятины. Деревская, Водская и Шелонская пятины попали в земщину. Возможно, это совпадение, но в опричнину Иван Грозный взял именно те территории, на которые у князей были права столетием ранее.

В правление «великого князя всеа Руси» Симеона Бекбулатовича зимой 1576 г. ко Ржеве Володимеровой, входившей в «удел» «князя Московского», был передан ещё ряд земель Деревской пятины. Вопрос об объёме и времени «второй приписи» нуждается в дополнительном изучении. Не вызывает сомнений, что ко Ржеве были отписаны Полоновский (северная часть), Буховский (южная часть), Деманский, Молвотицкий (целиком) погосты. Однако не исключено, что «вторая припись» была более обширной и включала кроме того ещё и Заборовский, Вельевский, Семеновский погосты целиком и северные половины Посонского, Жабенского и Буховского погостов¹²⁴.

Либо в связи с прекращением правления Симеона Бекбулатовича (не ранее середины сентября 1576 г.), либо в связи с писцовыми работами 1582–1583 гг. земли, отписанные ко Ржеве Воло-

¹²⁴ Фролов 2005: 111–113.

димеровой при устройстве «удела», вернулись в состав Деревской пятины. Граница «опричного времени» была восстановлена. Примерно в таком виде, с небольшими изменениями, южная граница Деревской пятины существовала до самого упразднения пятин в начале XVIII в.

Тяжелые последствия для Новгородской земли имела Ливонская война. По ее итогам, подведенным Плюсским перемирием 1583 г., к Швеции отошли Ивангородский, Копорский, Ямской и Корельский уезды. По Тявзинскому мирному договору 1595 г. Швеция вернула эти земли.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аграрная история 1971 — Аграрная история Северо-Запада России: Вторая половина XV – начало XVI в. Л., 1971.
- Акты 2008 — Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века / Сост. А.В. Антонов. М., 2008. Т. IV.
- Андрियाшев 1914 — *Андрियाшев А.М.* Материалы по исторической географии Новгородской земли. Шелонская пятина по писцовым книгам 1498–1576 гг. М., 1914. Вып. 1. Списки селений; СПб., 1913. Вып. 2. Карты погостов.
- Арциховский, Янин 1978 — *Арциховский А.В., Янин В.Л.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962–1976). М., 1978.
- Буров 1993 — *Буров В.А.* О сотнях, тысячах и тьме Новгородской земли // Новгород и Новгородская земля: История и археология / Отв. ред. В.Л. Янин. Новгород, 1993. Вып. 7. С. 98–110.
- Веселовский 1936 — *Веселовский С.Б.* Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV–XVI вв. М., 1936 (ИГАИМК. Вып. 139).
- Воронин 1935 — *Воронин Н.Н.* К истории сельского поселения феодальной Руси: погост, слобода, село, деревня. М., 1935 (ИГАИМК. Вып. 138).
- ГВНП 1949 — Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М; Л, 1949.
- Гиппиус 2005 — *Гиппиус А.А.* К изучению княжеских уставов Великого Новгорода: «Устав князя Ярослава о мостех» // Славяноведение. 2005. № 4. С. 9–24.
- Гиппиус 2008 — *Гиппиус А.А.* Загадки Мстиславовой грамоты // *Miscellanea Slavica.* Сборник статей к 70-летию Бориса Андреевича Успенского / Сост. Ф.Б. Успенский. М., 2008. С. 109–129.

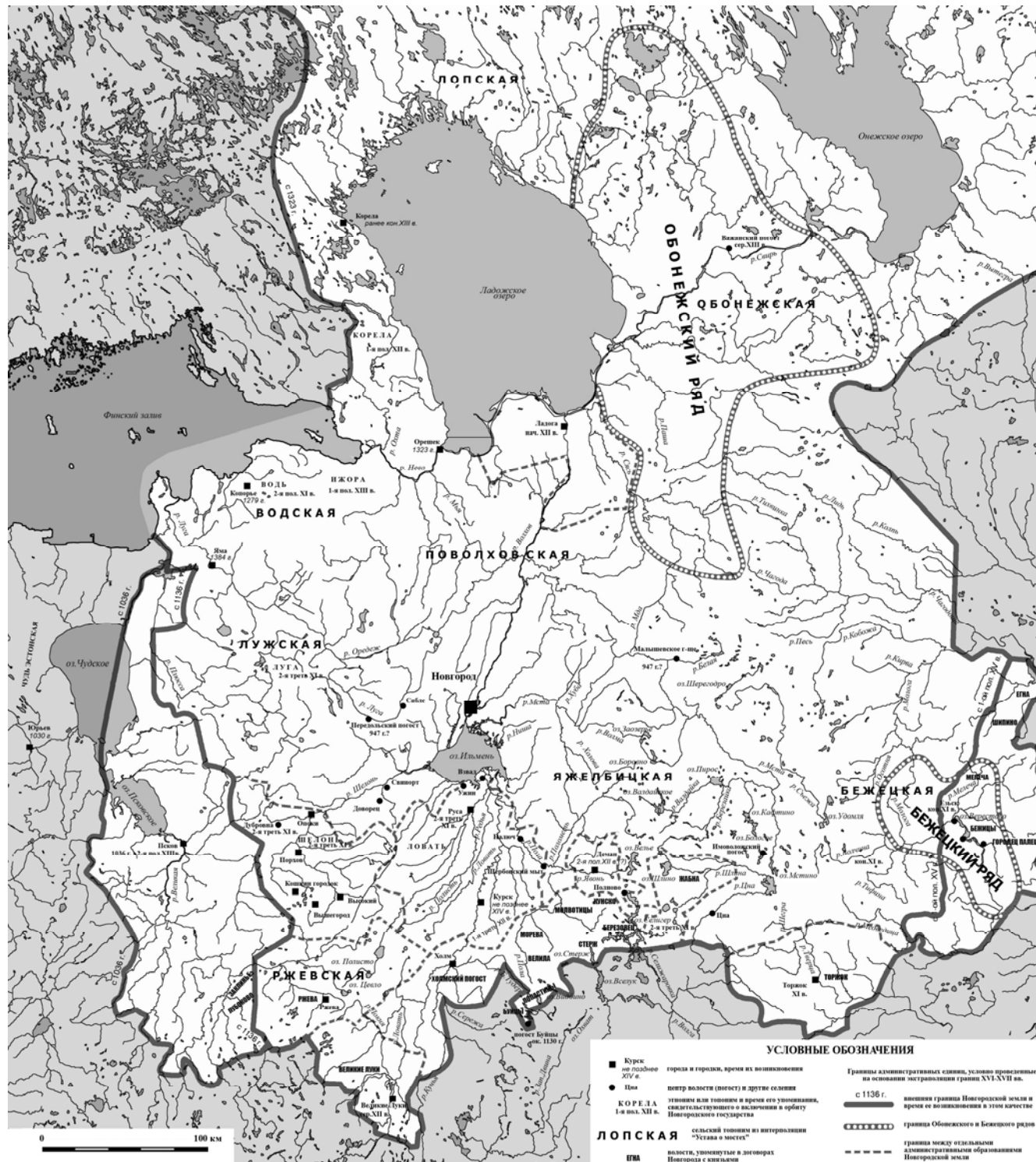
- Древнерусские княжеские уставы 1976 — Древнерусские княжеские уставы / Подг. Я.Н. Щапов. М., 1976.
- Законодательство 1984 — Законодательство Древней Руси М., 1984. Т. 1 (Российское законодательство X–XX вв.: в 9 томах).
- Ипатьевская летопись 1998 — Ипатьевская летопись. М., 1998 (ПСРЛ. Т. II).
- Кирпичников 1988 — *Кирпичников А.Н.* Ладога и Ладожская земля VIII–XIII вв. // Историко-археологическое изучение Древней Руси: Итоги и основные проблемы / Ред. И.В. Дубов. Л., 1988 (Славяно-русские древности. Вып. 1).
- Конецкий, Носов 1995 — *Конецкий В.Я., Носов Е.Н.* К вопросу о сложении административных центров конца I тыс. н. э. в восточных районах Новгородской земли // Славяно-русские древности / Под ред. И.В. Дубова и И.Я. Фроянова. СПб., 1995. Вып. 3: Проблемы истории Северо-Запада Руси. С. 29–54.
- Куза 1975 — *Куза А.В.* Новгородская земля // Древнерусские княжества X–XIII вв. / Отв. ред. Л.Г. Бескровный. М., 1975. С. 144–201.
- Кучкин 1984а — *Кучкин В.А.* К изучению процесса централизации в Восточной Европе (Ржева и ее волости в XIV–XV вв.) // История СССР. 1984. № 6. С. 149–161.
- Кучкин 1984б — *Кучкин В.А.* Межевание 1483 г. и вопрос о древней новгородско-смоленской границе // НИС / Отв. ред. В.Л. Янин. Л., 1984. Вып. 2 (12). С. 165–176.
- Кучкин 1984в — *Кучкин В.А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984.
- Лаврентьевская летопись 2001 — Лаврентьевская летопись. М., 2001 (ПСРЛ. Т. I).
- Лерберг 1819 — *Лерберг А.Х.* Исследования, служащие к объяснению древней русской истории. СПб., 1819.
- Линд 1997 — *Линд Дж.Х.* «Разграничительная грамота» и новгородско-норвежские договоры 1251–1326 гг. // НИС / Отв. ред. В.Л. Янин. СПб., 1997. Вып. 6 (16). С. 135–143.
- Линд 1998 — *Линд Дж.Х.* Русско-шведская граница по Ореховецкому (Nöteborg-Pähkinälinna) миру и политический статус севера Фенноскандии // Средние века. 1998. Вып. 59. С. 96–115.
- Макаров 2003 — *Макаров Н.А.* «Заволоцкие топонимы» новгородских берестяных грамот и деревянных цилиндров на археологической карте // Берестяные грамоты: 50 лет открытия и изучения. Мат-лы международной конф. Великий Новгород, 24–27 сентября 2001 г. / Под общ. ред. В.Л. Янина. М., 2003. С. 149–163.

- Малыгин 1994 — *Малыгин П.Д.* Некоторые итоги и проблемы изучения средневековых древностей территории Тверской области // Тверской археологический сборник. Тверь, 1994. Вып. 1. С. 116–128.
- Малыгин 1999 — *Малыгин П.Д.* О региональных (областных) владычных наместниках Новгородской земли // Великий Новгород в истории средневековой Европы: к 70-летию Валентина Лаврентьевича Янина / Под ред. А.А. Гиппиуса, Е.Н. Носова и А.С. Хорошева. М., 1999. С. 218–224.
- Малыгин 2001 — *Малыгин П.Д.* Возникновение Торжка и некоторые замечания по теории «переноса городов» // Управление городами: история и современность: Материалы научн. конф. Тверь. 23–24 ноября 2000 г. Тверь, 2001. С. 36–45.
- Мусин 1988 — *Мусин А.Е.* Становление Обонежского ряда в IX–XIV вв. // Тихвинский сборник: по материалам историко-географической конференции. Тихвин, 1988. Вып. 1. Археология Тихвинского края / Науч. ред. Г.С. Лебедев. С. 43–48.
- Назаров 1989 — *Назаров В.Д.* О проездном суде наместников в средневековой Руси // ДГ. 1987 г. М., 1989. С. 84–92.
- Насонов 1951 — *Насонов А.Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951.
- Неволин 1853 — *Неволин К.А.* О пятинах и погостах новгородских. СПб., 1853 (Записки Русского Географического общества. Т. 8).
- Новгородская Первая летопись 2000 — Новгородская Первая летопись. М., 2000 (ПСРЛ. Т. III).
- Новгородская Четвертая летопись 2000 — Новгородская Четвертая летопись. М., 2000 (ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1).
- НПК 1905 — Новгородские писцовые книги. СПб., 1905. Т. V. Книги Шелонской пятины / Подг. С.К. Богоявленский.
- Павлов-Сильванский 1988 — *Павлов-Сильванский Н.П.* Феодализм в России. М., 1988 (Памятники исторической мысли).
- Писцовые книги 2004 — Писцовые книги Новгородской земли (Каталог писцовых книг Русского государства. Вып. 2) / Сост. М.Ю. Зенченко, В.Ю. Беликов, Г.А. Иванова / Под ред. И.Ю. Анкудинова, М.Ю. Зенченко, А.А. Селина, А.А. Фролова. М., 2004.
- Платонова 1988 — *Платонова Н.И.* Погосты и формирование системы расселения на Северо-Западе Новгородской земли (по археологическим данным): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1988.
- Платонова 1991 — *Платонова Н.И.* Укрепленные поселения Лужской волости // Материалы по археологии Новгородской земли 1990 / Под ред. В.Л. Янина, Е.Н. Носова, П.Г. Гайдукова. М., 1991. С. 68–88.

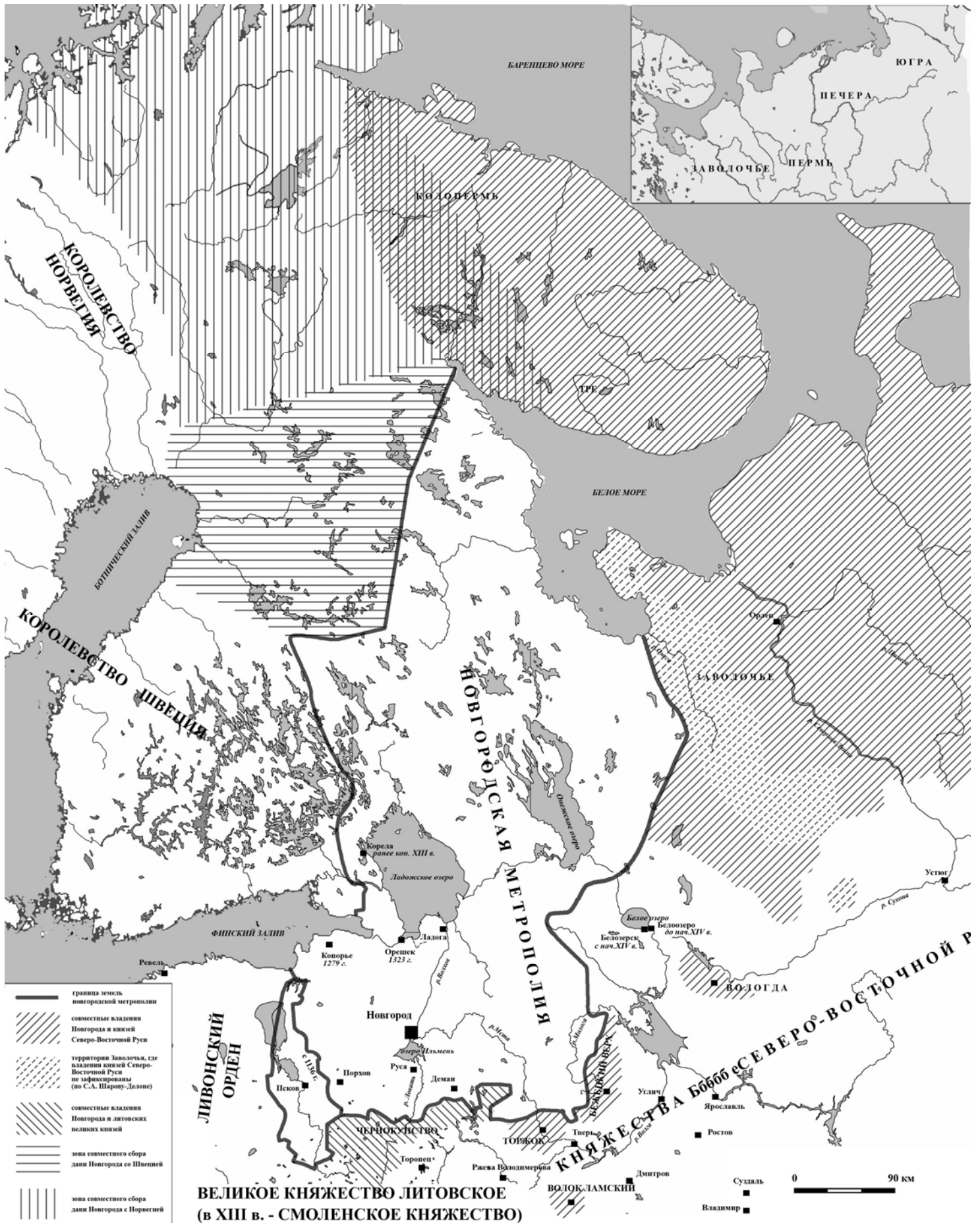
- Романов 1960 — *Романов Б.А.* Изыскания о русском сельском поселении эпохи феодализма (по поводу работ Н.Н. Воронина и С.Б. Веселовского) // Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII–XVII веков / Отв. ред. И.И. Смирнов. М.; Л., 1960. С. 327–476.
- Рыбаков 1938 — *Рыбаков Б.А.* Деление Новгородской земли на сотни в XIII в. // Исторические записки. М., 1938. Т. 2. С. 132–152.
- Свердлов 1983 — *Свердлов М.Б.* Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983.
- Селин 2003 — *Селин А.А.* Историческая география Новгородской земли в XVI–XVIII вв. Новгородский и Ладужский уезды Водской пятины. СПб., 2003.
- Словарь русского языка 1978 — Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1978. Вып. 5.
- Софийская Первая летопись 2000 — Софийская Первая летопись старшего извода. М., 2000 (ПСРЛ. Т. VI).
- Спирidonов 1989 — *Спирidonов А.М.* Локализация пунктов Устава Святослава Ольговича 1136/37 г. и становление погостов в Прионежье и Заволочье // Краткие сообщения института археологии. М., 1989. Вып. 198. С. 16–21.
- Степанова 2004 — *Степанова Л.Г.* Новгородское крестьянство на рубеже XV–XVI столетий (уровень развития хозяйства). М., 2004.
- Торопов 2009 — *Торопов С.Е.* Из истории средневекового новгородского города Демона // Великий Новгород и средневековая Русь. Сб. ст. к 80-летию акад. В.Л. Янина / Отв. ред. Н.А. Макаров. М., 2009. С. 245–261.
- Фролов 2001 — *Фролов А.А.* Территориально-административная система XIV–XV вв. на землях Деревской пятины Новгородской земли. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2001.
- Фролов 2003 — *Фролов А.А.* К истории формирования средневековой административной структуры на севере Деревской пятины Новгородской земли // Новгородский архивный вестник. Великий Новгород, 2003. Вып. 3. С. 3–12.
- Фролов 2005 — *Фролов А.А.* Статус земель южного пограничья Новгородской земли в XVI — начале XVIII века // Очерки феодальной России. М.; СПб., 2005. Вып. 9. С. 106–120.
- Фролов 2006 — *Фролов А.А.* Методы работы писцов в Деревской пятине Новгородской земли во время письма 1495–1496 годов и проблема реконструкции писцовых полевых записей // Исследования по истории средневековой Руси / Сост. С.В. Стрельников. М.; СПб., 2006. С. 299–318.

- Фролов 2008 — *Фролов А.А.* Новый взгляд на территориально-административную систему земель Господина Великого Новгорода // Новгородский исторический сборник. СПб., 2008. Вып. 11 (21). С. 151–165.
- Фролов 2011 — *Фролов А.А.* «Книга записи Софийской пошрины» и проблема происхождения новгородских пятин // Приходная книга Новгородского дома Святой Софии («Книга записи Софийской пошрины») / Сост. И.Ю. Анкудинов, А.А. Фролов. М.; СПб., 2011. Приложение. С. 207–212.
- Фролов, Пиотух 2008 — *Фролов А.А., Пиотух Н.В.* Исторический атлас Деревской пятины Новгородской земли (по писцовым книгам письма 1495–1496 гг.). М.; СПб., 2008. Т. 2. Атлас и справочные материалы.
- Харлашов 1990 — *Харлашов Б.Н.* К вопросу о происхождении погостов в Псковской земле // Советская археология. 1990. № 1. С. 72–83.
- Черепнин 1948 — *Черепнин Л.В.* Русские феодальные архивы XIV–XV веков. М.; Л., 1948. Ч. 1.
- Чернов 1985 — *Чернов С.З.* Историческая география Взвядского погоста // Генезис и развитие феодализма в России. Л., 1985. С. 104–112.
- Чернов 1998 — *Чернов С.З.* Волок Ламский. Структуры землевладения и формирование военно-служилой корпорации. М., 1998.
- Шаров-Делоне 2005 — *Шаров-Делоне С.А.* К вопросу об историческом контексте формирования культуры Русского Севера // Иконы Русского Севера: Двинская земля, Онега, Каргополье, Поморье. Статьи и материалы / Ред.-сост. Э.С. Смирнова. М., 2005. С. 33–47.
- Шаскольский 1945 — *Шаскольский И.П.* Договоры Новгорода с Норвегией // Исторические записки. М., 1945. Т. 14. С. 38–61.
- Шаскольский 1994 — *Шаскольский И.П.* Сведения об истории Руси в X–XIV вв. в Исландских анналах // Вспомогательные исторические дисциплины. СПб., 1994. Т. XXV. С. 231–239.
- Шилов 2009 — *Шилов А.Л.* О пределах новгородских владений на Кольском полуострове в XIII–XV вв. // Новгород и Новгородская земля: История и археология / Отв. ред. В.Л. Янин. Великий Новгород, 2009. С. 339–345.
- Щапов 1972 — *Щапов Я.Н.* Княжеские уставы и церковь в Древней Руси. М., 1972.
- Янин 1970 — *Янин В.Л.* Актовые печати Древней Руси X–XV вв. М., 1970. Т. 2. Новгородские печати XIII–XV вв.
- Янин 1977 — *Янин В.Л.* Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород. М., 1977.

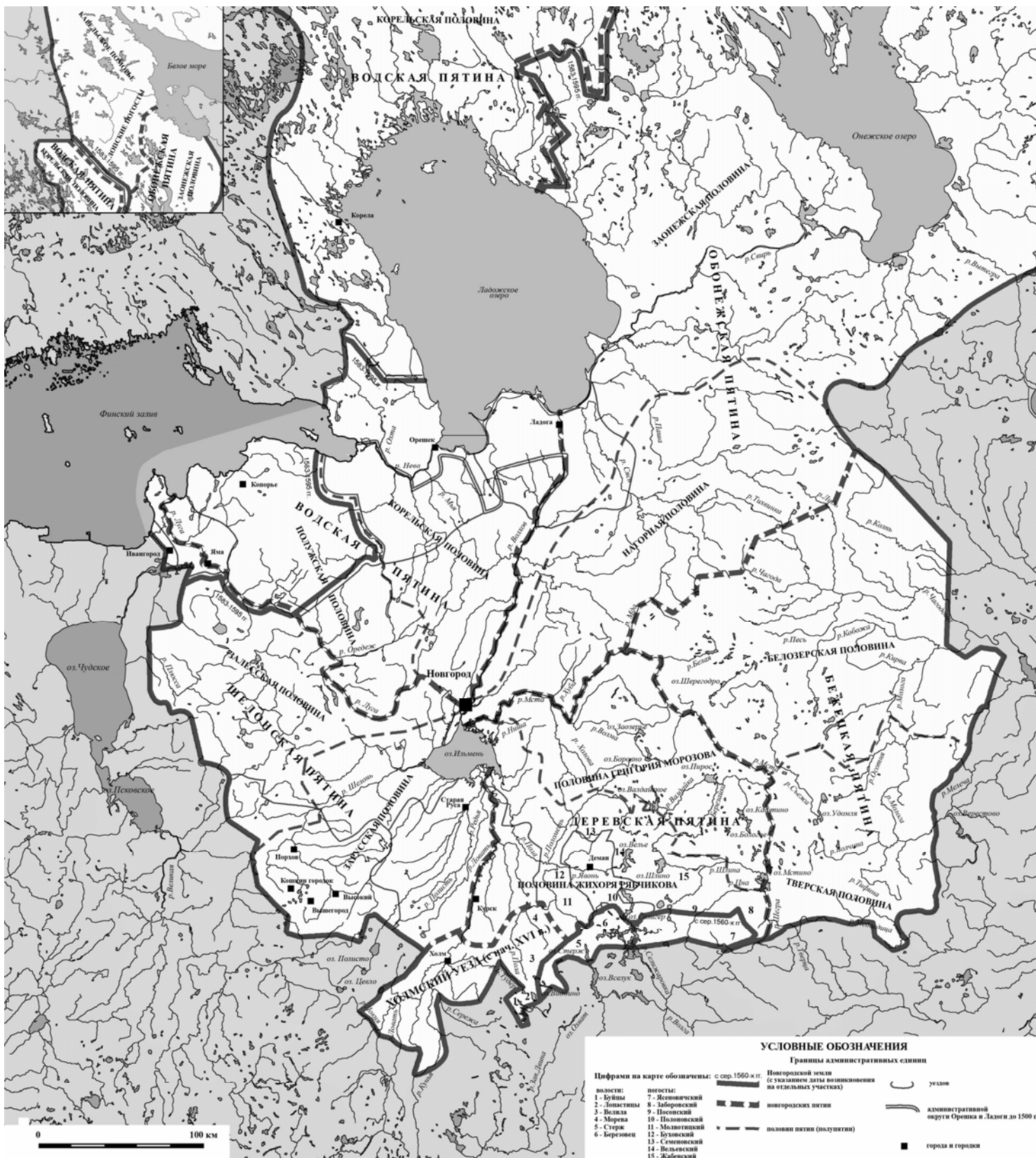
- Янин 1985 — Янин В.Л. К истории взаимоотношений Новгорода с князьями // Генезис и развитие феодализма в России / Под ред. И.Я. Фроянова. Л., 1985. С. 92–104.
- Янин 1987 — Янин В.Л. Княжеский домен в Новгородской земле // Феодализм в России / Отв. ред. В.Л. Янин. М., 1987. С. 119–137.
- Янин 1991 — Янин В.Л. Новгородские акты XII–XV вв.: хронологический комментарий. М., 1991.
- Янин 1992 — Янин В.Л. «Болотовский» договор: О взаимоотношения Новгорода и Пскова в XII–XIV вв. // Отечественная история. 1992. № 6. С. 3–14.
- Янин 1996 — Янин В.Л. К проблеме локализации Клина новгородско-смоленского порубежья // Русистика, Славистика, Индоевропеистика. М., 1996. С. 29–40.
- Янин 1998 — Янин В.Л. Новгород и Литва: пограничные ситуации XIII–XV веков. М., 1998.
- Янин 2000 — Янин В.Л. Имоволоже (из истории новгородско-княжеских отношений) // Источниковедение и краеведение в культуре России / Ред. В.Ф. Козлов. М., 2000. С. 47–50.
- Янин 2001 — Янин В.Л. У истоков новгородской государственности. Великий Новгород, 2001.
- Янин 2003 — Янин В.Л. Новгородские посадники. Изд. 2-е. М., 2003.
- Янин, Гайдуков 1998 — Янин В.Л., Гайдуков П.Г. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. М., 1998. Т. 3: Печати, зарегистрированные в 1970–1996 гг.
- Янин, Зализняк 1993 — Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.). М., 1993.
- Янин, Зализняк 2000 — Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996 гг.). Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование. М., 2004. Т. X.
- Янин, Зализняк, Гиппиус 2004 — Янин В.Л., Зализняк А.А., Гиппиус А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997–2000 гг.). М., 2004. Т. XI.

КАРТА 1

КАРТА 2

КАРТА 3

СПИСОК КАРТ

КАРТА 1

Центр Новгородской земли (без северных и северо-восточных территорий) в X – третьей четверти XV в.

КАРТА 2

Новгородская метрополия и «внешняя зона» в XIII–XV вв.

КАРТА 3

Новгородская земля в последней четверти XV – начале XVII в.

А.В. Постников

ИНОСТРАНЦЫ В ПРИАМУРЬЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII – НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

В ПОИСКАХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ТОРГОВОГО
И МИССИОНЕРСКОГО ПРОНИКНОВЕНИЯ
В ЦИНСКУЮ ИМПЕРИЮ ИЗ РОССИИ

Аннотация: Европейцы, особенно англичане, очень интересовались практически неизвестными до того землями и теми драматическими событиями, которые на них развернулись благодаря соприкосновению двух великих империй — Российской и Цинской, — завершившемуся заключением Нерчинского договора и отторжением левобережья Амура от России. Создалась новая геополитическая ситуация, в которой англичане усматривали для себя возможность освоения более короткого, чем океанический, сухопутного пути в Китай и проникновения в эту весьма закрытую для внешнего мира империю с «черного хода» для усиления в ней своего торгового и политического присутствия. Помимо рассмотрения этой важнейшей геополитической составляющей, анализ трудов иностранных путешественников в Забайкалье позволяет выявить недостаточно или предвзято освещавшиеся в отечественной (и, особенно, советской) литературе вопросы взаимоотношений русского и туземного населения, миссионерской деятельности Русской Православной церкви, организации и функционирования системы сибирских тюрем и ссылки.

Ключевые слова: русско-китайская граница, миссионеры, иностранные путешественники, Амур, Забайкалье, геополитика, Сибирь, Цинский Китай, иезуиты, Англия, описания, съёмки и картографирование.

Европейцы, особенно англичане, очень интересовались практически не известными до того землями Сибири и теми драматическими событиями, которые на них развернулись благодаря соприкосновению двух великих империй — Российской и Цин-

ской, — завершившемся заключением Нерчинского договора (1689 г.) и отторжением левобережья Амура от России. Создалась новая геополитическая ситуация, в которой англичане усматривали для себя возможность освоения более короткого, чем океанический, сухопутного пути в Китай и проникновения в эту весьма закрытую для внешнего мира империю с «черного хода» для усиления в ней своего торгового и политического присутствия.

Третья экспедиция великого английского учёного-путешественника капитана Джеймса Кука (1728–1779) и его лейтенанта Чарльза Клерка (Кларк, Charles Clerke, 1741–1779) вызвала громадный интерес к российской северо-восточной Азии и северной части Тихого океана. Этот интерес материализовался в первых значительных британских и американских путешествиях в Северо-Восточной Сибири во второй половине XVIII столетия. Следует отметить, что все эти путешествия были осуществлены с участием или под руководством членов команды Капитана Кука. Так, наиболее представительная (и секретная) из этих экспедиций — Северо-восточная астрономическая экспедиция (1785–1794 гг.) была проведена под командой капитана Джозефа Биллингса (Joseph Billings, ок. 1758–1806 гг.), который в экспедиции Джеймса Кука был ассистентом-астрономом; кроме Биллингса, его секретарь Мартин Сауэр (Martin Sauer) и капитан Роберт Холл (Robert Hall) также принимали участие в плавании Кука.

Мартин Сауэр, как и другие иностранные участники экспедиции, был обязан передать все экспедиционные документы Санкт-Петербургской академии наук и Российскому Адмиралтейству, но он скрыл часть из них, был разоблачён и заключён в Адмиралтействе. Джозеф Биллингс помог ему освободиться, после чего Сауэр был выслан в Лондон (РГАВМФ, ф. 179, оп. 1, № 131, лл. 126–128).

В Англии Мартин Сауэр написал книгу¹, которая, несмотря на её длинное и претензионное название, на самом деле не раскрывала полной истории экспедиции, а иногда рассказывала её с искажениями. Подлинники дневники экспедиции Биллингса (на английском и русском языках) не были опубликованы и хранятся в Российском государственном архиве Военно-Морского Флота в Санкт-Петербурге.

¹ Sauer 1802.

Ещё один участник экспедиции Капитана Кука, американский путешественник и авантюрист Джон Ледьярд (John Ledyard, 1751–1789), служивший во время плавания капралом, в 1786 г. приехал в Россию с тем, чтобы пересечь Сибирь, добраться до Тихого океана а затем пересечь пешком Северную Америку с запада на восток. Джон Ледьярд пытался примкнуть к экспедиции Биллингса, прошел с нею до Якутска, но был там арестован как *французский* *!?!* шпион.

После изгнания из России Ледьярду удалось вывести свои путевые заметки, которые позже были утеряны. Две копии его дневника и некоторые письма о путешествии по России в 1787–1788 гг. были опубликованы лишь в XX веке².

Сибирские дневники и письма Джона Ледьярда отображают живое восприятие американским путешественником жизни в Сибири, её туземного населения и русской администрации во второй половине XVIII века.

Своё путешествие через Россию Джон Ледьярд начал в Санкт-Петербурге, куда прибыл, пройдя вокруг Ботнического залива через Швецию, Лапландию и Финляндию. В Санкт-Петербурге он познакомился и, даже, по его утверждению, подружился со знаменитым немецким и русским путешественником и натуралистом, академиком Санкт-Петербургской академии наук, Петером Симоном Палласом (нем. Peter Simon Pallas, 1741–1811). Паллас руководил основным (первым) отрядом Академических экспедиций 1768–1774 гг. и, помимо Оренбургской губернии, он совершил ряд исследовательских поездок в Сибирь, включавших её западную часть, а также — Красноярск, Байкал и Кяхту. Длительные беседы с Палласом ещё более укрепили Ледьярда в его желании увидеть Сибирь собственными глазами.

С помощью не названного Ледьярдом родственника великого князя ему удалось получить от Екатерины II паспорт. Ледьярд присоединился к врачу-шотландцу Вильяму Брауну (William Brown), который направлялся в Кольванскую провинцию как служащий короны. 11 июля 1787 г. Ледьярд и Браун прибыли в Тобольск. В записях, сделанных в этой первой столице Русской Сибири, Ледьярд рассуждает о порубежных территориях России и Китая следующим образом: «Несчастливая внешность обитателей

² Watrous 1966.

такова, какую можно обычно наблюдать в большей или меньшей степени в таких местах, которым, к их несчастью, выпало быть границами между нациями; они подобны приёмным детям. Особенно в таком положении находится народ на всём протяжении китайского порубежья, граничащего с Россией. Это политика [китайского] правительства сохранять этот пояс запустения в качестве барьера против слишком лёгкого доступа иностранцев, а так же как способа предотвращения контрабандной торговли»³.

Главной целью странствий Ледьярда было достигнуть берегов Северо-Западной Америки и устроить там торговую колонию. В течение всего путешествия Джон Ледьярд переписывался через академика Палласа с третьим президентом США Томасом Джефферсоном (1743–1826), сообщая ему о своих наблюдениях и размышлениях⁴.

Из Тобольска путешественники отправились в Барнаул — столицу Кольвано-Воскресенской провинции Алтая, где Браун остался служить на горных заводах⁵.

Из Барнаула, по распоряжению губернатора, Ледьярд был направлен в Иркутск на почтовой карете, через Томск, и десятью днями позже американец прибыл в столицу Восточной Сибири с краткой остановкой в Красноярске на роскошный обед с обильными возлияниями⁶. В Иркутске Ледьярд встретился 19 августа с Григорием Ивановичем Шелиховым (Шелехов, 1747–1795), рьльским купцом, много сделавшим для закрепления владений русских промышленников на островах у берегов Аляски и на материке. Ледьярд не называет имени этого выдающегося русского промышленника, но рассказывает о беседе с ним следующее: «19 августа... Этим утром я пошёл на встречу с купцом, который является владельцем судна, ходившего с Камчатки к различным частям побережья Америки. Он показал мне некоторые карты, приблизительно описывающие его путешествия; говорит, что на различных частях берега Америки имеется две тысячи русских и, что, насколько он может судить, число шкур, добываемых ими, достигает 12000.

³ Watrous 1966: 257–258.

⁴ Watrous 1966: 266–267.

⁵ Watrous 1966: 273.

⁶ Watrous 1966: 273.

У него есть судно в Охотске, которое отправляется оттуда к Америке следующим летом, и он предложил мне воспользоваться этой возможностью [для пересечения океана]».

Из Иркутска Ледьярд съездил на Байкал, где даже пытался измерить глубину в 100 футах от берега, но ему это не удалось из-за недостаточной длины линия (300 футов) и дождя⁷.

В Якутск Ледьярд отправился по Лене вместе с поручиком Адамом Лаксманом (1766 – после 1796), который был сыном известного естествоиспытателя, академика Санкт-Петербургской академии наук Эрика Лаксмана (1737–1796). Адам Лаксман впоследствии возглавил первое русское посольство в Японию (1792–1793)⁸.

18 сентября Джон Ледьярд прибыл в Якутск и сразу же хотел отправиться в Охотск, а затем — с первой же оказией — в Северо-Западную Америку, но губернатор заявил ему, что это невозможно, так как наступила зима⁹. Есть основания полагать, что задержка Ледьярда в Якутске была вызвана не только и не столько заботой о его безопасности: зимние переезды из Якутска в Охотск совсем не были редкостью, а американец был готов к трудностям передвижения по заснеженной тайге. Тем не менее Ледьярда против его желания удалось убедить провести восемь месяцев в Якутске. Стивен Вотрус (автор публикации материалов Ледьярда) вполне обоснованно предполагает, что параллельно открытому письму-рекомендации, содержание которого было известно Ледьярду, генерал-губернатор Якоби направил в Якутск секретную инструкцию, с тем, чтобы задержать американца на зиму в Якутии.

Этот период американец использовал для активного сбора различной информации о Восточной Сибири путем опросов чиновников и местного населения, результаты которых приведены в его дневнике. Много внимания Ледьярд уделил описанию быта и нравов местных жителей Якутии. Например, он отмечает следующее: «Тунгусы [эвенки] устраивают дуэли на луках. Они и другие кочующие татары отмечают пределы своих охотничьих угодий, так же как аборигены Северной Америки. Якуты вечерами выво-

⁷ Watrous 1966: 282–285.

⁸ Подробнее об Адаме Лаксмане и его миссии в Японии см.: Берх 1822; Файнберг 1960; Лагус 1890: 215–315.

⁹ Watrous 1966: 295–300.

дят своих детей на улицу и учат их названиям главных звёзд и тому, как ориентироваться по ним при переходах, а также, как оценивать [предсказывать] погоду. Астрономия, должно быть ранняя наука. Русские и якуты кажутся живущими вместе в гармонии и мире, без какого-либо разделения по национальному принципу, без чувств превосходства или унижения... Русские живут здесь 250 лет и якутские татары всё это время были под властью русского правительства, однако это не привело к каким-либо изменениям в их одежде и манерах, в то время как русские приспособились носить якутские наряды»¹⁰.

Наблюдения Ледьярда, а также, по-видимому, беседы с академиком Палласом в Санкт-Петербурге, привели его к вполне справедливому выводу о том, что американские индейцы заселили материк из Азии и все они «татары»¹¹.

Американский исследователь на основании своих расспросов утверждает, что русские пришли в район Якутии по Северному Ледовитому Океану около 250 лет назад, то есть в середине XVI в. По этому поводу он пишет, в частности, следующее: «Первые поселенцы [русские] пришли сюда по Северному Морю около 250 лет назад. Один господин показал мне сегодня копию свадебного контракта, заключенного в Москве 205 лет назад... Много примеров старины имеется в этих местах. Есть один человек в возрасте 105 лет с идеальным здоровьем и работает ежедневно»¹².

Через два месяца после начала зимовки Джона Ледьярда в Якутск прибыл Джозеф Биллингс. Судя по всему, встреча бывших членов экспедиции Кука была вначале тёплой настолько, что Биллингс дал возможность Ледьярду просмотреть свой экспедиционный журнал¹³. Биллингс планировал вернуться в Иркутск, а затем идти в Охотск для отправления оттуда к берегам Америки. Ледьярд надеялся проделать весь этот путь с экспедицией Биллингса, который сначала соглашался с планами американца, разместив его даже в своём доме, где они жили вместе пять недель до отъезда 29 декабря по льду Лены в Иркутск, куда прибыли через 17 дней¹⁴.

¹⁰ Watrous 1966: 305–317.

¹¹ Watrous 1966: 337.

¹² Watrous 1966: 342.

¹³ Watrous 1966: 349–350.

¹⁴ Watrous 1966: 359–361.

В своём дневнике Ледьярд даёт весьма нелестную оценку Биллингсу, заявляя, что «Биллингс не представил доказательств того, что он был достаточно компетентен для оправдания того доверия, которое было возложено на него русским правительством, или обладал качествами, достаточными для того, чтобы завоевать уважение его команды»¹⁵. Такая жесткая оценка деятельности и личности Джозефа Биллингса, хотя и вполне соответствует мнению многих других его современников, однако, возможно окрашена личной обидой Ледьярда на соотечественника, не пожелавшего (или не имевшего возможности) ему помочь в критической ситуации. Дело в том, что по приезде в Иркутск Ледьярд был арестован. В его дневнике ничего не сказано об обстоятельствах этого ареста, но они изложены секретарём Биллингса Сауером следующим образом: «Вечером 24 февраля, когда я играл в карты с бригадиром и его компанией, зашёл секретарь одного из судов и, с большой озабоченностью, сказал нам, что генерал-губернатор получил строгое повеление императрицы немедленно одного англичанина члена экспедиции отправить под охраной для частного дознания в Москву, но, что он не знал имени этого лица, а капитан Биллингс был в это время на частном приёме у генерал-губернатора. Так как я и Ледьярд были здесь единственными англичанами, я не мог не улыбнуться, получив эту новость, когда в комнату зашли два гусара и сказали мне, что комендант желает говорить со мной немедленно. Невозможно описать то потрясение, в которое были повергнуты все гости. Я уверил их, что это должно быть ошибка и отправился с охраной к коменданту.

Там я обнаружил господина Ледьярда под арестом. Он сказал мне, что обратился к капитану Биллингсу, но тот к нему не пришёл. Затем он принялся объяснять ситуацию и сказал, что он был задержан, как французский шпион, хотя капитан Биллингс мог доказать обратное, он притворился, что ничего не знал об этом деле и потребовал, чтобы я его проинформировал. Я это сделал, но капитан уверил меня, что это был неукоснительный приказ императрицы и что он не может ему помочь. Он, однако, послал ему несколько рублей и дал ему меховую накидку; и я достал для него льняной плащ, еще влажный после стирки. Ледьярд по-дружески

¹⁵ Watrous 1966: 350.

распрощался со мной, пожелал, чтобы я передал привет его друзьям и с удивительным самообладанием вскочил в кибитку и уехал с двумя охранниками с каждой стороны. Я хотел с ним немного проехать, но мне не позволили»¹⁶.

Издатель журналов Ледьярда С. Вотрус приводит некоторые интересные мнения современников по поводу мнимых и истинных причин высылки Ледьярда из Сибири. Сам он вполне обоснованно полагает, что действительной причиной высылки Ледьярда из России была позиция русских промышленников, осваивавших Алеутские острова и берега Аляски, многие из которых находились во время визита Ледьярда в Иркутске, и что сама идея не допускать американца в Русскую Америку зародилась в Иркутске. Для того, чтобы добиться запрета на дальнейшее продвижение Ледьярда, требовалось время, которое было получено благодаря искусственным задержкам американца сначала в Иркутске, а затем в Якутске¹⁷. Эта точка зрения полностью подтверждается меморандумом без даты и подписи, написанным, как полагал профессор Ричард Пирс, рукой Шелихова, где отмечено, что Ледьярд пытался выведать у Шелихова историю распространения и даты основания русских поселений, на что получил ответ, что русские деревни были основаны «давным-давно», а торговля с туземцами распространена вдоль побережий в направлении Калифорнии и вглубь материка, что все местные племена стали подданными России, причём вмешательство других государств в этих районах будет решительным образом пресекаться. Очевидно, что Шелихов рассматривал Ледьярда как угрозу российским владениям в Америке, о чём сообщил Якоби, результатом чего явился описанный выше арест¹⁸.

Информация капитана Кука, членов его экипажа и их последователей привлекла внимание других англичан и американцев.

Одним из первых авторов, подробно изучивших историю освоения Приамурья русскими людьми и драматические события, предшествовавшие заключению Нерчинского договора, а также его последствия, был Уильям Кокс (1747–1828), англиканский пастор и историк, путешествовавший по России в 1778 и 1784–

¹⁶ Цит. по: Watrous 1966: 361–362; Sauer 1802: 100.

¹⁷ Watrous 1966: 376–377.

¹⁸ Pierce 1981: 19–20.

1785 г.¹⁹. Уильям Кокс написал два солидных труда по итогам этих путешествий, в которых уделил серьезное внимание истории освоения русскими Сибири и, в частности, Приамурья²⁰.

Обзор истории завоевания Сибири и отношений с Цинским Китаем Кокс приводит на основании данных Миллера и Палласа, а также собранных им самим сведений во время пребывания в России²¹.

Повествование Уильяма Кокса и его выводы стали широко известны в Европе, и мы считаем полезным рассмотреть некоторые суждения этого историка и путешественника.

В своём историческом обзоре Кокс вполне справедливо подчеркивает, что «задолго до окончания [XVII] столетия всё это обширное пространство страны, теперь называемое Сибирью, которое протягивается от окраин Европы до Восточного Океана и от Замороженного моря [Ледовитого океана] до современных границ Китая, было присоединено к российским владениям. Ещё большие пространства были, вероятно, завоёваны; и все различные племена независимой Тартарии, которая простирается между юго-восточными пределами Российской Империи и Китайской стеной, постигла бы судьба сибирских орд, если бы внезапно не вмешалась власть Китая»²².

Переходя к деталям истории возникновения русско-маньчжурских противоречий в амурском приграничье, Кокс подчеркивает, что в процессе быстрого продвижения к востоку Московское государство к середине XVII в. укрепились на обоих берегах реки Амур, покорив вскоре несколько независимых *тунгусских орд* (“Tungusian hordes”) и построив цепь небольших крепостей вдоль этих берегов, главными из которых были Албазин и Кумарский острог. Вскоре китайцы под властью маньчжурского императора Канси предприняли такие же меры подчинения тех же племён. «Таким образом, — пишет Кокс, — две великие державы Россия и Китай, обратив свои взоры на один и тот же объект, неизбежно столкнулись; и после нескольких стычек и интриг, перешли около 1680 г. к открытым военным действиям»²³.

¹⁹ Подробнее об этих путешествиях см.: Белякова 2006.

²⁰ Сохе 1780; Сохе 1784.

²¹ Сохе 1780: ix.

²² Сохе 1780: 196.

²³ Сохе 1780: 197–198.

Уильям Кокс подчёркивает, что по Нерчинскому договору 1689 г. русские потеряли весьма значительную территорию и право навигации по Амуру. Английский автор полагает, что важность этой потери в то время не была осознана и по-настоящему стала ощущаться лишь с открытием Камчатки и островов между Азией и Америкой. «Произведения» этих открытых русскими стран, главным образом меха, могли бы легко транспортироваться водой по Амуру в район Нерчинска, откуда имеется простое сообщение по суше до пограничного с Монголией города Кяхта, являвшегося центром торговли России с Китаем. Однако Нерчинский договор сделал этот путь невозможным, и поэтому те же самые товары, выгруженные с судов промышленников в Охотске, должны были транспортироваться по длительному и нелегкому маршруту, по рекам с трудными условиями судоходства и по плохим, почти непроходимым дорогам в восточносибирской горной тайге²⁴.

Англичане внимательно следили за освоением русскими сибирских просторов и не только стремились сами побывать в этих, в прошлом неведомых европейцам странах, но переводили незамедлительно труды других путешественников по восточным окраинам Российской Империи. Так, в 1780 г. был переведён труд адъютанта-астронома Французской академии Жана д'Отроша Шаппа (L'Abbé Chappe D'Auteroche, 1722–1769)²⁵. Шапп побывал в Сибири в 1761 г. для наблюдения в Тобольске прохождения Венеры через диск солнца. Особый интерес к этому явлению (которое произошло 6 июня / 26 мая 1761 г.) со стороны русских и иностранных астрономов был связан с новым методом определения солнечного параллакса (расстояния Земли от Солнца), предложенным в 1716 г. астрономом Э. Галлеем.

После возвращения на родину аббат шесть лет писал своё произведение, которое вышло в свет в 1768 г. под названием «Путешествие в Сибирь по приказу короля в 1761 году». В книге описаны обычаи и традиции русских, охарактеризовано состояние государственных дел Империи, астрономические наблюдения и нивелировка пути от Парижа до Тобольска. Для создания этого труда Шапп д'Отрош использовал свои дневники, дополняя личные на-

²⁴ Сохе 1780: 201–202.

²⁵ Chappe d'Auteroche 1770.

блюдения сведениями из других источников и статистическими таблицами. Книга, наполненная не известными европейскому читателю фактами, вызвала во Франции и Англии огромный интерес. Однако, несмотря на этот успех, даже во Франции она была принята неоднозначно. Философы, и, прежде всего, члены Академии разошлись во мнении. Явная антирусская направленность и враждебность книги вызвали раздражение таких деятелей французского Просвещения, как Дидро и Гримм. В России же на этот труд была опубликована обстоятельная критика. Так, М.В. Ломоносов ещё за четыре года до выхода в свет «Путешествия в Сибирь» называл аббата «недоброхотом России», как бы предвосхищая содержание его сочинения. В заведомо предвзятой позиции французского автора не последнюю роль сыграл, по-видимому, тот факт, что он был членом ордена иезуитов, никогда не отличавшегося терпимостью к православию и России.

Болезненное всех на публикацию «Путешествия в Сибирь» отреагировала Екатерина II, которая не пожалела усилий на детальный критический разбор труда д'Отроша. В 1770 г. в Амстердаме вышла объёмистая, состоящая из двух частей книга под названием «Антидот» и следующим пояснением: «Разбор дурной, но великолепно напечатанной книги под заглавием “Путешествие в Сибирь по приказу короля в 1761”». Книга вышла без имени сочинителя, но её авторство сразу было приписано Екатерине II, хотя, скорее всего, она была написана графом Андреем Петровичем Шуваловым при участии императрицы. В книге шаг за шагом опровергаются суждения Шаппа.

К труду французского аббата был приложен атлас, факсимильное издание которого недавно опубликовано в России²⁶.

Естественно, что в рассматриваемой книге приводятся некоторые сведения о Нерчинском договоре, а на карте, помещенной в начале труда, русско-китайская граница показана проходящей по реке Горбице, впадающей в Амур практически против устья реки Аргуни. Рассказывается о Джунгарском ханстве и его жестоком разгроме китайцами в 1757–1761 годах²⁷.

Известный английский инженер и корабельный конструктор Сэр Самуэль Бенгам (Sir Samuel Bentham, 1757–1831) служил в

²⁶ Шапп д'Отрош 2008.

²⁷ Chappe d'Auteroche 1770: vi–viii.

России у князя Г.А. Потёмкина (1739–1791) с 1780 г. сначала как кораблестроитель, а затем, занимаясь самыми различными отраслями техники, конструируя различные механизмы и экспериментируя с методами производства стали. Он также отличился и был награждён во время русско-турецкой войны. Бентам особенно интересовался Сибирью, где он служил с 1781 по 1783 и с 1789 по 1791 год²⁸.

Первое путешествие Самуэля Бентама в Сибирь изначально планировалось Потёмкиным лишь как поездка специалиста-инженера для ознакомления с природными ресурсами различных районов Империи с последующими рекомендациями по улучшению использования этих ресурсов. Причем географически путешествие планировалось ограничить Архангельском, Пермью и уральскими металлургическими предприятиями (главным образом в Нижнем Тагиле). Поездка англичанина пользовалась всемерной поддержкой высшей петербургской аристократии и Академии наук, причём сам Петр Симон Паллас снабдил его детальным меморандумом о тех местах, которые ему следовало посетить на планировавшемся маршруте через Архангельск, Урал и Западную Сибирь, а также о сведущих людях, которые могли бы предоставить ему достоверную информацию об этих местах. Паллас снабдил его также большим количеством книг, точное описание которых не сохранилось, но, судя по всему, они имели отношение к тем технологическим процессам, которые могли привлечь внимание англичанина на Урале²⁹.

6 / 17 февраля 1781 г. Самуэль Бентам с французским слугой и военным эскортом из двух человек отправился из Петербурга в Архангельск, где включил в свою команду в качестве переводчика и помощника английского офицера торгового флота по имени Уилкинс (Wilkins), который последующие 12 месяцев вёл путевые журналы путешествия, ставшие достоверным источником по его истории³⁰. Далее маршрут путешествия пролегал по долине Северной Двины, через Великий Устюг, где Бентама с чисто русским

²⁸ О жизни и трудах Бентама в России см.: Christie 1993; Овчинников, Паттерсен 2007; Ситников 1983.

²⁹ Christie 1993: 57–58.

³⁰ Christie 1993: 62.

гостеприимством принял архиепископ. Из Великого Устюга путешественники отправились на восток и через пять дней прибыли в Соликамск, расположенный в долине реки Камы. Ознакомившись с различными производствами этого района, фактическим владельцем которого являлся граф Строганов, Бентам и его команда направились в Пермь, а оттуда — в Екатеринбург, которого достигли 26 марта / 5 апреля 1781 г. Здесь Самуэль Бентам был сердечно принят губернатором, генералом Ламом (Lamb), шотландцем по происхождению. Следует подчеркнуть, что повсеместный тёплый приём Бентаму был обеспечен не только многочисленными рекомендательными письмами высоких персон и знаменитым русским гостеприимством, но и удивительным очарованием и открытой доброжелательностью английского путешественника, что неоднократно отмечалось всеми, кому приходилось с ним общаться³¹.

Вернувшись в Пермь, Бентам решил продолжить своё путешествие на восток — в Сибирь. 10 / 21 января 1782 г. партия Бентама отправилась из Екатеринбурга в Тобольск, прибыла туда через три дня, но Самуэль Бентам не стал задерживаться и направился дальше, чтобы использовать возможности санного пути для как можно большего продвижения на восток. На промежуточных остановках англичанин больше всего интересовался торговлей с Китаем сибирскими мехами, так как каждый населённый пункт являлся местом сбора пушнины, составлявшей основу этой торговли. 26 января / 6 февраля партия Самуэля Бентама прибыла в Красноярск, где они пробыли несколько дней, которые Бентам посвятил ознакомлению с местными кочевниками — братскими племенами. Затем он направился в Иркутск, где провёл лишь одну ночь, и все последующие записи в его дневнике посвящены Кяхте, куда он прибыл около середины февраля.

Самуэль Бентам провёл несколько дней в Кяхте, где подробно расспросил коменданта и купцов о «камчатской торговле» под контролем правительства (т.е., главным образом о торговых операциях русских промышленников и купцов из российских владений в Северной Америке) и о российской торговле с Китаем, основным центром которой была Кяхта и китайский (монгольский) город Маймачен на противоположной стороне границы. Самуэль

³¹ Christie 1993: 65; Ситников 1983.

Бентам не мог не понять, насколько большие возможности для европейской и, в частности, английской торговли ждут своего развития в этих краях.

В отличие от многих других европейцев, Бентам был сердечно принят не только русским комендантом Кяхты, но даже получил приглашение от китайского амбана Маймачена посетить этот пограничный посёлок, где ему был оказан тёплый приём, а сам амбань даже любезно согласился передать приветственное письмо Бентама его соотечественникам в Кантоне³². Описание Бентамом Кяхты и Маймачена сохранилось в Британской Библиотеке [British Library, Add MSS 33537–33564 (Bentham collection) vol. XVI; vol. III, ff. 281–282].

17 / 28 февраля Самуэль Бентам отправился в Нерчинск и далее — в Нерчинский Завод, где английский путешественник постарался получить как можно больше сведений о серебряных рудниках, на которых работали, главным образом, заключённые. Нерчинский завод, расположенный на Шилке, был самым восточным пунктом его путешествия, и посещение этого района усилило его интерес к возможностям Амура, который был «закрыт» китайцами по условиям Нерчинского договора, как к ещё одному возможному пути коммерческого проникновения в Китай.

Он провёл в районе Нерчинска более месяца, где, в частности, занимался изучением конструкции китайских судов (джонков). Впоследствии, по возвращении в Англию, он внедрил на кораблях королевского военно-морского флота использование водонепроницаемых переборок, которые впервые увидел на китайских джонках. Затем, через Удинск, Бентам отправился в Иркутск, куда прибыл 3 / 14 апреля. Здесь английский путешественник жил до 23 июня / 4 июля, однако в своих письмах на родину он практически ничего не сообщал о своих делах в этой интеллектуальной столице Восточной Сибири. Судя по его более поздним высказываниям, сдержанность в письмах объяснялась опасениями Бентама, что письма могут быть прочитаны русскими чиновниками. Нетрудно предположить, однако, что в Иркутске он значительно пополнил свои знания о поступлении ценных мехов из Русской Америки и,

³² Christie 1993: 81–82; Correspondence 1968: 119–121; Bentham 1862; Chevigny 1966: 45–56; Радишев 1952: 139.

соответственно, ещё более укрепился в мнении о необходимости развивать это направление коммерции как в интересах России, так, возможно, и в перспективах для Англии³³.

Обратный путь в Санкт-Петербург занял три месяца, причём Бентам заехал в Барнаул и познакомился там с приисками и Колывано-Воскресенскими заводами.

За время своего путешествия Самуэль Бентам стал свободно говорить и писать по-русски, а собранные им материалы по развитию и перспективам уральской и сибирской торговли и промышленности легли в основу составленного им по просьбе князя Потёмкина «Меморандума» о его путешествии, причём в разговорах с Бентамом, несмотря на его крайнюю занятость, Потёмкин очень заинтересованно расспрашивал англичанина о возможностях навигации по Амуру в коммерческих целях³⁴.

20 / 31 декабря 1783 г. «Меморандум» был готов, и Потёмким сразу же передал его императрице, которая осталась им весьма довольна и пожелала получить более детальный доклад. В этом новом детальном докладе Бентам подчеркнул, насколько большая экономия труда может быть получена при применении машин в различных производственных процессах, используя, в зависимости от возможности, воду, ветер, или силу быков и лошадей. Он также пропагандировал применение более научно обоснованных процессов в металлургии. После многих отсрочек Екатерина II приняла Бентама и поблагодарила его за наблюдения и предложения, которые, по её мнению могут быть весьма полезными. Однако, основными темами в разговоре императрицы с англичанином были разработка месторождений полезных ископаемых и китайская граница³⁵.

В сентябре 1783 г. по ходатайству, поданному Бентамом Екатерине II, он был принят на российскую службу в ранге надворного советника (гражданский чин VII класса), что по Табели о рангах соответствовало воинскому званию подполковника, с окладом 1000 рублей в год.

В декабре в столицу победоносно вернулся Потёмкин, присоединивший к владениям Империи Крым. Светлейший князь сра-

³³ Christie 1993: 84.

³⁴ Christie 1993: 94.

³⁵ Christie 1993: 96.

зу же приказал Самуэлю Бентаму направиться в Херсон для строительства судов, способных противостоять турецкому флоту. Потёмкин предложил Бентаму армейский чин подполковника, 1200 руб. заработной платы, плюс столько же на довольствие и слуг, при полной свободе сооружать механизмы по его конструкции. Помимо этого Бентаму было оставлено его гражданское жалование — 1000 руб. в год — в качестве пенсии. В марте 1784 г. он отбыл на новое место службы. Бентам сыграл заметную роль в российской победе в Днепровском лимане и в подготовке взятия Очакова, за что был произведён в полковники, стал кавалером ордена Св. Георгия Победоносца IV степени и награжден шпагой с золотым эфесом³⁶.

После этого Бентам был назначен командиром полка численностью 2500 человек на гарнизонной службе в Херсоне, где он снова стал мечтать о возвращении в Сибирь, для чего захотел «поменять» свой пехотный полк на кавалерийский в Сибири и по этому поводу обратился к главнокомандующему, фельдмаршалу А.В. Суворову. Суворов не стал возражать, более того, Потёмкин полностью поддержал англичанина в этом намерении и согласился направить с ним в Сибирь несколько офицеров, его сослуживцев по флотилии³⁷. Одна из его задач, чётко сформулированных Потёмкиным, была весьма далека от военной деятельности и состояла в необходимости налаживания торговых связей с Японией³⁸. Впрочем, Самуэлю Бентаму была предоставлена полная свобода выбора первоочередных задач.

В 1789 г. он прибыл в штаб-квартиру своей службы в Омске и, приняв командование над двумя батальонами его Екатеринославского полка, практически не задерживаясь там, отправился в путешествие по Сибири и Киргизии, которое в течение последующих 18 месяцев прерывалось лишь небольшими остановками, продолжительностью не более трёх недель.

В связи с тем, что Бентам не хотел быть замешан в деятельности капитана Биллингса, руководившего Северо-восточной экспедицией и находившегося в Сибири, он отложил на время планы

³⁶ Christie 1993: 228.

³⁷ Подробнее об этом см: Кристи, Ситников 1988: 177–184.

³⁸ Christie 1993: 235.

установления связей с Японией и сконцентрировал внимание на более западных районах. В июне 1789 г. он прибыл в Тобольск с тем, чтобы начать съемку северной береговой линии от устья реки Оби до Архангельска. Партия, направленная туда Бенхамом во главе с одним из англичан, привезенных им из Херсона, Ричардом Упсалом (Richard Upsal), и включавшая еще пять английских матросов, должна была изучить опасности, возникающие из-за ледяных полей, которые заносятся в устье и прибрежные воды к западу от него и представляют собой серьезные препятствия для навигации. Работа исследовательской партии была затруднена тем, что она передвигалась на открытом судне, однако некоторые её участники возвратились в Тобольск, составив карту реки и части Обско-го залива; остальные остались на зимовку в устье реки.

Бенхам, после того как организовал свою арктическую экспедицию, сам отправился вниз по долине Иртыша, где официально принял командование одним из батальонов, который охранял киргизскую границу. Пограничники были разбросаны вдоль линии протяженностью около 200 верст по реке, которая здесь являлась границей между Черновицким и Семиярским постами, размещаясь отдельными отрядами в небольших фортах. Официальный штаб батальона располагался в Ямышеве, где полковнику Бенхаму был выделен вполне приличный дом, но он сам, желая узнать как можно больше о местной торговле, предпочёл устроить свой штаб в Корякове, расположенном около 35 миль севернее, там, где проходила основная торговля с киргизами, ежедневно привозившими шкуры и скотину, которые они обменивали на дешёвую одежду, кожу, железо и различные скобяные изделия и инструменты.

Бенхам решил провести рекогносцировку в Киргизии, в частности, для того, чтобы разведать месторождения полезных ископаемых. Таким образом, в середине сентября он отправился за границу и, хотя его генерал из соображений безопасности не разрешил ему удалиться более чем на 50 верст, Бенхам, со свойственными ему мужеством и дерзостью, преодолел за пять недель более 800 миль и возвратился с большим количеством сведений о территории, до того практически не исследованной европейцами. В этом путешествии его сопровождал офицер его нового полка, швед по происхождению, капитан Гавриил Андреевич Лилингрен (Lilin-

gren)³⁹, который уже побывал несколько лет назад с дипломатической миссией у киргиз-кайсаков и приобрёл репутацию знатока этого региона. Впоследствии он стал одним из соратников Самуэля Бентама в выполнении его сибирских проектов. «Летописцем» своих путешествий и действий Бентам назначил одного из своих соратников по турецким баталиям, лейтенанта Уилльяма Ньюмена (William Newman), который по возвращении Бентама из киргизских степей был направлен с подробным отчётом о рекогносцировке полковника к князю Потёмкину.

Вернувшись в декабре в Тобольск, Самуэль Бентам начал готовить следующий этап исследования арктического пути в Архангельск. Часть отряда, направленного им в устье Оби предыдущим летом, оставалась там под начальством русского капитана для исследования побережья к западу от устья по суше. Но на лето 1790 г. у Бентама были более амбициозные планы, для осуществления которых он взял с собой с киргизской границы офицера и 50 солдат его батальона, которых он намеревался послать на север и построить там более крупное судно для исследований по морю после схода льда⁴⁰. Сделав необходимые для экспедиции приготовления, Самуэль Бентам поспешил вступить в командование другим батальоном, расположенным на границе китайской Монголии, со штаб-квартирой в Кяхте. Потёмкин специально устроил так, чтобы руководство этим подразделением было доверено Бентаму для того, чтобы он продолжил изучение возможностей кяхтинской торговли, начатое в 1782 году.

Ранней весной 1790 г. через Иркутск Бентам отправился в Бурятию и основал там полковую школу в крепости Кудар (совр. посёлок Кудара-Сомон в республике Бурятия) к югу от Кяхты. Начальником школы был назначен один из офицеров Бентама — капитан Кирилл Фёдорович Казачковский (1760–1829)⁴¹. В программу школы входило изучение русского языка (чтение, грамматика и

³⁹ О Г.А. Лилингрене см: Ситников 1983: 81; Кристи, Ситников 1988: 178–179.

⁴⁰ Christie 1993: 236–238.

⁴¹ Впоследствии К.Ф. Казачковский показал себя, так же как при штурме Очакова в 1788 г., великолепным боевым офицером, участвовал практически во всех войнах Российской Империи начала XIX в., был героем Отечественной войны 1812 г. и закончил службу в звании генерал-лейтенанта.

каллиграфия), арифметики, геометрии, географии и математической географии (т.е. основ геодезии и картографии) в старшем классе, а также французской грамматики и чтения, мифологии и музыки. Отрывки из сочинений Руссо и Вольтера, по-видимому, позаимствованные из личной библиотеки Бентама, использовались в качестве пособий для преподавания. На тот период, для которого имеются источники, в школе было около 25 учеников, главным образом солдат и, в некоторых случаях, сыновей солдат. Школа, видимо, функционировала около 18 месяцев, а затем, когда полковник не смог быть поблизости для того, чтобы стимулировать и финансировать её работу, практически прекратила своё существование⁴².

Торговля через территорию Сибири продолжала оставаться одной из главных забот Самуэля Бентама, и в 1790 г. он стал активно сотрудничать в этом с Г.И. Шелиховым, который практически был ключевой фигурой в обеспечении торговли мехами между Русской Америкой и Китаем через Кяхту.

Хотя прямого указания на формальное соглашение между Шелиховым и Бентамом в бумагах англичанина не сохранилось, но из его переписки становится ясно, что деловое взаимопонимание между ними было достигнуто. Заметим, что, как мы видели ранее, все предыдущие попытки иностранцев активно включиться в дела Русской Америки жестко пресекались с активным участием Шелихова. По-видимому, Бентам у русского промышленника не вызывал опасений по той простой причине, что он был полковником российской армии, георгиевским кавалером, явно пользующимся поддержкой князя Потёмкина. Судя по всему, Бентам и Шелихов договорились, что англичанин построит одно или два судна на верфи Шелихова в Ураке и профинансирует плавания на них, а также предоставит 100 солдат из его батальона для участия в этом плавании и возможном установлении постоянного гарнизона на Аляске. Из всех этих служащих фактически лишь лейтенант Джеймс Шилдс (James Shields) — кораблестроитель, служивший под началом Бентама на Днепре, — впоследствии сыграл значительную роль в Русской Америке как кораблестроитель и гидрограф.

14 февраля 1790 г. Самуэль Бентам направил князю Потёмкину письмо, в котором представил следующие предложения по раз-

⁴² Parpmehl 1966: 153–168.

витию районов, с которыми он успел познакомиться, а также действий в отношении соседних с Россией стран и народов:

- «1. Привлечь большое количество монголов на нашу сторону из китайских владений.
2. Возвратить от китайцев калмыков, которые покинули Российское государство.
3. Вернуть, или подчинить власти России народы, которые ушли из российского государства и живут на реке Бухтара.
4. Возвратить ушедших киргизов и тех, кто мигрировал к ним и которые были проданы ими Бухаре и жили с ними.
5. Открыть торговлю с Японией.
6. Провести съемку и нанести на карты границы Сибири, северных и северо-восточных морей.
7. Открыть неисследованные острова в этих морях и привести людей, живущих там, в российское подданство»⁴³.

Местное начальство не готово было оказывать поддержку Бентаму без прямого на то указания князя Потёмкина. Самуэль Бентам отправился за получением таких полномочий и «нагнал» Потёмкина с его победоносной армией в Бендерах. В планах англичанина было не только наладить торговлю мехами с Аляски в Кантоне, но даже направить свою исследовательскую партию для того, чтобы добраться из Кенайского залива (Залива Кука) до самых западных факторий Компании Гудзонова Залива, и, тем самым, обеспечить русским промышленникам возможности сбыта мехов непосредственно на территории Северной Америки. Бентам не оставлял также мысли о возможности в дальнейшем освоить путь по Амуру⁴⁴.

Как бы то ни было, Бентам, по-видимому, получил одобрение Потёмкина, так как в феврале 1791 г. Лилингрен написал Шелихову о том, что планы постройки судов в Ураке поддержаны сибирскими властями, а пребывание военного отряда в Охотске было узаконено. Самуэль Бентам в это время отправился в трёхмесячный отпуск в Англию.

Оставшийся за командира подразделения Бентама капитан Кирилл Фёдорович Казачковский в обстоятельном письме, написанном в июле 1792 г., полностью соглашаясь со своим командиром

⁴³ Цит. по: Christie 1993: 245.

⁴⁴ Christie 1993: 251–253.

по поводу необходимости освоения водного пути по Амуру, подробно развивает эту идею в плане возможности её воплощения в жизнь. В частности, он, в полном соответствии с сокровенными планами князя Потёмкина, пишет о необходимости использования военной слабости Китая для обеспечения контроля России над всеми территориями к северу от Амура, включая берега Охотского моря вдоль западной части Удского залива. Казачковский утверждал, что имеющиеся в распоряжении российских властей разведывательные данные свидетельствуют о решимости монголов внутри Цинской империи восстать против китайцев в случае начала военных действий со стороны России.

Преимущества, которые получит Россия в результате таких решительных действий, были совершенно очевидны капитану Казачковскому, который писал Бентаму из Якутска и там воочию мог убедиться, какие громадные трудности приходилось преодолевать тем, кто путешествовал из Охотска по суше, используя горно-таёжные тропы и перевалы для того, чтобы пройти на Алдан и Лену. Он утверждал, что открытие амурского пути не только значительно упростит и удешевит содержание русских поселений на побережье Охотского моря, на Камчатке и в Русской Америке, но позволит также наладить снабжение этих районов, благодаря возможностям развития земледелия в долине Амура и на его притоках. Для этого Казачковский предлагал способствовать иммиграции китайцев на Амур, в Удск и на Камчатку с тем, чтобы там использовать их великолепные сельскохозяйственные навыки.

Стремление К.Ф. Казачковского открыть амурский путь к Охотскому морю вполне отражали чаяния иркутского общества того времени, так как Шелихов тогда же пытался убедить генерал-губернатора предпринять подобные шаги, которые включали организацию незамерзающих портов где-нибудь между устьем Амура и горными хребтами, ограничивающими его бассейн с севера⁴⁵.

Все эти планы перестали быть актуальными для Самуэля Бентама, так как осенью 1791 г. он получил в Лондоне известие о кончине его патрона князя Меншикова и решил не возвращаться в Россию и продолжать карьеру на родине. Лишь в 1805–1807 гг. он снова служил в России, но уже как английский дипломат, не

⁴⁵ Christie 1993: 254; Semenov 1963: 199–200.

имеющий ничего общего с Сибирью. Сибирские дневники Самуэля Бэнтама не были опубликованы и в настоящее время хранятся в Британской Библиотеке (British Library, Add MSS, Nos. 33,529; 33,538–33,541; 33,552; 35,555–35,557).

В начале XIX столетия Сибирь и особенно ее юго-восточные районы, примыкающие к русско-китайской границе, стали ареной несколько иной активности иностранцев.

26 декабря 1814 г. Директорат Лондонского миссионерского общества официально решил открыть свою миссию в Сибири. В миссию входили Роберт Юлл (Robert Yuille, 1786–1861), Эдвард Сталлибрас (Edward Stallybras, 1794–1884) и Уильям Свэн (William Swan, 1791–1866). Все миссионеры путешествовали и работали в Сибири со своими женами. 1817–1818 годы группа миссионеров провела в Иркутске; им было разрешено основать миссию в Забайкалье, в городе Селенгинске с тем, чтобы преподавать, проповедовать и обращать в христианскую веру местное бурятское население. Следует, однако, заметить, что в случае, если кто-либо из бурят или других местных жителей проявлял желание принять христианство, они, по законам Российской Империи, имели право принять Святой Крещение лишь в Русской Православной церкви.

Английские миссионеры могли беспрепятственно изучать монгольский (бурятский) язык, пользуясь при этом поддержкой русских властей, работая в фондах Иркутской библиотеки и прибегая к помощи хорошо подготовленных русских учителей-переводчиков. При этом они свободно собирали сведения о ламаистском буддизме в Забайкалье и посещали монастыри (дацаны)⁴⁶.

Сталлибрас и Свэн описывали бурятов («шаманистов»-язычников) и ламаистов как «добродушных дикарей» (*good-natured wild*), которые были введены в заблуждение их ошибками и ложными верованиями. Подобные же чувства скорби они испытывали, рассказывая об успехах ламаизма среди бывших шаманистов: «Какая жалость, что этим *бедным язычникам* предоставлена свобода менять *одну систему заблуждений* на другую, вместо того чтобы повернуться *от тьмы к свету* и от *власти Сатаны к Богу*»⁴⁷.

⁴⁶ Подробнее см.: Bawden 1985.

⁴⁷ Letters 1823: 158–159.

В «Мемориале» (инструкции) для миссионеров сказано, что место для миссии было выбрано «благодаря его близости к Китаю, к северным границам которого оно непосредственно примыкает, [что даёт] возможность внедрения Евангелия в Китай, используя те интенсивные взаимоотношения, которые протекают между этой громадной страной и Санкт-Петербургом, вблизи дороги, по которой эти связи осуществляются, находится место проектируемого поселения [миссии]». Именно в этом «Мемориале» мы впервые видим проявление того затаённого желания получить возможность проникнуть в Китай с севера, которое в течение двух десятилетий лелеяло Миссионерское общество, но которому не суждено было стать ничем кроме несбыточной мечты.

Образованные бурятские священнослужители обычно обучались в самом Тибете, что обеспечивало им близкую связь с этой страной, и через них миссионеры надеялись получить возможность более близкого знакомства с Тибетом и даже обрести доступ в эти прежде недоступные районы. Однако, практически единственными «воротами» в Китай был пограничный пункт Кяхта, и в нём соблюдался строгий контроль над иностранцами. Пограничные и торговые отношения между Россией и Китаем регулировались Кяхтинским договором 1727 г., и Россия не собиралась разрешать кому бы то ни было рассматривать Сибирь в качестве «чёрного хода» в Китай.

При всем этом, у английских миссионеров были некоторые достижения. Так, они перевели полный текст Библии на монгольский язык и собственноручно отпечатали Ветхий Завет в Сибири; Новый Завет был издан для них в Англии.

Некоторые интересные детали жизни и деятельности английских миссионеров можно почерпнуть из книги, опубликованной Эдвардом Сталлибрасом сразу после кончины его жены и представляющей собой собрание её писем друзьям и записей из дневников⁴⁸.

До отъезда в Сибирь в начале 1818 г. молодожёны Сталлибрас (они поженились в 1817 г.) провели почти целый год в Санкт-Петербурге, изучая русский язык и проповедуя для протестантов столицы. Сам император Александр I проявил заботу о миссии и

⁴⁸ Stallybrass 1836: xiii.

личный интерес к обеспечению её благополучного путешествия в Восточную Сибирь: губернаторам провинций, через которые пролегал их маршрут, а также на почтовые станции были направлены указы о всяческом содействии путешественникам в предоставлении достойных помещений для ночлега и лучших почтовых лошадей и повозок. Для обеспечения такой поддержки и избежания задержек их сопровождали фельдъегери⁴⁹.

Судя по дневникам и переписке Сары Сталлибрас, она так же, как её муж, была ревностной протестанткой, причём, находясь в окружении людей существенно иной культуры и религии, хотя и стремилась помочь им в обучении домашним ремёслам и в лечении некоторых болезней, но абсолютно не желала вникнуть в их духовную жизнь и понять религиозные основы тибетского буддизма, который исповедовали монголы и буряты. Сара Сталлибрас описывает лам, их окружение, объекты почитания лишь как «непристойные порождения дьявола», абсолютно не пытаясь понять глубокой гуманной сущности ламаизма. В этом смысле показательным является следующее её суждение: «Религия Лам заключалась в красивых одеяниях, роскоши и т.д., в то время как религия Христа является религией сердца...»⁵⁰.

Деятельность английских миссионеров, однако, оставила свои следы в памяти людей, среди которых они жили более 20 лет. Об этом, в частности, свидетельствует английский путешественник более позднего периода Хенри Ланселл (Henry Lansdell, 1841–1919)⁵¹.

Иностранцы, по тем или иным причинам, попадавшие в Восточную Сибирь, всегда старались посетить миссионеров в Селенгинске. Одним из таких путешественников был известный немецкий физик и путешественник Адольф Эрман (Erman Georg Adolf, 1806–1877), который оставил следующие яркие воспоминания о встречах с миссионерами:

«Февраль 25. Утром мы вышли из города [Селенгинска] на левый, или противоположный берег Селенги, где в течение нескольких лет обосновались три английских миссионера на службе у Лондонского Библейского общества... Мы были в высшей степе-

⁴⁹ Stallybrass 1836: 71–72.

⁵⁰ Stallybrass 1836: 238.

⁵¹ Lansdell 1882.

ни рады, когда обнаружили, что планы обращения [язычников] были здесь во всех отношениях оставлены и что миссионеры занимались, главным образом, упорным изучением монгольского языка и литературы.

Англичане, кажется, взяли пример с мудрой толерантности, отличающей русских, которая здесь демонстрируется как по отношению к цивилизованным бурятам, так и к более диким племенам в других частях Сибири.

В настоящее время местные племена не получают от русских никаких инструкций, кроме тех, которые позволяют увидеть преимущества средней и потому не отвратительной для них степени индустрии. И никогда не выпускается из виду, что язык и нравы этих народов столь же естественно поддерживаются в их независимости, как и европейские, и что их не следует поэтому уничтожать, а [наоборот] сохранять и изучать. Русские сибиряки поняли, что во многих случаях выгодно взять на вооружение приёмы местных племён, потому что эти приёмы основаны на длительном опыте и находятся в полной гармонии с природой и климатом страны... С такими разумными намерениями, М. Игумнов уже в 1818 г. основал школу в Верхнеудинске, в которой он одновременно обучал детей тайш, или мелких монгольских вождей, русскому языку и учил русских торговцев бурятскому и другим монгольским диалектам.

Господин Юлл рассказал нам, что к настоящему времени ни он, ни кто-либо из его коллег не окрестил ни одного бурята и что, более того, по приказу русского правительства, желающие креститься, ежели таковые появятся, должны присоединяться к греческим [русским православным] общинам. С другой стороны, истые английские протестанты познакомились с монгольским и русским языками, так что теперь они стараются продолжать систему образования М. Игумнова... Более того, господин Юлл показал нам копию работы, называющейся в Китае «Императорской книгой», которая была отпечатана в Пекине в XIII веке. Её привезли в Сибирь члены последней Русской духовной миссии, и она представляет собой один из наиболее объемных, но безусловно древнейший из тех, которые называются королевскими словарями... Господин Юлл в настоящее время пытается создать на основании этой работы монгольско-английский и маньчжурско-английские словари»⁵².

⁵² Erman 1848: 280–281.

А. Эрман в своей работе много внимания уделил минеральным богатствам и геологическому строению Байкала и Забайкалья. И все-таки он снова и снова обращался к поразившему его в Восточной Сибири стремлению русских изучать монгольскую и буддийскую учёность, причем он подчёркивал, что в мире вряд ли найдется такое место, как «Иркутское губернаторство», которое предоставило бы большие возможности для такого изучения: «Здесь, — утверждает он, — бурятскому языку можно обучиться практически у любого из русских казаков, которые в большинстве говорят на нём так же свободно, как на своём родном языке».

Такое же наблюдение было сделано немецким путешественником в Якутске, где наибольшим успехом в делах с местными народами пользуются те торговцы и казаки, которые обладают таким искусством и тактом. Он замечает по этому поводу следующее: «Сначала я был удивлён, когда услышал, что мой хозяин и его семья разговаривают между собой по-якутски, так как они были русскими по происхождению, но затем обнаружил, что такая же практика обычна в домах других торговцев. Они привыкли к этому языку во время своих путешествий по тропам, на которых преобладают якуты, где этот народ еще сохранил характерную для них доброжелательность в обхождении. Справедливым обращением их можно завоевать и сделать исключительно полезными, но для того, чтобы этого достигнуть, прежде всего требуется знание их языка»⁵³.

Помимо упомянутых английских миссионеров, которые провели более 20 лет в Селенгинске, были и некоторые другие, менее постоянные и настойчивые христиане-протестанты, которые путешествовали в Сибири с духовными целями, смешанными с некоторыми меркантильными соображениями. Так, в 1819 г. британский капитан Питер Гордон, проведя несколько месяцев в Охотске, торгуя грузом своей шхуны “Brothers” и не имея возможности вернуться морем в Калькутту, решил отправиться по суше через Сибирь к Персидскому заливу. Гордон был своеобразным человеком — торговцем и кораблевладельцем по профессии, авантюристом и евангелистом — по наклонностям. В 1820 г. он умудрился быть арестованным вблизи Астрахани. Причина, по его словам,

⁵³ Erman 1848: 370–373.

была связана с тем, что он послал письмо в Сарепту на калмыкском языке миссионерам («Моравским братьям» из Саксонии), которых он планировал посетить. Он не разъясняет, чье это было письмо, но местные власти заподозрили что-то нехорошее, арестовали и выслали его в Персию⁵⁴.

Частью эксцентрической цели Гордона в пересечении Сибири с востока на запад в середине зимы была попытка открыть торговый путь через Охотск в Кяхту и Китай. Он посетил Эдварда Сталлибраса в Селенгинске, проведя там несколько дней и побывав в Кяхте, убедился в том, что его коммерческим надеждам не суждено быть реализованными. Гордон очень сдружился с английскими миссионерами и с трудом с ними расстался, записав в своем дневнике следующее: «Расстался с этими высокочтимыми миссионерами, с которыми я был бы очень доволен провести остаток моей жизни, будучи уверенным в том, что распространение христианства является наивысшим благословением и благороднейшей целью человека...». Следует заметить, что всего несколько недель до этого Сибирь представляла ему соблазны существенно иного характера. Во время пребывания в Верхнеудинске он записал, что «две или три славных, без предрассудков, молодых девицы уверили меня в том, что зиму в Верхнем можно провести весьма приятно»⁵⁵.

Английская миссия в Забайкалье в части её основной цели закончилась полной неудачей, потому что монголы, калмыки и буряты оказались равнодушными к протестанскому христианству вне зависимости от того, кто пытался их крестить, и более всего их делало несокрушимыми сознание принадлежности к духовному сообществу, которое географически простиралось далеко за границы Монголии и значительно далее в глубину веков во времени, которое было великим источником многоцветия и церемониала в их жизни и неотъемлемым элементом их национального самосознания.

Российские власти закрыли Британскую миссию в 1840 г., потому что она стала действовать вопреки тем правилам, которые ей были с самого начала продиктованы Русской Православной Церковью: миссионеры, в соответствии с протестантскими доктрина-

⁵⁴ Gordon 1833.

⁵⁵ Цит. по: Bawden 1985: 55.

ми, начали критиковать православную практику поклонения иконам. История этого конфликта восстановлена нами по материалам Российского государственного исторического архива в Санкт-Петербурге.

Уже 9 октября 1829 г. император Николай I своим указом Правительствующему Синоду приказал обратить внимание на деятельность британских миссионеров в Забайкальских бурятских районах. Николай совершенно ясно дал понять, что ему хотелось бы видеть русских православных священнослужителей занимающимися там миссионерскими трудами, и попросил Синод «обратить внимание на это обстоятельство». Синод ответил, что русские миссионеры трудились в этом районе с 1817 г., но для усиления православного влияния там было решено добавить к миссии еще троих священнослужителей (РГИА. Ф. 796, оп. 110, № 805, 1829–1840: «О обращении внимания о преподавании Слова Божия за Байкалом и о высылке оттуда миссионеров английских». На 145 лл.; лл. 7–8).

26 июля 1833 г. местные церковные власти выразили официальный протест старшему члену английской миссии в Селенгинске преподобному Свэну (Reverend Swan) по поводу пропаганды англичан против почитания русскими икон. Одновременно генерал-губернатор Восточной Сибири получил приказ «о строгом надзоре за деятельностью миссионеров» (РГИА. Ф. 796, оп. 110, № 805, 1829–1840: «О обращении внимания о преподавании Слова Божия и о высылке оттуда миссионеров английских». На 145 лл.; лл. 31–31об.).

Надзор показал, что британские миссионеры продолжали свои попытки протестантского влияния на русских православных христиан, поэтому было решено миссию закрыть. Обер-прокурор Правительствующего Синода в письме от 23 апреля 1841 г. за № 981 сообщил, что британские миссионеры «при отъезде из Селенгинска... оставили там значительную часть книг Св. Писания на монгольском языке, и именно: 425 экземпляров полного Ветхого Завета, 54 экз. без книг Соломоновых и 1709 экз. разных отдельных частей Ветхого Завета. Просили по 25 рублей за каждый полный экз. Ветхого Завета. Один экземпляр они представили безвозмездно для библиотеки Синода». Так как перевод был выполнен с протестантской версии Священного Писания, Синод решил

купить лишь 20 экземпляров для учебных целей (РГИА. Ф. 796, оп. 122, № 539, 1841 г.: «По предложению господина Обер Прокурора [Синода] с изъяснением просьбы прибывших сюда членов упразднённой Миссии в Сибири Свена и Сталибраса о продаже ими Книг Святого Писания на монгольском языке». Апрель 25, 1841 — февраль 4, 1842 г. На 8 лл.; лл. 1–4).

В тот же период, когда лондонские миссионеры безуспешно пытались обратить в христианство народы Забайкалья, англичанин существенно иного темперамента и верований осуществил путешествие через всю Сибирь до Камчатки, преодолев при этом расстояние около 30000 миль. Это был капитан Джон Дандас Кочрейн (1780–1825), опубликовавший повествование о своих приключениях и впечатлениях в 1824 г.⁵⁶ Его книга интересна как весьма объективный путевой журнал с многообразными наблюдениями по национальным традициям и характеру русских. Следующий отрывок из этого труда даёт представление об описаниях и рассуждениях Кочрейна: «Я часто шёл пешком и столь же часто перемещался верхом и таким образом имел возможность преодолевать значительные участки страны за короткое время; и, как очевидно в моём случае, доброе расположение русского характера по отношению к иностранцам было таким, что я был убежден, что посредством изучения их манер и обычаев, принимая участие в их развлечениях, проявляя уважение к их религии и иным образом приспосабливаясь к их грубым представлениям, Российская Империя может быть пересечена иностранцем в любом направлении с большим удобством, обилием пищи, хорошим размещением и даже во вполне удовлетворительном одеянии беспрепятственно и за столь незначительную сумму, что, назвав её, [я] рискую столкнуться с недоверием. Поэтому укажу лишь, что расходы на моё путешествие из Москвы в Иркутск (всего я прошёл шесть тысяч миль) определённно составили менее одной гинеи... Я беру на себя смелость утверждать, что ни один народ не сделал более быстрых шагов к цивилизации, моральному и интеллектуальному усовершенствованию, чем все классы русских, и далее я скажу, что список их просчетов, так как они не заслуживают названия преступлений, ни при каких обстоятельствах не превышает перечисления таковых для

⁵⁶ Cochrane 1824.

других стран. Что касается меня, то я выступаю лишь в качестве грубого пионера и, очистив путь, оставляю дорогу открытой для ученого, для того чтобы он предпринял свое путешествие тогда, когда это будет ему удобно»⁵⁷.

Капитан Кочрейн во многих случаях отмечает, что русские используют много иностранцев в Сибири. Например, он говорит, что «в Верхнеудинске я снова испытал гостеприимство коменданта, француза: его имя Деланкур (Delancourt), и он провел тридцать пять лет в Сибири, делая всё, что угодно, и ничего, будучи одним из тех слабых, но уважаемых индивидуумов, которых имеется несколько и которые поддерживаются либеральностью русского правительства»⁵⁸.

В Иркутске Кочрейн встретил русского полярного исследователя Матвея Геденштрома (ок. 1780–1845 гг.), хорошо известного благодаря его экспедиции для съемки и картографирования Новосибирских островов (1808–1810 гг.). Два путешественника очень подружились.

Англичанин с удивлением обнаружил, что тюрьмы в Иркутске содержатся в хорошем порядке, а бывшие заключенные после освобождения имеют много возможностей добиться достойной и даже богатой жизни, становясь уважаемыми членами общества. Он отметил значительную роль сосланных шведов и французов в просвещении сибиряков⁵⁹.

Капитан Кочрейн достиг реки Колымы, находясь в постоянной переписке с бароном Фердинандом Врангелем (1796/97–1870), который в это время (1820–1824 гг.) осуществлял свои знаменитые исследования северных берегов Сибири между устьем реки Индигирки и Колюченским заливом. Джон Кочрейн описал эту экспедицию в своей книге, завершая описание следующей высокой оценкой российского исследователя: «Я уверен, что в Российском Флоте нет равного Барону Врангелю»⁶⁰.

Позже Кочрейн прошёл к Оймякону, Индигирке, Охотску и Петропавловску, где он встретил многих своих соотечественников,

⁵⁷ Cochrane 1824: vi–viii.

⁵⁸ Cochrane 1824: 115.

⁵⁹ Cochrane 1824: 133–136.

⁶⁰ Cochrane 1824: 207–209.

членов экипажей заходивших в порт судов. В течение одиннадцати месяцев он путешествовал по Камчатке и составил её подробное описание⁶¹. Кочрейн не смог осуществить свой первоначальный план пройти через Тихий океан в Америку, но вернулся в Охотск и затем проплыл через Якутск вверх по Лене, посетил Иркутск, озеро Байкал и Селенгинск. Англичанин выполнил детальное описание якутов и составил статистические таблицы населения Восточной Сибири. Рассказывая о Селенгинске, он пишет следующее: «Я немедленно отправился в обитель английских миссионеров, обосновавшихся в этой части Мира, и нет нужды говорить, что я был в высшей степени приветливо принят преподобными Сталлибрасом и Юлом с их жёнами и многочисленными детьми, составляющими фактически английскую колонию в центре варварства».

Возможно, самым удивительным примером немалого интереса иностранцев к Российской Сибири является путешествие полностью слепого англичанина Джеймса Холмана (James Holman, 1786–1857), который, будучи офицером королевского Военно-Морского Флота, потерял зрение во время плавания у берегов Америки в 1810 г. Громадная сила воли и стремление к знаниям позволили Холману не только получить естественнонаучное образование и завоевать славу «Слепого Путешественника», но даже совершить целый ряд наблюдений и открытий, которые использовались Чарльзом Дарвиным и обеспечили ему избрание в Королевское общество Великобритании и Лондонское Линнеевское общество. Путешествие этого удивительного человека в Сибирь, безусловно, заслуживает внимания⁶².

Первичную информацию о предстоящем ему пути Холман получил в Москве от уже известного нам капитана Кочрейна⁶³. Таким образом, начались расспросы путешественника, являвшиеся для него основным способом сбора информации о посещаемых им районах. Холмана, имеющего за инвалидность во время службы на флоте звание «Военно-Морского Рыцаря Виндзора» (Naval Knight of Windsor), принимали в России на соответствующем уровне, и он мог беседовать с представителями российской администрации,

⁶¹ Cochrane 1824: 287–312.

⁶² Holman 1825; Подробнее о нём см.: Roberts, Jason, 2006.

⁶³ Holman 1825: IX.

причём, во многих случаях это были руководители высшего звена, включая самого генерал-губернатора Восточной Сибири.

Джеймс Холман отправился из Лондона в Санкт-Петербург морем 19 июля 1822 г., планируя совершить кругосветное путешествие⁶⁴.

Одним из первых ярких и не изменившихся в процессе путешествия впечатлений Холмана было то, что «ни одна страна в мире, кроме России, не является столь толерантной в отношении религиозных мнений, так как, хотя она принимает доктрины греческой церкви, во многих чертах напоминающие римские (католические. — *А. П.*), однако, позволяет исповедовать любые другие формы [религии] и верования»⁶⁵.

По прибытии в Иркутск Джеймс Холман был хорошо принят генерал-губернатором, который, однако, сразу же заявил, что не может позволить ему покинуть Россию морем с Камчатки или из любого другого порта побережья Тихого океана, так как для этого требуется прямое указание императора. Генерал-губернатор согласился написать петицию Александру I, но всячески уговаривал путешественника отказаться от его затей⁶⁶.

Вынужденный остаться в Иркутске до получения ответа императора, Холман старался встречаться со всеми русскими путешественниками, пути которых в то время проходили через столицу Восточной Сибири. В частности, одним из первых европейцев он узнал о предварительных результатах и, частично, методах экспедиции по изучению северо-восточного побережья Сибири (1820–1824 гг.) барона Фердинанда (Федора) Петровича Врангеля (1796 / 97–1870). Один из офицеров экспедиции сообщил ему, в частности, об исследованиях и съемках Врангеля, а также о том, что сам руководитель экспедиции остался в Арктике для изучения географических представлений местных племён и выявления у них приблизительных очертаний побережий, которые не были непосредственно обследованы экспедицией⁶⁷.

⁶⁴ Holman 1825: 1–2.

⁶⁵ Holman 1825: 137.

⁶⁶ Holman 1825: 74.

⁶⁷ Holman 1825: 94–95.

Следует заметить, что во время этих расспросов Врангель узнал от чукчей о существовании большого острова, но найти его так и не смог. В 1867 г. американский китобой Томас Лонг назвал этот остров именем Врангеля.

Английский путешественник сообщает интересный факт, который, насколько нам известно, пока не нашел подтверждения: генерал-губернатор предъявил ему портфель с бумагами Наполеона, который он по случаю приобрёл у казака, участвовавшего в войне 1812 года⁶⁸.

Неожиданно, 2 января, прибыл фельдъегерь от императора с требованием срочно отправить англичанина в Москву. Джеймс Холман вынужден был подчиниться, но перед отъездом он очень хотел попасть на русско-китайскую границу в Кяхту, и по этому поводу у него состоялся неприятный разговор с генерал-губернатором и его офицером, которые настаивали на его немедленном отъезде в Москву. 14 января Холман, практически под конвоем императорского фельдъегеря, был срочно выдворен из России. Судя по всему, причиной послужили те же беспокойства российских властей и руководства Российско-Американской компании, которые сделали невозможным путешествие Ледьярда через территорию Восточной Сибири к берегам Тихого океана и в российские колонии в Северной Америке⁶⁹.

Значительно более «удачлив» был другой путешественник — американец ирландского происхождения Питер Добелл (Peter Dobell), который не только путешествовал, но и жил в Восточной Сибири, издав в 1830 г. в Лондоне солидный двухтомный труд «Путешествие по Камчатке и Сибири с рассказом о пребывании в Китае...»⁷⁰.

Книга начинается с момента прибытия Добелла к берегам Камчатки 21 августа 1812 г. Камчатка сразу поразила путешественника красотой и необычностью ландшафта, а по поводу Авачинской бухты он утверждал, что она столь обширна, что способна принять объединенный флот всех стран Европы. Уже 1 сентября Добелл отправился к губернатору, генерал-майору Петровскому в

⁶⁸ Holman 1825: 101.

⁶⁹ Holman 1825: 107–123.

⁷⁰ Dobell 1830, 1.

Нижнекамчатск, расположенный в 750 верстах от Петропавловска. Природа Камчатки настолько восхищала американского путешественника, что он сочинил весьма приличное стихотворное описание Ключевской сопки⁷¹. Впоследствии он прожил пять лет в Аваче.

Вся книга Добелла представляет собой подробное описание его странствий по Камчатке и Восточной Сибири с попутными наблюдениями по населению, флоре, фауне и климату. Интересны, в частности, следующие размышления Питера Добелла: «В течение моего путешествия мне очень нравился простой, честный и спокойный образ поведения туземцев, чьё гостеприимство и природная доброжелательность сверх всяких похвал. Болезненно констатировать, что в последние годы, с тех пор как преступники из Сибири стали ссылаться к ним, они утратили многое из их честности, так же, как и часть их других добрых качеств. Я не знаю, кто порекомендовал направлять таких поселенцев на Камчатку, но это не было мудрым решением и во многих отношениях принесло вред»⁷².

Этнографические наблюдения автора подробны, доброжелательны и даже включают нотную запись камчадальского танца *бахеан*. Дано очень точное и детальное описание домашних оленей и приёмов оленеводства.

Питер Добелл совершил путешествие на нартах по Камчатке и континенту в Охотск. В своих записях он неоднократно указывал на очень малую населенность этих районов и, наряду с отмеченным выше осуждением практики ссылки заключенных в эти районы, очень сожалел о том, что отслужившие свой срок на Камчатке солдаты направлялись обратно в Сибирь. По этому поводу он писал: «Я всегда сожалел о том, что солдаты отправлялись обратно в Сибирь, так как очень многие из них, будучи женатыми, забирают с собой жён и детей. Было бы значительно лучше демобилизовать их на Камчатке для того, чтобы возделывать землю и увеличивать население мест, настолько нуждающихся в обитателях. Конечно, рыболовство и особенно китобойный промысел, которые могут быть организованы на Камчатке, при должном управлении, сами по себе являются источником большого богатства. Помимо

⁷¹ Dobell 1830, 1: 43–44.

⁷² Dobell 1830, 1: 63–64.

этого, страна расположена в наиболее населённой части земного шара. В течение 10–12 дней перехода можно достигнуть любой части Японских островов, за 30, или 40 дней — Сэндвичевых островов, Макао, Филиппин, или любых Индо-Китайских островов; за 60 дней можно прийти на северо-западное побережье Америки, в Калифорнию, или на острова Великого Тихого океана. Нет места, более выгодно расположенного для коммерции, и в тоже время столь мало этим пользующегося»⁷³. Даже сейчас, в XXI веке, геоэкономические оценки Добеллем преимуществ положения Камчатки звучат вполне оправдано и актуально, но в начале XIX в. эти соображения американского путешественника, хотя и были доведены им до сведения сибирских и центральных властей Российской империи, но, увы, остались без последствий.

Добелла во всех его путешествиях сопровождали двое неутомимых китайцев-слуг. Естественно, что он пользовался также услугами проводников-тунгусов (эвенков), которые при переходе через горы продемонстрировали отмеченное им ранее ухудшение нравов, покинув его ночью и забрав с собой всех оленей⁷⁴.

В Охотске Добелл неожиданно встретил капитана Миницкого, с которым он ранее познакомился в Кантоне, когда тот служил волонтером на борту британского военного судна⁷⁵. Американец был в восторге от порядка в порту и остроумных усовершенствований в его содержании, внедренных капитаном Миницким. По этому поводу он рассказывает следующее: «10-го я сопровождал капитана Миницкого во время осмотра Адмиралтейства, морских складов, складов боеприпасов, мастерских и т.д., которые я нашел в совершенном порядке и готовыми к службе в наилучшей возможной манере, каждое подразделение организованное и снабженное таким образом, который свидетельствовал о высочайшей квалификации Миницкого. Многие старые суда, обреченные лежать на суше без всякой пользы, были превращены им в великолепные склады, где в полной безопасности хранятся хлеб, дёготь,

⁷³ Dobell 1830, 1: 87–88.

⁷⁴ Dobell 1830, 1: 219.

⁷⁵ Скорее всего, это был Михаил Иванович Миницкий (1772–1829), впоследствии контр-адмирал, командир бригады III флотской дивизии, известный благодаря его трудам по вооружению судов военно-морского флота и переводу с английского языка истории главных морских сражений.

смола, железо, гвозди, медь, свинец, канаты и т.п. Они установлены вдоль берега, как суда на стапелях, но покрыты крышами как дома, имеют двери, окна, или отверстия для вентиляции и снабжены лестницами. Ничто не может быть более удобным, и предоставляет какое-то удовольствие и удовлетворение созерцать эти бедные, потрёпанные морем суда, не имеющие более возможности противостоять волнам, обновлёнными и почти столь же интересными, какими они были, когда бороздили поверхность океана. Фактически можно сказать, что они составляют *музей* судов, представляя занятные образцы старинного кораблестроения, [начиная с периода] первых плаваний русских торговцев к северо-западному побережью Америки и вплоть до современности (начала XIX в. — *А. П.*). Все они идеально отремонтированы и могут, при такой же заботе, сохраниться на века. Хотя они обычно слишком коротки для их ширины, напоминая суда, использовавшиеся в древности голландцами, некоторые из днищ представляются удивительно хорошими по обводам, а вся конструкция очень прочно собрана»⁷⁶.

19 июня Питер Добелл и его небольшая команда отправились из Охотска верхом в Якутск. На начальном участке пути их сопровождал русский офицер Иван Иванович Круз — хороший ботаник, свободно владевший французским и латынью, смотритель станции Майтах (Maitah) на реке Охоте⁷⁷.

Автор подробно останавливается на описании традиционного пути русских землепроходцев по рекам Удоме, Мае, Алдану и Лене, который он считает возможным в будущем освоить с помощью плоскодонных пароходов⁷⁸.

Питер Добелл исключительно высоко оценивает ресурсный потенциал Сибири, заявляя, в частности, следующее: «Природа в Сибири исключительно грандиозна и величественна, отмечая эти отдаленные районы соблазнительной привлекательностью для человеческой предприимчивости и совершенствования и давая сильные приметы того, что в недалёком будущем они станут самыми процветающими районами владений Его Императорского Величества. Только те, кто не знает их цены, очень несправедливо харак-

⁷⁶ Dobell 1830, 1: 295–298.

⁷⁷ Dobell 1830, 1: 303.

⁷⁸ Dobell 1830, 1: 314.

теризовали их как неприемлемые пустыни. Поэтому я ощущаю особенное удовольствие, пытаюсь спасти эту потрясающую часть творения природы от незаслуженных упреков и в уверении нашего августейшего императора в том, что она [эта страна] представляет собой часть его империи, которая достойна благ его милостивой заботы.

Невозможно отрицать, что некоторые части Сибири полностью не поддаются улучшению из-за суровости их климата, плохой почвы и других причин; но я уверенно утверждаю, без опасения противоречия, что значительная часть этой страны обладает природными ресурсами, почвой и климатом значительно лучшими, чем обычно полагают даже в России, и что она будет быстро развиваться при обеспечении хорошего управления и большей населённости»⁷⁹.

Всё время подчёркивая необходимость притока населения в Сибирь, Доббел уделяет большое внимание весьма возраставшему в то время числу осужденных за разные преступления ссыльных, причём, с нескрываемым удивлением он, в частности, описывает посещённую им колонию ссыльнопоселенцев на берегу Алдана, которые, по его наблюдениям, ведут вполне благополучную жизнь в условиях плодородной долины Алдана, изобилующей рыбой, промысловыми животными и вообще всем необходимым. Отмечается весьма толерантное отношение к ним не только местных жителей, но и администрации. Характеризуя систему ссылки в Сибирь в целом, Питер Добелл отмечает следующее: «Таким образом, ссылка в такую страну, как Сибирь, конечно, не является таким уж ужасным наказанием [для кого бы то ни было], кроме русского человека, который, возможно, среди всех живущих на Земле обладает сильнейшей привязанностью к почве, на которой он растёт, — укореняясь, как деревья, окружающие его, и страдая, будучи пересаженным на другое место, даже если это будет соседняя провинция, лучшая, чем его собственная. Невозможно переоценить ту гуманную систему, которая принята русским правительством в спасении жизни всех преступников без различия и направлении их в Сибирь для увеличения населения этой превосходной страны, так сильно нуждающейся в нём, где за их моралью строго

⁷⁹ Dobell 1830, 1: 317.

наблюдают и где они вскоре становятся полезными, хорошими людьми. Смерть, фактически, настолько преходящее наказание, что если только человек не религиозен и не имеет совершенное представление о воздаяниях и наказаниях в ином мире, она не будет для него ужасна, и её опасение никогда так уверенно не предотвратит от совершения преступления, как идея изгнания и долгого страдания»⁸⁰.

Значительное внимание Питер Добелл уделил Якутии, которой, по его мнению, так же, как всей остальной Сибири, уготовано великое будущее. По этому поводу он, в частности, пишет следующее: «Провинция Якутска, хотя и считается самой холодной частью Сибири, обладает большим количеством важных природных преимуществ, из которых, однако, многие должны оставаться бесполезными, пока страна не будет населена и её внутренние коммуникации не будут доведены до совершенства. Железо, соль и несколько других минералов были открыты здесь. На берегах Витима каждый сезон в значительных количествах добывается слюда очень высокого качества и весьма прозрачная. Во всей Восточной Сибири она используется вместо оконного стекла, причём обладает большей прочностью»⁸¹.

Питер Добелл весьма профессионально описывает реку Лену, с перечислением всех притоков и характеристикой водного режима в течение навигационного периода, продолжающегося всё лето, причём отмечает резкое повышение уровня и увеличение скорости течения в весенний период из-за таяния снега и уменьшение уровня, приводящее к необходимости перегружаться в плоскодонные суда в конце лета.

Китайские слуги путешественника были очень удивлены, встретившись с бурятами, так как сочли их за своих соотечественников, и изумлялись тому, как они попали так далеко от Китая и почему не понимают по-китайски⁸².

В Иркутске Добелл пробыл четыре месяца, в течение которых он ещё более утвердился в своих симпатиях к сибирякам. В то же время он весьма порицает власть имущих среднего звена (богатых

⁸⁰ Dobell 1830, 1: 334–335.

⁸¹ Dobell 1830, 2: 18.

⁸² Dobell 1830, 2: 78–82.

крестьян, купцов и т.п.) в использовании своего положения и оттеснении более бедных крестьян от выгодных дел, например, препятствуя им в сдаче лошадей в наем. В Иркутске он снова восхищается положением ссыльных и гуманностью российских уголовных законов⁸³. Американский путешественник, пересекший всю Россию с востока на запад, к концу своего путешествия приходит к казальному бы парадоксальному (а на самом деле, вполне справедливому даже сейчас) выводу: чем ближе к столице, тем всё становится хуже — и чиновники, и простые люди, и качество жизни.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Белякова 2006 — *Белякова Н.Ю.* Уильям Кокс и его «Путешествия» (Екатерининская Россия в программе английского образовательного Grand tour): Дисс. канд. ист. наук. СПб., 2006. 442 с. РГБ ОД. 61:07–7/736.
- Берх 1822 — *Берх В.Н.* Путешествие в Японию Адама Лаксмана. СПб., 1822.
- Кристи, Ситников 1988 — *Кристи И.Р., Ситников Л.А.* Новое об истории освоения северной части бассейна Тихого Океана (статья первая) // Источники по истории Сибири досоветского периода / Ред. Н.Н. Покровский. Новосибирск, 1988. С. 177–184.
- Лагус 1890 — *Лагус В.* Эрик Лаксман. Его жизнь, путешествия, исследования и переписка. СПб., 1890.
- Овчинников, Паттерсен 2007 — *Овчинников В., Паттерсен Б.* Российский англичанин // Морской сборник. 2007. № 12. С. 80–82.
- Радищев 1952 — *Радищев А.Н.* Полное собрание сочинений. М.; Л., 1952. Т. 3.
- Ситников 1983 — *Ситников Л.А.* Самуэль Бентам и его Сибирская библиотека // Русские библиотеки и их читатель / Ред. В.В. Пиотровский, С.П. Лупов. Л., 1983.
- Файнберг 1960 — *Файнберг Э.Я.* Русско-японские отношения в 1697–1875 гг. М., 1960.
- Шапп д’Отрош 2008 — *Шапп д’Отрош Ж.* Атлас к путешествию в Сибирь / *Chappe d’Auteroche Jean.* Atlas au Voyage en Sibirie, fait par ordre du Roi en 1761. СПб., 2008 (Факсимильное издание 1769 г.).

⁸³ Dobell 1830, 2: 86.

- Bawden 1985 — *Bawden Ch.* Shamas, Lamas and Ebvangelicals. The English Missionaries in Siberia. London; Boston; Melbourn; Henley, 1985.
- Bentham 1862 — *Bentham M.S.* The Life of Brigadier-General Sir Samuel Bentham, KSG, by his widow. London, 1862.
- Chappe d'Aueroche 1770 — [*Chappe d'Aueroche J.*] A Journey into Siberia made by order of the King of France by M. L'Abbé Chappe D'Aueroche, of the Royal Academy of Science at Paris, in 1761. Containing an Account of the Manners and Customs of the Russians, the Present State of their Empire; with the Natural History, and Geographical Description of their Country, and Level of the Road from Paris to Tobolsky / Transl. from the French, with a preface by the translator. [Abridged.] London, 1770.
- Chevigny 1966 — *Chevigny H.* The Great Alaskan Venture, 1741–1867. London, 1966.
- Christie 1993 — *Christie I.R.* The Bentham's in Russia, 1780–1791. Oxford, 1993. (Second ed.: 2005).
- Cochrane 1824 — [*Cochrane J.D.*] Narrative of a Pedestrian Journey through Russia and Siberian Tartary, from the Frontiers of China to the Frozen Sea and Kamchatka performed during the years 1820, 1821, 1822, and 1823 by Capt. John Dundas Cochrane, R.N. Philadelphia, 1824.
- Correspondence 1968 — The Correspondence of Jeremy Bentham / Ed. by T.R.G. Sprigge, I.R. Christie, A.T. Miln, J.R. Dinwiddy and S.R. Conway. London, 1968. Vol. III.
- Coxe 1780 — [*Coxe W.*] Account of the Russian Discoveries between Asia and America. To which are added, the conquest of Siberia, and the history of the transactions and commerce between Russia and China. By William Coxe, A.M. Fellow of King's College, Cambridge, and Chaplain of his Grace the Duke of Marlborough. London, 1780.
- Coxe 1784 — [*Coxe W.*] Travels into Poland, Russia, Sweden, and Denmark. Interspersed with historical relations and political inquiries. By William Coxe. Dublin, 1784. Vol. 1–3.
- Dobell 1830 — [*Dobell P.*] Travels in Kamtchatka and Siberia; with a narrative of a residence in China. By Peter Dobell, counsellor of the Court of His Imperial Majesty the Emperor of Russia. London, 1830. Vol. 1–2.
- Erman 1848 — [*Erman A.*] Travels in Siberia: including excursions northwards, down the Obi, to the Polar Circle, and southwards to the Chinese frontier. By Adolph Erman. Transl. from the German by W.D. Cooley. London, 1848. Vol. 1–2.

- Gordon 1833 — *Gordon P.* Fragment of the Journal of a Tour through Persia in 1820. London, 1833.
- Holman 1825 — *Holman J.* Travels through Russia, Siberia, Poland, Austria, Saxony, Prussia, Hanover, undertaken, during the years, 1822, 1823, 1824 ... London, 1825.
- Landsdell 1882 — *Landsdell H.* Through Siberia... With illustrations and maps. London, 1882. Vol. 1–2.
- Letters 1823 — Letters from Selenginsk, Siberia, published in *The Missionary Herald*, XIX (April, 1823). P. 158–159.
- Папмehl 1966 — *Папмehl K.A.* The Regimental School Established in Siberia by Samuel Benthams // *Canadian Slavonic Papers*. 1966. Vol. VIII. P. 153–168.
- Pierce 1981 — *Pierce R.A.* Introduction // *Shelikhov G.* A Voyage to America, 1783–1786 / Transl. by V. Ramsay / Ed. with Introduction by Richard A. Pierce. Kingston, 1981.
- Roberts 2006 — *Roberts J.* A Sense of the World: How a Blind Man Became History's Greatest Traveler. New York, 2006.
- Sauer 1802 — [*Sauer M.*] An Account of a Geographical and astronomical Expedition to the Northern parts of Russia, for ascertaining the degrees of latitude and longitude of the Mouth of the river Kovima; of the whole coast of the Tshutski, to east cape; and of the islands in the eastern ocean, stretching to the American coast. Performed, By Command of Her Imperial Majesty Catherine the Second, empress of all Russia, by Commodore Joseph Billings in the Years 1785 and to 1794. The Whole narrated from the original papers by Martin Sauer, secretary to the expedition. London, 1802.
- Semenov 1963 — *Semenov Y.N.* Siberia: Its Conquest and Development / Transl. from German by J.R. Foster. Baltimore, 1963.
- Stallybrass 1836 — [*Stallybrass E.*] Memoir of Mrs. Stallybrass, wife of the Rev. Edward Stallybrass, missionary to Siberia. London, 1836.
- Watrous 1966 — [*Watrous S.D.*] John Ledyard's Journey through Russia 1787–1788: The Journal and selected letters / Ed. with an introduction by Stephen D. Watrous. Madison; Milwaukee; London, 1966.

О.С. ПЕТРОВА

РАЗВИТИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

ПО МАТЕРИАЛАМ ВСЕРОССИЙСКИХ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ СЪЕЗДОВ

Аннотация: Процесс складывания исторической географии как отрасли научного знания был длительным и не завершился даже к началу XX столетия. Всероссийские археологические съезды, собиравшиеся в России во второй половине XIX – начале XX в., способствовали формированию и развитию исторической географии. Изучение документальных материалов Археологических съездов позволяет изучать различные аспекты формирования предмета исторической географии от эмпирического знания о «пространственном размещении» памятников древности до постановки проблем теоретико-методологического характера.

Ключевые слова: историческая география, археология, источниковедение, историческая картография, специальные исторические дисциплины, история науки.

Процесс складывания исторической географии как отрасли научного знания был длительным и не был завершен даже к началу XX столетия. По мнению известных ученых России, даже в начале XX в. предмет исторической географии отличался «неопределенностью содержания и невыработанностью метода»¹. На протяжении более чем двух столетий продолжался процесс накопления фактического материала, необходимого для формирования представлений о предмете исторической географии.

¹ Кузнецов 1910: 1.

«Поворот мысли от опыта к умозрению»², по словам А.Д. Беляева, произошел только в начале XX в., о чем свидетельствует факт получения исторической географией статуса учебной дисциплины. И несмотря на то, что историческая география стала предметом преподавания в высших учебных заведениях России, в среде специалистов не было удовлетворения в отношении содержательного наполнения и предметной определенности данной области научных знаний. Так, С.К. Кузнецов свой курс русской исторической географии в Московском археологическом институте в 1907–1908 гг. начал словами: «Едва ли я ошибусь, если скажу, что содержание той науки, которую мне предстоит излагать, русской исторической географии, крайне неопределенно, самое понятие о ней крайне смутно»³.

Археологические съезды, собиравшиеся в России по инициативе Московского Археологического общества во второй половине XIX – начале XX в., способствовали формированию и развитию различных областей исторического знания, в том числе и исторической географии. Это нашло свое отражение в «Трудах Археологических съездов» (далее — «Труды»), включавших в себя подготовительные материалы к съездам, протоколы заседаний, научные рефераты, иллюстративные материалы⁴.

«Труды» Археологических съездов позволяют проследить процесс становления исторической географии как специальной области научных знаний и как особой учебной дисциплины. Большую ценность для изучения состояния исторической географии во второй половине XIX – начале XX в. представляют такие разновидности материалов, опубликованных в «Трудах» съездов, как протоколы заседаний, а также «Вопросы, предполагаемые к обсуждению на съезде» и «Запросы, по которым к съезду желательно получить сведения» (далее — «Вопросы» и «Запросы»). «Вопросы» и «Запросы» являлись подготовительными материалами к очередному съезду и составлялись специальным органом Археологического съезда — Предварительным комитетом — на основе

² Беляев 1890: 84.

³ Кузнецов 1910: 1.

⁴ Труды Археологических съездов были изданы, перечень опубликованных докладов см.: Список 1915: 30–51.

массовых первичных материалов-«заявлений» ученых и частных лиц, интересующихся древностями.

Обозначенный круг документальных материалов может служить источниковой основой для постановки и изучения различных аспектов формирования предмета исторической географии и его осмысления, от эмпирического знания о «пространственном размещении» памятников древности до постановки проблем теоретико-методологического характера, в частности, проблемы взаимодействия человека и окружающей среды. Именно под этим углом зрения возможно рассмотрение разнообразных по форме и содержанию материалов «Трудов» Археологических съездов.

Важно отметить, что при исследовании процесса формирования предмета исторической географии на основе материалов «Трудов» Археологических съездов, археология, как область знания, включавшая весь комплекс проблем, связанных с изобразительными, вещественными и письменными памятниками древности, может рассматриваться как источник, в том числе, и для развития исторической географии. По сути дела археология была «метанаукой», включающей в свой предмет самые разнообразные отрасли знаний. Как отмечал К.Н. Бестужев-Рюмин, археология как учение о древностях должна «обнимать весь круг памятников, оставшихся от древнейшей жизни... Все остальные знания, так называемые вспомогательные науки истории суть часть археологии»⁵.

Прежде чем перейти к непосредственному анализу «Трудов» Археологических съездов по проблемам исторической географии, представляется важным указать на значимость Археологических съездов как института, оказавшего влияние на развитие отечественной исторической науки, исторической географии в частности.

Археологические съезды были задуманы А.С. Уваровым, председателем Московского Археологического общества. Его замысел был грандиозен: съезды должны были проводиться каждые три года в разных городах России. Исключительно удачной и новаторской идеей было создание динамичной системы подготовки съездов с основным организационным центром в Москве и местным центром, где создавался свой Предварительный комитет. Каждый из пятнадцати съездов, собиравшихся с 1869 г. вплоть до

⁵ Бестужев-Рюмин 1872: 14.

Первой мировой войны (последний, XVI-й, съезд был назначен на лето 1914 г.), становился узловым событием как для формирования и развития определенных отраслей исторической науки, так и оформления новых научных центров и направлений.

На III-м Археологическом съезде для разработки вопросов исторической географии было создано особое отделение «Историко-географических и этнографических древностей», задачи которого были определены профессором Московского университета Д.Н. Анучиным, депутатом съезда, следующим образом: «Отделение... должно заниматься разрешением... высших вопросов археологии, вопросов о тех народностях, к которым принадлежат памятники, и о развитии их культуры»⁶. Сочетание в рамках одного отделения вопросов исторической географии и этнографии отражало состояние науки во второй половине XIX в. В этом соединении проявлялась нерасчлененность научных направлений, которая определялась единством их предметности, исследовательской практики. Однако такого рода интеграция, обеспечивавшая расширение содержания, укрепление междисциплинарных связей исторической географии и этнографии, намечала процесс дифференциации и постепенного обособления каждой из них.

Следует отметить, что вопросы исторической географии рассматривались не только в рамках данного отделения. Проблемы пространственного размещения исторических явлений прошлого находились в центре внимания отделения «Первобытных древностей», разрабатывавшего вопросы накопления, экспертизы и осмысления вещественных памятников древности.

«Труды» Археологических съездов являются важным источником как для изучения внутренней структуры предмета исторической географии и ее эволюции, так и для рассмотрения теоретико-методологических аспектов предмета исторической географии. Среди них отметим проблему взаимоотношений природы и человека, значение которой не ограничивается рамками исторической географии. Эта тема является значимой для развития исторического познания в целом.

Кроме того, нельзя не обозначить вклад, который внесли в развитие исторической географии специалисты, участники Археоло-

⁶ Протоколы 1892: 44.

логических съездов, подготовившие обширные картографические материалы, опубликованные в «Трудах» съездов. Эти материалы могут, в свою очередь, рассматриваться как источники для изучения процесса развития исторической географии как особой области научных знаний, развития «новых направлений» современной историографии, как, например, «пространственной истории».

Обработка «Вопросов» и «Запросов» позволяет осуществить предварительную систематизацию (рубрикацию) проблем. Спектр и содержательная интерпретация этой группы материалов может рассматриваться как эмпирическая основа для изучения представлений научного сообщества о содержании предмета исторической географии.

При характеристике рубрикаций следует выделить такие структурные компоненты предмета исторической географии, как, например, «География населения. Колонизация», «История формирования границ прошлого», «Локализация на карте населенных пунктов и мест сражений», «Исторические пути, определение маршрутов и исторических путешествий и походов, передвижение войск», «Человек и природа» (физико-географическое описание, география производства и хозяйственных связей).

Данные компоненты неравномерно распределены по частоте встречаемости в «Вопросах» и «Запросах». Так, наибольшее число вопросов содержит рубрика «География населения. Колонизация». Интерес к проблемам локализации на карте населенных пунктов и мест сражений также устойчив от съезда к съезду. Более 30 раз вопросы, связанные с данной проблемой, выносились на обсуждение членов съездов. Заслуживают внимания рубрики «История формирования границ прошлого» и «Исторические пути, определение маршрутов и исторических путешествий и походов, передвижение войск». Более 35 вопросов было посвящено «границам» и более 20 — «историческим путям».

Рубрика «Человек и природа» в меньшей степени представлена в материалах съездов. И это вполне объяснимо. Историческая география как особая отрасль научного знания развивалась постепенно, постановка вопросов теоретико-методологического характера только начиналась. Так, Л.Н. Майков в 1874 г. писал, что «Историческая география неизбежно должна выйти за пределы простого описания, и, пользуясь разнообразным материалом обще-

го землеведения, должна показать влияние внешней природы на развитие человечества или отдельных особей его — народов. Она должна обнаруживать, насколько жизнь людей в известной стране подвергалась действию общих географических условий последней и насколько эти условия способствовали там развитию социальности, или же послужили препятствием для развития народной цивилизации. Вместе с этим историческая география должна изобразить и воздействие человека на природу, его борьбу с ней, формы этой борьбы, т.е. разные виды культуры, которой человек подвергает окружающие его органические и неорганические тела, и, наконец, результат этой борьбы для населения. Таковы идеальные задачи исторической географии. Только ими освещается труд историко-географа, и, чуждаясь их, его исследование утрачивает в значительной мере свои главнейшие цели»⁷. Таким образом, сам факт постановки этих вопросов свидетельствует об определенном уровне развития науки.

Изучение изменений в размещении племен и народов на территории нашей страны на протяжении ее истории было приоритетной областью исследований отечественных историков в рамках историко-географических исследований. Депутат археологических съездов М.К. Любавский, автор курса по исторической географии, который был им прочитан в 1908–1909 гг. в Московском университете, отмечая важность изучения колонизации, говорил, что именно «в истории колонизации надо искать объяснения и политических делений Руси в разное время... Объяснение всему этому приходится искать в перемещении населения в стране, т.е. в той же истории колонизации... Эта же история дает объяснение и разнообразию экономической деятельности русского народа в течение его истории, ибо много тут зависело от занятия новых стран, с новыми видами естественных богатств. Наконец, и племенное разнообразие населения России во многом уясняется из истории расселения русского народа, эта этнографическая пестрота, более чем ста племен, в значительной части объясняется тем, что русское население распространилось по землям, уже занятым другими народностями»⁸.

⁷ Майков 1874: 250–251.

⁸ Любавский 1909: 4–5.

Анализ «Вопросов» и «Запросов», подготовленных к съездам, позволяет выделить более 50 случаев заявления вопросов, посвященных проблемам размещения населения и его колонизации. Около половины вопросов связаны с историей расселения славян по Восточно-европейской равнине, например: «Установить ход колонизации псковско-новгородской земли полоцкими и смоленскими славянами на основании археологических памятников и данных языка» (XV съезд); «Нет ли где на русском Востоке местных преданий о первых заселениях русских и их борьбы с туземцами?» (IV съезд); «Какие есть указания на то, что славяне поселились в Голландии, Англии и южной Швеции?» (II съезд); «Определить точнейшую границу распространения русского населения за Бугом» (XIV съезд). Другая часть вопросов посвящена тем народам, с которыми приходилось сталкиваться русскому населению в процессе исторического развития. Это и литовско-финские племена, и немцы, и татары, армяне, евреи, цыгане, и многие другие: «Указать места иноплеменных поселений в Киевском и Черниговском княжениях, оставшихся в географических названиях местностей?» (IV съезд), «Какие имеются данные об истории переселения армян в Юго-Западную Русь?» (V съезд). Изучение вопросов, связанных с исторической географией населения, позволяет сделать вывод о том, что во второй половине XIX в. данный спектр проблем являлся очень важным компонентом формирующейся отрасли знания. Не случайно в первых учебных курсах по исторической географии, читавшихся в столичных университетах, а также Петербургском и Московском Археологических институтах на рубеже XIX–XX вв., основной акцент делался именно на изучении населения с точки зрения его этнического состава, размещения и передвижения по территории.

В «Трудах» съездов особо следует выделить материалы, представляющие важное значение для изучения формирования источниковой базы исследований в области исторической географии, выявления специфики видов и типов исторических источников. Обработка «Вопросов» и «Запросов» позволяет выделить разнообразные комплексы источников, привлекаемые при разработке проблем исторической географии, как, например, нарративные материалы, актовая и делопроизводственная документация, картографические материалы, вещественные источники, данные топонимики и др.

Так, среди повествовательных источников, которые предлагалось использовать для изучения некоторых вопросов исторической географии, назывались летописи, сказания иностранцев, произведения античных и арабских авторов. Например, «Копорские князья, упоминаемые в летописях, не являются ли туземными князьями финских племен Водской пятины?» (XV съезд), «Выяснить по летописным свидетельствам и архивными материалами состав волостей Новгородской земли в момент присоединения Новгорода к Москве» (XV съезд), «Крымский полуостров в арабской литературе домонгольского периода» (IV съезд), «О «царских» скифах, на основании Геродота и Страбона» (VI съезд), «Данные для исторической географии и этнографии Новороссийского края, заключающиеся в отчетах визитаторов» (XIII съезд).

Среди актов и делопроизводственных материалов наибольший интерес представляли писцовые и засечные книги («Пространство и население г. Углича и его уезда в XVIII в. по писцовой книге», «Ростов в XVII в., по неизданной писцовой книге, с планом того времени» — VII съезд; «Историко-географические карты Деревской пятины по писцовым книгам», «Историко-географическое изучение писцовых книг Бежецкой и Водьской пятины и Пскова» — XVI съезд; «О составлении карты засек... пособие, представляемое для такой карты дошедшими до нас в большом количестве засечными книгами», I съезд), уставные грамоты князей («Топография древней Смоленской области по уставной грамоте Смоленского князя Ростислава Мстиславича и епископии Смоленской на основании местных изысканий», XI съезд), Экономические примечания («Экономические примечания по Харьковской губ. и их значение в качестве историко-географического материала», XII съезд) и другие источники.

Данные «Вопросов» и «Запросов» позволяют проводить наблюдения и анализировать возрастание роли специальных источников, относящихся к области исторической географии. Речь идет, в первую очередь, о картографии и топонимике. Следует отметить, что именно этим материалам, как источникам для изучения проблем исторической географии, уделялось наибольшее внимание в «Трудах» съездов, что подтверждается частотой встречаемости этих категорий. Так, в «Вопросах» и «Запросах» около 60 раз упоминаются карты и чертежи. К данным топонимике ученые обращались более чем в 70 случаях.

Подводя некоторые итоги деятельности Археологических съездов в связи с вопросами изучения формирования и развития исторической географии, можно отметить рост исследований в области исторической географии в середине XIX – начале XX в., что отражалось в числе докладов, посвященных данной проблематике, сделанных на заседаниях съездов, а также в составлении археологических и исторических карт губерний и областей России.

Говоря о таком важном материале, каким являлись карты и чертежи, нельзя не обозначить вклад, который внесли в развитие исторической географии участники Археологических съездов. Ими были подготовлены обширные картографические материалы, опубликованные в «Трудах» съездов или вышедшие отдельными изданиями под научным руководством организаторов съездов. В качестве примера приведем «Историческую карту Черниговской губернии до 1300 г.», составленную П.В. Голубовским и опубликованную в «Трудах» XIII съезда. В комментарии к ней ученый сформулировал как общие проблемы, с которыми сталкиваются те, кто занимается исторической картографией, так и то значение, которое имеют данные источники для исторической географии. Он отметил, в частности, что «важно было положить начало новому, полному пересмотру историко-географических вопросов. Когда карта перед глазами, она может вызвать целый ряд новых, ценных для науки соображений».⁹ Другим примером является подготовка Киевской комиссией для разбора древних актов выпуска по древней картографии западной и южной России, осуществленная к XIII съезду. Согласно отчету руководителей съезда, в издание должны были войти 23 карты, среди которых древнейшие карты Польши, составленные М. Беневентаном (1506 г.), С. Мюнстером (1552 г.), первая русская карта Польши XVIII в., карта Украины Боплана, карта Днепра, карта Литвы (1589 г.) и др. Картографические материалы, подготовленные участниками Археологических съездов, могут также рассматриваться как источники изучения истоков так называемых «новых направлений» современной историографии, как, например, «пространственной истории».

В изучаемый период депутатами Археологических съездов были подготовлены учебные курсы (М.К. Любавским в Москов-

⁹ Голубовский 1908: 232.

ском университете, С.М. Середониным в Петроградском Археологическом институте, С.К. Кузнецовым в Московском Археологическом институте), которые стали значительной вехой в процессе формирования и развития исторической географии.

Таким образом, Археологические съезды стимулировали разработку ряда направлений в истории, способствовали их специализации, выделению из единого ствола научных знаний. Благодаря деятельности научного сообщества, объединенного Археологическими съездами, историческая география во второй половине XIX – начале XX в. получила новый импульс для своего дальнейшего развития.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Беляев 1890 — *Беляев А.Д.* Характеристика археологии. Харьков, 1890.
- Бестужев-Рюмин 1872 — *Бестужев-Рюмин К.Н.* Русская история. СПб., 1872. Т. 1.
- Голубовский 1908 — *Голубовский П.В.* Историческая карта Черниговской губернии до 1300 г. // Труды XIII Археологического съезда в Екатеринославе. 1905. М., 1908. Т. II. С. 232.
- Кузнецов 1910 — *Кузнецов С.К.* Русская историческая география. М., 1910.
- Любавский 1909 — *Любавский М.К.* Историческая география России в связи с колонизацией. М., 1909.
- Майков 1874 — *Майков Л.Н.* Рецензия на книгу Е.В. Барсова // ЖМНП. 1874. № 8. С. 250–251.
- Протоколы 1892 — Протоколы съезда // Труды VII Археологического съезда в Ярославле в 1887 г. М., 1892. Т. 3. С. 44.
- Список 1915 — Список изданий Императорского Московского Археологического общества. М., 1915.

Д.Н. ЗАМЯТИН

МЕТАГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОСИ ЕВРАЗИИ

Аннотация: Статья представляет собой введение в проблематику метагеографии — особой междисциплинарной области знания, находящейся на стыке науки, философии и искусства (в широком смысле) и изучающей различные возможности, условия, способы и дискурсы географического мышления и воображения. Автор дает обширный экскурс в разработку рационалистических и сциентистских подходов к этому понятию, начиная с первой половины XIX в. Особое внимание автора привлекают проблемы формирования географического образа Евразии как «мирового острова», или «острова-материка», фрактальность пространства Евразии. Предлагаемая автором дискурсивная схема осевой метагеографической «сборки» Евразии несомненно предполагает содержательные историко-географические, геополитические, геокультурные и геоэкономические импликации.

Ключевые слова: метагеография, метагеографическая ось, пространство, цивилизация, локальная цивилизация, дискурс, географический образ.

Памяти В.Л. Цымбурского

Перед нашими глазами гигантские снежные горы упираются
в синеву неба.

За этими цепями — другие — уже по ту сторону границы —
в Китае.

Горы располагают к созерцанию.

На наши горные цепи с другой стороны столетиями глядели
китайские мудрецы.

Горы располагают к размышлению.

(Сергей Эйзенштейн. Предисловие к английскому
изданию «The Film Sense»)

...и эти выпренные тени
на пытке тронной, свысока,
когда, как горная река,
бамбук страстей по средостенью
впадает в корень языка

китайского, и просит каши
симбирским волком ледокол,
кошмарный наст начальных школ
деля на наше и не наше...

(Игорь Сид. Мне Логось был.
Он звал к расплате...)

Большие пространства вестибулярны...

(Павел Жагун. Пыль Калиостро)

Метагеография: введение в проблематику

Метагеография — междисциплинарная область знания, находящаяся на стыке науки, философии и искусства (в широком смысле), и изучающая различные возможности, условия, способы и курсы географического мышления и воображения. Возможные синонимы понятия метагеографии — философия ландшафта (пейзажа), геофилософия, философия пространства (места), экзистенциальная география, геософия, в отдельных случаях — география воображения, имагинальная (образная) география, геопоэтика, поэтика пространства. Понятие метагеографии выделяется по аналогии с аристотелевским выделением физики и метафизики и несет приблизительно тот же логический и содержательный смысл.

Рационалистические и сциентистские подходы к этому понятию фиксируют предмет метагеографии на изучении общих (генерализированных) географических законов. Такие подходы первоначально развивались на базе общего земледения и общей физической географии в первой половине XX в., хотя первоначальные фундаментальные положения, которые в современной интерпретации можно назвать метагеографическими, были высказаны уже в первой половине XIX в. немецким географом Карлом Риттером¹. Существенная роль в становлении основ метагеографии принадлежит классической геополитике (конец XIX – начало XX в.), в которой традиционная географическая карта стала осмысляться как предмет метафизических и геософских спекуляций². Усиление интереса к метагеографии в рамках географической науки в 1950–1970-х гг. было вызвано внедрением математических методов, системного подхода и применением различных логико-

¹ Риттер 1853: 353–556; Геттнер 1930; Замятин 1999.

² Замятин 2001.

математических моделей, призванных объяснять и интерпретировать наиболее общие географические законы³. В дальнейшем, к концу XX – началу XXI в., понятие метагеографии было подвергнуто критике с точки зрения традиционной сциентистской парадигмы, ориентированной на доминирование исследований в духе *case-study*, и практически вытеснено на дискурсивную периферию⁴. Вместе с тем неявные (латентные) метагеографические постановки проблем постоянно присутствуют в современных исследованиях ландшафтных образов, географического воображения, символических ландшафтов, соотношения ландшафтов и памяти⁵.

В рамках философии дискурсивные возможности развития понятия метагеографии были определены в первой половине XX в. работами немецкого философа Мартина Хайдеггера — как в ранней феноменологической версии (книга «Бытие и время», 1927), так и в более поздних экзистенциалистских версиях (ряд эссе 1950–1960-х гг., в том числе «Строить обитать мыслить», «Поэтически обитает человек», «Искусство и пространство», «Вещь» и др.)⁶. Наряду с этим, метагеография базируется и на различного рода феноменологических штудиях пространства и места — здесь к фундаментальным работам можно отнести труды Г. Башляра 1940–1950-х гг.⁷. Развитие семиотики, постструктурализма и постмодернизма способствовало оживлению философского интереса к метагеографическим проблемам в конце 1960-х – 1980-х гг. (работы М. Фуко, Ж. Делеза и Ф. Гваттари, введение в философский дискурс понятий гетеротопии, геофилософии, детерриториализации и ретерриториализации)⁸. Наконец, интенсивные процессы глобализации вкупе с концептуальным «дрейфом» философии к изучению широких междисциплинарных областей знания в конце XX – начале XXI в. обусловили толчок в развитии метафизических исследований земного пространства⁹.

³ Бунге 1967; Гохман, Гуревич, Саушкин 1968; Харвей 1974; Саушкин 1973; Асланикашвили 1974; Николаенко 1982.

⁴ Lewis, Wilgen 1997.

⁵ Tuan 1990a; Soja 1990; Schama 1996.

⁶ Хайдеггер 1997; Хайдеггер 1993; Хайдеггер 2008.

⁷ Башляр 1998; Башляр 1999; Башляр 2000; Башляр 2004: 5–213.

⁸ Делез, Гваттари 2007; Делез, Гваттари 1998; Фуко 2006: 191–205; Замятин 2008а.

⁹ Подорога 1995; Нанси 1999; Слотердаик 2007.

В искусстве собственно метагеографические проблемы начали осмысляться в начале XX века — в литературе (произведения Пруста, Джойса, Андрея Белого, Кафки, Хлебникова, живопись и теоретические манифесты футуристов, кубистов, супрематистов, архитектура Ф.Л. Райта). Это художественное осмысление земного пространства шло параллельно научному перевороту в физике (теория относительности, квантовая теория), развитию географии человека (антропогеографии). Искусство художественного и литературного авангарда (прежде всего, деятельность Кандинского, Малевича, Эль Лисицкого, Клее, Платонова, Леонидова, Введенского, Хармса, чуть позднее — Беккета) рассматривало и воображало пространство как, по сути, экзистенциальную онтологию человека. Вторая волна европейского художественного авангарда (1940–1960-е гг.) фактически воспроизводила те же художественные позиции, не внося ничего радикально нового. В рамках этой традиции важно использование синтетических пространственных опытов китайского и японского искусства (живопись, графика, каллиграфия, поэзия — например, произведения А. Мишо).

К началу XXI в. метагеографические опыты и исследования развивались преимущественно в сфере литературы, философии, искусства; роль научных репрезентаций была незначительной. Для метагеографии в целом характерно смешение и сосуществование различных текстовых традиций: художественных, философских, научных; серьезное значение приобрел литературный жанр эссе, позволяющий наиболее свободно ставить и интерпретировать метагеографические проблемы¹⁰. Быстрое развитие технологий (компьютеры, видео, Интернет) способствует появлению новых метагеографических репрезентаций и интерпретаций (тематика виртуальных пространств, гипертекстов, лишь косвенно связанных с конкретными местами и территориями).

В содержательном плане метагеография занята проблематикой закономерностей и особенностей ментального дистанцирования по отношению к конкретным опытам восприятия и воображения земного пространства. Существенным элементом подобного дистанцирования является анализ экзистенциального опыта пере-

¹⁰ Замятин 2004; Рахматуллин 2002; Рахматуллин 2008; Голованов 2002; Голованов 2008; Балдин 2009.

живания различных ландшафтов и мест — как своего, так и чужого. С точки зрения аксиоматики метагеография предполагает существование ментальных схем, карт и образов «параллельных» пространств, сопутствующих социологически доминирующим в определенную эпоху образам реальности. Развитие и социологическое доминирование массовой культуры ведет также к появлению приземленных паранаучных версий метагеографии (близких подобным версиям сакральной географии), ориентированных на поиск и фиксацию различного рода «мест силы», «таинственных мест» и т.д.

В идеологическом контексте метагеография и конкретные метагеографические опыты могут оказывать влияние на развитие художественных течений, научных и философских направлений, социополитических и социокультурных представлений интеллектуальных сообществ. В концептуальном плане метагеография содержательно взаимодействует с гуманитарной и культурной географией, геопозитикой, географией искусства, геофилософией, сакральной географией, архитектурой, мифогеографией, геокulturологией, различными художественными и литературными практиками.

Евразия как остров-материк

Евразия — материк, чей географический образ требует размещения, соотнесения с другими географическими образами на метауровне, в метагеографическом пространстве. Метагеография Евразии учитывает особенности ее географии — физической, культурной, политической, социально-экономической — однако прямого соответствия здесь нет. Есть определенные автономные особенности и законы метагеографического развития Евразии, тем более что сами термин и понятие Евразии по своей содержательной сути — метагеографические — опирающиеся на мощные геокulturальные традиции воображения Европы и Азии в их давних и древних противопоставлениях, нераздельностях, неслиянностях и взаимозависимостях, но следующие в своей онтологической разработке некоей, безусловно, внутренней идее.

Осознание выходящей за рамки традиционной географии идеи Евразии происходит, как известно, в эпоху позднего европейского / западного модерна — сначала благодаря возникновению и концептуальному развитию геополитики, имеющей очевидные, в

том числе, империалистические и идеологические корни, а затем благодаря пересекающимся и взаимодействующим с ней гуманитарно-идеологическим утопиям с различными национально-консервативными оттенками как научно-идеологического, так и художественно-идеологического планов. Здесь мы не будем подробно касаться историко-генетического пласта данной проблемы¹¹; наша задача — попытаться исследовать в первоначальном приближении некоторые структурные основания метагеографии Евразии — так, как они могут быть выявлены и / или явлены в контексте концепций и теорий локальных цивилизаций. Следует учесть, тем не менее, что мы не придерживаемся каких-либо жестких классификаций и типологий локальных цивилизаций¹², предпочитая использовать более или менее устоявшиеся географические образы нескольких вполне зримых в своем феноменологическом облике цивилизационных целостностей.

Главная метагеографическая идея Евразии — так, как она обнаружилась уже в геополитических штудиях первой половины XX в. — это идея «мирового острова» или острова-материка. С одной стороны, Евразия, наследуя собственно, европоцентристской традиции, мыслилась центральной сушей, ядерным материком Земли, что оправдывалось развитием на ее географической территории большинства крупных и хорошо известных локальных цивилизаций. С другой стороны, период завершения географических открытий, практически покончивший с *terra incognita* на карте Земли, содействовал пониманию относительности географических размеров Евразии на фоне пространственного преобладания океанов (существенно, однако и то, что Евразия уже не могла рассматриваться как фактически единственный, более или менее известный, огромный сухопутный мир, как это происходило в античности, средневековье, да и на стадии раннего модерна; Африка, а позднее Америка еще не могли обладать сколько-нибудь значительным метафизическим «весом» по сравнению с Евразией, спекулятивное воображение которой хотя еще и довольствовалось традиционным бинарным разделением на Европу и Азию, но уве-

¹¹ Цымбурский 2006б; Цымбурский 2006а. См. также: Ларюэль 2004.

¹² См. более подробно об основных современных теориях и концепциях локальных цивилизаций: Сравнительное изучение 1998; Время мира 2001.

ренно развивалось в сторону единых евро-азиатских ментально-мифологических и образно-географических конструкций)¹³. Другими словами, Евразия начинает конструироваться как амбивалентный географический образ, трансцендирующий своё содержание в метагеографической плоскости довольно двусмысленно: гигантский, самый большой материк Земли воображается как остров, остров-материк, некое «двупространство» или «бипространство» в онтологическом смысле; он выглядит как своего рода сама прерывистость пространства, явленная дискретно пульсирующим материковым континуумом.

На метагеографическом уровне пространство Евразии оказывается самоподобным, фрактальным: внутри острова-материка появляются образы отдельных островов, материков, иногда сцепляющихся друг с другом опять-таки в острова-материки; можно говорить здесь о метафизических структурах евразийского пространства, ориентированных на достаточно протяженные в историческом времени цивилизации-образы (например, Китай, Индия, Европа, Россия). Вне всякого сомнения, что такие структуры могут рассматриваться как когнитивный аналог современной физической картины мира, складывавшейся в течение последних 100–200 лет — физическое строение материи, принцип дополненности Нильса Бора и квантово-корпускулярная теория света являются образными, ментальными «лекалами», которые могут служить исходными формами для анализа метагеографии Евразии. Кроме того, конкретная физическая, политическая, социально-экономическая география отдельных районов Евразии может выступать как определенная метагеографическая «подложка», позволяющая в дальнейшем вырабатывать, представлять устойчивые образы-архетипы, участвующие в метагеографической «игре» на мезо- и микроуровне: так, Англия на протяжении XIX – начала XX в. становится благодаря своим имперским достижениям «мировым островом» на микроуровне, неким очевидным метагеографическим фракталом всей Евразии; Индия на протяжении как минимум трех тысячелетий воспринимается как отдельный «материк» — первоначально, конечно, вследствие,

¹³ Это характерно уже для начала эпохи Просвещения в Европе; см., например: Лейбниц 2005; также: Герье 2008.

своих территориальных размеров, сочетающихся с физико-географическими преградами, как бы охраняющими ее, а затем, благодаря огромному этнокультурному и цивилизационному разнообразию, как бы воспроизводящему на мезоуровне подобное разнообразие самой Евразии.

Китай и Россия в метагеографическом смысле могут быть восприняты как острова-материки: их масштабные цивилизационные целостности вообразаются как большие пространства с мощной внутренней социокультурной и политической энергетикой; наряду с этим, обе эти страны-цивилизации периодически выступают как периферийные или пограничные пространства, отделенные от «большого» / остального мира как внутренними центростремительными интенциями, иногда хаотического характера, так и стремлением изолироваться от остального или внешнего мира. Цивилизационное самосознание и Китая, и России во многом можно назвать «центрально-пограничным» — метагеографическая амбивалентность данных цивилизационных целостностей в их диахронии, похоже, хорошо соответствует общей идее Евразии как острова-материка.

Метагеографические водоразделы Евразии

Если попытаться представить себе метагеографическую структуру Евразии исходя из образно-географической дихотомии остров-материк, то мы можем отчетливо увидеть две метагеографические оси, тянущиеся примерно параллельно друг другу с северо-запада на юго-восток (можно сказать и наоборот: с юго-востока на северо-запад, но определенного направления здесь нет). Первая ось — евро-индийская (индоевропейская), начинающаяся на крайнем северо-западе Европы (Британские острова, Нидерланды), идущая далее через Южную Европу и Средиземноморье на Ближний Восток и заканчивающаяся собственно в Индии. Вторая ось — российско-китайская, начинающаяся на Кольском полуострове, продолжающаяся на Русском Севере, проходящая далее через Урал, юг Западной Сибири, частично Казахстан, Алтай, Центральную Азию и заканчивающуюся собственно в Китае. Перефразируя известное выражение Уинстона Черчилля, можно назвать эти две метагеографические оси «мускулами евразийского мира». Другое возможное название — *метагеографические водоразделы Евразии*.

Понятно, что невозможно мыслить подобные оси как некие тонкие прямые линии, точно проведенные и обозначенные на обычной географической карте Евразии. По всей видимости, это осевые пространства, воображаемые «коридоры», задающие образно-географическую энергетику материка¹⁴. Можно мыслить также евразийские «водоразделы» и как своего рода большие геократические пояса, воздействующие на геополитические и геокультурные ритмы Евразии, а, возможно, и всего мира.

Как связаны эти «водоразделы» между собой — если представлять Евразию как единое метагеографическое целое? В первом приближении, обе оси как бы уравнивают запад и восток Евразии в рамках общего географического воображения. В то же время эти метагеографические оси связываются между собой относительно небольшим цивилизационным ядром, тяготеющим к географическому центру Евразии — Ираном, чья несомненная и протяженная во времени цивилизационная устойчивость является, с одной стороны, «крепким орешком» с точки зрения внешних цивилизационных влияний Европы, Индии, Китая, а, с другой стороны, Иран, несомненно, выступает в качестве определенной цивилизационной перемычки, связующей две мощные осевые структуры. На уровне историко-цивилизационного, этнокультурного, языкового генезиса роль Ирана как места цивилизационного транзита очевидна, однако мы хотели бы обратить внимание на другое обстоятельство: Иран не может претендовать в метагеографическом смысле на образ острова, материка или острова-материка — тем не менее, ему можно отвести образное место плато, плоскогорья; это пустынное возвышенное пространство, собирающее и сохраняющее, иногда и порождающее, некоторые наиболее важные для Евразии в целом символы, знаки, архетипы, ментальные паттерны — довольно архаичные и в то же время онтологические¹⁵. Иран, возможно — метагеографическая «кунсткамера» Евразии.

Между тем, Иран может рассматриваться и как определённый цивилизационный барьер или цивилизационное «сито»: в течение

¹⁴ Наиболее очевидный аналог — понятие осевого времени К. Ясперса.

¹⁵ См.: Фрай 1972; Грюнебаум 1988; Корбен 2006; Корбен 2009; Бертельс 1997; Грантовский 1998; Кныш 2004; Наср 2009; Буркхардт 2009; Насыров 2009 и др.

исторического времени он неоднократно выступал в качестве серьезного препятствия на пути мощных кочевых миграций и завоеваний; известная мифологическая оппозиция Ирана и Турана¹⁶ — одно из свидетельств подобного, одновременно и историко-географического, и метагеографического обстоятельства. Наряду с этим, географический образ Ирана может моделироваться, в терминах геоморфологии, как «бараний лоб» — возвышенное место, гора с выпуклой вершиной, на которую трудно забраться. Иначе, говоря, на метагеографической карте Евразии Иран является в образном смысле цивилизационным «тормозом», как бы предохраняющим пространство Евразии от слишком опасных центробежных движений, он — масштабная территория ретардации междоцивилизационного взаимодействия.

Структура и ритмика метагеографии Евразии

Выделенные нами метагеографические оси, или водоразделы, Евразии имеют свою внутреннюю структуру и ритмику. Существенное сходство между ними состоит в очевидных «разломах» — пространствах, находящихся образно-географически примерно посередине между концами этих осей и продуцирующих, инспирирующих, производящих, порождающих постоянные, в пределах исторического времени, сильные геокультурные, геоидеологические и геополитические флуктуации и турбулентности. К таким пространствам или районам можно отнести, несомненно, Ближний и, частично, Средний Восток, включая восточную часть Малой Азии и практически всю Месопотамию (это геократический «разлом» евро-индийской оси)¹⁷, и пространство Центральной Азии, включающее в данном случае Синьцзян и прилегающие к нему Тибет, Западную Монголию, возможно, с включением некоторых современных районов Казахстана, Киргизии и Афганистана (север и северо-восток) — как геократический «разлом» российско-китайской оси. Ведущим признаком для выделения или оконтуривания таких метагеографических разломов может служить наличие геоидеологического синкретизма или сочетания взаимно противоборствующих религиозных и культурных идей, при этом физическая, экономическая и культурная география указанных районов

¹⁶ Бонгард-Левин, Грантовский 1983.

¹⁷ О понятии геократии и спектре его интерпретаций см.: Замятин 2009а.

выступает в качестве яркой образной подложки подобной идеологической борьбы — будь то столкновения религий, сект, кочевого и оседлого образов жизни, геополитических интересов крупных держав и империй¹⁸. Наверное, уместно будет назвать эти разломы, используя метеорологические образы, «глазом бури», концентрирующим всю отрицательную энергетику межцивилизационных взаимодействий в их геокультурном выражении, и взрывающимся периодически геополитическими и военными катаклизмами. Так или иначе, вне очевидных физико-географических, геополитических и геокультурных различий исходных районов, данные метагеографические разломы оказываются мощными регулирующими механизмами описываемых нами евразийских осей.

Если попытаться более детально представить описанные выше метагеографические разломы, или перевести их в другую метафорическую систему, то можно говорить о них как о неких локтевых сгибах, локтевых «косточках», меняющих ориентацию всей метагеографической «руки». Внутри таких локтевых «косточек» можно обратить внимание на наиболее важные точки — это районы Ливана и Палестины на евро-индийской оси¹⁹ и территории Западного Синьцзяна и северо-востока Афганистана²⁰. По всей видимости, малейшее приведение в действие этих метагеографических «косточек»-узлов может иметь следствием существенные трансформации метагеографической карты всей Евразии: по крайней мере, продолжительные межрелигиозные, межкультурные и международные взаимодействия, происходившие и происходящие в данных районах, ведут как бы к растяжению, расширению географического образа Евразии в целом: со второй трети XX в. Евразия уже стала ключевым элементом американоцентричных геопо-

¹⁸ Как в случае Ближнего и Среднего Востока, так и в случае Центральной Азии вполне очевиден масштабный и долговременный характер подобной идеологической борьбы — как религиозной (контroversы геоистории таких религий, как иудаизм, христианство, ислам, манихейство, буддизм — даже не рассматривая собственно «пучок» более древних религий и культов), так и политической — начиная с эпохи эллинизма и заканчивая геополитической ситуаций начала XXI в. См., например: Восточный Туркестан 1992.

¹⁹ См., например: Агтис, Бенбасса 2002; Меламедов, Эпштейн 2008; Переписка 2008 и др.

²⁰ Воскресенский 1995; Дубровская 1998.

литических схем, в то же время ключевые точки метагеографических евразийских разломов оказываются масштабными общемировыми символами и знаками непрекращающейся и постоянно актуализируемой идеологической борьбы (между империализмом и третьим миром, коммунизмом и демократией, исламом и сионизмом, демократией и авторитарными режимами, мировым терроризмом и западными государствами и т.д.).

По сути дела, речь идет о своеобразных метагеографических шарнирах, опосредованно работающих на дистанцирование, геоидеологическое и геочивилизационное отдаление складывающегося образа Евразии как условной метагеографической карты. Геократический характер подобного метагеографического механизма становится ясным благодаря когнитивным стратегиям и дискурсам прямого воображения конкретного пространства как судьбоносного, экзистенциального или даже онтологического. Если религиозные, народные или элитарные утопии домодерных эпох или раннего модерна могли проецировать свои образы в сферы очевидных тогда *terra incognita*, то уже начиная со второй четверти XX в., когда закрытие практически всех «белых пятен» на географической карте мира стало бесспорным фактом, начинается формирование (поначалу, возможно, бессознательное) метагеографических проектов, ориентированных на «параллельные пространства», как бы надстраиваемые над уже достаточно хорошо известными территориями или районами. Тем не менее, в пределах Евразии это метагеографическое проектирование, базирующееся на понятии сопостранственности²¹, использует, прежде всего, географические образы территорий, обладающих мощной мифологической, геокультурной и идеологической аурой. Сюда, безусловно, можно отнести район Ближнего Востока, а по некотором размышлении и территорию Центральной Азии в широком смысле.

Метагеографическое моделирование Евразии: ключевые образы

Попробуем описать в самых общих чертах метагеографическую модель, в рамках которой будут понятны системные трансформации евразийских осей. Воспользуемся, по аналогии, метеорологической моделью переноса воздушных масс, несущих с

²¹ См.: Замятин 2008б.

собой либо тепло и влагу, либо сухость и отсутствие осадков. По всей видимости, специфические системы географических образов, присущих определенной локальной цивилизации, развиваясь, включают в себя новые географические знаки и символы, находящиеся за физико- и политико-географическими пределами этой цивилизации²². Можно назвать такие образно-географические цивилизационные системы «влажными», они создают как бы влажные образно-географические «ветры», дующие в сторону территорий и пространств более сухих, более замкнутых на себя с точки зрения цивилизационного развития и самосознания. Однако только этого недостаточно. Подобные «влажные» образно-географические переносы должны дополняться системами цивилизационно-географических образов другого рода, а именно: «областями низкого давления», обладающими мощными и разветвленными, и в то же время довольно статичными географическими образами, склонными к «застыванию», статуарности, «оледенению». Эти образно-географические системы могут как бы постоянно втягивать в себя какие-либо чужеродные идеологические образования, формируя для них новые когнитивные ячейки в рамках гибких идентификационных механизмов. Создаются своего рода метагеографические «насосы», удовлетворяющие потребности образно-географических систем как одного типа, так и другого. Естественно, что описанные нами выше метагеографические оси Евразии работают именно как «насосы»; их непрерывное функционирование — это циркуляция специфических географических образов, постоянный образно-географический взаимообмен, порождающий те самые «параллельные пространства», необходимые для полноценного развития любой локальной цивилизации на определенном уровне ее развития. Существенно, тем не менее, заметить, что конкретные локальные цивилизации могут в течение сравнительно протяженного исторического времени как бы подбирать себе подходящего метагеографического партнера, «нащупывая» свою метагеографическую ось.

Мы можем мыслить метагеографические оси Евразии как условно прямые «водораздельные пространства», в пределах которых происходит образно-географический взаимообмен. Ранее, од-

²² Замятин 2009б.

нако, мы уже говорили, что выделяемые евразийские оси имеют своего рода метагеографические «шарниры», обуславливающие их некоторую непрямоту, изгиб, кривизну. Такая кривизна объясняется не только наличием обнаруженных нами очевидных метагеографических разломов в условных центрах самих осей, но и отклонениями концов осей — локальных цивилизаций, тяготеющих время от времени к образно-географическим циркуляциям не только вдоль собственных осей, а также в «перпендикулярной плоскости» — к цивилизационным образно-географическим системам соседних осей. Тогда в самом общем приближении метагеографическая карта Евразии в ее динамике выглядит так: в качестве статичных «втягивающих» образно-географических систем можно выделить индийскую и китайскую цивилизации, соответственно, европейская и российская цивилизации выступают в качестве «областей высокого давления», активно иррадирующих специфические географические образы в сторону своих прямых цивилизационных партнеров. В то же время эта первоначальная простая картина осложняется двумя обстоятельствами: метагеографическими разломами, возмущающими и искажающими столь прямой образно-географический взаимообмен, а также наличием периодических, или циклических, метагеографических связей между европейской и российской цивилизациями, с одной стороны, и между индийской и китайской цивилизациями, с другой. Тут следует заметить, что в обоих случаях образно-географические системы евро-индийской оси являются «областями высокого давления» по отношению к таким системам российско-китайской оси: европейская цивилизация в течение длительного исторического времени активно «излучала» свои образы в сторону российской, способствуя формированию ее идентичности²³; примерно то же, хотя, возможно, и в меньшей степени, осуществляла индийская цивилизация по отношению к китайской²⁴. Иначе говоря, концы евро-индийской метагеографической оси приближались к концам российско-китайской оси, происходило и ответное образно-географическое движение; в результате сами оси можно было бы

²³ Зимин 2000; Кантор 2001.

²⁴ Гране 2008; Гране 2004; Фитцджеральд 1998; Васильев 1983; Хуэй-цзяо 1991; Хуэй-цзяо 2005; Письмена 2000; Александрова 2008 и др.

изобразить как два симметрично расположенных по отношению друг к другу «лука». Тем не менее, если вернуться к фундаментальной идее расширения образа Евразии посредством формирования ее метагеографической карты, не эти изгибы являются главными — они, безусловно, способствовали оформлению самих цивилизационных образно-географических систем (и продолжают способствовать), однако основной, базовый источник образно-географического расширения Евразии — это идеологические циркуляции в рамках самих метагеографических осей.

Геоника метагеографических осей Евразии

В целях более точного описания и структурной характеристики метагеографической карты Евразии можно использовать ранее введенное нами понятие геоники²⁵. По сути дела, метагеографические оси Евразии формируются как, по преимуществу, области наиболее потенциально мощных географических образов, выступающих как пространственные трансакции в ходе цивилизационных взаимодействий. Речь по-прежнему идет о тех самых «параллельных пространствах», без которых развитие любой локальной цивилизации — по крайней мере, в Евразии — не может рассматриваться как полноценное. Локальная цивилизация, взятая в ее обобщенном виде, функционирует во многом благодаря «забрасыванию» своего рода «пространственных удочек» вовне — не столько ради открытия соседних цивилизаций и новых территорий (хотя это сам по себе важный фактор развития), сколько ради нахождения оптимальных для нее образно-географических дистанций (для этого и нужны межцивилизационные контакты), благодаря определению которых сама она становится аутентичным и автономным географическим образом, или метагеографической целостностью. Геоника метагеографических осей Евразии связана, прежде всего, с долговременным, растянувшимся на тысячелетия, процессом формирования пространственных трансакций европейской цивилизации в широком смысле, начиная с завоеваний Александра Македонского и эпохи античности и заканчивая, весьма условно, примерно первой половиной XIX в., когда британское завоевание Индии вкупе с интенсивными исследованиями санскрита, индийской цивилизации, введением понятия индуизма,

²⁵ Замятин 2007.

развитием индоевропейских лингвистических теорий привели к формированию вполне законченного географического образа Европы — не просто в рамках ранее сформировавшейся традиции противопоставления Запада и Востока (хотя эта европейская традиция и получила тем самым новый толчок к своему развитию²⁶), но четко структурированного и «центрированного» образами и идеологиями индийской цивилизации. Нет сомнения в том, что и индийская цивилизация, во многом благодаря колониальному и постколониальному периодам, начала обретать свой аутентичный географический образ, хотя он, по-видимому, сложился еще не до конца. Внешние заимствования институций, научных знаний и технологий, культурных установок европейского происхождения сформировали, очевидно, как бы «корочку», оболочку данного образа, но по-прежнему главной проблемой развития индийской цивилизации остается более точное определение образно-географической дистанции по отношению к европейской цивилизации (шире, западной цивилизации)²⁷.

В случае геонимики российско-китайской метагеографической оси приходится говорить о несколько другой образно-географической динамике — как в силу разной исторической протяженности этих цивилизаций и различий в обстоятельствах их генезиса, так и благодаря тому, что взаимодействие этих локальных цивилизаций было гораздо менее тесным и менее длительным. Следует отметить, что обретение аутентичного географического образа российской цивилизации связано во многом связано с политическими и экономическими стремлениями российского государства завязать контакты со Срединной империей на протяжении XVII–XIX веков²⁸. Несмотря на то, что эти межцивилизационные контакты оставались довольно слабыми вплоть до 1940–1950-х гг., их значение для России трудно переоценить: китайская цивилизация и китайская культура, будучи в какой-то исторический момент своего рода «сфинксом» для российской (это очень заметно в ретроспективе для XVII–XVIII вв.), тем не менее, стала мощным об-

²⁶ Саид 2006.

²⁷ В этой связи крайне симптоматичным является название известного труда Джавахарлала Неру — «Открытие Индии»: Неру 1989.

²⁸ Воскресенский 1995; Воскресенский 1999; Белов 1998 и др.

разно-географическим катализатором, «оправдав» усилия российской цивилизации по формированию образа Китая²⁹. Этот процесс, по-видимому, продолжается и сейчас, хотя главный рывок в этих контактах был обусловлен тесным политическим сближением середины XX века: именно тогда произошло своего рода ментальное «замыкание» двух цивилизаций друг на друга, благодаря чему стало возможным говорить о российско-китайской метагеографической оси. Естественно, что последующие политические события, начало эпохи глобализации, быстрое экономическое развитие Китая в конце XX – начале XXI в. как бы затемняют значение этой метагеографической оси для становления образа Евразии в мировом контексте³⁰ — тем не менее, китайская цивилизация еще продолжает формировать свой современный аутентичный географический образ посредством наращивания ответных пространственных трансакций по отношению к России.

Заметим, что базовая геоника метагеографических осей Евразии дополняется довольно существенными геонимическими конструкциями не столь очевидного характера: это, прежде всего, запасные или «тыловые» пространственные трансакции, способствующие сближению главных «водоразделов» материка и, что, пожалуй, еще более важно, геонимические мультипликации за пределы территории самой Евразии. Попробуем описать их в самом первом приближении.

К запасным или «тыловым» пространственным трансакциям в рамках формирования метагеографических осей Евразии можно отнести достаточно устойчивые ментальные процессы формирования географических образов на концах самих осей — Северной Европы и Индокитая. Если рассматривать эти образы как автономные, то, конечно, придется учитывать множество сложных привходящих обстоятельств и факторов (например, период колониального развития Индокитая и, соответственно влияние европейских цивилизационных установок³¹). Мы, однако, склонны в данном случае дистанцироваться от подобного рассмотрения, и обратить внимание на

²⁹ Мясников 1995.

³⁰ См. также: Шилов 2009.

³¹ См., например, довольно яркую историю открытия и восприятия европейцами знаменитого Ангкора в Камбодже: Дажен 2003.

чисто медиативный содержательный характер ядер данных географических образов. На наш взгляд, географический образ Северной Европы, включающей здесь территориально и Скандинавию, и Прибалтику, и Европейский Север России, с одной стороны, формировался как амбивалентный образ некоей архаической традиции, обоюдно важной и для европейской, и для российской цивилизаций³², а, с другой стороны, его динамика практически всегда была связана с очередными активизациями межцивилизационных контактов Европы и России; Европа и Россия, как бы на всякий случай, «про запас», осуществляли здесь дополнительные пространственные трансакции (будь то религиозное миссионерство, войны и завоевательные походы или мирное экономическое освоение). Примерно то же можно сказать и о географическом образе Индокитая, чья территория с древности испытывала мощные цивилизационные влияния и Индии и Китая. Интересно отметить, что и в Северной Европе, и в Индокитае сложились самобытные архитектурные традиции, имеющие зачастую генезис в соседних регионах, однако приобретшие целостность и завершенность именно в обширных межцивилизационных пространствах маргинального характера³³.

К важнейшим геонимическим мультипликациям, выходящим за пределы Евразии, можно, в первую очередь, отнести поиски морского пути из Европы в Индии и, как следствие, береговые исследования Африки, а затем открытие, завоевание, колонизацию и исследование Америки. Мы здесь рассматриваем эти события в метагеографическом ключе: иначе говоря, значительная часть Африки, а также вся Америка оказались фактически «образным приложением», энергетически насыщавшим и поддерживавшим базовые структуры евро-индийской метагеографической оси, а впоследствии, косвенно — и структуры российско-китайской оси (в основном, начиная уже с XVII–XVIII вв.). По сути дела, практически все основные метагеографические структуры земной поверхности можно назвать «евразийскими» уже только по их ментальному генезису. Однако важен и другой аспект: географические

³² Более широкий взгляд на цивилизационное развитие Палеоарктики и циркумполярной Евразии см.: Головнёв 2009.

³³ Фремpton 1990: 283–300; Рыбакова 2007.

образы, формировавшие «материнский субстрат» метагеографических осей Евразии, оказываются внешне экстенсивными мощными пространственными транзакциями, обеспечивающими широкий «веер» когнитивно-географических контекстов, благодаря которым возникали как серьезные проблемные поля теологического и эсхатологического характера (например, считать ли индейцев людьми с точки зрения католической религии?³⁴), так и собственно историко-географического и гуманитарно-научного характера (разработка нового методологического и теоретического инструментария для описания и идентификации «нового мира» на фоне постоянной ментальной опасности использования весьма несовершенных аналогий и сходств — так до сих пор государства ацтеков, майя и инков воспринимаются в контексте евразийской «истории древнего Востока», а типологический инструментарий западных гуманитарных знаний оказывается чересчур уж универсалистским в применении к автохтонным проблематикам регионального развития в Азии, Африке и Латинской Америке³⁵).

Нетрудно заметить, что подобные попытки геонимической мультипликации имели место и в пределах еще почти не оформленной российско-китайской метагеографической оси в течение

³⁴ Шмитт 2008: 98–141; Кеймен 2007: 519–523.

³⁵ В художественной форме это хорошо показал известный кубинский писатель Алеко Карпентьер в своем романе «Царство Земное», когда Христофор Колумб пытается найти слова для описания нового мира: «Надобно было описать новую эту землю. Но, приступив к этому, я оказался охвачен растерянностью человека, вынужденного именовать вещи, совершенно отличные от всех известных, — вещи, какие должны иметь имя, ибо ничто безымянное не может быть представлено людьми, но имена эти были мною неизвестны, и нем был я новым Адамом, избранным своим Создателем, чтобы давать имена вещам. Я мог бы выдумать слова, конечно; но слово само *не показывает вещь*, если вещь эта неизвестна была заранее» и т.д. (Карпентьер 2000: 221). Прибыв в Испанию, на приеме у королевских особ Колумб вынужден подобрать образные эквиваленты для описания, как он полагал, Индии — естественно, эти образы — европейского происхождения: «Медленно приступил я к рассказу о превращениях нашего путешествия, о прибытии в Индию, о встрече с их обитателями. Я припомнил, чтобы описать новые области, наиболее прославленные красоты областей Испании, прелесть — я знаю почему — полей Кордовы, хоть я, конечно, переборщил, когда уподобил горы Испаньолы высотам вулкана Тейде на Канарских островах» (Там же. С. 239–240). См. также: Три каравеллы 1991.

XV–XVIII вв.: в XV в. китайские флотилии выходят в Индийский океан, к Африке³⁶, в XVII–XVIII вв. российские землепроходцы и мореплаватели достигают Тихого океана, открывают Берингов пролив и Аляску, начав ее освоение. Тем не менее, эти попытки с метагеографической точки зрения оказались неудачными, и причину здесь следует искать не в том, что Китай внезапно остановил свою морскую экспансию и «закрылся» в континентальных границах, а у России просто не хватило сил на освоение Северной Америки. На наш взгляд, в метагеографическом измерении еще не существовала, «не работала» сама ось Россия — Китай, устойчивый образ которой формируется значительно позже, и — соответственно — не работали системообразующие смысловые структуры, нацеленные на установление прочных межцивилизационных и ментальных контактов на протяжении от Северной Европы до крайней Юго-Восточной Азии, а, следовательно, и на поиски обходных путей для формирования подобных контактов. Так или иначе, Китай и Россия остались по преимуществу мощными континентальными государствами-цивилизациями с внешне схожими геополитическими паттернами, однако с принципиально различными цивилизационными основаниями и, что еще важнее, с принципиально дополняющими друг друга метагеографическими архетипами, которые мы попытаемся проанализировать далее. В любом случае, восточно-евразийскую метагеографическую ось можно назвать «интровертной», нацеленной на, по преимуществу, интенсивное «вертикальное» ментальное взаимодействие её базовых цивилизаций — условно говоря, по линии «земля — небо»; тогда как западно-евразийскую метагеографическую ось следует считать, видимо, «экстравертной», нацеленной на экстенсивное, постоянно расширяющееся «горизонтальное», по настоящему «империалистическое» ментальное взаимодействие — по линии «вода — суша» («море — континент»). Между тем, естественно, не стоит абсолютизировать эти первоначальные определения, ибо любая могущая быть развитой и подробно описанной метагеография предполагает сочетание как условно горизонтального, так и условно вертикального, планов; речь здесь может идти лишь о доминировании того или иного ментального плана.

³⁶ Духовная культура 2009: 243–246.

Основания содержательного анализа российско-китайской метагеографической оси

Попробуем теперь сосредоточиться на содержательных метагеографических основаниях, формирующих российско-китайскую ось, интересующую нас в первую очередь. Тем не менее, проблематика взаимодействия обеих метагеографических осей будет «всплывать» по ходу нашего анализа постоянно, а косвенно нам придется затронуть и ряд важных моментов, определяющих закономерности формирования и развития евро-индийской оси. Существенно важно заметить сразу, что юго-восточные элементы обеих осей несут в себе гораздо более древние целостные цивилизационные образы (индийская и китайская цивилизации соответственно)³⁷; с другой стороны, северо-западные элементы выделяемых осей кажутся с внешней ретроспективной точки зрения более цивилизационно активными и динамичными (отсюда и естественное желание ставить на первое место в названии более динамичные в долговременной ретроспективе цивилизационные регионы и воображать далее исходные образно-географические импульсы по осям именно с северо-запада на юго-восток). Понятно, что эти исходные представления могут влиять на метагеографический анализ, однако, фундаментальные структуры подобного анализа являются всё же автономными.

Анализ российско-китайской метагеографической оси осложняется двумя когнитивными обстоятельствами. Во-первых, слишком значителен перепад или градиент историко-культурной или цивилизационной протяженности, не связанный прямо со значительными различиями в историческом времени генезиса самих цивилизаций — китайской и российской (примерно три тысячи лет — у китайской, и тысяча — у российской). Во-вторых, мы имеем дело с государствами-цивилизациями, обладающими в историко-географическом плане «встречными» геополитическими паттернами — Россия и Китай фактически «сталкиваются» в Центральной и Восточной Азии, уже начиная с XVII в., и вынуждены формировать одну из самых протяженных в мире сухопутных межгосударственных границ (историко-географические и геополитические).

³⁷ Древо индуизма 1999; Семенцов 1981; Семенцов 1985; Елизаренкова 1999; Гране 2008; Гране 2004; Васильев 1989; Малявин 2003 и др.

тические факторы формирования этих границ сильно «затемняют» собственно метагеографическую проблематику³⁸). Постараемся, тем не менее, абстрагироваться, по мере возможности, от обнаруженных обстоятельств, и обратить главное внимание на становление взаимодополняющих метагеографических архетипов России и Китая.

Место Земли и Неба: метагеографические архетипы китайской и российской цивилизаций

Как уже отмечалось ранее, китайская и российская цивилизации принадлежат в метагеографическом плане к так называемым «вертикальным» цивилизациям, в которых представления «земля — небо» играют господствующую роль. В рамках таких представлений пространственность, чей специфический онтологический статус важен для формирования любой цивилизации, оказывается в значительной степени деформированной, «смазанной», недовыявленной — с точки зрения классических западных репрезентаций пространственности, имеющей, несомненно, экстенсивный когнитивный генезис. Здесь, однако, нужно подчеркнуть кардинальные различия между китайскими и российскими архетипами. На наш взгляд, если оперировать традиционной ментальной оппозицией место — пространство³⁹, в китайской картине мира превалируют представления о строгой иерархии различных мест — прежде всего по отношению к Небу и Земле⁴⁰. Не затрагивая древней и довольно слабо выраженной китайской мифологии, а также общих для Китая в целом парарелигиозных установок, можно сказать, что китайское сознание работает только с конкретными телесными схемами пространства⁴¹, которые в этом случае могут быть исключительно местами. Если же, тем не менее, осуществляется некая ментальная «возгонка», гипостазирование подобных телесных схем мест, то весьма неожиданно, но, очевидно, закономерно, возникают исторически очень конкретные и в цивилизационном плане очень яркие пространственные феномены, как

³⁸ Дьякова, Чепелкин 1995; Галенович 2001; Киреев 2006; Ивасита 2006; Границы Китая 2001; Барфилд 2009.

³⁹ Relph 1976; Tuan 1977; Tuan 1974: 211–252; Tuan 1990b.

⁴⁰ Крюков 1988.

⁴¹ Аошун 2004.

бы замещающие собственно отсутствующую онтологию самой пространственности. Мы можем отнести к таким пространственным феноменам, имеющим масштабное метагеографическое значение, китайскую каллиграфию и, в несколько меньшей степени, китайскую пейзажную живопись⁴².

На наш взгляд, китайская каллиграфия обладает мощной пространственной энергетикой, формирующей базис китайской метагеографии. Будучи пространственным искусством по преимуществу, совмещаемым часто с живописью и поэзией, она для внешнего наблюдателя представляет собой очевидную уникальную онтологию пространственности. В рамках этой «каллиграфической» онтологии устойчиво воспроизводится и поддерживается не только всегда конкретная коммуникация, связь между Небом и Землёй, но бесконечно творится на метауровне сам опыт воображения пространственности⁴³. По сути дела, онтология здесь, в отличие от «греческо-хайдеггеровского» понимания, как бы перевёрнута — она «начинается» на Небе и Небом, преображаясь и трансформируясь Землёй. В этой связи совершенно естественным и органичным образом воспринимаются каллиграфические произведения на скалах, в горах, как бы описывающие пейзаж собственным пейзажем — ландшафт в данном случае выступает как средство своей собственной аутентичной референции.

В отличие от китайской цивилизации, российская цивилизация по традиционным историческим меркам сравнительно поздно и внешне весьма резко «нащупала», открыла свой чётко выраженный метагеографический архетип, опять-таки «работающий» в онтологической плоскости на связь Земли и Неба. Если вновь обратиться к ментальной оппозиции место — пространство, то применительно к российской картине мира можно вполне уверенно говорить об очевидной «безместности», доминировании самодовлеющих и всё подавляющих географических образов безмерно, бесконечного, засасывающего, ужасающего пространства, не

⁴² В известной мере, это пересекающиеся, взаимодополняющиеся и сочетающиеся феномены, см.: Завадская 1975; Соколов-Ремизов 1985; Роули 1989; Китайское искусство 2004; Белозерова 2007; тем не менее, роль каллиграфии в становлении китайского метагеографического архетипа нам представляется определяющей.

⁴³ См. также: Yuehping 2005.

оставляющего места практически любому, даже очень хорошо оформленному «телу», будь то действительный психофизиологический опыт конкретной человеческой личности, или же опыт интеллектуально-художественного творения. В подобной когнитивной ситуации любой визуально маркируемый ландшафт может выступать как отчуждающий сам себя референт, благодаря или вопреки чему может происходить растворение, уничтожение, «растаскивание» фактически любого «тела в его психофизиологической и интеллектуальной целостности»⁴⁴. «Взрывное», почти моментальное с точки зрения «исторического времени» гипостазирование этого онтологического дискурса привело в 1910–1930-х гг. к рождению российского художественного авангарда, чьей метагеографической вершиной, по-видимому, можно считать супрематизм Казимира Малевича и его последователей⁴⁵. Не концентрируясь сейчас на специфике пространственных опытов отдельных выдающихся представителей русского авангарда (включая также и литературные опыты Велимира Хлебникова, Андрея Платонова, Александра Введенского и Даниила Хармса), можно сказать, что процессы ментального «обезмешивания» и поиска некоей метали или сверх-пространственности парадоксальным образом привели к тому самому «выходу в белое», который можно считать явным аналогом «белого фона», играющего решающую роль в совершенных опытах китайской каллиграфии⁴⁶. Онтологические и метагео-

⁴⁴ Пространства России 1994.

⁴⁵ Татлин 1994; Малевич 1995-2005; Валяева 2003; Хан-Магомедов 2007; Замятин 2003 и др.

⁴⁶ Ср. слова современного российского художника Франсиско Инфанте, высказанные в контексте его художественной концепции артефакта: «Малевич наделял знаком непостижимой бесконечности тотальный фон своих супрематических полотен. «Белый ужас жёлтого китайского дракона» – как он выражался. В «артефактах» же знак бесконечного... несет природа. Малевич, изображая «Белое», ориентировал сознание на отсутствие заднего плана, на провал в метафизическую бесконечность белого. В природе тоже нет заднего плана, потому что в том представленном виде, который участвует в системе «артефакта» и означает для нас: небо, лес, воду, траву и т.д., её пространство глобально обтекает Земной шар, не натываясь ни на какие преграды. А связь с метафизикой выражена и через другое, например, через обязательное центральное расположение артефакта» (Инфанте 1989: 218). Следует отметить также, что художественный поиск нового пространства в соотношении с ме-

графические достижения русского авангарда — даже несмотря на то, что эти достижения до сих пор не освоены и усвоены российской цивилизацией до конца — стали именно той «точкой схода», в которой можно говорить об очевидном становлении и оформлении российско-китайской метагеографической оси. Небо в наиболее ярких творениях русского авангарда оказывается также перевёрнутым, «поменявшимся местами» с Землёй, хотя условия этого ментально-энергетического обмена принципиально иные, нежели в китайской каллиграфии: китайский каллиграф, художник, поэт лишь приобщается к Небу посредством своих творческих опытов, сосредотачивая небесную энергию в конкретных, точно обозна-

стом в русской культуре был продолжен уже в последней четверти XX — начале XXI в.: тем же Инфантэ, поэтом Вс. Некрасовым, Московской школой концептуалистов (группа «Коллективные действия», которая, кстати, активно разрабатывала проблематику образа Китая в своих художественных действиях-акциях, введя также термин «Шизокитай»), художником Дм. Гуттовым; отдельно стоящим поэтом и саунд-артистом П. Жагуном, основавшим музыкально-поэтический фестиваль «Поэтроника». Характерно также, что этот поиск непосредственно выходил на проблематику каллиграфии, в ее образном или метафорическом воображении, см.: Снежный меридиан 2009; Поездки за город 1998; Словарь 1999; Монастырский 2009а; Монастырский 2009б; Гуттов 2009; Жагун 2009. Если же обратиться к опыту русской литературы, развивавшейся параллельно художественному авангарду 1910–1920-х гг., то весьма интересным оказывается факт использования китайской «темы», причем не только на формальном уровне, но и на уровне подсознательного образно-архетипического ряда, не связанного прямо с излюбленной русскими символистами темой «желтой опасности», популярной в конце XIX — начале XX в.: см., например, книгу Андрея Белого «Крещёный китаец», тему Китая в воспоминаниях А. Ремизова «Подстриженными глазами» (сопутствующую, кстати, теме каллиграфии, которой столь увлекался писатель), наконец, очерк М. Цветаевой «Китаец». Симптоматично в этой связи окончание воспоминаний литературного деятеля русского зарубежья А. Бахраха об Андрее Белом: «О его смерти — одиннадцать лет спустя — я узнал из газет. Но еще и теперь на моей книжной полке остался ряд его книг с нежными посвящениями. Одной из них я особенно дорожу, хотя знаю, что, вероятно, не менее трогательные надписи он делал куче других людей. Что из того? Мне дорог его сборник «После разлуки», на котором значится: «Дорогому Александру Васильевичу Бахраху с искренней любовью. Андрей Белый. Берлин. 1922 года. Ноября 8-го». Это посвящение очень причудливо разбросано по заглавному листу, а часть его написан столбиком наподобие китайской грамоты» (Бахрах 2006: 257–258).

ченных и выверенных местах — тогда как русский авангардный художник, писатель, архитектор, скульптор, творя собственное произведение, всякий раз пытается оказаться «по ту сторону пространства», где энергетика Неба растворяется тотальной безместностью Земли⁴⁷.

**Пространственность места и место пространственности:
метагеографические дискурсивные схемы
китайской и российской цивилизаций**

Между тем, продолжая тему метагеографической взаимодополнительности Китая и России, следует вычленить слой интеллектуально-операциональной деятельности — как теоретической, так и практической — отвечающей, в отличие от слоя искусства, за некоторые общие дискурсивные метагеографические схемы, обеспечивающие «рамочные» когнитивные условия становления каких-либо метагеографических структур и / или образов. Обе цивилизации опять-таки совершенно по-разному формировали подобные схемы, что, однако, не мешает воспринимать их как взаимодополняющие, в контексте доминирующего и для Китая, и для России «вертикального» типа метагеографических построений.

Как ни странно, общим культурным основанием для формирования таких метагеографических схем выступает отношение к мёртвым. Сама эта проблема, связанная с определением мест и форм захоронений, их ориентации и размещения, отношением к могилам и кладбищам в мифологической и религиозной плоскостях, не является не обычной практически для любой цивилизации⁴⁸. Здесь важно подчеркнуть, что и в Китае, и в России выделенная проблема была осмыслена в нашем понимании именно как метагеографическая, оказавшись фактически ключевой в формировании уникальных, специфических метагеографий.

⁴⁷ Ср.: Лукьянов 2005: 6–49. Особенно в этой публикации важен последний раздел «Дао и Росс — архетипы китайской и русской культур», (с. 38–45), косвенно выходящий на нашу проблематику. Тем не менее, позиция, высказываемая А.Е. Лукьяновым, кажется нам чересчур прямолинейной и «утопающей» в несколько надуманном мифопоэтическом сходстве китайской и русской культур.

⁴⁸ Подосинов 1999; Представления 2002.

Китайское учение фэн-шуй, теперь широко известное на Западе и в России и сильно приземлённое, вульгаризированное во множестве массовых изданий⁴⁹, на наш взгляд, определяет метагеографическую уникальность китайской цивилизации на уровне интеллектуально-операциональной деятельности. Как бы ни относиться к системе многочисленных и весьма трудоёмких предписаний, преследующих одной из главных целей правильное с точки зрения Неба захоронение своих покойников, следует отметить одно важное обстоятельство: китайская метафизика, коль скоро она возможна как ментальный феномен, обретает здесь фактически тотальный *местный* характер, причём правильно / идеально найденное место оказывается напрямую связанным с Небом. Осуществление тотальной *местовости* как благоприятной проекции самого Неба на Землю означает в бесконечной временной перспективе онтологическую «гарантированность» вертикального ментально-энергетического обмена; пространственность в данном случае есть не-бытие, если трактовать подобную интерпретацию фэн-шуй в терминах западной метафизики. Хотя фэн-шуй может рассматриваться и как куда более прозаичная прикладная экзотерическая система, обеспечивающая правильное размещение дома, мебели и предметов интерьера, объектов в ландшафтном дизайне и т.д. (что, собственно, и подготовило его успех в западной массовой культуре), на наш взгляд, его цивилизационные основания создают конкретный метагеографический контекст, «работающий» на потенциальное взаимодействие именно с «вертикальными» цивилизациями.

В рамках российской цивилизации оригинальная метагеографическая дискурсивная схема на уровне интеллектуально-операциональной деятельности появилась опять-таки, подобно рождению русского художественно-литературного авангарда, «внезапно», хотя можно говорить о её мощных религиозно-мифологических основаниях. Мы имеем в виду знаменитое и хорошее теперь известное учение Николая Федорова о воскрешении отцов⁵⁰. Хотя это учение было разработано в жёсткой полемике с западным христианст-

⁴⁹ Классический фэншуй 2003; Духовная культура 2009: 266–276 (там же — основная библиография по данному вопросу).

⁵⁰ Федоров 1982; Федоров 2006.

вом в упоре на дальнейшее возможное идеологическое развитие православия, необходимо отметить, что идея воскрешения отцов вышла, наш взгляд, далеко за пределы любого ортодоксального христианства и приобрела фактически универсальный метафизический характер. В терминах метагеографии «воскрешение отцов» означает практическое достижение тотальной пространственности — Земля должна «колонизовать» Небо, в том числе жители Земли должны и буквально начать осваивать космос и ближайшие к Земле планеты. Русский космизм, начатый работами Федорова, продолженный трудами Циолковского, сциентистски обоснованный исследованиями В.И. Вернадского и художественно развёрнутый в произведениях Андрея Платонова (мы не упоминаем здесь всех русских мыслителей, так или иначе имеющих отношение к данной проблематике, ограничиваясь наиболее существенными именами), создал свою онтологическую версию пространственности, весьма отличающуюся от её западной «горизонтальной» интерпретации⁵¹. Метагеографическая суть подобной пространственности заключается в метафизическом «обезместивании» Земли — Земля «расчищается» от любых мест, и это «голое» пространство становится идеальной стартовой площадкой для освоения Неба, превращения его в «абсолютное место» бессмертия.

В сущности, борьба со смертью оказывается очевидным идеологическим фундаментом и в случае фэн-шуй, и в случае русского космизма — причём ответы, данные этими учениями, оказываются различными метафизически, сходными в онтологической плоскости (тотальная местовость может быть приравнена к тотальной пространственности) и взаимодополняющими в метагеографическом плане. Место пространственности (русский космизм) оборачивается — так или иначе — пространственностью самого места (фэн-шуй); бессмертие (действительное или мнимое, в том числе и как непрерывное последовательное наследование мертвым в поисках их благодарности) становится прямой функцией опространствления сакрально-мифологической вертикали Земля — Небо. Здесь можно, конечно, вспомнить об уже упоминавшихся религиозно-мифологических корнях обоих учений (в случае фэн-шуй — это, несомненно, даосизм и его представления о достиже-

⁵¹ Семенова 2004; Башкова 2007; Лавренова 2007.

нии отдельными мудрецами бессмертия, буквального их ухода или исчезновения; в случае космизма — ранние христианские, еще во многом синкретические представления о достижении неба, буквальное построение небесной «лестницы» — достаточно вспомнить хотя бы Иоанна Лествичника), однако для нас в этой метагеографической взаимодополнительности схем опространствления важен акцент на утверждение цивилизационной самодостаточности, автономии с помощью метагеографических образов — ментальных конструкций, призванных закрепить «онтологическую свободу» цивилизационного географического положения, конкретной физической географии определённой цивилизации.

**Бодхидхарма и София:
способы метагеографического трансцендирования
в китайской и российской цивилизациях**

Устойчивость, «надёжность» метагеографии цивилизации зависит не только от нахождения своего метагеографического архетипа и специфической метагеографической схемы в слое интеллектуально-операциональной деятельности, но и от своевременной ментальной локализации уникальных способов / дискурсов метагеографического трансцендирования либо гипостазирования — иначе говоря, «технологий» перехода в метагеографические пространства, которые могут не осознаваться таковыми, однако обеспечивать своей «тёмной материей» прочность всего метагеографического каркаса цивилизации. И Китай, и Россия, по-видимому, сумели найти подобные метагеографические технологии, хотя они, естественно, никогда так не назывались. Ниже мы попытаемся вернуть и обосновать нашу точку зрения.

Мы можем предположить в качестве первоначальной аксиомы, что уникальные способы метагеографического трансцендирования могут возникать как пограничные ментальные гибриды, как своего рода «ментальные амальгамы» в результате религиозно-идеологического дрейфа (дрейфа религиозных идей) от одной цивилизации к другой. Можно сказать, что «адресат» подобной «посылки» представляет собой еще достаточно динамичную, не статичную в религиозно-идеологическом отношении цивилизацию, тогда как «адресант», источник этого дрейфа является чаще всего статичной, «застывающей» или, в крайнем случае, испытывающей мощные турбулентные преобразования цивилизацией. Наконец,

следует отметить, что цивилизация-получатель должна иметь подготовленные ментальные «приёмники», или акцепторы, способные принять и далее как-то трансформировать полученный религиозно-идеологический «сигнал» в духе общей теории информации. Итак, мы предполагаем также, что для китайской цивилизации таким религиозно-идеологическим «сигналом» стало распространение буддизма и буддийских идей непосредственно из Индии и опосредованно — из Центральной Азии; для российской цивилизации, в свою очередь, таким «сигналом» было принятие православия из Византии с особым идеологическим акцентом — культом святой Софии. Здесь сразу стоит подчеркнуть, что цивилизации восточно-евразийской метагеографической оси оказались в трансцендентном плане во многом обязаны исходным религиозно-идеологическим импульсам западно-евразийской (евроиндийской) оси.

Начнём с китайского буддизма. Как известно, наиболее оригинальной версией китайского буддизма был признан чань-буддизм, который сформировался в более или менее устойчивую систему религиозно-идеологических взглядов в течение VI–XIII вв.⁵². Характерно, что чань-буддизм впитал в себя многие ментальные особенности местных религиозно-философских систем и практик — прежде всего даосизма, в некоторой степени и конфуцианства. Так или иначе, чань-буддизм оказался не просто местной, специфической локальной версией буддизма как такового, но вполне самостоятельной религиозно-идеологической системой гибридного характера, способной к дальнейшей экспансии (неслучаен его успех и быстрое распространение, прежде всего, в Корее и в Японии, а уже в XX в. — на Западе). Мы не предполагаем рассматривать здесь подробно содержательные особенности чань-буддизма; отметим только, что в метагеографическом отношении чань-буддизм можно интерпретировать как локальную систему эффективных ментальных технологий, обеспечивающих устойчивые процедуры трансцендирования в рамках китайской цивилизации и зависимых от нее локально-цивилизационных образований. Если же попытаться определить онтологическую спе-

⁵² Малявин 1988: 256–274; Кабанов 1988: 236–256; Абаев 1989; Письмена 2000; Избранные сутры 2007 и др.

цифику подобных технологий, то можно сказать: чань-буддизм как религиозно-идеологическая практика гипостазирует мощный образ места-как-дома-бытия, бытие предстаёт в нём как дом любого места — говоря по-другому, любое место может стать для человека потенциально экзистенциальным, осознание этого образа становится для чань-буддизма как метагеографического феномена основополагающим⁵³. Тотальная местовость фэн-шуя как метагеографическая схема уравнивается свободной, «разреженной» ненавязчивой небесной бытийностью земного места, практикуемой чань-буддизмом.

Для российской цивилизации, как уже отмечалось выше, ментальным пограничным гибридом оказался культ святой Софии, пришедший вместе с православием из Византии. Проявившийся первоначально в активном строительстве каменных храмов, посвященных Софии (в раннюю эпоху становления древнерусской государственности — прежде всего, в Киеве и Новгороде, столичных городах), в дальнейшем этот культ стал идеологической основой попыток нового богословского философствования, первоначально опасно балансировавшего на грани с традиционным гностицизмом неоплатонического толка, в котором, как известно, образ Софии является одним из краеугольных камней всей религиозно-мифологической системы, опять-таки синкретического характера⁵⁴. Тем не менее, можно говорить о том, что во второй половине XIX – первой четверти XX в. в России (а впоследствии и в русском зарубежье) сформировалась довольно устойчивая и оригинальная софиологическая традиция, не имеющая столь же разработанных аналогов ни в учениях признанных отцов Церкви раннего христианства, ни в позднем византийском православии, ни в западном христианстве. Русская софиология в метагеографическом плане интересна, прежде всего, не столько своего рода «гендерным» уравниванием образа Христа образом Софии, сколько попыткой придать живые экзистенциальные обертоны

⁵³ Ср.: Хайдеггер 2008; интересная попытка развития хайдеггеровского дискурса: Чирков 2006.

⁵⁴ Соловьев 2000; Козырев 1991; Лосев 1990; Кравченко 2007; Флоренский 1914; Флоровский 1983; Аверинцев 2006; общий исторический обзор религиозно-философской проблематики Софии см.: Топоров 1980; Майоров 1991; Лосев 2000; Софиология 2010 и др.

обыденным профанным пространствам, испытывающим в современную эпоху очевидный дефицит «сакральности». По сути дела, образ Софии может гипостазироваться в сферу мягких, гибких метапространств, обеспечивающих некоторый «сакральный уют» и минимальный религиозный «комфорт» на фоне жёстких и конкурентных профанных пространств современности. Можно сказать даже, что в рамках софиологии возможно первичное представление со-пространственности, столь важной для понимания метафизических проектов, альтернативных большому проекту *Modernity*⁵⁵. В онтологической плоскости софиология являет собой уникальный способ постепенного, как бы незаметного трансцендирования земного пространства в небесное — фактически, подобный дискурс можно рассматривать как оптимальную ментально-технологическую версию решения метафизических задач русского космизма и идеологического «переформатирования» фёдоровской проблемы «воскрешения отцов».

На наш взгляд, в метагеографическом плане чань-буддизм и софиология представляют собой взаимодополняющие друг друга способы локально-пространственного трансцендирования в профанных сообществах, необходимые для экзистенциального обнаружения и ментальной фиксации сакральной вертикали Земля — Небо. Пространственность — так, как она онтологически становится и метафизически формируется в китайской и российской цивилизациях — оказывается изначально двойственной, раздваивающейся, подверженной практически постоянному расщеплению в рамках особо важной проблемы личностного, матримониального и общественного экзистенциального размещения. В то же время метагеографические основы обеих цивилизаций антиномически можно интерпретировать и как латентно противопологающиеся друг другу, и как постепенно «вытягивающиеся» навстречу друг другу ментальные органопроекции в духе П. Флоренского⁵⁶, должествующие феноменологически *про-явить, объ-явить*, так или иначе, российско-китайскую метагеографическую ось.

⁵⁵ Замятин 2008б.

⁵⁶ Флоренский 2000: 374–422.

Метагеографические «сборки»: возможности и перспективы

Наглядная «сборка» российско-китайской метагеографической оси, проявляющая, по сути, целостную метагеографию Евразии (поскольку становление евро-индийской оси завершилось несколько ранее — по-видимому, уже к началу XX в.) означает не только архитектурное конструирование подобных совместных «ментальных органопроекции», которое не может быть заявленным откуда-то «сверху» или «снизу» в рамках нормативных или декларативных профанных дискурсов — она означает непосредственное образно-географическое построение своего рода «анатомических систем»⁵⁷, своевременно фиксирующих онтогенез самих метагеографических процессов. Такие «анатомические системы» можно описать как локально-пространственные идеологии, возникающие за счет смещения, скопления и смешения различных по цивилизационному происхождению ментальных «клеток» — конкретных образно-символических проектов и текстов. Несомненно, эта дискурсивная схема осевой метагеографической «сборки» может иметь и какие-либо геополитические, геокультурные и геоэкономические импликации, однако способы их изучения и закономерности их функционирования представляются нам вполне автономными.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абаев 1989 — *Абаев Н.В.* Чань-буддизм и культурно-психологические традиции в средневековом Китае. Новосибирск, 1989.
- Аверинцев 2006 — *Аверинцев С.С.* София – Логос. Словарь. Киев, 2006. С. 536–610.
- Александрова 2008 — *Александрова Н.В.* Путь и текст: Китайские паломники в Индии. М., 2008.
- Аошуан 2004 — *Аошуан Т.* Китайская картина мира: Язык, культура, ментальность. М., 2004.
- Асланикашвили 1974 — *Асланикашвили А.Ф.* Метакартография. Основные проблемы. Тбилиси, 1974.

⁵⁷ Ср.: Мамкаев 2009.

- Аттиас, Бенбасса 2002 — *Аттиас Ж.-К., Бенбасса Э.* Вымышленный Израиль. М., 2002.
- Балдин 2009 — *Балдин А.* Протяжение точки. Карамзин и Пушкин. М., 2009.
- Барфилд 2009 — *Барфилд Т.Дж.* Опасная граница: кочевые империи и Китай (221 г. до н. э. – 1757 г. н. э.). СПб., 2009.
- Бахрах 2006 — *Бахрах А.В.* Бунин в халате. По памяти, по записям. М., 2006.
- Башкова 2007 — *Башкова Н.В.* Преображение человека в философии русского космизма. М., 2007.
- Башляр 1998 — *Башляр Г.* Вода и грезы. Опыт о воображении материи. М., 1998.
- Башляр 1999 — *Башляр Г.* Грезы о воздухе. Опыт о воображении движения. М., 1999.
- Башляр 2000 — *Башляр Г.* Земля и грезы воли. М., 2000.
- Башляр 2004 — *Башляр Г.* Поэтика пространства // *Башляр Г.* Избранное: Поэтика пространства. М., 2004. С. 5–213.
- Белов 1998 — *Белов Е.А.* Россия и Китай в начале XX века. М., 1998.
- Белозерова 2007 — *Белозерова В.Г.* Искусство китайской каллиграфии. М., 2007.
- Бертельс 1997 — *Бертельс А.Е.* Художественный образ в искусстве Ирана IX–XV вв. М., 1997.
- Бонгард-Левин, Грантовский 1983 — *Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А.* От Скифии до Индии. Древние арии: мифы и история. 2-е изд., доп. и испр. М., 1983.
- Бунге 1967 — *Бунге В.* Теоретическая география. М., 1967.
- Буркхардт 2009 — *Буркхардт Т.* Введение в доктрину суфизма. М., 2009.
- Валяева 2003 — *Валяева М.* Морфология русской беспредметности. М., 2003.
- Васильев 1983 — *Васильев Л.С.* История религий Востока. М., 1983.
- Васильев 1989 — *Васильев Л.С.* Проблемы генезиса китайской мысли (формирование основ мировоззрения и менталитета. М., 1989.
- Воскресенский 1995 — *Воскресенский А.Д.* Дипломатическая история русско-китайского Санкт-Петербургского договора 1881 года. М., 1995.
- Воскресенский 1999 — *Воскресенский А.Д.* Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений. М., 1999.

- Восточный Туркестан 1992 — Восточный Туркестан в древности в раннем средневековье. М., 1992.
- Время мира 2001 — Время мира. Альманах / Под ред. Н.С. Розова. Новосибирск, 2001. Вып. 2: Структуры истории.
- Галенович 2001 — *Галенович Ю.М.* Россия и Китай в XX веке: Граница. М., 2001.
- Герье 2008 — *Герье В.И.* Лейбниц и его век. Отношение Лейбница к России и Петру Великому. СПб., 2008.
- Геттнер 1930 — *Геттнер А.* География. Ее история, сущность и методы / Пер. с нем. Е.А. Торнеус. Под ред. Н. Баранского. Л.; М., 1930.
- Голованов 2002 — *Голованов В.* Остров. Оправдание бессмысленных путешествий. М., 2002.
- Голованов 2008 — *Голованов В.* Пространства и лабиринты. М., 2008.
- Головнев 2009 — *Головнёв А.В.* Антропология движения (древности Северной Евразии). Екатеринбург, 2009.
- Гохман, Гуревич, Саушкин 1968 — *Гохман В.М., Гуревич Б.Л., Саушкин Ю.Г.* Проблемы метагеографии // Математика в экономической географии. М., 1968 (Вопросы географии. № 77).
- Гране 2004 — *Гране М.* Китайская мысль. М., 2004.
- Гране 2008 — *Гране М.* Китайская цивилизация. М., 2008.
- Границы 2001 — Границы Китая: история формирования. М., 2001.
- Грантовский 1998 — *Грантовский Э.А.* Иран и иранцы до Ахеменидов. М., 1998.
- Грюнебаум 1988 — *Грюнебаум, фон Г.Э.* Классический ислам. Очерк истории (600–1258). М., 1988.
- Гутов 2009 — *Гутов Д.* Рисунки Рембрандта. М., 2009.
- Дажен 2003 — *Дажен Б.* Ангкор. Лес из камня. М., 2003.
- Делез, Гваттари 1998 — *Делез Ж., Гваттари Ф.* Что такое философия? СПб., 1998.
- Делез, Гваттари 2007 — *Делез Ж., Гваттари Ф.* Анти-Эдип. Екатеринбург, 2007.
- Древо индуизма 1999 — Древо индуизма / Отв. ред. И.П. Глушкова. М., 1999.
- Дубровская 1998 — *Дубровская Д.В.* Судьба Синьцзяна. М., 1998.
- Духовная культура 2009 — Духовная культура Китая. Энциклопедия в 5 тт. М., 2009. Т. 5. Наука, техническая и военная мысль, здравоохранение и образование.

- Дьякова, Чепелкин 1995 — *Дьякова Н.А., Чепелкин М.А.* Границы России в XVII–XX веках. Исторический очерк. Приложение к «Истории России». М., 1995.
- Елизаренкова 1999 — *Елизаренкова Т.Я.* Слова и вещи в Ригведе. М., 1999.
- Жагун 2009 — *Жагун П.* Пыль Калиостро. М., 2009.
- Завадская 1975 — *Завадская Е.В.* Эстетические проблемы живописи старого Китая. М., 1975.
- Замятин 1999 — *Замятин Д.Н.* Методологический анализ хронологической концепции в географии // Изв. РАН. Сер. географическая. 1999. № 5. С. 7–16.
- Замятин 2001 — *Замятин Д.Н.* Геополитика: основные проблемы и итоги развития в XX веке // Политические исследования. 2001. № 6. С. 97–116.
- Замятин 2003 — *Замятин Д.Н.* Географические образы русского авангарда // Человек. 2003. № 6.
- Замятин 2004 — *Замятин Д.Н.* Метагеография: Пространство образов и образы пространства. М., 2004.
- Замятин 2007 — *Замятин Д.Н.* Пространство как образ и транзакция. К становлению геономики // Политические исследования. 2007. № 2. С. 168–184.
- Замятин 2008а — *Замятин Д.Н.* Гетеротопия. Материалы к словарю гуманитарной географии // Гуманитарная география. Научный и культурно-просветительский альманах. М., 2008. Вып. 5.
- Замятин 2008б — *Замятин Д.Н.* Образный империализм // Политические исследования. 2008. № 5. С. 45–55.
- Замятин 2009а — *Замятин Д.Н.* Геократия. Евразия как образ, символ и проект российской цивилизации // Политические исследования. 2009. № 1. С. 71–90.
- Замятин 2009б — *Замятин Д.Н.* Пространство и цивилизация в зеркале гуманитарной географии // Мировая экономика и международные отношения. 2009. № 8. С. 99–109.
- Зимин 2000 — *Зимин А.И.* Евроцентризм и русское культурно-историческое самосознание. М., 2000.
- Ивасита 2006 — *Ивасита А.* 4000 километров проблем. Российско-китайская граница. М., 2006.
- Избранные сутры 2007 — Избранные сутры китайского буддизма. СПб., 2007.

- Инфанте 1989 — *Инфанте Ф.* О своей концепции артефакта // Собрание Ленца Шёнберг. Европейское движение в изобразительном искусстве с 1958 года по настоящее время / Под ред. Х. Вайтемайер. М.: Мюнхен, 1989.
- Кабанов 1988 — *Кабанов А.М.* Чаньский ритуал // Этика и ритуал в традиционном Китае. М., 1988. С. 236–256.
- Кантор 2001 — *Кантор В.К.* Русский европеец как явление культуры (философско-исторический анализ). М., 2001.
- Карпентьер 2000 — *Карпентьер А.* Царство Земное. СПб., 2000.
- Кеймен 2007 — *Кеймен Г.* Испания: дорога к империи. М., 2007.
- Киреев 2006 — *Киреев Г.В.* Россия — Китай. Неизвестные страницы пограничных переговоров. М., 2006.
- Китайское искусство 2004 — Китайское искусство: Принципы. Щколы. Мастера / Сост., пер. с кит. и англ., вступ. ст., очерки и коммент В.В. Малявина. М., 2004.
- Классический фэншуй 2003 — Классический фэншуй: Введение в китайскую геомантию / Сост., вступ. ст., пер., примеч. и указ. М.Е. Ермакова. СПб., 2003.
- Кныш 2004 — *Кныш А.Д.* Мусульманский мистицизм: краткая история. СПб., 2004.
- Козырев 1991 — *Козырев А.П.* Парадоксы незавершенного трактата // Логос. 1991. № 2. С. 152–171.
- Корбен 2006 — *Корбен А.* Свет славы и святой Грааль. М., 2006.
- Корбен 2009 — *Корбен А.* Световой человек в иранском суфизме. М., 2009.
- Кравченко 2007 — *Кравченко В.В.* В. Соловьев и София. М., 2007.
- Крюков 1988 — *Крюков В.М.* Дары земные и небесные (к символике архаического ритуала в раннежоуском Китае) // Этика и ритуал в традиционном Китае. М., 1988. С. 56–85.
- Лавренова 2007 — *Лавренова О.Л.* От Земли к космосу: ноосферная концепция В.И. Вернадского и космический детерминизм А.Л. Чижевского // Гуманитарная география. Научный и культурно-просветительский альманах. М., 2007. Вып. 4. С. 100–121.
- Ларюэль 2004 — *Ларюэль М.* Идеология русского евразийства, или Мысли о величии империи. М., 2004.
- Лейбниц 2005 — *Лейбниц Г.В.* Письма и эссе о китайской философии и двоичной системе счисления. М., 2005.

- Лосев 1990 — *Лосев А.Ф.* Владимир Соловьев и его время. М., 1990.
- Лосев 2000 — *Лосев А.Ф.* История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития. Харьков; М., 2000. Кн. 1.
- Лукьянов 2005 — *Лукьянов А.Е.* «И цзин» в культуре Дао // И цзин («Канон перемен»): Пер. и иссл. А.Е. Лукьянов; отв. ред. М.Л. Титаренко. М., 2005. С. 6–49.
- Майоров 1991 — *Майоров Г.Г.* Роль Софии-Мудрости в истории происхождения философии // Логос. 1991. № 2. С. 139–152.
- Малевич 1995–2005 — *Малевич К.* Собр. соч. в 5-ти тт. М., 1995–2005.
- Малявин 1988 — *Малявин В.В.* Буддизм и китайская традиция (к проблеме формирования идеологического синкретизма в Китае) // Этика и ритуал в традиционном Китае. М., 1988. С. 256–274.
- Малявин 2003 — *Малявин В.В.* Сумерки Дао. Культура Китая на пороге Нового времени. М., 2003.
- Мамкаев 2009 — *Мамкаев Ю.В.* Филогенетическое значение онтогенезов (рекапитуляция и формообразование) // Известия РАН. Сер. биологическая. 2009. № 2. Март-апрель. С. 134–143.
- Меламедов, Эпштейн 2008 — *Меламедов Г.А., Эпштейн А.Д.* Дипломатическая битва за Иерусалим. Закулисная история. М.; Иерусалим, 2008.
- Монастырский 2009а — *Монастырский А. и др.* Поездки за город / Коллективные действия. М., 2009. Т. 6–11.
- Монастырский 2009б — *Монастырский А.* Эстетические опыты. М., 2009.
- Мясников 1995 — *Мясников В.С.* Межгосударственные отношения России с Китаем как форма межцивилизационного контакта // Цивилизации и культуры. Научный альманах. М., 1995. Вып. 2. Россия и Восток: цивилизационные отношения. С. 215–234.
- Нанси 1999 — *Нанси Ж.-Л.* *Corpus* / Пер. с франц. Е. Петровской и Е. Гальцовой / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Е. Петровской. М., 1999.
- Наср 2009 — *Наср С.Х.* Исламское искусство и духовность. М., 2009.
- Насыров 2009 — *Насыров И.Р.* Основания исламского мистицизма: Генезис и эволюция. М., 2009.
- Неру 1989 — *Неру Дж.* Открытие Индии. М., 1989. Кн. 1–2.
- Николаенко 1982 — *Николаенко Д.В.* Введение в метатеорию метагеографии. Симферополь, 1982.
- Переписка 2008 — Переписка Мак-Магона — Хусейна 1915–1916 гг. и вопрос о Палестине: Документы и материалы / Предисл., вступ. ст., коммент. и пер. Д.Л. Шевелёва. М., 2008.

- Письмена 2000 — Письмена на воде. Первые наставники Чань в Китае / Сост., иссл. и коммент. А.А. Маслова. М., 2000.
- Подорога 1995 — *Подорога В.А.* Выражение и смысл: Ландшафтные миры философии. М., 1995.
- Подосинов 1999 — *Подосинов А.В.* Ex oriente lux! Ориентация по странам света а архаических культурах Евразии. М., 1999.
- Поездки 1998 — Поездки за город. М., 1998.
- Представления 2002 — Представления о смерти и локализация Иного мира у древних кельтов и германцев / Отв. ред. Т.А. Михайлова. М., 2002.
- Пространства 1994 — Пространства России: Хрестоматия по географии России. Образ страны / Авт.-сост. Д.Н. Замятин, А.Н. Замятин. М., 1994.
- Рахматуллин 2002 — *Рахматуллин Р.* Москва — Рим. Новый счёт семихолмия // НГ Ex Libris. 10 октября 2002. С. 4–5.
- Рахматуллин 2008 — *Рахматуллин Р.* Две Москвы, или Метафизика столицы. М., 2008.
- Риттер 1853 — *Риттер К.* Идеи о сравнительном земледелии // Магазин земледелия и путешествий. Географический сборник, издаваемый Николаем Фроловым. М., 1853. Т. 2. С. 353–556.
- Роули 1989 — *Роули Дж.* Принципы китайской живописи. М., 1989.
- Рыбакова 2007 — *Рыбакова Н.И.* Искусство Камбоджи с древнейших времён до XIV века. М., 2007.
- Саид 2006 — *Саид Э.* Ориентализм. Западные концепции Востока. М., 2006.
- Саушкин 1973 — *Саушкин Ю.Г.* Экономическая география: история, теория, методы, практика. М., 1973.
- Семенова 2004 — *Семенова С.Г.* Философ будущего века — Николай Федоров. М., 2004.
- Семенцов 1981 — *Семенцов В.С.* Проблемы интерпретации брахманической прозы. Ритуальный символизм. М., 1981.
- Семенцов 1985 — *Семенцов В.С.* Бхагавадгита в традиции и в современной научной критике. М., 1985.
- Словарь 1999 — Словарь терминов Московской концептуальной школы. М., 1999.
- Слотердаjk 2007 — *Слотердаjk П.* Сферы. Макросферология. II. Глобусы. СПб., 2007.

- Снежный меридиан 2009 — Снежный меридиан. Артефакты Франциско Инфантэ и Ноны Горюновой. Каталог выставки. М., 2009.
- Соколов-Ремизов 1985 — *Соколов-Ремизов С.Н.* Литература. Каллиграфия. Живопись. К проблеме синтеза искусств в художественной культуре Дальнего Востока. М., 1985.
- Соловьев 2000 — *Соловьев В.С.* La Sophia // *Соловьев В.С.* Полн. собр. соч. в 20-ти тт. М., 2000. Т. 2. С. 8–179.
- Софиология 2010 — Софиология / Под ред. В. Поруса. М., 2010.
- Сравнительное изучение 1998 — Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия / Сост., ред. и вступ. ст. Б.С. Ерасов. М., 1998.
- Татлин 1994 — *Татлин В.* Ретроспектива. Дюссельдорф; М., 1994.
- Топоров 1980 — *Топоров В.Н.* Еще раз о древнегреческой: происхождение слова *Σοφία* и его внутренний смысл // Структура текста. М., 1980. С. 148–173.
- Три каравеллы 1991 — Три каравеллы на горизонте. К 500-летию открытия Америки / Сост. А.В. Гришин. М., 1991.
- Федоров 1982 — *Фёдоров Н.Ф.* Сочинения. М., 1982.
- Федоров 2006 — *Федоров Н.Ф.* Вопрос о братстве, или родстве, о причинах небратского, неродственного, т.е. немирного, состояния мира и о средствах к восстановлению родства: Записка от неученых к ученым, духовным и светским к верующим и неверующим. М., 2006.
- Фицджеральд 1998 — *Фицджеральд С.П.* Китай: Краткая история культуры. СПб., 1998.
- Флоренский 1914 — *Флоренский П.А.* Столп и утверждение истины. М., 1914.
- Флоренский 2000 — *Флоренский П.А.* Соч. в 4-х тт. М., 2000. Т. 3 (1).
- Флоровский 1983 — *Флоровский Г.* Пути русского богословия. Paris, 1983.
- Фрай 1972 — *Фрай Р.* Наследие Ирана. М., 1972.
- Фремpton 1990 — *Фремpton К.* Современная архитектура: Критический взгляд на историю развития. М., 1990.
- Фуко 2006 — *Фуко М.* Другие пространства // *Фуко М.* Интеллектуалы и власть. М., 2006. Ч. 3. Статьи и интервью. 1970—1984. С. 191–205.
- Хайдеггер 1993 — *Хайдеггер М.* Время и бытие. М., 1993.
- Хайдеггер 1997 — *Хайдеггер М.* Бытие и время / Пер. с нем. В.В. Бибихина. М., 1997.
- Хайдеггер 2008 — *Хайдеггер М.* Строить обитать мыслить // Проект international 20. Октябрь 2008. С. 176–190.

- Хан-Магомедов 2007 — *Хан-Магомедов С.О.* Супрематизм и архитектура (проблемы формообразования). М., 2007.
- Харвей 1974 — *Харвей Д.* Научное объяснение в географии. М., 1974.
- Хуэй-цзяо 1991 — *Хуэй-цзяо.* Жизнеописания достойных монахов. В 3-х тт. СПб., 1991. Т. 1.
- Хуэй-цзяо 2005 — *Хуэй-цзяо.* Жизнеописания достойных монахов. В 3-х тт. СПб., 2005. Т. 2.
- Цымбурский 2006а — *Цымбурский В.Л.* Дважды рожденная «Евразия» и геостратегические циклы России // *Цымбурский В.Л.* Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006. М., 2006. С. 441–464.
- Цымбурский 2006б — *Цымбурский В.Л.* Две Евразии: ономимия как ключ к идеологии раннего евразийства // *Цымбурский В.Л.* Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006. М., 2006. С. 419–441.
- Чирков 2006 — *Чирков В.Ф.* Дом: в локусе бытия. Изд. 2-е, испр. Омск, 2006.
- Шилов 2009 — *Шилов АП.* Конец древности. О духовном кризисе современного китайского общества. М., 2009.
- Шмитт 2008 — *Шмитт К.* Номос Земли в праве народов *jus publicum europaeum*. М., 2008.
- Lewis, Wilgen 1997 — *Lewis, M.W., Wilgen K.E.* The Myth of Continents: A Critique of Metageography. Berkeley; Los Angeles, 1997.
- Relph 1976 — *Relph E.* Place and placelessness. London, 1976.
- Schama 1996 — *Schama S.* Landscape and Memory. New York, 1996.
- Soja 1990 — *Soja E.W.* Postmodern Geographies: The Reassertion of Space in Critical Social theory. London, 1990.
- Tuan 1974 — *Tuan Yi-Fu.* Space and place: humanistic perspectives // Progress in Geography 6 / Ed. C. Board et al. London, 1974. P. 211–252.
- Tuan 1977 — *Tuan Yi-Fu.* Space and place. London, 1977.
- Tuan 1990a — *Tuan Y.* Realism and fantasy in art, history and geography // Annals of Association of American Geographers. 1990. № 80. P. 435–446.
- Tuan 1990b — *Tuan Yi-Fu.* Topophilia: A study of environmental perception, attitudes, and values / With a new pref. by the author. New York, 1990.
- Yuehping 2005 — *Yuehping Yen.* Calligraphy and Power in Contemporary Chinese Society (Anthropology in Asia). London, 2005.

*Статья впервые опубликована в журнале ПОЛИС.
Политические исследования. 2010. № 4.*

Ф.С. КОРАНДЕЙ

К ВОПРОСУ О «ЛИЧНОСТИ ИРЛАНДИИ»

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ ОСТРОВА В РЕГИОНАЛЬНЫХ ХАРАКТЕРИСТИКАХ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XXI ВЕКА *

Аннотация: Цель работы — анализ устойчивых приемов географической характеристики в книгах по ирландской истории и географии. Тривиальное для географа суждение о том, что в основе регионального анализа лежит синтез данных, полученных опосредованным путем, а региональное описание является не только отражением реальности, но и генерализацией, справедливо и для больших форм историографии. Необходимость определить территориальные рамки сочинения ставит перед историком такую же задачу регионализации, как и перед географом. В работе исследуется географический образ как устойчивое представление о территории, формируемое в результате взаимодействия иных географических понятий. В рассмотренных случаях представлено об Ирландии как о географическом единстве формировалось через посредство: I) идеи исторической провинции; II) последовательности политико-географических образов конкретного путешествия; III) картины ландшафта острова, привязанной к определенной эпохе и данной в соотношении с другими подобными историческими срезами; IV) системы из двух островов, позволяющей охарактеризовать культурно-историческую специфику одного из них путем сопоставления с другой частью архипелага; V) подобной же системы, но построенной на географических оппозициях, намеченных внутри самого острова.

Ключевые слова: историческая география Ирландии, Ирландия в раннем средневековье, географические образы, региональная география.

* Работа выполнена при поддержке гранта Президента РФ МК–4785.2010.6.

В западной части мира расположен остров, который называется Гибернией. Остров этот велик, прекрасен и приятен, состоит из пяти провинций, нет на нем никаких вредоносных тварей, и змеи не обитают; на острове не бывает болезней, земля здоровая, обильно населенная, преисполненная всяких плодов, как водных, так лесных и наземных. Жители его именуются двояко: Гиберния зовется так от реки Гибера, а они зовутся от нее гибернийцами. Скоттами же прозываются от Скоты, прародительницы их племени, которая была дочерью царя Египетского. Как она явилась из Египта в Гибернию, для краткости опускаем, ведь о том довольно сказано в книгах, повествующих о заселении Гибернии в древние времена. Жители острова крепки в католической вере и в учении церковном; более всех народов привержены гостеприимству¹.

Пассаж, открывающий житие ирландского святого Аббана, представляет собой фрагмент традиции географических энкомиев, характерной для средневековой островной историографии. Отмечая вставной характер эпизода по отношению к остальному житию, исследователь ирландской агиографии Р. Шарп указывал на то, что, вероятно, он отмечал начало национального легендария, формировавшегося в XIII в. усилиями гибернийских клириков². Другой, более известный нарратив подобного типа — первая глава «Церковной истории Беда Достопочтенного, также может быть исследован с точки зрения его места в композиции сочинения: так, Э. Меррилл рассматривал географическое введение к «Церковной истории» не как приложение к исторической программе Беда, но как ее центральный элемент, утверждающий, с помощью ряда риторических приемов, уникальное место Британии во вселенской христианской истории³. «Островной» характер этой традиции может оспариваться, хотя нельзя не согласиться с указаниями Меррилса на то, что именно Беда, в отличие от тех, кого обычно называют в качестве его историографических предшественников и источников — Орозия и Григория Турского — впервые поставил на место очерка Священной истории географическое описание родной страны. Замечательны и указания Меррилса на роль второ-

¹ Plummer 1910: 199. Здесь и далее все переводы, кроме оговоренных особо, выполнены автором статьи.

² Sharpe 1991: 361–362.

³ Plummer 1896; Merrills 2005: 229–307.

го голоса, которую Беда отводит Гибернии в проэмии к «Церковной истории»: один остров измеряется с помощью другого («Остров Гиберния самый большой после Британии» / *Hibernia insula omnium post Britanniam maxima*), в соприкосновении с почвой Британии, более прозаической, нежели ирландская, проявляются присутствующие изумрудному острову чудесные свойства (упоминание о том, что сам воздух Ирландии губителен для змей, которых привозят из Британии). Географический концерт соседних островов продолжался затем во множестве памятников: в тенденциозном трактате Геральда Камбрийского о топографии Гибернии⁴, в апологетических сочинениях ирландских интеллектуалов, которые появляются с опозданием в несколько столетий, после того, как книга валлийского писателя обрела широкого читателя в печатном варианте⁵.

В последние десятилетия указанная традиция неоднократно привлекала медиевистов, обращавшихся к истории национальных стереотипов, происхождению идеологии империализма и т.п. Но обычные источниковедческие подходы науки о старинных текстах редко применяются по отношению к массовой научной продукции эпохи модерна. Конечно, справедливо будет сказать, вслед за автором недавней статьи, что средневековая «география» не тождественна географии современной, что в разные времена и в разных культурах существовала не одна, а множество (*tyriad*) разных географий⁶. Однако, бесспорно и то, что ученые конвенции менялись, а география, и во времена Птолемея, и во времена Риттера, продолжала оставаться «землеописанием». «Единственное, что связывает всех географов <...> это то, что они пишут. Очевидно, что пишут они о разных вещах, но несмотря на свою специализацию,

⁴ О'Меара 1948–1950.

⁵ Это произошло в 1584 г., когда Р. Станихерст издал в Антверпене сочинения Геральда под титулом “*De rebus in Hibernia gestis*”. Речь идет прежде всего об ирландских эмигрантах, францисканцах, основавших на континенте сеть католических коллежей. В числе анти-геральдианских трактатов могут быть названы такие сочинения, как «Апология» С. Уайта (*White S. Apologia pro Hibernia adversus Camri Calumnias*. Dublin: J. O'Daily, 1849) и «Опровернутый Камбриец» Дж. Линча (*Lynch J. Cambrensis Eversus*. Dublin: The Celtic Society, 1848–1852).

⁶ Lilley 2011: 148–149.

любой из них, склоняясь над чистым листом, сталкивается с одной и той же проблемой; необходимостью убедительно донести до своей аудитории то, что он желает сказать». Так писал один из теоретиков географической поэтики (poetics of geography) Т. Барнс⁷. Тезис о том, что география — это книги, думается, не удивил бы и автора текста, вынесенного в эпиграф, ученого ирландца XIII (?) в. Впрочем, данное утверждение далеко не очевидно для большинства участников междисциплинарного диалога, что, на наш взгляд, является одной из причин смутного статуса современной исторической географии.

Диапазон проблем, связанных со статусом исторической географии, необычайно широк: размежевание между историками и географами начинается с элементарной терминологии и заканчивается теорией; тем не менее, эта наука, несомненно, существует в виде конкретных академических сообществ, исследовательских практик, книг и текстов⁸. С точки зрения текстового критерия особенная практика исторической географии может быть охарактеризована как практика региональной историко-географической характеристики. Книги, которые хочется назвать квинтэссенцией исторической географии, в независимости от того, к какому лагерю — историческому или географическому — принадлежит их автор, как правило, представляют собой очерки, посвященные определению исторической специфики той или иной территории. Для понимания феномена исторической географии, вероятно, должна быть написана история историко-географического страноведения, должно быть рассмотрено становление ее репертуара, поэтики. Ответ на вопрос о возможности единой исторической географии нужно искать в области истории научных жанров, академических канонов.

На эту тему написано несколько книг: в 1950-х — начале 1960-х гг. Г.К. Дарби прочел своим студентам ряд лекций, посвященных способам введения исторического метода в классические

⁷ Barnes, Duncan 1992: 1; Reading Human Geography 1997.

⁸ Здесь показателен пример Ф. Броделя, предпочитавшего термину *géographie historique* термин *géohistoire*. Таким образом, в строго терминологическом смысле многие «географические» работы школы «Анналов» не принадлежат к области исторической географии, хотя это нонсенс с генетической точки зрения.

региональные описания. Его классификация типов современного историко-географического знания была разработана на материале британской, французской и американской традиций⁹. Эти лекции Дарби были изданы в полном объеме только в 2002 г., а в 2003 г. вышла монография А. Бейкера, в которой дан очерк всех значимых направлений англосаксонской исторической географии¹⁰. И Дарби, и Бейкер учитывали как достижения историографии, так и «географической» исторической географии, впрочем, с уклоном в сторону географии. В силу обзорного характера этих трудов, в стороне оставались частные проблемы практики историко-географической характеристики, вопросы структурирования и представления географической информации. В этом смысле могут быть полезны работы географов, посвященные методологии страноведческих сочинений, в том числе некоторые статьи отечественных специалистов¹¹, в которых обозначен целый ряд тем, актуальных при изучении историко-географической проблематики, таких как исторически обусловленные способы географического описания, нарративные модели и риторический инструментарий географического исследования, географические образы и метафоры, лежащие в основе регионального синтеза.

В настоящей статье мы предполагаем обратиться к истории исторической географии Ирландии, понимая под ней традицию историко-географических очерков этой страны, созданных как историками, так и географами в период с конца XIX в. до наших дней. В дисциплинарном смысле термин «историческая география» (historical geography), в Ирландии, как и во всем англоязычном мире, представляет собой понятие из арсенала географической науки. Нынешняя «географическая» историческая география Ирландии — академическое сообщество с развитой идентичностью, собственной историей и «местами памяти» в виде знаковых фигур и текстов¹². Но едва ли возможно ограничиться лишь этой линией.

⁹ Darby 1962; 2002.

¹⁰ Baker 2003.

¹¹ Barnes, Duncan 1992; Reading Human Geography 1997; Замятина 2001; Митин 2009. В последней работе на материале страноведения рассматривается дихотомия двух типов географического нарратива — характеристики и описания.

¹² Graham, Proudfoot 1993, MacCarthy 2002.

Заслуживает внимания географичность, от самых истоков присутствующая ирландскому историописанию. В этом отношении особый интерес представляют работы по ирландской медиевистике. Как мы увидим далее, авторы обзорных монографий, посвященных древней и раннехристианской истории острова, и до сей поры используют в качестве основы своего нарратива модели, восходящие к средневековой историографии.

Цель нашей работы — анализ устойчивых приемов организации географической информации в книгах по ирландской истории и в региональных историко-географических очерках Ирландии. Тривиальное для географа суждение о том, что в основе регионального метода лежит синтез множества данных, полученных опосредованным путем, а любое региональное описание является не только отражением реальности, но и генерализацией, интеллектуальным конструктом, в известной мере, абстракцией, справедливо и для больших форм историографии. Необходимость определить территориальные рамки своего сочинения ставит перед историком такую же задачу регионализации, как и перед географом: тот факт, что Ирландия — классический случай «участка суши, со всех сторон окруженного водой», еще ничего не означает. Формальное или функциональное, единство данного региона — как объекта исследования и как инструмента исследования — должно быть доказано. Техническая сторона этого доказательства иногда привлекает внимание географов, но, как правило, остается вне поля зрения историков. Однако именно в этой области, области привычных риторических фигур и устоявшихся формул, проходят разломы, отделяющие один академический лагерь от другого, здесь же открываются возможности навести мосты.

Пять пятин

Также утверждается, что деление Ирландии на пять частей относится ко более раннему времени, нежели приход гойделов. Фактически происхождение этого деления относится ко временам доисторическим, и Пентархия есть древнейший несомненный факт политической истории Ирландии. Это ясно любому, кто знаком с ирландской литературой и традицией. И до сего дня слово *cuigeadh*, т.е. «пятина» употребляется говорящими на гэльском языке как термин, обозначающий основные подразделения страны, и *cuig cuigidh na nEireann*, т.е. «пять пятин Ирландии» есть выра-

жение, знакомое каждому, кто говорит на гэльском. <...> Столь же несомненно, что в течении всего письменного периода нашей истории такой политической единицы как *cuigeadh*, т.е. «пятина», а также «пяти пятин Ирландии» не существовало. Уже во времена святого Патрика «пять пятин» были лишь воспоминанием.

(О. Мак Нейл. «Эпохи ирландской истории». 1920 г.)¹³.

Координатная сетка любого нарратива, посвященного основополагающим различиям ирландского пространства, восходит к схеме деления острова, которое было отражено уже в ранних памятниках ирландского эпоса. Важнейшее значение имеет псевдо-историческая компиляция «Книга взятия (захватов) Ирландии» (*Lebor Gabála Égenn*), составленный в конце XI в. очерк древнейшей легендарной истории острова¹⁴. Согласно этому тексту, ландшафт Ирландии, ее деления, как физические, так и социальные, порождены деяниями нескольких волн завоевателей острова. Представители четвертой волны пришельцев — Фир Болг поделили остров на пять частей, по числу своих правителей, заложив, таким образом, основу политической географии острова.

Провинции Ирландии — Улад (Ульстер), Лаген (Лейнстер) и Коннахт¹⁵, названия которых восходят к этнонимам, обозначавшим доминировавшие в данной области династии и племенные группы (название южной ирландской пятинны — Мунстера имеет неясное происхождение), никогда не отличались ни политическим единством, ни политической стабильностью. С самого начала письменной истории, утверждал Ф. Бирн, такие термины, как Улад или Лаген, получают, помимо племенного значения, более широкое, географическое и политическое¹⁶. Политическая география раннего ир-

¹³ MacNeill 1920: 101.

¹⁴ Macalister 1938–1953. Фрагменты этого памятника в переводе С.В. Шкунаева см.: Предания и легенды Ирландии / Пер. С.В. Шкунаева. М.: МГУ, 1991. С.49–59.

¹⁵ Здесь и далее при обращении к *древним* названиям ирландских провинций мы будем использовать принятый в отечественной ирландистике перевод термина *Ulster*, именно — «Ульстер». В случае если речь будет идти о названии *современной* провинции, будет использоваться привычный термин «Ольстер».

¹⁶ Бирн 2006: 61. См. также Charles-Edwards 2000: 36. Т. Чарльз-Эдвардс в своей работе, говоря о Коннахте, использовал особую орфографию для раз-

ландского средневековья чрезвычайно сложна, но уже для средневековых историков традиционные названия пятин представляли собой подобие фиксированной координатной сетки, поверх которой наносился рисунок реальных взаимоотношений династий и королевств. Как замечал Т. Чарльз-Эдвардс: «Такие провинции, как Лейнстер и Мунстер, не были <...> хрупкими пирамидами иерархии правителей разных уровней, державшимися лишь на персональных соглашениях между королями. То были феномены большой длительности, единство которых покоилось на фундаменте общего права, общих традиций и общих представлений о мире»¹⁷. Исторические своды Ирландии, со времен Геральда Камбрийского (I, 3) непременно включают в себя специальную главу, посвященную древним делениям. Более всего здесь показателен вопрос о «пятой пятине». В средневековой историографии существовало две традиции определения этой территории: одна заявляла о существовании центральной провинции, включавшей в себя древние сакральные центры — Уснех и Тару (Темру); вторая — образовывала дополнительную провинцию путем деления одной из четырех остальных.

Отец-основатель современной ирландской медиевистики О. Мак Нейл был сторонником второй точки зрения¹⁸. Он предложил теорию «двух Лейнстеров». По его мнению, в доисторический период Ирландия была пентархией, состоявшей из Ульстера, двух Лейнстеров, Мунстера и Коннахта. Уже к V в., во времена святого Патрика, реальная политическая география представляла собой скорее гептархию. Северная часть Лейнстера, содержащая в себе Тару, древний священный символ королевской власти, не ранее начала V в. была присоединена к владениям О'Нейллов, которые заняли центральную часть острова, и, таким образом, служила обоснованию их притязаний на верховное господство в Ирландии.

Оппонент Мак Нейла Т. О'Рахилли, напротив, утверждал, что раннее деление Ирландии было четырехчастным (Ульстер, Лейн-

личения провинции как территории и провинции как династии: «для того, чтобы избежать смешения между династиями и названием их провинции, целесообразно использовать английский термин *Connaught* для провинции, и *Connachta* для династий».

¹⁷ Charles-Edwards 2000: 15.

¹⁸ MacNeill 1920: 98–132.

стер, Мунстер, Коннахт)¹⁹. Известная гипотеза О'Рахилли, с которой он вошел в историю кельтологии, увязывала данные эпической традиции с событиями ирландского этногенеза: отсюда следовал вывод, что появление пятой провинции Ирландии (Миде) и, следовательно, деление страны на пять частей, явилось результатом вторжения на остров последней волны переселенцев-гойделов в чрезвычайно специфическом понимании, коннахтцев. В силу того, что идентичность пятой провинции, короли которой имели статус верховных королей Ирландии, была слабой, утверждал О'Рахилли, ученые средневековья породили псевдоисторическую традицию, в соответствии с которой на две половины делился Мунстер, южная и самая обширная провинция Ирландии.

Большую популярность приобрели идеи, высказанные в книге А. и Б. Рисов «Наследие кельтов». Эти ученые указали на связь пятичленного деления острова с индоевропейской мифопоэтической традицией и с этой точки зрения пытались обосновать непротиворечивость двух вышеупомянутых, на первый взгляд противоположных, но в равной степени аутентичных представлений о месте расположения пятой пятинны. Пятичленное деление острова, по их мнению, соотносилось с пятью функциями и пятью социальными классами индоевропейской древности (т.е. Миде — короли, Коннахт — жрецы, Ульстер — воины, Лейнстер — земледельцы, Мунстер — рабы / воины). Рисы не подвергли сомнению исконность дихотомии Мунстера, который обладал особым статусом в системе образов древнего эпоса, и скептически относились к идее о том, что разделение Мунстера было изобретено в политических целях²⁰.

Наконец, Ф. Бирн, автор важной монографии об истории королевской власти в Ирландии, продемонстрировал, что, в конечном счете, обе традиции, связанные с «пятой пятинной», способствовали решению политических задач, встававших в разное время перед династией О'Нейллов²¹. Идея Миде — центральной провинции Ирландии, развивается в V–VII вв. в связи с необходимостью обосновать присутствие О'Нейллов, выходцев из Коннахта, в этом

¹⁹ O'Rahilly 1957: 170–183, esp. 181.

²⁰ Рис 1999: 132–157.

²¹ Бирн 2006: 60–62.

регионе. Ей соответствуют тексты, связанные с именем предка О'Нейллов, верховного короля Тары Туатала Тхтмара, который создает Миде, отрезав часть территории от каждой из остальных четырех мятежных провинций. Таким образом, по мнению Бирна, в состав первоначальных, существовавших на заре исторического периода, пяти пятин входили Улад, Лаген, Муман, Коннахт и Миде²². Когда поздние О'Нейллы утверждают свои притязания на звание верховного короля всей Ирландии (X в.), возникает другая концепция, связанная с идеей о том, что короля Тары нельзя причислять к числу правителей пятин²³. Именно тогда в трудах средневековых историков появляется представление о «двойном Мунстере», поначалу довольно умозрительное, но к XII в. воплотившееся в реальном разделе Мунстера на Томонд и Десмонд.

Многообразие точек зрения по этому вопросу, несомненно, связано с той ролью фундамента, которая отводится провинциальному делению в любом очерке ирландской политической истории. Культурный ландшафт острова много богаче этой схемы, и, к примеру, топонимика и топография Ирландии породили сложнейшую антикварную традицию²⁴, но именно провинциальное деление предоставляет ирландскому историописанию средний масштаб, наиболее удобный для описания событий. Классическим примером подобных трудов являются книжки Г. Мак Ниокайлла и Д. О'Корраня, выпущенные в 1970-х гг. дублинским издательством "Gill"²⁵. В специальном разделе первой работы характеризуется политическая география Ирландии накануне 600 г., во второй — политические деления острова в XI в. Остается добавить, что резонное стремление историков описать политическое деление адекватно реальности, а не теоретической схеме, пусть и восходящей к древности, могло сталкиваться с неприятием аудитории. «С тех пор, как я читаю эти лекции, люди часто обвиняют меня в том, что я безжалостно лишаю их самой заветной традиции» замечал О. Мак Нейл в своей работе о пяти пятин²⁶.

²² Бирн 2006: 60.

²³ См.: Herbert 2000.

²⁴ Hogan 1910.

²⁵ Mac Niocaill 1972; Ó Corráin 1972.

²⁶ MacNeill 1920: 105. Географы, в свою очередь, склонны описывать провинциальное деление как закономерное следствие физико-географи-

Deiseal, cúairt, circulus

...«обращаясь к специфике ирландского жития», мы должны обратить внимание на важный раздел <...>, в котором описываются труды Колум Килле по основанию обителей в Ирландии. После того, как на дарованной земле в Дерри была возведена первая обитель, Колум Килле отправился по стране, где заложил множество других церквей. В этом месте агиограф прибегает к приему *cúairt* т.е. «круговое путешествие», описывая труды Колум Килле по возведению монастырей как этапы путешествия. От северных церквей Дерри и Рафоз святой удаляется на юг в центральную Ирландию, следует вдоль восточного побережья, затем идет на юг в Лейнстер, затем на запад в Коннахт, а оттуда — по землям Кенел Конойлл и Кенел Эогайн. Утверждая свидетельства причастности святого к основанию данных обителей, агиограф заявляет скрытую претензию на то, что все эти эти церкви, рассеянные на большой территории, принадлежат к монашеской федерации Колум Килле.

(М. Херберт. Иона, Келлс и Дерри: история и агиография монашеской общины святого Колумбы. 1988 г.)²⁷.

Другой распространенный принцип организации географических данных в исторических работах, посвященных ранней Ирландии, также обнаруживает зависимость от нарративных моделей средневековья. Принцип пяти пятин, с точки зрения теории районирования, соответствует районированию формальному или аре-

ческого деления острова. Х. Макиндер (Makinder 1902: 299) отмечал, что историческое деление острова соотносится с контрастами его ландшафта. «Завоеватели, прежде гойделлы, а затем англичане, сначала высаживались на беззащитное побережье Мит, а после того распространялись по внутренней равнине, вытесняя старое население <...> в горы Ульстера и Мунстера, или прогоняя их за Шаннон в гористые пределы Коннахта»; У. Фитцджеральд (Fitzgerald 1925: 79–80) указывал на то, что каждая из четырех провинций сформировалась вокруг горного ядра, а затем распространила свое влияние на плодородные земли. Таким образом нуклеусом Лейнстера был Лейнстерский массив (горы Уиклоу), Мунстера — Мунстерский барьер, Коннахта — Коннахтское нагорье и территория на восток до Шаннон, Ульстера — Северо-западный массив и затем Ольстерская котловина; Т. Фримен (Freeman 1950: 89, 90–91, 260–261), характеризуя современный состав исторических провинций, писал, что соединение графств в провинции является следствием широкого признания фундаментальных региональных различий страны.

²⁷ Herbert 1988: 188–189.

альному, при котором фундаментальной является внутренняя однородность территорий (в данном случае — единство политической традиции). Принцип, о котором пойдет речь, есть пример другого типа районирования, а именно — функционального (узлового), позволяющего описать реальные связи и динамические отношения, проявлявшие себя в ландшафтах, известных составителям раннесредневековых рукописей. Источник этого историографического приема — мотив эпического путешествия из центра на периферию, совершавшегося королем или святым в целях установления символического контроля над территорией. Итинерарий властелина, реконструируемый по одному тексту или группе текстов, несомненно, отражает более сложную, нежели в первом случае, географию власти, зачастую не ограниченную пределами одной пятинны.

К числу наиболее известных работ по раннеирландской истории, для композиции которых характерен этот прием, относится уже упоминавшаяся работа Ф. Бирна, который, впрочем, сочетал его с традицией «пятин». В тексте книги неоднократно упоминаются так называемые «королевские объезды» владыки, наслаждавшегося гостеприимством подвластных правителей: такой объезд совершает накануне своей жуткой смерти верховный король Ирландии Диармайд, правивший в середине VI в. Выехав из Тары, он едет в правую сторону, то есть через Лейнстер, затем Мунстер, Коннахт и Ульстер, предполагая вернуться в Тару к празднику начала зимы — Самайну²⁸. Именно по такой схеме организовано повествование в монографии Ф. Бирна. Описав в первых главах фундаментальные представления ирландцев о королевской власти, затем он следует в указанном порядке, совершая «подобие ритуального обхода Ирландии от крайней северной до крайней западной точки, перемещаясь вслед за солнцем (*deiseal* — посолонь, направление, считающееся благоприятным), как принято у ирландцев, так как наиболее достоверные ранние материалы относятся к Ульстеру и срединным областям, и только потом в анналах начинают постепенно появляться сведения о южной и западной частях страны»²⁹. В начале каждой из региональных глав, в про-

²⁸ Бирн 2006: 120. Все цитаты из Бирна — в переводе С.В. Иванова.

²⁹ Бирн 2006: 12.

должение этой динамической тенденции, дается краткая характеристика пятины с точки зрения географических свойств, объясняющих степень вовлеченности местных племенных и династических групп в общеирландские события. Далее, как правило, следует очерк политической истории пятины.

Более сложный вариант подобной маршрутной организации был предложен М. Херберт в книге 1988 г. Херберт проследила историю монашеской федерации (*familia*), сложившейся вокруг общины великого гибернийского святого Колумбы (Колум Килле), со времени его смерти в VI в. до середины XII в. Утверждая необходимость координатной сетки (*framework*), способной адекватно отразить перипетии географии власти этого объединения на протяжении шестисот лет, Херберт построила свое повествование вокруг трех районов, каждый из которых определялся местом расположения главной обители федерации и доминирующим в данный период направлением интересов. Первый этап развития федерации был связан с аббатством на острове Иона у берегов Шотландии, которое стало колыбелью монашеского движения, распространившегося по обеим берегам Ирландского моря. Вторым этапом, началом которого было датировано основанием Келлского аббатства (VIII в.), был связан с интеграцией общины в сложную политическую структуру северной части Ирландии, третий (XII в.) — с монастырем в Дерри, который стал одним из центров церковной реформы, предполагавшей восстановление исконных идеалов гибернийского монашества на всем острове³⁰. Географическая логика нарратива в данном случае определялась природой корпуса источников: узловые точки соответствовали районам происхождения важнейших произведений житийной традиции, связанной с именем Колумбы. Вероятно также, она вдохновлялась композицией жития XII в., изданию которого была посвящена заключительная часть книги (см. эпиграф к этому разделу).

Третий пример — монография Т. Чарльз-Эдвардса «Раннехристианская Ирландия», изданная в Кембридже в 2000 г. Первая глава книги представляет собой описание Ирландии рубежа VII–VIII вв., составленное, главным образом, по мотивам путешествия

³⁰ Herbert 1988: 124.

святого Патрика, известного в изложении епископа Тирехана (так называемые “Collectanea”, деяния святого, относящиеся ко времени начала его миссии в Ирландии). Мотив кругового путешествия (circulus), по-видимому, был также заимствован Тиреханом из арсенала ирландского эпоса. Как и в случае с путешествием Колум Килле, агиограф исследовал в этой книге прежде всего вопрос о территориальных правах и юрисдикциях своей церкви, то есть общины последователей святого Патрика из Армы, а также историю союза Армы с представителями династии центральной Ирландии — О’Нейллами³¹. Оксфордский кельтолог, использовавший, в свою очередь, прием путешествия вслед за Патриком, смог показать не только актуальные для VIII в. районы влияния этого монашеского объединения, но также сложность политических отношений между племенными группами и династиями трех регионов Ирландии. Первая книга “Collectanea” была посвящена плодородным землям центральной Ирландии, правители которых, О’Нейллы стали опорой миссии Патрика, вторая — землям коннахтов, которые не были настроены к нему дружелюбно. Исследование сюжета о пересечении святым границы между королевствами путем сопоставления данных Тирехана со свидетельствами о путешествии Патрика из так называемой “Vita tripartita” (IX в.), позволило установить, как изменились за это столетие представления ирландцев о границах Коннахта³².

Исторический срез

Если бы Англия 1685 года по какому-то волшебству вдруг предстала перед нашими глазами, мы бы не узнали ни одного пейзажа из тысячи и ни одного здания из десяти тысяч. Сельский джентльмен не узнал бы своих полей, горожанин — своей улицы. Все изменилось <...>

(Дж. Маколей. История Англии со времен Якова II. 1848 г.)³³.

В VI–XII вв. от Рождества Христова Ирландия являла собой интереснейшее зрелище, чьи самые общие очертания

³¹ Charles-Edwards 2000: 10.

³² Charles-Edwards 2000: 36–40.

³³ Macaulay 1864: 134.

мы наметим далее с помощью истории. В те далекие времена даже сам физический облик Ирландии весьма отличался от сегодняшнего <...>

(П.У. Джойс. Социальная история древней Ирландии. 1903 г.)³⁴.

Прежде всего историку хочется увидеть страну с воздуха; затем он стремится пододвинуться ближе и разглядеть, где располагались населенные пункты, как много людей в них обитало, и что за дороги их соединяли

(К. Хьюз. Раннехристианская Ирландия: введение в источники. 1972 г.)³⁵.

Из того, что было сказано выше, вряд ли стоит делать вывод об особенном изоляционизме историописания, связанного с ранней Ирландией. Нарративный инструментарий упомянутых работ, на равных с традиционными моделями, включает в себя приемы, происходящие из интернационального арсенала историков XIX–XX столетий. Прежде всего это касается приема кросс-секций, который относится к изобретениям островной историографии. Кросс-секция как «исторический срез», географическая, и, прежде всего, эконом-географическая характеристика данного региона на данный момент времени, стала широко известна благодаря трудам британской школы исторической географии, после выхода монографии «Историческая география Англии до 1800 г.» (1936), изданной в Кембридже под редакцией Г.К. Дарби³⁶. Предыстория метода «кросс-секций», впрочем, восходит к целому ряду более ранних работ.

Сам Дарби³⁷ связывал первоначальный импульс жанра с третьей главой первого тома книги английского историка Т.Б. Маколея (1800–1859) «История Англии со времен Якова II» (1848)³⁸. Она была посвящена социально-географической характеристике Англии, привязанной к определенной дате — 1658 г., времени начала правления Якова II. Маколей прибегал в тексте к риторическим приемам, которые получили большую популярность: описа-

³⁴ Joyce 1903: 27.

³⁵ Hughes 1972: 17.

³⁶ An Historical Geography 1936.

³⁷ Darby 1960: 147.

³⁸ Macaulay 1864.

ние острова предварялось замечанием о том, что нынешний облик страны (face of the country) весьма отличается от облика страны в прошлом, утверждалась причинно-следственная связь между состоянием ландшафта и социальным устройством, описанным далее. Затем следовал впечатляющий статистический очерк, включавший в себя оценки населенности страны, размещения населения, состояния земледелия, запасов минеральных ресурсов, городов, социальных классов и т.п.

Последующие поколения британских ученых добавили к этой схеме ряд других открытий. Поэтика жанра обогатилась такими приемами, как взгляд на страну с высоты птичьего полета, методология — принципом единого источника, вокруг комментария к которому строилось повествование, принципом последовательных «кросс-секций», что позволяло ввести в исследование диахроническое измерение. Важно отметить, что со времен Маколея прием ассоциировался с либеральной историографией, внимательной к истории социальных классов и политической экономии. Преемственность этого подхода, в том числе и наследственная, отмечалась в предисловии к книге Дж. Тревельяна «Англия во времена королевы Анны»: «Маколеева “История” была выпущена в 1848 г., в разгар чартистского движения, а “История” Тревельяна — в 1926 г., в год Великой Стачки»³⁹.

Примером этой историографической тенденции и, в частности, интересующего нас приема является этюд П.У. Джойса «Социальная история древней Ирландии» (1903). Вторая глава этой книги, посвященной «картине ирландского общества» с древнейших времен до норманнского нашествия, представляла собой «предварительный взгляд с высоты птичьего полета» на остров: от ландшафта, данного общим планом, со всеми его дремучими лесами, болотами и пустошами, следовало движение к местам обжитым; сначала описывались местности, способные привлечь охотников и скотоводов, затем дороги, затем уже типичные деревни и обычная жизнь их населения, ярмарки, монастыри и т.п. Автор, как и его английские коллеги по жанру, подчеркивал вводный характер своего очерка, призванного лишь привлечь внимание читателя к тому, что ниже будет рассмотрено в подробностях: «далее мы рас-

³⁹ Trevelyan 1930: ix.

смотрим все эти черты <...> поочередно, словно бы направляя на них большой телескоп, способный сообщить нам все детали»⁴⁰.

Изначальная риторическая составляющая приема, как кажется, отошла на задний план в практике дарбианской «географической» исторической географии, которая утверждала его в качестве исследовательского инструмента и понимала под «кросс-секциями» прежде всего методику картографирования историко-статистических данных. Между тем, историки, до сих пор предполагающие трудам очерк страны с высоты птичьего полета (см. слова К. Хьюз в начале этого раздела), и привязывающие обзоры региональной истории к определенным датам, может быть, неосознанно, следуют той же риторической линии, что Маколей, Джойс и Тревельян. Современная историография раннесредневековой Ирландии не представляет здесь исключения. В качестве примеров приведем уже упоминавшийся очерк географии Ирландии в VII в. Т. Чарльза-Эдвардса, книгу М. Рихтера, очерки средневекового ландшафта из монографий Д. О'Кронина и Л. Байтель⁴¹.

Остров к западу от большего острова

Аванпост расположен на самом краю осевых структур, которые устремлены из Азии в Европу; самое важное влияние на ход ирландской истории оказывает тот факт, что это остров, и остров, соседствующий с большим островом — Великобританией

(Г. Коул. Аванпост Ирландия. 1919 г.)⁴².

Ирландия и Британия были поставлены природой в такой близости, что судьбы их с неизбежностью должны были оказывать друг на друга разнообразное воздействие <...> География и история Ирландии, которая находится к западу от большего острова, с древнейших времен ощущали на себе его влияние (Э. Кертис. История Ирландии с древнейших времен до 1922 г. 1936 г.)⁴³.

Считается, что судьба нашего острова <...> имеет ту же природу, что и судьба Англии. Ни история, ни география не подтверждают этой теории. Жизнь обоих островов всегда

⁴⁰ Joyce 1903: 27–36, esp.: 36.

⁴¹ Charles-Edwards 2000; Richter 1999; Ó Cróinín 1995; Bitel 1990.

⁴² Cole 1919: 9.

⁴³ Curtis 1936: i.

очень отличалась. <...> Два острова всегда имели разную историю; их торговые пути были различными; они жили порознь, и цивилизации их развивались порознь.

(Э. Грин. Ирландская национальность. 1911 г.)⁴⁴.

Нужно сказать, что рассмотренные в предыдущих разделах работы не принадлежат к области *исторической географии* (historical geography) в том узком смысле, который принят в англоязычной историографии. Первый специальный труд, которым открывается библиография исторической географии Ирландии⁴⁵, датируется 1925 г. и принадлежит перу британского географа У. Фитцджеральда, работавшего в университете Манчестера⁴⁶. «Историческая география древней Ирландии», созданная под влиянием региональных монографий французской школы «географии человека» (géographie humaine) не была первой в ряду подобных описаний. В качестве ее предшественников, и тематических, и жанровых, необходимо назвать книги О. Хоуварта (1911) и, особенно, Г. Коула (1859–1924)⁴⁷.

В 1919 г. этот ирландский геолог сформулировал в своей книге, вероятно, не новую, но ставшую популярной в его трактовке идею Ирландии как аванпоста евразийского материка (см. эпиграф 1 к этому разделу), обосновав этот тезис и с точки зрения физической географии и с точки зрения географии исторической. Коул, в духе своего времени, понимал под исторической географией демонстрацию причинно-средственных связей между фактами природными и социальными: он описал в своей книге многочисленные исторические последствия местоположения Ирландии. Мы отметим только один прием, словно бы восходящий к тому фрагменту из Беды, о котором говорилось в самом начале — специфическое положение Ирландии описывалось путем его сравнения с положением Британии. В историко-географической секции монографии Коула эта параллель проводилась последовательно и постоянно: от сожаления по поводу благ римской цивилизации, которых Ирландия лишилась, потому что Агрикола не располагал

⁴⁴ Green 1911: 7–8.

⁴⁵ Kenny 1929: 100.

⁴⁶ Fitzgerald 1925.

⁴⁷ Howart 1911; Cole 1919.

дополнительным легионом, до характерных утверждений о том, что во времена англо-саксонского завоевания Британии ирландские монахи сохранили «в убежище аванпоста» сокровища латинской и греческой учености⁴⁸. В этом же духе «физико-географических причин истории англо-ирландских отношений» была выдержана и третья часть работы — собственно региональное описание Ирландии. Лейнстерский барьер характеризовался как «западный фронт» Англии; Ольстер объявлялся ориентированным на восток в силу одной только своей геологической структуры: «для них <жителей Ольстера> естественно смотреть на восток, их сепаратизм по отношению к остальной Ирландии нельзя считать простым своеобразием», писал Коул⁴⁹.

«Историческая география» Фитцджеральда была, в отличие от работы Коула, написана не в инвайронменталистской, но в possibilistской манере; У. Фитцджеральд был осторожнее в обобщениях и примерах. Тем не менее, повествование, состоявшее из двух частей — регионального описания современной Ирландии и очерков исторической географии острова с доисторических времен до нашествия викингов — было вставлено в риторическую рамку «островной» концепции. Хронология работы ограничивалась тем периодом, когда между Ирландией и Англией не существовало постоянных политических связей. По мнению Фитцджеральда, культурное своеобразие острова с приходом англичан было утрачено: в последние столетия, писал он «все важные европейские тенденции, достигавшие Ирландии, сначала оказывали влияние на цивилизацию Британии... и в значительной степени изменяли свой характер при пересечении большего острова»⁵⁰.

Продолжатель историко-географической жанровой традиции Фитцджеральда, создатель классического регионального описания Ирландии Т. Фримен также начинал свою книгу с констатации влияния, которое один остров Британского архипелага оказывал в Новое время на историческую судьбу другого⁵¹. Вступление к его

⁴⁸ Cole 1919: 34, 38, 43.

⁴⁹ Cole 1919: 52, 64.

⁵⁰ Fitzgerald 1925: 2–3.

⁵¹ Freeman 1950; Фримен 1952. Историко-географический раздел работы Фримена связан с теми же влияниями, что и книга Фитцджеральда. Взгляды Фримена по этому вопросу описаны им в статье (Freeman 1946): это также

книге со всей очевидностью свидетельствует о том, что прием «двух островов» не является исключительной прерогативой историко-географического жанра, но входит в арсенал страноведения как такового: Фримен комментировал уникальность Ирландии в системе Британских островов с точки зрения геологии, климатологии, экономической географии, но наибольший акцент был сделан, тем не менее, на исторической аргументации⁵².

Как отмечают современные историки ирландской исторической географии, «островной» сюжет, составивший первый этап развития дисциплины в XX в., был тесно связан с националистической историографией, где утверждался в качестве одной из причин культурной уникальности острова. При этом схема взаимодействия двух островов подвергалась диаметрально противоположным оценкам (см. эпиграфы 2–3). Патриотические авторы, такие как А. Грин, писали, что островное положение аванпоста, ориентированного на запад, «чьи крутые склоны отвесно возвышаются над водой, подобно бастионам, поставленным против необозримого моря»⁵³ в корне отличается от островного положения Великобритании, которая всегда была обращена к востоку; другие, настроенные более уравновешенно, как Э. Кертис, заявляли о том, что история обоих островов неотделима друг от друга⁵⁴. Для современной исторической географии Ирландии, начиная с Э. Эванса, характерна критика этой концепции. Эванс указывал в своей книге на второй смысл термина “insularity” (предубежденность, отсутствие широты мышления), и отмечал, что островное положение есть природный феномен, но не основная причина; продолжая его

поссибилистская программа в духе Видаль де ла Блаша и Л. Февра. Вместе с тем, он возлагал надежды на то, что в скором времени для Ирландии будет проделан опыт кросс-секций в дарбианском стиле. Характерен комментарий русских редакторов монографии Фримена (сокращенный перевод книги в исполнении Л.М. Сапгир и Р.Р. Оберга был выпущен в Москве в «Издательстве иностранной литературы» в 1952 г.) См. примечание на с. 1: «Название книги изменено в русском переводе, так как редакция изыла исторический очерк, представляющий собой смесь теоретической путаницы с явным извращением фактов».

⁵² Freeman 1950: 1–5.

⁵³ Green 1911: 7.

⁵⁴ Curtis 1936: v.

мысль, Б. Грэхем и Л. Праудфут писали о необходимости преодолеть методологическую инсулярность путем расширения арсенала историко-географических метафор и сопоставлений⁵⁵.

Личность Ирландии

<...> между этими противоположными полюсами природа Франции породила целую гамму оттенков, которых мы не находим нигде более <...> Смещение Севера и Юга наиболее отчетливо выражается в таких странах перехода, как Бургундия или Турень, которые представляют собой, по словам Мишле, «связующий элемент Франции» (*l'élément liant de la France*). Но можно сказать, что это смещение и есть сама Франция

(П. Видаль де ла Блаш.
Картина географии Франции. 1903 г.)⁵⁶.

<...> как и во многих других странах, определяющими были различия во взглядах между севером и югом. Возникшие между ними натяжения, как положительного, так и отрицательного свойства, есть часть индивидуальности острова

(Э.Э. Эванс. Личность Ирландии. 1973 г.)⁵⁷.

Во все времена различия между севером и югом определялись как разным происхождением прибывающих на остров культур и народов, так и контрастами природы самой Ирландии. На севере они происходили преимущественно из северной Британии, на юге — из южной Британии или напрямую из Западной Европы

(Э.Э. Эванс. Личность Ольстера. 1970 г.)⁵⁸.

Особое место в истории островной исторической географии принадлежит трудам Э.Э. Эванса (1905–1989). Профессор географии университета Квинс в Белфасте, ученик валлийского ученого Х. Флера (H. Fleure) привнесший в ирландскую академическую традицию открытия французской школы «географии человека», «Анналов», американской школы «культурной географии» К. Зауэра, разработал на ирландском материале комплексную программу регионального синтеза, суть которой лучше всего описывает

⁵⁵ MacCarthy 2002: 535; Evans 1981: 18–20; Graham, Proudfoot 1993: 1–18.

⁵⁶ Vidal de la Blache 1908: 47–48.

⁵⁷ Evans 1981: 77.

⁵⁸ Evans 1970: 9.

подзаголовок к его книге 1973 г. «Личность Ирландии»: «Habitat, Heritage and History»⁵⁹. Первый феномен — то есть природную среду изучает география, второй — традицию или наследие, «бесписьменный отдел человеческой истории» — антропология, третий — письменную историю, разумеется, историческая наука. Специалист, обращающийся к региональному синтезу, описанию страны во всей полноте отношений, существующих между землей и человеком, должен сочетать все три подхода, считал Э. Эванс, и доказывал это свое утверждение на практике⁶⁰.

В данном случае нас интересует лишь один аспект этой практики; несомненно, в трудах того же Эванса понятие «личность / индивидуальность» (personality) Ирландии имело символический характер и обозначало вообще всю его исследовательскую методологию, но, вместе с тем с самого начала это был конкретный прием организации информации, который может быть описан в очень простых терминах. Собственно, первая глава «Личности Ирландии» отчасти посвящена его истории, восходящей к французской историографии.

Прародителем этого страноведческого жанра стал историк Ж. Мишле, использовавший в 1833 г. слово «личность» (personne) для характеристики Франции⁶¹. Основной прием подобных текстов, посвященных описанию отношений природы и человека в границах одного региона, сводится к выявлению и характеристике двух полярных пространственных детерминант, определяющих его своеобразие. В географический термин слово «personnalité» (т.е. личность, индивидуальность, характер) превратил французский географ П. Видаль де ла Блаш. В книге «Картина географии Франции» (1903) он отмечал, что личность (характер, лицо, физиономия, *physionomie*) Франции это — единство в разнообразии: «Слово, которое лучше всего характеризует Францию — разнообразие»⁶².

В IV-й главе первой части книги разнообразие Франции описывалось как множество переходных ступеней, нюансов, расположенных в пространстве между двумя полюсами — Севером и

⁵⁹ Graham, Proudfoot 1993: 1–2; MacCarthy 2002: 542–543.

⁶⁰ Evans 1981: 2–4.

⁶¹ Michelet 1875.

⁶² Vidal de la Blache 1908: 39.

Югом. Сами крайние пространства страны, в свою очередь, также были представлены в виде оппозиций (Юг Франции характеризовался контрастным переходом от юга средиземноморского к югу атлантическому, север — большим количеством разнообразных вариаций ландшафта, климата, почвы и т.д. в рамках одной общей зоны). Региональной квинтэссенцией Франции объявлялись переходные зоны между Севером и Югом (см. эпиграф 1 к этому разделу).

Применение подобного приема было невозможно без обращения к прошлому, факты которого должны были подтверждать те тенденции, которые автор наблюдает в настоящем; историко-географические пассажи стали опорой нарративов, которые создали в этом жанре последователи Видаль де ла Блаша, в том числе представители британской и американской географических школ⁶³.

Та же самая схема, но в несколько усложненном виде, была использована Э. Эвансом в двух работах: первая из них была посвящена «личности Ольстера», северной ирландской провинции, с которой географ был тесно связан и профессионально и биографически; его подход предполагал признание отчетливой индивидуальности этой провинции, несомненно, восходящей ко временам более древним, чем протестантская колонизация XVII в.⁶⁴ Вместе с тем, индивидуальность этого региона, «возникающая со временем производная взаимного влияния человека и природы», пред-

⁶³ Здесь в первую очередь должна быть упомянута работа английского археолога Сирила Фокса (Cyril Ford Fox, см. Fox 1952). В книге «Личность Британии» (1932) он представил географию человека доисторической Британии в виде двух зон — западного Хайлэнда и юго-восточного Лоулэнда. Другой известной работой, также ориентированной на реконструкцию доисторических паттернов расселения, влияние которых прослеживалось и в современной географии региона, была статья американского географа Карла Зауэра (Carl Ortwin Sauer, см. Sauer 1941) «Личность Мексики». Зауэр, также как Видаль де ла Блаш во Франции, и Фокс в Британии, обнаруживал в Мексике оппозицию севера и юга, стараясь показать, как взаимодействие двух провинций, порождавших свои собственные уклады, формировало «доминирующие черты страны». Уникальность Мексики, по Зауэру, в том, что она является местом встречи высоких культур Юга и примитивных культур Севера (Gran Chichimesca), которые с течением времени постепенно продвигались на юг.

⁶⁴ Evans 1970: 4.

полагала, по мнению Эванса, еще одно внутреннее разделение: «Нельзя отрицать всей мощи этой личности, но внутренние противоречия, которые недавно вызвали вспышку насилия, свидетельствуют о том, что эта личность страдает раздвоением. Рассуждая с точки зрения антропологии, мы видим здесь две эндогамные общины, каждая из которых располагает собственными историческими мифами», писал он⁶⁵.

Тем не менее, как это было показано в четвертой главе книги Эванса «Личность Ирландии», обладающий собственной личностью Ольстер (как север острова) мог быть противопоставлен остальной Ирландии (как югу). Взаимодействие (и противодействие) двух этих начал (см. эпитафии 2 и 3), в свою очередь, характеризовалось Эвансом как «личность Ирландии» и демонстрировалось на множестве примеров, относящихся к физической географии, антропологии и истории острова. Несомненно, историко-географический компонент был важной частью аргументации: существование «Личности Ирландии» доказывали такие факты, как контраст типов гробниц мегалитического населения, отражавший наличие двух культурных потоков, северного и южного, попадавших на остров разными путями; героический эпос, воспевавший постоянную войну между уладами (династией древнего Ульстера) и народами остальных провинций; четкое разделение сфер влияния северо-восточных и юго-западных святых в эпоху христианизации острова и т.д.⁶⁶.

Заключение

Данный опыт описания устойчивых приемов географической характеристики в двух академических традициях, связанных с изучением ирландской исторической географии, вероятно, не является исчерпывающим. Не ставя перед собой историографических целей как таковых, мы вынуждены были обойти молчанием как фундаментальные тенденции, определявшие развитие обеих наук на протяжении полутора столетий, так и подробности интеллектуального контекста отдельных эпизодов этой истории. Задачей этого очерка была лишь предварительная инвентаризация довольно широкого круга текстов.

⁶⁵ Evans 1970: 4.

⁶⁶ Evans 1981: 77–83.

Американский географ Д. Мейниг как-то замечал в своей работе, что такие рутинные операции как постановка цели, отбор данных, подбор слов и формулировка утверждений едва ли относятся к «искусству географии», но представляют собой лишь ремесло ученого⁶⁷. Однако подлинный научный синтез, приправленный художественной интуицией, апологии которой было посвящено эссе Мейнига, задается теми самыми рутинными практиками. Скромные академические привычки, практические методологии оказывают влияние на формальную сторону больших нарративов, определяющих лицо науки.

Сложности междисциплинарного диалога, очевидные, когда мы пытаемся дать определение исторической географии, связаны и с этими изначальными правилами жанра. Здесь, как кажется, целесообразно обратиться к понятию географического образа, известного в теории и практике отечественной гуманитарной географии⁶⁸. Географический образ как устойчивое представление о территории формируется в результате взаимодействия иных географических понятий. В рассмотренных выше случаях представление об Ирландии как о географическом единстве формировалось через посредство: (1) идеи исторической провинции; (2) последовательности политико-географических образов конкретного путешествия; (3) картины ландшафта острова, привязанной к определенной эпохе и данной в соотношении с другими подобными историческими срезами (как минимум, одним, современным читателю); (4) системы из двух островов, позволяющей охарактеризовать культурно-историческую специфику одного из них путем сопоставления с другой частью архипелага; (5) подобной же системы, но построенной на географических оппозициях, намеченных внутри самого острова.

Касаясь функционального аспекта представленных образов, возможно обратиться к таксономии, предложенной Н.Ю. Замятиной, которая отмечала в своей работе несколько возможных типов информационных процедур взаимосвязей географических образов в страноведении⁶⁹. Очевидно, что в каждом рассмотренном нами

⁶⁷ Meinig 1983: 314.

⁶⁸ Замятин 2003; Замятина 2001.

⁶⁹ Замятина 2001: 40–58. Среди таких процедур Н.Ю. Замятина отмечала следующие: *трансляционные* (сравнение двух объектов, указание на условное

случае мы имеем дело с набором подобных процедур: так, представление (1) об Ирландии как сумме четырех (пяти) исторических провинций относится к трансляционному типу, подразумевающему условное тождество этих объектов; точно также устроено представление (2) о сумме образов путешествия, репрезентирующих остров как единое целое; образ (3) порожден метонимическим переносом образа типичного ландшафта острова в конкретный период времени (свойства, присущего стране) на представление обо всей стране, как географическом объекте; образ (4), построенный на сопоставлении двух географических объектов, допускает несколько вариантов их взаимодействия, в том числе иерархическое соотношение, описание специфики одного объекта как сферы влияния другого и т.п. Наконец, образ (5) также относится к трансляционному типу условного тождества, при котором единый образ территории описывается как сумма двух противопоставленных регионов.

Вместе с тем, такой подход, связанный с практикой традиционного страноведения, не учитывает историко-географического измерения составных географических образов. В отличие от образов классического страноведения, описывающего современную читателю земную поверхность в синхронии, историко-географические представления всегда существуют еще и в диахронии, которая определяется временной дистанцией между историческим пространством, которое описывается, и пространством, современным автору.

Выраженное внимание к этому второму пространству — довольно важный маркер географического подхода: так, в случаях (4) и (5) историко-географические экскурсы предпринимаются авторами в пояснительных целях, для полноценного описания географии нынешней Ирландии; очерки исторической географии в случаях (1) и (2), напротив, представляют собой реконструкции, полученные в результате обработки синхронных друг другу исто-

ментальное тождество объектов), *распределительные* (указание на прямое взаимодействие объектов, указание на их конкуренцию), *информационно-распределительные* (указание на генетические взаимосвязи двух объектов, образы сферы влияния объекта, иерархическое соположение объектов), *информационные структуры географического положения* (информация о свойствах географического объекта, обусловленных его положением в ряду других объектов).

рических источников; эти тексты не подразумевают систематического сопоставления географии прошлого с географией, современной читателю. Случай (3) имеет переходный характер; здесь было бы полезно вспомнить классификацию историко-географических жанров Г.К. Дарби (см. Таблицу 1).

1954	1962	Содержание
The Geography Behind History (География, идущая за историей)	Geographical History	Исторические сочинения, составной частью которых является географический очерк территории, на которой развивается действие.
Past Geographies (Географии прошлого)	Geographies of the Past	Географические сочинения, посвященные реконструкции географии прошлого, кросс-секции (горизонтальный подход)
History behind Geography (История, идущая за географией)	Changing Landscapes	Географические сочинения, посвященные диахронической эволюции ландшафта (вертикальный подход)
Historical Element in Geography (Исторический элемент в географии)	The Past in the Present	Географические сочинения, посвященные современной региональной географии, в которых, в целях объяснения сегодняшних феноменов, используется ретроспективный метод.

Таблица 1.

Классификация историко-географических жанров по Г.К. Дарби⁷⁰.

Лекции Дарби не касались случаев (1) и (2), но довольно адекватно описывают остальные три примера. Мы видели, что случай (3), ставший обычным приемом в арсенале современного историка (пункт 1 в классификации Дарби, «География, идущая за историей»), берет свое начало в демократической историографии XIX в. Интерес автора к современному ландшафту здесь носит лишь риторический характер — «леса в Ирландии были тогда намного гу-

⁷⁰ Darby 1954; Darby 1962; Darby 2002.

ще, чем теперь». Однако в географической науке усилиями британских географов этот прием превратился в жанр, который родоначальник этого направления окрестил «географиями прошлого» (пункт 2 в классификации Дарби). Критика, которой подвергался этот подход со стороны географического сообщества, со временем привела к введению в историко-географическую практику так называемого *вертикального подхода* (пункт [3], «История, идущая за географией»), который сочетался с «географиями прошлого» и также отличался интересом к объяснительным историко-географическим моделям, интегрированным в описания современного ландшафта.

Традиционность академических жанров, препятствующая практическим контактам двух сообществ преодолима с их же помощью. Выше уже говорилось о замечательных трудах Э. Эванса; среди совсем недавних примеров — выпуск долгожданного тома «Новой истории Ирландии», посвященного доисторическому периоду и раннесредневековой истории острова. Запоздавший первый том задуманной несколько десятилетий тому назад серии предваряется обширным очерком выдающегося ирландского историко-географа Дж. Эндрюса «Географическая составляющая ирландской истории»⁷¹. Очевидно, что это региональное описание, описание острова в наши дни, аргументация которого опирается на большое количество исторических отступлений, вдохновлено знаменитым примером Видаля де ла Блаша, который открывал своей «Картиной географии Франции» перечень книг «Большого Лависса», написанных историками.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бирн 2006 — *Бирн Ф. Дж.* Короли и верховные правители Ирландии / Пер. с англ. С.В. Иванова. СПб., 2006.
- Замятин 2003 — *Замятин Д.Н.* Гуманитарная география: пространство и язык географических образов. СПб., 2003.
- Замятина 2001 — *Замятина Н.Ю.* Взаимосвязи географических образов в страноведении. Диссертация на соискание учёной степени кандидата геогр. наук. М., 2001.

⁷¹ Andrews 2005: 1–31.

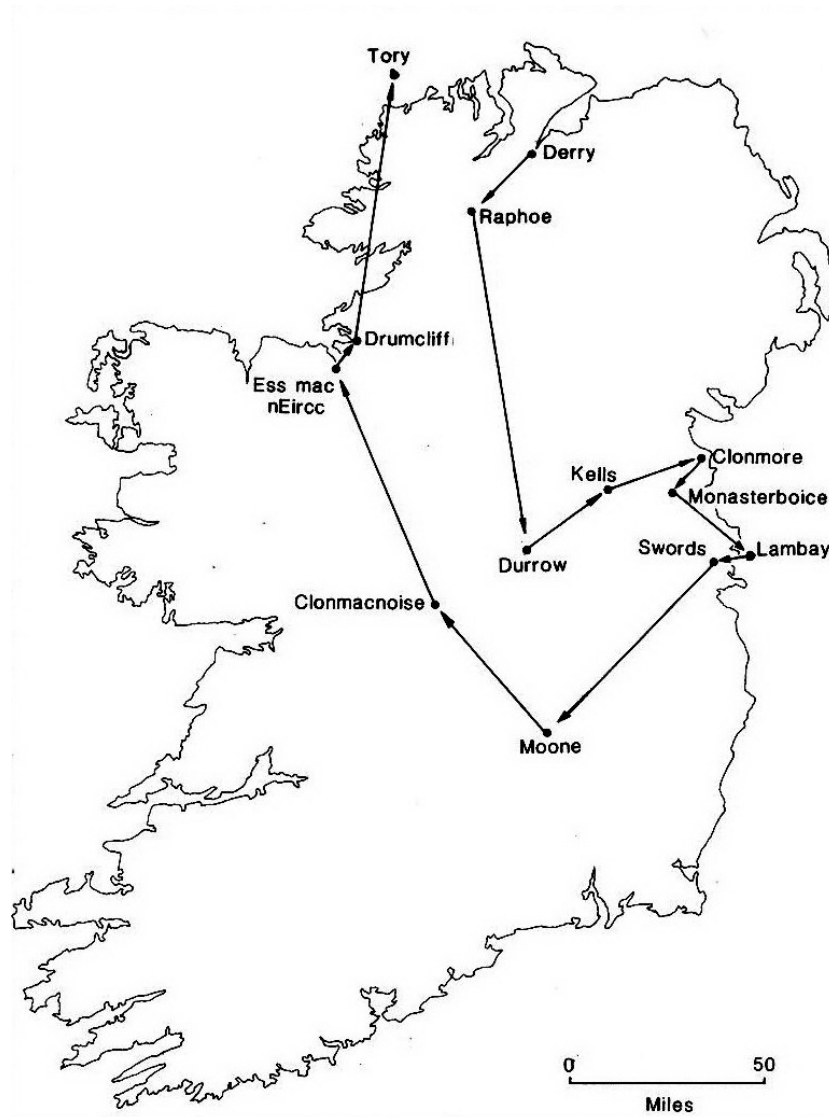
- Митин 2009 — *Митин И.И.* Описывая, воображая и конструируя пространство России: Э. Реклю, В.П. Семёнов-Тян-Шанский и географические описания XXI века // Россия: воображение пространства / пространство воображения. М., 2009. С. 52–68.
- Рисы 1999 — *Рис А., Рис Б.* Наследие кельтов. Древняя традиция в Ирландии и Уэльсе / Пер. с англ. Т. Михайловой. М., 1999.
- Фримен 1952 — *Фримен Т.* Ирландия: физическая и экономическая география / Сокр. пер. с англ. Л.М. Сапгир и Р.Р. Оберга, ред. и вступ. ст. В.Э. Куниной. М., 1952.
- Andrews 2005 — *Andrews J.H.* The Geographical Element in Irish History // A New History of Ireland. Oxford, 2005. Vol. I. Prehistoric and Early Ireland / Ed. by D. Ó Cróinín. P. 1–31.
- An Historical Geography 1936 — An Historical Geography of England before AD 1800 / Ed. by H.C. Darby. Cambridge, 1936.
- Baker 2003 — *Baker A.R.H.* Geography and History: Bridging the Divide. Cambridge, 2003.
- Barnes, Duncan 1992 — *Barnes T.J., Duncan J.S.* Introduction. Writing worlds // Writing worlds: discourse, text, and metaphor in representation of landscape / Ed. by T.J. Barnes, J.S. Duncan. Oxford, 1992. P. 1–17.
- Bitel 1990 — *Bitel L.M.* Isle of Saints: Monastic Settlements and Christian Community in Early Ireland. Ithaca, New York, 1990. P. 17–56.
- Charles-Edwards 2000 — *Charles-Edwards T.M.* Early Christian Ireland. Cambridge, 2000.
- Cole 1919 — *Cole G.A.J.* Ireland, the Outpost. Oxford, 1919.
- Curtis 1936 — *Curtis E.A.* History of Ireland: From the Earliest Times to 1922. London, 1936.
- Darby 1960 — *Darby H.C.* An Historical Geography of England: Twenty Years after // The Geographical Journal. 1960. Vol. 126 (2). P. 147–159.
- Darby 1954 — *Darby H.C.* On the Relations of History and Geography // Transactions and Papers (Institute of British Geographers). 1954. Vol. 19. P. 1–11.
- Darby 2002 — *Darby H.C.* The Relations of History and Geography: Studies in England, France and the United States. Exeter, 2002.
- Darby 1962 — *Darby H.C.* The Problem of Geographical Description // Transactions and Papers (Institute of British Geographers). 1962. Vol. 30. P. 1–14.
- Evans 1981 — *Evans E.E.* The Personality of Ireland: Habitat, Heritage and History. Belfast, 1981.
- Evans 1970 — *Evans E.E.* The Personality of Ulster // Transactions of the Institute of British Geographers. 1970. No 51. P. 1–20.

- Fitzgerald 1925 — *Fitzgerald W.* The Historical Geography of Early Ireland. London, 1925 (The Geographical Teacher. Suppl. No 1).
- Fox 1952 — *Fox C.* The Personality of Britain: Its Influence on Inhabitant and Invader in Prehistoric and Early Historic Times. Cardiff, 1952.
- Freeman 1946 — *Freeman T.W.* Historical Geography and the Irish Historian // *Irish Historical Studies*. 1946. Vol. 5 (18). P. 139–146.
- Freeman 1950 — *Freeman T.W.* Ireland. Its Physical, Historical, Social and Economic Geography. London, 1950.
- Graham 1994 — *Graham B.J.* The Search for the Common Ground: Estyn Evans's Ireland // *Transactions of the Institute of British Geographers*. New Series. 1994. Vol. 19 (2). P. 183–201.
- Graham, Proudfoot 1993 — *Graham B.J., Proudfoot L.J.* Introduction. A Perspective on the Nature of Irish Historical Geography // *An Historical Geography of Ireland* / Ed. by B.J. Graham, L.J. Proudfoot. London; San Diego, 1993. P. 1–18.
- Green 1911 — *Green A.S.* Irish Nationality. New York, 1911.
- Herbert 1988 — *Herbert M.* Iona, Kells, and Derry: the history and hagiography of the monastic familia of Columba. Oxford, 1988.
- Herbert 2000 — *Herbert M.* Rí Éirenn, Rí Alban, kingship and identity in the ninth and tenth centuries // *Kings, clerics and chronicles in Scotland* / Ed. by S. Taylor. Dublin, 2000. P. 62–72.
- Hogan 1910 — *Hogan E.* Onomasticon Goedelicum locorum et tribuum Hiberniae et Scotiae. Dublin, 1910.
- Howart 1911 — *Howart O.J.B.* A Geography of Ireland (The Oxford Geographies). Oxford, 1911.
- Hughes 1972 — *Hughes K.* Early Christian Ireland: Introduction to the Sources. Ithaca, New York, 1972.
- Joyce 1903 — *Joyce P.W.* A Social History of Ancient Ireland. London, 1903.
- Kenney 1929 — *Kenney J.F.* The Sources for the Early History of Ireland: An Introduction and Guide. New York, 1929. Vol. 1. Ecclesiastical.
- Lilley 2011 — *Lilley K.D.* Geography's medieval history: A neglected enterprise? // *Dialogues in Human Geography*. 2011. Vol. 1 (2). P. 147–162.
- Macalister 1938–1956 — *Lebor Gabála Éirenn*. The Book of the Taking of Ireland / Ed. by R.A.S. Macalister. Dublin, 1938–1956. 5 vols.
- Macaulay 1864 — *Macaulay T.B.* The History of England from Accession of James the II. London, 1864.
- MacCarthy 2002 — *MacCarthy M.* Writing Ireland's historical geographies // *Journal of Historical Geography*. 2002. Vol. 28 (4). P. 534–553.

- MacNeill 1920 — *MacNeill E.* Phases of Irish History. Dublin, 1920.
- Mac Niocaill 1972 — *Mac Niocaill G.* Ireland before the Vikings. Dublin, 1972 (The Gill History of Ireland, i).
- Meinig 1983 — *Meinig D.* Geography as an Art // Transactions of the Institute of British Geographers. New Series. 1983. Vol. 8 (3). P. 314–328.
- Merrills 2005 — *Merrills A.H.* History and Geography in Late Antiquity. Cambridge, 2005.
- Michelet 1875 — *Michelet J.* Tableau de la France: géographie physique, politique et morale. Paris, 1875.
- Ó Corráin 1972 — *Ó Corráin D.* Ireland before the Normans. Dublin, 1972 (The Gill History of Ireland, ii).
- Ó Cróinín 1995 — *Ó Cróinín D.* Early Medieval Ireland, 400–1200. Harlow, 1995. P. 85–109.
- O'Meara 1948–1950 — Giraldu Cambrensis in Topographia Hibernie. Text of the First Recension / Ed. by J.J. O'Meara // Proceedings of the Irish Academy. 1948–1950. Vol. 52. Section C. P. 113–178.
- O'Rahilly 1957 — *O'Rahilly T.* Early Irish History and Mythology. Dublin, 1957.
- Plummer 1896 — Venerabilis Bedae Historia Ecclesiastica Gentis Anglorum // Venerabilis Bedae Opera Historica / Ed. by C. Plummer. Oxonii, 1896. T. I.
- Plummer 1910 — Vita sancti Abbani abbatis de Magh Arnaide // Vitae Sanctorum Hiberniae / Ed. by C. Plummer. Oxonii, 1910. T. I.
- Reading Human Geography 1997 — Reading Human Geography: The Poetics and Politics of Inquiry / Ed. by T.J. Barnes, D. Gregory. London, 1997.
- Richter 1999 — *Richter M.* Ireland and her neighbours in the seventh century. Dublin, 1999.
- Sauer 1941 — *Sauer C.O.* The Personality of Mexico // Geographical Review. 1941. Vol. 31 (3). P. 353–364.
- Sharpe 1991 — *Sharpe R.* Medieval Irish Saints' Lives: An Introduction to Vitae Sanctorum Hiberniae. Oxford, 1991.
- Trevelyan 1930 — *Trevelyan G.M.* England under Queen Anne. London, 1930. Vol. 1.
- Vidal de la Blache 1908 — *Vidal de la Blache P.* La France. Tableau géographique. Paris, 1908.

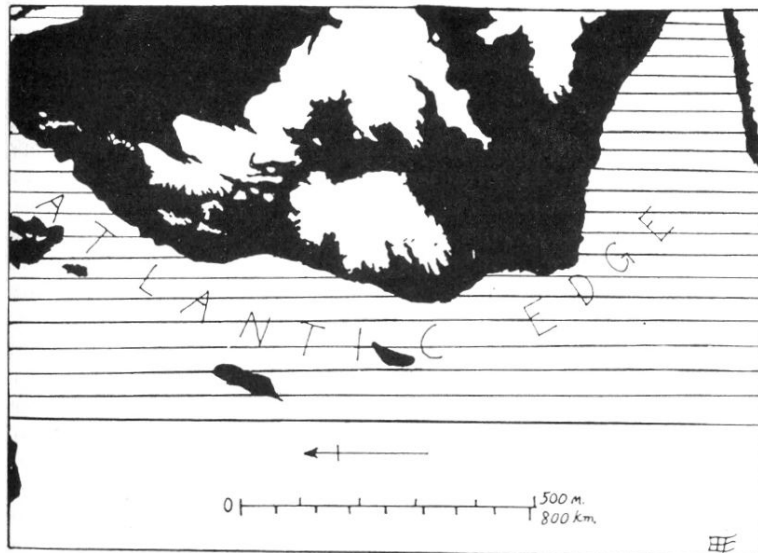
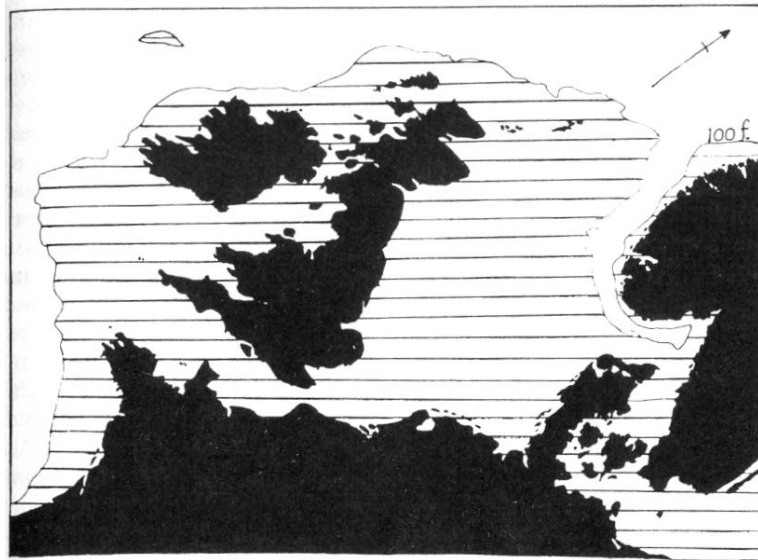
Илл. 1.
 Политическая география Ирландии ок. 900 г. (Ф. Бирн).

Илл. 2.
 Путешествие святого Колума Килле согласно ирландскому житию XII в.
 (М. Херберт).

Илл. 3.
Политическая география Ирландии ок. 950 г. (У. Фитцджеральд).

Илл. 4.
Два способа взглянуть на Ирландию (Э. Эванс).

В.В. ЧИХИЧИН

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ОБРАЗ СТАВРОПОЛЯ

ОТ ГОРОДА-КРЕПОСТИ
ДО СТОЛИЦЫ ЖИТНИЦЫ И ЗДРАВНИЦЫ

Аннотация: Историко-географические образы территорий содержат не только современные представления, связанные с историей этих территорий, а отражают динамику представлений населения о городах и регионах с момента вхождения в сознание населения до настоящего времени. Трансформация образа Ставрополя проходила в четыре этапа под влиянием как внешних, так и внутренних факторов. Критериями для выделения этапов послужили административные преобразования, важные исторические события, изменение особенностей самого города. Первый этап — вхождение образа Ставрополя в общественное сознание населения России (1777–1847), второй этап — закрепление образа Ставрополя в общественном сознании населения России (1847–1917), третий этап — Изменение образа Ставрополя в советское время (1917–1991), четвертый этап — трансформация образа Ставрополя в постсоветское время (с 1991 г.).

Ключевые слова: историко-географический образ города, представления населения, Азово-Моздокская оборонительная линия, Северный Кавказ, Ставропольский край.

Ставрополь прожил уже почти 235 лет. Он заслужил право официально называться историческим городом России. За это время много событий произошло как на его непосредственной территории, так и в крае, им «возглавляемый». Масштабность этих событий была достаточной, а время свершения регулярным, чтобы о «городе креста»¹ быстро узнали жители на всем российском пространстве и в дальнейшем никогда не теряли его из памяти. Одним словом, Ставрополю повезло: звезды над сорок пятой параллелью²

¹ Именно так переводится название Ставрополя с греческого языка.

² Географические координаты Ставрополя — 45°с.ш. 42°в.д.

сошлись таким образом, что он, не став городом-миллионером, крупным индустриальным центром, имея не очень выгодное транспортное положение, превратился в неотъемлемый элемент географической памяти россиян и в устойчивый фокус образно-географического пространства России. Слово «Ставрополь», вызывая как положительные, так, к сожалению, и отрицательные ассоциации, всегда было знакомо если не всем, то подавляющему большинству жителей нашей огромной страны.

Речь в нашей статье пойдет не столько об объективных реалиях, случившихся в Ставрополе с момента его основания, а именно о представлениях населения об этом городе, об особенностях, факторах и этапах их трансформации. Совокупность разнородных представлений памяти и воображения о городе, накопленных в сознании человека, содержащих знания, ассоциации, стереотипы, символы и оценки, соотносимые с ним – есть не что иное, как *образ города*.

В зависимости от наполнения образ города может быть историческим, культурным, экономическим, политическим, демографическим, литературным и т.д. Но самый комплексный, насыщенный и если хотите «говорящий» из этих образов, безусловно, географический, изучение которого наиболее эффективно для целей практического характера.

Например, для формирования у населения чувства значимости Ставрополя можно привести список замечательных людей, которые здесь бывали или родились, можно указать цифру обучающихся в его вузах студентов, можно опубликовать фотографии самых красивых зданий и впечатляющих видов. Все это, конечно, подействует на читающего или слушающего информацию об этом городе. Но стоит лишь сказать несколько фраз, среди которых: «Ставрополь — врата Кавказа», «Ставрополь — один из форпостов на Юге России», «Ставрополь — культурная столица Северного Кавказа», «Ставрополь — город, находящийся на одинаковом расстоянии от экватора и северного полюса, от Черного и Каспийского морей», «Ставрополь — столица житницы и здравницы России» и т.д., и сразу этот город ярко засияет на карте всей нашей страны.

Географический образ города — это комплекс представлений конкретной социальной общности о природном, экономическом и

культурно-историческом наполнении городского пространства, о положении и значении города в территориальных образованиях различных иерархических уровней (в мире, стране, федеральном округе, своем регионе, «в самом себе»). С этой точки зрения у города может формироваться культурно-географический, политико-географический, экономико-географический и историко-географический образы. Последние не только и не столько содержат ассоциации, связанные с историей города, а отражают динамику представлений населения о нем.

Единственный метод, который позволит узнать, каким представляло Ставрополь население России в позапрошлом веке или 50 лет назад — это анализ тех письменных источников, которые жители нашей страны могли читать и таким образом формировать образ этого города.

Трансформация географического образа Ставрополя проходила в четыре этапа. Критериями для их выделения послужили, в первую очередь, административные преобразования, а также важные исторические события (Табл. 1). Изменение представлений населения проходило под влиянием внешних и внутренних факторов. Внешние факторы формирования образа города — а это акты государственных действий по отношению к городу или к региону, события, происходящие за их пределами, но влияющие на формирование представлений населения. Внутренние факторы — характеристики, присущие самому городскому поселению: географическое положение, специализация, исторические события, культурные особенности, архитектурный облик и др.

На первом этапе трансформации географического образа Ставрополя формирующей силой были внешние факторы, среди которых главные — обеспечение безопасности юго-западных рубежей России, организация управления территорией Северного Кавказа, внутренние — эстетически привлекательная природа, этническая самобытность, выгоды географического положения. Ведущая роль геополитических процессов в основании города повлияла на формирование его внешнего образа как города-форпоста, города-миссионера, наместника имперской власти. Самобытность и красота окружающей природы были запечатлены в произведениях искусства и литературы, отчего в образе Ставрополя была высока доля романтизма и отчасти мифологизации.

Таблица 1

ЭТАПЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБРАЗА ГОРОДА СТАВРОПОЛЯ

Этапы трансформации образа города Ставрополя	Внешние факторы	Внутренние факторы	Преобладающие элементы
I. Вхождение образа Ставрополя в общественное сознание населения России (1777–1847 гг.).	Безопасность юго-западных рубежей России, организация управления территорией.	Самобытность территории, географическое положение.	Военно-романтические и геополитические.
II. Закрепление образа Ставрополя в общественном сознании населения России (1847–1917 гг.).	Изменение геополитического положения, планомерное освоение ресурсов территории.	Уникальные ресурсы, эстетическая привлекательность природы, изменение географического положения.	Геополитические и экономические.
III. Изменение образа Ставрополя в советское время (1917–1991 гг.).	Становление нового советского государства, особенности региональной политики.	Ресурсы, географическое положение, топоним, размер, исторические события.	Элементы «социалистического реализма».
IV. Трансформация образа Ставрополя в постсоветское время (с 1991 г.).	Распад СССР, появление «горячих точек» на Северном Кавказе, социально-экономический кризис, Создание Северо-Кавказского федерального округа	Ресурсы, географическое положение, статус, топоним, размер, история, специализация.	Негативные элементы геополитического и экономического характера.

Ставрополь — город-крепость и город-миссионер (1777–1785 гг.). Формально образ Ставрополя начинает формироваться в 1777 г. Тогда была заложена крепость № 8 Азово-Моздокской оборонительной линии, 14 лет спустя после закладки первой Моздокской крепости, на местности, которая этому вполне соответствовала: «Ставропольская крепость была построена на небольшом восточном отроге Ставропольской горы. В стратегическом плане этот участок был выбран очень удачно. Крепостная гора являлась господствующей над окружающей местностью»³.

Ставрополь на этапе становления своего образа постепенно начинает входить в общественное сознание населения России. На роль города-крепости указывают уже первые, дошедшие до нас его описания. «Город Ставрополь, начатый укреплением, когда линия Кавказская заводилась, камнем одет с прибавлением некоторых временных укреплений по природному положению сего места, кое на каменной горе лежит», — так описывается город в легенде к одному из первых его планов. «Ставропольская станица была усилена в нескольких местах даже каменной стеной с бойницами» — пишет В. Толстов в «Исторической хронике Хоперского полка Кубанского казачьего войска»⁴.

В первые годы образ Ставрополя локален, о нем мало знали в России. Фрагментарные представления о его географическом положении четко увязывались с Кавказом, а о значении — с оборонительной функцией. Крепостная функция — самая важная по своему значению для становления Ставрополя как культурно-исторического центра. Но была у города и другая роль, не менее значимая функция миссионера, если иметь в виду, что Российская Империя осваивала территории на юго-западных рубежах государства, которые не были охвачены православием. Эта миссия Ставрополя отражена в его топониме, который в переводе с греческого означает «город креста». Смысл его вполне понятен. Казачество, а затем и все славянское население должно было воспринять миф о собственной мессианской роли хранителей истинного православия, его защитников в столкновении с другой цивилизацией⁵.

³ Гниловской 1949: 165.

⁴ Историческая хроника 1896: 24.

⁵ Морозова 1998: 129.

На Северном Кавказе в то время, наверное, не было более «имперского» топонима, разве что название Владикавказа указывало на стремление России «овладеть» непокорными территориями.

Интересно сравнить, каково в то время было место Ставрополя среди других городов Северного Кавказа. Ставропольскую крепость неофициально стали называть городом еще до присвоения ей соответствующего статуса. В 1783 г. князь Потемкин указывает: «Ко взаимной торговле назначены по линии три города для обмена и продажи товаров: Екатериноград, Георгиевск, Ставрополь»⁶. Таким образом, шесть лет спустя после основания крепости, Ставрополь уже именовался городом и, помимо своего военного назначения, стал одним из центров экономических связей с народами Кавказа.

Пока владения России на Кавказе ограничивались поселениями по Тереку, они входили в состав Астраханской области. Но в связи с освоением Предкавказья в 1785 г. было создано Кавказское наместничество в составе Кавказской и Астраханской областей. С этого времени Ставрополь официально становится одним из шести уездных городов Кавказской области. Ее центром был город Георгиевск, который и городской статус получил раньше (в 1783 г.), и в целом, был в то время более значимым, нежели Ставрополь. Что касается других городов Предкавказья, ныне являющихся центрами субъектов РФ, то большинство из них основаны позже (Табл. 2), и их положение было тогда менее выгодным, чем у Ставрополя, который по праву носил статус «ворот на Кавказ».

Таблица 2

ОСНОВАНИЕ ВАЖНЕЙШИХ ГОРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Город	Год основания	Год присвоения городского статуса
Ростов-на-Дону	1761	1786
Таганрог	1775	1775
Ставрополь	1777	1785
Владикавказ	1784	1860
Краснодар	1793	1867

⁶ Кавказские Минеральные Воды 2003: 38.

Черкесск	1804	1931
Новочеркасск	1805	1805
Нальчик	1808	1921
Грозный	1818	1870
Новороссийск	1838	1866
Сочи	1838	1896
Махачкала	1844	1857
Майкоп	1857	1870

Источник:

Города России: Энциклопедия / Под ред. Г.М. Лаппо. М., 2003.

Шло время, мирная жизнь на Кавказе налаживалась, в 1783 г. был подписан Георгиевский трактат, который привел к усилению позиций России на Северном Кавказе. Для местных народов Российской Империя начинает играть роль доминирующей силы в регионе, потеснив своих традиционных соперников в лице Оттоманской Порты и Персии. Ее покровительством стремятся заручиться те горские народы, которые собственными силами не смогли обеспечить себе безопасность от внешней угрозы⁷.

В 1792 г. появились Кавказская и Кубанская линии, в 1830 г. началось строительство Новой линии и освоение Закубанья. Создание укреплений встретило сопротивление горцев, которое вылилось в многолетнюю Кавказскую войну (1817–1864 гг.). Но эти события уже мало затрагивали территорию нынешнего Ставропольского края, что отразилось на ее планомерном освоении и увеличении значимости Ставрополя на Северном Кавказе.

Ставрополь — уездный и областной город (1785–1847 гг.). Центральное положение в Предкавказье способствовало превращению Ставрополя в полифункциональный центр Северного Кавказа. Его функции как крепости в связи со строительством новых, более южных линий сравнительно скоро были утрачены. Ставрополь, потеряв чисто военную функцию, все в большей мере приобретал значение военно-организационного и административного центра. Здесь находился штаб командующего Кавказской армией, были на постое многочисленные дивизии и полки, а также проходили военные отряды в более южные районы⁸.

⁷ Клычников 2004: 317.

⁸ Гниловской 1952: 175.

Ко времени создания оборонительной линии под ее защитой сложился важный почтовый тракт Черкасск — Ставрополь — Моздок, обеспечивающий связь юга европейской России с терским казачеством, Закавказьем и Горячими водами. Ставрополь, расположенный в центральной части этого тракта, по мере заселения и освоения Предкавказья приобретал значение важного транспортного и торгового пункта⁹.

Значимость Ставрополя быстро возрастала: в 1822 г. он стал центром Кавказской области в составе Кавказской губернии. В этом же году происходит событие, важное для трансформации образа города: здесь побывал А.С. Пушкин. Именно он ввел Ставрополь в геокультурное пространство России, упомянув его в повести «Путешествие в Арзрум». Благодаря выдающимся людям, посетившим этот город и описавшим его, о нем узнали не только в пределах локальной территории, но и по всей стране.

А.С. Пушкин писал: «В Ставрополе увидел я на краю неба облака, поразившие мне взоры тому ровно за девять лет. Они были все те же все на том же месте. Это — снежные вершины Кавказской цепи»¹⁰. Хотя данное описание очень небольшое, оно указывает на главную беду Ставрополя, да и других городов региона, которая постоянно мешала им иметь однозначно положительный образ. Неповторимая, завораживающая, затмевающая все природа превалировала в восприятии пространства, и при этом города Северного Кавказа были всего лишь неизбежной необходимостью при использовании даров природы, иногда даже помехой, нарушавшей гармонию столь совершенной красоты. Сами по себе города не представляли никакой ценности, так как были молодыми и неблагоустроенными. На первом плане — горы, воды, а также горцы, привлекающие россиян контрастностью, четко противопоставленной всей русской ментальности.

По поводу эстетической привлекательности Ставрополя того периода генерал-лейтенант Ф.Ф. Торнау писал: «Наружный вид Ставрополя мало соответствует важности политического значения, которое город должен был иметь в глазах людей, обративших на него свои взоры и требования»¹¹. Герой Отечественной войны и

⁹ Гниловской 1952: 175.

¹⁰ Пушкин 1983: 34.

¹¹ Ставрополь 1976: 15.

поэт Д.В. Давыдов отмечал, что «Ставрополь — город не совсем красивый, довольно грязный, несмотря на то, что лежит на некотором возвышении...»¹². Бентковский дает следующее описание: «Ставрополь — тогда уже областной город и центр военного начальства, был более похож на деревню»¹³. Такая оценка могла быть связана с тем, что Ставрополь как городское поселение еще формировался и с тем, что некоторые авторы его описаний были людьми весьма искушенными, видевшими многие российские и иностранные города. А вот по мнению Ф.В. Булгарина в 1823 г. В Ставрополе «строения весьма порядочные: улицы все прямые, а главная и весьма широкая»¹⁴.

Ситуация несколько изменилась после 1837 г., когда в Ставрополь приезжал император. В «Кавказском календаре» так об этом сказано: «До 1837 г. Ставрополь, считаясь главою области, должен был сколько-нибудь равняться по своей наружности с прочими центральными городами внутренних губерний, и в это время едва ли он своею красотою мог перещеголять некоторые наши уездные города. Граждане, не желая уронить значение Ставрополя, постарались свои жилища привести в такой вид, чтобы они заслужили внимания хотя бы за свою опрятность. Эта забота много содействовала к большому водворению в городе чистоты, устройству тротуаров. Сверх того, граждане задумали в это время вымостить главную улицу, которая во время дождей делалась для езды весьма затруднительна»¹⁵.

Город увеличивал свою значимость не только как военный, административный и торговый центр, но и расширялся территориально, в основном, к западу от крепости. Территориальный рост города привел к тому, что в сознании горожан его геопространство «умещалось» в виде системы районов, выполняющих свои функции и имеющих ряд отличительных черт. Анализ карт города 1811 и 1838 гг. показал, что помимо трех, ранее существовавших районов Ставрополя (Крепость, Станица и Солдатская слободка) появились еще Подгорное предместье, Ташла и Воробьевка.

¹² Там же: 16.

¹³ Там же: 17.

¹⁴ Там же: 18.

¹⁵ Кавказский календарь 1851: 7.

Носов, давший описание Ставрополя в 1810 г., выделил в качестве отдельного района и собственно Город, а также привел его характеристику: «Эта часть города изрядно отстроена, улицы правильные, на главной из них проведены тротуары, которые от самих улиц отделяются почти везде каменными канавами»¹⁶.

Очень интересным районом была Воробьевка. Она, будучи отделена от города обширным пустырем, выглядела как самостоятельный поселок и служила в то время в некоторой степени дачным или даже курортным участком. Вот письменное свидетельство этому: «Здания отдавались медикам и другим лицам в наем, искавшим во время лета успокоения от городского шума и от жары, которая для приезжих из внутренних губерний на первый раз казалась невыносимой»¹⁷.

Подгорное предместье находилось между бывшей крепостью и руслем Ташлы, оценивалось оно как самый неблагоустроенный район: «В этой части города улицы кривы, темны, грязны и местами так узки, что двое гуляющих не могут пройти рядом. Некоторые жители справедливо говорят, что Подгорная слободка — лабиринт г. Ставрополя»¹⁸. Ташла считалась самым богатым предместьем, а Солдатская слободка — самым бедным.

Итак, Ставрополь в первой половине XIX в., по мнению горожан и приезжих, — главный военно-административный центр Кавказской губернии, но его внешний вид не соответствовал довольно высокому его значению. Несмотря на то, что Ставрополь имел статус города уже полвека, по благоустроенности он был похож на деревню, но и на этом фоне положительно оценивалась его эстетическая привлекательность, в первую очередь, за счет необычной природы, окружавшей город непосредственно и видимой в ясную погоду с высоты Ставропольской горы.

Временные рамки второго этапа трансформации образа города Ставрополя — годы существования Ставропольской губернии на российской административной карте. Влияние внешних и внутренних факторов практически соразмерно, хотя геополитические процессы все еще имеют большое значение для формирования об-

¹⁶ Носов 1913: 10.

¹⁷ Там же: 11.

¹⁸ Там же: 11.

разов городов всего Северного Кавказа, который в это время воспринимается населением России в большей степени уже как «своя» территория.

Военная составляющая образов городов постепенно уступает место мирным ассоциациям. Ставрополь окончательно становится и почти полвека воспринимается населением России как главный центр Северного Кавказа.

Ставрополь — губернский центр. В 1847 г. Ставрополь становится центром Ставропольской губернии, что сказалось на оценке населением его социальной значимости. Он уже окончательно потерял вид города-крепости. Тем не менее «Ставрополь середины прошлого века — пишет историк А.И. Васильев, — был центром всех гражданских и военных учреждений Северного Кавказа. Он был этапным местом, куда стекались для военной стоянки войска разного оружия, центральным складом разных запасов войск. Жизнь города напоминала собой жизнь военного лагеря, а не мирного промышленного города»¹⁹.

Большую часть промышленных изделий получали из центральных губерний и частично из-за границы. Самый крупный завод в то время был водочный, самая крупная отрасль — свечное дело²⁰. В Ставрополе были также пивоваренный, винокуренный и кирпичный заводы. К 1917 г. в нем появились спичечная, обувная фабрики, литейно-механический, мясоконсервный и суконный заводы.

Во второй половине XIX в. Ставрополь достиг настоящего пика своего развития как военно-организационный и административный центр Северного Кавказа. Расположенный в районе усиленного крестьянского заселения и развивающегося торгового земледелия и животноводства, в центре Главного Кавказского торгового тракта, Ставрополь по темпам роста обгонял все другие города Предкавказья²¹. Он был первым по численности населения городом в регионе, при этом почти 70% его жителей составляли мужчины, что лишний раз свидетельствует о преобладании у города военной функции²². Если сравнивать Ставрополь с другими

¹⁹ Ставрополь 1976: 25

²⁰ Гниловской 1952: 175.

²¹ Куприянова 1981: 182.

²² Кавказский календарь 1851: 17.

крупными городами Северного Кавказа, то 1856 г. он был больше Екатеринодара в два раза, Георгиевска — в три, Владикавказа — в шесть раз. Превосходил он по численности населения перечисленные города и в 1890 г. И только результаты первой общероссийской переписи населения 1897 г. показали, что позиции Ставрополя довольно сильно поколебались, он оказался меньше Екатеринодара и Владикавказа.

К концу XIX в. «звезда» Ставрополя начала постепенно меркнуть, так и не успев ярко вспыхнуть. Дело в том, что резко ухудшилось его транспортно-географическое положение. Владикавказская железная дорога была проложена более чем в 50 километрах южнее города. Однако, за вековую историю Ставрополь накопил промышленный, культурный и социальный потенциал, который позволил ему сохранить свое значение одного из важных региональных центров.

Показательны описания основных городов Северного Кавказа в «Энциклопедическом словаре», составленном Ф.А. Брокгаузом и И.А. Ефроном в 1890 г. В статьях довольно четко просматриваются бытующие в то время образы главных городов этой территории. Самая подробная заметка посвящена Ростову-на-Дону, который назван «одним из богатейших южно-русских городов», «одним из крупнейших торгово-промышленных и важнейшим торговым портом юго-восточной России», да и по численности населения он выбился далеко вперед²³. Второе по образности описание, на наш взгляд, у Владикавказа — «главного города и крепости Терской области», который «кроме военного значения, важен как торговый пункт», в нем проживает «смесь народностей»²⁴. Описания Ставрополя и Екатеринодара более стандартные и «казенные»²⁵, состоят из обычного перечисления отраслей промышленности, национального состава, занятий населения, крупных предприятий, ярких образных характеристик заложено мало.

Внешний вид Ставрополя и уровень его благоустройства и в этот период очень редко удостаивались хвалебных описаний. А.Л. Зиссерман отмечает, что «Ставрополь ничем не отличался

²³ Брокгауз, Ефрон 1899: 138.

²⁴ Брокгауз, Ефрон 1892: 627.

²⁵ Брокгауз, Ефрон 1894: 389.

от любого губернского города средней руки. Два условия только придавали ему особенный характер: костюмы линейных казаков и изредка попадавшихся туземцев, особенно верхами и в полном вооружении»²⁶.

В повести «Казачьи» Л.Н. Толстой дает следующее описание: «Ставрополь, через который он должен был проезжать, огорчил его. Вывески, даже французские, дамы в колясках, извозчики, стоявшие на площади, бульвар и господин в шинели и шляпе, проходивший по бульвару, — больно подействовали на него. От Ставрополя, зато все пошло удовлетворительно: дико, сверх того, красиво и воинственно»²⁷.

По мнению живописца В.В. Верещагина, «Ставрополь ничем не отличается от большинства наших губернских городов и, хотя он считается главным городом Северного Кавказа, но не носит на себе никакого особенного характера»²⁸. А вот слова Ф.М. Шаляпина: «По скучной пыльной дороге мы ехали в еще более скучный город»²⁹, или высказывание К.Л. Хетагурова: «В дождливую погоду пешеходы чуть ли не купаются в грязи»³⁰.

Когда читаешь такие описания, постоянно убеждаешься в том, что от Ставрополя всегда ждали большего, но когда попадали в него, он не оправдывал ожиданий. Это можно объяснить опять тем же, что город всего лишь открывал ворота на территорию со столь ярким природным и этническим колоритом. Это заметно даже в тех случаях, когда он удостаивается хвалебных описаний: на заднем фоне постоянно находилась природа, которая и была главной прелестью территории. Это заметно в одном из самых емких описаний Ставрополя, данное преподавателем гимназии П.И. Хицуповым: «Так называемая крепость, служащая центром всему городу, занимает высший пункт, с которого можно видеть все части города, живописно раскинувшегося по разным направлениям, и обозреть далекое пространство степи, взволнованную грядами холмов и длинными отрогами синеющих вершин Кавказских. Если бросить взор, то за взволнованную горами и холмами степью, как будто ост-

²⁶ Зиссерман 1879: 23.

²⁷ Толстой 1973: 55.

²⁸ Ставрополь 1976: 34.

²⁹ Ставрополь 1976: 35.

³⁰ Там же: 36.

ров из глубины моря встает Эльбрус...»³¹. Тут же, как бы в противовес, он пишет: «Город кажется глухим и безжизненным по наружности, нелюдимым и разрозненным в целом».

Но все-таки некоторые современники находили и сам Ставрополь прекрасным. Например, композитор М.А. Балакирев пишет: «Город очень красивый и оригинальный, расположен вроде Нижнего, на горах. Особенно эффектен собор, стоящий на самом высоком месте»³², или писатель Д.С. Сургучев: «Под обрывом внизу, как около высокой стены, расположился город, как лист конторской книги, разграфленный на длинные столбцы улиц ровными, огненными линиями...»³³.

В административном плане Ставрополь губернского периода состоял из двух безымянных районов, в народе же он делился на Старый город, Форштат, Новый Форштат, Воробьевку, Подгорную слободку, Солдатскую слободку, Станицу, Мутнянку, Мамайку, Желобовку, Ташлянское поселение, Скомороховы хутора и Архиерейскую группу. На картах 1911 и 1900 гг. некоторые из этих районов назывались предместьями.

Старый город — центральная часть — особенно хороша постройками улиц, в нем были три сада и бульвар. К западу от Старого города находилась Воробьевка — лучшая в климатическом отношении и богатая своими садами и огородами, но она не могла только похвалиться постройками. Новый город (Форштат) отличался каменными одно- и двухэтажными домами и казармами. Солдатская слободка — это не слишком богатое поселение, довольно порядочные дома, которые несколько не придают красоты слободке. Мамайка была известна своими садами. Ташла — промышленный район Ставрополя, здесь находились мельница, кирпичный, кожевенный и мыльный заводы. Станица отличалась домами красивой архитектуры, Скомороховы хутора — чистотой и опрятностью, только Подгорное предместье вызывало наибольшие нарекания: «там дома так редки и расположены до того неправильно, что линия освещенных окон беспрестанно прерывается и мрак господствует всюду»³⁴.

³¹ Там же: 37.

³² Там же: 38.

³³ Сургучев 1983: 56.

³⁴ Скоковский 1868: 12.

В качестве основного итога состояния образа Ставрополя в губернский период можно привести очень красноречивые и запоминающиеся слова купца И.Я. Егорова: «Ставрополь — город скупщиков зерна, крупных животноводов, разногильдийных купцов и сановного духовенства, жил сытно, уютно, богато, вел торг с тремя морями, с горами и степью, строил триумфальные арки по случаю приезда царей, крепко выпивал по этому поводу..., завоевывал Кавказ, имел в свое время крепостцу и во все времена огромный гарнизон»³⁵.

Третий этап трансформации образа Ставрополя приходится на советское время, он включает два периода. Выделение первого (переходный период) обусловлено становлением административно-территориального деления Северного Кавказа. С 1924 по 1943 г. топоним «ставропольский» исчезает с образной карты России, отчего возникла угроза частичной потери ассоциаций, накопленных за предыдущий век. Причина заключается в том, что Ставрополь в это время либо не являлся административным центром, либо возглавлял территориальные единицы с другими названиями, либо вообще был переименован (с 1935 по 1943 г. — в Ворошиловск). В годы Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы образы большинства городов России, не находящихся на территории активных боевых действий, как бы «законсервировались», приостановились в развитии.

Во второй период советской эпохи ведущую роль в формировании образов городов играют внутренние факторы. Именно в эпоху советского расцвета Ставропольский край становится самодостаточной единицей образного пространства России, у его городов формируются образы по всем канонам социалистического реализма: преобладает позитив, даже если и не всегда соответствует реальной ситуации; четко выражены функциональные особенности.

В 1926 г. Ставрополь находился на шестом месте по численности населения на Северном Кавказе³⁶, что в некоторой степени подтверждает уменьшение его значимости в этом макрорегионе. В 1940-х гг. в газете «Известия» этот город представал как центр

³⁵ Ставрополь 1976: 40.

³⁶ БСЭ 1936: 442.

богатейшей житницы нашей Родины. Что касается промышленности, то в данном случае он сильно уступал другим центрам Северного Кавказа, хотя «при советской власти возросло промышленное и культурное значение города»³⁷.

В начале 1930-х гг. в Ставрополе было 22 промышленных предприятия, что меньше, чем у Ростова-на-Дону в пять раз, у Краснодара — в три раза, Владикавказа, Армавира и Таганрога — в два раза³⁸. Важнейшие отрасли промышленности заняты обработкой продуктов сельского хозяйства³⁹.

В начале советской эпохи эстетическое восприятие Ставрополя практически не меняется, наиболее привлекательной все еще остается природа. В 1920-е гг. Г.Н. Прозрителев так описывает город: «Раскидывающийся живописно по возвышенностям и покатолям, Ставрополь представляет богатую картину, могущую удовлетворить требования самого разборчивого художника. При хорошей погоде вся эта картина делается еще более восхитительной, так как вдали встает величавый Эльбрус»⁴⁰. Кстати, Эльбрус со временем уходит из образа Ставрополя, в дальнейшем он почти не упоминается в литературных источниках.

Во второй половине XX в. Ставрополь — это, прежде всего, административный центр процветающего сельскохозяйственного региона: «перед нами лежал не обычный город, а столица степного края со своим особым, неповторимым колоритом, с широкими как сама степь, проспектами и улицами»⁴¹. Он утратил многие ведущие позиции на Северном Кавказе, и превратился в рядовой региональный центр, являющийся «средняком» в этом ряду, как по численности населения, так и по другим показателям. По количеству жителей Ставрополь в 1959 г. находился на пятом месте среди городов Северного Кавказа, в 1970 г. — на шестом, в 1989 г. — на четвертом, все время уступая Ростову-на-Дону, Краснодару и Грозному и в отдельные годы пропуская вперед Владикавказ, Армавир и Сочи.

³⁷ БСЭ 1947: 524.

³⁸ Весь Северный Кавказ 1931: 45б.

³⁹ БСЭ 1940: 719.

⁴⁰ Ставрополь 1976: 41.

⁴¹ Там же: 42.

Если сравнивать Ставрополь с другими региональными центрами Северного Кавказа не только по численности населения, то в образе Ростова-на-Дону более заметна экономическая составляющая. Краснодар предстает как центр более многопрофильного сельскохозяйственного региона, Грозный — как «нефтяная столица» Северного Кавказа Махачкала ассоциировалась с Каспием, рыбой и рисом.

В 1950-е гг. смысл сообщений в центральной прессе (газете «Известия») о Ставрополе практически не меняется, но появляется очень важная деталь в экономической составляющей образа, выраженная заголовком «Ставропольский газ идет в Москву». В 1960-е гг. к газовой тематике прибавляется и нефтяная («Мощный нефтяной фонтан»), именно в это время бурно развивается нефтедобыча в восточных районах Ставрополья.

В 1970-е гг. много сообщений посвящено празднованию 200-летия Ставрополя, отсюда большая доля исторической и культурной составляющих в его образе.

Новая функция Ставрополя, повлиявшая на увеличение его значимости, связана с увеличением его значимости как образовательного центра: «он легко принял свыше десяти тысяч советской учащейся молодежи, мускулистых парней и девушек в майках»⁴². Действительно, именно в XX в. этот город стал одним из крупнейших образовательных центров Северного Кавказа, оставался он и важным культурным центром, и историческим городом.

Но что касается промышленности, то в данном случае Ставрополь сильно уступает не только другим центрам Северного Кавказа, но и «подчиненному» городу Невинномысску. Хотя во второй половине XX в. в Ставрополе появились довольно крупные промышленные предприятия: заводы поршневых колец, люминофоров, автокранов, автоприцепов, «Красный металлист», обувная фабрика, это не позволило ему приобрести функцию полноценного промышленного центра, что отразилось и на представлениях населения о нем.

В советское время изменилась в лучшую сторону оценка благоустройства и эстетической привлекательности Ставрополя. Вот некоторые строки восхищения городом: «Просторный город,

⁴² Ставрополь 1976: 43.

крепкий, устойчивый город!», «Ставрополь — город молодых, зеленый, красивый, очень уютный и милый», «Один из красивейших городов юга России. Улицы и площади утопают в зелени садов, парков и бульваров. Кругом асфальт, многоэтажные дома современной конструкции и архитектуры»⁴³.

Официально Ставрополь делится в это время на три района: Ленинский, Промышленный и Октябрьский. Но его жители привыкли выделять в нем Центр, Крепостную гору, Ташлу, Мамайку, Северо-Запад, Юго-Запад, Туапсинку и Осетинку. Эти районы отражают историческую и территориальную структуры города, а каждый из них прочно ассоциируется в общественном сознании с той или иной функцией.

Центр — это самый благоустроенный, чистый район. Здесь расположены самые популярные культурные учреждения Ставрополя: Драматический театр, Краеведческий музей. Он является самым престижным для приобретения жилья. Крепостная гора с проспектом Карла Маркса — исторический центр города, самый красивый и привлекательный для отдыха. Юго-Запад — «спальный» район, один из самых благоустроенных и престижных. Он перспективен для дальнейшей застройки и выполняет рекреационную функцию (парк Победы). Здесь расположена главная транспортная магистраль города — ул. Доваторцев. Северо-Запад — главный промышленный район города, один из самых неблагоустроенных, но перспективен для жилой застройки. Считается также «спальным» районом. Ташла — самый неблагоустроенный район города, имеющий перспективы для дальнейшей застройки.

Четвертый этап трансформации образа города характеризуется нарастанием стремительных изменений как во внешних, так и во внутренних представлениях о Ставрополе. Внешние факторы вновь выходят на первый план — распад СССР, появление «горячих точек» на Северном Кавказе, общий социально-экономический кризис. К образу Ставропольского края «возвращается» роль буферной зоны, а к Ставрополю — форпоста. Образ житницы и здравницы померк, появились и прочно вошли в сознание населения ассоциации, связанные с войной, нестабильностью, терроризмом, опасностью, стрессовыми мигрантами. В итоге в XXI в.

⁴³ Ставрополь 1976: 44.

Ставрополь вошел с довольно ярким образом, который, однако, был насыщен негативными характеристиками геополитического и экономического характера.

Можно сказать, что современность наступила с приходом нового века, поэтому в этот момент исчерпывается возможность выявления историко-географического образа Ставрополя. Безусловно, события, происходящие на юге России, буквально каждую неделю напоминают жителям России о «городе креста», поэтому его известность и значимость никоим образом не уменьшаются. Появляются новые элементы его географического образа, в том числе и связанные с созданием Северо-Кавказского федерального округа.

БИБЛИОГРАФИЯ

- БСЭ 1936 — Большая советская энциклопедия. М., 1936. Т. 32.
БСЭ 1940 — Большая советская энциклопедия. М., 1940. Т. 47.
БСЭ 1947 — Большая советская энциклопедия. М., 1947. Т. 52.
Брокгауз, Ефрон 1892 — *Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А.* Энциклопедический словарь. СПб., 1892. Т. 6А (12).
Брокгауз, Ефрон 1894 — *Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А.* Энциклопедический словарь. СПб., 1894. Т. 11А (22).
Брокгауз, Ефрон 1899 — *Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А.* Энциклопедический словарь. СПб., 1899. Т. 29 (53).
Весь Северный Кавказ 1931 — *Весь Северный Кавказ: справочник по вопросам административно-экономического и культурного строительства края.* Ростов-на-Дону, 1931.
Гниловской 1949 — *Гниловской В.Г.* План Ставропольской крепости 1811 года // *Материалы по изучению Ставропольского края.* Ставрополь, 1949. Вып. 1. С. 160–185.
Гниловской 1952 — *Гниловской В.Г.* Территориальное развитие города Ставрополя в первой половине XIX столетия // *Материалы по изучению Ставропольского края.* Ставрополь, 1952. Вып. 4. С. 171–199.
Зиссерман 1879 — *Зиссерман А.Л.* Двадцать пять лет на Кавказе (1842–1867). СПб., 1879.
Историческая хроника 1896 — *Историческая хроника Хоперского полка кубанского казачьего войска (1696–1896).* М., 1896.
Кавказские Минеральные воды 2003 — *Кавказские Минеральные Воды: к 200-летию юбилею (1803–2003).* М., 2003.

- Кавказский календарь 1851 — Кавказский календарь на 1852 г. Тифлис, 1851.
- Клычников 2004 — *Клычников Ю.Ю.* Формирование северокавказской окраины России в конце XVIII – 30-х годах XIX века // Стратегическое управление социально-экономическими и политическими процессами в регионе: история, современность, перспективы: Мат-лы научно-практической конф. Ростов-на-Дону; Пятигорск, 2004. С. 317–330.
- Куприянова 1981 — *Куприянова Л.В.* Города Северного Кавказа во второй половине XIX в. М., 1981.
- Морозова 1998 — *Морозова Е.В.* Современная политическая культура Юга России // Политические исследования. 1998. № 6. С. 113–131.
- Носов 1913 — *Носов.* Описание города Ставрополя. Ставрополь, 1913.
- Пушкин 1983 — *Пушкин А.С.* Проза. М., 1983.
- Скоковский 1868 — *Скоковский Н.И.* Сведения о городе Ставрополе // Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии. Ставрополь, 1868. С. 12–25.
- Ставрополь 1976 — Ставрополь глазами современников. Ставрополь, 1976.
- Сургучев 1983 — *Сургучев И.Д.* Губернатор. Ставрополь, 1983.
- Толстой 1973 — *Толстой Л. Н.* Кавказские повести. Воронеж, 1973.

А. А. УЛУНЯН

ПРОБЛЕМА ГЕОПРОСТРАНСТВЕННЫХ КОНСТРУКТОВ В СОВРЕМЕННОМ ПУБЛИЧНОМ И АКАДЕМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ЭСТОНИИ*

Аннотация: С момента восстановления независимости Эстонии в 1991 г. усилились дискуссии в общественных и академических кругах по вопросу геопространственного ориентирования нового государства. Главный вопрос всех обсуждений заключался том, как и когда Эстония может добиться того, чтобы обеспечить себе наиболее выгодное и безопасное место в международном сообществе и создать свою собственную «новую политическую географию». Общественный и академический дискурсы развивались с учётом геопространственных планов, которые существовали в эстонской политической и академической мысли в 20-е – 30-е гг. XX в., исторических традиций и общемирового процесса появления «новых регионов».

Ключевые слова: Эстония, геопространственные конструкты, новая политическая география, общественный и академический дискурс.

Усилившееся во второй половине 80-х гг. XX в. в эстонском обществе обращение к историческим и культурным традициям как важному фактору самоидентификации, включая и политическую составляющую, а также укрепление влияния исторической традиции в формировании этнополитической идентичности, продолжают сохранять своё значение и в условиях новой Эстонии. Как и для большинства стран бывшей коммунистической Восточной Евро-

* Работа выполнена в рамках проекта «Географическая концептуализация государственного пространства: От Средневековья до Новейшего времени» Программы ОИФН РАН «Нации и государство в мировой истории».

пы, а также для созданных после самороспуска СССР государств, вопрос геопропространственной ориентации, то есть позиционирования в региональном и в более широком, глобальном, контексте, представляет для Эстонии не только и не столько эмоционально-психологическую, сколько политико-прагматическую и экономически важную проблему¹. Общая закономерность, проявившаяся при формулировании геопропространственных конструктов, создававшихся в этот период в академических и экспертно-аналитических кругах многих государств², включая и европейские страны бывшего Восточного блока, заключается в сочетании различных ретроконцептов с новыми реалиями конца XX – начала XXI в. При характеристике этого процесса можно было бы использовать термин «актуализация» не только в его общественно-политическом, но и в математическом смысле, что предполагает конструирование некой бесконечности, рассматриваемой в виде целостной совокупности элементов. Реанимация геоконцептов «Центрально-Восточной Европы», артикуляция геопропространственного плана «Новых Балкан», а затем и «Юго-Восточной Европы», обращение к ретроконструктам «Срединной Европы», «Дунайской федерации» («Дунайским Соединенным Штатам»), «Междуморья»³, происходившая на протяжении 90-х гг. XX в. и в первое десятилетие XXI в. в странах бывшего коммунистического блока, включая ряд государств на постсоветском пространстве (Литву, Латвию, Украину, Беларусь и Грузию), являлась естественным процессом поиска геополитической самоидентификации в новых условиях. Этот феномен привлёк внимание авторов многочисленных работ, став объектом специальных исследований⁴.

Однако подход к «региональному геоконструированию», проявившийся в общественно-политических и академических кругах Эстонии, существенно отличался даже от дискурса, развивавшегося по геопропространственной тематике в соседних континентальных странах центральной и восточной Балтии — Польши, Латвии и Литвы, но частично совпадал с аналогичным процессом в соседней

¹ Made 2003.

² Подробнее об этом в: Улунян 2009.

³ Parsch 1904; Naumann 1915; Jászi 1918.

⁴ См., например: Крейчи 2010; Миллер 2001; Delanty 1995; Halecki 1950; Stráth 2008.

традиционно связанной с Эстонией Финляндии. Для вышеупомянутых трёх государств, как, впрочем и двух других — Украины и Белоруссии, имевших для этого исторические основания (сохранившийся и получавший новые интерпретации ретрообраз Великого княжества Литовского), актуальным геопространственным конструктом, основывавшемся в целом на ретропроекте 20-х гг. XX в., была актуальной идея «Междуморья». На своём первом, историческом, этапе развития, она, будучи выдвинутой тогдашним главой Польши Й. Пилсудским, предусматривала конфедерацию государств, расположенных как в балтийском секторе Европы, так и в черноморско-средиземноморском: Латвию, Литву, Финляндию и Эстонию, а также Белоруссию, Венгрию, Румынию, Украину, Чехословакию и Югославию. План не был поддержан практически ни одной из стран, которые рассматривались как потенциальные кандидаты, так и большинством политических деятелей-эмигрантов из стран, включенных в РСФСР / СССР и имевших отношение к проекту. Причиной негативного отношения к «Междуморью» с их стороны было нежелание поступаться национальной свободой, угрозой которой они видели в региональном доминировании Польши. Многие европейские державы также были против усиления Варшавы. В то же время, проект, как полагала польская сторона, должен был опираться на поддержку Франции и Бельгии, став основой континентального антигерманского союза. Советское руководство рассматривало план «Междуморья» как опасный для планов СССР на балтийском и южном черноморском направлениях. Уничтожение польской государственности совместными действиями нацистской Германии и Советского Союза в 1939 г. было завершающим этапом на пути ликвидации часто упоминаемой в советской пропаганде угрозы скоординированных действий малых стран региона.

Несмотря на бесспорное авторство Й. Пилсудского, геоконструкт «Междуморья»⁵ обладал характерным для каждого из подоб-

⁵ Масштабный план создания межгосударственного объединения стран Балтии, Центральной Восточной Европы и Балкан в виде конфедерации выдвигался известным политическим деятелем, генералом Вл. Сикорским, когда он был премьер-министром Польши (с 16 декабря 1922 по 26 апреля 1923 г.). Геопространство этого объединения, где Польше было суждено играть роль «ядра», ограничивалось на севере Балтикой, а на юге — Эгейским морем.

ных мегапроектов «мозаичными» чертами и включал в себя в виде элементов субрегиональные конструкты. Одним из них, выступавшим в роли центрального, был проект Балтийского Союза, выдвигавшийся на протяжении 1917–1920 гг. и предполагавший создание военно-политического блока в составе Польши, Латвии, Литвы и Эстонии⁶, становившихся независимыми государствами в результате распада Российской, Австро-Венгерской и Германской империй. В новых условиях окончания холодной войны и самороспуска СССР эта идея заключалась в реализации плана активного сотрудничества, вплоть до создания особой организационной структуры, государств, расположенных на пространстве между Балтийским и Черным морем.

Во многом благодаря периферийному характеру роли, придававшейся Эстонии в геоконцепте «Междуморья», он не получил значимого освещения в современной эстоноязычной общественно-политической публицистике и академическом дискурсе. Однако вполне закономерным стало их обращение к аналогичному геоконструкту, но ставившему в центр, прежде всего, общерегиональное пространство как континентальной, так и полуостровной (скандинавской) Восточной Балтии. Основу этой концепции составил геопропространственный ретропроект «Балтоскандии», получивший распространение в академическом сообществе и части общественно-политических кругов трёх балтийских государств — Латвии, Литвы и Эстонии в 20-х гг. XX в., то есть в период их независимого существования, а также в научно-академической политизированной среде ряда скандинавских государств, в частности Швеции. Суть концепции была сформулирована шведским профессором, специалистом в области географии и этнографии Стенном де Гиром, который опубликовал в 1928 г. статью под названием «Геологическая Финоскандия и географическая Балтоскандия». Соглашаясь с мнением, высказанным ещё в 1909 г. финским геологом Вильгельмом Рамсаем о единстве с геологической точки зрения Скандинавского и Кольского полуостровов, выражавшемся в существовании так называемого финоскандского геологического щита или, кратко, Финоскандии⁷ (в сложившейся русскоязычной академической традиции — Балтийский геологический щит), де

⁶ О Балтийской Антанте: Feldmanis, Stranga 1994.

⁷ Ramsay 1909.

Гир утверждал о наличии более широкого культурно-исторического, этнолингвистического и историко-политического пространства — «Балтоскандии»⁸, включавшего Данию, Исландию, Норвегию, Швецию, Финляндию, часть СССР в районе Кольского полуострова, а также народы и государства восточно-балтийского сектора — Латвию, Литву и Эстонию⁹. Данная геоконцепция, имевшая чётко выраженную регионально-политическую составляющую, нашла поддержку среди представителей эстонской и латвийской академической науки. В Эстонии сторонником геоконструкта «Балтоскандии» был профессор географии и экономики Эдгар Кант¹⁰, опубликовавший в Тарту в 1935 г. на немецком языке специальное исследование «Население и среда обитания Эстонии. Антропо-экологический вклад в изучение Балтоскандии»¹¹. Это пространство рассматривалось им в силу отмеченных природных, культурно-исторических и «народонаселенческих» условий как позволяющее развить высшие формы общественно-политической жизни¹². Одновременно, соглашаясь на близость Эстонии и Латвии как Балтийских государств с точки зрения физической географии и существующей традиции в исторической географии, занимающих промежуточное положение между Северной и Центральной Европой, он рассматривал Литву как находившуюся в зоне перехода между Центральной и Восточной Европой¹³.

⁸ Geer 1928. Статья де Гира доступна в электронном отсканированном виде по адресу: http://dspace.utlib.ee/dspace/bitstream/handle/10062/15327/geologische_de_geer_ocr.pdf?sequence=5 (февраль, 2012).

⁹ Интересный анализ эволюции идеи, включая её зарождение, см. в докторской диссертации Марты Гржечник: Grzechnik 2010: 97.

¹⁰ М. Гржечник ошибочно называет его Эдвардом Кантом (Grzechnik 2010: 99). Подробнее о нём и его работах см. в статье профессора географии Тартуского университета Отта Курса «Научное наследие Эдгара Канта»: Kurs 1992. См. также: Buttimer 2005; Jauhiainen 2005.

¹¹ Kant 1935. Подробнее о развитии географических исследований в Тартуском университете см: Kurs, Tammiksaar 2001. Подробнее о развитии географических исследований в Эстонии до начала Второй мировой войны см. в кратком обзоре Kongo 1995.

¹² Эта мысль была высказана в его работе «Членство Эстонии в Балтоскандии»: Kant 2007: 28.

¹³ Kant 2007: 30. Весьма примечательным в этой связи стало обращение литовских политологов к данной теме уже в начале XXI в. См. статью сотрудницы Каунасского университета Витовта Великого С. Ракутине «Север-

В определенной степени ответом (с целью объяснить важность геоконцепта «Балтоскандии» для всех трёх восточно-балтийских государств) являлась статья литовского профессора географии Казиса Пакштаса «Литва в рамках Балтоскандии», переведенная на эстонский язык и опубликованная в литературном популярном эстонском альманахе “Looming” («Творчество») в 1937 г.¹⁴. В ней подчеркивалась культурно-историческая гомогенность и социально-политическая близость Латвии, Литвы, Эстонии, Финляндии, Швеции, Норвегии и Дании как единого геополитического пространства. Ссылаясь на свои лекции в странах Скандинавии, прочитанные им в 1934 г., К. Пакштас определил характерные черты Балтоскандии, которые «повторяются почти с одинаковой интенсивностью во всех странах Балтоскандии: Дании, Норвегии, Швеции, Финляндии, Эстонии, Латвии и Литвы», а также «приемлемы и для удаленной и изолированной Исландии». К числу общих характеристик относились схожесть условий ведения сельского хозяйства в странах региона; общий для народов этой области так называемый «северный характер населения»; своего рода «северное» географическое единство языков народов региона; общая принадлежность к «западно-европейскому христианству, где северный характер объединяет таинственность, реальность и динамику, наполненную прогрессом»; общий для стран балтийский отпечаток, что «придаёт им истинно средиземноморский характер», и, наконец, сосредоточение в этой области «малых стран со взаимными культурными интересами и общностью культуры, множеством языков, что не мешает взаимному уважению, сотрудничеству и миру»¹⁵.

Попытка реализации геоконцепта в межвоенный период предпринималась Яном Тыниссоном — одним из влиятельных политических деятелей независимой Эстонии. На протяжении с 4 декабря 1927 г. по 9 декабря 1928 г. он занимал пост Государственного старейшины (Riigivanem), то есть руководителя правительства Эстонской Республики и главы государства, а в начале 30-х гг. являлся министром иностранных дел и председателем пар-

ное и Восточное измерения Европейского Союза и литовская политика» в журнале молодых ученых (Rakutienė 2008).

¹⁴ Pakštas 1937.

¹⁵ Pakštas 1937 (цит. по электронной версии).

ламента. В соответствии с его точкой зрения союз трёх новых независимых государств Восточной Балтии — Латвии, Литвы и Эстонии не мог обеспечить их безопасности, в связи с чем было необходимо создать союз со скандинавскими странами в форме балто-скандинавского блока¹⁶. Одновременно он был одним из горячих сторонников так называемой «общевропейской идеи», лежащей в основе концепции единства европейских народов и государств и создания соответствующей организационной формы возможного регионального объединения в форме федерации¹⁷. В достаточно жёсткой и критичной форме по поводу изолированности «балтийского» направления внешней политики Эстонии, то есть союза с двумя другими молодыми независимыми государствами, выступал сын Я. Тыниссона — Илмар¹⁸. Он, в частности, отмечал в этой связи, что «Эстония, благодаря своему геополитическому положению является единственным наиболее безопасным элементом международной жизни, чем [весь] Балтийский союз»¹⁹, а опубликованная в 1938 г. газетная статья фактически определяла основной вектор устремлений И. Тыниссона и называлась «Реалистичная внешняя политика Эстонии. Балтийский союз и скандинавская ориентация»²⁰. Однако скандинавские государства не проявили такой же взаимной заинтересованности из-за нежелания быть вовлечёнными в военно-политические конфликты в Балтии²¹.

Уже в период Второй мировой войны, находясь за рубежом и надеясь на восстановление утраченной Литвой независимости после окончания войны, Пакштас продолжал пропагандировать гео-

¹⁶ Помимо этого проекта, Я. Тыниссон и Карел (Карл) Роберт Пуста — бывший в 1920 (всего три дня), и в 1924–25 гг. министром иностранных дел Эстонской Республики, а затем послом в Дании, Испании, Польше, Румынии, Чехословакии, Швеции и инициатором Паневропейского движения, выступили с инициативой создания «Единой Европы». Об эстонском вкладе в обще-европейскую идею см. в: Made 1999; Pegg 1983. См. также воспоминания самого К.Р. Пуста: Pusta 2000.

¹⁷ Tõnisson 1940.

¹⁸ Подробнее в целом о развитии национальной эстонской интеллигенции как социально-профессиональной группы, идеологических течениях в её среде и отношениях с властью см.: Karjahärm, Sirk 1997; Karjahärm, Sirk 2001.

¹⁹ Arumäe 2003: 23.

²⁰ Tõnisson 1938.

²¹ Lubelski 2010: 186–189; Lehti 1998; Lehti 1999.

конструкт «Балтоскандии» в политических кругах США и Великобритании. В 1942 г. Пакштас опубликовал в Чикаго под эгидой Литовского института культуры брошюру под названием «Балтоскандская конфедерация»²², в которой достаточно прагматично рассматривал возможный межгосударственный военно-политический союз трёх государств Восточной Балтии со скандинавскими странами, основывающийся на общности экономики, политики, культуры и истории²³.

Восстановление национального суверенитета Эстонской Республики в 1991 г. способствовало активизации как в её академических кругах, так и в политически активном секторе общества дискуссий о месте и роли Эстонии в системе геопространственных координат, создавшихся после окончания холодной войны. Эстонские исследователи обратили внимание на существовавшую в конце 80-х гг. XX в. неопределенность в вопросе будущего геопространственного позиционирования стремившихся к независимости трёх советских так называемых Прибалтийских республик — Латвии, Литвы и Эстонии. На встрече представителей трёх Народных фронтов, состоявшейся в Таллине в 1989 г., было принято решение о том, что балтийские народы выступают за «суверенитет в нейтральной, демилитаризованной Балто-Скандии»²⁴.

Сложившаяся в международных отношениях ситуация, определяющей чертой которой было изменение политической карты Европы в её центральном и восточном секторах, влияла на восприятие происходящего в общественных и научных кругах не только не затронутых этим процессом стран, но, прежде всего, в новооб-

²² Pakštas 1942. Актуальность интерпретации геоконцепта К. Пакштасом для современной Литвы с начала XXI в. подчеркивается как на политическом уровне, так и в литовской публицистике: Lapinskaitė 2003. В г. Паневежесе на протяжении 1991–2009 гг. существовала Балтоскандская Академия (Baltoskandijos akademija), закрытая по финансовым соображениям.

²³ В определенной степени с темой принадлежности восточно-балтийских стран Балтоскандскому геопространству связаны и появляющиеся в современной Литве сравнительные исследования, посвященные определению места конкретных стран в его формировании. См., например, статью Мантаса Мартишюса «Литва и Эстония — различные образы: «крутая страна» и «лихие северяне»: Martišius 2009. О популярности идеи см., например: Baltoscandia 2011.

²⁴ Antsu 2000: 27.

разовавшихся или восстановивших свой суверенитет и независимость государствах. Появившиеся в этой связи геопропространственные концепты «Mare Balticum», «Новой Ганзы», «Евро-Балтийского региона», а также новый конструкт «Северного измерения» не сняли с повестки вопроса геополитического позиционирования, в силу того, что все они постулируются в контексте конкретного «географического взгляда» и имеют определенную историческую связь с уже высказывавшимися концептами²⁵. Особый интерес в данной связи представляет «картина мира» в формировавшемся общественном дискурсе Эстонии и отражение этого процесса в общественно-политической эстоноязычной публицистике и национальных академических кругах.

Особенности формирования политического класса и в целом элит в эстонском обществе повлияли и на характер формулируемых ими геопропространственных и геополитических проектов, имеющих непосредственное отношение к внешнеполитическому аспекту общенационального дискурса. Эстонские авторы, включая молодых университетских исследователей из числа соискателей бакалаврских степеней по социальным наукам и политологии обращали внимание ещё в конце 90-х гг. XX в. на характерную особенность, заключающуюся в том, что «местные политические элиты в Эстонии составлены в основном из людей, которые рассматривают себя как простых городских жителей. Менее всего они считают себя политическими лидерами или местными политическими элитами». Более того, «они не особенно сильно связаны с политическими партиями и их взглядами»²⁶. В определенной степени геопропространственный фактор создавал для представителей эстонского академического и экспертного сообщества серьезную проблему даже в классификации внешнеполитических программ эстонских партий, так как, по признанию самих эстонских политологов, к ним была не применима сложившаяся система деления на правые и левые²⁷.

Именно с учётом заинтересованности в определении места Эстонии в новой системе координат, сложившихся после оконча-

²⁵ Moisiu 2003: 73, 75, 76.

²⁶ Tarkmeel 1998.

²⁷ Pääbo, Kand, Kaljuorg 2006.

ния холодной войны, и желания политических кругов добиться для страны выгодных международных политических и экономических позиций 6 апреля 1992 г. правительство Эстонской Республики приняло документ «Внешнеполитическая концепция». Геопро-странственная картина мира и роль в ней Эстонии определялась (на что обратили внимание и эстонские исследователи) с позиций создания нового конструкта, позволяющего отделить страну от существующих «исторических пространств» и предоставить ей возможность иметь собственное место. В соответствии с этой концепцией за Эстонией закреплялась роль «контактной зоны» между Северной и Центральной Европой, через которую должны были осуществляться как торговые, так и культурные взаимоотношения. Одновременно провозглашалась недопустимость проведения политики «осажденной крепости» или принятия на себя роли так называемого санитарного кордона²⁸. В феврале 1998 г. премьер-министр Март Сииманн, выступая в Пярну, достаточно чётко определил геопро-странственное позиционирование Эстонии, заявив о том, что «у нас (Эстонии. — А. У.) есть географический потенциал для развития экономических связей во всех направлениях. Наше геополитическое и инфраструктурно-экономическое положение позволяет нам внести вклад в восстановление традиционных торговых путей между Россией и Европой»²⁹.

Особое значение для формулирования геопро-странственного конструкта в эстонском общенациональном дискурсе имеет так называемый балтийский³⁰ нарратив, суть которого определяется эстонскими исследователями в виде стремления установить как общие черты в историческом развитии народов трёх стран — Латвии, Литвы и Эстонии, так и их «общий исторический опыт в отношении России»³¹.

К середине 90-х гг. XX в. идея контактной зоны приобрела новое измерение. Начиная с 1995 г. для Эстонии всё отчётливее просматривалась перспектива вхождения в Объединенную Европу и это ставило на повестку дня вопрос о том, какую роль может иг-

²⁸ Oras 1999.

²⁹ Siiman 1998.

³⁰ О процессе поиска собственной идентичности в рамках балтийского геопро-странства см.: Lehti, Smith 2003.

³¹ Pääbo 2001: 28.

рать страна на новом этапе. В среде представителей гуманитарной части академических кругов Эстонии определенную популярность приобрела геопространственная теория так называемого «Восточного пути» (Austrvegr). Этот геоидеологический конструкт отражал развивавшиеся не только в академической среде, но и в целом в общественно-политическом дискурсе Эстонии концепции транзитного местоположения страны. Историческая основа этого конструкта, берущая начало в периоде раннего средневековья, основывалась на представлениях скандинавских соседей эстонцев о населяемой ими земле (прежде всего, восточной её части), как о начальном этапе пути между Северной Европой и Азией³². В силу различных объективных и субъективных причин, а также в интересах сохранения сотрудничества с представителями научного сообщества других стран, включая Россию, по инициативе известного и ныне покойного эстонского археолога В. Лыугаса в 1995 г. в Таллине появился научный журнал “Austrvegr”, имевший также и эстонский перевод названия — “Idatee”, то есть «Восточный путь». Уже в его первом номере была опубликована статья Э. Тыниссона «Восточный путь, Austrvegr, Österled — балтийскоморские-финские перспективы», достаточно точно отражавшая весь спектр возможных интерпретаций «Восточного пути» в общественном дискурсе Эстонии по вопросам её геопространственного позиционирования³³. Примечательным в данном случае являлось и использование Э. Тыниссоном укрепившегося в топонимическом словаре эстонского языка сразу после восстановления независимости, а практически — возвратившегося окончательно в научный обиход и в целом в эстоноязычную среду гидронима «Балтийское море» в его эстонизированной форме — «Ляэнемери» (Läänemeri; букв. «Западное море»). Несмотря на продолжающееся параллельное использование эстонцами двух форм названия — Läänemeri и Balti meri, последнее уже не носит официального характера. Фактически, основу классификации Балтийского геопространства составили морфометрические параметры, сочетающие характеристики отдельных геоморфологических районов суши и водного бассейна, а также историко-

³² См. статью Т. Йонукса «Эстония и образ Эстонии в скандинавских сагах»: Jonuks 2003. Также: Jakobsson 2006; Джаксон 2010.

³³ Tõnisson 1995.

культурные, этно-конфессиональные и социально-политические традиции, позволявшие определить пространственную общность широкой географической области.

Геолингвистический подход к определению водного пространства, расположенного на севере и западе Эстонии, испытывал на себе сильное влияние политического фактора. В соответствии с официальной базой топонимов, принятых Институтом эстонского языка (Eesti Keele Instituudi kohanimeandmebaas — KNAB)³⁴, это пространство имеет название «Ляэнемери» или «Лимнеамери» (Limneameri), но не «Балтийское море». Аргументация такого подхода, судя по всему, базируется на данных географии и геоморфологии. В соответствии с ними это водное пространство прошло несколько этапов в своём развитии³⁵: от пресноводного Балтийского ледового озера (Balti jääpaisjärv), прекратившего своё существование около 11 600 лет назад³⁶, к Иольдиевому морю (по названию двустворчатых моллюсков)³⁷ и через несколько этапов — к Лимнейскому (по названию моллюска — Limnea), которое и занимает нынешнее пространство. Естественно-научная аргументация, используемая для обоснования эстонского названия «Западное море», в определенном смысле логична с точки зрения локализации этого морского бассейна по отношению к континентальной части Эстонии и двум её наибольшим островам на западе — Хийумаа и Сааремаа. Расширение пространства Балтии имеет в данном случае и политическое содержание: оно охватывает большую часть Северной Европы, Скандинавию, выходя на Западную Европу. Это позволяет использовать расширительное толкование определения «страны Балтийского моря» — Läänemere-äärsed riigid, то есть, дословно, «страны Западного моря». Соответствующим образом используется и определение «регион Балтийского моря» — Läänemerepiirkond. Вопрос о принадлежности Эстонии конкретно-

³⁴ В соответствии с проводимой в Эстонии политикой информатизации Институт имеет собственный справочный сайт в Интернете по адресу: <http://www.eki.ee/knab/knab.htm> (февраль, 2012).

³⁵ Leppäranta, Myrberg 2009.

³⁶ Уточненная версия периодизации даётся в работе двух эстонских археологов, специалистов по палеоистории Эстонии, опубликовавших работу «Древняя Эстония»: Kriiska, Tvaari 2002: 25.

³⁷ Mörner 1995.

му геопространству в физико-географическом или геополитическом отношении с восстановлением независимости приобрел и особый политический смысл³⁸.

Неопределенность геополитического позиционирования, нашедшая выражение как в общественном дискурсе, так и в академических дискуссиях, свидетельствовала о поиске эстонской идентичности в контексте существовавших и уже исторически сложившихся геопространств, главными из которых для Эстонии являлись центрально-европейское, балтийское и северное (скандинавское). Обращение к последнему усилилось в выступлениях эстонских политиков и представителей правительства по внешнеполитическим темам. Возвращение к геоконцепту «Балтоскандии» было важно, с точки зрения эстонских авторов из числа публицистов и исследователей, занимавшихся этой темой, с учётом трёх основных причин. Во-первых, сам проект играл особую роль во взаимоотношениях Эстонии и Швеции, имея идейно-историческое обоснование в силу распространенных представлений о пребывании эстонских земель в прошлом под властью Швеции как об одном из самых важных положительных периодов истории — «старое доброе шведское время в Эстонии» (*vana hea Rootsi aeg Eestis*)³⁹. Во-вторых, выдвигавшийся геоконструкт подчеркивал особую роль взаимоотношений Эстонии с Финляндией на протяжении многих веков как с родственной страной угро-финской языковой группы. Наконец, третий по счёту, но не по важности, аргумент в пользу этой конструкции, как отмечали сами эстонские авторы, заключался в стремлении «расширить» регион Балтийского моря⁴⁰, для обозначения которого активно использовались определения “Läänemerepiirkond” и “Läänemere regioon”. Однако полного отказа от так называемого «узкого» балтийского геоконструкта в общественном дискурсе не произошло, что нашло своё отражение в используемом в определенных условиях и для обозначения Латвии, Литвы и Эстонии, восстановивших свою государственность после 1991 г., термина «Балтийские государства» (*Baltimaad*).

³⁸ См. об этом в: Aalto 2003.

³⁹ Об особенностях восприятия шведского периода истории в представлениях эстонцев: Arukask 2009: 126.

⁴⁰ Oras 1999.

Эстонские политологи обращали внимание на процесс формирования термина «Балтия» в новейший период, в связи с чем они отмечали, что «очень быстро в период советской оккупации⁴¹ в нашем сознании укоренилась концепция “трёх балтийцев” или “балтийских государств”». После восстановления независимости на повестке дня встал вопрос о том, представляют ли все три государства — Латвия, Литва и Эстония — единый регион и не является ли «Балтия» старым геополитическим конструктом⁴². Был предложен также термин «Южная Балтия» (*Lõuna-Baltikumis*), служащий для обозначения позиционирования одной Литвы, и то только в период её борьбы «на два фронта» — на севере и западе — против германских завоеваний⁴³. Одновременно делался вывод о том, что «концепция “Балтийские государства” появилась на повестке дня в XX в. с распадом Российской империи и приобретением независимости провинциями, граничащими с Балтийским морем»⁴⁴. В современной эстоноязычной лингвистической практике на официальном уровне и в общественно-политическом обиходе и публицистике нередко используется смешение терминов, что свидетельствует пока ещё об отсутствии устоявшегося стереотипа «регионального» восприятия, подтверждением чему может служить один из характерных примеров такого «объединения», когда для обозначения одних и тех же пространств одновременно используются понятия «Северобалтийский регион», «Северные страны и Балтийский регион»⁴⁵. Получил распространение и термин

⁴¹ Так в тексте цитируемой работы.

⁴² Pääbo 2005: 41.

⁴³ Pääbo 2005: 54.

⁴⁴ Pääbo 2005: 43.

⁴⁵ См. информацию официального Эстонского Национального радио (*Eesti Rahvusringhääling*) под заголовком «Ансип: Северо-Балтийский регион восстанавливается после кризиса»: Kuul 2011. В самом тексте сообщения говорилось: «Премьер-министр Андрус Ансип заявил сегодня на встрече премьер-министров Великобритании, Норвегии, Швеции, Финляндии, Дании, Исландии, Латвии и Литвы о том, что Северные страны и Балтийский регион быстро восстанавливаются после экономического кризиса» (*Peaminister Andrus Ansip märkis täna Suurbritannia, Norra, Rootsi, Soome, Taani, Islandi, Läti ja Leedu peaministrite tippkohtumisel Londonis, et Põhjamaade ja Balti regioon taastub majanduskriisist jõudsalt*).

«Центрально-балтийский регион» (Kesk-Balti regioon), который включает Эстонию, Финляндию и Швецию⁴⁶.

Данная тема общественного дискурса и академических дискуссий превратилась в одну из центральных в политологических и исторических исследованиях, включая квалификационные студенческие работы в Тартуском университете, на кафедре общественных наук и политологии. Анализ развивавшегося на протяжении первых десяти лет, прошедших после восстановления независимости Эстонской Республики, общенационального дискурса, включая его партийно-политический и научно-академический «сектора», позволил сделать ряд выводов. В бакалаврской работе С. Орас «Локализация на политической карте мира в эстонских представлениях. О возможностях геополитической концептуализации», защищенной в 1999 г., автор, в частности, отмечала, что в первые годы восстановления независимости в общественном дискурсе доминировала тема принадлежности Эстонии к Центральной Европе. Орас писала: «Утверждают, что Эстония является частью Центральной Европы и таким образом часто заявляют, что она [Центральная Европа] расширила нашу культуру, а не наоборот. Членство в Ганзейском союзе, а также тесные связи с Германией сформировали представления об Эстонии как о носителе центрально-европейской культуры и, соответственно, и её народе как центрально-европейском. Здесь я бы поддержала сравнение, сделанное О. Курсом, который сказал, что обозначение Эстонии как центрально-европейской [страны] практикуется отчасти в немецкоязычной литературе с использованием концепции “Северо-Восточная Средняя Европа” (Nordost-Mitteleuropa)⁴⁷ как территории, которая находится между Польшей и Финским заливом, будучи связанной в культурном отношении с Центральной Европой»⁴⁸. На нынешнем этапе активному развитию в эстонском академическом дискурсе концепта «Северо-Восточной Европы» (Kirde-Euroopa) способствовали расширившиеся научные контакты с германскими историками, занимающимися проблемами Балтии как древнего и средневекового периодов, так новой и новейшей историей. Серьезным шагом на

⁴⁶ Kasulikud ärisuhted 2009.

⁴⁷ Подробнее о фрагментационных концептах Европы, включая Nordost-Mitteleuropa в: Troebst 2003.

⁴⁸ Oras 1999.

пути актуализации конструкта «Северо-Восточной Европы» как особого исторического региона стало обращение к личности Пауля Йохансена (Paul Johansen) и его работам. П. Йохансен — историк и филолог немецкого происхождения из Эстонии, специалист по средневековой политической и экономической истории Эстонии и влияниям соседних стран на её развитие. Его специализация и тесные связи с Эстонией позволили считать его принадлежащим как к эстонской, так и немецкой академической науке. Одним из его достижений считается выдвинутое им аргументированное предположение о том, что известный хроникёр XVI в. Бальтазар Руссов (Balthasar Rüssow [Russow (Rissowe, Ryssaw)], автор «Хроники провинции Ливонии» (издания 1578 и 1583 гг.), был эстонского происхождения. На проходившей в 2001 г. в Таллине научной конференции по истории, культуре и этнологии региона Северо-Восточной Европы была отмечена особая заслуга в конструировании этого геоконцепта немецкого ученого Клауса Цернака⁴⁹, который, как подчеркивалось автором информационной заметки в эстонском научном журнале «Tuna», «уже в 1970-х гг. сформулировал понятие региона Северо-Восточной Европы как исторический концепт, используя его в виде альтернативного определения для Балтийского морского региона»⁵⁰. Сам симпозиум также проводился на основе именно этой региональной концепции. Историческая составляющая геоконструкта «Kirde-Euroopa» (Северо-Западная Европа) сочетается в современных условиях с экономическим фактором, что нашло своё выражение в утверждении о том, что «Эстония могла бы стать узловым пунктом в Северо-Восточной Европе», так как «обладает идеальным географическим местоположением, чтобы стать центром логистики на северо-востоке Европы, что доказывает исторический опыт»⁵¹. Концептуализация «новой политической географии», прежде всего, в европейском секторе международных отношений, имеет непосредственное отношение к определению места и роли Эстонии в формирующихся геополитических координатах.

⁴⁹ См. сборник статей по данной теме, опубликованных уже в 90-х гг. XX в. под названием «Северо-Восточная Европа. Очерки и основные работы по истории Балтийских стран»: Zernack 1993.

⁵⁰ Kõiv 2002: 147.

⁵¹ Eesti võib tõusta 2011.

Особую роль в актуализации темы «геопространственного позиционирования» продолжили играть представители эстонской эмиграции, в частности, в Северной Америке, что объяснялось объективными причинами. Одним из решений проблемы «возможной новой политической географии» (uue võimalik poliitgeograafia) применительно к эстонским реалиям было не сосредоточение на факте принадлежности страны в географическом и геополитическом отношениях Центральной, Восточной или Северной Европе, а выдвижение на первый план факта независимости и суверенитета Эстонии⁵². Основным аргументом в пользу «демифологизации» геопространственного концепта «Восточной Европы» была в этой связи ссылка на мнение влиятельного британского политического журналиста Э. Лукаса — редактора международного отдела журнала “The Economist” и специалиста по Центрально-Восточной Европе, который в ноябре 2010 г. выступил с тезисом «окончания транзита» Восточной Европы от (пост)коммунизма к открытому обществу и демократии⁵³. Таким образом, вопрос о принадлежности Эстонии Центрально-Восточной Европе не являлся для неё опасным с точки зрения распространения на неё скомпрометированного образа бывшей Восточной Европы, в которой господствуют нестабильность, хаос и социальная неустроенность. В определенной степени процесс «конструирования» геопространств в общественном дискурсе Эстонии соответствовал общей закономерности развития общественно-политических настроений, что отмечали и эстонские исследователи, когда ссылались на то, что «регионализм является одним из самых распространенных и динамичных процессов в современной Европе — регионы возникают по всему континенту и о них много говорят. Самый новейший тип региона — это неорегион — международное образование, пересекающее национальные границы и объединяющее различные государства и области друг с другом... Политики определяют и строят регионы, решая, что принадлежит определенному региону, а что остаётся вне его по

⁵² См. редакционную статью Э. Пуусааг «Геополитическое расположение Эстонии в Европе» в издающейся в Канаде газете «Эстонская жизнь»: Puusag 2011.

⁵³ Lucas 2010.

политическим причинам. Регионы создаются дискурсивно через политические проекты: регионостроительные проекты»⁵⁴. Для представителей публичной политики Эстонии, журналистского сообщества, научных академических кругов, то есть тех, кто формирует повестку дня общенационального дискурса, к концу первого десятилетия XXI в. этот вопрос продолжал оставаться нерешенным. В этой связи сами эстонские исследователи, обращаясь к анализу «картографического позиционирования» страны, существующему в учебной литературе, отмечали, что эстонский нарратив определяет Эстонию как «принадлежащую Европе и расположенную на границе западной культуры... Карты в учебниках могут быть разделены на 4 группы: только Эстония, Эстония как часть восточного побережья Балтийского моря, Эстония как часть Северной Европы и Эстония как часть России. Большая часть карт показывает Эстонию отдельно и Эстонию как часть восточного побережья Балтийского моря... Эстония в проекции большего региона показывается в регионе Балтийского моря и таким образом Эстония представляет собой часть Северной Европы»⁵⁵.

Разница в определениях «Балтийский регион» и «страны Балтийского региона» существует и в российской историографии. Следует отметить, что и по признанию российских авторов, первый термин хотя и «утвердился в международной жизни в начале 1990-х годов, но до сих пор существуют разные мнения относительно географических границ этого региона» и в разных интерпретациях он включает не только государства Балтийского бассейна, но и континентальные области Центрально-Восточной Европы. К числу «стран Балтийского региона» относят, в соответствии с одной из интерпретаций, государства, «владеющие частью балтийского побережья, то есть имеющие непосредственный выход к Балтийскому морю», а в соответствии с другой — «11 членом Совета государств Балтийского моря (СГБМ)»⁵⁶.

Выдвижение на первое место в общественном дискурсе и на уровне официальных политических кругов различных версий геопропространственных конструкторов или внешнеполитических концеп-

⁵⁴ Must 2001: 3.

⁵⁵ Pääbo 2011c: 95.

⁵⁶ Корневцев 2008: 68–72.

ций тесно связано с распространением в общественном мнении и политически активной среде соответствующих представлений о вероятных рисках и угрозах для Эстонии, которая традиционно рассматривается в эстонском обществе как «малая страна» (väikeriik). К концу первого десятилетия XXI в. близость великих держав в ряде регионов к одной или нескольким малым странам приобрела в оценках и анализе как представителей отдельных политических кругов, так и политологического и политико-географического направлений академического сообщества Эстонии стремление определить универсальный механизм возможного внутри и межрегионального взаимодействия, а также характер существующих угроз и рисков⁵⁷. Примечательным в этом контексте стало выдвижение рядом политиков, наиболее резко настроенных в отношении любых объединений Эстонии с наднациональными организациями, идеологии откровенного изоляционизма.

Одним из политически мотивированных геопропространственных конструкторов, сторонники которого старались сделать его частью общенационального дискурса по вопросу позиционирования Эстонии в системе международных отношений, является с конца 90-х г. XX в. и вплоть до сегодняшнего дня так называемый эстонцентричный геополитический концепт. Он был сформулирован Эстонской партией независимости (Eesti Iseseisvuspartei — EIP), основанной в 1999 г. Являясь крайне правой и ориентированной на этноцентристские идеалы, она относится к числу политических сил из лагеря так называемых евроскептиков. Основы доктрины политической и экономической автаркии Эстонии, не входящей в Европейский Союз и НАТО, занимающей нейтральные позиции и ориентированной, прежде всего, как Балтийской страны, на региональное сотрудничество, были определены идеологом и руководителем EIP Велло Лейто в 1999–2002 гг. в программных по своему содержанию брошюрах «Геополитическое положение Эстонии, возможности, миссия» и «Эстония и Геополитика: Независимая Эстонская Республика или неокOLONиальная провинция Европейского Союза»⁵⁸. Обращает на себя внимание тот факт, что при

⁵⁷ Pääbo 2009.

⁵⁸ Leito 1999; Leito 2002. В данной статье не рассматриваются особенности партийно-политического ландшафта Эстонии, крайне противоречивые

формулировании геопропространственной концепции глава ЕИР использовал понятие «геополитический код» (статья В. Лейто «Эстонский геополитический код был изменён»)⁵⁹. Используя работы эстонских авторов, специализирующихся в области исследований политической географии, в частности Э. Берга⁶⁰, Лейто постарался обосновать свою позицию в научном плане, отметив что «геополитика представляет собой государство-центричный подход», который осуществляет элита, являющаяся выразительницей интересов нации во внешнеполитической сфере через соответствующие действия. К числу геополитических кодов В. Лейто отнёс понятие интереса, определение противников и союзников, а также отношение к занимаемой территории, а именно: её истории, жизненному пространству, жизненным интересам как за её пределами, так и внутри. Обращаясь к внешнеполитическому курсу Эстонии, автор отмечает произошедшую эволюцию геополитических кодов, которые доминировали в общественном дискурсе на протяжении двадцати лет (1987–2007): от выделения из состава СССР как независимого нейтрального государства, до признания себя частью Европы и включения в Евросоюз.

В определенной степени эта идеология являлась порождением вышеупомянутой теории «малой страны». Этот представлений образ при определенных условиях может быть назван своего рода концепцией, служащей для объяснения как конкретных фактов политической истории Эстонии, так и определения её целевых установок на международной арене. Зарубежные авторы обращают внимание на этот своеобразный и характерный «психологический» аспект, которым обладает общенациональный дискурс трёх стран Балтии — Латвии, Литвы и Эстонии. Отмечая тот факт, что ещё в начале XX в. выявились особое место и роль так называемых малых стран в формировании «новых регионов», в частности Северо-Восточной Европы, немецкий специалист по балтийской тематике

установки ЕИР в 2001 г. о необходимости сближения с Россией. Многие из идеологических документов размещены на официальном сайте партии в разделе «Уставные документы» (Põhidokumendid) — <http://www.iseseisvuspartei.ee/test/index.php/dokumendid.html> (февраль, 2012), а также по адресу: <http://www.iseseisvuspartei.ee/test/> (февраль, 2012).

⁵⁹ Leito 2007.

⁶⁰ Berg 1998.

Й. Хакман писал, что данная тема превратилась в основу регионального дискурса Балтийского региона с начала XX в. Причина её актуализации — это борьба трёх государств — Латвии, Литвы, Эстонии и их народов за независимость. Неудача планов создания Балтийской Лиги в межвоенный период практически лишила все три страны возможности стать членами «северного» сообщества. Однако старая тема «северного направления» в современном дискурсе не была забыта и предпринимались попытки её актуализации в новых условиях⁶¹. В конце 90-х гг. XX в. это нашло своё отражение в проявленном интересе представителей эстонского академического сообщества к проекту Э. Канта, в связи с чем один из известных географов — профессор Тартуского университета О. Курс в эпилоге к сборнику работ Канта писал о том, что «понятие культурно-политический регион Балтоскандия вновь актуально»⁶².

Своё влияние на развитие эстонского общенационального дискурса по геопро пространственной проблеме оказывает широко распространенная и имеющая традиционно-историческую основу образная стереотипизация в виде «клишированного» понятия «малая страна». Она имеет принципиальное значение в вопросе роли и места Эстонии в системе международных отношений. Автор бакалаврской диссертации «Национальная безопасность Эстонии: выживание малой страны в новой международной системе безопасности» Т. Риим (Тартуский университет) отмечал: «Считается, что термин “маленькая страна” является бесполезным, потому что трудно определить [что такое] малый размер. Но сама концепция заслуживает внимания. Исторический опыт показывает, что баланс сил является нестабильным, что существование малых государств подвержено рискам со стороны больших государств»⁶³.

Выбор между геополитическими и социальными аспектами безопасности обозначился в общенациональном дискурсе Эстонии в следующем виде. С одной стороны, как об этом свидетельствует мнение представителей политических кругов Эстонии, в частности, дипломатов, обращавших внимание на эстоно-российские отношения, именно российский фактор актуализировал роль геогра-

⁶¹ Hackmann 2002: 412.

⁶² Kant 1999: 546.

⁶³ Riim 1997: 16.

фического фактора. Профессиональный эстонский дипломат Сулев Каннике, являвшийся представителем Эстонии в Совете Европы на момент написания им статьи «География и идеология», опубликованной интернет-журналом «Diplomaatia» в сентябре 2008 г., отмечал психологические особенности восприятия в эстонском обществе геополитического пространства. Он делал заключение о том, что «Эстония... расположена почти на полуострове по отношению к России. Видение и восприятие эстонцев и русских полностью различаются из-за короткой — 130 км — сухопутной границы между двумя странами (по сравнению, например, с финской границей протяженностью 1 000 км). Однако принцип географического доминирования над политической реинтерпретацией применим и к Эстонии»⁶⁴. Детерминирующим фактором геопро пространственного позиционирования Эстонии, по мнению ряда эстонских политологов, становилась близость России, а характер её местоположения рассматривался как «двойной периферии», в виду того, что она находится не только далеко от центра, но и граничит с важным, отчасти европейским, соседом — Россией»⁶⁵. Не меньшее чем политическое значение имеет и военно-стратегический фактор. Генерал-майор Антс Лаанеотс, глава Балтийского оборонного исследовательского центра, ставший впоследствии в декабре 2006 г. командующим Силами обороны Эстонии, а в 2011 г. получивший звание четырехзвездного генерала, отмечал в 2000 г. в аналитическом материале «Балтийская среда безопасности и риски для Эстонии», что «Эстония граничит на западе и севере с Балтийским морем, в результате чего она отрезана водой от Европы с севера и запада, что представляет один из серьезных рисков для её национальной безопасности»⁶⁶. В немалой степени особую роль для формирования идентичности играл конфронтационный фактор взаимоотношений Эстонии и Российской Федерации. Это отмечали и авторы студенческих квалификационных работ Тартуского университета. Так, в частности, соискатель степени бакалавра Маргит Сарв, защищавшая свою работу в середине 90-х гг. XX в., то есть спустя пять лет после восстановления независимости Эсто-

⁶⁴ Kannike 2008: 61.

⁶⁵ Heikkilä 2011: 13.

⁶⁶ Laaneots 2000.

нии, обращала внимание на то, что «по мере формирования гражданского общества в Эстонии со всем богатством различий всех граждан во взглядах и ценностных ориентирах, противодействие России, однако, продолжает (речь идёт о времени написания работы, то есть 1996 г. — *A. У.*) оставаться объединяющей чертой для большинства эстонцев»⁶⁷.

В конкретном политическом плане первая серьезная публичная попытка «вытянуть» Эстонию из числа других Балтийских стран, как отмечал профессор экономической политики и заведующий в Таллинском университете кафедрой экономики общественного сектора К. Килвиц, была предпринята бывшим премьер-министром Эстонии и членом парламента М. Лааром в 1995 г. В соответствии с хронологией следующим важным событием, повлиявшим на общественный дискурс, стало заявление от 30 октября 1998 г. являвшегося тогда министром иностранным дел Томаса Хендрика Ильвеса о принадлежности Эстонии к числу Северных стран, а не посткоммунистических Балтийских государств, что было обусловлено стремлением «выйти» из геопространства, имевшего негативный образ в Европе⁶⁸. 14 декабря 1999 г., выступая с речью в шведском Институте международных отношений, он предложил, как отмечали некоторые исследователи, новую версию «Балтоскандии» — идею геопространственного конструкта земли “Yule-land” (букв.: «Регион, где отмечают праздник солнцестоя-

⁶⁷ Sarv 1996.

⁶⁸ О формировании позитивных и негативных образов в «представленческих картах» при конструировании географического пространства в Европе см.: Schenk 2002. Примечательным был аналогичный процесс «ухода с Балкан» ряда государств, что было продемонстрировано после обретения независимости Хорватией и Словенией. Другие страны региона попытались использовать (и это было поддержано со стороны Единой Европы и США) различные способы минимизировать негативные черты образа Балкан как исторически нестабильного и чреватого межэтническими войнами и конфликтами региона с помощью условной деструктуризации (фрагментации) балканского геопространства и введения определения «Западные Балканы», «Центральные Балканы», а затем и отказа от него в пользу использовавшегося ранее нейтрального топонима «Юго-Восточная Европа». О негативном образе Балкан, сложившемся за их пределами и о концепции «балканизации» см.: Todorova 1997. По своему содержанию и основным тезисам она сопоставима с работой Э. Саида «Ориентализм» (см. русск. издание: Саид 2006).

ния»), суть которого сводилась к тому, что выделялась определенная геокультурная область, населённая народами, использующими различные, но близкие однокорневые вариации слова Jðul, Joulu, Yule, Jul, служащего для обозначения дохристианского праздника солнцестояния, а затем ставшего синонимом Рождества. Заявление главы МИДа не оставляло сомнений относительно геопространственной характеристики предлагавшегося конструкта: «Мы живём на земле Yule-land, области, где одно и то же слово означает как рождение Христа, так и солнцестояния, возвращения солнца, одной из двух высших точек в дохристианском календаре гипербореяцев... Yule-полоса, которая протянулась от Исландии и Британии через скандинавов к финским землям, и включает Эстонию, заканчивается в ней. В Латвии Yule называется Ziemastvetki, в Литве Kaledos, а в России — Рождество»⁶⁹. Обращение к архаике, отмеченное и зарубежными исследователями, фактически являлось попыткой использования исторического аргумента (помимо всего прочего, подчеркивающего значимость дохристианского периода истории Эстонии как наиболее продуктивного в развитии эстонской культуры) в целях доказательства культурно-исторического единства Эстонии с большей частью Северной (в широком понимании) Европы, в которую не входили, в соответствии с предложенной концепцией Латвия, Литва и Россия⁷⁰. Продолжением такого подхода стало интервью Томаса Хендрика Ильвеса в мае 2001 г. изданию «The Wall Street Journal», в котором он подчеркнул: Эстония относится к Северной Европе, а народы трёх стран — Латвии, Литвы и Эстонии не имеют общих культурных основ⁷¹. Уже позже, являясь президентом Эстонской Республики и выступая 22 апреля 2009 г. в Университете Турку (Финляндия) с речью, называвшейся «Кто мы? Где мы? Национальная идентичность и духовная география», он обратился к присутствующим с призывом создавать новую идентичность региона «будь то Балтоскандия или Mare Nostrum»⁷².

Объективный процесс «конструирования» региона обуславливался также для Эстонии социальным аспектом региональной

⁶⁹ Ilves 1999.

⁷⁰ Lehti, Smith 2003: 38.

⁷¹ Kilvits 2008: 168.

⁷² Presidente Ilvese 2009.

безопасности. В немалой степени этому способствовало влияние, оказываемое на экспертно-аналитическое и академическое сообщества, которые и актуализировали этот аспект общенационального дискурса, копенгагенской школы исследований безопасности⁷³. Её основой является так называемая базовая комплексная теория региональной безопасности, получившая известность с 2003 г. после опубликования специальной работы Б. Бузана и О. Вевера «Регионы и сила: Структура международной безопасности»⁷⁴. Применительно к геопространственному позиционированию Эстонии это означало необходимость для неё войти в регион, имеющий социальный потенциал обеспечения безопасности в системе международных отношений.

Этот процесс имел чётко выраженный пространственно-географический аспект, который отмечался самими эстонскими политологами и историками, обращавшими внимание на эволюцию тематики дискурса. Профессор истории Таллинского университета К. Брюггеманн, входящий в состав бюро Балтийской исторической комиссии, делал заключение о том, что важный на первых этапах независимости вопрос этнической консолидации начал постепенно уступать другому: определению месту Эстонии на карте мира и выбору координат «привязки» — Запад или Север. Одновременно ставился вопрос о позиционировании Эстонии как особого этнополитического, обусловленного историко-культурной традицией геопространства или части более широкого — Балтийского. Фактически в общественном дискурсе, включая и академические обсуждения, проходил процесс «ре-регионализации» Эстонии, то есть отход от ставшего в годы пребывания в составе СССР «балтийского» образа, частично ассоциирующегося с судьбой жертвы (пережившей иностранные интервенции, войны и потерю независимости, особенно в период 1940–1991 гг.), к так называемому «северному».

Периферийный характер позиционирования Эстонии в западном геопространственном конструкте обусловил привлекательность северного направления в общественном мнении страны и её академическом сообществе⁷⁵. К началу XXI в. это стало очевид-

⁷³ Подробнее об этом направлении см.: Williams 2003.

⁷⁴ Buzan, Wæver 2003.

⁷⁵ Brüggemann 2003.

ным фактом. Выбор между сохранением за Эстонией статуса нейтрального и самодостаточного государства, с одной стороны, и, с другой, стремлением Эстонии выступать в роли коридора между Западом и Востоком, являясь членом Европейского Союза, о чём писали эстонские политологи в начале 2000-х гг., отражал особенность общенационального дискурса. Вопрос об отношениях с Россией являлся в данном случае доминирующим и порождал необходимость определения, какой из вариантов позиционирования наиболее подходит Эстонии⁷⁶. В свою очередь, основные направления так называемого северо-европейского политического дискурса в странах Скандинавии и государствах Европы, имевших выход к Балтийскому морю, как отмечали эстонские авторы, занимавшиеся изучением проблемы политического «конструирования» новых регионов, включал обсуждение двух главных концептов: «Регион Балтийского моря» и «Северное измерение». Присутствие этой проблемы в общенациональном эстонском дискурсе способствовало появлению определенных трактовок причинно-следственных связей при формулировании соответствующих северных региональных геоконструктов, ориентированных на Скандинавию. Так, в частности, одно из объяснений происходивших изменений формулировалось в следующем виде: «Геополитическое положение Балтийских стран характеризуется тем, что с востока и запада они рассматриваются, в целом, через призму различных геополитических кодов. Это известно как российское “Ближнее зарубежье”, а на Западе — в США и ЕС — как “Балтийские государства”, отличающиеся от других стран Центральной Европы, и характеризующиеся в рамках Северного измерения... Однако, имея в виду геополитическую близость к Скандинавским странам, так называемая Балтоскандская концепция, с помощью которой Эдгар Кант объяснял значение малых полуостровных стран в регионе, имеющем национальные и лингвистические границы, является продвижением вперед... Принятие такой классификационной политики можно видеть в проведении Соединенными Штатами северной политики (Северо-европейской инициативы) и политики Европейского Союза (Северное измерение)»⁷⁷.

⁷⁶ Berg 2001.

⁷⁷ Tani 2001: 20.

В то же время, проект «Северное измерение» определяется эстонскими авторами общественно-политических публикаций из числа представителей общественно-профессиональных организаций и как политическая концепция (*poliitiline kontseptsioon*), «находящаяся на повестке дня Европейской комиссии с 1997 г.», а с июня 1999 г. превращенная в план действий Совета Европы (СЕ), который был активно поддержан (что подчеркивают эстонские авторы) Швецией в 2000 г. во время её председательства в СЕ⁷⁸. В территориально-пространственном отношении он намного шире, чем балтийский региональный проект. Таким образом, для эстонского общенационального дискурса по проблеме геопространственного позиционирования в рамках некоего нового геоконструкта было изначально ясно, что если за первым из проектов стояли Дания и Германия, то за вторым — Финляндия⁷⁹. «Северное измерение» нередко рассматривается не как проектирование нового региона, а как «зонтик» для реализации различных политических курсов Европейского Союза или как стратегия Финляндии, направленная на внесение собственных национальных интересов в расширенную европейскую повестку дня⁸⁰. Столь однозначная трактовка не соответствует действительности, так как эта международная инициатива объединяет действия Европейского Союза, Норвегии, Исландии и Российской Федерации и не является однозначно «финским проектом». Примечательно, что в совместной декларации МИДов Эстонии и Финляндии от 3 января 2006 г.

⁷⁸ Päärendson 2001.

⁷⁹ В этой связи примечательным является комментарий российских авторов о ситуации, складывающейся в результате геопространственного конструирования в Балтийском регионе. Так, в частности, отмечалось, что «после создания Совета государств Балтийского моря в 1992 году Норвегия, во многом в противовес идеологии “балтийского сотрудничества”, выдвинула инициативу создания Баренцева Евро-арктического региона, включающего Северные страны и Россию. Активная политика Германии, направленная на повышение роли регионов в Европе и снижение значения границ, часто вызывает озабоченность в регионе. Именно этим объясняется сдержанное отношение стран Балтии и даже Северных стран к инициативе начала 90-х “Новая Ганза”»: Межевич 2004 (автор статьи — д.э.н., руководитель Центра трансграничных исследований, доцент факультета Международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета).

⁸⁰ Must 2001: 34.

«Необходимо продолжить Северное измерение» о последнем говорилось как о «политике, в фокусе которой находится Северо-Восточная Европа», а сам термин «используется в политических речах» для обозначения широкого спектра финансовых проектов⁸¹.

При формулировании геопространственных конструктов в эстонском общенациональном дискурсе выявилась ещё одна особенность. Развивавшаяся в научной литературе в межвоенный период, а затем уже после восстановления независимости дискуссия о роли и месте конкретных регионов Эстонии на протяжении большого периода истории, с начала заселения её нынешней территории, а затем железного века и последующих этапов, проходит в рамках общей темы: насколько самостоятельными были различные области Эстонии и какова роль этого факта в политогенезе Эстонии и формировании этнической идентичности эстонцев. В тесной связи с этой, кажущейся, на первый взгляд, исключительно академической дискуссией, актуализируется ещё одна тема, также имеющая отношение к истории: административно-государственное разделение нынешней территории Эстонии на так называемую эстонскую и ливонскую провинции в Средние века и в период шведского владычества, что лишь подчеркивает разделение этой территории на северную и южную части⁸². В этой связи следует отметить, что так называемая архаика и историческая этнология, основы которой закладывались в Эстонии в межвоенный период, серьезно влияли на общественно-академический дискурс в 20-х – 30-х гг. XX в. Среди тем, которые тогда привлекали особое внимание местных ученых, особое место занимала проблема финно-угорского единства как особого культурно-исторического и этнополитического феномена. Более того, в тот период этот вопрос из научно-академического постепенно трансформировался в общественно-идеологический и нашёл своё проявление в концептуальных построениях известного эстонского этнолога-фольклориста О. Лоритса, который достаточно жёстко противопоставлял «финно-угорство» «индо-германизму»⁸³, рассматривая последний через призму роли и места, прежде всего, «политического» германизма в

⁸¹ Põhjamõde 2006.

⁸² См. представленную таблицу в: Рае 2006: 26.

⁸³ Arukask 2009: 129.

истории Эстонии⁸⁴. Однако в 90-х гг. XX в., после восстановления независимости Эстонской Республики, он не стал основой какого-либо геопространственного конструкта. Вместе с тем, в последнее время эстонские исследователи обращают особое внимание на генезис содержательной части топонима «Ливония», служившего в последовательно сменявшиеся исторические периоды для обозначения различных территорий, включая, помимо остальных, неэстонских, южную и северную части современной Эстонии⁸⁵. Влияние прежнего разделения на север-юг (Эстония-Ливония) на современную административно-политическую ситуацию страны эстонскими исследователями отвергается, так как объединение территорий, на которых проживали эстонцы под единой юрисдикцией, произошедшее в 1917 г., способствовало территориальной консолидации⁸⁶. В то же время, признаются культурно-исторические различия нынешней Эстонии, которые локализируются в пределах условных границ северной, южной и западной (включая острова) частей страны, а центральная Эстония рассматривается как «пограничная зона» между южной и западными частями⁸⁷. При всей кажущейся, на первый взгляд, искусственности архаизации образа эстонского национального характера и малозначительности особенностей этнической психологии для процесса формулирования современных геопространственных конструктов в сегодняшнем общенациональном эстонском дискурсе, в действительности прослеживается определенное влияние этно-исторических стереотипов «эстонского» восприятия мира. Ещё во второй половине XIX в., то есть в период активного развития эстонского просвещения и школьного образования начала происходить стереотипизация геопространственного восприятия «эстонского мира». Это нашло своё отражение в учебной литературе по географии, выполнявшей важную функцию формирующую представления дисциплину: «В средних классах сельской школы была введена отечественная география с тем, чтобы разбудить к ней любовь. Обучение начиналось с изучения родного места, а затем следовали “приход”, “район”, “губерния”. Определилась отчётливо патрио-

⁸⁴ Västriik 2005: 213.

⁸⁵ Рае 2006: 15, 16, 24, 25.

⁸⁶ Рае 2006: 32.

⁸⁷ Рае 2006: 39.

тическая концепция. Было видно, что этому придавалось не этническое значение, а региональное измерение, хотя и не говорилось о трёх балтийских провинциях. В тексте, однако, читателю не говорили о том, что его или её родина — Российская империя. О последней упоминалось в “старших классах”, когда говорилось о “пяти континентах”⁸⁸ и пяти мировых океанах, о большой Европе и, в частности, России”. Родное место и родная земля отчётливо отделялись от российского государства»⁸⁹. Особое внимание уделялось этногеографическим границам отечества. Сами эстонские этнологи обращают внимание на значимость понятия пространства в эстонской национальной традиции что, по их мнению, является проявлением общих исторических тенденций: «Современная этнология рассматривает культуру как нечто, относящееся к менталитету. В последние два десятилетия важное место в этнологических исследованиях занимает пространство. Хотя пространство, если иметь в виду территорию, всегда имеет физические границы, этнологическое исследование пространства, однако, является исследованием ментальности. Пространство в этнологии представляет собой социо-культурный феномен... Важной концепцией, которая ассоциируется с центром, является дом»⁹⁰. Эстоноцентричность картины мира, порожденная особенностями расселения и природных условий, а также процессом формирования эстонской нации, нашла своё проявление в восприятии категорий «Родина» и «Отчизна». Так, в частности, эстонские этнологи делали вывод уже в начале XXI в. о существующей «иерархии» понятий, в соответствии с которой: «Родная территория (Koduterritoorium) окружает большими сферами дом»⁹¹... В эстонском языке для обозначения собственных земель всё больше используются термины “Родина” (Kodumaa) и “Отчизна” (Isamaa) — собственная земля, которая противоположна иностранной (välismaa)»⁹².

⁸⁸ До 10-х гг. XX в. Антарктида не считалась континентом.

⁸⁹ Sirk 2010: 60.

⁹⁰ Jürgenson 2004: 97 (цит. по электронной версии статьи, опубликованной как на эстонском, так и английском языках).

⁹¹ О категориях «дом» и «отечество» см. одноименный доклад Э. Янсен «Дом и отечество» на конференции «Родина и родное место: территориальная идентичность эстонцев», изданный в сборнике «Эстонцы и их земля»: Jansen 2000.

⁹² Jürgenson 2004.

Особенности эстонской историографии периода пребывания страны в составе СССР затрагивали широкий спектр проблем национальной истории и в немалой степени период средневековья, являвшийся важным с точки зрения определения «европейскости» Эстонии. Эта тема приобретала в годы восстановления независимости культурно-политическую значимость в контексте общенационального «европейского дискурса», что и нашло своё выражение в констатации эстонскими археологами как общих, так и особенных черт эстонской средневековой традиции: «Этносоциальный и этнокультурный аспекты столь сильны, что эстонский средневековый археологический материал делится между двумя большими подразделами: первым, “нормальным” для средневековой археологии, включая “европейские” городские постройки, каменные замки, храмы и монастыри, и, вторым, — связанным с традициями железного века», что нашло своё выражение в археологических раскопках артефактов»⁹³.

Анализ концепции трансформации «эстонского геопространства» и его роли в системе международных отношений был к 2011 г. артикулирован в работе руководителя Центра Балтийских исследований Института управления и политики Тартуского университета Х. Пяэбо уже в виде тезиса: в годы холодной войны Эстония выполняла функцию «восточного форпоста на Западе», а с окончанием холодной войны и после восстановления национальной независимости — «западного форпоста на Востоке»⁹⁴. Это изменение серьезно затронуло проблему идентичности Эстонии в её взаимоотношениях с восточным соседом — Россией, что проявляется, прежде всего, в конфликтном потенциале исторической интерпретации или так называемом историческом нарративе — *ajaloonarratiiv* (в англоязычной традиции — National Master Narratives) обеих сторон⁹⁵. В современной эстонской историографии и научно-популярной публицистике проблема формулируется в виде двух взаимосвязанных тезисов. Они призваны отразить общие, а не только характерные для эстонской историографии, черты развития процесса исторического осмысления, подвергаемые са-

⁹³ Russow et al. 2006: 3.

⁹⁴ Pääbo 2011b.

⁹⁵ Pääbo 2010. См. его же доклад, посвященный конфликту исторических нарративов Украины и России: Pääbo 2011a.

мим автором этого анализа — М. Таммом, специализирующемся на исследовании конструирования историко-географического пространства, — критике: «История буквально подается как рассказ о прошлом. “Время” и “рассказ” являются двумя базовыми категориями любого историописания (ajalookirjutuse)»⁹⁶. Особенность подобного подхода объяснялась самим М. Таммом тем, что, «во-первых, мы должны признать существенную разницу между прошлым и историей и это порождает утверждение о том, чтобы восстановить прошлое, то есть ожидания окончательной и исчерпывающей истории правды прошлого. Правда истории обязательно селективна. Во-вторых, мы должны принять то, что никакой исторический нарратив не может быть единственно возможным, то есть прошлое может обусловить существование несколько различных версий, без них оно было бы неверным»⁹⁷.

Большое значение для концептуализации современных геопространственных конструктов в общенациональном дискурсе Эстонии имеют этно-исторические особенности формирования идентичности эстонского этноса. Наиболее активная фаза этого процесса относится ко второй половине XIX в. Служившее вплоть до его середины широко распространенное среди населения самоназвание “maarahva”, означающее буквально «сельский житель», «селянин»⁹⁸, стало отходить всё более на второй план в период национально-культурного возрождения (в эстонской историографии он носит название “Ärkamisaeg” и датируется 1850–1918 гг.) и заменяться на “Eesti rahva” (эстонский народ), чему в большой степени способствовала подвижническая просветительская деятельность представителей эстонской интеллигенции⁹⁹. Географический фактор, рассмат-

⁹⁶ Tamm 2007. «Время и рассказ о нём». В 2009 г. автор этого материала защитил под руководством Ю. Кивимяэ — известного эстонского историка, специалиста по истории Ливонии, диссертацию под символическим названием: «Изобретая Ливонию: Религиозные и географические образы Восточного Балтийского региона в начале XIII в.» (оригинал названия докторской диссертации: «Inventing Livonia: Religious and Geographical Representations of the Eastern Baltic Region in Early Thirteenth Century»).

⁹⁷ Tamm 2007.

⁹⁸ Подробнее об эволюции понятия и онтологических изменениях см: Beyer 2007.

⁹⁹ Большую роль в этом процессе сыграл эстонский просветитель и автор слов национального гимна Йохан Волдемар Янсенн. В 1857 г. в г. Пярну

риваемый эстонскими исследователями как важный для концептуализации новой геополитической реальности, в то же время, оценивался ими не как основной, а сочетался с таким элементом конструирования, как «взгляд из прошлого», когда учитывались прежние геопространственные концепции, а также то, как «правлящие элиты избирают наиболее подходящие «исторические истины», которые используются для определения «свой — чужой»¹⁰⁰.

В общенациональном дискурсе последних двадцати лет, прошедших с момента восстановления независимости Эстонской Республики, пристальное внимание уделялось поиску собственного места в новой системе «международных координат». Она заключалась в сочетании традиционного этно-исторического элемента с «нео-политической» ярко выраженной «регионально-маринистской» (то есть основой регионального «строительства» выступало морское пространство). Исторический аспект геопространственного конструирования, отмечаемый в дискурсе, испытывал влияние и существующей традиционной регионализация Эстонии, обусловленной во многом как этнокультурными особенностями её отдельных районов, так и существовавшим на протяжении средних веков и нового времени её административным делением в различные периоды вхождения в состав иностранных империй и государственных образований. Формулирование новых геопространственных конструктов, основу которых составил историко-географический принцип выделения конкретного региона, наделённого широким спектром характеристик, обеспечивающих ему качество положительного символа, было характерно и для общенационального дис-

он основал еженедельную газету «Пярнуский почтальон, или Недельная газета» (Perno Postimees ehk Näddalileht). Уже в первом номере от 5 мая им было опубликовано ставшее впоследствии популярным стихотворение под названием «Здравствуй, любимый эстонский народ!» (Terre, armas Eesti rahwas!).

¹⁰⁰ Berg 2002: 9. Эта монография являлась результатом работы по гранту «Геополитическая концептуализация и дискурс в возвратившей независимость Эстонии. Идентичность, границы и контексты» Эстонского научного фонда (Geopoliitiline mõtestamine ja diskursus taasiseseisvunud Eestis. Identiteetid, piirid ja kontekstid. ETF grant nr. 4335). Как формулирование темы исследования автором, так и факт поддержки фондом данной работы свидетельствуют об актуальности этой проблематики не только в научном, но и общественном отношениях (Pääbo 2011b).

курса как на общественно-политическом уровне, так и в научной академической среде Эстонии. Этот процесс оказался общим для геопро пространственного конструирования конца XX – начала XXI в. В то же время, одной из отличительных черт этого процесса в эстонских реалиях был вариативный характер выдвигаемых проектов при неизменности принципа их формулирования: все обсуждавшиеся и получившие на общественно-политическом и академическом уровнях геоконцепты были ориентированы на расширительное толкование Балтии как региона, в котором Эстония если и не занимала центрального места, то не была и его периферией. Более того, при сопоставлении с появлявшимися в бывшей коммунистической Восточной Европе и существующими в дискурсах нынешних государств Центрально-Восточной Европы геопро пространственными конструктами, становится очевидным отсутствие популярности в эстонском общенациональном дискурсе любых так называемых ретроконструктов, основанных на единстве принадлежности ряда государств одному существовавшему некогда государственному образованию (Австро-Венгрия, Великое княжество Литовское), либо узкому географическому пространству («Дунайский проект» и т.д.) В определенной степени это обусловлено историческими особенностями развития Эстонии и историко-политической судьбой той части Балтии, в которой она расположена. В то же время, прошедшие после восстановления независимости 20 лет выявили, также, отсутствие популярности в общественном дискурсе и так называемых эстоноцентричных проектов, построенных на изоляционизме или доминировании в регионе. Не востребованным как геопро пространственный проект оказался и финно-угорский конструкт, сохранивший в эстонском дискурсе свой культурно-исторический характер, хотя и имеющий в определенных политических кругах поддержку как инструментальный элемент общегосударственной политики. В большей степени он выполняет роль укрепления эстонской идентичности, с одной стороны, а, с другой, подчеркивает этнокультурную связь в составе определенной общности.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Джаксон 2010 — *Джаксон Т.Н.* «Пути» на ментальной карте средневековых скандинавов (путь как способ освоения пространства) // ДГ. 2009. М., 2010. С. 300–317.
- Корневцев 2008 — *Корневцев В.* Понятия «страны Балтийского региона» и «Балтийский регион» // Космополис. 2008. № 2 (21). С. 68–76.
- Крейчи 2010 — *Крейчи О.* Геополитика Центральной Европы. Взгляд из Праги и Братиславы. Москва; Прага, 2010.
- Миллер 2001 — *Миллер А.И.* Тема Центральной Европы: История, современные дискурсы и место в них России // Регионализация посткоммунистической Европы: Сб. науч. трудов. М., 2001. С. 33–65.
- Межевич 2004 — *Межевич Н.М.* Балтийский регион и Россия на Балтике: специфика позиционирования. // AVVKeskus — <http://www.ut.ee/AVVKeskus/sisu/publikatsioonid/2004/pdf/VF-B.pdf> (февраль, 2012).
- Саид 2006 — *Саид Э.* Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб., 2006.
- Улунян 2009 — *Улунян Ар.А.* Новая политическая география. Переформируя Евразию. Историзированные зарубежные геоконцепты. Конец XX в. – начало XXI в. М., 2009.
- Aalto 2003 — *Aalto P.* Constructing Post-Soviet Geopolitics in Estonia. London, 2003.
- Antsu 2000 — *Antsu G.* Estonia's Security Policy Options 1991–1999. Tartu University, Department of Political Science, MA Thesis, Supervisor Professor Kaido Jaanson. Tartu, 2000.
- Arukask 2009 — *Arukask M.* The Narratives of Oskar Loorits and Paul Ariste and Their Problematic Dialogue with the «Popular» // Electronic Journal of Folklore. 2009. Vol. 43. P. 123–142. — <http://www.folklore.ee/folklore/vol43/arukask.pdf> (февраль, 2012).
- Arumäe 2003 — *Arumäe H.* Jaan ja Ilmar Tõnissoni välispoliitilistest tõekspidamistest Teise maailmasõja eel // Tuna. 2003. № 3. Lk. 35–63.
- Baltoscandia 2011 — Baltoscandia is awakening // The Lithuania Tribune, 10.9.2011. — <http://www.lithuaniatribune.com/2011/09/10/baltoscandia-is-awakening> (февраль, 2012).
- Berg 1998 — *Berg E.* Geopoliitika. Tartu, 1998.
- Berg 2001 — *Berg E.* Geopoliitika kui tõe monopol // Õhtuleht, 21.4.2001.
- Berg 2002 — *Berg E.* Eesti tähendused, piirid ja kontekstid. Tartu, 2002.

- Beyer 2007 — *Beyer J.* Ist maarahvas («Landvolk»), die alte Selbstbezeichnung der Esten, eine Lehnübersetzung? Eine Studie zur Begriffsgeschichte des Ostseeraums // *Zeitschrift für Ostmitteleuropaforschung*. 2007. № 56. S. 566–593.
- Brüggemann 2003 — *Brüggemann K.* Leaving the «Baltic» States and «Welcome to Estonia»: Re-Regionalising Estonian Identity // *European Review of History / Revue européenne d'histoire*. 2003. № 2. P. 343–360.
- Buttime 2005 — *Buttimer A.* Edgar Kant (1902–1978): A Baltic Pioneer // *Geografiska Annaler. Ser. B, Human Geography*. 2005. Vol. 87. № 3. P. 175–192.
- Buzan, Wæver 2003 — *Buzan B., Wæver O.* Regions and Powers: The Structure of International Security. Cambridge, 2003.
- Delanty 1995 — *Delanty G.* Inventing Europe Idea, Identity, Reality. London, 1995.
- Eesti võib tõusta 2011 — Eesti võib tõusta Kirde-Euroopa sõlmpunktiks. 20.9.2011 // Delfi Majandus. — <http://majandus.delfi.ee/news/uudised/eesti-voib-tousta-kirde-euroopa-solmpunktiks.d?id=58100670> (февраль, 2012).
- Feldmanis, Stranga 1994 — *Feldmanis I., Stranga A.* Destiny of the Baltic Entente: 1934–1940. Riga, 1994.
- Geer 1928 — *Geer de S.* Das Geologische Fennoskandia und das Geographische Baltoskandia // *Geografiska Annaler*. 1928. Vol. 1. № 2. S. 119–139.
- Grzechnik 2010 — *Grzechnik M.* The concept of the Baltic Sea region as historic region: An analysis of the process of constructing narrative about the region's past. Department of History. Thesis submitted for assessment with a view to obtaining the degree of Doctor of History and Civilization of the European University Institute. Florence, September 2010.
- Hackmann 2002 — *Hackmann J.* From «Object» to «Subject»: The Contribution of Small nations to Region-Building in North Eastern Europe // *Journal of Baltic Studies*. 2002. № 4. P. 412–430.
- Halecki 1950 — *Halecki O.* The Limits and Divisions of European History. London; New York, 1950.
- Heikkilä 2011 — *Heikkilä P.* Imagining Europe, Imagining the Nation. Estonian Discussion on European Unification, 1923–1957. Turun Yliopisto/University of Turku, 2011.
- Ilves 1999 — Estonia as a Nordic Country. Speech by Toomas Hendrik Ilves, Minister of Foreign Affairs, to the Swedish Institute for International Affairs, 14 December 1999. — <http://www.vm.ee/?q=en/node/3489> (февраль, 2012).

- Jakobsson 2006 — *Jakobsson S.* On the Road to Paradise: «Austrvegr» in the Icelandic Imagination // *The Fantastic in Old Norse/Icelandic Literature; Sagas and the British Isles.* Durham, 2006. P. 935–943.
- Jansen 2000 — *Jansen E.* Kodu ja isamaa // *Eestlane ja tema maa: konverentsi «Kodumaa ja kodupaik: eestlase territoriaalne identiteet»* (16.–17. november 1999) materjale. Tallinn, 2000. Lk. 34–48.
- Jászi 1918 — *Jászi O.* Magyarország jövője és Dunai Egyesült Államok. Budapest, 1918.
- Jauhiainen 2005 — *Jauhiainen J.* Edgar Kant and The Rise of Modern Urban Geography // *Geografiska Annaler. Ser. B, Human Geography.* 2005. Vol. 87. № 3. P. 193–203.
- Jonuks 2003 — *Jonuks T.* Eesti ja kujutus Eestist Skandinaavia saagades // *Mäetagused. Hüperajakiri.* 2003. Vol. 23. Lk. 130–140.
- Jürgenson 2004 — *Jürgenson A.* Eestlase kodumaa ja kodupaiga mõistete kujunemisest // *Metsas.ee* — <http://www.metsas.ee/et/tekstid> (англоязычный вариант: Jürgenson 2004 – *Jürgenson A.* On the Formation of the Estonians' Concepts of Homeland and Home Place // *Pro Ethnologia. Culture and Environments.* № 18. Tartu, 2004. *Metsas.ee* — <http://www.metsas.ee/et/tekstid> [февраль, 2012]).
- Kannike 2008 — *Kannike S.* Geograafia ja ideoloogia. Karu pesukausis ja poolsaarerahvas // *Diplomaatia.* 2008. № 61. — [http://www.diplomaatia.ee/index.php?id=242&tx_ttnews\[tt_news\]=656&tx_ttnews\[backPid\]=468&cHash=dd869f1639](http://www.diplomaatia.ee/index.php?id=242&tx_ttnews[tt_news]=656&tx_ttnews[backPid]=468&cHash=dd869f1639) (февраль, 2012).
- Kant 1935 — *Kant Edg.* Bevölkerung und Lebensraum Estlands. Ein anthropoökologischer Beitrag zur Kunde Baltoskandias. Tartu, 1935.
- Kant 1999 — *Kant E.* Linnad ja maastikud. Koostaja O. Kurs. Eesti Mõttelugu № 28. Tartu, 1999.
- Kant 2007 — *Kant E.* Eesti kuuluvus Baltoskandiasse // *Eesti rahvastik ja asustus.* Koostaja: Ott Kurs. Tartu, 2007.
- Karjahärm, Sirk 1997 — *Karjahärm T., Sirk V.* Eesti haritlaskonna kujunemine ja ideed 1850–1917. Tallinn, 1997.
- Karjahärm, Sirk 2001 — *Karjahärm T., Sirk V.* Vaim ja võim: Eesti haritlaskond 1917–1940. Tallinn, 2001.
- Kasulikud ärisuhted 2009 — *Kasulikud ärisuhted Kesk-Balti regiooni ja Hiina vahel* Projekt MMJCV10100I (2009). Tartu Ülikool. Majandus-teaduskond: <http://www.mtk.ut.ee/959881> (февраль, 2012).
- Kilvits 2008 — *Kilvits K.* Majanduspoliitika. Loengukonspekt. Kuues, parandatud, täiendatud ja osaliselt muudetud struktuuriga väljaanne. Tallinna

- Tehnikatülikool. Majandusteaduskond. Avaliku sektori majanduse instituut. Majanduspoliitika õppetool. Tallinn, 2008.
- Kõiv 2002 — *Kõiv L.* Kirde-Euroopa ajaloo III rahvusvaheline sümposium Tallinna Linnaarhiivis // Tuna. 2002. № 1. Lk. 147–152.
- Kongo 1995 — *Kongo L.* Geograafia arengust Eestis (kuni II Maaailmasõjani) // Geograafia ajaloost Eestis. Teaduse Ajaloo Lehekülgi Eestist. XI kogumik. Teaduste Akadeemia Kirjastus, Tallinn 1995. — <http://baer.emu.ee/orb.aw/class=file/action=preview/id=244193/4Kongo18.pdf> (февраль, 2012).
- Kriiska, Tvauri 2002 — *Kriiska A., Tvauri A.* Eesti muinasaeg. Tallinn, 2002.
- Kurs 1992 — *Kurs O.* Edgar Kanti teaduspärand // Akadeemia. 1992. № 4. Lk. 578–606.
- Kurs, Tammiksaar 2001 — *Kurs O., Tammiksaar E.* In Political Draughts Between Science and the Humanities: Geography at the University of Tartu Between the 17th–20th Centuries // Estonian Studies in the History and Philosophy of Sciences / Ed. by R. Vihalemm. Dordrecht, 2001. P. 51–63.
- Kuul 2011 — *Kuul M.* Ansip: Põhja-Balti regioon taastub kriisist hästi. 20.01.2011. — <http://uudised.err.ee/index.php?06222863>.
- Laaneots 2000 — *Laaneots A.* Baltikumi julgeolekukeskkond ja riskid Eestile. 2000. Akadeemiline Balti ja Vene Uuringute Keskus. ABVKeskus. — http://www.ut.ee/ABVKeskus/?leht=publikatsioonid&aasta=2000&dok=Baltikumi_julgeolekukeskkond_ja_riskid_Eestile (февраль, 2012).
- Lapinskaitė 2003 — *Lapinskaitė Š.* Kazio Pakšto Baltoskandijos idėja prieškarui ir dabar // XXI amžiaus Horizontai. 20.8.2003. № 16 (61).
- Lehti 1998 — *Lehti M.* Baltoscandia as a National Construction. Relations between the Nordic Countries and the Baltic Nations in the XX Century. Turku, 1998.
- Lehti 1999 — *Lehti M.* A Baltic League as a Construct of the New Europe. Envisioning a Baltic Region and Small State Sovereignty in the Aftermath of the First World War. Bern, 1999.
- Lehti, Smith 2003 — Post-Cold War Identity Politics: Northern and Baltic Experiences / Ed. by M. Lehti, D.J. Smith. London, 2003.
- Leito 1999 — *Leito V.* Eesti geopoliitika olukord, võimalused, missioon. Tallinn, 1999.
- Leito 2002 — *Leito V.* Eesti & Geopoliitika: Iseseisev Eesti Vabariik Voi Euroopa Liidu Uuskoloniseeritud Provints. Tallinn, 2002.
- Leito 2007 — *Leito V.* Muudeti Eesti geopoliitilist koodi. 26.12.2007 // Iseseisvuspartei. — <http://www.iseseisvuspartei.ee/test/index.php/artik->

- leidliikmetelt-avatud/items/muudeti-estli-geopoliitilist-koodi.html (февраль, 2012).
- Leppäranta, Myrberg 2009 — *Leppäranta M., Myrberg K.* Physical oceanography of the Baltic Sea. Berlin, 2009.
- Lubelski 2010 — *Lubelski J.* Związek Bałtycki i Trzecia Europa. Koncepcje reorganizacji Europy Środkowej w polityce zagranicznej II Rzeczypospolitej // *Nowa Europa*. 2010. № 1 (9). S. 183–217.
- Lucas 2010 — *Lucas E.* Farewell to Eastern Europe. Mud, Vodka, Chaos and Crime? Not any more // *The Economist*, 22.11.2010.
- Made 1999 — *Made V.* Külalisena maailmapoliitikas: Eesti ja Rahvasteliit 1919–1946. Tartu, 1999.
- Made 2003 — *Made V.* Estonia and Europe: A Common Identity or an Identity Crisis? // *Post-Cold War Identity Politics. Northern and Baltic Experiences* / Ed. by M. Lehti, D.J. Smith. London, 2003. P. 183–198.
- Martišius 2009 — *Martišius M.* Lietuva ir Estija — skirtingi įvaizdžiai: drąsi šalis ir Šiaurė su polėkiu // *Informacijos mokslai*. 2009. № 49. P. 118–139.
- Moisio 2003 — *Moisio S.* Back to Baltoscandia? European Union and Geo-Conceptual remaking of the European North // *Geopolitics*. 2003. № 8 (1). P. 72–100.
- Mörner 1995 — *Mörner N.-A.* The Baltic Ice Lake-Yoldia Sea transition // *Quaternary International*. 1995. Vol. 27. № 94. P. 95–98.
- Must 2001 — *Must E.* Baltic Sea Region and Northern Dimension – competing region-building projects? Bachelor Thesis. Supervisor: E. Berg, Ph.D. University of Tartu. Faculty of Social Sciences. Department of Political Science. Tartu, 2001.
- Naumann 1915 — *Naumann F.* Mitteleuropa. Berlin, 1915.
- Oras 1999 — *Oras S.* Eesti mõtteline asend maailma poliitilisel kaardil. Geopoliitilise mõtestamise võimalustest. Bakalaureusetöö. Tartu: Tartu Ülikooli Sotsiaalteaduskonna Politoloogia osakond. Tartu, 1999. — http://www.ut.ee/ABVKeskus/?leht=publikatsioonid&aasta=1999&dok=eesti_asend (февраль, 2012).
- Pääbo 2001 — *Pääbo H.* Väikeriigi välispoliitilise identiteedi kujundamine Eesti Vabariigi ja Leedu Vabariigi 1990. aastate näitel. Bakalaureusetöö. Tartu Ülikool. Sotsiaalteaduskond. Politoloogia osakond. Tartu, 2001.
- Pääbo 2005 — *Pääbo H.* Balti riikide geopoliitilise tähenduse ajalooline kujundamine // *Maailmast 2005: RSR artiklite kogumik: pühendatud professor emeritus Eero Loonele 70. sünnipäevale*. Tartu, 2005. Lk. 195–230.

- Pääbo 2009 — *Pääbo H.* Great Power's Dependency Policies in a Geostrategic Subregion. Measuring Capability of the USA Policies in Central America and Russian Policies in the Baltic States. Saarbrücken, 2009.
- Pääbo 2010 — *Pääbo H.* Eesti-Vene identiteedikonflikti võimalikkusest: rahvuslike ajaloonarratiivide kokkusobimatuses // *Politica* / A. Kasekamp, R. Toomla, K. Tüür (Toim.). Tartu, 2010. Lk. 84–111.
- Pääbo 2011a — *Pääbo H.* Analysis of National Master Narratives in the Post-Imperial Space: Ukraine vs Russia. — <http://ww2-historicalmemory.org.ua/docs/eng/Paabo.doc> (февраль, 2012).
- Pääbo 2011b — *Pääbo H.* Estonian Transformation From an Eastern Outpost in the West to a Western Outpost in the East // *Cultural Transformations after Communism* / Ed. by B. Tönquist-Plewa, K. Stala. Lund, 2011. P. 251–277.
- Pääbo 2011c — *Pääbo H.* Potential of Collective Memory based International Identity Conflicts in Post-Imperial Space. Comparison of Russian Master Narrative with Estonian, Ukrainian and Georgian Master Narratives. Institute of Government and Politics, University of Tartu. Tartu, 2011.
- Pääbo, Kand, Kaljuorg 2006 — *Pääbo H., Kand T., Kaljuorg T.* Eesti erakondade välispoliitilise ideoloogia määramine // *Riigikogu Toimetised*. 2006. Vol. 14. — <http://www.riigikogu.ee/rito/index.php?id=10997&op=archive2> (февраль, 2012).
- Päärendson 2001 — *Päärendson E.* Põhjadimensiooni alasel arutelul Rootsisis rõhutati piirkonna tolli- ja saasteprobleemide lahendamise vajadust. 9.2.2001. // *Eesti Tööandjate Keskliit*. — <http://www.tooandjad.ee/et/kompetents/uudised/4099> (февраль, 2012).
- Paе 2006 — *Paе T.* Formation of cultural traits in Estonia resulting from historical administrative division / Ed. by E. Tammiksaar. 2006 Tartu Ülikool. Bioloogia-geograafiateaduskond. Dissertations. Geographicae Universitatis Tartuensis. 28. Tartu, 2006.
- Pakštas 1937 — *Pakštas K.* Leedu Baltoskandia raamistikus // *Looming*. 1937. № 4. — <http://www.kirjandusarhiiv.net/?p=92> (февраль, 2012).
- Pakštas 1942 — *Pakštas K.* The Baltoscandian confederation. Chicago, 1942.
- Parsch 1904 — *Parsch J.* Mitteleuropa: Die Länder und Völker von den Westalpen und dem Balkan bis an den Kanal und das Kurische Haff. Gotha, 1904.
- Pegg 1983 — *Pegg C.* Evolution of the European Idea, 1914–1932. Chapel Hill, 1983.
- Põhjamõõde 2006 — *Põhjamõõde* on vajalik edaspidigi // *Postimees*, 3.2.2006.

- President Ilvese 2009 — President Ilvese loeng Turu ülikoolis. Kes me oleme? Kus me oleme? Rahvuslik identiteet ja vaimne geograafia. 22.04.2009. — <http://www.president.ee/et/ametitegevus/koned/2494-president-ilvese-loeng-turu-uelikoolis/index.html> (февраль, 2012).
- Pusta 2000 — *Pusta K.R.* Kontrastide aastasada. Tartu, 2000.
- Puusag 2011 — *Puusag E.* Eesti geopoliitiline asend Euroopas // Eesti Ellu / Estonian Life, 28.1.2011.
- Rakutienė 2008 — *Rakutienė S.* Šiaurės ir Rytų dimensijos Europos Sąjungos ir Lietuvos politikoje // Jaunųjų mokslininkų darbai. 2008. №. 1 (17). P. 35–42.
- Ramsay 1909 — *Ramsay W.* Geologins grunder. Helsingfors, 1909.
- Riim 1997 — *Riim T.* Eesti Julgeolek: Väikese riigi ellujäämine uues rahvusvahelises julgeolekupoliitilises olukorras Bakalaureusetöö. Juhendaja: Jüri Ruus. Tartu Ülikool Sotsiaalteaduskond Politologia osakond. Tartu, Juuni 1997.
- Russow et al. 2006 — *Russow E., Valk H., Haak A., Pärn A., Mäesalu A.* Keskaja euroopaliku kultuuri arheoloogia: linnad, kirikud, kloostrid ja kivilinnused // Arheoloogiline uurimistöö Eestis. 1865–2005. Tartu, 2006. — <http://arheo.ut.ee/07EA1Russowjt.pdf> (февраль, 2012).
- Sarv 1996 — *Sarv M.* Konflikti teooriad. Eesti Vabariigi ja Vene Föderatsiooni vaheline konflikt. Bakalaureusetöö. Juhendaja Dots. Ivar Tallo. Tartu: Tartu Ülikooli Sotsiaalteaduskonna Politologia osakond, 1996. — http://www.ut.ee/ABVKeskus/?leht=publikatsioonid&aasta=1998&dok=eesti_vene_konflikt (февраль, 2012).
- Schenk 2002 — *Schenk F.B.* Mental Maps. Die Konstruktion von geographischen Räumen in Europa seit der Aufklärung // Geschichte und Gesellschaft. Zeitschrift für Historische Sozialwissenschaft. 2002. № 28. S. 493–514.
- Siiman 1998 — *Siiman E.* Kõne. Pärnus 23. veebruaril 1998.
- Sirk 2010 — *Sirk V.* Balti talurahvakoolist rahvukooli lävele. Terminoloogilisi ja tüpoloogilisi vaatlusi // Acta Historica Tallinnensia. 2010. № 15. Lh. 51–72.
- Stråth 2008 — *Stråth B.* Mitteleuropa. From List to Naumann // European Journal of Social Theory. 2008. № 11 (2). P. 171–183.
- Tamm 2007 — *Tamm M.* Aeg ja tema lugu. Minevik ning selle esitamne: Marek Tamm arutleb võimaluste üle, kuidas käsitleda mõisteid aeg ja lugu. Kirjatükk on järelehüüe kirjastuses Varrak 10 aastat ilmunud raamatusarjale «Ajalugu. Sotsiaalteadused» // Kes-Kus. Eesti kultuuri- ja avalikul elul silma peal hoidva ajalehe online-versioon. 2007. №7. —

- http://www.kes-kus.ee/tryki_artikkel.php?artikkelt_id=1716 (февраль, 2012).
- Tani 2001 — *Tani S.E.* Julgeolekugarantiid Balti Riikidele. Bakalaureusetöö. Sotsiaalteaduskond. Politoloogia osakond. Juhendaja: M.A.R. Toomla. Tartu, 2001.
- Tarkmeel 1998 — *Tarkmeel A.* Eesti kohalik poliitiline eliit. Tartu Ülikool Sotsiaalteaduskond Politoloogia Osakond. Bakalaureusetöö. Juhendaja: Jüri Ruus . Tartu 1998. — http://www.ut.ee/ABVKeskus/?leht=publikatsioonid&aasta=1998&dok=eesti_kohalik_poliitiline_eliit#5.4 (февраль, 2012).
- Todorova 1997 — *Todorova M.* Imagining the Balkans. New York, 1997.
- Tõnisson 1938 — *Tõnisson I.* Realistlik Eesti välispoliitika. Balti liit ja Skandinaavia orientatsioon // Postimees, 18.01.1938.
- Tõnisson 1940 — *Tõnisson J.* Euroopa föderatsiooni idee // Eesti Üliõpilaste Seltsi. Album XI. Tartu, 1940. Lk. 84–74.
- Tõnisson 1995 — *Tõnisson E.* Idatee, Austrvegr, Österled — läänemeresoome perspektiivis // Austrvegr= Idatee. 1995. № 1. Lk. 7–10.
- Troebst 2003 — *Troebst St.* Introduction: What's in a Historical Region? A Teutonic Perspective // European Review of History / Revue Européenne d'Histoire. 2003. Vol. 10. № 2. P. 173–188.
- Västrik 2005 — *Västrik E.-H.* Oskar Loorits: Byzantine Cultural Relations and Practical Application of Folklore Archives // Studies in Estonian Folkloristics and Ethnology: A Reader and Reflexive History / Ed. by K. Kuutma, T. Jaago. Tartu, 2005. P. 203–215.
- Williams 2003 — *Williams M.C.* Words, Images, Enemies: Securitization and International Politics // International Studies Quarterly. 2003. Vol. 47. № 4. P. 511–532.
- Zernack 1993 — *Zernack K.* Nordosteuropa. Skizzen und Bausteine zu einer Geschichte der Ostseeländer. Lüneburg, 1993.

С.З. ЧЕРНОВ

**РЕКОМЕНДУЕМЫЕ ФОРМАТЫ
ИСТОРИЧЕСКИХ КАРТ УЕЗДА И
ВОЛОСТИ (СТАНА) СРЕДНЕВЕКОВОЙ
РОССИИ XIII–XVII ВЕКОВ**

(ПО МАТЕРИАЛАМ ВЗВАДА, ВОЛОКА ЛАМСКОГО
И МОСКОВСКИХ ВОЛОСТЕЙ ВОРЯ И ПЕХОРКА)*

Аннотация: В статье, опираясь на результаты конкретных историко-археологических исследований, автор предлагает формат схемы уезда, содержащей изображение входящих в него волостей (станов), а также формат карты волости (стана) XIII–XVII вв. в масштабе 1:25000. На примере волости Воря Московского уезда и Сестринского стана Волоцкого уезда демонстрируется, какие именно реалии и объекты могут быть отражены на этих картах.

Ключевые слова: уезд, село, деревня, исторический ландшафт, ГИС, землевладение.

Растущий интерес к изучению исторических территорий России закономерно ставит вопрос о создании нового поколения исторических карт. Потребность в них чрезвычайно высока. Пока мы обладаем, по сути, только одним систематическим описанием территории России на уровне уезда, волости и земельной дачи — Генеральным межеванием (1760–1790-е гг., на окраинах страны — до середины XIX в.). Между тем исторический ландшафт, который сохраняется до наших дней и представляет огромную ценность как элемент культурного наследия, сформировался значительно раньше.

Для европейской части России в самом общем виде можно говорить о четырех этапах формирования существующего исторического ландшафта. Это древний ландшафт, предшествовавший славянскому освоению, ландшафт древнерусской эпохи (IX–XIII вв.), когда заселены были почти исключительно долины рек,

* Статья подготовлена в рамках гранта РГНФ № 10–01–00025а.

ландшафт XIV–XVI вв., когда произошло освоение водоразделов, и ландшафт XVII – первой трети XX в., когда сформировалась современная система сельского расселения.

Картографирование структур землевладения, известных по письменным источникам, структур расселения, маркируемых археологическими исследованиями, древних угодий и почитаемых мест — всего того, что характеризует исторический ландшафт, — находится на самой начальной стадии. Но без такой работы не может быть разработан историко-культурный опорный план России, который, в соответствии с действующим законодательством, должен предшествовать освоению земель.

Чем определяется ситуация в этой области сегодня? Во-первых, традицией картографирования сельских территорий России (А.М. Андрияшев, А.Н. Насонов, А.И. Копанев, М.В. Витов). Во-вторых, революцией в области комплексного (археологического, историко-географического и палеоландшафтного) исследования исторических территорий, которая произошла в 1980–2000-е годы и открыла широкие перспективы в этом направлении¹. В-третьих, новыми возможностями, которые открывают электронные карты и вообще цифровые технологии. В качестве примеров можно указать на такие ресурсы, как Google-earth, ставшие доступными карты губерний Военно-топографического депо середины XIX в. и многих уездов Генерального межевания, а также геоинформационные системы (ГИСы).

Интересные опыты в картографировании на уровне уездов принадлежат А.А. Селину (Новгородский и Ладужский уезды), А.А. Фролову и Н.В. Пиотух (Деревская пятина Новгорода), А.Л. Грязнову (Белозерский, Вологодский и Пошехонский уезды), Д.А. Черненко (Суздальский уезд)². Эти авторы предложили формат карты (атласа) уезда в масштабе 1:100 000. Он предполагает локализацию на современной геоподоснове (речная сеть и рельеф) населенных пунктов, описанных в писцовых книгах конца XV–XVI вв. Систематическое привлечение материалов Генерального межевания (опубликованы в отдельном томе) позволило А.А. Фролову и Н.В. Пиотух локализовать 63% населенных пунк-

¹ Подробнее: Культура 2004; Чернов 2008: 16–28.

² Селин 2003; Фролов, Пиотух 2008; Грязнов 2008; Черненко 2010: 164–166.

тов писцовых книг. С помощью ГИСа Д.А. Черненко удалось совместить границы земельных дач 1620-х гг. и 1760–1780-х гг.

Мною предложен формат карты средневековой волости (стана) (Волоцкий и Московский уезды)³. Он предполагает использование современной геоподосновы масштаба 1:25 000 и локализацию (помимо границ волости и населенных пунктов) земельных владений, храмов, дорог и крупных угодий. Точность этих локализаций сопоставима с точностью, с которой эти данные показаны на картах Генерального межевания. Создание подобных карт предполагает проведение микротопонимического исследования, локализации межей XV–XVII вв., а также детальное археологическое и историко-ландшафтное исследование территорий в пределах одной или нескольких земельных дач, которые образовывали княжеские, вотчинные или служные земли.

Для выработки оптимальных форматов исторических карт научному сообществу нашей страны необходимо найти консенсус по следующим вопросам:

1. Какие именно исторические реалии и объекты мы должны изобразить, чтобы дать представление о средневековом уезде, волости (стане), земельной даче.

2. Как предлагаемые форматы исторических карт будут адаптированы к другим картам и планам данной территории (планам Генерального межевания, картам Военно-топографического депо XIX в., топографическим картам ГУГК XX в., ландшафтным картам географов, опорным планам городов и сельских территорий архитекторов, используемых в практике охраны культурного наследия).

3. Какую картографическую стилистику и программное обеспечение стоит использовать для наиболее адекватной и лаконичной передачи интересующей нас информации, для обеспечения ее надежного хранения и быстрой трансляции.

В предлагаемой вниманию читателей статье я сконцентрирую внимание на первых двух вопросах применительно к картам земельной дачи, волости и уезда.

Карты-схемы уездов

До недавнего времени закономерности в делении уезда на волости и станы оставались не ясны. Определенным прорывом в

³ Чернов 1998; Чернов 2005.

изучении этой темы стало исследование Взвядского погоста, расположенного на южном берегу озера Ильмень, на древнем пути из варяг в греки⁴. Из грамот великих владимирских князей и Новгорода XIII в. было известно, что князья владели землями на погосте Взвяд. Обращение к писцовой книге Шелонской пятины 1551 г. показало, что древние княжеские земли Взвядского погоста сохранялись до середины XVI в. Смежно с ними располагались земли Чертицкого погоста. В писцовой книге 1501 г. они значатся как владения новгородских бояр, которые незадолго до этого времени были конфискованы. Локализация этих угодий (с использованием карт, описаний XVIII–XX вв. и опроса старожилов 1983 г.) показала, что земли в районе Взвада были поделены на четыре доли, которые сходились к Взваду как сектора к центру круга. Северная и южная доли принадлежали князьям, а западная и восточная — Новгороду (Илл. 1). Поскольку из договоров Новгорода с князьями мы знаем, что последние владели землями на Взваде не позднее 1265–1268 гг., указанная структура деления датируется временем не позднее середины XIII в.

Взвяд не превратился в город, и структура из четырех административных единиц не развилась в систему подгородных станов. Однако в округе тех древнерусских городов, которые изучались столь же детально, были прослежены аналогичные структуры.

Примером может послужить Волок Ламский (на северо-западе нынешней Московской области). Как свидетельствуют грамоты последней четверти XV в., Волоцкий удел (позднее уезд) делился на станы. Первое их упоминание относится ко времени Ивана Калиты (грамота Новгородскому Юрьеву монастырю на земли на Волоке).

Локализация станов показала, что четыре стана, образующие «окологородье», сходились к городу как сектора к центру круга (Илл. 2). В южном (Льяняниковском) стане доминировало княжеское землевладение. Села Пороховское, Холсниково, Рюховское и Спасское с земельными владениями в 1–3 тысячи десятин вереницей шли вдоль древнего волокового пути, соединявшего некогда бассейн Волги и р. Москвы. В северном (Староволоцком) стане также в конце XV в. доминировало княжеское землевладение.

⁴ Янин 1988: 82–104; Чернов 1985: 104–112.

Здесь находилось село Старый Волок, близ которого располагался первоначальный Волок Ламский, перенесенный, по преданию, на его нынешнее место Ярославом Мудрым.

Иной характер землевладения фиксируется в западном (Раховом) и восточном (Ламском) станах. В первом из них в одной из грамот начала XVI в. фигурирует реликтовая повинность «посаднича половина», которая указывает на то, что некогда эти земли подчинялись Новгороду. В Ламском же стане до середины XVIII в. сохранялась вотчина Новгородского Юрьева монастыря — село Чернецкое. Таким образом, округа Волока Ламского, также как и Взад, были поделены на новгородскую и великокняжескую половины, причем каждая из них состояла из симметрично расположенных один напротив другого секторов (долей)⁵.

Для передачи закономерностей деления уезда на станы и волости можно предложить формат **карты-схемы уезда**. Подобная карта-схема уезда несет изображение границ входящих в него волостей и станов, дорог и наиболее крупных сел, но не ставит задачу изображения земельных владений (Илл. 2).

Картографирование структур землевладения на уровне волости (стана)

Не менее системным оказалось и внутреннее деление станов. В каждой изучавшейся административной единице того времени (волость или стан) удавалось выделить ядро, которое обычно представляло собой территорию, освоенную со второй половины XIII–XIV вв. и известную источникам конца XIV–XV вв. как черная волость или иная форма служебной организации, и периферию, где со второй половины XIV в. создавались боярские вотчины, с которых вассалы князя несли боевую службу.

Яркий пример вотчины на периферии волости — село Муромцево в волости Воря, располагавшейся к югу от Радонежа (ныне территория г. Красноармейск Московской области). В архиве Троице-Сергиева монастыря сохранилось три документа, обосновавшие права монастыря на земельные владения села Муромцева.

Первый документ — монастырская запись 1450–1470-х гг. — позволяет проследить историю села Никольского-Муромцева в

⁵ Чернов 1998.

первой половине XV в.: «Мария Муромцева купила то село Конотеребово у Ивана у Смольнянинова, да дала своему сыну Микуле. И тот Микула мертв, он приказал своей жене Олене да своим детем Игнатью да Василью. И та Олена шла за иного мужа за Григорья за Колычова с теми детми с Васильем да с Игнатъем, да и с тем селом с Конотеребовым. И тот Григорей был на Белеве, ина без него та Олена мертва, ина приказала своему поселскому Давиду дати в дом живоначалной Троице. И тот Григорей Колычев приехал з Белевы, да з души свел — дал в дом живоначалной Троице на поминки по душе своей жены Олены то село Конотеребово»⁶. Если учесть, что битва при Белеве произошла в 1438 г., то второе замужество Олены следует относить к более раннему времени, а приобретение вотчины Марией Муромцевой у Ивана Смольнянинова — к первой четверти XV века.

Второй документ — данная грамота Григория Федоровича Муромцева троицкому игумену Досифею на «село Николское на Воре» 1447 г.⁷. Третий — купчая на это же село игумена Мартина, которая была оформлена, по всей видимости, в начале игуменства последнего, в конце 1447 г. или в 1448 г. В купчей содержится перечень сел, деревень, пустошей и починков (всего 18), входивших в вотчину, и «отвод земле»: «А отвод земле: по Андреевской враг Вороневкою, да Кучуковою перегородою, да в реку в Плаксу, да Плаксою в реку в Вору, да от Вори врагом к Путиловской земле по дороге по Ильинской враг. Да рекою Ворею по Хлебниковской враг, да дорогою к Щитникове меже, да к Степневской перегороде, да к Алексину врагу, да Олексиным врагом к Костькову врагу, да Костьковым врагом к Костькове перегороде, да Костьковою перегородою к Иванове меже к Конанову, а от Ивановы межи к Протасьевскому, от Протасьевского врага к Наревскому врагу»⁸. Изучение устной топонимической традиции (фиксация топонимии велась на геоподоснове 1:25 000 — Илл. 4) и

⁶ АСЭИ 1952: 202 (№ 282).

⁷ АСЭИ 1952: 131 (№ 182). Игумен Досифей поминается последний раз в жалованной грамоте Василия II Троицкому монастырю от 10 мая 1447 г.: АСЭИ 1952: 136, 137 (№ 191). Но, как заметил Г.В. Семенченко (Семенченко 1988: 51), в этой грамоте еще не значится с. Никольское. Видимо, жалованная на с. Никольское была дана вскоре после 10 мая 1447 г. и до 4 декабря 1447 г., когда игуменом монастыря стал Мартина: АСЭИ 1952: 137, 138 (№ 192).

⁸ АСЭИ 1952: 146 (№ 205).

археологическая фиксация части поселений позволили разработать карту северной части волости Воря XV в. и локализовать указанный землеотвод (Илл. 3).

В ряде случаев при изучении структуры землевладения волости (стана) удалось выделить и промежуточную территорию, где располагались так называемые «служные земли» — условные владения княжеских министералов, на плечи которых ложилась работа по устройению княжеского хозяйства и поддержанию правопорядка.

Внутренняя структура старовотчинного стана может быть продемонстрирована на примере Сестринского стана Волоцкого уезда (Илл. 5). Северная, издавна освоенная его часть, расположенная в нижнем течении р. Сестры, в конце XV в. представляла собой черные земли, принадлежавшие князю Борису Волоцкому. Центр и периферия стана была занята вотчинами, основная часть которых сформировалась в 1350-е – 1360-е годы выходцами из северных смоленских уделов, захваченных Литвой (Толбузины, Ржевские, Полевы)⁹.

Изучение структур землевладения показало, что различные территории Северо-Восточной Руси сильно отличались друг от друга по соотношению государственных (черных, служебных) и вотчинных земель. Так, земли, принадлежавшие московским князьям как великим владимирским (Волок Ламский, Переяславль и ряд других), во второй половине XIV–XV вв. обращаются в зоны почти сплошного вотчинного землевладения. Совершенно иначе развиваются Московские городские станы и ядра вновь создаваемых уделов, где сохраняются древние земли служебников и черные волости.

Исследование старовотчинных районов позволило выделить периоды, когда на той или иной территории складывается основной костяк вотчин. Сформировавшийся в условиях конкретной юрисдикции (великое княжение, удельное княжество и др.) состав родов вотчинников оказывается настолько стабильным, что даже при изменении характера юрисдикции представители этих родов продолжали служить наследникам тех, кому служили их отцы и деды¹⁰.

⁹ Чернов 1998: 294–321.

¹⁰ Чернов 1998: 322, 323.

Все эти исторические закономерности могут быть адекватно описаны лишь при картографировании землевладения на уровне волости (стана). Разумеется, не везде в нашем распоряжении имеются акты XV в., которые позволяют определить происхождение тех структур землевладения, которые фиксируются, например, писцовыми книгами 1620-х годов. Тем не менее, формат карт должен, на мой взгляд, исходить из задач выявления в перспективе этих закономерностей.

На практическом уровне это означает, что даже если картографирование землевладения волости или стана ведется без археологической локализации отдельных селений, в основе этой работы должна быть карта масштаба 1:25 000, которая отражает речную и овражную сеть с такой степенью точности, при которой становится возможной локализация межей владений XV–XVII вв. и сопоставление их с границами земельных дач Генерального межевания.

Что касается карты волости или стана, то ее цифровая карта может быть результатом механического сведения вместе карт групп земельных дач при приведении и их к масштабу 1:50 000. Публикация такой карты на бумажном носителе возможна на нескольких листах книжного формата А4¹¹. Параллельно возможно составление схем волости (стана) в формате А4 (Илл. 5). При этом вычерчивается новая подоснова с минимальной потерей точности, но с упрощенными условными знаками. Целью такой карты является передача основных закономерностей в структуре землевладения волости.

Что касается уезда, то цифровые технологии позволяют создавать карты уездов, содержащие данные о земельных владениях, сопоставимые с уездными картами генерального межевания. Думается, что в целях введения в научный оборот неопубликованных писцовых книг 1620-х годов, это направление весьма перспективно.

В то же время с точки зрения создания системы карт землевладения, основным форматом должны стать карты землевладения волости или стана на подоснове масштаба 1:25 000 (Илл. 3,

¹¹ Карты Пехорского стана и Яузского мытища (Чернов 2005: 52–55, 72–75, 216–219).

4). Эти карты наиболее адекватно отражают результаты исследований структур землевладения и создают возможность последующей адаптации с археологическими и палеоландшафтными исследованиями. Они могут издаваться и отдельно по той или иной волости или стану или в виде комплекта карт волостей (станов) определенного уезда.

БИБЛИОГРАФИЯ

- АСЭИ 1952 — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси / Сост. Б.Д. Греков. М., 1952. Т. 1.
- Грязнов 2008 — *Грязнов А.Л.* Картографирование территории Белозерского, Вологодского и Пошехонского уездов по материалам писцовых описаний XVI–XVII вв. // Мат-лы XV Всероссийской науч. конф. «Писцовые книги и другие массовые источники XVI–XVII веков». М., 2008.
- Культура 2004 — Культура средневековой Москвы. Исторические ландшафты. М., 2004. Т. 1. Расселение, освоение земель и природная среда в округе Москвы XII–XIII вв. / Отв. ред. Н.А. Кренке, С.З. Чернов.
- Селин 2003 — *Селин А.А.* Историческая география Новгородской земли XVI–XVIII вв.: Новгородский и Ладужский уезды Водской пятины. СПб., 2003.
- Семенченко 1988 — *Семенченко Г.В.* О хронологии Троицких актов второй половины XV в. // Археографический ежегодник за 1987 г. М., 1988. С. 53–58.
- Фролов, Пиотух 2008 — *Фролов А.А., Пиотух Н.В.* Исторический атлас Деревской пятины Новгородской земли (по писцовым книгам письма 1495–1496 годов). М.; СПб., 2008. Т. 1. Исследование и таблицы; Т. 2. Атлас и справочные материалы; Т. 3. Уездные планы последней четверти XVIII века.
- Черненко 2010 — *Черненко Д.А.* Методы картографирования и пространственно-статистического анализа структуры землевладения XVII–XVIII вв. в Центральной России // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы X–XXI вв. Источники и методы исследования. XXXII сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Тез. докл. и сообщений. Рязань, 21–24 сентября 2010 г. М., 2010. С. 164–166.

- Чернов 1985 — *Чернов С.З.* Историческая география Взвядского погоста // Генезис и развитие феодализма в России / Межвузовский сборник под ред. проф. И.Я. Фроянова. Л., 1985. С. 104–112; карта.
- Чернов 1998 — *Чернов С.З.* Волок Ламский: структуры землевладения и формирование военно-служилой корпорации. М., 1998.
- Чернов 2005 — *Чернов С.З.* Домен Московский князей. 1271–1505 гг. // Культура средневековой Москвы. М., 2005. Т. 2.
- Чернов 2008 — *Чернов С.З.* Микрорегиональные исследования сельской Руси XIII–XVI веков как форма сопряженного изучения археологических и письменных источников: возможности, проблемы, перспективы // Сельская Русь в IX–XVI веках. М., 2008. С. 16–28.
- Янин 1988 — *Янин В.Л.* К истории взаимоотношений Новгорода с князьями // Генезис и развитие феодализма в России. Л., 1988. С. 82–104.

ПОДРИСУНОЧНЫЕ ПОДПИСИ

Илл. 1. Особенности формирования административных границ в средневековой Руси в округе города или иного крупного поселения: деление территории начетверо. На карте показано разделение территории Взвядского и Чертицкого погоста, расположенных к югу от Новгорода при впадении реки Ловать в озеро Ильмень на пути из варяг в греки. Темно-серым цветом показаны земли великих владимирских князей, а светло-серым с точками — новгородских бояр, зафиксированные писцовой книгой 1498 г. Данное деление восходит к XIII в., когда погост Взвяд (от слова «возводить» — проводить суда вверх по течению реки Ловать) упоминается в договорах Новгорода и великих владимирских князей. Расшифровку номеров, обозначающих селения и уголья, см.: *Чернов С.З.* Историческая география Взвядского погоста // Генезис и развитие феодализма в России / Межвузовский сборник под ред. проф. И.Я. Фроянова. Л., 1985. С. 104–112; карта.

Илл. 2. Волоцкий удел и входящие в него станы в 1462–1513 гг. Жирной линией показаны внешние административные границы Волока Ламского до отделения от него в начале XIV в. волостей Буйгород и Колпь (к Твери) и возможного отделения волостей Юрьева слобода и Скирманово (к Москве). Темно-серым и серым выделены подгородные станы: темно-серым — половина великих владимирских князей, серым — половина Новгорода. Светло-серым цветом выделен Сестринский стан — типичный периферийный стан, хорошо обеспеченный письменными источниками, по которому реконструирована структура землевладения. I — город Волок Ламский; II — центры волостей и станов; III — монастыри;

IV — Иосифо-Волоколамский монастырь; V — села и деревни; VI — названия станов и волостей. Полную расшифровку см.: *Чернов С.З.* Волок Ламский. Структуры землевладения и формирование военно-служилой корпорации. М., 1998. С. 72.

Илл. 3. Северная часть волости Воря в XV в. Карта. I — граница вотчины Г.Ф. Муромцева по купчей игумена Мартиниана 1447 г. (АСЭИ. Т. 1. № 205); II — участки границы, реконструируемые предположительно; III — земли великого князя «Ильинские на Воре», данные Иваном III Троицкому монастырю в 1474 г. (АСЭИ. Т. 1. № 424); IV — межа 1680/81 г. (РГАДА. Ф. 1209. Кн. 273. Л. 449–451); V — межа 1503/04 г. (АСЭИ. Т. 1. № 646).

Илл. 4. Северная часть волости Воря в XV в. Фрагмент карты ГУГК 1976 г. на район бывшего села Никольского (Муромцева) — подоснова исторической реконструкции части волости (Илл. 3).

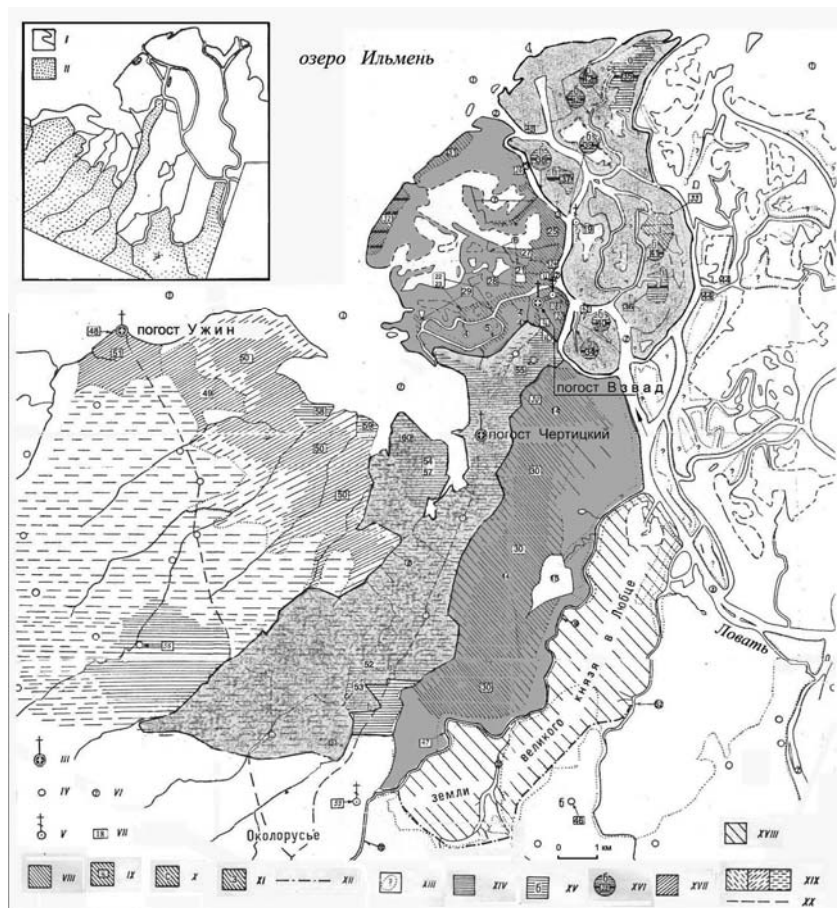
Илл. 5. Сестринский стан Волока Ламского. В конце XV — начале XVI в. Структура землевладения типичного периферийного старовотчинного стана. Серым цветом показаны княжеские земли (волостка села Покровского) — древнее ядро стана эпохи «служебной системы». Штриховками показаны боярские вотчины, возникшие во второй половине XIV — первой половине XV в. Большая их часть принадлежала потомкам удельных смоленских Фоминских князей, утративших свои земли на реке Вазузе в результате литовских походов 1350-х гг. и перешедших на службу к вел. кн. Дмитрию Ивановичу Московскому (Ржевские, Толбузины, Полевы, возможно, Ступишины). К концу XV в. эти владения раздробились в результате родовых разделов.

I — центр стана; II — село с церковью; III — деревня; IV — дорога «от Волока к Москве»; V — прочие дороги; VI — княжеские тяглые земли; VII — земли Толбузиных; VIIа — земли Ржевских; VIIб — земли Белеутовых, Невежиных, Синего; VIIв — земли Мечевых; VIIг — земли Ступишиных; VIII — земли, владельческая принадлежность которых не ясна; IX — границы владений, описанные в грамотах (см. ниже); X — прочие границы; XI — №№, под которыми обозначены локализованные поселения и земельные угодия, упоминаемые в грамотах; XII — граница стана.

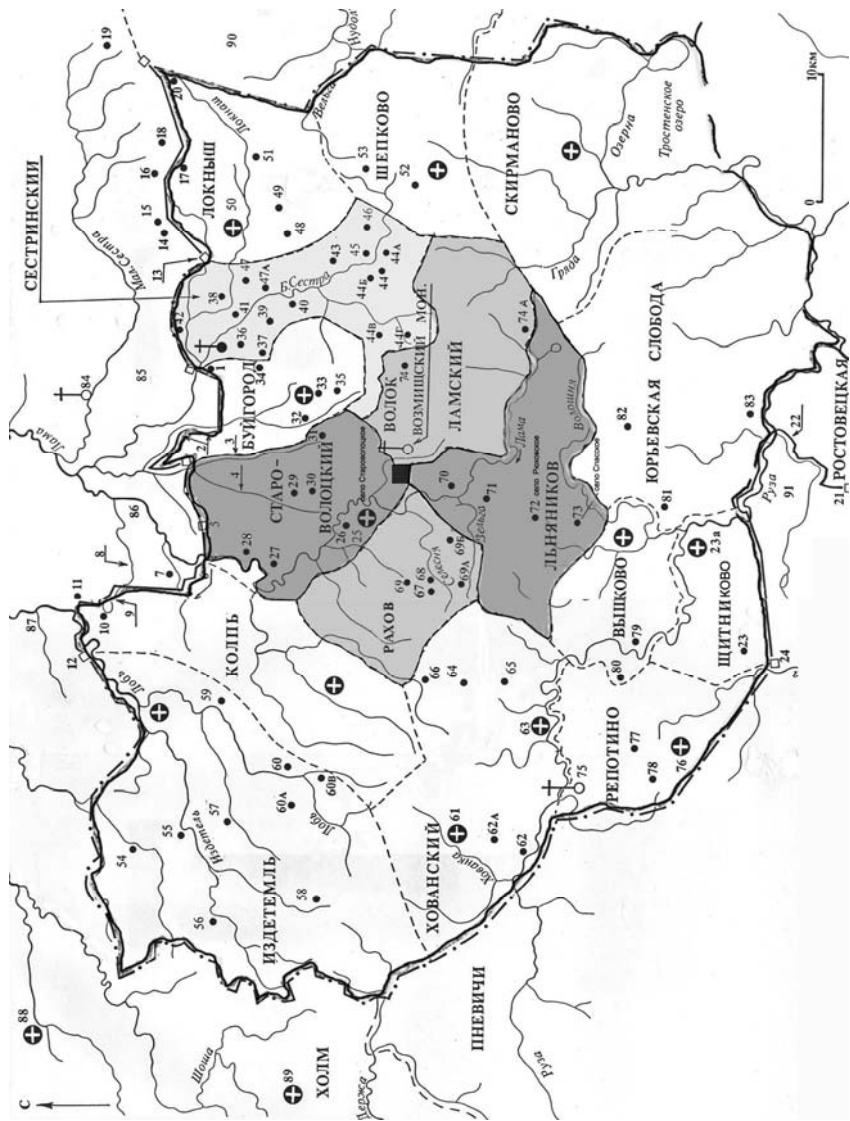
Купчая на сц. Кожевниково Семена Мечова (1479–1494 гг.: АФЗиХ. Ч. II, № 7 — далее указан только № грамоты): I — сц. Кожевниково Семена Мечова; 2, 3 — земли Ошитковская и Сысоева Ивана Мечова; 4 — земля Трофимовская Семена Мечова; 5 — земля Ситниковская Володимера Толбузина; 6 — деревня Мелеховская Андрея Мечова; 7 — селцо Новое Андрея Мечова. Разъезжая землям Иосифова монастыря дд. Фадеевой и Чащи с землями Ступишиных (ок. 1479–1496 гг.) (№ 8);

8 — д. *Фадеева*; 9 — д. *Чащ*; 10 — земля *Петровых детей Ступишина Дорковская и Комяковская*; 11 — от реки от *Локнаша*; 12 — потоком в *Черную грязь*; 13 — от большого болота ... в *Яворов ручьяй*, да ... в реку в *Сестрь*. Разъезжая д. Борок Микулкин от земель Г.С. Ржевского (1495/96 г.) (№ 22); 14 — земля *Гаврилы Семенова*; 15 — из реки из *Сестры*; 16 — в *Стругу*, да речкою *Стругою* вверх по *Онискину* между. Купчая старцев Иосифова монастыря на земли Василия Гавриловича Ржевского (№ 29). 17–19 — деревни *В.Г. Ржевского: Ефимьева, Коликино, Выжельцово*; 20 — от *Спировской* земли; 21 — ручьем вверх под *Чеклево*; 22 — к дорозе, что идет от *Волока* к *Москве*; 23 — земли *Матвеевы Ржевского Тицанниковская и Сутугинская*; 24 — земля *Семигинская*; 25 — к великому дубу на *Бугородицкую* между; 26 — до *Отчищевские* земли; 27 — луга *В.Г. Ржевского «от Онискинских покосов и от Рахмановских покосов до Тарасова Бору»*. Купчая 1546/47 г. на д. Кротово (№ 196). 28 — д. *Кротово Ф.М. Безобразова*; 29 — *Григория Юрчякова* земля *Толбузина*; 30 — *Войнова* земля *Ржевского* д. *Рублева*; 31 — *Темниковский* рубеж; 32 — земля *Анны Петровой* жены *Яковлича Фроловская*. Купчая 1534/35 г. на с. Никольское у Матвеевых детей Ржевских (№ 142); 33 — дороною *Волоцкою* к *Смолинскому*; 34 — ручьем *Петровским*; 35 — с. *Сивцово* *Воина Истомина* сына *Ржевского*; 36 — ручьем вверх под д. *Раменье* под *Левонтееву Толбузина*; 37 — к ямам меж *Волока* и *Рузы* рубеж, да от ям врагом вниз к *Волоцкой* дороги к *беседицу*, направи — земля *Микольского* сельца, а налеве — земля *Сутугинская* *Огрофены Семеновны* жены *Ржевского*.

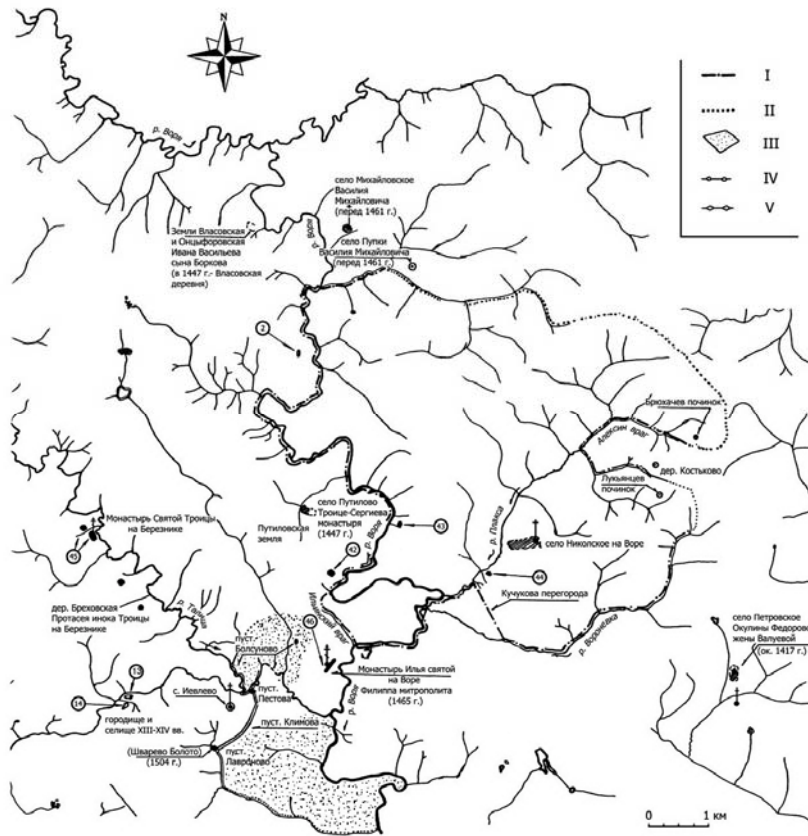
Илл. 6. Образец карты группы земельных дач на геоподоснове в масштабе 1:10 000 с показом археологических памятников и средневековых угодий. Район Медвежьих озер на окраине Пехорской бортной волости Московского уезда. План расположения памятников археологии XIV (серый цвет со штриховкой) и XV в. (серый цвет). В основе — топоъемка 1959 г. Селища: 1 — Медвежьи озера-5 (исторический культурный слой Спасо-Преображенского монастыря и поселения при нем); 2 — Медвежьи озера-6 (Ревякино); 3 — Медвежьи озера-7; 4 — Медвежьи озера-1 (в д. Медвежьи озера); 5 — Медвежьи озера-2 (на истоке р. Малашки); 6 — Медвежьи озера 3 (на поле Сётко); 9 — Медвежьи озера-9 (на Жижлевском поле). Слева — верхний и средний снимки: селище и роща на месте монастыря Спаса на Медвежьем озере; нижний снимок — место бортной деревни Ревякино на Малом Медвежьем озере, принадлежавшей боярам Мининым в 1360–1430-е гг. В центре, у пристани, на низкой террасе селище Медвежьи озера-6, за перелеском — Казенное озеро. Съёмка 03.09.2002 г. На перемычке между озерами было устроено «перевесье» для ловли птиц (Культура средневековой Москвы. Исторические ландшафты. М., 2005. Т. 2).

Илл. 1.

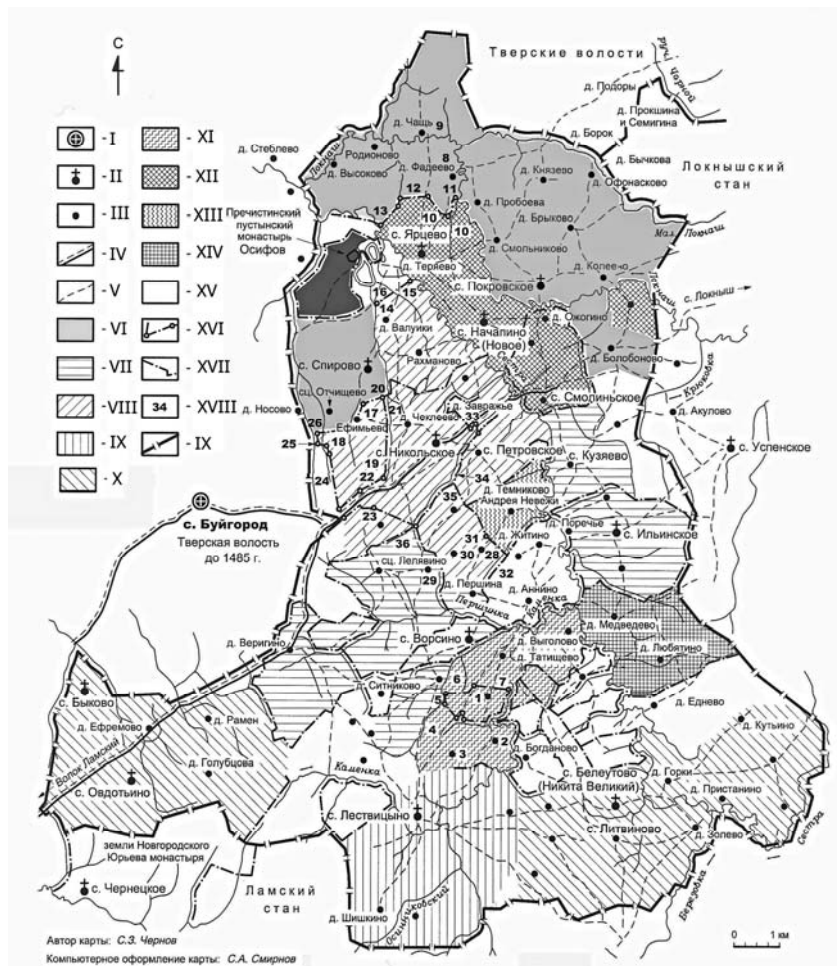
Илл. 2.

Илл. 3.

Илл. 4.

Илл. 5.

Илл. 6.

А.В. ТУТОРСКИЙ

К МЕТОДИКЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МИКРОТОПОГРАФИИ СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ

(ОПЫТ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЭТНОГРАФИИ)

Аннотация: В статье рассматриваются выработанные отечественной этнографической наукой методики исследования микротопографии сельских поселений. До середины XX в. не существовало единой терминологии в области исследования микрогеографии сельских поселений. В 1953 г. М.В. Витовым было предложено выделять четыре направления микрогеографических исследований: исследование «типов поселений», «типов заселения», «форм поселений» и типов расселения. В заключительном разделе статьи приводятся примеры изучения взаимосвязи этничности и форм поселений, форм расселения и общинной организации, исторической динамики трансформации типов заселения.

Ключевые слова: микрогеография, поселения, М.В. Витов, этнография, Русский Север, типы заселения, типы расселения, типы поселений и формы поселений.

Исследования организации пространства на микротопографическом уровне — традиционная тема русской (и мировой) этнографии. Определенные наметки разработки интересующей нашей проблемы начали появляться в отечественной науке в середине XIX века.

В ответах на вопросы первой анкеты, разработанной Этнографическим отделом Императорского Русского Географического общества (далее — ИРГО) в 1845 г.¹, содержались сведения о принципах расположения построек в деревне и размещении деревень на местности. Например, в ответе помещика В. Бабарыкина из Нижегородской губернии говорилось: о расположении «дере-

¹ Подробнее о составлении первой этнографической анкеты см.: Степанов 1946: 187–192. Сама анкета опубликована: Надеждин 1994.

вень на косогорах, по берегам оврагов, близ воды <...> Анбары стоят всегда отдельно, в стороне»². Но ответы корреспондентов ИРГО были чисто дескриптивными. Попыток связать особенности расположения деревень на местности, домов в деревнях с другими элементами материальной и духовной культуры не предпринималось. А многие корреспонденты Географического общества попросту не включали описание местности и деревни в свои письма.

В 1860-х – 1880-х гг. Этнографический отдел ИРГО концентрирует свое внимание на изучении обычного права или, как тогда писали, «юридического быта» народов России. Специальные вопросы о планировке деревень не входят в анкету князя В.Н. Тенишева, хотя в нее включается ряд топографических вопросов: о расстоянии до исследуемого села «от губернского и от уездного города», «расстояние от приходской церкви и ближайшего села, где бывают базары, с указанием, когда они происходят; близость фабрики, завода, где крестьяне находят заработок и сбыт своих произведений»³.

Более планомерное исследование принципов формирования поселений и расселения народов на территории начинается в 1920-е – 1930-е гг. Значительное количество публикаций, в которых затрагивается эта проблема, связано с московской этнографической школой. В конце XIX – начале XX в. этнография в Императорском Московском университете преподавалась на образованной в 1884 г. кафедре географии и этнографии, входившей в состав физико-математического факультета⁴. Студенты кафедры были хорошо знакомы с важнейшей работой начала XX века по интересующей нас проблеме — книгой В.П. Семенова-Тян-Шанского «Город и деревня в Европейской России. Очерк экономической географии»⁵ и пытались исследовать взаимосвязь микрогеографической организации пространства с различными аспектами народной культуры.

² Бабарыкин 1847: 10.

³ Программа 1897: 7.

⁴ Кафедра географии и этнографии создана в 1884 г. на историко-филологическом факультете Императорского Московского университета под руководством Д.Н. Анучина, а в 1888 г. переведена на физико-математический факультет ИМУ.

⁵ Семенов-Тян-Шанский 1910.

Так, в статье М.Я. Феноменова «Крестьянское жилище в подмосковной деревне» приводится план изучаемого селения — деревни Ватутино Московского уезда. В тексте статьи ничего не говорится о планировке поселения, однако в экспликации к плану указывается: «В Ватутине наблюдается гнездовое расположение построек: дома составляющие гнездо, обращены друг к другу дворами печами. Избы самого старого посада смотрят окнами на юго-восток. Деревня когда-то была в один посад»⁶. Термин «гнездовое расположение» употребляется здесь не в принятом в настоящее время значении⁷. Вместе с тем, само использование термина и выявление на основании плана деревни исторического ядра свидетельствует о существовании неких, не названных в тексте, принципов описания планировки деревни.

В статье другого этнографа и археолога Б.А. Куфтина «Изба “пряха” и “непряха” Московского края» указывается на зависимость внутренней планировки избы от ее положения в деревне, а также говорится о возможности или невозможности использования разных типов изб для надомных промыслов. Автор сообщает, что в ряде деревень Дмитровского района сходами были приняты решения о «“гнездовом расположении” соседних изб парами»: каждые две избы располагаются на небольшом расстоянии друг от друга (примерно метр — полтора), а между такими парами расстояние достигает десяти метров и более. Каждая изба имеет три окна по фасаду и одно окно со стороны противоположной рядом стоящему дому. Таким образом, получается, что одна из парных изб имеет окно справа от фасада, а другая слева. Первый тип изб называется «непряхи», а второй — «пряхи». «Это различие стоит в связи с удобством прясть и неудобством прясть в той и другой избе. В избе-пряхе окна расположены так, что свет на долгую лавку (вдоль боковой стены с окном), куда усаживаются прясть, падает на гребень удобно с правой руки»⁸. В данной работе вновь используется термин «гнездовое расположение» и вновь со значением отличным как от современного, так и от использовавшегося М.Я. Феноменовым. Таким образом, можно констатировать, что единой классификации планировок деревень не существовало.

⁶ Феноменов 1927: 75.

⁷ О современном значении термина «гнездовое расселение» см. далее.

⁸ Куфтин 1928: 12.

В статье Н.Н. Чебоксарова «Постройки Волоколамского уезда» сообщается, что «поселения Волоколамского уезда располагаются обычно на возвышенных местах, где суше почва и меньше грязи осенью и весной». <...> «Наиболее частой формой планировки селений является расположение изб в два порядка по обеим сторонам центральной широкой улицы, вытянутой в большинстве случаев в широтном направлении. Даже когда деревня значительно разрастается, предпочитают строиться таким образом, так что в результате получается очень вытянутое (иногда больше версты) в длину поселение»⁹. В этой работе мы находим новый термин — «форма планировки», значение которого в тексте не объясняется.

В 1930-е гг. в журнале «Советская этнография» была опубликована еще одна статья, объектом исследования которой стали различные аспекты организации поселения Сасаш на реке Цхенис-Цкали в одной из областей горной Грузии — Сванетии. Ее автор, этнограф Б.Е. Деген-Ковалевский, впервые попытался связать особенности планировки селения с общинной организацией его жителей. Он выявил в поселении родовые кварталы, наличие нескольких площадей для общинных собраний (общего для всего ущелья, отдельных для каждого поселения в ущелье и отдельных для каждого квартала в поселении). Кроме того, он сделал интересное наблюдение о том, что организация кладбища «четко повторяет в миниатюре планировку самого селения»¹⁰. Работа представляет собой удачный пример микроисторического и микроэтнографического исследования.

Расцветом географических исследований в советской этнографии считаются 1950-е годы. В это время появляется множество работ по микрогеографии сельских поселений. Одной из первых стала статья этнографа Н.И. Лебедевой и краеведа-археолога Н.П. Милонова о поселениях Рязанской губернии¹¹, в основу которой легли архивные данные о планировках деревень этого региона, собранных в конце XIX в. санитарным врачом П.Ф. Кудрявцевым. В статье отмечается важность изучения планировок деревень как исторического источника. Авторы указывают, что изучение пла-

⁹ Чебоксаров 1929: 62–63.

¹⁰ Деген-Ковалевский 1936: 21–54.

¹¹ Лебедева, Милонов 1950: 107–132.

нировок деревень поможет точнее реконструировать процессы формирования населения Рязанской губернии.

Значительная роль в разработке методики и теории микрогеографических исследований принадлежит доценту кафедры этнографии МГУ, а впоследствии научному сотруднику сектора исторической географии Института истории АН СССР, М.В. Витову¹². Значение работ этого ученого не раз подчеркивали авторы, обратившиеся впоследствии к этой теме. Специалист по народной архитектуре Русского Севера академик В.П. Орфинский пишет, что работы этого ученого знаменуют собой «качественно новый этап в изучении планировки и застройки селений»¹³. А автор статьи о перспективах применения микрогеографических разработок этнографов при создании планировок новых типов социалистических поселений Э.А. Паин высказывается еще более категорично: «Вышедшая в начале 50-х годов статья М.В. Витова и сегодня, пожалуй, является единственной работой, рассматривающей принципы изучения и классификации сельских поселений»¹⁴.

Впоследствии проблемы изучения сельских поселений некоторое время оставались в поле зрения учеников М.В. Витова — И.В. Власовой и В.В. Пименова, которыми было опубликовано несколько работ по исследуемой нами тематике¹⁵.

С научно-организационной деятельностью В.В. Пименова связано появление в 1984 г. сборника статей «Сельские поселения Удмуртии»¹⁶, в котором две работы посвящены историческому развитию типов заселения и форм поселений в Удмуртии.

Вторым центром изучения проблем сельских поселений в 1970-е – 1980-е годы стал Института истории, археологии и этнографии Грузинская ССР. Его главой А.И. Робакидзе был ряд работ по интересующей нас тематике¹⁷. Хотя эти работы посвящены изучению горных поселений Закавказья, однако, результаты исследо-

¹² Подробнее о М.В. Витове см.: Власова 1969; Власова 2003.

¹³ Орфинский 1989: 56.

¹⁴ Паин 1985: 3–14.

¹⁵ Витов, Власова 1974 (Опубликована И.В. Власовой после смерти М.В. Витова с использованием материалов, подготовленных последним при жизни); Власова 1976; Пименов 1964.

¹⁶ Сельские поселения 1984.

¹⁷ Робакидзе 1964; Робакидзе, Гегечкори 1975; Робакидзе 1984.

ваний позволяют выявить общие закономерности развития сельских поселений и расширить их типологию.

Кроме того, проблемы сельских поселений эпизодически освещались в работах некоторых этнографов на протяжении 1970-х – 1980-х гг.¹⁸. В них, как правило, содержатся материалы по конкретным поселениям Русского Севера и Сибири. Как уже говорилось выше, попыток систематизации данных о микрогеографии сельских поселений не предпринималось.

М.В. Витов впервые в отечественной и мировой науке, предложил комплексный подход к изучению микрогеографии сельских поселений. Анализируя взгляды своих предшественников, он пришел к выводу, что каждая из наук — этнография, история, археология, география — изучает поселение лишь с одной точки зрения. Так, немецкий этнограф А. Мейтцен преимущественно изучал планировку поселений. Географ В.П. Семенов-Тянь-Шанский дал классификацию сельских поселений, исходя из их расположения на местности, относительно географических объектов. Историк и археолог Н.Н. Воронин изучал социально-экономическую эволюцию поселения в его историческом развитии. Подобная ситуация, как писал М.В. Витов, имеет два важных последствия. Во-первых, ни одна из наук не рассматривает поселение комплексно и, соответственно, упускает из виду ряд значимых явлений: «У одних, например, национальная принадлежность поселений является решающей в их определении, другие, наоборот, исследуют поселения в полном отрыве от этнической принадлежности их обитателей». Во-вторых, ограниченность одним аспектом «порождает известный произвол в терминологии»¹⁹. Примером некорректного использования одного термина для обозначения нескольких разных понятий являются указанные выше работы М.Я. Феноменова, Б.А. Куфтина и Н.Н. Чебоксарова.

Во избежание путаницы М.В. Витовым была предложена следующая терминология²⁰.

¹⁸ Липинская 1965; Севан 1982; Паин 1985; Орфинский 1989.

¹⁹ Архив кафедры этнографии МГУ. Витов М.В. Народная материальная культура Восточнославянских народов. Рукопись учебного пособия. Л. 4. (Далее: Витов. Народная материальная культура).

²⁰ Впервые данные термины были введены в работе: Витов 1953.

«Типы поселений — социально-экономические разновидности поселений (село, хутор, слободка, погост); типы заселения — расположения поселений на местности, в зависимости от физико-географических (а в дальнейшем, в трудах учеников М.В. Витова и антропо-географических. — *А. Т.*) условий (прибрежный тип, водораздельный и т.п.); формы поселений — их планировка (уличная, беспорядочная, рядовая и т.п.) и типы расселения — особенности группировки поселений (скупенный тип, гнездовой, разбросанный и т.д.)...».

М.В. Витов выделяет следующие «исторически сложившиеся типы сельских поселений восточно-европейской равнины»: «погост, деревня, починок (иногда — выставка), село (сельцо), слобода, хутор, становище, станица, околица. Посады редки, обычно представляют собой промежуточные ступени между сельскими поселениями и городскими, где основная масса населения занята не в сельском хозяйстве, а в промышленности, ремесле, торговле»²¹. Географическое и хронологическое ограничение классифицируемых поселений связано с определенными историческими условиями, в которых развивалась этнографическая наука в 1950-е годы, а также с личными интересами ученого, стремившегося на основании этнографических данных предложить собственную концепцию формирования русского населения восточно-европейской равнины²².

Исследователь казачьих поселений Алтая В.А. Липинская дополнительно выделяет еще два вида: «служебно-сторожевые — форпосты, редуты, тяготевшие к станицам». Также, «характерным для Алтая, как и для всей Сибири, было наличие многочисленных временных поселений — промысловых и хозяйственных заимок; последние были особенно распространены и существовали от начала освоения русскими Алтая до периода сплошной коллективизации крестьянских хозяйств»²³. Северным аналогом промысловых заимок были не имеющего особого названия промысловые поселения, а также отдельно стоящие охотничьи избы. Эти поселения были обитаемы в течение определенного времени года, как прави-

²¹ Витов. Народная материальная культура. Л. 6.

²² Подробнее об этом см.: Тугорский 2010.

²³ Липинская 1965: 104.

ло, летом во время сенокоса и зимой во время рубки леса. В то же время хозяева могли появляться там в случае надобности в любое время²⁴.

За основу классификации по типам заселения М.В. Витов берет схему В.П. Семенова Тянь-Шанского, «с некоторыми дополнениями и уточнениями. 1. Северный прибрежноморской тип заселения; 2. Северный прибрежно-речной и прибрежно-озерный тип; 3. Центральный водораздельный тип; 4. Южный прибрежно-речной, овражный тип и 5. Южный предгорный тип»²⁵.

В данной классификации учитываются только физико-географические объекты — водоразделы, озера, реки, горы и т.д. Вместе с тем, ряд поселений тяготеет к объектам ноосферы, в первую очередь к дорогам. Так, в работе Е.П. Бусыгина выделяются «при трактовые селения»²⁶. В.В. Пименов предлагает подразделить поселения по типу заселения на две категории: «зональные, т.е. прямо зависящие от указанных (природно-географических. — А. Т.) условий и а зональные (их связь с местными природными условиями более опосредствована). Ко второй категории следует отнести поселки, выросшие при железнодорожных станциях (со времен строительства Мурманской железной дороги в 1914–1917 г.) и некоторых пристанях»²⁷.

В классификации по формам поселений М.В. Витов выделяет: «I. Беспорядочные формы: а) кучевая деревня, б) малодворная, беспорядочно разбросанная деревня (сюда же относятся и однодворные деревни); II. Рядовые формы: а) прибрежно-рядовые (однорядные и многорядные), б) овражно-рядовые, в) рядовые деревни, ориентированные «на лето», т.е. обращенные фасадом к югу; III. Замкнутые формы: а) квадратные с центральной площадью, б) круглые и овальные; IV. Уличные формы: а) собственно уличные в трех вариантах (одноулочном, двухулочном, в том числе «вилочном» и многоулочном, квартальном), б) Радиальные и концевые; V. Деревни позднего происхождения, распланированные под влиянием администрации»²⁸.

²⁴ Севан 1982: 13.

²⁵ Витов. Народная материальная культура. Л. 6.

²⁶ Бусыгин 1953: 53–54.

²⁷ Пименов 1964: 14.

²⁸ Витов. Народная материальная культура. Л. 7.

Изучение планировок поселений — традиционная сфера интересов этнографической науки. Именно поэтому классификация планировок или, по терминологии М.В. Витова, форм поселений разработана наиболее детально. В работах последующих лет попыток уточнения данной классификации не предпринималось.

Наконец, последняя классификации — по типам расселения. М.В. Витов пишет: «Классификация по типам расселения не разработана. Вопрос этот еще не поднимался и требует особого изучения. Пока что можно выделить: 1) Гнездовой тип (на Севере), 2) скученный (села на Украине), 3) скученно-гнездовой (села с «тянущими» к ним деревнями средней полосы) и 4) разбросанный (хуторской)»²⁹.

Данные классификации вызывают у некоторых позднейших исследователей ряд справедливых возражений. Вместе с тем, предложенная М.В. Витовым схема по прошествии более чем полувека с момента создания остается единственной рамочной схемой, позволяющей, с одной стороны, комплексно исследовать микрогеографию сельских поселений.

Проблема соотношения прибрежного и водораздельного типов заселения

В работах М.В. Витова вопрос о сложении определенного типа заселения местности, характерного для той или иной этнической культуры, решался с позиций географического детерминизма. Ученый сосредоточил свое внимание на изучении традиционных для Европейской России типов заселения, поэтому южный предгорный тип заселения в его географических и исторических построениях отсутствует.

Как считал исследователь, северный прибрежно-морской тип заселения был связан с практикой морского промысла в качестве основного хозяйственного занятия, а также с использованием водных транспортных средств. Этот тип был распространен по берегам Белого моря. Аналогично этому прибрежно-речной и прибрежно-озерный типы заселения формировались там, где население занималось преимущественно земледелием, но значительное внимание уделяло и рыболовству, а также использовало преимущественно водный транспорт. «Пригодная для обработки почва

²⁹ Там же.

находилась именно на берегах рек, тогда как водоразделы, покрытые лесами и болотами были неудобны для земледелия. Наряду с земледелием большое значение в экономике населения восточно-европейского Севера играла и рыбная ловля...»³⁰.

В противоположность прибрежным типам заселения для Центральной России был характерен водораздельный тип заселения, поскольку «наиболее удобные для обработки почвы в северо-западных областях России были расположены в местах преобладания моренного ландшафта (моренный подтип центрального водораздельного типа заселения), а в средней полосе России — на увалах, в местах распространения серых лесных земель (увалистый подтип того же типа). Эти земли суше и меньше подвергались ночным заморозкам»³¹.

Южный прибрежный и овражный тип заселения «сложился в зоне со сравнительно жарким засушливым летом в связи с недостатком воды на сухих водоразделах. Семенов-Тянь-Шанский выделил два подтипа: долинно-овражный, распространенный преимущественно в черноземных южно-великорусских областях, и собственно долинный, преобладающий в степной части Украины». <...> «Северная граница прибрежно-речного и овражного типа проходит примерно по границе распространения чернозема, что иллюстрирует тесную зависимость типов заселения от характера почв»³².

Рассматривая исторический аспект изменения типов заселения в русской истории, М.В. Витов также придерживается принципа географического детерминизма. Он опровергает предположение В.П. Семенова-Тянь-Шанского о древности водораздельного типа заселения. «По-видимому, физико-географические условия среднерусской полосы дотатарского периода довольно сильно отличались от современных, водоразделы были еще в значительной степени покрыты лесами и заболочены. Поэтому все, что говорилось о причинах способствовавших сложению прибрежного типа заселения в лесной полосе (расположение удобных почв для обработки, роль рыболовства, значение реки как единственной дороги,

³⁰ Там же. Л. 18.

³¹ Там же.

³² Там же.

прибрежное расположение сенокосов и пр.) почти полностью применимо к северо-западной и северо-восточной Руси в X–XIII вв.

Таким образом, постепенная смена этнического состава населения произошедшая в I тыс. н. э. в лесной зоне Восточной Европы не была связана с изменением в типе заселения. Освоение водоразделов было, по-видимому, делом последних столетий»³³.

Итак, согласно мнению М.В. Витова, наиболее древним типом заселения на Европейской территории России был прибрежно-речной. Изменение типа заселения было связано не с изменением этнического состава населения, а с изменением географических и экономических условий. Под экономикой в первую очередь подразумевается увеличение удельного веса земледелия в крестьянском хозяйстве по сравнению с охотой и рыболовством. М.В. Витов также писал, что водораздельный тип распространился только в средней полосе России, в то время как на Русском Севере сохранился прибрежно-речной и прибрежно-озерный тип заселения, а в Черноземье и на Украине сохранился южный прибрежный тип заселения. Последнее утверждение не совсем согласуется с приводимыми ранее аргументами, поскольку в Черноземье начиная примерно с XVI в. основными путями передвижения были сухопутные дороги, а роль земледелия в крестьянском хозяйства всегда была значительна.

Этнографические исследования второй половины XX в. и археологические исследования рубежа XX–XXI вв. позволяют скорректировать построения М.В. Витова.

Причины перехода от древнего прибрежного к водораздельному типу заселения чаще были не географическими, а экономическими и политическими. Так, археологом С.З. Черновым на основании данных раскопок селищ по рекам Воре и Пехорке на Юго-востоке Московской области, проводимых с 1976 по 1993 гг., было продемонстрировано влияние ордынского нашествия 1238 г. на изменение типа заселения территории. В селениях бассейна Вори «население переместилось с берегов Вори в долины малых рек (Талицы и ее притока Прорванихи)». Селища, возникшие после ордынского нашествия «имеют отчетливые признаки селений на пологих холмах, чем отличаются от памятников домонгольского

³³ Там же. Л. 22.

периода»³⁴. Перемещение поселений от крупных рек в долины мелких рек по сути есть движение от русла реки к водоразделу. Таким образом, перенос селений от крупных рек, которые являлись магистральными путями пешего и конного сообщения в зимнее время, в сторону водоразделов являлся действенным средством, чтобы уберечь селение от ордынских набегов.

Автор работы приводит и обратный пример: поселения по реке Пехорка восстановились строго на том же месте, где они существовали до разрушения в 1238 г. Как считает исследователь, возрождения населенных пунктов на прежнем месте связано с демографическим фактором. «Исследования в области исторической демографии показывают, что в кризисные периоды особенно быстро разрушается периферийная часть расселенческой структуры (“кроны”), тогда как центральная часть (“стволы” и “корни”) демонстрируют высокую степень стабильности, подпитываясь за счет периферии. В связи с этим надо полагать, что на Пехорке восстановление хозяйственных структур началось в первые два десятилетия после 1238 г., когда дворища, места пашен и лугов еще сохранялись, а традиции освоения территории были еще прежними. На Ворю же поселенцы “вернулись” несколько позднее, когда запустевшие пашни и луга были уже покрыты лесом»³⁵.

Итак, под влиянием ордынского нашествия менее населенные волости стали отодвигаться от крупных рек в сторону водоразделов, в то время как крупные селения восстанавливались на прежних местах. Иными словами в результате татарских нашествий XIII–XIV вв. в центральной России меняется типа заселения — от прибрежного к водораздельному. Смена типа заселения в XIV–XV вв. подтверждается археологическими материалами Смоленщины³⁶.

В более южных районах смены типа заселения после нашествия татар XIII в. не произошло, поскольку водораздельные земли в центрально-черноземном районе, как отмечалось выше, не пригодны для земледелия вследствие недостатка воды для орошения. Вместе с тем, как пишет исследователь систем заселения по реке Ельчик Н.А. Тропин, «все поселения располагались у лесов, что

³⁴ Чернов 2003: 219.

³⁵ Чернов 2003: 221.

³⁶ Древняя Русь 1985: 102.

также отвечало хозяйственным задачам. Лес являлся также и своего рода “убежищем” в период татарской опасности³⁷. В данном случае, движение от крупных рек в сторону лесов на водоразделах произошло, однако это не привело к изменению типа заселения.

Во многом схожую картину смены прибрежного типа заселения на водораздельный под влиянием политических факторов описывают исследователи удмуртских поселений. Как полагает Г.К. Шкляев, немаловажную роль в перемещении селений от русла реки в сторону водоразделов сыграли правительственные указы XVIII в. «В 1701 году было запрещено рубить лес на постройки и расчищать его под пашню ближе 30 верст от сплавных рек. Подобные указы издавались и в последующие годы, изменялась только ширина запретной полосы в ту или иную сторону». В связи с этим, удмуртские селения стали перемещаться «на берега мелких речек и ручьев, которые было гораздо легче ввести в хозяйственный оборот (строительство мельниц), что играло немаловажное значение при почти исключительно земледельческом хозяйстве населения»³⁸.

Основная часть поселений основанных на водораздельных землях была починками, то есть некрупными, временными поселениями. «К середине XIX века доля починков и выселков в общей массе поселений, расположенных на водоразделах, составляла 95 %». Таким образом, центры волостей остались на прежних местах, в то время как основная часть пахотных земель и земледельческих поселений в виде починков передвинулась к водоразделам. Вновь переход от одного типа заселения к другому связан с политическими факторами.

На основании имеющихся немногочисленных данных можно предположить, что переход от прибрежных типов заселения (южного и северного) к водораздельному происходит в периоды политической нестабильности. В мирное время крестьянские сельскохозяйственные общества занимают наиболее экономически выгодные территории: на берегах крупных рек или на морском побережье. Как справедливо заметил М.В. Витов, эти территории обладали рядом преимуществ: удобство сообщения, наличие пригодных для пахоты и сенокоса земель.

³⁷ Тропин 2008: 123.

³⁸ Шкляев 1981: 24.

В результате регулярных боевых действий происходит постепенное оттеснение крестьянских общин с этих территорий: под воздействием набегов соседних государств в центральной России. Наиболее резко смена типов заселения происходит в центральной России под воздействие татаро-монгольского нашествия. В более южных областях смены типов заселения не происходит вследствие невозможности полноценного использования водораздельных земель для сельского хозяйства. Деревни на водоразделах в Южной России группируются вокруг дорог³⁹.

На Русском Севере, не знакомом с татаро-монгольским игом, главенствующим типом заселения остается прибрежный. Хотя, тенденция к перемещению поселений от крупных водных путей к меньшим имеется и там. В результате нашествий шведов в XVI–XVII вв., прибрежно-морской тип заселения временно уступает место прибрежно-речному типу. Об этом пишут М.В. Витов и И.В. Власова: «В 1563 году прибрежных морских поселений довольно много, хотя центр расселения на реке Суме выделяется четко. В 1583 году число их сокращается, очевидно, в связи с боевыми действиями, проходившими на этой территории во время Ливонской войны. Затем в период “смутного” времени и польской интервенции эти приморские поселения исчезают совсем, чтобы появиться снова только в 1647 году». Таким образом, в результате боевых действий прибрежно-морской тип поселений в XVI–XVII вв. исчез, уступив место прибрежно-речному типу поселений, а затем — после завершения боевых действий — вновь появился.

Смена прибрежно-речного и прибрежно-озерного типа заселения водораздельным на северных территориях была невозможна, как и на Юге из-за отсутствия на водоразделах пригодных для использования почв. Как уже говорилось, водоразделы на Русском Севере покрыты лесами и болотами и совершенно неудобны для земледелия. Это правило хорошо иллюстрируется исключением. Селения на водоразделах существуют на землях Шунгского погоста в Заонежье. «Район Шуньги отличается плодородием почв, которое зависит от выходов на поверхность земли особого минерала, близкого ископаемому углю, — так называемого шунгита, а также шунгитовых сланцев. <...> Почва Шуньги черного цвета, и мест-

³⁹ См. об этом: Тропин 2008: 123; Бусыгин 1953: 54.

ные жители называют ее черноземом»⁴⁰. На землях других погостов Заонежья поселения на водоразделах отсутствуют совершенно.

Остается констатировать, что проблема соотношения прибрежного и водораздельного типов заселения не может быть решена однозначно для всех регионов и исторических периодов. В каждом регионе существование селений относящихся к тому или иному типу заселения будет нести разную информацию. При включении материалов о типах заселения в исторические построения следует быть максимально внимательным и учитывать многочисленные региональные и исторические особенности.

Взаимосвязь форм поселений с этнической принадлежностью населения

Вопрос о том, насколько та или иная планировка поселения соответствует той или иной народности, возник еще в конце XIX в. и до сих пор не может быть решен однозначно.

Идея о том, что каждый народ планирует поселение в соответствии со своими этническими традициями, впервые была сформулирована в трудах немецкого историка и этнолога А. Мейтцена. Основываясь на изучении большого числа планов сел и деревень Центральной Европы он пришел к заключению о том, что подавляющее большинство сельских поселений образовалось в глубокой древности. Как считал исследователь, различные формы поселений сложились у разных этнических групп при их первоначальном расселении на территории Европы. Согласно Мейтцену, на основании изучения планировки деревни можно судить об этнической принадлежности ее обитателей⁴¹.

Взгляды немецкого ученого многократно подвергались критике. И вместе с тем, вплоть до настоящего времени в научной литературе сохраняются два тезиса о связи форм поселений с этничностью. 1) Для большей части территории центральной и северной России характерно отождествление беспорядочных поселений с финно-угорской культурной традицией, а рядовых поселений — с русской. 2) Круговые формы поселений считаются исконно славянскими, соответствующими древнейшей общеславянской культуре.

⁴⁰ Витов 1956: 261.

⁴¹ Более подробно см.: Meitzen 1895.

Первый тезис подвергся критике в работах М.В. Витова и В.В. Пименова. Они убедительно доказали, что на Русском Севере совершенно отсутствует корреляция этнической культуры с планировкой деревни⁴². И для русских, и для карельских, и для вепских деревень характерны как скученные, так и рядовые формы поселений. Причем скученные формы чаще соответствуют промысловым и мелкодворным поселкам, а рядовые — крупным селам.

В статье Н.И. Лебедевой и Н.П. Милонова о планировках деревень Рязанской области сообщается, что наиболее распространенной формой поселений является рядовая. Авторы не разбирают отдельно вопрос о соответствии определенной формы поселения определенной этнической группе. Вместе с тем, указывается, что «поселки, расположенные по гребням рек или по оврагам, на мысе, при впадении оврага в реку или при соединении двух оврагов, ведут свое начало от городищ дьякова типа»⁴³. Носителей Дьяковской культуры в археологической литературе определяют как древних финно-угров. Соответственно, смена основного этнического компонента населения на территории Рязанской области — с финского на славянский — не отразилась на изменении форм поселений, и форма поселения не может служить этническим маркером.

Попытка научного возрождения идеи о связи беспорядочных планировок с финской культурной традицией была предпринята в уже упоминавшейся статье В.П. Орфинского. Он указывает, что вследствие миграций славянского и неславянского населения по территории Севера европейской части России в основанных русскими поселенцами деревнях могли со временем оказаться жители исключительно неславянской принадлежности, и наоборот, в деревнях, созданных вепсами и карелами, — только русские. Вместе с тем, пишет автор, тяга к беспорядочности застройки проявляется у карелов и вепсов и в рамках рядовых планировок. Для того, чтобы выявить эти тенденции автор предлагает исследовать три параметра: «отклонение от радиусов центричных композиций или угловой разброс», «отклонение от средневзвешенной величины расстояний между домами и структурообразующими элементами (например, рекой или церковью. — *А. Т.*) или линейный разброс», «аритмия».

⁴² Пименов 1964: 6.

⁴³ Лебедева, Милонов 1950: 123.

При рядовой планировке поселений в идеале дома ориентированы в пространстве относительно условной линии — как правило, береговой линии. В этом случае первый параметр — «угловой разброс» — представляет собой угол отклонения линии, проведенной от фасада к задней части дома (в конструктивном плане — линии конька крыши) от перпендикуляра к береговой линии. Вторым параметром — «линейный разброс» — это отклонение фасада дома от единой линии, связывающей фасады всех домов в деревне. Третий параметр — «аритмия» — колебание расстояний между домами. В идеальной рядовой деревне все три показателя должны стремиться к нулю.

На основании измерения этих параметров в деревне Соностров на Беломорском побережье Карелии, а также их сравнении с показателями соседних поморских деревень исследователь приходит к выводу, что «угловой разброс (в деревне Соностров. — *А. Т.*) больше в 1,5 раза, линейный — в 1,2 раза, аритмия — в 1,3 раза». Именно измерение этих показателей позволяет в цифрах отразить ощущения того, что некоторые деревни, «несмотря на заранее заданную планировочную схему и четкие красные линии застройки, из-за нагромождения хозяйственных построек и явной аритмии в расположении домов» резко отличаются от соседних русских поморских сел «беспорядочностью своего облика»⁴⁴.

Названная методика не получила широкого распространения. За исключением деревни Соностров расчеты указанных параметров в других деревнях Поморья не проводились. Очевидно, что возможность применения этой методики ограничена: она может быть использована для исследования только рядовых деревень. Иными словами, с помощью этих достаточно трудоемких расчетов можно установить рядовые деревни, в которых обитают представители финских народов. В то же время указать на этническую принадлежность населения деревни с беспорядочной планировкой, используя эту методику, невозможно. В рядовых деревнях со смешанным населением или с населением со смешанным этническим происхождением показатели должны будут колебаться от «1,2» до «1,0», что делает их малоинформативными.

⁴⁴ Орфинский 1989: 56.

Таким образом, можно констатировать, что жесткой связи между беспорядочными формами деревень и финским субстратом не существует, равно как не существует жесткой связи рядовых деревень со славянской этнической культурой. Беспорядочные формы, как более простые при постройке, используются при строительстве заимок⁴⁵, промысловых поселений и починков⁴⁶. Рядовые формы — более характерны для крупных деревень и сел.

Кроме того, по всей вероятности имел место факт позднейшего «псевдовозрождения» взаимосвязи финно-угорской этнической традиции и беспорядочной планировки поселений в Поволжье. Здесь в XVIII–XIX вв. уличная планировка внедрялась в первую очередь в помещичьих деревнях. В этих же деревнях, в силу объективных причин, более активно шли процессы этнической ассимиляции неславянского населения. Таким образом, в таких деревнях к концу XVIII в. население было русскоязычным, а планировка — уличной. В то же время в более удаленных от административных центров деревнях, в которых проживали чаще всего государственные крестьяне, наоборот уличная планировка внедрялась медленнее, а этническая культура сохранялась лучше. Иными словами в тот же период в этих деревнях сохранялось неславянское население и беспорядочная планировка.

Так, уже упоминавшийся исследователь удмуртских поселений Г.К. Шкляев пишет: «По сведениям 1858 года, из 1156 населенных пунктов Глазовского уезда 443 имели беспорядочную планировку. Вероятно, это были удмуртские поселения, т.к. русские населенные пункты к середине XIX века приобрели уже уличную планировку»⁴⁷. Таким образом, для деревень Поволжья и Приуралья в XVIII–XIX вв. сопоставление беспорядочной планировки с неславянским населением более правомерно, чем для других территорий в другие периоды, однако, речь не идет об изначальном соответствии этнической традиции и формы поселений.

Не менее распространен в этнографической научной литературе тезис о связи круговых поселений со славянским этническим субстратом. Так, петербургский исследователь А.С. Мыльников, изучавший в 1990-е годы феномен «постэтничности» на террито-

⁴⁵ Витов. Народная материальная культура. Л. 29.

⁴⁶ Севан 1982: 14.

⁴⁷ Шкляев 1981: 40.

риях, занимаемых в древности полабскими славянами, пишет: «Судя по рассказам наших информантов, характерным проявлением славянского культурного наследия считается (и, что существенно, воспринимается таковым местным населением) тип так называемой круглой деревни (Rundling). Наиболее распространенный в Вендланде, этот тип застройки, как мы смогли убедиться в несколько деформированном виде сохранился и в Ябельхайде (деревни Конов, Малый Крамс, Старый Кренцлин, Лаупин, Лоозен, Люббендорф, Тевсвоос, Филанк и ряд других)»⁴⁸. Таким образом, круговая форма поселений в Восточной Европе традиционно связывается со славянским субстратом, причем, как пишет исследователь, не только учеными, но и местным немецкоязычным населением.

Также с древнерусским компонентом сближают круговые поселения и исследователи рязанского края Н.И. Лебедева и Н.П. Милонов. Они пишут: «круговые планы являются пережитком, идущим со времен славян, с VII в. н. э. Данных же позволяющих говорить сейчас об их связи с “дославянским” населением на нашей территории, мы пока не имеем»⁴⁹. Хотя утверждение весьма осторожное, но в нем однозначно круговые формы поселений связываются со славянами.

Исследователи пишут, что круговым селениям соответствуют этнографические архаизмы в материальной культуре населения. Эти факты они объясняют сохранением в ряде районов Рязанской области очагов поселений, образовавшихся до середины XIII в. «Этнографическое изучение Н.И. Лебедевой бывших южных уездов Рязанской области и Тульской в 1924–1925 гг. привело к убеждению о наличии очажков среди селений государственных крестьян, в материальной культуре которых сохранились старые элементы. Сохранность еще в начале XX века архаизмов в одежде и постройках этого селения, отличных от других районов области (шушки, кодмаки, самый план жилища⁵⁰), говорила о наличии

⁴⁸ Мыльников 2002: 7.

⁴⁹ Лебедева, Милонов 1950: 122.

⁵⁰ «Шушки» — туникообразная шерстяная одежда обязательно черного или белого цвета; «кодмаки» — накидки черного цвета; архаичным Н.И. Лебедева считает план жилища в котором печь расположена устьем к двери, помост для спанья расположен также напротив двери и занимает все пространство от печи до боковой стены. Подробнее об этих культурных элементах см.: Лебедева 1929: 109–113.

здесь старого населения, давшего позднее первую волну колонизации в южные степи, оторванного пришлыми поздними волнами от большой группы ушедшей на юг, сохранившей общие черты в одежде и жилище. Дополнительно подтвердилось это и открытыми нами в архиве круговыми планами. Они размещаются как раз по тем местам, где предполагались остатки населения, еще до нашествия Батая, жившего здесь, т.е. южнее Прони, около Скопина, по притокам Дона, в глубине лесов и вдали от татарских шляхов»⁵¹.

Таких архаичных групп выделяется три: первая — в треугольнике между реками Осетр, Ока и Проня (центр древнего Рязанского княжества), вторая — Рязанское и Тульское Подонье, оставшееся в стороне от татарских и крымчакских шляхов и третья — в Мещере. Таким образом, круговые поселения, по мнению Н.И. Лебедевой и Н.П. Милонова, можно считать древнерусской формой планировки поселений, сохранившейся в ряде глухих районов.

Вместе с тем существует и ряд доводов против такой трактовки круговых форм поселений. Так, внеэтническую трактовку происхождения круговых форм поселений предложил М.В. Витов. Он писал: «Происхождение замкнутых форм на границах русского государства: на юго-востоке — на границе со степью и, местами, в Поморье, подвергавшемся набегам шведов как будто не вызывает особых сомнений. Однако распространение замкнутых форм поселений в центральных областях расселения русских и частично украинцев и белорусов наводят на мысль о различном происхождении замкнутых форм в разных районах их распространения, тем более, что традиция замкнутых поселений восходит в юго-западных областях расселения восточных славян к трипольскому времени»⁵².

Иными словами, распространение круговых поселений на окраинах Российского государства в позднейшее время можно связать с удобством их обороны. В то же время в древности круговые поселения следует сопоставлять с особым типом южных поселений, характерных для многих этнических культур.

Такое предположение подтверждается тем, что древнейшим типом поселений на Кавказе являются «круглые поселения вокруг холма». Как пишет А.И. Робакидзе, «хеви (община, занимающая

⁵¹ Лебедева 1929: 121.

⁵² Витов. Народная материальная культура. Л. 30.

отдельное ущелье. — А. Т.) в Грузии не было первоначальной формой поселения; ему предшествовала более ранняя система поселения, при которой население в виде отдельных родов было расположено по холмам». При этом «укрепленный холм» представлял собой «жилое убежище всего братства, “рода”»⁵³. Более подробно о социальном аспекте укрепленных поселений на холмах будет сказано в следующем разделе. Здесь же следует отметить, что окончательное решение вопроса об этнической принадлежности населений круговых поселений может быть решена после исследования форм поселений южной части России. Однако, по всей вероятности, в Восточной Европе и на Севере Русской равнины круговые поселения могут быть связаны со славянским этническим компонентом.

Подводя итог всему разделу, можно утверждать, что четкой корреляции форм поселений с этнической традицией не существует. Вместе с тем в ряде конкретных случаев форма поселения может служить достаточно достоверным маркером этнической принадлежности его основателей. Это, в частности, касается круговых поселений в Восточной Европе и на Русском Севере, скученных поселений в Поволжье и Приуралье в XVIII–XIX вв.

Взаимосвязь типов расселения и поземельной общины

Этот вопрос, пожалуй, был наиболее важным и разработанным среди всех идей М.В. Витова. Изучая взаимосвязь общины с типами расселения и типами поселений ученый, во-первых, обратил внимание на групповое расположение однодворных деревень на Русском Севере, открыв тем самым «гнездовой тип расселения». Во-вторых, он обращал внимание на хозяйственный институт «складничества» в русской истории, представлявший в экономике обратный вектор по отношению к развитию индивидуального, семейного крестьянского хозяйства.

Как показал на основании анализа писцовых книг XV–XVI вв. М.В. Витов, на Русском Севере по крайней мере с этого времени преобладали однодворные поселения⁵⁴. Традиционно однодворное поселение отождествлялось в науке с малой семьей и одним крестьянским хозяйством. Исходя из того, что большинство поселе-

⁵³ Робакидзе 1984: 84–85.

⁵⁴ Витов 1958: 33–34.

ний были однодворными, сторонники «государственного» происхождения русской поземельной общины делали вывод о том, что бассейны рек Онеги, Северной Двины, Пинеги, Вычегды и Мезени осваивались отдельными семьями, не объединенными в общины. Именно в этом регионе климат наиболее суровый на всей территории Европейской России. Сопоставляя отсутствие общины на Севере, где климатические условия, казалось бы, максимально благоприятствовали объединению в крупные производственные коллективы, с наличием общин Юге и в Центральной России, где климатические условия должны были способствовать развитию индивидуального хозяйства, ученые делали вывод о возникновении общины под влиянием законодательной деятельности государства⁵⁵.

М.В. Витов, основываясь на этнографических материалах, отказался от тезиса о соответствии однодворного поселения одному крестьянскому хозяйству. Во-первых он писал, что однодворное поселение может состоять из нескольких домов объединенных в единое строение. Во-вторых, даже поселение в один дом-двор еще в начале XX в. соответствовало не малой, а большой семье. Включавшей в себя малые семьи женатых братьев или малые семьи несколько поколений родственников. Это подтверждается и многочисленными историческими документами, такими как, например, писцовые книги. «Таким образом — подводил итог ученый, — исходная малодворность, не означает господства в то время частного права на землю, как это пытались доказать реакционные буржуазные историки. Двор-деревня была населена семейной общиной или большой семьей, для которой характерно общественное производство и потребление»⁵⁶.

Этот факт, впрочем, не означает, что дом-двор, населенный большесемейной общиной был самостоятельной хозяйственной единицей. Община объединяла целую группу деревень, расположенных на небольшом расстоянии друг от друга, как раз то, что на Русском Севере называется гнездом деревень. Для того, чтобы доказать это положение М.В. Витов обратился к анализу писцовых книг XVI–XVII вв. «То, что гнезда поселений первоначально были населены родственными коллективами, подтверждается новыми

⁵⁵ Чичерин 1858; Сергеевич 1894; Милуков 1904; Веселовский 1936.

⁵⁶ Витов. Народная материальная культура. Л. 10.

данными. Например, население Выгозерского погоста, живущее в деревнях, образующих гнезда по реке Нюхче (совр. Онежский район Архангельской области. — *А. Т.*), несомненно происходило от одного общего предка:

- «д. на Нюкче, словет Низовские: дв. Куземка Семенов...
- д. на Нюкче ж на острову: дв. Степанко Семенов...
- д. на Нюкче реке: дв. Федко Семенов...
- д. на Нюкче же: дв. Куприянско Семенов...
- д. на Нюкче ж: дв. Лашко Семенов...
- д. на Нюкче ж словет на горе: дв. Гришка Семенов...
- д. на Нюкче: дв. Матюшко Семенов...
- д. вверх Нюкчи: дв. Михалка Семенов"...»⁵⁷.

М.В. Витов доказал, что жители близлежащих деревень представляли собой родственников. Гнездо деревень представляло собой, таким образом, общину, основанную на родственных связях. Говорить о родовой общине в данном случае неправомерно. Именно такая община была основной хозяйственной единицей на Русском Севере, начиная с XVI в.

Следует отметить один факт, оставшийся вне интересов М.В. Витова. Очень часто, гнездо деревень на севере включает в себя земли по обоим берегам небольшой реки. Например, в Карпогорском районе до настоящего времени сохраняется одноименное групповое наименование ряда деревень вдоль притока Пинеги — Покшеньги. Покшеньгой именуются деревни Красное, Кобелево, Лохново, а также Большое и Малое Кротово. Административно они объединены в сельсовет. В деревне Кушкопала все починки и промысловые поселения вытянуты вдоль р. Юрос⁵⁸. И таких примеров можно приводить множество. Таким образом, можно высказать предположение, что изначально владения большесемейной общины распространялись на земли вдоль небольшой реки. Это предположение подтверждается приведенной цитатой из работы М.В. Витова, в которой все поселения «семеновичей» находятся на р. Нюхче.

Важность общины как хозяйственной единицы на северных землях доказывает институт складничества. Как пишет М.В. Витов,

⁵⁷ Витов, Власова 1974: 152.

⁵⁸ Материалы Северной Экспедиции кафедры этнологии МГУ в Пинежский район Архангельской области. Август 2006 г.

«в тех случаях, когда численность семьи была невелика дворохозяин заключал договор с другим малосемейным крестьянином <...>. Складники (или сябры) составляли как бы искусственную большую семью»⁵⁹. Этим способом объединялись в общины неродственные малые семьи. Витов считал, что складничество было характерно для общин, существовавших в XVI–XVII вв., а затем вместе с проникновением в деревню товарно-денежных отношений большесемейные общины и искусственные семьи складников стали разрушаться. Это привело к укрупнению деревень и окончательному переходу от большесемейной общины к соседской.

Этнографические данные XX в. позволяют скорректировать это предположение. Дело в том, что факты объединения семей для совместной хозяйственной деятельности известны в конце XIX – начале XX в. Так, исследователи поселений Рязанской губернии обратили внимание на то, что во многих деревнях «гумен и овинов гораздо меньше, чем жилых домов. Гумна часто принадлежали складникам: вместе строили овин, вместе им пользовались, вместе, помогая друг другу, молотили. Складниками были не столько родственники, сколько соседи, а то и просто товарищи — “шабры”, как их называли в Московской области в Дмитровском районе (овины шабров приходилось наблюдать еще в 1930 г.). Вынесение гумен в одно место, складничество при построении овинов риг, “толока” — взаимопомощь при обмолоте — все это архаизмы, пережитки старых отношений, ведущих свое начало от родовой организации и после разложения родового быта связавшихся с “вервью”, “миром” Киевской Руси»⁶⁰.

Если отбросить утверждение о «пережитках», существовавших еще в 30-е годы прошлого века, то окажется, что складничество представляет собой не архаизм, исчезнувший в XVIII в., а действующий еще в середине XX в. вектор хозяйственной жизни, который уравнивает стремление к индивидуальному хозяйству. Отметим, что в годы Великой Отечественной войны широкое распространение получила практика содержания одной коровы на две или три семьи, что также представляет собой современный вариант складничества.

⁵⁹ Витов. Народная материальная культура. Л. 10.

⁶⁰ Лебедева, Милонов 1950: 126.

Возвращаясь к формам расселения, отметим, что существование одного хозяйственного двора на несколько семей не обозначает наличие в поселении родовой общины или большесемейной общины. Очень часто в таких случаях, в особенности применительно к новейшему времени мы имеем дело со складничеством.

М.В. Витовым был детально описан один-единственный тип расселения — «гнездовой», характерный для Русского Севера. Он предлагает два термина для описания типов расселения в Центральной России — «скученно-гнездовой» и на Украине «скученный», однако пишет о непроработанности данной терминологии⁶¹. В связи с этим, можно обратиться вновь к разработкам грузинской этнографической школы. Как уже говорилось выше, одним из наиболее древних форм поселений А.И. Робакидзе считает поселение вокруг холма. Вместе с тем, ряд ученых полагает, что поселение вокруг холма представляет собой группу поселений. Как считает Н.А. Бердзенишвили, «гора — в социальном отношении братство (коммуна), а в техническом — это укрепленный холм, “жилое убежище” всего братства, “рода”. “Сванское жилище”, начиная с этого, закономерно входит “гора” (сикв) — социальное и материальное выражение первобытной коммуны»⁶². Круговыми были древнейшие поселения на территории Азербайджана⁶³. Иными словами, поселение вокруг вершины горы — представляет собой поселение отдельного рода или родовую общину, причем каждая гора или холм соответствует отдельной родовой группе.

В заключение следует отметить, что ни одно из предлагавшихся в конце XIX – начале XX в. утверждений о соответствии этнической принадлежности населения некой форме поселений, или стадийных схем о соответствии определенного типа заселения некому историческому периоду исследованиями второй половины прошлого века не подтвердились. Ареал бытования круглых поселений перекрывает ареал распространения славянской культуры, также не подтверждается связь беспорядочных форм поселений с финским этническим субстратом, поскольку эта взаимосвязь является вторичной. Возможно, совпадение круглых поселений в Восточной Европе со славянским этническим компонентом связано с

⁶¹ Витов. Народная материальная культура. Л. 32.

⁶² Цит. по: Робакидзе 1984: 85.

⁶³ Древнейшие государства 1985: 44.

тем, что славяне принесли в Полабье традицию строительства поселений, характерную для Южной Европы. А соответствие беспорядочных форм поселений финноязычным народам в XVIII–XIX вв. связано с их расселением в малонаселенных, лесных местностях.

Значительные результаты могут дать статистические данные по соотношению типов поселений (сел, деревень и починков) с типом заселения. Можно предположить, что переход от прибрежного к водораздельному типу заселения проходит через две стадии: 1) сохранение волостных центров (сел или погостов) на крупных реках и перемещение земледельческих поселений (однодворных деревень или починков) на водоразделы и 2) перемещение волостных центров на водоразделы. Если данное предположение верно, то для первой стадии будет характерно преобладание малодворных деревень на водоразделах, а для второй — укрупнение поселений на водоразделах.

Остается констатировать, что изучение микрогеографии сельских поселений остается перспективным направлением исследований как для этнологии (этнографии), так и для других отраслей исторического познания.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бабарькин 1847 — *Бабарькин В.* Сельцо Васильевское Нижегородской губернии Нижегородского уезда // Этнографический сборник. СПб., 1847. С. 1–24.
- Бусыгин 1953 — *Бусыгин Е.П.* Поселения и жилища русского населения Татарской АССР // СЭ. 1953. № 2. С. 53–75.
- Веселовский 1936 — *Веселовский С.Б.* Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV–XVI веков. Историко-социологическое исследование о типах внегородских поселений. М.; Л., 1936.
- Витов 1953 — *Витов М.В.* О классификации поселений // СЭ. 1953. № 3. С. 27–37.
- Витов 1956 — *Витов М.В.* Приемы составления карт поселений XVI–XVII вв. по данным писцовых и переписных книг (на примере Шунгского погоста Обонежской пятины) // Проблемы источниковедения. М., 1956. Вып. V. С. 231–265.
- Витов 1958 — *Витов М.В.* Формы поселения Европейского Севера и время их возникновения // Краткие сообщения Института этнографии. М., 1958. Вып. 29. С. 30–37.

- Витов, Власова 1974 — *Витов М.В., Власова И.В.* География сельского расселения Западного Поморья в XVI–XVIII веках. М., 1974.
- Власова 1969 — *Власова И.В.* Михаил Владимирович Витов [Некролог] // СЭ. 1969. № 2. С. 156–157.
- Власова 1976 — *Власова И.В.* Сельское расселение в Устюжском крае в XVIII в. – первой четверти XX в. М., 1976.
- Власова 2003 — *Власова И.В.* М.В. Витов — этнограф и антрополог (1923–1968) // ЭО. 2003. № 4. С. 107–118.
- Деген-Ковалевский 1936 — *Деген-Ковалевский Б.Е.* Сванское поселение как исторический источник // СЭ. 1936. № 4–5. С. 21–54.
- Древнейшие государства 1985 — Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М., 1985.
- Древняя Русь 1985 — Древняя Русь. Город, замок, село. М., 1985.
- Куфтин 1928 — *Куфтин Б.А.* Изба «пряха» и «непряха» Московского края // Московский краевед. 1928. № 4. С. 9–13.
- Лебедева 1929 — *Лебедева Н.И.* Вопросы этнологического изучения южных уездов Рязанской и Тульской губерний // Культура и быт населения Центрально-Промышленной области. М., 1929. С. 109–114.
- Лебедева, Милонов 1950 — *Лебедева Н.И., Милонов Н.П.* Типы поселений Рязанской области // СЭ. 1950. № 4. С. 107–132.
- Липинская 1965 — *Липинская В.А.* Русские поселения в Алтайском крае // СЭ. 1965. № 6. С. 102–114.
- Милюков 1904 — *Милюков П.Н.* Очерки по истории русской культуры. СПб., 1904.
- Мыльников 2002 — *Мыльников А.С.* О феномене «постэтничности»: современный взгляд на некоторые идеи Ю.В. Бромлея // ЭО. 2002. № 2. С. 3–9.
- Надеждин 1994 — *Надеждин Н.И.* Об этнографическом изучении народности русской // ЭО. 1994. № 1. С. 107–117; № 2. С. 124–139.
- Орфинский 1989 — *Орфинский В.П.* Вековой спор. Типы планировки как этнический признак (на примере поселений Русского Севера) // СЭ. 1989. № 2. С. 55–70.
- Паин 1985 — *Паин Э.А.* Прикладные аспекты этнографического изучения сельских поселений и систем расселения (постановка вопроса) // СЭ. 1985. № 1. С. 3–13.
- Пименов 1964 — *Пименов В. В.* К истории сложений типов поселений в Карелии // СЭ. 1964. № 2. С. 3–18.
- Программа 1987 — Программа этнографических сведений о крестьянах центральной России. Смоленск, 1987.
- Робакидзе 1964 — *Робакидзе А.М.* (Правильно — «А.И.») Поселение как источник изучения общественного быта. М., 1964. (Отдельный от-

- тиск тезисов выступления на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук. Москва, август 1964 г.).
- Робакидзе 1984 — *Робакидзе А. И.* Сванети. Тбилиси, 1984.
- Робакидзе, Гегечкори 1975 — *Робакидзе А.И., Гегечкори Г.Г.* Формы жилища и структура поселения Горной Осетии. Тбилиси, 1975.
- Севан 1982 — *Севан О.Г.* Сезонные поселения и промысловые избы на русском Севере (конец XIX – начало XX в.) // СЭ. 1982. № 1. С. 113–120.
- Сельские поселения 1984 — Сельские поселения Удмуртии. Ижевск, 1984.
- Семенов-Тянь-Шанский 1910 — *Семенов-Тянь-Шанский В.П.* Город и деревня в Европейской России. Очерк экономической географии // Записки Императорского географического общества. СПб., 1910. Т. 10.
- Сергеевич 1894 — *Сергеевич В. И.* Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб., 1894.
- Степанов 1946 — *Степанов Н.Н.* Русское географическое общество и этнография // СЭ. 1946. № 4. С. 187–206.
- Тропин 2008 — *Тропин Н.А.* Средневековые поселения XIV–XVII веков в округе Ельца: Сравнительно-историческая характеристика систем заселения по реке Ельчик // Сельская Русь в IX–XVI вв. М., 2008. С. 108–124.
- Туторский 2010 — *Туторский А.В.* Методы сбора и способы текстуализации полевого материала (на примере Северной экспедиции кафедры этнологии МГУ) // Кафедра этнологии исторического факультета МГУ — 70 лет. М., 2010. С. 273–293.
- Феноменов 1927 — *Феноменов М.Я.* Крестьянское жилище в подмосковной деревне // Московский краевед. 1927. № 2. С. 71–76.
- Чебоксаров 1929 — *Чебоксаров Н.Н.* Постройки Волоколамского уезда // Московский краевед. 1929. № 1–2. С. 33–70.
- Чернов 2003 — *Чернов С.З.* Сельское расселение в Московском княжестве второй половины XIII в.: «традиционные» и «новационные» модели выхода из кризиса (по материалам археологических исследований 1976–1993 гг. волостей Воря и Пехорка) // Русь в XIII веке: Древности темного времени. М., 2003. С. 168–227.
- Чичерин 1858 — *Чичерин Б.Н.* Опыты из истории русского права. М., 1858.
- Шкляев 1981 — *Шкляев Г.К.* Из истории формирования сельского расселения и развития поселений на территории Удмуртии (XIX – нач. XX вв.) // Сельские поселения Удмуртии. Ижевск, 1981. С. 3–44.
- Meitzen 1895 — *Meitzen A.* Siedlung und Agrarwesen der Westgermanen und Ostgermanen, der Kelten, Römer, Finnen und Slawen. Berlin, 1895.

Е.И. БУРЛА

ВОЗМОЖНОСТИ УСТНОЙ ИСТОРИИ В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИЧЕСКИХ ЛАНДШАФТОВ

Аннотация: Исследования исторического ландшафта в рамках устно-исторического подхода стали проводиться относительно недавно, однако некоторые важные шаги в данном направлении уже сделаны. Руководствуясь этой мыслью, в предлагаемой статье автор рассматривает особенности привлечения устных источников в изучении исторической географии. Статья представляет собой попытку определить, при наличии каких условий и каким образом устные свидетельства могут быть использованы в целях дополнения, уточнения полученных из письменных и материальных источников данных. При поиске ответов на эти вопросы автору кажется небезынтесным прибегнуть к составлению некоего обзора накопленного на данный момент опыта зарубежных (в первой части) и российских исследователей (во второй). При этом следует сделать оговорку: речь пойдет не только и не столько о работах историков, специализирующихся в устной истории, сколько о работах археологов, антропологов. Отсюда и специфический интерес, проявляемый к возможности сопоставления имеющих различное происхождение данных, а также к антропологической тематике, к примеру, святым местам. По ходу обращения к имеющемуся опыту постепенно будут проявляться различные возможности устной истории в изучении исторических ландшафтов: от возможностей, помогающих решить более практические задачи при локализации конкретных объектов и событий, при детализации облика некой местности в прошлом, к возможностям, более заманчивым для историков, стремящихся раскрыть механизмы принятия решений при изменениях в сельском хозяйстве в прошлом, уловить культурно обусловленные процессы надления значимостью тех или иных элементов ландшафта. Отдельного упоминания заслуживает изучение функционирования микропонимических систем как отражения представлений населения об окружающем ландшафте.

Ключевые слова: устная история, устная традиция, исторические ландшафты, сельский ландшафт, память, устная история и археология, микропонимические системы, ментальный образ ландшафта.

Сейчас не вызывает сомнения тот факт, что исторический ландшафт, понимаемый как целостное явление, становится тем более доступным для изучения и открывает тем больше разнообразных перспектив для понимания прошлого, чем богаче инструментарий исследователя. Представление о продуктивности комплексного изучения исторических источников и междисциплинарного подхода сложилось уже к 1970-м – 1980-м годам¹. С момента этого важного поворота к интеграции дисциплин и за рубежом, и в России был проделан большой объем работы, направленной как на уточнение предложенной изначально методики, так и на постановку качественно новых задач и поиски новых подходов к их решению. При этом основной курс был взят на проведение микрорегиональных исследований, построенных на изучении письменных и археологических источников, и дополняемых проведением палеопочвенных и палеоботанических изысканий. В итоге в настоящее время изучение исторической географии в мире значительно продвинулось по целому ряду территорий благодаря наличию качественных комплексных работ².

Но, как известно, приращение знаний приводит к возникновению вопросов, которые ранее не ставились. Так, по мере углубления исследований становилось ясным, что изучение исторических ландшафтов открывает новые возможности, но для реализации этих возможностей необходимо совершенствование методов и поиск дополнительных типов источников. На определенном этапе в качестве последних выступили устные свидетельства. Поскольку методика, позволяющая работать с ними, своеобразна, а результаты, полученные в ходе таких исследований, требуют определенной адаптации для их применения в исторической географии, представляется необходимым дать обзор работ такого рода. Этот обзор позволит увидеть, в каком контексте возникал исследовательский интерес к устным свидетельствам, какие вопросы ставились в связи с обращением к ним, в каких случаях ответы на эти вопросы соответствовали ожиданиям и открывались ли перспективы даль-

¹ Подробнее о комплексных методах см.: Янин 1977; о комплексных исследованиях исторических ландшафтов см.: Чернов 2004: 17–27; Чернов 2008: 16–28.

² Ссылки на подобные исследования содержатся, к примеру, в: Чернов 2009: 98–131.

нейших исследований в рамках устно-исторического подхода. Иными словами, фокусирование внимания на конкретных ярких примерах поможет понять, как при изучении исторических ландшафтов постепенно раскрывались возможности устной истории и устной традиции³.

На первый взгляд, у устной истории мало точек соприкосновения с традиционными дисциплинами исторического цикла: уже по своему определению она имеет дело с живыми людьми, событиями недавнего прошлого и современной окружающей средой, между тем как археология, к примеру, — со следами жизни давно ушедших поколений. Не противоречит такому утверждению и перечень проблем, занимающих приоритетную позицию в устно-исторических исследованиях: жизнь политических деятелей, не написавших автобиографий, истории рабочих, женщин, автохтонного населения, не имеющего прочной письменной традиции, этнических меньшинств и маргинальных или преследуемых социальных групп⁴.

Однако в последние десятилетия в поле зрения специалистов по устной истории стали попадать все новые и новые темы⁵. Дискуссия подлинно мирового масштаба вокруг понятия культурного ландшафта, поднятая в связи с проблемой охраны культурного и

³ Здесь и далее под «устной историей» мы будем понимать устные воспоминания людей, или их непосредственный исторический опыт, излагаемый в устной форме. «Устная традиция» же хранит исторический опыт какой-либо группы людей, передаваемый из уст в уста и от поколения к поколению. Кроме того, в самостоятельную группу иногда выделяют так называемые «расширенные личные воспоминания», занимающие промежуточное положение между указанными понятиями; как правило, к ним относят воспоминания о событиях, произошедших в эпоху родителей ныне живущих старожил.

⁴ Чтобы убедиться в том, что указанные проблемы по-прежнему остаются в фокусе устно-исторических исследований, достаточно взглянуть на содержание журналов “Oral History Review” и “Oral History Journal” за последние годы или на регулярную рубрику “Current British work” в последнем.

⁵ Ср., например: Gant 1986: 67–69; Kakar 1995: 37–45; Rodgers, Coble, Van Tilburg 1998: 8–18; Scott 2003: 55–65; Moshenska 2007: 91–97; Lassina S. Sources orales et archéologie autour des personnages historiques au Burkina Faso. Le cas de naaba Bilgo. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://sourcesorales.sciencesconf.org/docs/00/00/03/57/Archive/LassinaSimpore.pdf>, свободный, 1.07.2011. — Загл. с экрана. — Яз. фр.

природного наследия и развернутая на междисциплинарном уровне⁶, позволила переосмыслить роль устной истории во всем спектре методов изучения исторических территорий и во многом изменила характер самих устно-исторических исследований. По мере того как все более ясным становилось понимание неразрывного единства естественной и рукотворной составляющих окружающей среды и все более отчетливым осознание отражения в определенных ландшафтных реалиях дел и мыслей человека, все острее ощущалась потребность в умении распознавать и прочитывать эти легко поддающиеся ходу времени приметы. Очертания ландшафта, порой малопримечательные, порой загадочные, суть результат традиционного уклада жизни на земле, позабытого в ходе стремительных изменений, привнесенных за последнее столетие новой техникой и технологиями. Но «за зримыми очертаниями пейзажа, орудий или машин, — писал Марк Блок — за самыми, казалось бы, сухими документами и институтами, совершенно отчужденными от тех, кто их учредил, история хочет увидеть людей»⁷. Помочь если не увидеть в буквальном смысле, то хотя бы услышать тех людей стало целью устной истории. Устные свидетельства начали использовать для получения информации об особенностях ландшафта, а порой и в качестве источника, позволяющего интерпретировать исторические ландшафты⁸. Для решения таких важных задач, как выбор населением стратегий адаптации к характерным условиям окружающей природы, способов ее освоения, в том числе ментального, было начато исследование традиционного расселения⁹, практики ведения сельского хозяйства и землепользова-

⁶ О культурном ландшафте см.: Веденин, Кулешова 2004: 13–36.

⁷ Блок 1986: 16.

⁸ Яркий пример см. в: Riley et al. 2005: 15–26.

⁹ Dupré, Guillaud 1986: 5–48; Echo-Hawk 2000: 267–290; Langlois O. *Historiens, les archéologues sont vos frères! L'archéologie au service de l'histoire des sociétés des piemonts orientaux des monts Mandara (Cameroun)*. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://sourcesorales.sciencesconf.org/docs/00/00/03/56/Archive/Langlois.pdf>, свободный, 1.07.2011. — Загл. с экрана. — Яз. фр.; Tidjougouna L. B. *Tradition orale et archéologie comme sources de l'histoire africaine: le cas des Batammariba du nord-Togo*. — [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://sourcesorales.sciencesconf.org/docs/00/00/05/02/Archive/Tdjigouna.pdf>, свободный, 1.07.2011. — Загл. с экрана. — Яз. фр.

ния¹⁰, микропонимических систем¹¹ и создания сакральных пространств¹².

Прежде чем подробнее остановиться на некоторых примерах, важно отметить, что в подобных работах данные, полученные с помощью метода устной истории, очень часто выступали не единственным источником информации, а лишь одним из них, наряду с археологическими или письменными свидетельствами. Следует указать на то, что диалог между исследователями устной истории и археологами был начат именно последними. Для того, чтобы он состоялся, нужна была специфическая обстановка, обусловленная, с одной стороны, поиском более адекватной методики для изучения истории народов без письменной культуры, а с другой стороны, требованиями — социального и политического характера — более демократичного подхода к истории обществ, занимавших в прошлом подчиненное положение.

Очень характерна в этом смысле ситуация, в которой находятся современные исследователи истории доколониальной Африки. Ведь в их распоряжении только и имеются, что устная традиция, лучше всего сохранившаяся в районах, не охваченных распространением всеобщей грамотности, и зачастую немногочисленный, а порой и недоступный (из-за традиционных религиозных убеждений) археологический материал¹³. В Северной Америке и

¹⁰ Evans 1965; Hussey, Thompson 2000; Riley 2004: 45–53.

¹¹ Gelling 1978: 123–125; Field 1995; Gelling, Cole 2000; Juhé-Beaulaton D. *Récits de migrations et toponymes. Des sources orales pour une histoire de l'environnement (aire culturelle aja-fon — Sud du Togo et du Bénin)*. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://sourcesorales.sciencesconf.org/docs/00/00/03/35/Archive/JuheBeaulaton.pdf>, свободный, 1.07.2011. — Загл. с экрана. — Яз. фр.; Tcham B. *La toponymie: sources de l'histoire du peuplement de l'Oti*. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://sourcesorales.sciencesconf.org/docs/00/00/03/55/Archive/Tcham.pdf>, свободный, 1.07.2011. — Загл. с экрана. — Яз. фр.

¹² Etou K. *Lieux sacrés et pratiques religieuses: des sources souvent négligées de l'histoire africaine*. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://sourcesorales.sciencesconf.org/docs/00/00/03/76/Archive/Etou2.pdf>, свободный, 1.07.2011. — Загл. с экрана. — Яз. фр.

¹³ Классическими стали работы бельгийского исследователя Яна Вансины об устной африканской традиции как историческом источнике (Vansina 1961; Vansina 1985). Именно они задали тон и направление всем дальнейшим

Австралии, где было проведено наибольшее количество исследований, связывающих устные свидетельства и данные археологии¹⁴, поддержанию междисциплинарного диалога способствовало государственное законодательство о защите «мест памяти» автохтонного населения от застройки или распашки¹⁵. Здесь упоминаемые в устной традиции местности, локализуемые в современном ландшафте, с завидной регулярностью становились точками проведения археологических раскопок, подтверждавших¹⁶ или опровергавших¹⁷ достоверность полученных от носителей традиции сведений. В тех случаях, когда извлекаемые из земли материальные свидетельства сражения соответствовали рассказам об его отдельных эпизодах или участниках, благодаря искусной комбинации археологических, письменных и устных данных, авторам удалось детально воссоздать панораму произошедших событий¹⁸.

исследованиям истории континента. О распространенности проектов, основывающихся на сочетании устно-исторических данных с археологическими, отчасти свидетельствует тот факт, что на международной конференции, прошедшей в конце мая 2011 г. в столице Бенина Ломе и посвященной роли устных источников в изучении истории Африки, работала секция «Устные источники и археология», объединившая доклады о происхождении, миграции и расселении целого ряда африканских народов. См.: http://sourcesorales.sciencesconf.org/conference/sourcesorales/Programme_Colloque.pdf.

¹⁴ Примеры сочетания методов устной истории и археологии в Северной Америке см. в: Swidler et al. 1997; Working together 2000; Mason 2000: 239–266. Echo-Hawk 2000: 267–290; Whiteley 2002: 405–415. Здесь же можно найти теоретическое обоснование такого междисциплинарного подхода. Пример взаимодействия устной истории и археологии в Австралии см. в: David et al. 2004: 158–172; Beck, Somerville 2005: 468–483.

¹⁵ Ср., например, принятый в 1990 г. в США федеральный закон о защите и репатриации могил коренных американцев (Native American Graves Protection and Repatriation Act). В нем прямо указывается на то, что устные традиции должны рассматриваться в качестве источника сведений, необходимых для установления культурной преемственности между историческими и современными североамериканскими племенами. В случае обнаружения человеческих останков, предметов культа, иных объектов культурного наследия американских индейцев археологи обязаны проконсультироваться по поводу их атрибуции с представителями племен. При запланированных раскопках консультации должны происходить на стадии планирования проекта.

¹⁶ Блестящий пример см. в: McDonald et al. 1991.

¹⁷ См., например, Scott 2003: 55–65.

¹⁸ Ibid.: 55–59.

Случаи явного противоречия свидетельств разных источников тоже были продуктивны: не способствуя ни детализации облика некоего урочища во время его заселения, ни конкретизации условий жизни в нем, они подводили к пониманию значения, которое закрепилось в сознании коренного населения за тем или иным местом¹⁹.

В Великобритании, на родине устной истории, устно-исторические проекты, имеющие своей целью исследование и интерпретацию исторических ландшафтов, поддерживаются в настоящее время довольно активно. Интересным примером могут служить работы, проводившиеся в течение трех с половиной лет, с 2006 по 2009 г., в Северных Пеннинах (графство Дарем). Они заключались в серии интервью как с современными, так и с бывшими фермерами графства, вспомиравшими о тех изменениях, которые произошли в хозяйственном использовании высокогорных лугов и пастбищ на их памяти или при жизни их родителей²⁰. Если первые исследования исторических ландшафтов, опиравшиеся на данные устных свидетельств, видели ценность этого метода преимущественно в прямом доступе к знаниям о прошлых практиках ведения хозяйства и использования природных ресурсов²¹, то в дальнейшем историки освоили дополнительные возможности устной истории. Так, детальное знание своих ферм и окружающих ландшафтов, пришедшее местным жителям с личным опытом и переданное им от предыдущих поколений в виде коллективной памяти, дополняет крайне ограниченную информацию из иных источников о временных изменениях в процессе заготовки сена и помогает четче увидеть причины деградации сенокосных угодий на юго-западе Англии²². Собранные устные свидетельства опровергают официальную версию причин перехода от заготовки сена к производству силоса²³. Только благодаря непосредственно слышимым голосам фермеров проясняется значимость межличностных отношений внутри сообщества, а включенное наблюдение исследователя позволяет уяснить роль взаимопомощи, стоящей

¹⁹ Beck, Somerville 2005: 468–483.

²⁰ Подробнее о проекте см.: Current British work 2008: 10–11.

²¹ См.: Evans 1965.

²² Riley 2004: 45.

²³ Ibid.: 48.

выше материальных соображений и которую уж никакие статистические данные о количестве нанимаемых на ферму работников учесть не могут²⁴. В контексте наблюдаемого тревожного состояния окружающей среды все большую значимость в поиске оптимального равновесия между охраной природных ресурсов и сохранением традиционного землепользования приобретают устные свидетельства.

При внедрении новой техники и технологий в сельское хозяйство былые практики использования разнообразных природных угодий и обработки земли быстро забываются. Даже тогда, когда в ландшафте память о них запечатлевается видимым образом, далеко не всегда можно с уверенностью интерпретировать эти следы²⁵. Насколько подходящим полигоном для комбинирования данных устной истории с археологическими может стать изучение сельского ландшафта и как метод устной истории может способствовать приращению знаний о прошлом, показали исследования в английском графстве Девон²⁶.

Первоначальной целью работ, развернутых на юго-западе Англии, было проследить в ретроспекции изменения, в особенности связанные с периодом Второй мировой войны, в жизни фермеров и системе ведения хозяйства. При этом предполагалось сочетать традиционную методику ландшафтной археологии, включая использование аэрофотосъемки, в том числе сделанной в 1941–1947 гг., палеоботанические и палинологические исследования, с методом проведения опросов местных жителей. Основой такого комплексного подхода к выбору источников стало убеждение в том, что ландшафтная археология соизмеряет свои изыскания «с крупной временной шкалой» и «широкими мазками пишет по полотну географического пространства»²⁷. Устная история, напротив, работает с предельно «мелкой шкалой»; индивидуальные воспоминания о ландшафте в большинстве случаев ограничиваются довольно коротким отрезком времени и отражают детальное знание

²⁴ Ibid.: 51.

²⁵ Вспомним в этой связи размышления М. Блока о «странных контурах полей» на севере Франции, которые еще «ни один ученый не сумел удовлетворительно...объяснить» (Блок 1986: 25).

²⁶ Riley et al. 2005: 15–26.

²⁷ Ibid: 19.

конкретной местности. Это понимание, однако, не привело авторов проекта к мысли о несовместимости разных типов источников. Напротив, они надеялись воспользоваться ими как взаимодополняющими. Разграничивая устную историю и устную традицию, участники проекта также посчитали нужным выделить два типа аккумулируемых этими источниками знаний: аналогическое (*analogous*) и поколенное, или родовое (*genealogical*), соответственно. Если источник первого — рассказы о личном историческом опыте, проливающие свет на особенности поведения, механизмы принятия решений и в более отдаленном прошлом, то второе, поколенное, порождается коллективной исторической памятью. Для уверенной интерпретации исторических ландшафтов и осмысления изменений в землепользовании понадобилось обращение к обоим типам знаний.

Пример сопоставления рассказа фермера о запечатленных на аэрофотоснимке элементах ландшафта с рабочей версией исследователей показал, что именно устная история помогает идентифицировать, локализовать и интерпретировать природные и рукотворные черты географического пространства. Вдобавок к этому, из нее можно извлечь сведения не только о сохранившихся реалиях, но и о том, что претерпело сильные видимые изменения и даже исчезло с поверхности земли, то есть почувствовать временную динамику. Ведь совсем не так редки случаи, когда жизнь материальных остатков прошлого оказывается короче периода бытования устных свидетельств. Тот же потенциал устной истории в фиксации кратковременных изменений был выявлен и при сопоставлении данных палинологии с устными свидетельствами занятых в сельском хозяйстве людей. Выводы, сделанные на основании пыльцевого анализа, были опровергнуты данными устной истории, сохранившими указания на роль сугубо личных мотивов в процессе принятия решений относительно землепользования в условиях кризиса военного времени. Так, метод устной истории позволяет достичь большей детализации в воссоздании исторических ландшафтов, делает возможным учет культурно обусловленных нюансов использования земельных угодий. Ценность устной истории состоит еще и в том, что она предоставляет в распоряжение историков необходимые фоновые данные, контекстную информацию, позволяющую понять причины и место того или иного явления в системе хозяйствования.

По мере продвижения исследований в Девоне становилось ясным, что информация, оказывающаяся доступной благодаря устным источникам, полезна не только для дополнения данных, полученных другими способами, и для увеличения общего объема знаний об определенном историческом периоде. Иногда она приводит к проблематизации уже известных явлений, что показал случай с интерпретацией археологических находок, а в особенности с реконструкцией исторического явления исключительно на основании артефактов. Пусть пример с воловьими подковами, принятыми археологами за знак отсталости и инертности девонских ферм, носит слишком локальный характер (на самом деле, эти подковы свидетельствовали об использовании в сельском хозяйстве волов, вместо забранных в Первую мировую войну лошадей) и служит иллюстрацией лишь частного случая, все же он показателен в следующем смысле: те «крупные мазки», которыми ландшафтная археология пишет свои картины, в некоторых случаях затемняют детали и нюансы, восприятие которых бывает необходимо для более тонкого понимания образа в целом.

Известно, что даже самые незначительные на первый взгляд стороннего наблюдателя явления превращаются в важные, наполненные смыслом, как только этнологам удастся установить место этих явлений в жизни исследуемого общества²⁸. Так и применение метода устной истории дает историкам ключ к пониманию того, как в сознании занятых в сельском хозяйстве людей происходит оценка значимости того или иного ландшафта или его отдельных элементов. Серия экспериментальных интервью, целью которых было выяснить отношение фермеров к расположенным на их землях курганам и их потенциальное вторичное использование, показала, что важнейшей для местного сообщества является хозяйственная — экономическая или социальная — значимость этих археологических памятников. В ряде случаев курганы использовались вторично и вовсе не в сакральных целях. Функциональность, а не их отнесенность к категории культурного наследия, была важна для местного населения. Так, исследования на юге Девона проиллюстрировали то, как по-разному научное сообщество и местные жители смотрят на одни и те же археологические памятники. Они также продемонстрировали, что с течением времени

²⁸ Stevenson 2001: 3.

сельские ландшафты могут оказаться переосмыслены. Выявление подобных феноменов, возможное благодаря методам устной истории, не только дает ответы на задаваемые историками вопросы, но и поднимает проблему расстановки приоритетов при проведении исследований.

Что же влияет на оценку ландшафта и на характер использования природных угодий? Почему, например, распашка полей из года в год происходит в одном и том же порядке? И с чем связано постоянство в засевании определенного поля одной сельскохозяйственной культурой на протяжении многих лет? Объяснимы ли вообще подобные явления? Представляется, что устная история способна помочь найти ответ на эти вопросы. В ряде случаев на юго-западе Англии ответы были подсказаны тем самым упомянутым выше поколенным знанием. Так, особенности современного землепользования, да и отношение к окружающей природе фермеры объясняли какими-либо событиями, имевшими место в жизни их предков, а часто говорили об удачном или, наоборот, неудачном опыте предшествующих поколений или, не находя никаких более или менее логичных доводов, просто ссылались на то, что именно так поступали их отцы. Здесь речь идет о накопленных поколениями знаниях о своеобразии природных условий и ландшафта.

В других случаях в поиске ответа на поставленные вопросы более продуктивным оказывалось именно аналогическое знание. Нужно сказать, что обязательным условием обращения к этому типу знаний является культурная преемственность современного населения. При наличии такой преемственности устные свидетельства, содержащие информацию о периоде, когда функции основной сельскохозяйственной техники выполнял домашний скот, могут сыграть отнюдь не последнюю роль в попытках понять более отдаленное прошлое. Учитывая радикальный характер перемен, произошедших в Великобритании в экономической и технической сферах за последние полвека, яснее становится потенциал, которым обладает устная история в выявлении и осмыслении локальных аспектов землепользования, представлений о ценности ландшафта и его элементов. Там, где в руках исследователей оказывается небольшой объем письменных и материальных свидетельств, касающихся изменений в видимых чертах ландшафта, метод уст-

ной истории становится чуть ли не единственным способом подойти к пониманию поведенческих и адаптационных стратегий, формировавших в прошлом оптимальное природопользование.

Британские исследователи исторических территорий имели возможность работать преимущественно с данными устной истории. И это совершенно естественно, ведь вторая разновидность устных источников, устная традиция, оказывается практически полностью утраченной в районах, где существование всеобщей грамотности охватывает хотя бы два-три поколения. Бытование этой традиции в Великобритании сохраняется лишь в школьных стишках и загадках²⁹ и в виде названий населенных мест и природных объектов, то есть в виде топонимов и микротопонимов³⁰.

Интересно, что, когда при изучении русских исторических территорий начали привлекать устные источники, прежде всего обратились к сбору названий географических объектов. Если не первым, то, пожалуй, одним из первых необходимо опроса местных жителей с целью получения не содержащихся в других источниках данных понял З. Доленга-Ходаковский, занимавшийся исследованием древнерусских городищ. Положивший начало изучению древностей Подмосковья, он еще в 1819 г. указывал на важность обращения к археологическому, этнографическому, фольклорному материалу и топонимике при исследовании ранних периодов русской истории³¹. Однако тогда его идеям не суждено было получить распространение; и если впоследствии истории время от времени прибегали к опросам местного населения в попытках выяснить точное расположение летописных городов и сел, урочищ с названием «Городище» или «Курган», то даже контуры топонимического аспекта исторических исследований обозначены не были.

Потребовалось довольно продолжительное накопление эмпирического материала, прежде чем мысль о потенциальной пользе

²⁹ Тош 2000: 275.

³⁰ Хотя в лингвистике еще не выработано единое определение термина «микротопоним», принадлежность к микротопонимии определятся либо характером соответствующих географических объектов (названия полей, прудов, лесов, урочищ и проч.), либо малым размером именуемых объектов. О дискуссии по поводу термина в лингвистике см.: Дмитриева 2002: 198–205.

³¹ Доленга-Ходаковский 1819.

топонимических исследований в исторической науке снова была выражена печатно. В вышедшей в 1945 г. небольшой статье С.Б. Веселовский³², которому принадлежат первые в русской средневековой историографии образцы комплексного изучения поземельных актов, указывал на «желательность непосредственного собирания топонимических материалов путем сплошного обследования местностей и опроса местных жителей»³³. Признавая географические названия предметом в первую очередь лингвистических исследований, он все же видел большое значение топонимии в качестве вспомогательной исторической дисциплины. В сочетании с генеалогическими и актовыми данными она открывает новые возможности изучения истории землевладения и социального строя и является сама по себе необходимой в тех случаях, когда сохранилось мало письменных источников.

Почему же нельзя довольствоваться исследованием зафиксированных на картах или упоминаемых в опубликованных и неопубликованных документах топонимов, и почему столь важно проводить опросы местного населения? Во-первых, общеизвестно, что ни карты, даже наиболее подробные из имеющихся, ни списки населенных мест не содержат всех существующих названий, отчего множество из них остается абсолютно невидимым для исследователей, и в особенности это верно для названий мелких географических объектов вроде полей и лугов, лесов и рощ, прудов и ручьев. Во-вторых, что не менее известно, упомянутые источники собственно географической и культурно-географической номенклатуры нередко передают искаженный — причем неважно, из-за составительской ли невнимательности, или по языковым причинам — вариант, ошибочное написание названия. И в-третьих, что для С.Б. Веселовского представляется особо важным, содержащиеся в опубликованных источниках топонимы, как правило, предстают в одном варианте, между тем как в действительности многие населенные места имели и по сей день имеют два, иногда даже три названия. Так вот, очень часто только непосредственное проведение опроса местных жителей позволит узнать не попавшие на карту собственные имена даже тогда, когда называемый ими объект уже не существует. Во многих случаях только опросы дадут возмож-

³² Веселовский 1945: 24–52.

³³ Там же: 29.

ность определить несколько форм бытования одного топонима. Только благодаря им, наконец, станет реальным выявить контекст, в котором живет то или иное название, то есть локализовать его в конкретном ландшафте и выяснить окружающие его топонимы.

Кроме того, исследователь указывал на срочный характер проведения подобного рода работ и предлагал организацию топонимических экспедиций наподобие археологических или фольклорных³⁴. Географические названия с течением времени выпадают из устной традиции, а когда исчезают топонимы, письменно нигде не зафиксированные, они пропадают навсегда, возможно, унося с собой немаловажные для истории землевладения и для исторической географии сведения.

С.Б. Веселовский говорил о сорока-пятидесяти годах как о вероятном сроке исчезновения местных названий. Если принять 1940-е гг. за точку отсчета, то он мог иметь в виду 1980–1990-е гг. Но не только его предположения относительно этого тревожного срока во многом нашли подтверждение при дальнейшей работе³⁵. Будучи принятыми, сами предложения историка по возможности обращаться к данным устной традиции принесли заслуживающие внимания результаты, подобно тому, как и начатые им комплексные исследования не остановились на месте.

Как раз в конце 1970-х – 1980-х гг. комплексное изучение исторических ландшафтов было предпринято С.З. Черновым в Сергиево-Посадском и Пушкинском районах Московской области³⁶. Свидетельства устной микротопонимической традиции, наряду с данными карт, аэрофотосъемки, описаний, позволили установить точное расположение упоминаемых в писцовых и межевых книгах XVI–XVII вв. и зафиксированных Генеральным межеванием конца XVIII в. поселений с окружающими их природными и хозяйственными угодьями, а также дорогами. Благодаря проведению археологических работ стало возможным идентифицировать эти поселения и угодья с археологическими памятниками. По ходу сбора топонимов и микротопонимов, анализа их вариантов и сопоставления услышанных от местных жителей названий с данными

³⁴ Там же.

³⁵ См. по этому поводу в: Чернов 1996: 191–194.

³⁶ Чернов 1987; Чернов 1989: 413–438. Карта-вкладыш; Вайнтрауб, Чернов 1997: 401–412; Чернов 2000: 655–707.

письменных источников выяснилась одна интересная особенность функционирования устной традиции: оказалось, что в ней в некотором объеме сохраняются и продолжают использоваться географические названия, известные по документам XIV–XVI вв.; при этом многие деревни и села, память о которых отразилась в этих названиях, в XVII в. перестали существовать.

Тогда еще малопонятным представлялся механизм «выживания» подобного рода исторической информации и рано было делать выводы относительно хронологических рубежей коллективной памяти, но уже обозначились контуры дальнейшего проведения исследований исторических ландшафтов в микротопонимическом аспекте. То, что микротопонимы содержат историческую информацию, выявляемую при комплексном источниковедческом подходе и с учетом контекста истории создавших их групп, было доказано на конкретных примерах. Как и то, что эта информация служит большим подспорьем при картографировании и локализации средневековых поселений, угодий и урочищ. Одновременно с самого начала работы с устной микротопонимической традицией раскрылась возможность рассматривать ее как форму смыслового прочтения пространства, благодаря чему стали осуществимы исследования семантики исторических ландшафтов, позволившие взглянуть на окружающую среду глазами местных жителей и понять, какие ландшафты и какие их элементы представлялись значимыми и почему.

В дальнейшем изучение устной традиции было продолжено на территории, расположенной к северо-востоку от Москвы (в современных Мытищинском, Щелковском и Балашихинском районах)³⁷. Большой объем эмпирического материала, накопленный в ходе проведения опросов старожил, дал возможность сделать некоторые выводы относительно локальных особенностей функционирования устной микротопонимической традиции и ее современного состояния³⁸. Во-первых, еще более очевидной стала необходимость изучения всей совокупности сохраняемых местной традицией географических названий, или рассмотрение этой совокуп-

³⁷ Культура 2005 (Тексты опросов собраны и подготовлены к печати О.Н. Глазуновой).

³⁸ Чернов 1996: 191–194.

ности как системы, находящейся в тесной связи с общей структурой расселения и освоения пространства. Именно в микротопонимической системе отражаются и знания жителей об особенностях ландшафта и хозяйственных угодий, и их отношение к окружающей природной среде, то есть осмысление ее характерных элементов. Построение заключений на основании изолированно взятых топонимов и микротопонимов может оказаться ошибочным. Во-вторых, было замечено, что утрата как отдельных географических названий по причине нарушения связи местных жителей с сельским хозяйством и смерти старожилов, так и целых звеньев микротопонимической системы из-за исчезновения малых деревень, происходит неравномерно. Так, в наиболее полном виде микротопонимическая традиция сохраняется в крупных деревнях и селах, с коренным старожильческим населением, при этом крайне важна хозяйственная и культурная преемственность поколений. Кардинальные изменения в локальной устной традиции вызывает уход поколения 1910-х – 1920-х гг., помнившего систему ведения хозяйства до коллективизации. Причем, как было отмечено исследователем, наиболее уязвимыми перед лицом исторических перемен оказываются названия полей.

Интересны также наблюдения, касающиеся консервативности микротопонимических систем. Бытовавшая в первой четверти XX столетия устная традиция в основных чертах сложилась в XVII в., откуда и вывод о срочном характере проведения сплошных микротопонимических обследований, ведь с уходом носителей этой традиции исчезнет целый пласт содержащейся в названиях культурно-исторической информации. В то же время изучение того, как происходят передача и трансформация топонимической традиции в специфических условиях конца XX – начала XXI в. может пролить свет на процессы изменения устной традиции, происходящие в условиях перестройки хозяйственной системы. Подобная перестройка имела место в период хозяйственного кризиса и разрушения структуры расселения в Смутное время начала XVII в.

К этому же циклу исследований принадлежат работы О.Н. Глазуновой, обследовавшей устные традиции групп поселений Центральной России и показавшей, что реконструкция крестьянского ландшафта позволяет по-новому прочесть историче-

скую среду таких, казалось бы, известных территорий, как Ясная Поляна или пушкинское Михайловское³⁹. Изучение цикла местнотимых пятничных праздников и связанных с ними источников, часовен и других почитаемых мест в районе древнего города Шерна на границе Московских и Переяславских земель позволило составить представление о том, как происходило в XII–XIII вв. воцерковление летних языческих праздников целого края⁴⁰.

Исследования, начатые в связи с разработкой проекта зон охраны Девичьего поля близ Коломны, продемонстрировали необходимость рассмотрения микротопонимических систем на фоне истории создавшего и поддерживающего их сообщества, с привлечением не только устных свидетельств, помогающих целостно и с разных точек зрения взглянуть на локальную историю, но также архивных и этнографических материалов. Лишь при внимательном учете контекста истории местности в XX в., расположения земельных угодий в XIX, XVIII вв. и, по возможности, в более раннее время становится возможным прочтение исторической информации, в сжатом виде хранящейся в географических названиях⁴¹.

К вышеупомянутым наблюдениям и выводам С.З. Чернов пришел преимущественно благодаря данным, полученным при тщательном анализе микротопонимических систем. Надо полагать, внимание исследователя к местным названиям было обусловлено, по крайней мере, отчасти тем опытом, который в этой области за последние полвека приобрели лингвисты⁴². Вероятно, чисто лингвистические исследования или исследования на грани лингвистики и этнологии сыграли не последнюю роль в возникновении интереса к географическим названиям и в фольклористике, вызвавшегося, в частности, в собирании и изучении географических песен как жанра

³⁹ Глазунова 1999; Глазунова 2000: 669–691; Глазунова 2005а: 228–235.

⁴⁰ Глазунова 2005б: 334–345.

⁴¹ Чернов, Глазунова 2009: 58–104.

⁴² Речь идет об ономастических и этнолингвистических исследованиях, а за отправную точку условно принимается год выхода сборника «Микротопонимия» (Микротопонимия 1967). Концепция топонимических систем разрабатывалась независимо Ю.А. Карпенко и А.В. Суперанской. Исследования по этнолингвистике, изучающей традиционную духовную культуру в зеркале языка, в России представлены в основном работами Московской этнолингвистической школы Н.И. Толстого и С.М. Толстой и научным направлением, связываемым с именами Вяч. Вс. Иванова и В.Н. Топорова.

ландшафтного фольклора⁴³. Однако особенности восприятия ландшафта и традиции освоения, в том числе духовного, пространства находят свое отражение не только, а возможно, даже не столько в топонимии. Богатый материал для работ по исторической антропологии может предоставить исследователю интерпретация устных свидетельств как целостных текстов, в которых наряду с оценочными суждениями содержатся фактические данные.

Примером исследования устной крестьянской традиции, которое открывает нам реликтовые представления о историческом ландшафте, является работа С.З. Чернова о кладбищах⁴⁴. Рассказы о кладбищах и могильниках, порой предельно сжатые, порой более пространные, присутствовали во многих записанных в Московской области локальных устных традициях, что позволило выделить их в особую группу текстов. Исследователь показал, как эти рассказы отражают многие восходящие к средневековью представления сообществ старожильческого населения о создании сакральных пространств, или иеротопии⁴⁵, одной из составляющих которой является в православной традиции освящение кладбища. Хотя в ходе проведения опросов историк неизбежно имеет дело лишь с индивидуальными свидетельствами, личной оценкой расположения кладбища, его облика, характера захоронений на нем, рассматриваемые в совокупности, эти свидетельства оказываются не чем иным, как вариациями более общих представлений, позволяющих судить о мотивировках прекращения или возобновления погребений на том или ином месте, роли определенного кладбища в иерархии локусов, связанных с погребальной практикой, и его значимости в системе других ландшафтных реалий. Среди важнейших выводов, к которым привели С.З. Чернова материалы опросов местных жителей, — идея об антропологичности русских средневековых сакральных ландшафтов: именно человек праведной жизни оказывается и «носителем живого чувства сакрального», и создателем сакральных ландшафтов, распознающим в качественно неоднородном пространстве священные места⁴⁶.

⁴³ См., к примеру, гл. 10 в: Калуцков 2008.

⁴⁴ Чернов 2005: 13–28.

⁴⁵ Понятие и термин «иеротопия» были сформулированы в 2001 г. А.М. Лидовым. Об этом см. подробнее в: Лидов 2006: 9–31.

⁴⁶ Чернов 2005: 28.

Почти одновременно с исследованиями С.З. Черновым исторических ландшафтов Московского края на северо-западе России А.А. Селиным было предпринято комплексное изучение исторической географии Новгородской земли в XVI–XVIII вв.⁴⁷ На материале южных уездов Водской пятины Новгорода удалось реконструировать структуру сельского расселения⁴⁸, выявить своеобразие церковного строительства⁴⁹ и, кроме того, проследить историю функционирования проходивших по территории указанных уездов магистральных дорог⁵⁰. Задаваясь вопросом о преемственности названий элементов ландшафта и — шире — поселений и понимая вероятность одновременного изменения значения этих реалий в культурно-хозяйственной деятельности населения, исследователь приходит к выводу, что в такой ситуации точно определить положение исчезнувших объектов помогут устные источники. Так, изучение местной устной традиции оказывается чуть ли не решающим при локализации определенных ландшафтных реалий, связанных с «Осударевой дорогой» из Архангельска к Ладожскому озеру, построенной в краткий срок в 1702 г. и почти так же быстро заброшенной⁵¹.

«Древние пути», исследуемые в работах А.А. Селина, вообще представляют особый интерес с точки зрения контекста их обустройства и забвения: все четыре магистрали Водской пятины (Ивангородская, Ореховская, Ладожская дороги и дорога из Ладоги в Орешек) существовали с момента присоединения Новгорода к Московскому государству, а с XVIII в. оказались заброшены. Восстановить хотя бы в основных чертах особенности их функционирования позволяет исследователю соотнесение различных групп данных, как то: писцовых книг, ревизий и актового материала, карт, описаний русских и иностранных путешественников XVII–XVIII вв. и данных натурных обследований. При этом особую роль в изучении древних заброшенных дорог как историко-географической реальности играют свидетельства современной устной традиции сельского населения⁵².

⁴⁷ В числе прочих работ исследователя см.: Селин 1995: 272–281; Селин 2003; Селин 2008: 333–350.

⁴⁸ Селин 1993: 189–203.

⁴⁹ Селин 1994: 218–231; Селин 1996б: 106–116.

⁵⁰ Селин 1996а.

⁵¹ Селин 2003: 9.

⁵² Селин 1998: 16.

От обычных дорог, связывавших между собой селения и отражавших ход внутренней колонизации, магистральные дороги отличались своим «государственным» происхождением, а следовательно, чуждой, не всегда понятной населению логикой видения пространства как бы извне. Видимо, поэтому они заняли совершенно особенное положение в представлениях местных жителей об окружающем ландшафте и, благодаря этому, запечатлелись в коллективной памяти даже ярче, чем утраченные дороги локального значения. Поэтому данные устной традиции во многих случаях оказываются единственным источником, позволяющим фиксировать трассу Ивангородской магистрали непосредственно в современном, реальном ландшафте⁵³. При этом немаловажен тот факт, что устные свидетельства часто выстраиваются вдоль трассы, точнее, вокруг неких расположенных на дороге доминант. И здесь обращение к устным источникам одновременно открывает возможность приближения к проблеме народного восприятия пространства, ведь в традиционных пространственных представлениях дорога и сопровождающие ее ориентиры играют значительную роль. В таких случаях, однако, историку следует быть осторожным при соотнесении услышанных сведений с конкретными реалиями трехсот-четырёхсотлетней давности, и необходимы личные полевые обследования.

В целом же А.А. Селин приходит вот к какому интересному наблюдению относительно устной традиции, связанной с древней Ивангородской дорогой: оптимальная сохранность этой традиции констатируется для тех районов, где существование магистрали прекратилось раньше. Исследователь объясняет эту особенность тем, что заброшенная дорога представляет собой необычное, редкое явление сельской действительности, между тем как используемая дорога естественна, привычна. Поэтому первая буквально врезается в память местного сообщества, порождает целый ряд преданий, а вторая, наоборот, выпадает из памяти, предания, к ней относящиеся, быстро забываются. Так, в той части, где Ивангородская дорога совпадает с современным шоссе Гатчина — Ополье, рассказов о ней удалось записать меньше. Конечно, на сохранность устной традиции, в добавок к этому, не малое влияние оказывают

⁵³ Селин 1996а: 4.

и перемещения населения. Но, что крайне важно, почти все зафиксированные исследователем предания помещают функционирующие «древнего пути» именно в те временные рамки, в которых оно происходило в действительности⁵⁴, а в некоторых случаях устные источники совершенно правильно указывают («угадывают», по выражению исследователя) последовательность возникновения Чащинского и Зверинского монастырей⁵⁵. Подобные наблюдения позволяют сделать А.А. Селину осторожный вывод о наличии определенной связи между степенью достоверности памяти о реальных личностях или событиях и силой воздействия, оказанного этими событиями на конкретные исторические территории.

Впрочем, конструирование исторической памяти в локальной традиции заслуживает отдельного исследования. Народному восприятию археологических памятников Новгородской земли: древних могильников и поселений — посвящен ряд работ А.А. Панченко⁵⁶. Будучи материальным свидетельством локальной истории, эти своеобразные элементы культурного ландшафта продолжают играть определенную роль в повседневности современных сельских жителей. На основании свидетельств устной традиции А.А. Панченко выделяет несколько вариантов сюжетов, или тематических циклов, выстраивающихся вокруг этих памятников археологии. В непосредственную связь с установленными типами рассказов исследователь ставит различные модулы проявляющегося в бытующих поверьях и совершаемых обрядах отношения к местам древних поселений и погребений. Далее он изучает особенности их вторичного ритуального использования и приходит к пониманию причин, по которым подобные локусы не выпадают из памяти местных жителей, даже если их первоначальное назначение совершенно забывается. В соответствии с народным видением пространства, некоторые ландшафтные объекты оказываются семиотически выделенными, поскольку именно они предоставляют возможность контакта с священным миром. Поэтому как бы ни

⁵⁴ Там же: 24.

⁵⁵ Там же: 25. Описание другого примера совпадений данных устной традиции с результатами классических исторических исследований см. в: Селин 1997: 120.

⁵⁶ Панченко 1995: 263–272; Панченко, Петров 1997а: 331–342; Панченко, Петров 1997б: 95–107; Панченко 1998б: 133–145.

перестраивалась коммуникативная структура между двумя мирами (от ее изменения как раз зависят и представления о конкретном элементе ландшафта, и относящиеся к нему ритуальные действия), точка их соприкосновения не смещается, медиативная роль таких локусов остается неизменной, постоянной.

По наблюдениям А.А. Панченко, вся область несказочной прозы проецируется на реальные ландшафтные объекты и таким образом создается особая модель пространства⁵⁷. Предания о деревенских святынях (священных камнях, родниках, деревьях, каменных и деревянных крестах)⁵⁸ не только помогают проследить картину почитания той или иной святыни на протяжении длительного времени и вплоть до наших дней⁵⁹, они становятся материалом для изучения сакрального ландшафта⁶⁰. Выстраиваемое по принципу междисциплинарности исследование синхронного среза этой составляющей традиционной культуры позволяет двигаться ретроспективно к более древним и менее документированным культурным пластам и ставить целью реконструкцию средневековых представлений о священных пространствах и их соотношении с другими элементами ойкумены, поселениями и земледельческими угодьями.

Феномен исторического ландшафта относительно недавно стал предметом специального научного интереса, поэтому вполне естественно внимание к нему различных дисциплин: каждая стремится занять в его исследовании некую нишу и, в меру своих возможностей, участвовать в заполнении возникающих на определенных этапах лакун. Представляется, что в изучении исторических ландшафтов своя ниша найдется и для устной истории. Полученные с помощью этого метода данные не всегда поддаются обоб-

⁵⁷ Панченко 1995: 270.

⁵⁸ Типология, функции и семантика деревенских святынь подробно представлены в: Панченко 1998а.

⁵⁹ О результатах междисциплинарных исследований культа каменного креста см.: Панченко, Селин, Яшкина 1997: 365–374.

⁶⁰ Или же рассматриваются в качестве особой системы, или иерархии, в культурном ландшафте. Пример подобных исследований см. в: Иванова, Калущков, Фадеева 2009; Калущков 2008. Ср. мнение Т.Б. Щепанской относительно святых мест как узловых точек системы организации территориальных связей («кризисной сети») в: Щепанская 1995: 110–176.

щению. Не в этом ценность устной истории и ее значимость в локальных исследованиях⁶¹. Одновременно дополняя, уточняя и корректируя полученные другими методами данные, свидетельства устной истории и устной традиции, передаваемой конкретным лицом, имеют индивидуальный характер, поскольку обращены к личному историческому опыту, в каждом случае они указывают на особые обстоятельства как определяющие в выборе решений и обладают ярко выраженной пространственной приуроченностью. Кроме того, они представляют собой уникальный культурно обусловленный источник, в числе прочего позволяющий проследить процесс придания значимости тем или иным элементам ландшафта. Поскольку образ окружающего пространства каждый раз конструируется в сознании представителей определенного поколения⁶², эти вновь создаваемые ментальные ландшафты, новые ракурсы, или, точнее, новые срезы ландшафта-палимпсеста, могут иметь множество значений. Соответственно, вероятно наличие не одного способа их интерпретации и сосуществование нескольких альтернативных источников осмысления их семантики, в числе которых и версии, выстраиваемые на основании устно-исторических данных.

За XX в. сельские ландшафты индустриально развитых стран претерпели, пожалуй, наиболее кардинальные из всех когда-либо происходивших с ними перемен. Поэтому устные свидетельства тех людей, которые помнят о ведении хозяйства до его масштабной механизации, являются крайне важными связующими нитями между настоящим и прошлым. Тщательно собранные и проанализированные, данные устной истории и устной традиции не только содержат свидетельства о прошлых ландшафтах как материальных объектах; но, что еще важнее, они дают возможность заглянуть за их видимые очертания и углубиться в вопросы о том, какими эти ландшафты представлялись жившим в них людям и почему.

⁶¹ Ср. в этой связи недавнюю работу Т.К. Щегловой (Щеглова 2008), где на основании устно-исторических данных прослежены региональные особенности изменения структуры сельского расселения в период коллективизации и послевоенной перестройки хозяйства.

⁶² Пример реконструкции образа окружающего пространства первопоселенцами см.: Граница 2005: 103–153.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Блок 1986 — *Блок М.* Апология истории, или Ремесло историка. М., 1986.
- Вайнтрауб, Чернов 1997 — *Вайнтрауб Л.Р., Чернов С.З.* В окрестностях Муранова. Археологические заметки // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1991. М., 1997. С. 401–412.
- Веденин, Кулешова 2004 — *Веденин Ю.А., Кулешова М.Е.* Культурные ландшафты как категория наследия // Культурный ландшафт как объект наследия / Под ред. Ю.А. Веденина, М.Е. Кулешовой. М.; СПб., 2004. С. 13–36.
- Веселовский 1945 — *Веселовский С.Б.* Топонимика на службе у истории // Исторические записки. М., 1945. Т. 17. С. 24–52.
- Глазунова 1999 — *Глазунова О.Н.* Терехово // Изучаем историю Москвы и Подмосковья. М., 1999. С. 143–147.
- Глазунова 2000 — *Глазунова О.Н.* Микротопонимы и примечательные места сел Гальчино, Купрово, Жизлово и Бартеньево // Макарьевские чтения. Можайск, 2000. Вып. 7. С. 669–691.
- Глазунова 2005а — *Глазунова О.Н.* Гидронимы окрестностей Ясной поляны // Русская усадьба. М. 2005. Вып. 11. С. 228–235.
- Глазунова 2005б — *Глазунова О.Н.* Цикл местночтимых пятничных праздников в округе средневековой Шерны // Археология Подмосковья. М., 2005. Вып. 2. С. 334–345.
- Граница 2005 — Граница и люди. Воспоминания советских переселенцев Приладожской Карелии и Карельского перешейка. СПб, 2005 (Studia Ethnologica, вып. 2).
- Дмитриева 2002 — *Дмитриева Л.М.* Онтологическое и ментальное бытие топонимической системы (на материале русской топонимии Алтая). Дис... д-ра филол. наук. Барнаул, 2002. С. 198–205.
- Доленга-Ходаковский 1819 — *Доленга-Ходаковский З.* Разыскания касательно русской истории // Вестник Европы. 1819. Ч. 107. № 20. С. 277–302.
- Иванова, Калуцков, Фадеева 2009 — *Иванова А.А., Калуцков В.Н., Фадеева Л.В.* Святые места в культурном ландшафте Пинежья (материалы и комментарии). М.: ОГИ, 2009.
- Калуцков 2008 — *Калуцков В.Н.* Ландшафт в культурной географии. М., 2008.
- Культура 2005 — Культура средневековой Москвы. Исторические ландшафты. М., 2005. Т. 3. Ментальный ландшафт. Московские села и слободы / Отв. ред. С.З.Чернов.

- Лидов 2006 — *Лидов А.М.* Иеротопия. Создание сакральных пространств как вид творчества и предмет исторического исследования // Иеротопия. Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси. М., 2006. С. 9–31.
- Микротопонимия 1967 — Микротопонимия: Материалы совещания / Отв. ред. О.С. Ахманова. М., 1967.
- Панченко 1995 — *Панченко А.А.* «Провалившаяся церковь»: археология и фольклор // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Мат-лы науч. конф. Новгород, 1995. Вып. 9. С. 263–272.
- Панченко 1998а — *Панченко А.А.* Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Запада России. СПб., 1998.
- Панченко 1998б — *Панченко А.А.* Народное восприятие средневековых погребальных памятников и проблема семиотики надгробия // Староладожский сборник. Мат-лы I-V конф. «Северо-Западная Русь в эпоху средневековья: междисциплинарные исследования». Старая Ладога, 1994–1998. СПб.; Старая Ладога, 1998. С. 133–145.
- Панченко, Петров 1997а — *Панченко А.А., Петров Н.И.* К вопросу о ритуальном использовании погребальных археологических памятников эпохи раннего средневековья // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Мат-лы науч. конф. Новгород, 28–30 января 1997 г. Новгород, 1997. Вып. 11. С. 331–342.
- Панченко, Петров 1997б — *Панченко А.А., Петров Н.И.* «Жальники» востока Новгородской области в современной сельской культуре // Дивинец Староладожский. Междисциплинарные исследования. СПб., 1997. С. 95–107.
- Панченко, Селин, Яшкина 1997 — *Панченко А.А., Селин А.А., Яшкина В.Б.* Почитаемое место у деревни Кашельково. Опыт междисциплинарного исследования местной святыни // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Мат-лы науч. конф. Новгород, 28–30 января 1997 г. Новгород, 1997. Вып. 11. С. 365–374.
- Селин 1993 — *Селин А.А.* Сельское расселение в Среднем Поореджежье в XVI–XVIII вв. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 1993. С. 189–203.
- Селин 1994 — *Селин А.А.* Об одном явлении в сельском храмовом строительстве XVI века (По материалам Новгородского, Копорского, Ямского и Ладожского уездов Водской пятины Новгородской земли) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 1994. С. 218–231.
- Селин 1995 — *Селин А.А.* Об одном малоизвестном территориальном делении Новгородской земли в XVI веке // Новгород и Новгород-

- ская земля. История и археология. Мат-лы науч. конф. Новгород, 1995. Вып. 9. С. 272–281.
- Селин 1996а — *Селин А.А.* Ивангородская дорога. СПб., 1996.
- Селин 1996б — *Селин А.А.* Посвящения сельских храмов Водской пятины XVI века // Первые Димитриевские чтения. Мат-лы науч. конф. 21–24 апреля 1996 г. СПб., 1996. С. 106–116.
- Селин 1997 — *Селин А.А.* Тесово и Тесовская волость: некоторые итоги изучения // Дивинец Староладожский. Междисциплинарные исследования. СПб., 1997. С. 119–124.
- Селин 1998 — *Селин А.А.* Историческая география Новгородской земли XVI–XVIII вв.: южные уезды Водской пятины. Автореф. дис... канд. ист. наук. СПб., 1998.
- Селин 2003 — *Селин А.А.* Историческая география Новгородской земли XVI–XVIII вв.: Новгородский и Ладужский уезды Водской пятины. СПб., 2003.
- Селин 2008 — *Селин А.А.* Итоги исследования Тесовского погоста в Водской пятине Новгородской земли // Сельская Русь в IX–XVI веках. М., 2008. С. 333–350.
- Тош 2000 — *Тош Д.* Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. М., 2000.
- Чернов 1987 — *Чернов С.З.* Комплексное исследование и охрана русского средневекового ландшафта (по материалам древнего Радонежского княжества). М., 1987.
- Чернов 1989 — *Чернов С.З.* Исторический ландшафт древнего Радонежа. Происхождение и семантика // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1988. М., 1989. С. 413–438.
- Чернов 1996 — *Чернов С.З.* Устная микропонимическая традиция центральной России: прошлое, настоящее, будущее. По материалам исследований 1993–1995 гг. на северо-востоке Московской области // Материалы для изучения селений Москвы и Подмосковья. Доклады и сообщения четвертой региональной научно-практич. конф. «Москва и Подмосковье». Москва, 20–21 декабря 1995 г. М., 1996. С. 191–194.
- Чернов 2000 — *Чернов С.З.* Исторический ландшафт окрестностей Троице-Сергиева монастыря и его семантика // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1999 г. М., 2000. С. 655–707.
- Чернов 2004 — *Чернов С.З.* Комплексные археологические и историко-ландшафтные исследования исторических территорий // Культура средневековой Москвы. Исторические ландшафты. М., 2004. Т. 1.

- Расселение, освоение земель и природная среда в округе Москвы XII–XIII веков. С. 17–27.
- Чернов 2005 — *Чернов С.З.* Сакральная топография Московской Руси в устной крестьянской традиции: освящение кладбища // Культура средневековой Москвы. Исторические ландшафты. М., 2005. Т. 3. Ментальный ландшафт. Московские села и слободы / [Отв. ред. С.З.Чернов]. С. 13–28.
- Чернов 2008 — *Чернов С.З.* Микрорегиональные исследования сельской Руси XIII–XVI веков как форма сопряженного изучения археологических и письменных источников: возможности, проблемы, перспективы // Сельская Русь в IX–XVI веках / Отв. ред. Н.А. Макаров, С.З. Чернов. М., 2008. С. 16–28.
- Чернов 2009 — *Чернов С.З.* О комплексных методах в русской средневековой археологии // Средние века. Исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени. М., 2009. Вып. 70 (3). С. 98–131.
- Чернов, Глазунова 2009 — *Чернов С.З., Глазунова О.Н.* Девичье поле и село Протопопово по данным устной топонимической традиции (исследования 1995 г.) // Коломна и Коломенская земля. История и культура. Коломна, 2009. С. 58–104.
- Щеглова 2008 — *Щеглова Т.К.* Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке. Устная история. Барнаул, 2008.
- Щепанская 1995 — *Щепанская Т.Б.* Кризисная сеть (традиции духовного освоения пространства) // Русский Север: к проблеме локальных групп. СПб, 1995. С. 110–176.
- Янин 1977 — *Янин В.Л.* Очерки комплексного источниковедения: Средневековый Новгород. М., 1977.
- Beck, Somerville 2005 — *Beck W., Somerville M.* Conversations between disciplines: historical archaeology and oral history at Yarrawarra // World Archaeology. 2005. Vol. 37. № 3. P. 468–483.
- Current British work 2008 — Current British work // Oral history. 2008. Vol. 36. № 2 (Connections). P. 10–11.
- David et al. 2004 — *David B., McNiven I., Manas L., Manas J., Savage S., Crouch J., Neliman G., Brady L.* Goba of Mua: archaeology working with oral tradition // Antiquity. 2004. Vol. 78 (299). P. 158–172.
- Dupré, Guillaud 1986 — *Dupré G., Guillaud D.* Archéologie et tradition orale : contribution à l'histoire des espaces du pays d'Aribinda, province de Soum, Burkina Faso // Cahiers ORSTOM, série Sciences humaines. 1986. Vol. 22 (1). P. 5–48.
- Echo-Hawk 2000 — *Echo-Hawk R. C.* Ancient history in the New World: integrating oral traditions and the archaeological record in deep time // American antiquity. 2000. Vol. 65. P. 267–290.

- Etou K.* Lieux sacrés et pratiques religieuses : des sources souvent négligées de l'histoire africaine. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://sourcesorales.sciencesconf.org/docs/00/00/03/76/Archive/Etou2.pdf>, свободный, 1.07.2011. — Загл. с экрана. — Яз. фр.
- Evans 1965 — *Evans G. E.* Ask the fellows who cut the hay. London, 1965.
- Field 1995 — *Field J.* English field names. London, 1995.
- Gant 1986 — *Gant R.* Oral history and local meteorology // Oral history. 1986. Vol. 14. № 2 (Museums and Oral History). P. 67–69.
- Gelling 1978 — *Gelling M.* The effect of man on the landscape: the placename evidence in Berkshire // The effect of man on the landscape: the Lowland Zone / Ed. by S. Limbrey, J.G. Evans. London, 1978. P. 123–125.
- Gelling, Cole 2000 — *Gelling M., Cole A.* The landscape of place names. London, 2000.
- Hussey, Thompson 2000 — *Hussey S., Thompson P.* The roots of environmental consciousness: popular tradition and personal experience. London, 2000.
- Juhé-Beaulaton D.* Récits de migrations et toponymes. Des sources orales pour une histoire de l'environnement (aire culturelle aja-fon — Sud du Togo et du Bénin). [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://sourcesorales.sciencesconf.org/docs/00/00/03/35/Archive/JuheBeaulaton.pdf>, свободный, 1.07.2011. — Загл. с экрана. — Яз. фр.
- Kakar 1995 — *Kakar S.* Leprosy in India: the intervention of oral history // Oral history. 1995. Vol. 23. № 1 (Health and Welfare). P. 37–45.
- Langlois O.* Historiens, les archéologues sont vos frères ! L'archéologie au service de l'histoire des sociétés des piémonts orientaux des monts Mandara (Cameroun). [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://sourcesorales.sciencesconf.org/docs/00/00/03/56/Archive/Langlois.pdf>, свободный, 1.07.2011. — Загл. с экрана. — Яз. фр.
- Lassina S.* Sources orales et archéologie autour des personnages historiques au Burkina Faso. Le cas de naaba Bilgo. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://sourcesorales.sciencesconf.org/docs/00/00/03/57/Archive/LassinaSimpore.pdf>, свободный, 1.07.2011. — Загл. с экрана. — Яз. фр.
- Mason 2000 — *Mason R. J.* Archaeology and native North American oral traditions // American antiquity. 2000. Vol. 65. P. 239–266.
- McDonald et al. 1991 — *McDonald D. J., Zimmerman L., McDonald A. L., Tall Bull W., Rising Sun T.* The Northern Cheyenne outbreak of 1879: using oral history and archaeology as tools of resistance // The archaeology of inequality / Ed. by R. McGuire, R. Paynter. Oxford, 1991. P. 64–78.

- Moshenska 2007 — *Moshenska G.* Oral history in historical archaeology: excavating sites of memory // *Oral history*. 2007. Vol. 35. №1 (War and masculinities). P. 91–97.
- Riley 2004 — *Riley M.* Ask the fellows who cut the hay: farm practices, oral history and nature conservation // *Oral history*. 2004. Vol. 32. № 2 (Memory and society). P. 45–53.
- Riley et al. 2005 — *Riley M., Harvey D. C., Brown T., Mills S.* Narrating landscape: the potential of oral history for landscape archaeology // *Public archaeology*. 2005. Vol. 4. P. 15–26.
- Rogers, Coble, Van Tilburg 1998 — *Rodgers B., Coble W., Van Tilburg H.* The lost flying boat of Kaneohe Bay: archaeology of the first US casualties of Pearl Harbour // *Historical archaeology*. 1998. Vol. 32. № 4. P. 8–18.
- Scott 2003 — *Scott D. D.* Oral tradition and archaeology: conflict and concordance examples from two Indian War sites // *Historical archaeology*. 2003. Vol. 37. P. 55–65.
- Stevenson 2001 — *Stevenson K. H.* Heritage under the ethnographic lens // *Cultural resources management*. 2001. Vol. 24. P. 3.
- Swidler et al. 1997 — *Swidler N., Dongoske K. E., Anyon R., Downer A. S.*, ed. Native Americans and archaeologists, Stepping stones to common ground. Walnut Creek, California, 1997.
- Tcham B.* La toponymie: sources de l'histoire du peuplement de l'Oti. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://sourcesorales.sciencesconf.org/docs/00/00/03/55/Archive/Tcham.pdf>, свободный, 1.07.2011. — Загл. с экрана. — Яз. фр.
- Tidjougouna L. B.* Tradition orale et archéologie comme sources de l'histoire africaine: le cas des Batammariba du nord-Togo. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://sourcesorales.sciencesconf.org/docs/00/00/05/02/Archive/Tdjougouna.pdf>, свободный, 1.07.2011. — Загл. с экрана. — Яз. фр.
- Vansina 1961 — *Vansina J.* De la tradition orale. Tervuren, 1961.
- Vansina 1985 — *Vansina J.* Oral tradition as history. 2nd ed. Wisconsin, 1985.
- Whiteley 2002 — *Whiteley P. M.* Archaeology and oral tradition: the scientific importance of dialogue // *American antiquity*. 2002. Vol. 67. P. 405–415.
- Working together 2000 — *Working together: native Americans and archaeologists*. Society for American archaeology / Ed. by K.E. Dongoske, M. Aldenderfer, K. Doehner. Washington, D.C., 2000.

Т.П. ГУСАРОВА

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ У МЕДИЕВИСТОВ МГУ

Аннотация: В статье рассмотрен многолетний опыт преподавания исторической географии на кафедре истории Средних веков и раннего Нового времени исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Практикуемый на кафедре комплексный подход к изучению исторической географии сочетает освоение общего курса с практическими занятиями, включает в себя элемент самостоятельной исследовательской работы студента, систематическое повторение историко-географической номенклатуры. Такой метод дает положительные результаты, помогая, наряду с другими специальными дисциплинами (историографией, источниковедением и т.д.) готовить и профессионального медиевиста, и специалиста более широкого профиля.

Ключевые слова: историческая география, кафедра истории Средних веков и раннего Нового времени, преподавание, методика.

География составляет неотъемлемую часть истории как цивилизационного процесса и, наоборот, историю невозможно представить себе без географии. По словам венгерского энциклопедиста XVIII в. Матяша Бела, «...со всей историей дело обстоит так, что без света географии и хронологии читатель слеп или, в лучшем случае, подслеповат»¹. Именно поэтому историческая география как непрменный элемент подготовки профессионального историка давно включена в учебный план исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Вопреки такой, казалось бы, очевидности, картина преподавания этого предмета на разных кафедрах не столь ясна и гармонична: далеко не все располагают учебниками или учебными пособиями по исторической географии, не выработаны — насколько

¹ Вак 1998. 77. 1.

это возможно при всем различии эпох и регионов — общие критерии и требования к учебному материалу, а также методики преподавания. Достаточно сказать, что при чтении «сквозного» курса по исторической географии для студентов отделения «Историко-культурного туризма» преподаватели истории древнего мира, средних веков, новой и новейшей истории действуют несогласованно между собой и в своих разделах снова и снова повторяют студентам общие сведения по исторической географии. Кроме того, значение исторической географии до сих пор не всегда оценивается должным образом, и при формировании учебного плана ей отводится место по остаточному принципу.

Дело не только в том, что сам предмет как таковой нуждается в более серьезных разработках. В общих курсах по истории исторической географии отводится роль не более чем иллюстративного приложения к основному историческому материалу. Недостает исторических карт и атласов. Интернет-ресурсы в этой области в неодинаковой степени доступны, да и далеко не все преподаватели хотят или могут подступиться к ним. Они предоставлены самим себе в овладении этими ресурсами, что само по себе при современных возможностях не так уж и проблематично. Более серьезная проблема связана с получением информации о различных существующих картографических программах, умением пользоваться хотя бы в общих чертах современными методиками составления карт, активным — с корректировкой — использованием имеющихся базовых картографических материалов. Техническое оснащение лекционных курсов, особенно общих, в этом плане далеко от совершенства не только из-за неодинаковой подготовленности (или неподготовленности) преподавателей, но и из-за элементарных технических и организационных несостыковок. Преподаватели явно нуждаются в обмене опытом, и даже (почему бы и нет?) в специальных курсах, хотя бы в рамках программ повышения квалификации.

Нельзя сказать, что всем этим проблемам не уделяется внимания: время от времени проводятся конференции по исторической географии, на которых ставится широкий круг научных и методических проблем. Но этого явно недостаточно для успешного развития исторической географии как раздела науки и предмета преподавания. В результате мы имеем меньше самостоятельных

научных исследований по исторической географии, чем можно было бы ожидать от современной исторической науки, а также явные изъяны и лакуны в знаниях студентов.

Что касается последнего, то слабым знаниям студентов по исторической географии способствует заметное понижение уровня преподавания географии в школе. Нередко среди абитуриентов, желающих стать историками, встречаются такие, которые не могут ответить на вопрос: куда впадает Волга? Вопрос о месте впадения Днепра или Дуная представляет еще большую сложность. А Апеннинский и Пиренейский полуострова вместе с Балканским настолько не существуют в сознании и географическом пространстве многих потенциальных историков и политологов, что сливаются в некую абстрактную доисторическую географическую общность до разделения континентов, локализация которой не представляется возможной. Что касается научных исследований в области исторической географии, всеобщая история, несмотря на имеющиеся яркие работы, в целом заметно уступает отечественной, что, в общем-то, вполне объяснимо.

Преподавание исторической географии в МГУ было введено в 1950-е гг. благодаря усилиям М.Н. Тихомирова. 1960-е годы были отмечены заметными успехами в развитии предмета. Два прекрасных медиевиста, один из которых представлял русистику (А.В. Муравьев), второй — западноевропейское средневековье (В.В. Самаркин), совместно подготовили и издали первое учебное пособие, посвященное исторической географии². С этого времени преподавание исторической географии прочно вошло в учебный процесс факультета. В 1973 г. А.В. Муравьевым уже совместно с русистами И.Д. Ковальченко и В.З. Дробижевым было подготовлено учебное пособие «Историческая география СССР»³. В 1976 г. В.В. Самаркин, незадолго до своей безвременной кончины, выпустил в свет учебное пособие «Историческая география Западной Европы в средние века»⁴. К сожалению, этими работами до сих пор ограничивается список учебных изданий нашего факультета по этому предмету. Историческая география в лучшем случае

² Муравьев, Самаркин 1973.

³ Муравьев, Ковальченко, Дробижев 1973.

⁴ Самаркин 1976.

включена как раздел в состав учебных пособий по вспомогательным историческим дисциплинам, но и это встречается не часто⁵.

Книга В.В. Самаркина — первое современное, написанное отечественным историком учебное пособие по западноевропейской исторической географии эпохи Средневековья. На русском языке ему предшествовала «Историческая география Европы» — переведенный и изданный в конце XIX в. труд немецкого ученого Э. Фримана⁶. Учебное пособие В.В. Самаркина я характеризую как «первое современное», потому что в отличие от Э. Фримана автор не ограничился традиционной для старых школ политической стороной исторической географии, а представил ее в соответствии с признанными сегодня разделами географии: политической, экономической, географией населения и т.п. Более того, в нем нашли место и сведения по географии средневековой церкви, культуры. В основу структуры книги был положен широко известный в Европе и в 1960–70-е гг. «суперсовременный» учебник Н.Дж.Г. Паундса⁷, что в то время, при ограниченных возможностях пользования западноевропейской научной литературой, безусловно, было особенно полезно для студентов. «Исторической географией» В.В. Самаркина до сих пор пользуются студенты-медиевисты как основным пособием при изучении предмета. Помимо него в качестве исходного базового материала, знание которого вместе с учебником составляет «букварь» медиевиста, используется «Атлас по истории средних веков», вышедший в «незапамятные времена» несколькими изданиями как пособие для учителей, подготовленный А.А. Левандовским под общей редакцией академика Е.А. Косминского⁸. Это высокопрофессиональная — в своем жанре — работа: несмотря на адресацию школьным учителям, атлас довольно подробно охватывает разные вопросы исторической географии: политические и государственные структуры, войны, народные движения, экономику, в том числе городскую и сельскую,

⁵ Абрамова 2008: 167–262.

⁶ Фриман 1892.

⁷ Rounds 1973. С той поры Н. Паундс неоднократно дорабатывал и переиздавал свой учебник, доведя повествование до Первой мировой войны. Последнее издание вышло в Кембридже в 1990 г. под названием «An historical geography of Europe».

⁸ Атлас 1955 и др.

а также торговлю, кроме того, культуру, передвижение народов, историю поселений и т.д. Этот атлас, на мой взгляд, занимает далеко не последнее место среди европейских учебных атласов своего времени, хотя его полиграфическое исполнение оставляет желать лучшего. В нашей стране до сих пор не появилось достойного ему конкурента, несмотря на бесчисленное множество школьных атласов по истории средних веков самого разного качества, как с точки зрения содержания, так и технических характеристик. Что же касается исторических атласов по истории зарубежного Средневековья и раннего Нового времени, которые на более высоком уровне подытоживали бы исследования специалистов историков и географов, то их на русском языке до сих пор нет.

Одной из причин того, что учебная литература по исторической географии западноевропейского средневековья, мягко говоря, медленно обновляется, можно считать то, что кафедра не располагает специалистами, в работе которых историческая география как учебный предмет совпадала бы со сферой научных интересов. Таким образом, для преподающего историческую географию эта сфера вторична, а предмет представляет не в малой степени дополнение к его основной нагрузке. Впрочем, та же сложность возникает в случае преподавания ономастики, генеалогии, метрологии, фалеристики, вексиллологии, эпиграфики и других вспомогательных исторических дисциплин, которые на кафедре истории средних веков включены в коллективный курс «Введение в специальность»⁹. Подобная ситуация характерна для всех кафедр факультета.

Преподавание курса «Исторической географии» предполагает постановку нескольких неоднозначных задач: с одной стороны, научных, с другой (конечно, в большей степени) — вполне прагматичных, учебных. В соответствии с общими задачами предмета, мы стремимся показать студентам неразрывную связь между сред-

⁹ Годовой курс «Введение в специальность» на кафедре истории Средних веков и раннего Нового времени включает в себя архонтологию, генеалогию, геральдику, картографию, метрологию, ономастику, нумизматику, фалеристику, вексиллологию, иконографию, хронологию. Он поддерживается учебным пособием «Введение в специальные исторические дисциплины» (Введение 1990), а архонтология — справочником «Властные институты и должности в Европе в Средние века и раннее Новое время» (Властные институты 2011).

невековой историей и географией в их эволюции. Будущему историку уже на этом этапе важно осознать значение этого фактора и научиться отражать его в исторических исследованиях. В ходе изучения исторической географии посредством локализации событий и явлений конкретизируются, акцентируются, выделяются некоторые стороны исторического процесса. Так, обращаясь к истории возникновения средневекового города, о чем студенты слышали на лекциях и читали уже на втором курсе, когда изучали историю западноевропейского Средневековья в целом, мы рассматриваем не столько причины (социальные, экономические, политические) этого явления, сколько его конкретные проявления и специфику в разных регионах в разное время, обусловленность географической средой. Поэтому, возвращаясь к уже ранее изучавшемуся материалу, студенты не только повторяют его, но видят и осмысливают по-новому, а также значительно пополняют багаж своих знаний.

На реализацию этих задач направлен, в первую очередь, лекционный курс. Он строится традиционно. Общий (вводный) раздел включает в себя рассмотрение предмета, задач, методов, источников исторической географии, истории ее развития, в том числе национальных школ, информацию о существующих сегодня наиболее значительных центрах изучения исторической географии. На примерах наиболее интересных историко-географических исследований (например, Ле Руа Лядюри, М. Блока¹⁰ и др.) показывается, каким образом могут конкретно соединяться методы исследования, принятые в географии, а также других областей естествознания (например, гляциологии, фенологии, палеоботаники) с одной стороны, и в исторической науке — с другой. К зачету, который подытоживает знакомство студентов-медиевистов с началами исторической географии, они должны прочесть некоторые из этих исследований. В этой части курса студенты знакомятся также с наиболее известными европейскими историческими атласами, чтобы иметь возможность обращаться к ним уже при написании работы по исторической географии.

Раздел физической исторической географии представляет наибольшую сложность для преподавания из-за состояния ее изу-

¹⁰ Ле Руа Лядюри 1975; Блок 1957.

ченности. Действительно, изменения географической среды не носили в историческую эпоху глобального характера, а на примерах более мелких периодов проследить их чрезвычайно сложно. Методик исследования географической среды отдаленных исторических эпох, в том числе и средних веков, недостает и у географов, доменом которых в большей степени является этот раздел исторической географии. Историкам работать также весьма затруднительно, поскольку письменные свидетельства, на основании которых можно было бы систематически изучать географическую среду, до Нового времени носят отрывочный характер. В результате не так уж много исследований написано по этому разделу, обобщающие карты практически отсутствуют, да и частные (по отдельным регионам на протяжении определенного периода) носят скорее эпизодический характер. В исторических атласах этот раздел исторической географии практически отсутствует. Все это отражается на изложении материала в лекционном курсе.

Большие возможности предоставляет раздел исторической географии населения. Особое внимание в лекционном курсе уделяется вопросам формирования этнической карты средневековой Европы. Миграционные процессы эпохи Великого переселения народов тесно увязываются с вопросами складывания государственных образований. Судьба сложных этно-политических комплексов рассматривается на протяжении веков, что помогает студентам понять истоки многих межгосударственных конфликтов Нового и даже Новейшего времени (таких, например, как франко-германские территориальные противоречия). Миграционные процессы и их последствия прослеживаются на протяжении всего Средневековья, а вместе с ними — изменения в этно-конфессиональной ситуации в разных регионах Европы (например, на Балканском полуострове и в Карпато-Дунайском бассейне). С миграциями в Средние века тесно связаны военно-колониационные процессы (такие как Крестовые походы в широком смысле слова), а также внутренняя колонизация, заметно изменившая не только картину хозяйственной жизни, но и этносоциально-демографическую ситуацию многих регионов.

Большие возможности предоставляет изучение исторической географии поселений, как городских, так и сельских. В курсе активно используются наработки в области топонимики, в которой

полнее раскрываются особенности возникновения поселений в Средние века, связанные с самыми разными факторами как географического, так и политического, социального, конфессионального, культурного характера. При изложении материала этого раздела очень помогает привлекаемый лектором иллюстративный материал, наглядно позволяющий проследить различия между поселениями разного типа в разных регионах Европы на протяжении веков, к тому же в их эволюции.

Историческая экономическая география — важная составляющая курса. В этом разделе особенно ярко проявляется связь природной среды и человеческого социума. Мы показываем, как менялась эта связь; как, благодаря инициативам отдельных индивидов и сообществ уменьшалась зависимость человека от природной среды, которая на ранних этапах выглядела всепоглощающей. Изучая экономическую историческую географию, студент-медиевист начинает понимать, что именно в Средние века были заложены основные черты современного аграрного пейзажа, и в немалой степени промышленного, а также хозяйственной специализации, и кроме того сети существующих сегодня городов и сельских поселений.

Большое внимание в курсе уделяется церковной исторической географии, которая по известным причинам до недавнего времени была слабым местом в наших учебниках и учебных курсах. Справедливости ради, следует отметить, что преподаватели кафедры, в том числе В.В. Самаркин, по возможности, старались преодолеть ограничения идеологического порядка и знакомили студентов с географией христианской церкви в Средние века. В настоящее время в рамках этого раздела студенты изучают церковно-административное деление в целом в Европе и по странам; географию миссионерства, особенно в раннее Средневековье; географию монастырей и монашеских орденов; географию паломничества (центры и пути паломничества). Особое место занимает география Реформации и Контрреформации.

Без иллюстративного материала курс исторической географии не может быть полноценным. Поэтому при подготовке лекции много времени уходит на поиски и приведение в соответствующий, пригодный для демонстрирования вид этого разнообразного и богатого материала: всевозможных карт, схем, художественных

репродукций, фотографий. В курсе находит применение и фотоматериал, специально отснятый мною в ходе поездок и путешествий.

Важная задача предмета — помочь студентам быстрее и полноценнее включиться в выбранную ими для курсовой и дипломной работы исследовательскую тему. Как правило, специализирующиеся на кафедре студенты выбирают ее уже в начале третьего курса и под руководством научных руководителей начинают осваивать: знакомятся с литературой, формируют источниковую базу, входят в проблематику. Один из первых шагов в этом направлении делается как раз в рамках курса исторической географии. Студенты-медиевисты подготавливают по исторической географии небольшую письменную работу, так или иначе связанную с их научными интересами. В зависимости от возможностей студента и его «продвинутости» в изучении темы, она может основываться как на источниках, так и на литературе. При этом использование литературы на иностранных языках не считается особой заслугой; это — норма. Сложился стандарт предъявляемых к такой работе требований. Она должна включать в себя карту, снабженную грамотной легендой, историческую справку-комментарий, список использованных источников и литературы. В случае, если работа охватывает продолжительный исторический период, за который изучаемое явление претерпело эволюцию, или рассматриваются разные стороны какого-нибудь исторического события или явления, составляется несколько карт, иллюстрирующих эти изменения. При составлении карт студенты все чаще прибегают к компьютерным картографическим программам. В тексте автор обязательно должен обосновать свое обращение к данной теме в историко-географическом аспекте, раскрыть методику работы с картой, критерии отбора сведений для нее из источников, литературы, имеющихся карт и атласов. Кроме того, пишется исторический комментарий, касающийся рассматриваемого вопроса. Обязательны выводы по работе с картой, сделанные студентом как историком. Выполнение такой работы является непременным условием получения зачета по предмету. Автор устраивает ее презентацию на одном из занятий, студенты обсуждают увиденное и услышанное. Подобная практика не только включает начинающего медиевиста в работу над будущим дипломом, но и активизирует его обращение к латинскому языку, а также к иностранной науч-

ной литературе. Это далеко не бесполезное занятие, учитывая то обстоятельство, что немало студентов таким образом вообще впервые обращаются к иностранной научной литературе. Нередко наработки, сделанные уже в этом студенческом, фактически первом, исследовании по специальности, в той или иной степени включаются в дипломное сочинение и, таким образом, не пропадают даром. Возможность публичного обсуждения работы развивает полемические возможности студента, учит его участвовать в дискуссии, наконец, увереннее чувствовать себя перед аудиторией.

Через мои занятия по исторической географии прошло немало интересных и познавательных студенческих работ. Назову для примера несколько из них: «Географический кругозор Лиутпранда Кремонского. Интеллектуал X в. и его «карта мира» (А. Ануфриева); «Центры паломничества в средневековой Франции» (Е. Приходько); «Процессии и поездки королевы Елизаветы I» (О. Мкртчян), «Передвижения короля Жауме I Арагонского и его двора (по материалам «Хроники Жауме I» (Л. Марченко), «Представления и знания англо-саксов о скандинавском регионе в правление Альфреда Великого» (Д. Сухино-Фоменко), «Итинерарий германского императора и венгерского короля Сигизмунда Люксембурга» (Н. Наумов) и др. Конечно, большинство работ не выходят за пределы учебных задач: на основе прочитанной литературы и привлекаемых исторических карт студенты составляют представление об административном (в том числе церковном) делении территории изучаемого ими государства в тот или иной исторический период, изменении его границ, расширении королевского домена, расположении торговых, культурных, религиозных центров и т.п. Среди таких работ можно вспомнить следующие: «Экономическая жизнь Португальской империи в конце XV–XVI вв.» (А. Русанов), «Центры историописания в Англии XII–XIII вв.» (В. Таубер), «Венецианская колониальная империя в период расцвета» (М. Рябова), «Эволюция церковно-административного деления во Франции» (О. Кравец), «Экономические связи Фризии в раннее Средневековье» (Г. Борисов) и др. Но и эти результаты приносят большую пользу в подготовке специалистов.

Третья важная задача курса — чисто техническая: активизировать и расширить элементарные знания студентов в области географии. Нередко даже студенты нашей кафедры что-то недоучи-

вают в школе или забывают то, что учили. Нередко, как я уже упоминала, школа недодает знания в области географии. Для заполнения этих лакун служит используемая в течение многих лет практика контрольных работ по исторической географии. В начале занятий студенты получают составленный мною список географических объектов физической географии отдельных регионов и стран, а также государственных образований в Европе в разные исторические периоды (королевства, крупнейшие герцогства, графства, виконства, архиепископства, епископства, владения республик и т.д., средневековые города). Перед каждым занятием они готовят одну из тем и в начале занятия пишут контрольную работу, суть которой состоит в том, чтобы на контурной карте локализовать эти объекты. Эта работа продолжается на протяжении всего семестра, в течение которого медиевисты изучают историческую географию. Студенты не сразу с охотой включаются в эту нудную, кропотливую работу, но со временем меняют свое отношение к ней. Уже от студентов-старшекурсников, аспирантов и даже выпускников я слышала отзывы о полезности для них такой тренировки. Я же считаю ее необходимой; и если только 50 % от выученного материала останется в памяти, можно говорить об оправданности этой методики.

Итак, практикуемый на кафедре истории Средних веков и раннего Нового времени комплексный подход к изучению исторической географии сочетает освоение общего курса с практическими занятиями, включает в себя элемент самостоятельной исследовательской работы студента, систематическое повторение историко-географической номенклатуры. Такой метод дает положительные результаты, помогая, наряду с другими специальными дисциплинами (историографией, источниковедением и т.д.) готовить и профессионального медиевиста, и специалиста более широкого профиля.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абрамова 2008 — *Абрамова Н.Г.* Историческая география России // *Абрамова Н.Г., Круглова Т.А.* Вспомогательные исторические дисциплины. М., 2008.

- Атлас 1955 — Атлас истории средних веков / Под общей ред. акад. Е.А. Косминского и доц. А.П. Левандовского. М., 1955.
- Блок 1957 — Блок М. Характерные черты французской аграрной истории. М., 1957.
- Введение 1990 — Введение в специальные исторические дисциплины / Отв. ред. Т.П. Гусарова. М., 1990.
- Властные институты 2011 — Властные институты и должности в Европе в Средние века и раннее Новое время / Отв. ред. Т.П. Гусарова. М., 2011.
- Дробижев, Ковальченко, Муравьев 1973 — Дробижев В.З., Ковальченко И.Д., Муравьев А.В. Историческая география СССР. М., 1973.
- Ле Руа Лядюри 1975 — Ле Руа Лядюри Э. История климата с 1000 г. Л., 1975.
- Муравьев, Самаркин 1973 — Муравьев А.В., Самаркин В.В. Историческая география эпохи феодализма (Западная Европа и Россия в V–VII вв.). М., 1973.
- Самаркин 1976 — Самаркин В.В. Историческая география Западной Европы в средние века. М., 1976.
- Фриман 1892 — Фриман Э. Историческая география Европы. М., 1892. Т. I–II.
- Bak 1998 — Bak B. Történeti földrajz // A történelem segédtudományai / Szerk. I. Bertényi. Budapest, 1998.
- Pounds 1973 — Pounds N.J.G. An historical geography of Europe. 450 DC – AD 1330. Cambridge, 1973.

Кендерова С., Стаматов А., Стоименов Д.
Атлас: Българските земи в средновековната арабическа картографска традиция (IX–XIV в.) / Под ред. С. Кендеровой и А. Стаматова. София: ТАНГРА ТанНакРа ИК, 2011;
Kenderova S., Stamatov A., Stoimenov D. Atlas: The Bulgarian Lands in Medieval Arabic Cartographic Tradition (9th – 14th Centuries) / Ed. by S. Kenderova, A. Stamatov. Sofia: TANGRA TanNakRa Publishing House, 2011. 336 с., илл., карты

Рецензируемая книга, подготовленная коллективом болгарских авторов — С. Кендеровой, А. Стаматовым и Д. Стоименовым, — является продолжением выпущенного в Болгарии в 2008 г. тома, посвященного изображению болгарских земель в европейской картографии III–XIX веков¹. Одновременно с этим авторы рассматривают ее как дополнение к опубликованной в 2000 г. хрестоматии «Арабские источники о болгарях»².

Под «болгарами» авторы понимают как дунайских, так и волжских и приазовских болгар (с. 15, 43³), благодаря чему помещенный в книгу картографический материал охватывает не только Балканский полуостров, как можно было бы подумать, глядя на ее название, но практически всю территорию Восточной Европы, что делает издание ценным источником и по отечественной истории. Хронологические рамки работы — от древнейшего упоминания этнонима *бурджан* в сочинениях арабских ученых ал-Фазари (VIII в.) и ал-Хорезми (первая половина IX в.) до конца XIV в., после чего «в результате завоеваний турок-осман в Азии и Юго-Восточной Европе болгары и часть арабов оказались в границах

¹ Атлас 2008.

² Заимова 2000.

³ Здесь и далее ссылки на страницы рецензируемой книги приведены в тексте.

одного государства — Османской империи, а Волжская Булгария была поглощена русской экспансией на восток» (с. 17)⁴.

Книга состоит из двух частей. Первая часть носит вводный характер, вторая содержит репродукции карт и аналитический комментарий к ним.

В первой части освещаются следующие вопросы: контакты болгар и арабов в Средние века (А. Стаматов, с. 13–17); общая характеристика арабской средневековой картографической традиции (А. Стаматов, с. 18–31); история болгар в картографических реконструкциях (А. Стаматов, с. 32–41). Этот небольшой вводный раздел, посвященный обзору древних и средневековых свидетельств о болгарях, призван создать необходимый контекст для рассмотрения арабских карт, содержащих упоминания о болгарях. Обзор последних дан в очерке С. Кендеровой (с. 42–75). Рассматривая упоминания о болгарях на картах мусульманских авторов, С. Кендерова анализирует их в связи со сведениями о болгарях, которые содержатся в сопровождающих эти карты текстах (с. 43). Этот подход к трактовке картографических изображений, безусловно, наиболее целесообразен, так как карта, с одной стороны, и текстовые данные — с другой, дополняют и уточняют друг друга.

Во второй части книги репродуцируются карты, сгруппированные по жанровым особенностям: карты математической школы арабских географов (Д. Стоименов, с. 79–95); карты, созданные в рамках так называемой «классической школы» арабской географии (Д. Стоименов, С. Кендерова, с. 97–137); карты ал-Идриси (С. Кендерова, с. 139–231); более поздние карты (Д. Стоименов, С. Кендерова, с. 233–293). Часть изображений составляют карты-реконструкции.

В рамках каждого раздела соблюдается строгая организация изложения материала: порядковый номер карты с отсылкой к странице, на которой она помещена; имя автора карты; название сочинения, к которому относится карта; указание на тип карты, ее датировку и место хранения; краткая историографическая справка с описанием содержания карты применительно к болгарам; основная библиография; в ряде случаев — болгарский и английский пе-

⁴ Справедливости ради следует отметить, что земли волжских болгар вошли в состав России только в XVI в., после захвата Казани в 1552 г.

реводы цитат из текстовой части сочинений, в составе которых находится карта (цитаты, к сожалению, приводятся без ссылок: см., например, сс. 82, 85–87, 90–92, 108–109, 120, 134, 146, 147–150, 151, 157, 162–167, 172–173, 176–177, 182, 188–189, 194–195, 205, 211, 225, 228, 230, 264, 271).

Раздел I, посвященный картам математической школы, открывается реконструкцией недошедшей до нас карты мира халифа ал-Ма'муна (813–833). О существовании этой карты известно по упоминаниям о ней у арабских географов X–XIV вв. ал-Мас'уди, аз-Зухри и Абу ал-Фиды. Реконструкцию карты выполнил еще в XIX в. польский востоковед И. Лелевель. На этой карте к югу от Дуная подписаны этнопоним *Borschan* (*бурджан*) и рядом с ним название одноименного города, который Д. Стоименов отождествляет с Плиской. К юго-западу от Константинополя имеется надпись *Ternaun*, которая, как полагают, была добавлена позднее и обозначает город Тырново, столицу Болгарии в XII–XIV вв. (с. 81–82). Д. Стоименов не высказывает никаких предположений относительно того, кто мог быть автором такой приписки, хотя ответ напрашивается сам собой. Ее мог сделать в первой трети XIV в. знакомый с картой ал-Ма'муна Абу ал-Фиды, который располагал сведениями об этом городе и оставил его описание в своем сочинении⁵.

Карта Дуная (ок. 845 г.) из сочинения ал-Хорезми приведена в реконструкции венгерского востоковеда К. Цегледи (с. 84). Карта мира 950 г. из «Посланий Чистых братьев», на которую нанесены названия волжских (*булгар*) и дунайских (*бурджан*) болгар, также дана в реконструкции (с. 86; автор реконструкции — Н. Kierpert).

В реконструкции И. Лелевеля даны также карта мира 1008 г. придворного астронома Фатимидов Абу ал-Хасана Али ас-Садафи (ок. 950–1009) (с. 88) и карта мира ал-Бируни 1030 г. (с. 91). Д. Стоименов полагает, что на карте ал-Бируни изображение Болгарии (*бурджан*), находившейся во время составления карты под византийским владычеством, как самостоятельного государства, свидетельствует о более ранних источниках карты (с. 90). Тот факт, что в астрономических таблицах того же ал-Бируни Дунай-

⁵ Géographie d'Aboulféda 1840: 215. Болгарский и английский переводы описания Тырново см. на с. 264 рецензируемой книги.

ская Болгария отнесена к Византии, Д. Стоименов никак не комментирует (с. 90), однако это расхождение, на наш взгляд, весьма симптоматично. Оно говорит об относительной независимости карт, с одной стороны, и текстовой части источника — с другой, как различных форм передачи географической информации.

Последней реконструкцией данного раздела является карта мира, составленная до 1261 г. персидским энциклопедистом и астрономом Насир ад-Дином Туси (1201–1274). Дунайские болгары на этой карте обозначены именем *бурджан*, которое нанесено рядом с наименованием Византии (с. 93).

Раздел II, посвященный картам «классической школы» арабских географов, открывает круглая карта мира ал-Балхи (составленная ок. 920–922 гг.) из коллекции Библиотеки Сюлеймание в Стамбуле (с. 100–101). На ней вдоль левого берега реки, соединяющей Каспийское море («озеро Табаристана») с Окружающим океаном, подписаны два этнонима — русы (*ар-рӯс*) и волжские булгары (*ал-булғар*; написание нечеткое). Ал-Балхи приписывается также карта из Библиотеки музея Топкапы в Стамбуле (с. 102–103), на которой к западу от Каспийского моря помечен город Булгар, а на северо-северо-запад от него, недалеко от реки Итиль, размещены русы. Составители отождествляют это упоминание о болгарях с приазовской ордой (с. 99).

Карты к сочинениям ал-Истахри представлены репродукциями десяти круглых карт мира из разных собраний, датируемых 930–933 гг. (с. 104–128). Карта мира из собрания Библиотеки Лейденского университета (с. 106–107) содержит наиболее раннее картографическое упоминания о болгарях, известное на сегодня. Оно относится, по мнению составителей, к приазовским булгарам, или «внутренним», в терминологии арабских авторов (с. 104). В дальнейшем на этом же основании термин «внутренние булгары», встречающийся на ряде карт, трактуется как относящийся к приазовским булгарам (с. 109, 132). Однако вряд ли следует столь однозначно подходить к атрибуции данного термина, поскольку «внутренними булгарами» в мусульманской традиции могли называться и дунайские, и волжские, и приазовские булгары⁶.

⁶ Golden 2011: 92.

Вызывает возражение и неоднократно встречающееся толкование этнопонима *Sarīr* как обозначения савиров (савири, *Savirs* — с. 109, 120, 128, 132, 135, 242, 275). Сарир — принятое в арабо-персидской историографии название государства, города и народа на территории горного Дагестана, образованное от титула *ṣāhib ac-Sarīr* («владелец трона») и связанное с легендой о переносе золотого трона сасанидских царей на Северный Кавказ⁷. Крайне маловероятно, чтобы этнопоним «Сарир», часто упоминаемый средневековыми арабо-персидскими авторами и именно в указанном значении, стал бы использоваться применительно к савирам, утратившим самостоятельное политическое значение еще в ходе борьбы с Тюркским каганатом в VI веке.

Помимо карт к сочинениям ал-Истахри, репродуцированы также карта 980 г. из музея Топкапы к сочинению Ибн Хаукала (с. 130–131), карта с изображением семи «климатов» 967 г. (с. 133) к анонимному сочинению «Книга формы земли», которое является сокращенной версией сочинения Ибн Хаукала (с. 132, 134), и недатированная круглая карта мира неизвестного автора из библиотеки Лейденского университета (с. 136–137).

Третий раздел книги посвящен картам ал-Идриси из его географического сочинения «Отрада страстно желающего пересечь мир» (1154 г.), а также из сокращенной версии последнего — «Сад приязни и развлечение души» (1161 г.). Публикуются четыре круглых карты мира ал-Идриси из собраний Бодлеянской библиотеки (с. 142–143, 152–153), библиотеки Кёпрюлю в Стамбуле (с. 144–145) и Национальной библиотеки Свв. Кирилла и Мефодия в Софии (с. 148–149).

Из секционных карт сочинения ал-Идриси репродуцированы все сохранившиеся карты 4-й секции V и VI климатов, 5–6-й секций VI климата и 6-й секции VII климата основного сочинения (с. 154–219). Некоторые карты публикуются впервые, в частности, карты указанных секций из манускрипта библиотеки Кёпрюлю (с. 164–165, 180–181, 196–197, 212–213, 216–217), карты 6-й секции VI–VII климатов Софийской рукописи (с. 214–215, 218–219).

Раздел книги, посвященный картам ал-Идриси, пожалуй, является наиболее разработанным по сравнению с другими, благода-

⁷ Бейлис 1963.

ря тому, что его автор — известный болгарский востоковед, профессор Стоянка Кендерова — является признанным исследователем сочинения ал-Идриси⁸. В аналитической части раздела помещены важные наблюдения о том, что на парижской карте 4-й секции V климата нанесено наибольшее количество топонимов из тех, что указаны в текстовой части сочинения (с. 163, 177); что на картах из Санкт-Петербурга, Оксфорда и Стамбула отсутствуют 12 топонимов (с. 157, 163), а на карте из Софии — 13 (с. 166). То же самое относится и к картам 4-й секции VI климата: на картах из Санкт-Петербурга, Оксфорда, Стамбула и Софии отсутствуют семь топонимов (с. 172–173, 176, 182), а на картах 5-й секции VI климата из Санкт-Петербурга и Оксфорда отсутствуют пять топонимов (с. 188–189).

Наблюдения над топонимической номенклатурой той или иной секционной карты ал-Идриси привели исследовательницу к выводу о том, что чем моложе рукопись сочинения, тем больше топонимов на ней отсутствует. Так, на самой молодой Софийской рукописи помимо 30 топонимов, отсутствующих также в Санкт-петербургской, оксфордской и стамбульской, не подписаны еще два, один топоним был нанесен позже, а еще для одного стоит лишь значок крепости (с. 198).

Сравнительный анализ секционных карт позволил заключить, что карта из библиотеки Кёпрюлю имеет много общего с картами из Оксфорда и Софии (с. 177, 210, 220); карты стамбульской рукописи имеют наибольшее сходство с картами из Оксфорда (с. 195), а по характеру изображения географических объектов карта 6-й секции VI климата из Бодлеянской библиотеки наиболее тесно связана с соответствующей картой из Санкт-Петербурга (с. 205). Любопытно и наблюдение о том, что на картах из Парижа, Санкт-Петербурга, Оксфорда и Стамбула населенные пункты помечены розетками или кружочками, а на Софийской карте использован способ, более характерный для средневековой Европы, когда символом населенного пункта был рисунок башни, крепости или какого-либо здания (с. 162, 166).

В книге опубликованы также карты 4-й секции V–VI климатов, 5–6-й секций VI климата и 6 секции VII климата из малоизу-

⁸ Кендерова 1986а; Кендерова 1986б; Кендерова, Бешевлиев 1990.

ченной сокращенной авторской версии «Отрады страстно желающего пересечь мир» по рукописи 1192 г. из библиотеки Сюлеймание в Стамбуле (с. 222, 227, 229). По наблюдению С. Кендеровой, во многих случаях можно заметить расхождение между положением населенных пунктов на этих картах по сравнению с картами к основному сочинению (с. 221).

Раздел IV посвящен разнообразным картам XII–XV вв. (Д. Стоименов, С. Кендерова, с. 234–293). Репродуцированы круглые карты мира Махмуда Кашгарского 1072–1076 гг. (с. 236–237), Ибн Са‘ида ал-Магриби 1274–1286 гг. (в копии 1570 г., с. 244–245), Анонима XIII в. из собрания библиотеки Лейденского университета (с. 247), Закарийи ал-Казвини второй половины XIII в. (с. 249, 251), ал-Харрани (ок. 1300 г.) (с. 260–261), Абу ал-Фиды (с. 263, в реконструкции И. Лелевеля), ал-Омари (с. 268), Ибн Халдуна (с. 272–273), три карты Ибн ал-Варди (с. 276–277, 291, 292–293). Специализированные карты представлены картой мира в виде полусферы Али Марвази первой половины XII в. (с. 241); двумя круглыми климатическими картами Закарийи ал-Казвини (с. 253, 255) и его же круглой картой морей (с. 257), а также круглой картой мира с изображением климатов 1339 г. Хамдаллаха Казвини (с. 266).

Для исследователей отечественной истории и истории Балтийского региона интересны анонимная круглая карта мира XIII в. из собрания библиотеки Лейденского университета (с. 247), круглые карты мира, климатов и морей Закарийи ал-Казвини (с. 249, 253, 255, 257), на которых фигурирует гидроним «Море варягов (*варанк*)», а также круглая карта мира египетского космографа ал-Харрани (ок. 1300 г.) из университетской библиотеки Эрфурта (Гота) (с. 260–261) с гидронимом «Море русов».

Несколько круглых карт мира, помещенных в разделе IV, публикуются впервые — это четыре карты мира Ибн ал-Варди (первая половина XV в.) из собрания библиотеки Сулеймания в Стамбуле (с. 280–283, 286–289).

Рецензируемая книга издана на двух языках — болгарском и английском, что существенно увеличивает круг ее читателей за счет лиц, не воспринимающих кириллицу. Издание рассчитано не только на специалистов, но и на широкий круг читателей. Вследствие этого в нем дана облегченная транскрипция арабских имен и

терминов. Исключение сделано для передачи имен авторов, названий сочинений и ряда терминов.

Книга великолепно иллюстрирована и выполнена на самом высоком полиграфическом уровне. Она оснащена хорошим справочным аппаратом: библиографией, хронологической таблицей, указателем имен собственных, географическим указателем, указателем этнических, племенных, династических и религиозных имен. Издание будет полезно не только арабистам, но и историкам картографии и географии, искусствоведам, специалистам по истории Средних веков.

И.Г. Коновалова

БИБЛИОГРАФИЯ

- Атлас 2008 — Атлас: Българските земи в европейската картографска традиция (III–XIX в.) / Съст. Д. Стоименов, консултант Панто Колев, под ред. на проф. Ал. Фол, проф. А. Стаматов. София: ТАНГРА ТанНакРа ИК; Държавна агенция «Архиви», 2008; Atlas: The Bulgarian Lands in the European Cartographic Tradition (3rd–19th Centuries) / Ed. by Al. Fol, A. Stamatov. Sofia: TANGRA TanNakRa Publishing House; State Agency «Archives», 2008.
- Бейлис 1963 — *Бейлис В.М.* Из истории Дагестана VI–XI вв. (Сарир) // Исторические записки. М., 1963. Т. 73. С. 249–266.
- Заимова 2000 — Арабски извори за българите / Съст. Р. Заимова. София, 2000.
- Кендерова 1986а — *Кендерова С.* Балканският полуостров в «Географията» на ал-Идриси // Библиотекар. 1986. Т. 33. № 1. С. 35–41.
- Кендерова 1986б — *Кендерова С.Т.* Сведения ал-Идриси о Балканах и их источники: Автореф. дисс. ...канд. ист. наук. Л., 1986.
- Кендерова, Бешевлиев 1990 — *Кендерова С., Бешевлиев Б.* Балканският полуостров изобразен в картите на ал-Идриси: Палеографско и историко-географско изследване. София, 1990. Ч. 1.
- Géographie d'Aboulféda 1840 — Géographie d'Aboulféda: Texte arabe publié d'après les manuscrits de Paris et de Leyde aux frais de la Société Asiatique par M.Reinaud et Mac Guckin de Slane. Paris, 1840.
- Golden 2011 — *Golden P.B.* Bulghārs // EI³. 2011. Vol. 1. P. 92–98.

Цымбурский В.Л. Конъюнктуры Земли и Времени. Геополитические и хронополитические интеллектуальные расследования / Ред.-сост. Г.Б. Кремнев, Б.В. Межуев. М.: Европа. 2011. 372 с.

Последняя книга В.Л. Цымбурского опубликована незаконченной: перед нами сборник замыслов и проектов (есенинских «прекраснейших мыслей и планов», вынесенных в эпиграф к Введению книги) одного из самых универсальных гуманитариев постсоветского времени. В.Л. Цымбурский умел выступать и в качестве лингвиста, и «исторического филолога», и геополитика (философа пространства), и политического публициста. Об этом много писали и рассказывали его разноцеховые коллеги, друзья и поклонники его текстов. Все они, от филологов-классиков до философов политики, сходились на необычайной разносторонности его интересов, качестве, сейчас почти утраченном большинством академических ученых, замкнутых в темницах своих специализаций.

В.Л. Цымбурский во всех своих ипостасях пытался найти «предельные познавательные возможности» гуманитарных наук, прежде всего, Истории и Филологии. Судя по его текстам, он умел прочитать мыслителей-классиков — Освальда Шпенглера, Арнольда Тойнби, Макса Вебера, Николая Кондратьева, Михаила Ростовцева не в качестве постылой дани абстрактной эрудиции, а как равный им мыслитель, готовый думать и спорить с этими мэтрами. Он не чурался внимательно читать современников, например, геополитиков Александра Дугина, Александра Неклессу и Станислава Хатунцева. На страницах его статей и заметок, которые составили его книги, строчки классиков Золотого и Серебряного веков русской поэзии соседствуют с цитатами из текстов молодых писателей современного фэнтези. В своих трудах Цымбурский выступает, прежде всего, как идеальный читатель беспредельной мировой библиотеки, читатель-соавтор, которого подра-

зумевал великий Джеймс Джойс, когда шестнадцать лет писал “Finnegans Wake”.

Стоит сразу предупредить всех будущих читателей «Конъюнктур», что рецензируемая книга должна читаться как вторая часть диалогии, первый том которой составляет монография «Остров Россия»¹. В противном случае, многие элементы размышлений автора останутся не понятыми.

В.Л. Цымбурский, как очевидно по итогам чтения основного корпуса его работ, все время старался работать в рамках двух направлений политической мысли — хронополитики и геополитики. В большинстве своих статей он старался реконструировать исторический контекст и выявить смыслы различных временных и пространственных феноменов, то есть занимался реконструкцией динамики пространственных структур России и окружающего мира. А это — непосредственный предмет исторической географии. Таким образом, мне представляется, что хронополитика и геополитика должны разрабатываться в том числе в дисциплинарных рамках исторической географии. Ведь для геополитики историко-географические изыскания суть *conditio sine qua non*. А фактический создатель хронополитики Фернан Бродель смог выдвинуть знаменитый основополагающий тезис о временах разной исторической длительности, только по итогам глобальных геоисторических (историко-географических) реконструкций.

Сейчас в России геополитика и хронополитика воспринимаются как специфические разделы политологии, недаром основные академические статьи исследователей этих двух направлений публиковались в журнале «Полис. Политические исследования». Сейчас очевидно, что акцент должен быть перенесен на «гео-» и «хроно-», а значит эти две субдисциплины должны вернуться под сень исторической географии. Думаю, именно, работы В.Л. Цымбурского играют свою не последнюю роль в постепенном возвращении признания прав классических гуманитарных наук истории, филологии и исторической географии на анализ «политического».

Очень характерно, что уже в подзаголовке книги возникает мотив *расследования* как образца стиля мышления. Идею анализа истории по приметам, следам, признакам или «уликаам» можно на-

¹ Цымбурский 2007.

звать моментом создания подлинной научной истории. Точно также идея анализа «симптома» болезни стала переломным моментом появления научной медицины и научной психологии². Исторический процесс оставляет следы и по следам познается, все остальное — «от Лукавого».

В основе работ В.Л. Цымбурского лежит амбициозный замысел новой после Освальда Шпенглера «морфологии истории»³. Морфологии, построенной на поиске и выявлении аналогий в историческом процессе, структурном анализе сходных явлений, реконструкции хронологии культурных изменений. То есть морфологии, которая должна создать основу для тотальных типологий исторических явлений. Цымбурский возвращается к историческим аксиомам Шпенглера: «средство для понимания живых форм — аналогия», «число форм всемирно-исторических явлений ограничено», «времена, эпохи, положения, лица повторяются как типы», «мир — это история» и т.д.⁴. Цымбурский язвительно замечает странную тенденцию сознательного, хотя и слабо мотивированного отказа современных историков от глобальных обобщений. Отказа, который, как он специально подчеркивает, доходит до абсурда отрицания таких явлений как «город»⁵ или «феодализм» вне Западной Европы (с. 18–19).

В центре книги проблемы геополитики как науки и искусства исторического и политического истолкования географии («географических образов») (с. 33). Проблемы понимания пространства как арены истории, проблемы истолкования геоэкономических возможностей и физических ограничителей исторического процесса, созданных реалиями географии. Цымбурский размышляет над наполнением пространства и времени событиями, их скоростью, их масштабом. Цымбурский — мастер поиска смысла в мельтешении событий, умелый строитель целостных интерпретационных моделей, старательный конструктор «машин объяснения».

Второй интеграл философии истории В.Л. Цымбурского сформирован идеями Фернана Броделя — ведущего представителя

² Гинзбург 2004: 189–241.

³ Докторская диссертация В.Л. Цымбурского должна была называться «Морфология российской политики» (с. 6).

⁴ Шпенглер 2009: 23, 26.

⁵ Цымбурский 2007а: 156–180.

так называемой «Школы Анналов» после Марка Блока⁶, — главным образом, идеей неоднородности исторического времени, асинхронности времени «исторического» и «астрономического», множественности одновременных явлений, переплетающихся в социальной реальности (с. 84). Благодаря этой мощной идее стал возможен, в частности, осмысленный анализ сложнейшего явления нашего времени — глобализации⁷. Цымбурскому она дает ключ для реконструкции кардиограммы исторических циклов, которые пришлись на наше время.

Третья интегральная часть методологии Цымбурского — морфология схемы принятия решения индивидом (с. 24–25, 320–345). Формализация самого загадочного элемента исторического процесса — человеческого поступка, конкретного «социального действия». Над этой проблемой много размышляли Макс Вебер, Михаил Бахтин, Карл Поппер, Толкотт Парсонс, Джордж Сорос и многие другие.

Книгу Цымбурского отличает очень привлекательная черта — готовность иронизировать над собой и другими. Так, «геополитик» Цымбурский честно называет геополитику «псевдонаукой», но «псевдонаукой серьезной», объединяющей в себе элементы научного, практического и интуитивного познания (с. 33, 136). Иронично звучат комментарии В.Л. Цымбурского по поводу «второго крещения Руси», которое он называет «контрреформацией», и оценивает, кажется, как преходящий изгиб нормального исторического развития (с. 18, 39). Здесь, видимо, снова просматривается влияние Бахтина, который сумел ярко показать, что ничто так не чуждо и не опасно для любой религии как снижение пафоса риторики клерикалов и высмеивание образов властей предрежущих⁸.

⁶ С легкой руки А.Я. Гуревича (Гуревич 1993: 112–134) Бродель был представлен в российской историографии как маргинал и ревизионист «новой исторической науки», вопреки которому «третье поколение школы “Анналов”» якобы вернулось к неким «изначальным принципам» Марка Блока и Люсьена Февра. Магистральная линия развития этой школы видится совсем иначе: «Анналы» первые (Блока и Февра) и вторые (Броделя) связывает живое преемство тематики и методов, а, главное, интерес к реальной истории. Время Броделя — высшая точка развития этой школы (см., например: Рохас 2006).

⁷ Богатуров, Виноградов 2002.

⁸ Бахтин 1965.

Публицист Цымбурский не может не заметить «инфляции квази-политического печатного листажа» (с. 34). Еще больше иронии досталось на долю «психоделики» на темы «имперского возрождения России», «третьеримовской псевдодержавности», «последних бросков» и «заморожок» (с. 143–145).

Из здравого смысла и иронии вырастает критика мечты о новом многополярном геополитическом раскладе, ясное осознание явной неспособности России к конкуренции на мировой арене после краха «полуторополярного» *Pax Americana*, которым балуют себя отдельные пропагандисты и публицисты (с. 15, 36, 94, 104, 108–109). Цымбурский готов трезво размышлять: готова ли наша страна к вызову реальной многополярности, реальной конкуренции с другими участниками Большой Игры мирового исторического процесса?

Целый раздел книги посвящен метаистории, попыткам прочитывать истолковать исторический процесс как своеобразный глобальный нарратив, всемирный роман Прошлого (с. 19, 24, 26–28, 346–370). Этот подход оправдан тем, что прошлое (объективная история) в памяти людей всегда сохраняется как некий сюжет, изложенный по законам определенного жанра. «Рассказанная история» в стиле «трагедия», «комедия», «сатира», построенная из ограниченного набора мотивов, конструирующих (архе)типические сюжеты. И, кажется, что этот паттерн восприятия изменить нельзя никакими сциентистскими ухищрениями. Недаром, структуральные и математические методы, призванные уничтожить доминирование нарратива в истории, оказались в итоге лишь инструментами изучения архитектоники текстов и генетики языков. Анализ «генеративной грамматики» структуры «Маленьких трагедий» А.С. Пушкина (с. 360–364), предложенный Цымбурским, можно отнести к классике метода структурализма, сопоставимый со знаменитыми “*Les chats*” Клода Леви-Стросса и Романа Якобсона⁹.

Сложно критиковать книгу, которая не была закончена автором, но любая критика — дань интереса и уважения. Попытка Цымбурского представить ключевой концепт своей геополитики «остров» как символ, «прафеномен» (О. Шпенглер) русской цивилизации мне видится как явная сверхинтерпретация, или, сверхспе-

⁹ Леви-Стросс, Якобсон 2000.

куляция (с. 57–58). Арабские сообщения об «острове русов»¹⁰, искаженно отображают реальность, слишком далекую хронологически от времени складывания российской цивилизации. Образ уцелевшей суши среди потопленного мира явно отсылает нас к еще библейскому, практически всеобщему, «культурному коду». Мотивы «острова» в русском классической, модернистской и постмодернистской прозе и поэзии периферийны, если не случайны. Социалистический изоляционизм и появление «архипелага ГУ-Лаг» — утопические политические проекты, не успевшие, очень хочется думать, стать стержнем нашей цивилизации. Дотягивать «Остров» до провиденциального «прасимвола» русской цивилизации исторически совсем не корректно.

Странным кажется сосредоточенность В.Л. Цымбурского на смысле концепта «суверенитет» (с. 174–318). Проблема определения смысла суверенности выглядит как бесцельное интеллектуальное упражнение на заданную политтехнологом Г.О. Павловским тему. «Суверенитет», вопреки нетривиальным усилиям Цымбурского, остается пустым идеократическим лозунгом, шаблоном дипломатического сленга, который может быть наполнен любым содержанием.

«Остров Россия» — яркий геополитический и литературный образ современности. Это геополитический и публицистический ответ интеллектуала на происходящее в его стране и мире. Это удачная попытка показать историческое значение Великороссии, продемонстрировать ее интегральную роль в создании российской цивилизации как таковой¹¹. Причем, эта попытка шла и идет вразрез с интеллектуальной модой отрицания примордиальной этничности как цивилизационного и культурного фактора, модой выдавать «этнос» за искусственно сконструированный фантом¹². Раньше Цымбурскому уже приходилось писать: «Мою модель обвиняют в “этноцентризме”». Но что делать, если в истории отнюдь не редкость цивилизации, ядро которых образуется из одной группы близких друг другу этносов (или даже субэтносов)? Кто усомнится, что ядро китайской цивилизации составляют китайцы? А ядро

¹⁰ Коновалова 2001; Коновалова 2011.

¹¹ Ср.: Милов 1998.

¹² См.: Соловей 2008.

древнеегипетской — древние египтяне? Подобные цивилизации не менее распространены в истории, чем полисоставные, такие как романо-германская или арабо-иранская. Можно определенно сказать: хотя Россия никогда не была “государством русских” ни в этнократическом смысле, ни в смысле государства-нации, она может быть непротиворечиво описана как геополитическое воплощение цивилизации, популяционным ядром которой были русские, независимо от их собственного этнического или субэтнического — как угодно — членения»¹³.

Послесловия к книге нет. Но лучшим эпилогом могут быть фрагменты его фактически предсмертного интервью, размещенного на сайте “Librarius”¹⁴.

А.С. Щавелев

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бахтин 1965 — *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и ренессанса. М., 1965.
- Богатуров, Виноградов 2002 — *Богатуров А.Д., Виноградов А.В.* Аклавно-конгломеративный тип развития. Опыт транссистемной теории // Восток — Запад — Россия. Сб. статей. К 70-летию академика Н.А. Симонии. М., 2002. С. 109–128.
- Гинзбург 2004 — *Гинзбург К.* Приметы. Уликовая парадигма и ее корни // Мифы — эмблемы — приметы. Морфология и история. М., 2004.
- Гуревич 1993 — *Гуревич А.Я.* Исторический синтез и Школа «Анналов». М., 1993.
- Коновалова 2001 — *Коновалова И.Г.* Состав рассказа об «острове русов» в сочинениях арабо-персидских авторов X–XVI вв. // ДГ. 1999 г. М., 2001. С. 169–189.
- Коновалова 2011 — *Коновалова И.Г.* К вопросу о географии Руси IX–первой половины X в. // ВЕДС. Ранние государства Европы и Азии: проблемы политогенеза. XXIII Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. М., 2011. С. 119–123.

¹³ Цымбурский 2007б: 186.

¹⁴ <http://librarius.narod.ru/personae/vltsy1.htm>

- Леви-Стросс, Якобсон 2000 — *Леви-Стросс К., Якобсон Р.* «Кошки» Шарля Бодлера // От структурализма к постструктурализму / Сост. Г.К. Костиков. М., 2000. С. 98–120.
- Милов 1998 — *Милов Л.В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998 (2-е изд. — М., 2006).
- Рохас 2006 — *Рохас К.А.А.* Критический подход к истории французских «Анналов». М., 2006.
- Соловей 2008 — *Соловей В.Д.* Кровь и почва русской истории. М., 2008.
- Цымбурский 2007 — *Цымбурский В.Л.* Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы 1993–2006. М., 2007.
- Цымбурский 2007а — *В.Л.* «Городская революция» и будущее идеологии в России // Цымбурский 2007. С. 156–180.
- Цымбурский 2007б — *Цымбурский В.Л.* Земля за великим лимитрофом: от «России-Евразии» к «России в Евразии» // Цымбурский 2007. С. 181–197.
- Шпенглер 2009 — *Шпенглер О.* Закат Западного Мира. Очерки морфологии мировой истории. М., 2009. Т. I. Образ и действительность.

Aiken E.J. Scriptural Geography: Portraying the Holy Land. London, New York: I.B. Tauris, 2010, xii + 244 p.*

Принятый отечественным академическим сообществом эссенциалистский подход к нашей дисциплине, помимо прочего, предполагает разделение и обособление исследовательских областей исторической географии и истории географии¹. Между тем, очевидно, что мейнстрим современной географии *per se* невозможно себе представить вне фукианской постмодернистской парадигмы с ее особенным политическим интересом к проблеме познания, формам и практикам репрезентации пространства. В этом смысле вполне типична книга Э.Дж. Айкена, географа из университета Квинс в Белфасте, выпущенная в историко-географической серии издательства “Tauris” в 2010 году.

Характерная манера номинации — книга называется в дословном переводе «Библейская география: Изображая Святую Землю» — позволяет отнести ее к разряду исследований, посвященных конструктивистским аспектам интеллектуальной истории конкретных регионов как единиц географической систематики, административно-политических и культурно-исторических феноменов. Теоретик исторической географии А. Бейкер в своей книге 2003 г. именовал такой жанр *histories of spaces*². Из представителей этого жанра отечественному читателю известна, например, работа

* В рамках библиографического обзора по проекту (грант Президента РФ МК-4785.2010.6.)

¹ Яцунский 1955: 7; Жекулин 1982: 15. См.: «В заключение остановимся вкратце на вопросе о взаимоотношениях исторической географии и истории географических открытий и путешествий. Несомненно, это две различные отрасли знания, причем географические открытия и путешествия относятся к истории географии».

² Baker 2003: 65.

Л. Вульфа³. Сам Айкен предпочитает говорить о генеалогии частной практики репрезентации пространства (“genealogy of a particular representational practice of spatial knowledge”, p. 2). С этой точки зрения библейская география трактуется как непрерывная традиция географических описаний Святой Земли (“ongoing project of textually portraying the geography of the Holy Land”, p. 17). Начало его датируется IV в., когда появляются первые экзегетические топографии, такие как «Ономастикон» Евсевия Кесарийского (313–325 гг.), и паломнические итинерарии (сообщения о паломничестве святой Елены 326 г.). Предметом основного интереса нашего автора является ключевой этап эволюции этой практики — XIX век, когда богословский жанр претерпевает под воздействием научного метода радикальные перемены.

В книге шесть глав. Первая посвящена краткому историческому очерку традиции описаний Святой Земли с IV по XIX вв. Мы должны отметить ее подготовительный статус: к примеру, беглая характеристика памятников ранней паломнической традиции проигрывает классическим работам в этой области, таким, как монографии Ханта и Уилкена⁴. Во второй и третьей главах работы дается описание авторской классификации жанра географических описаний Святой Земли, разработанной на британском материале XIX в. «Наша основная идея связана с тем, как менялась роль науки в библейской географии» (“My argument hinges around the changing role of science in Scriptural Geography”, p. 53), — пишет Айкен. В соответствии с этим корпус трудов этого периода подразделяется им, в зависимости от функции научного метода в повествовании, на три хронологически последовательных раздела.

1) *Учительная библейская география* (Didactic Scriptural Geography) — отрасль библейской географии, чей целью было ознакомление читающей публики с географической средой, на фоне которой происходит действие библейских историй. Айкен отмечает, что в период до 1850 г. в этой сфере доминировала натуральная теология. Авторы подобных сочинений, зачастую кабинетные ученые, никогда не посещавшие Палестину, использовали достижения географии своего времени, порой весьма некритично, в комплексе

³ Вульф 2003.

⁴ Hunt 1982; Wilken 1992.

с разнообразным набором других источников, лишь в иллюстративных целях, для пояснения смысла тех или иных мест Священного Писания.

2) *Пolemическая библейская география* (Polemical Scriptural Geography) возникла как жанр в ситуации позитивистского прорыва середины XIX столетия и последовавшего за ним духовного кризиса викторианского общества. В рамках этой модели, достижения современной науки, к примеру, германской школы библейской критики, данные археологии и этнографии, использовались географами-теологами в полемических и апологетических целях, для доказательства фундированности библейского текста. Пик наиболее ожесточенных подобных споров по вопросам библейской географии пришелся, как указывает Айкен, на 1850–1880 годы.

3) Последние два десятилетия XIX в. и начало XX в. явились временем оформления жанра *контекстуальной библейской географии* (Contextual Scriptural Geography). Отличием этого проекта от предыдущих была его нейтральность; авторы не предпринимали попыток отрицать или защищать претензии Библии на истинность, которые к тому времени были опровергнуты как наукой, так и некоторыми теологами. Их задачей была работа в условиях радикально изменившегося интеллектуального поля, они стремились показать, как новые открытия географии и смежных наук могут помочь читателю понять библейский текст.

В последующих трех главах производится анализ эпистемологических оснований библейской географии в каждый из периодов ее развития в XIX в. Специфика вышеописанных субжанров демонстрируется на примере биографий трех протестантских теологов, обращавшихся к очеркам географии Святой Земли. Третья глава посвящена жизни и работам шотландского священника Майкла Рассела (Michael Russell, 1781–1848). В изображении этого представителя *учительной библейской географии*, издавшего книгу «Палестина» (Эдинбург, 1831), и опиравшегося при создании своего труда только на письменные источники, Святая Земля оказывается продуктом редакции, текстуальной конструкцией, описываемой в категориях характерной ориенталистской этики (р. 87).

В четвертой главе рассматриваются труды и дни Джозайи Портера (Josias Leslie Porter, 1823–1889), ирландского ученого и миссионера, который издал свои очерки палестинской географии

(1887) по итогам десятилетия, проведенного им в сирийской миссии. Портер, представитель *полемической библейской географии*, несомненно, компетентный ученый-позитивист, но научный метод подвергается с его стороны некоторой редукции. Ограничения эти касаются в первую очередь вопросов веры и базируются на основаниях пресвитерианской теологии и шотландской философии здравого смысла (p. 121).

Весьма любопытной частью работы Айкена является очерк трудов Джорджа Адама Смита (George Adam Smith, 1856–1942), которому посвящена пятая глава. Этот шотландский теолог явился автором, пожалуй, самого популярного труда по исторической географии Палестины (первое издание — Лондон, 1894 г., 25 переизданий, на момент смерти Смита было продано свыше 35 000 экземпляров, p. 164). Айкен, развивая идеи Р. Батлина, определявшего метод Смита как *исследование географической среды*⁵, приводит его сочинение в качестве примера *контекстуальной библейской географии*. «Историческая география Святой Земли» представляла собой серию региональных характеристик. При создании этих очерков Смит демонстрировал эквивалентное мастерство как в области текстуальной библейской критики, так и в области географического описания».

Итоговая глава (заключение), к сожалению, не столь интересна, как некоторые из основных. По большому счету, здесь снова постулируется упомянутый конструктивистский подход (p. 189): «География есть научный проект <...> мы видели, до какой степени земли, по которым путешествовали наши авторы, и на которых они оттачивали свое научное мастерство, были сконструированными объектами (*constructed entities*), отражавшими реальность также, как отражают ее лабораторные модели и установки», и утверждается противоречивое многообразие «географий и методологий» (p. 195) порождавших то, что кажется единым жанром.

В заключении, как кажется, автором были упущены некоторые возможности концептуализации весьма обильного биографического и историографического материала.

Во-первых, переломные моменты развития британской библейской географии, несомненно, были связаны с учреждением

⁵ Butlin 1988. См. также труды И. Кэмпбелла: Campbell 2002.

важнейших колониальных институтов, что влекло за собой фундаментальные политические последствия. Замечательной в этом смысле является старая книга И. Бен-Арье «Новое открытие Святой Земли в XIX веке»⁶. Бен-Арье, чья работа была также посвящена главным образом географическим репрезентациям Палестины, описал процесс конструирования колониальной системы знания в этом регионе⁷. Подробный обзор полевых палестинских

⁶ Ben-Arieh 1979, 1989. См. также: Butlin 2001; Goren 2002; Shepherd 1987.

⁷ Ben-Arieh 1979: Приведем основные тезисы его работы. Рост европейской осведомленности о географии Святой Земли был связан с трансформациями административной структуры слабеющей Османской империи. Бен-Арье отмечал в течение долгого XIX века пять этапов нового открытия Палестины. Начало столетия (годы между вторжением Наполеона и египетским завоеванием 1831 г.), ознаменовалось началом научного исследования региона. Первые путешественники, такие как У.Г. Зеетцен и И.Л. Буркхардт, пробираются в Святую Землю тайком, переодевшись в арабское платье, но уже к концу второго десятилетия XIX в. подобные путешествия становятся частым делом, доступным обычному человеку (*ordinary man*, p. 59). В это время была издана первая современная (*modern*) карта Иерусалима (Ф.В. Зибер, 1818), первый карманный путеводитель по Палестине (Дж. Кондер, 1825). Второй этап, совпадающий с периодом египетского завоевания (1831–1840 гг.), отмечен возникновением сети особенно популярных районов, таких как равнина Акко или горы Иудеи. Устойчивость этих христианских маршрутов поддерживается режимом правления Ибрагим-паши, ограничивающего произвол местных шейхов. В то же время наиболее значительный библеист этого времени, Э. Робинсон, учитывая это обстоятельство, стремится пролагать маршруты своих экспедиций вне сложившейся «туристической» конъюнктуры. На третьем этапе (1840–1856 гг.), совпадающем с началом Танзимата, происходит превращение Палестины в страну массовой христианской проповеди и межконфессиональных конфликтов. Стремительный рост публикаций по географии Палестины отражает тенденцию к синтетическому описанию всего региона. Четвертый период (1856–1865 гг.) Бен-Арье именует временем значительных исследователей-одиночек, таких как Т. Тоблер, Г.Б. Тристрам, противопоставляя его эпохе организованных экспедиций, которая наступает в 1865 г., с учреждением Фонда Исследований Палестины (*Palestine Exploration Fund*). Бен-Арье ограничивается в данном случае периодом, когда британский фонд удерживал абсолютный приоритет в своих исследованиях. В 1877 г., когда британцы завершили географическое описание Западной Палестины, было учреждено Немецкое общество исследования Палестины (*Deutscher Verein zur Erforschung Palästinas*, 1877 г.), за которым последовало, например, русское Императорское Православное Палестинское общество (1882 г., далее — ИППО).

исследований, книга И. Бен-Арье должна быть прочитана как необходимый комментарий к очерку истории библейских географий, составленному Э.Дж. Айкеном. Очевидно, например, что такие труды по библейской географии, как «Историческая география Святой Земли» Дж.А. Смита, были невозможны без «инфраструктурных» сдвигов, происходивших в модернизируемой Палестине между открытием Суэцкого канала (1869) и строительством первой железной дороги между Яффой и Иерусалимом (1892). К сожалению, о технической стороне четырех экспедиций Смита в Святую Землю (1880, 1890, 1901 и 1904 гг.), о том, как финансировались, оснащались и сопровождалась эти важные путешествия, узнать из книги Айкена не представляется возможным⁸.

Во-вторых, исследование Айкена, сосредоточенное на персоналиях, многое теряет без основательного фонового очерка истории британских научных институтов и методологий, определявших специфические отношения богословского и светского дискурсов в библейской науке XIX в. Заслуживает дальнейшего внимания своеобразие интеллектуальной среды, продуцировавшей в этих условиях тексты по библейской географии.

В этом смысле может быть, например, интересен вопрос о том, применима ли таксономия, выведенная в работе Айкена, к отечественной дореволюционной традиции библейской географии? Трудно ответить на него, исходя только из «внутритекстовой» логики сочинений, входящих в этот корпус. Несомненно, на русском языке издавались труды по «учительной библейской географии», представленные, например, трудами М. Сибирцева или А.Ф. Соколова⁹. Однако определяющим, на наш взгляд, является предназначение этих книг: в этом варианте библейские географии представляли собой прежде всего учебные курсы, читавшиеся в духовных училищах и семинариях. При этом, источниковая база («отношение к современной науке») таких компендиумов могла быть разной: так, книга А.Ф. Соколова, впервые изданная в 1884 г., на двадцать лет позже труда М. Сибирцева, представляет собой список топонимов, гидронимов и оронимов, составленный почти

⁸ До некоторой степени эти вопросы решаются в монографии И. Кемпбелла. См.: Campbell 2004.

⁹ Сибирцев 1867; Соколов 1891.

исключительно с опорой на библейский текст, и содержащий лишь ту информацию, которую можно из него извлечь. Книга М. Сибирцева, преследуя ту же цель — пособия для правильного понимания Божественного Писания (с. i) — опиралась, кроме Библии и античных авторов, на широкий круг современных монографий, включавших «Естественную историю» Ж. Бюффона, «Начальные основания зоологии» М. Эдвардса и «Руководство к естественной истории» Г.П. Шуберта¹⁰.

Более сложен вопрос о возможности российских «полемической» и «контекстуальной» библейских географий. Первые пространственные отечественные сочинения XIX в., касавшиеся вопросов географии Палестины, появляются после заключения Адрианопольского мирного договора. Имеются в виду прежде всего паломнические записки А.Н. Муравьева и А.С. Норова, ставшие классическими палестинскими путеводителями, которыми пользовалось не одно поколение русских «поклонников» до начала XX в.¹¹. Научных задач как таковых эти сочинения перед собой не ставили, подчиняясь той же задаче пособия для чтения Священного Писания. При этом авторы сознавали актуальность обобщения опыта предшествующих паломнических путешествий, как русских, так и зарубежных, и, обращаясь к вопросам географии, вступали иногда с путешественниками былых времен в полемику, но довольно своеобразную¹².

¹⁰ Сибирцев 1867: 2. См.: «Какой обильный свет может проливать на св. Писание знание естественной истории, — это известно и несомненно. Если бы мы не имели никаких сведений в естественной истории востока, то нам решительно не был бы понятен истинный смысл многих мест в священных книгах; даже если бы мы знали словесный смысл, все-таки сила и выразительность речи, равно как подлинное и точное знаменование притчей и иносказаний ускользали бы от нас совершенно. Цель этого труда — сообщить сведения о тех предметах естественной истории, которые встречаются в Библии, — в той мысли, чтоб сведения сии могли служить к объяснению св. Писания».

¹¹ Муравьев 1848; Норов 1838.

¹² Норов 1838a: iii–iv. См.: «География и топография Палестины, в сравнительном отношении к тексту Священного Писания, доселе еще мало объяснены очевидцами. Я имел отчасти целию облегчить, в этом отношении, чтение многих мест Ветхого и Нового Заветов... Я тогда только пользовался указаниями путешественников, когда находил на месте, их показания, сход-

Вплоть до 1870-х – 1880-х гг. и времени основания Императорского Православного Палестинского Общества (1882) русская «научная» библейская география находилась в том же незавидном положении, что и библейская археология¹³. Пионером в обеих областях стал киевский профессор А.А. Олесницкий (1842–1907). Первый том его труда, резюмировавшего результаты командировки 1873–1874 гг. в Палестину, был посвящен археологии и топографии Иерусалима, второй — задумывался и как пособие для паломников, и как монография, ставившая перед собой задачи исторической идентификации археологических памятников Святой Земли¹⁴. Доказывая свои тезисы, автор прибегал к исторической топонимике, сравнивая, в духе Э. Робинсона, арабские и древнееврейские топонимы, проводил сопоставления между библейским текстом и памятниками разных районов Палестины. Что касается полемики с позитивизмом, то этот элемент в работах А.А. Олесницкого очевиден. Он, безусловно, был скептически настроен по отношению к Э. Ренану и только во втором томе указан-

ными с текстом Библии. Библия есть вернейший путеводитель по Святой Земле, и я считаю себя счастливым, что по большей части имел при себе во время пути только одну Библию».

¹³ Беляев 2003, 2007; Лисовой 2006. По словам Л.А. Беляева, «рудимент средневековой системы знания — Священная история — не мог быть адекватно воспринят рациональным научным позитивизмом, поэтому вся вообще история и археология Святой земли оказались в тени Священной истории. Та наука, которую в XIX в. называли передовой и прогрессивной, предпочитала в нее не вмешиваться» (Беляев: 2003).

¹⁴ Олесницкий 1878b: i, iii. См.: «...новым стремлениям образованного русского общества к ознакомлению со св. землею, в открывающийся период реформ во всех частях турецкой империи, этим новым стремлениям удовлетворить, хотя бы только отчасти и временно, до появления более специальных и обстоятельных руководств, издание предлагаемого сочинения имело первую и общую своею целью... Второй... целью издания настоящего сочинения было оказать некоторую услугу нашей библейской науке... священные книги ветхого завета полны конкретных представлений, которые могут быть понятны только по наложении их на те места, среди которых они возникли, на те вещественные образы, которые послужили для них канвою...наше исследование имеет полемический характер в видах защищения древнееврейских памятников от нападений отрицательной критики, сияющей низвести их к позднейшим временам и таким образом отнять у народа Божия сохранившиеся в Палестине его памятники».

ной монографии ссылался на мнение француза шесть раз, каждый раз с целью его опровержения. В этом смысле библейская география Олесницкого, действительно, «полемиическая», и отражает общие тенденции европейского востоковедения, инспирированные библейским гиперкритицизмом.

Но все же, ведь опрометчиво было бы делать, подобно Э.Дж. Айкену, из одной этой персональной картины выводы обо всем интеллектуальном контексте. Русская библейская наука до начала 1880-х гг. переживала свою провинциальность. Накануне основания ИППО В.Н. Хитрово, размышляя о православном присутствии в Палестине, с сожалением замечал, что единственными проводниками русского влияния на местное население являются простые паломники — «серые мужички и бабы», ходящие по Святой земле, «словно по любой русской губернии», в то время как и протестанты, и католики засылают туда одну за одной ученые экспедиции, в результате которых шагает вперед и библейская география¹⁵.

Последующие экспедиции и составленные по их итогам историко-географические работы А.А. Олесницкого, как и известные очерки библейской географии Н.А. Елеонского (1843–1910), должны рассматриваться как часть исследовательской программы ИППО, предполагавшей непосредственное и комплексное изучение Палестины, а также предусматривавшей активную пропаганду знаний о Святой земле в российском обществе. Книги Олесницкого публиковались в научном издании общества — «Палестинском Православном Сборнике», очерки Елеонского — в научно-популярной серии «Чтений о Святой Земле»¹⁶.

Как известно, члены ИППО в некоторой своей части сознавали ограничения, которые накладывал на исследовательскую про-

¹⁵ Хитрово 1881: 26–27, 42–43, 97.

¹⁶ Последние, несмотря на всю свою обстоятельность и современность аргументации, не включали в себя исследовательского компонента, оставаясь примером дидактической традиции. См.: Елеонский 1896б : vii: «Изложение географии святой земли имеет своею целию удовлетворение любознательности христианской, которой столь естественно желать познаний о стране, где многие места ознаменованы великими событиями и чудесами и освящены стопами Спасителя, Апостолов и Пророков. Описание святой земли может достигать и другой цели, именно — помогать при чтении священного Писания...».

грамму конфессионализм общества, и выступали за ее радикальную реформу (см. планы 1914–1915 гг. по созданию Комитета палестиноведения в Петрограде и Русского археологического института в Иерусалиме). Но однако же, к началу XX в. русские «поклонники» не получили даже слабого подобия того путеводителя, какой представляла из себя книга А. Смита¹⁷.

Ф.С. Корандей

БИБЛИОГРАФИЯ

- Беляев 2003 — *Беляев Л.А.* «Религиозная археология» в русской и зарубежной исторической науке // ППС. М., 2003. Вып. 100. С. 9–20.
- Беляев 2007 — *Беляев Л.А.* Традиция русских археологических исследований в Святой земле // ППС. М., 2007. Вып. 105. С. 43–56.
- Вульф 2003 — *Вульф Л.* Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения / Пер. с англ. И. Федюкина. М., 2003.
- Елеонский 1896а — *Елеонский Н.А.* Описание Святой Земли. 2-е изд. СПб., 1896. Вып. 1. Общее понятие о Св. Земле.

¹⁷ См. критические замечания, проходящие через всю книгу записок И.П. Ювачева о необходимости иметь ученый русский путеводитель по Палестине: «Если где особенно чувствуется потребность в указателе священных мест, так это именно здесь, на границах Самарии и Иудеи, где каждый холм, каждая долина, каждый камень могли бы поведать историю двух древних еврейских царств. Но вот тут-то меньше всего мы и слышим указаний на древний мир. А между тем в Иерусалиме, у инославных, прекрасно читаются лекции по палестиноведению, и они доступны также и для всех желающих православных. Я не хочу этим сказать, что нам, православным, надо иметь здесь на месте своего дипломированного ученого палестинолога. Вопрос не в ученой степени, не в дипломе, а в истинной любви и преданности к своему предмету. Перед нашими глазами в Иерусалиме есть отличный пример, как из простого столяра вышел серьезный любитель палестинологии, впоследствии признанный ученым миром, доктор *honoris causa* Тюбингенского университета. Я говорю про хорошо известного всем интересующимся древним Иерусалимом доктора Конрада Шика, или просто — фатера Шика (недавно, в декабре 1901 г., доктор К. Шик скончался на 80-м году своей жизни и после 55-летнего пребывания в Иерусалиме). От души пожелаем, чтобы и у нас нашлись свои русские православные Шики» (Ювачев 1904: 184).

- Елеонский 1896б — *Елеонский Н.А.* Очерки из библейской географии. Издание Императорского Православного Палестинского Общества. СПб., 1896. Вып. I.
- Жекулин 1982 — *Жекулин В.С.* Историческая география: Предмет и методы. Л., 1982.
- Лисовой 2006 — *Лисовой Н.Н.* Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX — начале XX в. М., 2006.
- Муравьев 1848 — *Муравьев А.Н.* Путешествие ко Святым Местам в 1830 году. 5-е изд. СПб., 1848. Т. 1–2.
- Норов 1838 — *Норов А.С.* Путешествие по Святой Земле в 1835 году. СПб., 1838. Т. 1–2.
- Олесницкий 1889 — *Олесницкий А.А.* Ветхозаветный храм в Иерусалиме // ППС. СПб., 1889. Вып. 13.
- Олесницкий 1895 — *Олесницкий А.А.* Мегалитические памятники Святой земли // ППС. СПб., 1895. Вып. 14.
- Олесницкий 1875, 1878 — *Олесницкий А.А.* Святая Земля. Отчет о командировке в Палестину и прилегающие к ней страны. 1873–1874. Киев, 1875, 1878. Т. 1–2.
- Сибирцев 1867 — *Сибирцев М.* Опыт библейско-естественной истории или описательное изложение библейской геологии, ботаники и зоологии. СПб., 1867.
- Соколов 1891 — *Соколов А.Ф.* Библейская география. Пособие к чтению Библии и изучению Священной Истории. 2-е изд. СПб., 1891.
- Хитрово 1881 — *Хитрово В.Н.* Православие на Святой земле // ППС. СПб., 1881. Вып. 1.
- Ювачев 1904 — *Ювачев И.П.* Паломничество в Палестину к Гробу Господню. СПб., 1904.
- Яцунский 1955 — *Яцунский В.К.* Историческая география: история ее возникновения и развития в XIV–XVIII веках. М., 1955.
- Baker 2003 — *Baker A.R.H.* Geography and History: Bridging the Divide. Cambridge, 2003.
- Ben-Arieh 1989 — *Ben-Arieh Y.* Nineteenth-century historical geographies of the Holy Land // JHG. 1989. Vol. 15. P. 69–79.
- Ben-Arieh 1979 — *Ben-Arieh Y.* The Rediscovery of the Holy Land in the Nineteenth Century. Jerusalem, Detroit, 1979.
- Butlin 1988 — *Butlin R.A.* George Adam Smith and the historical geography of the Holy Land: contents, contexts and connections // JHG. 1988. Vol. 14. P. 381–404.

- Butlin 2001 — *Butlin R.A.* Sacred and Contested Place: English and French Representations of Palestine in the Seventeenth Century // Place, culture and identity. Essays in Historical Geography in Honour of Alan H. Baker / Ed. by I.S. Black & R.A. Butlin. Les Presses de l'Université Laval, 2001. P. 91–131.
- Campbell 2002 — *Campbell I.D.* In search of the physical: George Adam Smith's journeys to Palestine and their importance // History and Anthropology. 2002. Vol. 13 (4). P. 291–299.
- Campbell 2004 — *Campbell I.D.* Fixing the Indemnity: the Life and Work of Sir George Adam Smith (1856–1942). Carlisle, 2004.
- Goren 2002 — *Goren H.* Sacred, but Not Surveyed: Nineteenth-Century Surveys of Palestine // Imago Mundi. 2002. Vol. 54. P. 87–110.
- Hunt 1982 — *Hunt E.D.* Holy Land Pilgrimage in the Later Roman Empire: A.D. 312–460. Oxford, 1982.
- Shepherd 1987 — *Shepherd N.* The Zealous Intruders: the Western Rediscovery of Palestine. New York, 1987.
- Wilken 1992 — *Wilken R.L.* The Land Called Holy: Palestine in Christian History and Thought. New Haven, 1992.

Gautier Dalché, Patrick. La Géographie de Ptolémée en Occident (IVe–XVIe siècle). Turnhout: Brepols, 2009. 443 p. (Terrarum Orbis. Histoire des représentations de l'espace: textes, images. T. 9).

Принято полагать, что «География» Клавдия Птолемея (II в.) не была известна Западной Европе до начала XV в., а ее перевод на латинский язык, осуществленный Джакопо д'Анджело около 1409 г., ознаменовал начало «научной» географии, характеризующейся, в частности, математическим познанием гомогенного пространства. В своей книге, посвященной рецепции «Географии» Птолемея от Античности до первой трети XVI в., П. Готье-Дальше, ведущий научный сотрудник французского Национального центра научных исследований и профессор историко-филологического отделения Практической школы высших исследований (Сорбонна), известный первоклассными публикациями многих средневековых географических текстов, оспаривает эти представления. Он возводит их к не вполне преодолённому прогрессистскому взгляду на историю географии и картографии как на постепенное приближение к «правильному» изображению мира, совпадающему с нашим пониманием правильности этого изображения. П. Готье-Дальше отказывается признавать за средневековьем особый способ восприятия, познания, описания и представления мира — «средневековый символизм», который было бы можно противопоставлять ментальности нового времени. Особой критике подвергаются историки карт. Дело в том, что карты в роскошных рукописях «Географии» являются притягательным объектом для поверхностного изучения и потому нередко привлекают публикаторов, не способных к анализу связанных с этими картами текстов. В лучшем случае плоды их труда — факсимильные издания с бесполезными предисловиями, в худшем случае выходят работы, полные «интерпретативного бреда» и карикатурных результатов. Подобной исто-

риографии автор противопоставляет анализ источника, основанный прежде всего на филологии и кодикологии.

Книгу П. Готье-Дальше можно разделить на две основные части — до первого перевода «Географии» на латинский язык и после. Но при этом автор убедительно показывает, что перевод д'Анджело вовсе не сыграл той революционной роли в научном познании географического пространства, которая традиционно приписывается этому переводу в историографии. Автор продемонстрировал последовательное накопление знаний о географическом пространстве, в том числе знаний о географических координатах, на протяжении всего Средневековья.

В ключевой главе первой части дается подробная сводка упоминаний «Географии» Птолемея на латинском Западе¹. О «Географии» было известно благодаря таким трудам, как «Гетика» Иордана и «Бракосочетание Филологии и Меркурия» Марциана Капеллы, которые в свою очередь многократно перерабатывались и цитировались. С XII в. «География» упоминалась в переводах с арабского, причем книга воспринималась как справочник по координатам. В XIII–XIV вв. распространилась практика вычисления координат в астрологических целях, в частности, для составления гороскопов. Паоло де Аббако высчитывал координаты городов, взятых с морских карт. Разрабатывались и идеи создания карты на основе координат (Роджер Бэкон). Таким образом, П. Готье-Дальше показывает, что математическая концепция гомогенного пространства появилась задолго до первого латинского перевода «Географии» Птолемея. Географические координаты уже входили в инструментарий астрономов-астрологов средневековья, которым для построения карт попросту не хватало географических объектов с выверенными координатами.

Однако первый латинский перевод, пестревший ошибками, не привнес и достаточного количества выверенных координат. Недостатки перевода препятствовали освоению теоретических положений «Географии» Птолемея и созданию новых карт на основе его метода. В течение всего XV столетия и позднее к картам птолемеевой «Географии» продолжали добавляться новые региональные карты, не основанные на птолемеевских принципах.

¹ Глава ранее публиковалась в виде отдельной статьи: Gautier Dalché 1999.

Дабы дистанцироваться от традиционной проблематики, П. Готье-Дальше запрещает себе использовать такие термины и выражения, как «традиция и новаторство», «мнимый» или «символический», «мифы», «сказки», «непоследовательность», «опыт», «эмпирическое знание». Материал, представленный в книге, и сделанные на его основе выводы убеждают в плодотворности такого запрета. Стремление избежать анахронизмов может показаться и чрезмерным. Автор настаивает на том, чтобы брать слово «projection» в кавычки, так как считает, что к птолемеевским картам этот термин для обозначения способа отображения сферы на плоскости не применим. По-видимому, автор ограничил применение этого термина строго математической картографией, однако определения истинной «проекции без кавычек» в книге не дается.

Продолжая спор с прогрессистской историографией и развивая идеи Х. Грессинга, М. Миланези, С. Джентиле², П. Готье-Дальше показывает, что в различных регионах Западной Европы уделялось внимание разным аспектам птолемеевского труда, не обязательно тем, которые ныне признаются основным вкладом в развитие научной географии и картографии. Флорентийские гуманисты, в кругу которых появился перевод «Географии» на латинский язык, не интересовались проблемой отображения сферы на плоскости. Их интерес к Птолемею основывался на филологических и антикварных соображениях. Задачей гуманистов было реконструировать античную эпоху, которой они восхищались, и труд Птолемея, предоставивший в их распоряжение полный каталог античных топонимов, прежде всего, был поставлен на службу исторической географии. Изучение филологических и топографических древностей и курьезов способствовало развитию исторической критики (Бьондо Флавио, Лоренцо Валла) и привело к важным политическим выводам (например, о подложности Константинова дара).

В Венеции, где в центре внимания были вопросы государственной администрации, торговли и мореплавания, «География» воспринималась иначе, нежели во Флоренции с ее риторически-литературной культурой. В частности, в Венеции было проявлено больше интереса к картографической технике и космографии, при-

² Grössing 1983; Milanesi 1984; Gentile 1992.

чем там распространилось мнение о взаимодополняемости различных способов картографического изображения. Так, Андреа Бьянко включил в свой атлас 1436 г. морские карты, круглую *mappa mundi* и птолемеевскую обзорную карту, которые не противоречили друг другу, но дополняли друг друга, помогая приблизиться к реальному отображению мира. По-видимому, и Фра Мауро выбрал круглую форму для своей карты не из-за ретроградства, а из-за невозможности применить птолемеевские принципы к негомогенному материалу.

По-иному усваивалось наследие Птолемея и в других регионах Западной Европы. В противоположность антикварным интересам флорентийских ученых, целью французского кардинала Гийома Фийастра было понять не античный, а современный мир. В географическом труде кардинала 1417 г. делается вывод об обитаемости всей сферы и судоходности всего океана. В переписанном для него экземпляре «Географии» (1427) дана аналитическая сводка старых и новых названий регионов, языков в регионах (что, по наблюдению П. Готье-Дальше, указывает на миссионерские задачи), и координат. В этой рукописи впервые к набору птолемеевых карт была добавлена карта северной Европы Клавдия Клавуса с координатами, хотя и не основанными на реальных измерениях.

Дополняя наблюдения Э. Гарина³, П. Готье-Дальше показывает, что ученые, проявлявшие интерес к собственно научной проблематике, к математическим и астрономическим аспектам «Географии», нередко руководствовались медико-астрологическими соображениями. Медиком и астрологом был, например, флорентинец Паоло Тосканелли, пытавшийся с помощью «Географии» лучше понять влияние небесного на земное. В «Географии», где «математически» соотносятся небо и земля, видели пособие по измерению влияния небесных тел на природу мест, что считалось в те времена важным как для медицинской практики, так и для предсказания будущего.

В середине XV в. авторитет Птолемея повысился и, в частности, укрепилось представлением о том, что «царь географов» является царем из династии Птолемеев. Вместе с тем открылась и возможность критики Птолемея. Споры о протяженности и пределах

³ Garin 2001: 40–67.

обитаемого мира, возникшие во время Флорентийского собора в связи с прибытием эфиопских монахов (1441), поставили вопрос о границах эрудиции великого географа.

К третьей четверти XV в. в творчестве Региомонтана был достигнут синтез филологических и математических программ изучения Птолемея. Региомонтан попытался прояснить математические и естественнонаучные аспекты «Географии» с помощью филологической критики, выявляя ошибки перевода д'Анджело. Как полагает П. Готье-Дальше, автограф основного труда Региомонтана об ошибках д'Анджело, хранящийся в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук⁴, заслуживает подробного сопоставления с изданием этого труда Виллибальдом Пиркхаймером в приложении к переводу Птолемея в 1525 г. Пока автор ограничился предварительными наблюдениями, основанными на опубликованных описаниях рукописи и на ее фотокопии.

Завершить новый перевод «Географии» Региомонтан не успел. Читая книгу П. Готье-Дальше, поражаясь, сколько невыполненных и отложенных планов связано с «Географией», когда за изучение и издание этого труда брались незаурядные люди. Так, трехязычное издание «Географии» задумывал Конрад Цельтис. В Венеции Паоло Канал предпринял новый перевод с греческих рукописей, в 1506 г. получил привилегию на печатание этого перевода, но вскоре умер в возрасте 27 лет от изнуривших его трудов. В новейшее время судьба «Географии» также была нелегкой. Когда совсем недавно появилось полное критическое издание труда, первое за более чем 160 лет, многие испытали то же чувство, что и российский рецензент, который начал свой отзыв с восклицания «наконец-то!»⁵.

Менее тщательные предприятия достигали быстрого успеха. Экспансия гуманистической культуры, нацеленной на просвещение аристократии, способствовала возникновению моды на тома «Географии» с картами. Популяризации «Географии» очень способствовал печатный станок, особенно большую роль сыграли ульмские издания 1482 и 1486 гг. Появляется новая мотивация для изучения «Географии»: книга была признана необходимой для формирования практика-администратора.

⁴ СПФ АРАН, разр. I, оп. 1, д. 937.

⁵ Ptolemaios 2006; Подосинов 2008: 218.

К концу XV в. умножаются ссылки в разных текстах, «География» Птолемея становится обязательным контекстом для рассуждений о древнем и современном пространстве, знаком триумфа гуманистической культуры. Происходит «банализация» птолемеевского образа мира, карта Птолемея оказывается ментальной картой западных европейцев. П. Готье-Дальше приводит примеры использования птолемеевской карты для иллюстрации не-птолемеевских рукописей, где она вытесняет карты типа Т-О.

К началу XVI в. все насущнее становилась необходимость модернизировать птолемеевский образ мира, учитывая результаты географических открытий, что привело и к более глубокой критике птолемеевских карт. Новый перевод, выполненный Виллибальдом Пиркхаймером и изданный в Страсбурге в 1525 г., соединил филологическую тщательность и математическую компетентность. «География» Птолемея наконец была понята, и тем самым, как показывает П. Готье-Дальше, преодолена: триумф «Географии» Птолемея способствовал ее архаизации, превращению в памятник древней географии.

Как и все тома серии “Terrarum Orbis” (выходящей под общей редакцией автора данного тома), книга прекрасно оформлена и иллюстрирована. Два указателя, рукописей и именной, делают книгу новейшим справочником по географической литературе и картографии позднего Средневековья и начала Нового времени.

Л.С. Чекин

БИБЛИОГРАФИЯ

- Подосинов 2008 — *Подосинов А.В.* Рецензия // ВДИ. 2008. № 1. С. 218–222.
- Gautier Dalché 1999 — *Gautier Dalché P.* Le souvenir de la Géographie de Ptolémée dans le monde latin médiéval (VIe–XIVe siècles) // *Euphrosyne*. 1999. T. 27. P. 79–106.
- Gentile 1992 — *Gentile S.* Firenze e la scoperta dell'America: Umanesimo e geografia nel '400 Fiorentino. Firenze, 1992.
- Garin 2001 — *Garin E.* Ritratti di umanisti. Sette protagonisti del Rinascimento. 2 ed. Milano, 2001.

- Grössing 1983 — *Grössing H.* Humanistische Naturwissenschaft: Zur Geschichte der Wiener mathematischen Schulen des 15. und 16. Jahrhunderts. Baden-Baden, 1983.
- Milanesi 1984 — *Milanesi M.* Tolomeo sostituito: Studi di storia delle conoscenze geografiche nel XVI secolo. Milano, 1984.
- Ptolemaios 2006 — Ptolemaios Handbuch der Geographie / Hrsg. von A. Stückelberger, G. Graßhoff. Basel, 2006.

O'Loughlin Th. Adomnán and the Holy Places. The Perceptions of an Insular Monk on the Locations of the Biblical Drama. London, New York: T&T Clark, 2007. 348 p.*

Книга ученого из Лампетерского университета в Уэльсе является первой специальной монографией, посвященной одному из весьма ранних западноевропейских свидетельств о Святой Земле. Трактат ирландского клирика Адамнана «О святых местах» датируется 679–688 гг. (р. 6) и представляет собой рассказ о Палестине, записанный со слов галльского епископа Аркульфа, по воле кораблекрушения оказавшегося в пределах монашеской обители святого Колумбы на острове Иона, где Адамнан был аббатом.

О'Ллахлин впервые обратился к тексту “*De locis sanctis*” (далее — DLS) два десятилетия назад, предполагая пересмотреть некоторые презумпции восприятия этой работы, которая традиционно рассматривалась исследователями как (1) непосредственное свидетельство путешественника, (2) памятник паломнической литературы, соответствующий канону этого жанра, (3) книга, записанная Адамнаном под диктовку Аркульфа, (4) достоверное описание Палестины времени арабского завоевания и т.п. (р. xiv). Работы Т. О'Ллахлина, посвященные ревизии этих представлений, были опубликованы рядом ведущих журналов по истории средневековой Ирландии (“*Peritia*”, “*Ériu*” и др.) и составили основание рецензируемой монографии. Комментарии О'Ллахлина к Адамнану, касающиеся в первую очередь теологического измерения средневековых представлений о пространстве, кроме всего прочего, есть пример археологии географического знания, аналитического прочтения тех «непрозрачных» для современника практик, которые лежат в основании известной нам географической науки.

* В рамках библиографического обзора по проекту (грант Президента РФ МК–4785.2010.6.).

Первая глава монографии посвящена обстоятельствам, существенно осложняющим литературный контекст трактата. Адамнан, который по установившейся привычке считается, в случае с DLS, лишь скромным переписчиком и смиренным ретранслятором чужого паломнического опыта, был на деле искусственным автором, прежде всего, законодателем (древнеирландский трактат *Cáin Adomnáin* или *Lex Innocentium*, 697 г.) и ученым агиографом (*Vita Columbae*, 700 г.). Отталкиваясь от этого факта, О'Лахлин выдвигает основную гипотезу: трактат DLS, не будучи простым воспроизведением опыта конкретного паломничества, был ориентирован на решение экзегетических задач, толкование темных мест Священного Писания (р. 7). Адамнан, таким образом, явился представителем топографической традиции библейской экзегезы, восходящей к Иерониму, Феодосию и Евхерию. Оригинальность его труда заключается не в тех сведениях о Палестине, что он сообщает читателю, но в том, что он использует сакральную топографию как метод решения экзегетических проблем (р. 14).

Вторая глава книги призвана определить жанровый контекст сочинения. Тенденция рассматривать сакральную топографию Палестины в качестве ключа к пониманию смыслов Священного Писания возникает раньше, нежели традиция христианского паломничества к Святым местам, оформление которой относится к IV в. Рассказ Аркульфа, таким образом, нельзя отнести ни к жанру паломничеств (*episcopus gente gallus* нигде не называет себя паломником), ни к жанру итинерариев, ориентированных на описание непосредственного опыта путешествия. Целесообразнее понимать DLS как наставление в экзегезе (*exegetical manual*). Этот жанр восходит к трактату Августина «О христианском учении» (*De doctrina christiana*, 397, 426 г.), где было сформулировано учение о знаках (*signa*), исследование которых способно открывать истинные смыслы библейского текста. В этой связи, считает автор, необходимо отказаться от бытующих в историографии представлений о маргинальном, вспомогательном и антикварном статусе подобной топографической литературы, которой принадлежало в средневековой теологии совершенно иное, едва ли не центральное место (р. 39). Именно экзегетические труды Августина, по мнению автора, были главным источником вдохновения для Адамнана при создании DLS.

В последующих главах демонстрируется специфика экзегетического метода. Прежде всего, О'Лахлин подвергает сомнению «гипотезу об Аркульфе», отводя последнему роль авторского приема, который Адамнан использовал для достижения экзегетических и герменевтических целей. Доказать существование Аркульфа проблематично, но он был необходим Адамнану как *peritus locorum*, авторитетом очевидца разрешающий противоречия священных текстов, связанные со святыми местами. Топографические познания, вливаемые в уста Аркульфа, не отражают непосредственного опыта, но восходят к текстам других библейских комментаторов и экзегетов. Именно священные тексты и комментарии на них, в отличие от впечатлений весьма гипотетического паломничества, формируют сюжет нарратива. Иногда Аркульф не видит того, что должен увидеть: описывая пещеру Махпелу, Адамнан посвящает много времени парафразу Августина, но ни словом не упоминает о монументе времен Герода Великого, который окружает гробницу патриархов; Аркульф, вероятно, не замечает, а Адамнан не осознает конфликта между сарацинами и христианами, считая первых разновидностью вторых, и полагая, что Святая Земля продолжает оставаться христианской (р. 168–175).

Особенный интерес с точки зрения истории географии представляет собой глава 7. Восходящий ко множеству других текстов и экзегетический по своему методу, трактат Адамнана едва ли может быть полезен как источник сведений о реальной географии Палестины VII в. Вместе с тем, исследование этого текста способно пролить свет на то, как представляли себе мир ирландские монахи, жившие на отдаленном острове. Для реконструкции космологических и географических представлений автора DLS Т. О'Лахлин прибегает к методу ментальных карт. Под ментальными картами им понимаются, во-первых, обобщенные представления о географическом пространстве, возникающие вследствие экстраполяции картографических образов на внешнюю реальность, во-вторых, пространственные метафоры, которые используются для выражения политических и религиозных идей (р. 147–148). Далее автор, которому круг чтения Адамнана известен в деталях (см. приложение 6, каталог книг, предположительно хранившихся в монастырской библиотеке Ионы), рассматривает те карты, которые, вероятно, служили ирландскому аббату источни-

ком базовых географических знаний, анализирует влияние этих схем на текст DLS. Такова Т-О карта, восходящая к трактату Исидора «О природе вещей» (*De natura rerum*, ок. 612 г.) именно ее использованием объясняется алогичный с точки зрения современной карты маршрут путешествия Аркульфа. Другой пример — трехчастная географическая структура апостольской проповеди из «Деяний», по мнению автора, определяющая трехчастную структуру DLS (Иерусалим / Палестина и Египет / Константинополь и Сицилия).

Резюмируя, следует отметить, что значение работы отнюдь не ограничивается деконструкцией «экзегетического» сюжета DLS; не менее интересны сквозные сюжеты, посвященные литургической практике ирландской монашеской общины, влиянию DLS на последующих христианских писателей, в частности, интеллектуальным связям между трудами Адамнана и Беды Достопочтенного. Но, несомненно, главное обаяние этой книги связано с той впечатляющей картиной воображаемой Палестины, которую автор, комментирующий Адамнана, приоткрывает нашему взгляду. «Как же Адамнан, будучи экзегетом, представлял себе Палестину? По всей видимости, Палестина — это пространство, в котором, посредством изучения его топографии, мест и их взаимного расположения, мы имеем возможность обрести знание, способное помочь нам в решении главной духовной задачи — задачи толкования Священного Писания, о которой писал Августин в «Христианской науке». <...> Подобно современному туристу, который ищет в новой для него стране только те места, которые заранее известны ему по путеводителям как туристические аттракционы, паломник или ученый, обращающийся к Палестине, видел только то, что текст делал значительным <...> Адамнана в основном интересовала уже известная ему Палестина, а не территории на восточном побережье Средиземноморья... его «картина» Святых мест — продукт библиотечных штудий и тех вопросов, которые возникали у монахов в процессе их воображаемого диалога с отдаленной землей, который они вели, молясь и читая <...> Палестина здесь прежде всего духовный ландшафт и икона» (р. 207–208, 210–211).

* * *

В первом за 2011 г. томе международного журнала, посвященного дискуссионным проблемам географии человека, была опубликована статья К. Лилли (университет Квинс в Белфасте) о средневековой истории географии. Обращаясь к вопросу о причинах непопулярности этой темы среди современных теоретиков и историков географической науки, Лилли, между прочим, задавался вопросом: может быть, эта слишком специальная проблема должна быть оставлена «не-географам», обладающим соответствующими источниковедческими компетенциями и кругозором?¹ В самом деле, тема средневековой географии, представленная в довоенной англоязычной литературе несколькими трудами выдающейся эрудиции, оказалась забытой более чем на полвека: географы предпочитали изучать в качестве формативного для своей науки период начала модерна. Традиция очерков истории средневековой географии возобновляется в конце XX в. в ревизионистском ключе. Представления «старой» географической истории о состоянии и пределах предмета географии в Средние века были в определенном смысле анахроничны, находились в сильной зависимости от представлений современных (характерен пример Бизли, который посвятил большую часть своего трехтомника истории открытий и путешествий); «новая» географическая история предполагает герменевтические и антропологические подходы, обращается к разнообразию интеллектуальных практик, свойственных для Средневековья как такового².

Сама возможность такой постановки вопроса является следствием прогресса, достигнутого медиевистикой. Один из примеров этого нового отношения — получившая широкую известность работа Н. Лозовской. Главный тезис этой книги — средневековая география не существовала как независимая дисциплина; тексты, которые мы определяем как географические (по Лозовской — «географическая традиция Средневековья»), существовали в разных контекстах — экзегезы, истории, семи свободных искусств, что придавало этим писаниям соответствующую жанровую фор-

¹ Lilley 2011: 149.

² Лилли кратко характеризует метод, структуру, содержание и историографическую судьбу трех монографий — Бизли, Райта и Кимбла. См.: Beazley 1897, 1901, 1906; Kimble 1938; Wright 1925; Райт 1988.

му³. Параллельное чтение монографий Н. Лозовской и Т. О'Лахлина заставляет задуматься о коренных отличиях научных жанров: исторический очерк целой интеллектуальной традиции требует совсем иных умений и масштабов, нежели монография, посвященная истории одной книги. Возможно ли совместить их в рамках одной биографии? Возвращаясь к вопросу К. Лилли о том, кто должен писать историю географии, мы должны отметить взаимную обусловленность этих текстов. Аргументы О'Лахлина и множества его коллег, которые занимаются другими специальными вопросами истории средневековой культуры, представляют собой необходимый фон для большого синтеза, которому посвящена книга Н. Лозовской.

Ф.С. Корандей

БИБЛИОГРАФИЯ

- Райт 1988 — *Райт Дж. К.* Географические представления в эпоху крестовых походов. Исследование средневековой науки и традиции в Западной Европе. / Пер. с англ. А.М. Кабанова, Е.А. Мельниковой. М., 1988.
- Beazley 1897, 1901, 1906 — *Beazley C.* The Dawn of Modern Geography. London, 1897. Vol. I; London, 1901. Vol. II; Oxford, 1906. Vol. III.
- Kimble 1938 — *Kimble G.H.T.* Geography in the Middle Ages. London, 1938.
- Lilley 2011 — *Lilley K.D.* Geography's medieval history: A neglected enterprise? // *Dialogues in Human Geography*. 2011. Vol. I (2). P. 147–162.
- Lozovsky 2000 — *Lozovsky N.* The Earth Is Our Book: geographical knowledge in the Latin West ca. 400-100. Ann Arbor, 2000.
- Wright 1925 — *Wright J. K.* The Geographical Lore of the Time of the Crusades. A Study in the History of Medieval Science and Tradition in Western Europe. New York, 1925.

³ Lozovsky 2000: 4.

Routes d'Arabie. Archéologie et histoire du Royaume d'Arabie Saoudite / Sous la direction de Ali Ibrahim al-Habban, B. André-Salvini, F. Demange, C. Juvin et M. Cotty. Paris: Somogy Éditions d'Art; Louvre éditions, 2010. 623 p.

Рецензируемое издание представляет собой комментированный каталог одноименной выставки, прошедшей в Лувре с 14 июля по 27 сентября 2010 г. под патронажем Президента Франции Николя Саркози и Короля Саудовской Аравии Абдаллы бин Абдулазиза аль-Сауда. Как указывает в своем предисловии директор Лувра Анри Луаретт, эта выставка — первая экспозиция, посвященная прошлому Саудовской Аравии. Ее организация и проведение стали возможными в результате подписания обеими сторонами договора о сотрудничестве в сфере культуры в апреле 2004 г. Кроме того, данная выставка явилась ответным жестом на организацию выставки «Шедевры исламского искусства из музея Лувра» в Эр-Рийаде, открытой королем Саудовской Аравии и тогдашним Президентом Франции Ж. Шираком. Тесное сотрудничество между Францией в целом и Лувром в частности и Саудовской Аравией проявляется еще и в том, что саудовская сторона взяла на себя инициативу и расходы по постройке новых залов Лувра, посвященных исламскому искусству. Исключительный масштаб предприятия обусловил участие в нем как спонсоров, так и значительного количества приглашенных специалистов, перечисление которых занимает шесть страниц (!). Комментарии к каталогу выполнены коллективом из сорока авторов. Излишне говорить об исключительно высоком качестве полиграфического исполнения данного издания.

Название выставки и каталога ожидаемо. «Дороги» — караванные пути — первая ассоциация при обращении к древней и

средневековой истории Аравийского полуострова¹. Караванные тропы связывали между собой отдаленные и совершенно разные очаги цивилизации, такие как оседлая сабейская культура на юго-западе Аравии и кочевая, оазисная культура бедуинов Кариат аль-Фау, Наджрана, Лихьяна, Таймы, Геры, крупные города — Йасриб (аль-Медина), Мариб, Шабва и мелкие поселения как по краям аравийских пустынь, так и внутри них. Соответственно и культурное наследие Аравийского полуострова в целом исключительно богато. Особенности современной истории региона обусловили то, что раскопки проводятся не так интенсивно, как в иных областях Ближнего Востока (например, в Египте), и новые находки становятся известными публике зачастую с большим опозданием. Тем ценнее возможность ознакомиться *de visu* со многими из них. Участие «высоких» должностных лиц от политики и сферы культурного обмена обусловило присутствие в каталоге глав, посвященных не только собственно экспонатам, но и истории, организации и деятельности Отдела древностей и музеев Саудовской Аравии.

С одной стороны, характер издания не предполагает дискуссионности в изложении материала. С другой, исключительная редкость такого рода предприятий (как выставок, так и изданий) диктуют необходимость остановиться достаточно подробно на основных структурных и содержательных элементах рецензируемой книги.

Первая часть каталога «Введение» открывается главой об истории изучения Аравии во Франции (Б. Андре-Сальвини, с. 45–53). История арабистики начинается с усилий Гиййома Постеля создать систему преподавания арабского языка в первой половине XVI в. Многочисленные путешествия французских мореплавателей значительно увеличили знания европейцев по географии Саудовской Аравии, в результате чего стали появляться все более подробные и все более красочные карты, ряд из которых представлен в каталоге (Fig. 2–3). Во второй половине XIX в. открывается новая глава в изучении Аравии — начинается пора трансаравийских путешествий и целенаправленного сбора материала. Французские исследователи приняли в этом процессе исключительно активное участие. Антонин Жоссен и Рафаэль Савиньяк предприняли три

¹ Реконструкцию см.: Bukharin 2007: 80–85; Бухарин 2009.

путешествия по Аравии в 1907, 1909 и 1910 гг. в Мада'ин Салих, аль-'Улу и Тайму. Их находки составили основу «Корпуса семитских надписей». Некоторые фотографии (Fig. 5) демонстрируют обстоятельства, в которых приходилось работать отцам-основателям научной арабистики.

Глава о географии Аравийского полуострова (Поль Санлавиль, с. 55–69) вводит читателя в круг вопросов, уверенная ориентация в которых необходима для более точного понимания сути исторических процессов, происходивших в Аравии на всем протяжении ее истории. Прекрасные иллюстрации (карты, схемы, фотографии наиболее типичных видов ландшафта) помогают читателю (и ранее — посетителю выставки) понять, в каких сложных климатических условиях пришлось человеку устраивать свою жизнь в Аравии, каким образом культурный облик Аравийского полуострова обусловило сочетание кочевой культуры бедуинов и оседлой цивилизации, основанной, как и повсюду на древнем Ближнем Востоке, на искусственной ирригации.

Ведущий исследователь материальной культуры целого ряда регионов на территории современной Саудовской Аравии Д.Т. Поттс в очерке «История начал» (с. 71–78) отмечает трудности, которые необходимо преодолеть для того, чтобы написать связную историю (или предпринять попытку написания) территории Саудовской Аравии в древности: значительная протяженность, географическая неоднородность, наличие многочисленных групп населения, не имевших практически ничего общего, отсутствие собственной письменной истории до появления первых эпиграфических памятников в последние века до н. э. Тем не менее, автор выделяет определенные тенденции в ходе урбанизации и развития цивилизации в тех регионах, которые находились под наибольшим влиянием Месопотамии, то есть побережья Персидского залива. Противоположная сторона, прежде всего, Асир и Хиджаз (будущая колыбель Ислама) были ориентированы на контакты с Египтом. Однако, как верно отмечает исследователь, степень интеграции Западной Аравии в отношения с Египтом до I тысячелетия до н. э. остается сферой, где царит совершенно спекулятивный взгляд на проблему. Более определенны в этом отношении данные Ветхого Завета относительно страны Мидиан, локализуемой на северо-западе Аравийского полуострова. Важнейшим источником сведе-

ний о племенах, обитавших на территории современной Саудовской Аравии, являются анналы ассирийских царей VIII–VII вв. до н. э., в которых содержится уникальная информация о контактах (как правило, военных) с жителями Аравии вплоть до территории современного Йемена. Не осталась без внимания одна из наиболее «живописных» страниц в отношениях цивилизаций двух регионов — Месопотамии и Аравии — похода Набонида («одного из наиболее загадочных правителей во всей истории Месопотамии», как не без основания аттестует его Д.Т. Поттс) в середине VI в. до н. э.

В следующем очерке «Древность» (с. 81–99) ведущий французский эпиграфист-сабеист Кристиан Робен очерчивает историю Аравии (и не только Саудовской) с точки зрения специалиста по истории древнеюжноаравийской цивилизации. По его мнению, несмотря на значительные географические и этнические вариации в истории Аравии как региона можно выделить факторы, обеспечивавшие единство развития этой области. И, если под началом истории понимать появление письменности и фиксацию тех или иных событий, то история Аравии восходит к VIII в. до н. э. До завершения доисламской фазы в развитии региона, то есть до конца периода древности, история Аравии концентрировалась вокруг двух моделей цивилизации: сабейской и арабской. Последняя обнаруживает себя в период раннего эллинизма, а утверждается — начиная с IV в. н. э. Основной акцент в данной главе сделан на выделении путей, которые связывали Юго-Западную Аравию с прочими очагами цивилизации на территории Аравийского полуострова на основе данных древнеюжноаравийской эпиграфики, а также на вопросах появления самоидентификации арабов как культурного целого на территории, находившейся под властью Химйара в конце периода древности. Ярким выражением этого единения явилась надпись из Немары «царя всех арабов» Имру'ль-Кайса 328 г. н. э.², а также упоминание многочисленных арабских племен из Центральной Аравии в позднесабейских надписях.

Эпоха поздней древности — это еще и время возвышения Мекки, точные причины которого до сих пор остаются малоиссле-

² Об этой надписи см.: Beeston 1979: 1–6.

дованными³. К. Робен не принимает ни одну из полярных точек зрения — ни П. Ламмена о том, что Мекка была процветающей «торговой республикой», похожей на средневековую Венецию, ни П. Кроне о том, что Мекка являлась бедным «захолустьем», удаленным от очагов цивилизации и лишенным основ экономического процветания.

В истории отдельных наиболее крупных оазисов К. Робен придерживается традиционной схемы, повторяя многократно издававшиеся тексты, в том числе и собственные. При анализе пути римской армии Элия Галла по Западной Аравии следовало бы отметить, что недавние исследования показали, что отступление римской армии проходило по значительно более сложному маршруту, чем принято указывать. Римская армия должна была побывать в одном из основных центров арабской культуры Центральной Аравии — Кариат аль-Фау, названном в латинских источниках *Caripeta*, а в греческих *Χάλλα*. Таким образом, прямое соприкосновение античной и арабской бедуинской культур должно было произойти еще в конце I в. до н. э.⁴

Следующие несколько глав посвящены истории зарождения и развития Ислама как одной из мировых религий и основы арабской цивилизации: Ж. Габби («К истокам Ислама», с. 101–109), Г. Мартинес-Грос («Арабские завоевания», с. 111–117), К. Робена («Языки и письменности», с. 119–131). Данные главы указывают на основу арабской культуры, центральную роль в сложении которой сыграла территория Саудовской Аравии — общность религии, языка, письменности и, соответственно, литературы. К большому сожалению, при обращении к истории Аравии, особенно ее культурной составляющей, периода поздней древности не были учтены интереснейшие доклады, сделанные на конференции «The Qur'ān in Context» (Берлин, 21–24 января 2004 г.), организованные «Институтом высших исследований» и лишь недавно появившиеся в печати: *The Qur'ān in Context. Historical and Literary Investigations into the Qur'ānic Milieu* / Ed. A. Neuwirth, N. Sinai, M. Marx. Leiden; Boston, 2010. Нельзя не обратить внимание и на то, что обращение ко многим сюжетам «мимоходом» оказывается поверхностным и

³ Подробнее см.: Bukharin 2010: 115–134.

⁴ Подробнее см.: Bukharin 2009: 77–78.

неточным. Так, одно из наиболее интересных археологических открытий, сделанных на территории Саудовской Аравии, — латинская надпись с архипелага Фарасан. Она не показывает, как утверждает К. Робен (с. 125), что римляне «утвердились» на Фарасане. Она показывает лишь, что римляне предприняли разовую акцию, для успешного осуществления которой им потребовался укрепленный пункт в южной части Красного моря. Ни о каком «утверждении» не могло быть и речи из-за удаленности Фарасана от места дислокации римской армии на Ближнем Востоке и трудностей по поддержанию постоянных контактов⁵.

Завершается первый раздел «исторической» части каталога очерком, тематика которого уже поднималась в предшествующих главах, — «Караваны с благовониями» (Ф. Деманж, с. 132–135). К сожалению, автор придерживается устаревших представлений о кризисе, который якобы поразил систему караванной торговли в Аравии на рубеже н. э., что стимулировало развитие циркумаравийской навигации и укоренению торговых интересов южноаравийских царств, производителей благовоний, на береговой линии. Недостатки данного взгляда на историю караванной торговли уже были продемонстрированы⁶.

Следующий раздел каталога — «Аравия доисторическая». Главы, его составляющие, не только представляют очерк древнейшего периода истории Саудовской Аравии, они, в отличие от очерков предыдущего, вводного, раздела, сопровождаются публикацией экспонатов выставки.

Глава «Доисторическое население» (М.-Л. Инизан, с. 139–157) представляет обзор основных очагов расселения человека в период Каменного века на территории Аравии (ок. 1 миллиона лет назад) из Восточной Африки, путей его расселения по древнейшей Евразии. Данный сюжет на материале Южной Аравии прекрасно освещен в монографиях Х.А. Амирханова⁷, к сожалению, не учтенных в каталоге. Нельзя, однако, не отметить прекрасные иллюстрации палео-, мезо-, и неолитических находок с территории Саудовской Аравии.

⁵ Подробнее см.: Bukharin 2005–2006: 135–140; Bukharin 2009–2010: 72–116; Бухарин 2010: 114–137.

⁶ Бухарин 2009: 70–92; Bukharin 2010: 117–120.

⁷ Амирханов 1991; Амирханов 1997; Амирханов 2006; Amirkhanov 2008.

К данной главе в смысловом отношении примыкает следующая, посвященная наскальному искусству, — «От доисторического искусства к искусству кочевников: размышления об истории и развитии наскального искусства в Саудовской Аравии» (А.-М. Хан, с. 159–169). Наскальные рисунки являются не просто произведениями искусства, они служат ценнейшим историческим источником, помогающим определить образ жизни человека в период Каменного века и датировать развития тех или иных его фаз: до приблизительно X тыс. до н. э. человек жил в Аравии охотой и собирательством, между X и VIII тыс. до н. э. человек осваивает скотоводство и начала земледелия, около 5000 лет назад в Аравии формируются первые общины оседлого человека. Жемчужину коллекции «доисторического» искусства Саудовской Аравии (периода Бронзового века; IV тыс. до н. э.) составляют три погребальные стелы (Fig. 27–29) из аль-‘Улы (Западная Аравия) и Ха’ила (северная часть Центральной Аравии), дополняющие корпус из нескольких десятков аналогичных находок с территории Йемена и Иордании.

В следующем разделе представлены находки из восточной части Саудовской Аравии — «Восточная провинция: цивилизации и контакты с V по начало II тыс. до н. э.». Ведущий знаток древнейшей истории региона Д.Т. Поттс представил раздел «Северо-восточная Аравия в период 5000–2000 гг. до н. э.; с. 173–183». Автор подчеркивает, что уже в период неолита Северо-Восточная Аравия была заселена «автохтонным населением». В дальнейшем наиболее примечательными являются находки, обнаруживающие стилистическое родство с керамикой «убейдского» типа (названа по наименованию городища Телль аль-Убейд рядом с Уром в совр. Ираке). Ареал распространения убейдской керамики в Аравии достаточно велик: он охватывает Бахрейн, Катар, территорию ОАЭ. Многочисленные находки, сделанные на территории Северо-Восточной Аравии, указывают на теснейшие связи региона с Месопотамией в III — начале II тыс. до н. э.⁸

Сосудам смешанного стиля (“interculturel”) с о. Тарут в Персидском заливе, демонстрирующим сложность взаимных влияний в регионе Персидского залива, посвящен раздел М. Котти («Хло-

⁸ Подробнее ранее см.: Бухарин 2007: 247–257.

ритовые вазы с о. Тарут», с. 184–185). Завершает этот раздел собственно каталожная часть (с. 186–207).

Следующий раздел каталога освещает историю Северо-Восточно Аравии и Великих оазисов Хиджаза. Наиболее заметную роль в древнейшей письменной истории региона играло царство Мириан. Его история проиллюстрирована в очерке Абдэль Азиза бин Сауд аль-Гази (с. 211–217). Пересказ известных фрагментов Корана, а также сообщений ряда средневековых историков, о мирианитах сопровождается демонстрацией наиболее существенных аспектов материальной культуры Северо-Восточной Аравии, в особенности на примере городища Курайя — предполагаемой столицы мирианитов.

Результатам археологического исследования Таймы — крупнейшего оазиса северо-востока современной Саудовской Аравии с исключительно богатой историей, длившейся на протяжении 4–5 тысячелетий, посвящен очерк А. Хаусляйтера «Оазис Тайма» (с. 219–240). Несомненный интерес для понимания роли Таймы в древнеближневосточной истории представляют относительно новые находки, сделанные в последние несколько лет: египетский скарабеоид (Fig. 8, с. 231), декорированная чаша (№ 83, с. 243), размеры которой (Н.: 22 см., D. max.: 34 см.) исключительны для аналогичных находок, стела Набонида (№ 100, с. 252) и диск с надписью Набонида (№ 101, с. 253) — новые находки, проливающие свет на период пребывания последнего вавилонского царя в Аравии, голова статуи царя Лихьяна, размеры которой должны были превосходить 4 м (№ 106, с. 259), набатейская курительница благовоний (№ 110, с. 261). Все эти находки демонстрируют, что оазисные культуры Северо-Восточной и Центральной Аравии были теснейшим образом связаны между собой.

Истории Дедана (оазис аль-Ула), именуемому средневековыми арабскими географами Вади аль-Кура, посвящен очерк Саида аль-Саида «Дедан (аль-Ула)» (с. 263–270). Дедан был тесно связан с Южной Аравией и Восточным Средиземноморьем так называемым «Путем благовоний», а также с Месопотамией — Дедан был одной из целей Набонида во время его аравийского похода. Ведущая роль Дедана в культурной жизни Северо-Западной Аравии видна из того, что деданиты обладали собственной письменностью, надписи на которой относятся к периоду уже VI в. до н. э.

Дедан являлся столицей царства Лихйан. Истории Лихйана в свете раскопок на прочих городищах (аль-Хурайба, Икма, Телль аль-Катиб, аль-Хиджр) посвящен очерк Х. бин Али аль-Хасана «Царство Лихйан» (с. 271–275). Влияние Лихйана обнаруживается по данным лихйанитских надписей от Таймы до Кариат аль-Фау (Южная часть Центральной Аравии), которое, таким образом, распространяется на всю Западную и Центральную Аравию.

Среди предметов материальной культуры Лихйана, ранее не опубликованных, интерес представляют статуи мужчин из красного песчаника, предположительно, царей Лихйана, превышающие обычный человеческий рост, из музея археологического департамента Университета короля Сауда (№№ 111–113, с. 276–279), барельеф с изображением льва (VI–IV вв. до н. э.; № 118, с. 283) и лихйанитские надписи (№№ 119–120, с. 284–285).

Истории аль-Хиджры (Эгры / Мада'ин-Салих) посвящена глава «Эгра Счастливой Аравии» Лейлы Нехме, Дайфаллаха аль-Талхи и Франсуа Вилльнева (с. 287–303). Название главы выглядит несколько необычно: традиционно в античной географии название «Счастливая Аравия» прилагалось к крайнему юго-западу Аравии, но не к ее северо-западной части. Именно в Мада'ин Салих сделано одно из наиболее интересных открытий последнего десятилетия, которое представлено в каталоге (№ 121, с. 304–305): латинская надпись 175–177 гг. н. э. Эта надпись дополняет немногочисленный корпус латинских надписей с территории Аравийского полуострова. Надпись не только расширяет наши представления об отношениях Рима и кочевых племен Северо-Западной Аравии во второй половине II в. н. э. в целом, базирующиеся в том числе на данных эпиграфики⁹, но и представляет латинский эквивалент набатейскому титулу “*ḡyṣ*” — *primus civitatis*, а также дает один из редких примеров передачи семитского *ḥ* через латинский *h*, а не через немой *θ*: *Amro Naianis* < ‘Amr b. Ḥauyān.

Следующий раздел каталога — «Древности. Торговые метрополии сердца Аравии». Вполне ожидаемо, что раздел открывается главой по истории Кариат аль-Фау (А.М. аль-Гайеб аль-Ансари, с. 311–317) — крупнейшей торговой фактории в южной части

⁹ См., например, надпись из Руввафы 167–169 гг. н. э.: Bowersock 1975: 513–522.

Центральной Аравии, история которой условно делится на два периода: минейский (III–I вв. до н. э.) и киндитский. Центральное положение городища (древний Кариат зат-Кахл) обусловило присутствие в нем следов различных традиций — сабейской, а также кочевой — минейской и арабской (бедуинской). Кариат аль-Фау был важнейшим перевалочным пунктом на пути из Западной в Северо-Восточную Аравию на «Пути благовоний». Это обстоятельство обусловило и исключительное жанровое разнообразие находок в целом, и присутствие в нем предметов средиземноморского импорта (№ 153–159, с. 332–336) в частности. Каталог содержит публикацию ряда надписей из Кариат аль-Фау (№№ 127–130, с. 318–319, №№ 135–146, с. 324–329), большая часть из которых, как и целый ряд других экспонатов, ранее не были изданы.

Наибольший интерес с точки зрения исторической географии доисламской Аравии и древнеюжноаравийской эпиграфики представляет надпись на бронзе (№ 136, I в. до н. э. — I в. н. э.), в которой говорится о путешествии минейца с грузом товаров в страну NHR, то есть в Месопотамию, до города SLKY (определенно, имеется в виду Селевкия-на-Тигре). Если NHR ранее упоминался в материалах древнеюжноаравийской эпиграфики ('BR NHRN — RES 3022 = M 247), то SLKY — нет. Ранее эта надпись была опубликована на плакате Университета эр-Рияда им. Короля Сауда (1407 г. Хиджры)¹⁰. Таким образом, рецензируемый каталог фактически вводит в научный оборот источник, демонстрирующий существование трансаравийских торговых путей на рубеже н. э.

Несомненный интерес представляют и ранее не издававшиеся фрагменты настенной росписи из Кариат аль-Фау (№№ 163–164, с. 340–341), а также кушетки, выдающие влияние эллинистического и римского Востока соответственно и дополняющие уже опубликованные аналогичные находки. Римская посуда, украшения, предметы культа и ежедневного обихода рисуют картину глубоких контактов и взаимного влияния двух столь отдаленных традиций — римской и аравийской (чего стоит только статуэтка Гарпократа с древнеюжноаравийской надписью! — № 156, с. 335).

Следующий раздел Салиха аль-Мариха («Наджран», с. 365–369) посвящен важнейшему поселению в юго-западной части Сау-

¹⁰ Надпись ранее цитировалась с данного плаката в: Бухарин 2009: 15.

довской Аравии — Наджрану. Некоторое удивление вызывает лишь датировка периода развития и процветания Наджрана, обозначенная как «I тысячелетие, между 500 и 250 гг. до н. э.» (с. 365). Между тем, в середине III в. н. э. в Наджране располагалась ставка представителя эфиопского негуса (упомянут в надписи Ja 577/10–13 (ок. 250 г. н. э.) как *'qb/ngšyn*), а в первой четверти VI в. Наджран стал ареной, на которой развернулась кровавая драма мученичества представителей христианской общины Южной Аравии в ходе химйаро-эфиопских войн.

Следующий раздел «Восточная провинция и греко-римский мир» демонстрирует историю отношений, в основном, торговых, Восточной Аравии и античной цивилизации. Д.Т. Поттс открывает данный раздел очерком «Возрождение северо-восточной Аравии в эллинистическую эпоху» (с. 375–381), в котором представлена панорама восточноаравийских городищ (прежде всего, Тадж), жизнь на которых в сасанидский и парфянский период резко активизировалась (приток колонистов в этот регион прослеживается археологически) во многом благодаря торговым контактам с античным миром. Среди экспонатов каталога несомненный интерес представляют две надписи: надпись южноаравийским письмом из Таджа (№ 224, с. 382) и греческая надпись из Тарута (№ 227, с. 384).

Следующий очерк Авада бин Али аль-Сибали аль-Захрани («Тадж и царство Герры», с. 387–397) посвящен важнейшему из торговых поселений Восточной Аравии — Герре. Определенное недоумение вызывает уже название раздела: ни античные, ни арабские источники ничего не говорят ни о каком царстве Герры. Возможно, автор имел в виду легенды HGR (вероятно, название царства или города) на некоторых восточноаравийских монетах из Таджа, однако тождество HRG и Γέρρα¹¹, нуждается в обосновании, едва ли возможном: на карте Клавдия Птолемея топониму Тадж соответствует Φυεΐα¹². Данный раздел в целом написан на основе устаревшей (для своего времени вполне пригодной) литературы и не учитывает всего спектра источников: отождествление Герры с Таджем (наиболее серьезно предлагалось в работах

¹¹ Sachau 1915: 23; von Wissmann 1982: 29, прим. 21a.

¹² См. подробнее: Бухарин 2009: 165.

Д.Т. Поттса¹³) не подтверждается ни лингвистически, ни данными письменных источников; единственно непротиворечивым является отождествление Герры с современным аль-Укайром¹⁴.

Следующие разделы — «Могильник Таджа» (Клер Рилер и Набиель аль-Шейх, с. 392) и «‘Айн Джаван» (Абдулла аль-Сауд, с. 399–403) демонстрируют предметы ювелирного искусства, найденные на означенных городищах, хранящиеся в Национальном музее (эр-Рийад), часть из которых, судя по отсутствию библиографических указаний, впервые вводится в научный оборот.

Глава «Введение в исламскую эпоху», переносит зрителя и читателя в иной исторический период. Он состоит из одного раздела — «Аравия и священные города в Средние века» (Жюльен Луасо, с. 407–417), посвященного в основном изгибам политической истории Аравии в средневековье и сложению традиции хаджа.

Данная часть каталога логично продолжается главой «Паломнические пути». Прекрасные фотографии и подробные карты сопровождают содержащиеся в нем очерки. Первый — «Дарб Зубайда: паломнический путь из Куфы в Мекку» (Са‘д бин Абдулазиз аль-ашид, с. 425–429) — показывает сложение сети путей между Куфой и Басрой (указанной на карте как *Bassora*, с. 424), с одной стороны, и Меккой и аль-Мадиной, с другой. Истории аль-Рабады — одного из городов, возникших на этом пути к востоку от аль-Мадины, — посвящен очерк «Открытие аль-Рабады. Город первых лет Ислама» того же автора (с. 433–441). Автор предметно (на результатах археологического исследования) показывает, как под влиянием паломнических потоков развивался город в раннеисламское время. Многочисленные экспонаты — предметы материальной и духовной культуры (№№ 246–276, с. 443–451) — наглядно демонстрируют этот процесс.

Второе паломническое направление (Дамаск — аль-Мадина¹⁵ — Мекка) рассмотрено в очерке Хайаты бинт Абуллы аль-Килабы «Сирийский паломнический путь» (с. 453–461). В основ-

¹³ Potts 1984: 88; Potts 1990: 90.

¹⁴ Подробнее см.: Bukharin 2007: 80–85.

¹⁵ Авторы каталога следуют написанию названий Мекки и аль-Мадины как *La Mecque* и *Médine*. В соответствии же с правилами арабской грамматики, определенный артикль в названии древнего Йасриба присутствует постоянно (Brockelmann 1929: 71), то есть правильным является написание аль-Мадина.

ном он проходит по торговым стоянкам так называемого «Пути благовоний»¹⁶. Развитие городской жизни под влиянием притока паломников на этом пути демонстрируется в очерке Абдуллы бин Ибрагима аль-Умайра «аль-Мабийат: исламский город Курш в провинции аль-Ула» (с. 463–467) на примере города аль-Мабийат, расположенного юго-восточнее аль-Улы.

Третьему направлению притока паломников — из Египта — посвящен очерк Али аль-Габбана «Паломнический путь из Египта» (с. 471–475). Его особенностью по сравнению с первыми двумя является то, что он частично шел по морю — от Старого Кусейра или Айзаба до Джидды, а по суше не следовал сирийскому пути, а проходил вдоль самого побережья. Очевидно, что торговые маршруты, существовавшие в доисламский период между Египтом и Западной Аравией по морю, пришли в упадок и не использовались.

Последний четвертый основной путь из Йемена рассмотрен в очерке Мухаммада бин Абдулрахмана Рашида аль-Санайана «Йеменский паломнический путь» (с. 479–485). Эта трасса имела многочисленные разветвления, так как горный рельеф местности в самом Йемене, а также в Асире, в сочетании с лавовыми полями в Южном Хиджазе был наиболее сложным для паломников.

Приведя читателей и зрителей к конечным пунктам паломнических путей, каталог открывает перед ними собственно две главные святыни Ислама — Мекку и аль-Мадину. Открывается раздел главой Карин Жювен «Стелы кладбища аль-Ма'ла возле Мекки» (с. 491–499), за которым следует значительная собственно каталожная часть (№№ 283–301, с. 500–521). Важность этих стел (частично неопубликованных) состоит не только в том, что на кладбище аль-Ма'ла нашли упокоение многие значительные персонажи из истории Ислама, но и в том, что они позволяют пролить свет на историю сложения многих исламских представлений о загробном мире. Они интересны тем более, что их воздвижение, определенно, противоречит раннеисламским хадисам о запрете выделять могилы тем или иным образом и, соответственно, почитать их. Автор подробно рассматривает вопросы по технике изготовления стел, нанесения надписей и украшений, нормам составления эпитафий.

¹⁶ Ранее данная часть «Пути благовоний» реконструировалась в: Бухарин 2009: 234–237.

Очерк Жилия Венстена «Святыни Хиджаза при Османах» (с. 523–533) переносит читателя в следующие за аббасидской эпохи: периоды независимости Хиджаза, мамлюкского и османского господства. Помимо вопросов политической истории региона, автор рассматривает особенности организации паломнической службы. Каталогная часть представляет надписи османской поры, а также дверь Ка‘абы (XVII в., № 305, с. 536–537), ранее не издававшуюся.

Последний раздел каталога — очерк Шарлотты Мори «Изображения двух святынь в османскую эпоху: от топографической схемы к перспективному виду» (с. 547–559) — посвящен методам визуального представления образов двух главных святынь Ислама в живописи. Излишне говорить, что эта часть рецензируемой публикации проиллюстрирована с исключительным богатством.

После представления дополнительных экспонатов — от погребальных стел из Таймы до карт Аравии Нового времени (с. 562–576) каталог подводит читателя к главе «Рождение королевства», в котором кратко очерчены основные вехи истории Саудовской Аравии Нового и Новейшего времени (Фахд аль-Симари, с. 581–83). Отдельные параграфы посвящены королю Абдулазизу ибн Сауду (1902–1953) (того же автора, с. 585–589) и Национальному музею в эр-Рийаде (Али аль-Габбан, с. 590–591).

Завершив обзор выставки и чтение каталога, зритель и читатель прошли по Аравии путями расселения древнейшего человека, по «Пути благовоний» с караванами южноаравийского ладана, паломническими тропами, протянувшимися от Омана и Махры до Дамаска, от Куфы и Басры до Каира. Эти пути привели к сложению одного из наиболее примечательных государств современности, история которого покоится на многослойном прошлом оседлых и кочевых цивилизаций, поли- и монотеистических религий, опыте многих, зачастую неродственных, неаравийских цивилизаций. Отрадно видеть, с какой заботой в королевстве Саудовской Аравии относятся к вопросам не только сохранения и изучения собственного прошлого, но и его представления *urbi et orbi*.

М.Д. Бухарин

БИБЛИОГРАФИЯ

- Амирханов 1991 — *Амирханов Х.А.* Палеолит юга Аравии. М., 1991.
- Амирханов 1997 — *Амирханов Х.А.* Неолит и постнеолит Хадрамаута и Махры. М., 1997.
- Амирханов 2006 — *Амирханов Х.А.* Каменный век Южной Аравии. М., 2006.
- Бухарин 2007 — *Бухарин М.Д.* Неизвестного автора «Перипл Эритрейского моря»: текст, перевод, комментарии, исследования. СПб., 2007.
- Бухарин 2009 — *Бухарин М.Д.* Южная Аравия, Средиземноморье и Восточная Африка: торговые и историко-культурные связи. М., 2009.
- Бухарин 2010 — *Бухарин М.Д.* Новая латинская надпись из Южной Аравии (античная историческая география и римское право в свете нового эпиграфического документа) // ВДИ. 2010. № 2. С. 114–137.
- Amirkhanov 2008 — *Amirkhanov H.A.* Cave Al-Guza: The multilayer site of Ol-dowan in South Arabia. М., 2008.
- Beeston 1979 — *Beeston A.F.L.* Nemara and Faw // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. 1979. Vol. 42. P. 1–6.
- Bowersock 1975 — *Bowersock G.W.* The Greek-Nabataean Biligual Inscription at Ruwwafa, Saudi Arabia // Le monde grec: Hommages à Claire Préaux. Bruxelles, 1975. P. 513–522.
- Brockelmann 1929 — *Brockelmann C.* Arabische Grammatik. Paradigmen, Literatur, Übungsstücke und Glossar. Berlin, 1929.
- Bukharin 2005–2006 — *Bukharin M.D.* Romans in the Southern Red Sea // Arabia. 2005–2006. Vol. 3. P. 135–140.
- Bukharin 2007 — *Bukharin M.D.* Der zentralarabische Zweig der „Weihrachstraße“ // Arabian Archaeology and Epigraphy. 2007. Vol. 18. P. 80–85.
- Bukharin 2009 — *Bukharin M.D.* Towards the Earliest History of Kinda // Arabian Archaeology and Epigraphy. 2009. Vol. 20. P. 64–80.
- Bukharin 2009–2010 — *Bukharin M.D.* Roman Penetration into the Southern Red Sea and the Aksumite Campaign in West Arabia (Reconsideration of the Latin Dedicatory Inscription from the Farasān Archipelago) // Journal of the Indian Ocean Archaeology. 2009–2010. Vol. 6–7. P. 72–116.
- Bukharin 2010 — *Bukharin M.D.* Mecca on the Caravan Routes in pre-Islamic Antiquity // The Qur'ān in Context. Historical and Literary Investigations into the Qur'ānic Milieu / Ed. A. Neuwirth, N. Sinai, M. Marx. Leiden; Boston, 2010. P. 115–134.

- Potts 1984 — *Potts D.T.* Thāj and the Location of Gerrha // Proceedings of the Seminar of Araian Studies. 1984. Vol. 14. P. 87–91.
- Potts 1990 — *Potts D.T.* The Arabian Gulf in Antiquity. Oxford, 1990. Vol. II. From Alexander the Great to the Coming of Islam.
- Sachau 1915 — *Sachau E.* Die Chronik von Arbela. Ein Beitrag zur Kenntnis der ältesten Christentum im Orient. Berlin, 1915 (Abhandlungen der Preußischen Akademie der Wissenschaften. Bd. 6).
- von Wissmann 1982 — *von Wissmann H.* Die Geschichte von Saba' II. Das Grossreich der Sabäer bis zu seinem Ende im frühem 4. Jh. v. Chr. / Hrsg. von W.W. Müller. Wien, 1982 (Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaften zu Wien. Bd. 402).

**ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
ПО ИСТОРИИ КАРТОГРАФИИ**

МОСКВА, 10–15 ИЮЛЯ 2011 ГОДА

История картографии слабо оформлена в качестве особой научной дисциплины: в настоящее время не существует соответствующей кафедры ни в одном из ведущих университетов мира. В то же время интерес к истории карт традиционно велик как со стороны ученых различных специальностей (историков, географов, искусствоведов), так и среди хранителей карт в библиотеках, музеях и архивах, не говоря уже о коллекционерах карт и просто любителях.

Интегрирующую роль в исследованиях по истории картографии уже многие годы играет международный журнал «Имаго мунди» (*Imago mundi*), который был основан в 1935 г. русским ученым Львом Семеновичем Багровым (Leo Bagrow, 1881–1957), эмигрировавшим в 1918 г. из Петрограда в Берлин, а затем, в 1945 г., эвакуированным оттуда в Стокгольм. Для «самосознания» дисциплины очень важен библиографический раздел журнала, где собираются сведения о новых публикациях по истории картографии. Много полезной информации о состоянии дел в этой области можно найти также на сайте <http://www.maphistory.info> (август, 2012). Там помещаются, в частности, данные о выставках, конференциях и других историко-картографических событиях (они систематизируются Дж. Доктором; John Docktor) и о готовящихся и защищенных диссертациях по истории картографии (эти списки ведет директор «Имаго мунди» Т. Кэмпбелл; Tony Campbell).

Начиная с 1964 г., под патронажем журнала «Имаго мунди» раз в два года проводятся международные конференции по истории картографии (International Conference on the History of Cartog-

graphy; ICNC). Конференции проходили в Великобритании (1964, 1967, 1971, 1975, 2003), Бельгии (1969), Польше (1973), США (1977, 1993), ФРГ (1979), Италии (1981), Ирландии (1983), Канаде (1985), Франции (1987), Нидерландах (1989), Швеции (1991), Австрии (1995), Португалии (1997), Греции (1999), Испании (2001), Венгрии (2005), Швейцарии (2007), Дании (2009).

В 2011 г. Международная конференция по истории картографии проводилась уже в 24-й раз, но впервые местом проведения была выбрана Россия. Организаторами конференции с российской стороны выступили Российская государственная библиотека, Государственный исторический музей, Российская национальная библиотека, Институт географии РАН, Институт истории естествознания и техники имени С.И. Вавилова РАН, Институт всеобщей истории РАН, Международный центр-музей имени Н.К. Рериха, Русское географическое общество, ПКО «Картография», а также ОАО «Газпром». В работе конференции приняли участие более 150 историков картографии из тридцати двух стран мира.

Национальный оргкомитет, ответственным секретарем которого являлась заведующая Отделом картографии РГБ Л.Н. Зинчук, работал четко и эффективно, начиная от встреч в аэропорту и расселения и кончая соблюдением регламента. Доклады отбирались более, чем за полгода до конференции; издательством «Пашков дом» был выпущен отлично оформленный сборник тезисов¹. Сообщения о работе конференции несколько раз транслировались по российскому телевидению (Третий канал и Телеканал «Культура»).

Заседания проходили в великолепно отреставрированном Доме Пашкова. Ремонт был настолько свежий, что из опасения поцарапать мраморную плитку пола скульптура Саломеи с головой Иоанна Крестителя была установлена перед входом в галерею со стендовыми докладами на куске картона, покрытом красной тряпочкой. Интерьер огромного конференц-зала иначе, как царственным, не назовешь, но акустика оставляла желать лучшего, так что ведущим приходилось с переменным успехом помещать доклад-

¹ Multiculturalism 2011. Не все докладчики, тезисы которых были опубликованы в сборнике, смогли приехать на конференцию. Однако в настоящем обзоре отражены все принятые на конференцию доклады, так как это важно для характеристики состояния дисциплины.

чика на строго определенном расстоянии от микрофона. В случае плохой дикции или быстрого говорения доклады отчасти терялись. Однако визуальное оснащение было безупречным — в распоряжении докладчиков было два экрана, на которые можно было одновременно проецировать две серии слайдов (в целях сопоставления разных карт, деталей одной карты и пр.).

Определённые трудности были связаны с отсутствием на конференции переводчиков (как и на прошлой, Копенгагенской, конференции единственным официальным языком в Москве был английский; на предыдущих конференциях доклады представлялись также на французском, немецком, итальянском и испанском языках, но синхронный перевод предлагался не всегда). Проблемы с пониманием текста выступлений возникали не только у некоторых российских участников, в недостаточной мере владеющих английским языком, но иногда и у англоговорящих. Например, услышав, что А.Ф. Клешинин был «петровским геодезистом», некоторые поняли это так, что он был личным геодезистом Петра I. В связи с этим Т. Кэмпбелл был вынужден обратиться к участникам с просьбой сверять свои переводы на английский у носителей языка, или же демонстрировать тезисы доклада на экране.

Все устные доклады конференции были пленарными, так что у каждого участника конференции была возможность услышать и обсудить выступления всех своих коллег. Для знакомства со стендовыми докладами (постерами), выставленными в галереях над конференц-залом, отводилась специальная сессия.

Основная тема конференции была сформулирована как «Многообразие культур в истории картографического производства» (Multiculturalism in the History of Map Making). Однако тематический и проблемный спектр конференции оказался на практике гораздо шире — ведь он определяется не только организаторами, формулирующими основные темы на стадии подачи заявок, но и самими участниками, предложения которых в той или иной степени модифицируют заранее заявленную тематику. Выступления охватывали фактически всю историю процесса картографирования, который рассматривался под самыми разными углами зрения: как картографирование определенных территорий и границ, социокультурных феноменов и географических образов; как специфическая практика, обусловленная временем и местом; как сфера дея-

тельности и отраслевое производство; как инструмент манифестации власти; как средство пространственного анализа и визуализации его результатов.

Если говорить о географии проблем, которым посвящались доклады и постеры, то она, как правило, совпадала со страной докладчика. Представители Великобритании, Франции, Испании и Португалии также рассматривали историю картографирования бывших колоний своих стран. Чаше других за пределы истории национальной картографии выходили представители США, делавшие в том числе доклады по истории европейской картографии как в национальном, так и в панъевропейском контексте.

Преимущественное внимание к национальной картографии выразилось и в том, что прозвучало крайне мало докладов, посвященных картам мира как особому типу карт. И. Лявиньш (Imants Lavins, Латвия) говорил о методике и попытках реконструкции карты мира на основе координатных таблиц арабского энциклопедиста первой половины XI в. ал-Бируни. В стендовом докладе Дж.С. Кархарта (George S. Carhart, США) обсуждался вопрос о времени появления евроцентричных карт мира.

Большая часть докладов основывалась на картографическом материале XVIII–XX вв. Это обстоятельство во многом предопределило круг ключевых проблем, вынесенных на обсуждение: картография эпохи Просвещения; роль государства в развитии картографии; военная (в том числе военно-морская и разведывательная) картография; картографирование границ. Как правило, докладчики не выходили за рамки локальных сюжетов, но прозвучало и несколько выступлений более общего и проблемного характера, в которых предлагался «наднациональный» взгляд на развитие картографии.

М. Эдни (Matthew Edney, США) подверг критическому анализу распространенное среди историков картографии утверждение о том, что XVIII век стал переломным в становлении европейской картографии как научного предприятия. По его мнению, определение «научная» применительно к картографии эпохи Просвещения, во-первых, лишено терминологической жесткости и, во-вторых, основывается на акцентировании одних новаций. Эдни отметил, что и в XVIII в., и позднее многие картографические традиции сохраняли свое значение, обеспечивая преемственное развитие кар-

тографии в целом. Проследив историографическую судьбу идеи о кардинальном реформировании картографии в эпоху Просвещения, Эдни пришел к заключению о том, что эта идея зародилась лишь в XX в., и призвал к более взвешенной оценке тех новшеств, которые появились в практике картографирования XVIII века.

К. Боймлер (Klaus Bäumler, ФРГ) поставил вопрос о развитии картографии в общекультурный контекст взаимоотношений России и Западной Европы (главным образом, на примере Баварии) на протяжении XVIII–XX вв. Особое внимание при этом докладчик уделил научному академическому обмену, сотрудничеству хранителей и издателей карт, совершенствованию измерительной техники и методики, а также влиянию, которое оказало бурное развитие военной картографии в XVIII в. на картографию в целом. Взгляд на картографию эпохи Просвещения как на общеевропейское предприятие, развивавшееся поверх государственных границ, проявился и в ряде других докладов.

М. Педли (Mary Pedley, США) выступила с обзорным докладом по истории рекогносцировочного картирования (*reconnais-sance mapping*) в XVIII в., связав особенности его развития в этот период с изменениями в практике ведения военных действий, с совершенствованием техники для топографической съемки местности, с новыми приемами и методами подготовки соответствующих кадров, военных и гражданских. Рассмотрев обширный материал, происходящий из различных стран Европы (куда докладчица включила также Россию и Османскую империю), Педли отметила, что развитие крупномасштабной картографии в XVIII в. не было сковано национальными рамками и оказало большое влияние как на военное дело, так и на использование самих карт.

С докладами К. Боймлера и М. Педли перекликался и стендовый доклад П. Прессенды, М.Л. Стурани и П. Серено (Paola Pressenda, Maria Luisa Sturani, Paola Sereno, Италия), которые также рассматривали обмен картографической информацией — но уже в эпоху Просвещения — как общеевропейский процесс. При этом концентрация внимания на таких видах карт, как топографические и кадастровые, то есть ориентированные в первую очередь на практическо-административные нужды, закономерно привела авторов к постановке вопроса о ключевой роли государства в организации и функционировании картографических служб.

Зарождению и развитию картографии как государственного предприятия были посвящены несколько докладов, построенных на национальном материале. В.Э. Булатов (РФ), опираясь на архивные документы, рассказал о становлении гидрографической службы в России в XVIII в. М. Гуссарссон-Вейк (Maria Gussarsson Wijk, Швеция) остановилась на производстве морских карт в Швеции, которое, как она показала, изначально было организовано на государственном уровне и развивалось на основе тесного сотрудничества гражданских и военных специалистов-картографов. Стендовый доклад Р. Соссы (Украина) касался создания государственной картографической службы Украины в 1918 г. В еще одном стендовом докладе, З. Саидбобоева (Узбекистан), освещался начальный этап организации картографирования Туркестана в рамках Российской империи в первой половине XIX века.

О роли государства в развитии картографии также говорилось и в связи с картографированием границ — государственных, административных, языковых. М. Джонс и В. Осхейм-Улсен (Michael Jones, Venke Åsheim Olsen, Норвегия) рассказали о демаркации российско-норвежской границы в 1826 г. К. Зайков (Konstantin Zaikov, Норвегия) сравнил русские и норвежские карты Северной Лапландии как средства образной характеристики пограничного региона, а А. Лаба (Agnes Laba, ФРГ) показала влияние общественного мнения на изображение восточной границы Веймарской республики на немецких картах 1920-х годов. Стендовый доклад Б. Фуэрст-Бьелиш и Л. Шакаи (Borna Fuerst-Bjeliš, Laura Šakaja, Хорватия) касался пограничных сообществ Морлахии на Балканах и их отражения в картографии XVI – начала XIX века.

В контексте имперского и колониального дискурса проблема границ рассматривалась К. Пуллум (Kathleen Pullum, Великобритания), которая говорила об исключительной значимости карт в «Большой игре» в Центральной Азии; И.А. Захаренко (РФ), проследившим историю картографирования дальневосточной границы России середины XVII – начала XX в.; А.К. Роки (Ana Cristina Roque, Португалия), исследовавшей процесс демаркации границы между Мозамбиком и Трансваалем в конце XIX века. Роли карт в реализации национальной политики внутри страны был посвящен доклад Х. Уинлоу (Heather Winlow, Великобритания), проанализировавшей, как картографирование индейских территорий США

в 1850–1940 гг. способствовало их интеграции в американский национальный проект. В стендовом докладе М. Агилар-Робледо и Э. Дельгадо-Лопес (Miquel Aguilar-Robledo, Enrique Delgado-Lopez, Мексика) на частном примере был продемонстрирован механизм проведения административных границ на территории Новой Испании в 1786 г. В стендовом докладе С. Диаса Анхеля (Sebastian Diaz Angel, Колумбия) на примере первых карт современной Колумбии, созданных в 1584–1630 гг. в Нидерландах, была показана ведущая роль имперских интересов и взаимоотношений в картографировании Нового света.

Доклад К. Данлоп (Catherine Dunlop, США) основывался на материале языковых карт Эльзас-Лотарингии, появившихся в XIX в. и являвшихся не только средствами сохранения идентичности, но также инструментами национального строительства и территориального разграничения.

О влиянии государства на содержание картографической продукции говорилось и на примере школьных атласов Великобритании 1880–1930-х гг. в докладе Дж. Макдугалл (Julie McDougall, Великобритания).

Оживлённую и неоднозначную реакцию вызвал доклад Ш. де Мер (Sjoerd de Meer, Нидерланды) «Глобусы и карты как символы престижа, величия и рекламы: с позиции морской транспортной компании». Анализ разнообразных источников позволил докладчику сделать вывод, резко противоречащий господствующему постмодернистскому подходу к картографическим материалам как средству манифестации власти, а именно о том, что географические мотивы, широко использовавшиеся голландскими транспортными компаниями в XX в. в целях рекламы и при оформлении помещений, могли и не выступать в качестве символов престижа и величия.

В отдельную тему выделились сообщения по военной картографии. Неизвестную страницу истории российской картографии открыла М. Альтич (Mirela Altic, Хорватия), посвятившая свой доклад съёмкам Черногории, проведённым П. Быковым, бароном Каульбарсом и П. Ровинским в 1860–1889 гг. Р.И. Смагин (РФ) в стендовом докладе отметил выдающуюся роль военных топографов в картографировании Западной Сибири в XIX – начале XX века. В стендовом докладе Г. Корзуниной (РФ) сообщалось о

хранящемся в Отделе картографии РГБ уникальном крупномасштабном плане немецкой крепости Кёнигштейн (Königstein), составленном в 1734 году.

Любопытной особенностью конференции стало обсуждение военной картографии второй половины XX в., в той мере, в какой это позволяют делать существующие ограничения по секретности. Так, К.Я. Риес (Christopher Jacob Ries, Дания) рассказал о картографических работах при создании американской авиабазы в Туле (на севере Гренландии) в 1957–1960 гг.; А.Дж. Кент и Дж. Дейвис (Alexander J. Kent, John Davis, Великобритания) выбрали объектом своего исследования советские планы населённых пунктов Великобритании времен Холодной войны.

Ряд важных для истории картографии проблем был поставлен на материале Средних веков и Раннего Нового времени.

Одним из перспективных направлений истории картографии стало воссоздание культурно-экономического контекста, в котором создавалась и обращалась та или иная конкретная карта. Этот контекст складывался из таких параметров, как стоимость жизни, цены на разные виды красок и проч. Образцом подобного исследования является недавняя книга А. Каттанео о Фра Мауро². Эта методика использовалась в докладе Ч. Ван Дузера (Chet Van Duzer, США), где анализировалась финансово-экономическая составляющая создания морских карт и птолемеевых атласов и, в частности, контракты между картографом и заказчиком. В докладе Ж.Д. Тёрёка (Zsolt G. Török, Венгрия) о мастерской флорентийского художника и картографа XV – начала XVI в. Франческо Росселли рассматривались более традиционные вопросы картографической техники и атрибуции карт, причем использовался опыт самого докладчика, создающего карты по методикам эпохи Возрождения. И. Кантор и Ж.К. Гарсия (Iris Kantor, João Carlos Garcia, Бразилия) в своем стендовом докладе реконструировали социальный и институциональный контекст торговли картами в пределах Португальской колониальной империи в XVI–XVIII вв.

Докладов, посвященных картографии стран Азии и Африки, было сделано немного. По преимуществу в них исследовались восточные карты как таковые, в редких случаях — проводилось их

² Cattaneo 2011.

сопоставление с картами европейской традиции. Помимо упомянутого выше доклада И. Лявиньша, мусульманские карты рассматривались К. Коннетт (Christina Connett, США), которая проследила влияние исламской традиции на испанскую картографию Раннего Нового времени.

Сенхао Янг (Sen-Hao Yang, Тайвань), предложил типологию 182 китайских карт из собрания Библиотеки Национального Тайваньского университета, учитывающую корреляцию между назначением и использованием карты и ее содержанием. Й. Бээрниельм (Göran Bäärnhielm, Швеция) в своем стендовом докладе рассмотрел пути сообщения и топонимику на двух монголоязычных картах Центральной Азии, привезенных в 1734 г. в Швецию Ю.Г. Ренатом. В стендовом докладе К. Хасегавы (Koji Hasegawa, Япония) говорилось о трансформации городского картографирования в Восточной Азии — Японии, Китае, Корее — в 1850–1950 годах.

А. Каттанео (Angelo Cattaneo, Португалия) рассказал о своих разысканиях в японских архивах, где ему удалось обнаружить японские карты, восходящие к европейским и корейским — в свою очередь, зависимым от китайской традиции — образцам. Е. Симонина-Гудзенко (РФ) остановилась на источниках карты Японских островов, опубликованной в России в начале XVII в. В. Дорофеева-Лихтман (Vera Dorofeeva-Lichtmann, Франция) сравнила изображения «Западного региона» на китайских картах и изображения Китая на западноевропейских картах Средних веков и Раннего Нового времени.

Проблема многообразия культур в истории картографического производства исследовалась в ряде докладов. П. Чиа (Pilar Chías, Испания) проанализировала ранее не публиковавшиеся кадастровые карты, составленные в Испании в 1268 и 1280 гг., поместив их в контекст этнокультурного и религиозного многообразия полуострова в Средние века. На примере картографирования Трансильвании эту проблему рассмотрели в стендовых докладах Ж. Бартош-Элекеш (Zsombor Bartos-Elekes, Румыния), проанализировавший динамику топонимов на государственных топографических картах региона XVI–XX вв., а также М.-В. Вереш (Madelina-Valeria Veres, США), изучившая изображение региона в имперском картографическом проекте Габсбургов второй половины XVIII в. (Josephinische Landesaufnahme).

Отдельная сессия была посвящена истории русской картографии. Из докладов русской сессии наибольшее внимание привлек аналитический обзор российских архивов, предпринятый А.В. Постниковым (РФ). В своём выступлении докладчик сделал акцент на недостаточной изученности картографических фондов российских архивов и библиотек, призвал к составлению каталога всех хранящихся в России рукописных карт, а также остановился на проблемах рассекречивания пока не доступных материалов. Л.С. Чекин (Leonid Chekin, США) рассказал о картографических материалах XVI в. в иллюстрированных рукописях «Христианской топографии» и в Лицевом летописном своде. А. Собисевич (РФ) остановился на деятельности петровского картографа XVIII в. Акима Клешина.

Российская картография затрагивалась и в работе других сессий. С. Алай (Sugus Alai, Великобритания) привлек внимание к недооценке роли русских картографов в создании карты Каспийского моря 1720 г., приписываемой Ван Вердену. М. Фруммин (Mitia Frummin, Израиль) проанализировал записки русских паломников в Святую землю 1830-х гг., в которых сохранились карты Иерусалима.

В особую сессию были вынесены доклады О.А. Александровской, В.Н. Калущкова и Н.А. Алексеенко, посвященные трехсотлетию со дня рождения М.В. Ломоносова, который одно время возглавлял географический департамент Императорской академии наук и немало сделал для развития отечественной картографии.

Российская тематика была представлена также в стендовых докладах, посвященных истории картографирования тех или иных регионов России и Российской империи — Сибири (Е.Н. Коновалова, В.А. Попов, РФ), Камчатки (А.М. Булатов, РФ), Арктического побережья (В.И. Рябчикова, С.В. Кривов, РФ) — и истории создания «Национального атласа СССР» и «Национального атласа России» (А.Н. Краюхин, РФ).

Доклады, связанные с применением новейших технологий работы с картографическим материалом, были все вынесены в постерную сессию. М. Хайнц (Markus Heinz, ФРГ) продемонстрировал базу данных Берлинской государственной библиотеки, сформированную по материалам атласов, опубликованных в ФРГ, Австрии и Швейцарии. В.В. Курляндский (РФ) показал принципы создания виртуальных 3D-реконструкций средневековых ланд-

шафтов Англии и Китая. А.А. Медведев (РФ) остановился на методиках использования мультимедийных технологий при работе с историческими картами. Т. Петрова, С. Свириденко и Т. Тимофеев (РФ) рассказали об истории создания и принципах функционирования ГИС-проекта на основе карты И.К. Кириллова 1734 года.

Едиственный доклад по истории селенокартографии был сделан российскими участниками — К.В. Шингаревой и Б.В. Краснопевцевой.

Слабая оформленность истории картографии в качестве особой дисциплины выразилась, в частности, и в том, что многие доклады (как устные, так и стендовые) не пытались решать собственно историко-картографические проблемы, а использовали карты лишь в качестве источника по истории культуры, политической истории, по исторической географии. В противовес такой дробности тем и задач организаторы конференции пытались обращать внимание на наиболее актуальные проблемы истории картографии в целом. В частности, К. Делано-Смит (Catherine Delano-Smith, Великобритания) и М. Эдни провели общую дискуссию, посвященную вопросам использования карт, распространения и обращения карт в различных обществах и среди тех или иных групп пользователей.

Одна из сессий была посвящена вопросам о целесообразности создания, сфере деятельности и организационной структуре Международного общества по истории карт — проект, выдвинутый венгерским участником конференции Ж. Тёрёком. 11 июля состоялся Открытый форум, организованный инициативной группой по созданию Международного общества по истории карты. Инициативная группа под председательством профессора Ж. Тёрёка, созданная в 2009 г. решением директората журнала “Imago Mundi”, разослала опросные листы наиболее известным специалистам в области истории картографии и проанализировала 200 полученных ответов. 185 человек уже выразили желание состоять членами Международного общества по истории карты. На форуме было принято Заявление следующего содержания: «Учитывая, что в настоящее время не существует формально организованного международного общества в рассматриваемой научной сфере, инициативная группа предлагает учредить общество, открытое для всех. Цель общества — поддержка научных исследований, программ обучения и общения между исследователями, работающими в

сфере истории картографии, изучающими любые страны и эпохи». Общество было формально основано в декабре 2011 г., и в июне 2012 г. ожидается общее собрание, на котором будут избраны его должностные лица.

В рамках конференции в Центре-музее им. Н.К. Рериха прошёл круглый стол «История картографии и национальные географические общества». Участники круглого стола ознакомились с новейшими изменениями в жизни Русского географического общества, обсудили современное состояние национальных географических обществ в различных странах. Профессор А.В. Постников предложил скоординировать действия географических обществ в области изучения истории картографии. В ходе обсуждения этого предложения сделалось ясным, что, как правило, географические общества нацелены на получение актуальной пространственной информации, тогда как поддержка ими исследований по истории картографии во многом зависит от того, располагают ли общества коллекциями старинных карт, подобными тем, что хранятся в Королевском географическом обществе в Великобритании и в Русском географическом обществе. Участники пришли к общему мнению, что необходимо приложить усилия к организации международной научной конференции, посвящённой роли национальных географических обществ в истории картографии.

К конференции, по многолетней традиции, было приурочено заседание Международного общества кураторов ранних карт (ISCER). Международное общество кураторов ранних карт не представляет собой формальную организацию с фиксированным членством или уставом. Это, скорее, клуб людей, которые собираются раз в два года на Международных конференциях по истории картографии для обсуждения общих проблем или новых возможностей, открывающихся в сфере хранения старинных карт. Заседание в Москве отличалось широкой географией участников, в том числе и из Латинской Америки. Основной темой обсуждения на этот раз стал опыт цифрового копирования картографических материалов, финансирования процесса сканирования, хранения полученных данных, доступа к цифровой информации и к отсканированным картам.

Начало конференции ознаменовалось открытием нескольких выставок. В один из дней работала выставка, организованная на-

учно-исследовательским отделом рукописей РГБ. Она была подготовлена специально для участников ИСНС, интересующихся рукописными картами, которые хранятся в библиотеке. В читальном зале отдела картографических изданий РГБ открылась выставка «Русская карта: от рисунка к гравюре». Особый интерес у гостей вызвали гравюры на деревянных досках, выполненные при монастырях.

Центр восточной литературы РГБ подготовил выставку «Китайские печатные карты из коллекции К.А. Скачкова». Российский ученый и дипломат в середине XIX в. работал в Пекине. Там он и начал собирать свою уникальную коллекцию, впоследствии попавшую в Румянцевский музей. Каталог выставки опубликован³.

В Государственном историческом музее 11 июля торжественно открылась выставка «Искусства ради и науки». Автор концепции, заведующий отделом картографии ГИМ В.Э. Булатов, стремился показать, как изменялся внешний вид карт с течением времени, насколько ценилось эстетическое начало, проявлявшееся в сюжетных композициях, выборе шрифта, чистоте исполнения, декоре. В отдельной витрине были размещены православные иконы с элементами картографических изображений и факсимильное воспроизведение составленной в 1701 г. Семеном Ремезовым «Чертежной книги Сибири». Каталог выставки опубликован⁴.

Также в рамках конференции прошло несколько книжных презентаций. В частности, профессор Б. Нарден (Bruno Naarden) и полномочный министр Посольства Королевства Нидерландов О. Элдеренбос (Onno Elderenbosch) представили первый полный перевод с голландского на современный русский язык книги бургомистра Амстердама, политика и путешественника Николааса Витсена «Северная и Восточная Татария» (1692).

Следующая, 25-я международная конференция по истории картографии назначена на 30 июня – 5 июля 2013 г., место проведения — Хельсинки (информация о конференции размещается на сайте www.ichc2013.fi [август, 2012]).

В.Э. Булатов, И.Г. Коновалова, Л.С. Чекин

³ Китайские печатные карты 2011.

⁴ Искусства ради и науки 2011.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Искусства ради и науки 2011 — «Искусства ради и науки. Эволюция художественных стилей в картографическом искусстве: От рококо до соцреализма». К 24-й Международной конференции по истории картографии: [Каталог выставки] / Автор текста: В.Э. Булатов. Описание карт: В.Э. Булатов, Е.Д. Маркина, Н.А. Николаева, Н.Ю. Соловьева, И.К. Фоменко. Дизайн: А.А. Засыпкин. М., 2011. 42 с.
- Китайские печатные карты 2011 — Китайские печатные карты из коллекции К.А. Скачкова. Выставка, приуроченная к Международной конференции по истории картографии. Россия, Москва, Российская государственная библиотека, 10–15 июля 2011 г. 16 с.
- Cattaneo 2011 — *Cattaneo A. Fra Mauro's Mappa mundi and Fifteenth-Century Venice*. Turnhout, 2011.
- Multiculturalism 2011 — Multiculturalism in the History of Map Making: 24-я Международная Конференция по Истории Картографии: Тезисы устных и стендовых докл. Москва, Россия 10–15 июля 2011 / The 24th International Conference on the History of Cartography: Paper and poster abstracts. Russia, Moscow 10–15 July 2011. М., 2011. 224 p.

ДВЕ КОНФЕРЕНЦИИ ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ

Первая половина 2011 г. в России была ознаменована проведением двух значительных конференций по исторической географии — «Историческая география: пространство человека vs. человек в пространстве» (Москва, 27–29 января 2011 г.) и «Глобальные и региональные проблемы исторической географии» (Санкт-Петербург, 25–28 апреля 2011 г.). Подобно астрономическому событию, близкое соседство конференций в календаре стало результатом продолжительных эволюций. Московская встреча, проходившая в старинном доме на Никольской, явилась двадцать восьмой по счету ежегодной конференцией кафедры источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института РГГУ. Санкт-петербургская конференция, которую принимали в здании бывших Бестужевских курсов на Васильевском острове, стала четвертой тематической конференцией из тех, что на протяжении последних десяти лет проводятся совместными усилиями географов СПбГУ, ЛГУ им. А.С. Пушкина и Российского географического общества¹. Организаторы обеих конференций отмечали укорененность этих событий в конкретном академическом контексте: московская конференция была посвящена 70-летию со дня рождения В.А. Муравьева (1941–2009), читавшего курс исторической географии в ИАИ с 1990 г., санкт-петербургские коллеги открыли заседание воспоминаниями о В.С. Жекулине (1929–1989), основателе ленинградского направления в «географической» исторической географии.

¹ II международная конференция «Историческая география, геоэкология и природопользование: новые направления и методы исследования» (РГО — Российский государственный гидрометеорологический университет, Санкт-Петербург, 15–18 апреля 2002 г.); III международная конференция «Историческая география: теория, методы и инновации» (РГО — ЛГУ им. А.С. Пушкина, 23–25 апреля 2007 г.).

Календарное соседство этих форумов, в обоих случаях заявленных в качестве площадок для обсуждения теоретических и методологических проблем исторической географии, предоставляет уникальные возможности сравнительного очерка российского варианта этой междисциплинарной области в конце первого десятилетия XXI в. Немного цифр, да простится нам некоторая приблизительность подсчетов: объем сборников материалов, выпущенных по результатам конференций — 498 с. (Москва), 764 с. (Санкт-Петербург), количество заявленных участников, подавших тезисы и включенных в программу — 140 человек (в Москве), 235 человек (в Санкт-Петербурге), география участия — в московском случае 40 городов, включая Москву (68 участников), Вологду и Екатеринбург (по 6 участников), Нижний Новгород (4 участника); в Санкт-петербургском случае (45 городов) также лидировала Москва (58 участников), затем Санкт-Петербург (38), Владивосток (13), Улан-Удэ (10), Краснодар (10). Казалось бы, цифры впечатляющие. Вероятно, в России и ближнем зарубежье в области исторической географии работает весьма значительное число специалистов.

Однако при сопоставлении двух списков, формирующих состав этого воображаемого сообщества (один из них, напомним, включает 140 участников, другой — 235 участников), обнаруживается, что число участников, подавших заявки на обе конференции — шесть человек, что составляет менее 2% от общего числа. Москвичей, которые, в силу своей многочисленности, определяли программу обоих форумов, среди них нет, это представители Великого Новгорода, Екатеринбурга, Ижевска, Ташкента, Тюмени и Санкт-Петербурга. Пример с московскими участниками показателен — по-видимому, в одной только Москве существует две отдельных группы ученых, каждая из которых занимается исторической географией, не участвуя при этом в проектах другой группы.

Нужно отметить, что эта ситуация и причины ее возникновения не ускользнули от внимания ведущих специалистов, представивших свои доклады на пленарных заседаниях. Среди участников московской конференции хотелось бы отметить доклад И.Г. Коноваловой (Институт всеобщей истории РАН), посвященный свойственному для отечественной исторической науки пониманию исторической географии как вспомогательной дисциплины,

вопросам негативной самоидентификации и изоляции сообщества «исторической» исторической географии, очерку разнообразной методологической повестки дня, которую формируют в международных профильных журналах и на международных конференциях профессиональные географы. «Совершенно очевидно, что при разработке проблем исторической географии всегда будет существовать некое разумное разделение труда между историками и географами... Вместе с тем, статус исторической географии как вспомогательной дисциплины не отражает потребности исторической географии как отрасли знания», отмечала она².

На пленарном заседании Санкт-Петербургской конференции проблема разрыва между «исторической» и «географической» историческими географиями описывалась с точки зрения истории географии: М.И. Амосов (СПбГУ), предложивший оригинальную периодизацию развития исторической географии, замечал, что представление о двух самостоятельных дисциплинах с одинаковым названием окончательно закрепляется в советской науке в период с середины 1940-х – начала 1970-х гг. и соответствует «идеологической установке на принижение роли географических факторов в развитии общества» во времена, когда в западной географической науке стремительно развивались палеогеография, радиоуглеродная археология и другие «точные» методы историко-географического анализа³. В.Н. Стрелецкий (Институт Географии РАН) посвятил свой доклад сравнению национальных традиций во французской, англосаксонской и германской исторической географии в ее эволюции от «классических» форм к современным исследовательским направлениям. Важны его выводы о наметившемся в мировой исторической географии повороте в сторону изучения динамических, эволюционных в широком смысле процессов, без чего невозможен подлинный синтез истории и географии⁴.

Названия секций, очевидно, были призваны демонстрировать разнообразие современной историко-географической проблематики⁵. Впрочем, практика работы в секциях отразила и обратную

² Коновалова 2011:30.

³ Амосов 2011:5.

⁴ Стрелецкий 2011:65–66.

⁵ Названия секций московской конференции: «Историческая география как научная дисциплина», «Историческая география: проблемы историогра-

сторону такого плюрализма: в ситуации, когда число участников значительно, а определение самого предмета обсуждения допускает множество трактовок, организация плодотворной дискуссии порой представлялась проблематичной. Лейтмотивом всего, что нам довелось услышать, был вопрос о влиянии современных представлений о территории на историко-географическое районирование. Доклад А.М. Столярова (Зеленодольск), прочитанный на московской конференции, был посвящен вопросам репрезентации изменений российской границы в исторических атласах. Характеризуя университетские атласы, как продукт синкретической образовательной традиции, испытывавшей на себе воздействия политической конъюнктуры, докладчик отмечал необходимость новых подходов к визуальному представлению изменений границы России. Подобная же критическая тональность неоднократно звучала в докладах Санкт-Петербургской конференции. Ее задали, еще во время пленарного заседания, замечания Э.Л. Файбусовича (Санкт-Петербург) о принципах, которые должны лежать в основе историко-экономического, или, в трактовке докладчика, историко-культурного районирования современной России. Докладчик указывал на неадекватность систем регионального планирования, исходящих из существующего «юридического» административно-территориального деления, демонстрируя на примере Псковской области, что система актуальных для этого региона экономико-культурных отношений гораздо полнее описывается с помощью уездного деления, существовавшего до реформ 1920-х гг. Практическим развитием этого сюжета стали сообщения В.Г. Щекотилова

фии», «Историческая география: источники исследования», «Историческая география в кругу вспомогательных наук истории», «Историческая география: исследовательские практики», «Новая локальная история. Пространство города», «Пространственные факторы в исторических событиях и процессах», «Виртуальные и символические пространства». Для Санкт-Петербургской «географической», конференции была характерна большая тематическая и методологическая определенность, ср.: «Источниковая база историко-географических исследований», «Исторические карты, атласы и ГИС», «Историческая геоэкология», «Историческая география и палеогеография голоцена», «Региональные историко-географические исследования», «Гуманитарное направление в исторической географии», «Историко-географические исследования для рекреации и туризма».

(Тверь) о разработках в области формирования информационного пространства крупномасштабных архивных карт России XIX в., О.Т. Зубаревой, И.В. Журбина (Ижевск) о применении ГИС для моделирования исторического развития территории (на примере Прикамья).

Ф.С. Корандей

БИБЛИОГРАФИЯ

- Амосов 2011 — *Амосов М.И.* Развитие представлений о предмете и структуре исторической географии // Глобальные и региональные проблемы исторической географии: материалы IV международ. науч. конф. по исторической географии (Санкт-Петербург, 25–28 апреля 2011 г.). СПб., 2011. С. 3–8.
- Коновалова 2011 — *Коновалова И.Г.* Историческая география в исследовательском поле исторической науки // Историческая география: пространство человека vs. человек в пространстве: материалы XXVIII междунар. науч. конф. Москва, 27–29 января 2011 г. М., 2011. С. 22–30.
- Стрелецкий 2011 — *Стрелецкий В.Н.* Национальные научные традиции в зарубежной исторической географии // Глобальные и региональные проблемы исторической географии: материалы IV международ. науч. конф. по исторической географии (Санкт-Петербург, 25–28 апреля 2011 г.). СПб., 2011. С. 62–67.

**ПЕРВАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ ДЕМОГРАФИИ
И ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ
СЫКТЫВКАР, 11–14 МАЯ 2011 ГОДА**

11–14 мая 2011 г. в Сыктывкаре (Республика Коми) состоялась Первая международная конференция по исторической демографии и исторической географии. Организаторами конференции были Научный совет РАН по исторической демографии и исторической географии, несколько институтов Российской академии наук (Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, Институт российской истории РАН, Институт истории СО РАН, Институт истории и археологии УрО РАН, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН), а также Министерство национальной политики и Национальный музей Республики Коми.

По словам доктора исторических наук, сопредседателя форума В.А. Исупова (Новосибирск), столица Коми не случайно была выбрана для проведения первой международной конференции, так как сыктывкарские ученые давно и успешно занимаются проблемами исторической демографии. С 2008 г. Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН под руководством Научного совета РАН по исторической демографии и исторической географии издает журнал «Историческая демография» (выходит два раза в год).

В соответствии с темой конференции «Территория и население стран и континентов: история и современность» на пленарном и секционных заседаниях обсуждался широкий круг проблем: 1) история и современное состояние историко-демографических и историко-географических исследований; 2) источники для проведения историко-демографических и историко-географических исследований и методика их анализа; 3) демографические и этни-

ческие процессы в Древности и Средневековье; 4) общее и особенное в историко-демографическом и историко-географическом развитии стран и регионов в Новое и Новейшее время; 5) современная этнодемографическая ситуация и перспективы ее развития.

Такая широкая проблематика способствовала тому, что в конференции приняли участие ученые разных специальностей — историки демографии, источниковеды, историографы, археологи, историко-географы, специалисты по методологии истории. Благодаря этому актуальные вопросы исторической демографии и исторической географии рассматривались участниками конференции в различных интеллектуальных контекстах.

На пленарных заседаниях обсуждались вопросы источниковедения (В.А. Исупов, Новосибирск; И.Г. Коновалова, Москва), историографии и методологии историко-демографических исследований (В.И. Меньковский, Минск; С.А. Прокопенко, Ульяновск), проблемы ретроспективного изучения воспроизводства населения России и её отдельных регионов (А.А. Борисов, Якутск; В.В. Фаузер, Сыктывкар; Н.П. Лигенко, Ижевск). Значительное внимание уделялось вопросам демографической политики в России и странах СНГ — исследованию изменения структуры населения, динамике его численности, а также миграционному движению (А.К. Рахимбекова, Астана; Ю.В. Аргудяева, Владивосток; Н.А. Игнатова, Сыктывкар).

Несмотря на то, что в центре внимания участников были главным образом проблемы исторической демографии, историко-географическая составляющая программы также оказалась весьма существенной и интересной.

Большой интерес вызвал обобщающий пленарный доклад Э.А. Савельевой (Сыктывкар) об этнокультурных связях населения Европейского Северо-Востока в Древности и Средневековье. Весьма оживленно прошло заседание секции, посвященной периоду древности и Средних веков, где сыктывкарские археологи сделали доклады о взаимосвязи пространственной диффузии и культурной эволюции (В.В. Муравьев), об особенностях расселения на Европейской Северо-Востоке в эпоху энеолита-бронзы (И.М. Тимушева), о культурных связях населения Европейского Северо-Востока, Западной Сибири и Зауралья в I тыс. до н. э. (И.О. Васкул), о роли

средневековых миграций в формировании этнодемографической карты Европейского Северо-Востока (М.В. Кленов), о заселении бассейна средней Вычегды в XI–XIII вв. (К.С. Королев), о локализации Печорской волости в XII–XVI вв. (А.Л. Багин). На этом же заседании обсуждался и вопрос об истории формирования родовой (клановой) структуры удмуртов (В.С. Чураков, Ижевск), а также о значении муромских синодиков XVII – начала XVIII в. как источников по исторической демографии (О.А. Сухова, Муром).

К сожалению, не все заявленные участники смогли приехать на конференцию, но их отсутствие отчасти было компенсировано возможностью прочесть тезисы их докладов, которые были загодя разосланы всем участникам в электронном виде.

Работа конференции была прекрасно организована и включала выездное пленарное заседание в селе Усть-Вымь, где участникам конференции была предоставлена возможность познакомиться с местными ландшафтами.

И.Г. Коновалова

КОЛЛОКВИУМ

«ЯЗЫК КАРТ: КАРТОГРАФИЯ КАК СРЕДСТВО КОММУНИКАЦИИ В СРЕДНИЕ ВЕКА И ЭПОХУ ВОЗРОЖДЕНИЯ»

23–25 июня 2011 г. в Бодлеянской библиотеке (Оксфорд, Великобритания) прошел коллоквиум «Язык карт: Картография как средство коммуникации в Средние века и эпоху Возрождения» (*Language of Maps: Communicating through cartography during the Middle ages and Renaissance*). Коллоквиум проводился в рамках британского исследовательского проекта «Лингвистическая география»¹ и был призван поставить на широкое обсуждение вопросы, возникшие в ходе работы над ним. Сам проект был посвящен изучению так называемой «Гоф-мэп» (*The Gough map of Great Britain*) — старейшей из дошедших до нас маршрутных карт Британии. Несмотря на то, что эта карта давно уже стала предметом исследования, мало что известно касательно её происхождения (когда, кем и зачем она была создана). Для ответа на эти вопросы в ходе реализации проекта был проведен палеографический и лингвистический анализ надписей, содержащихся на карте, а также была создана цифровая версия карты, дополненная базой данных по топонимам².

Таким образом, на обсуждение в рамках коллоквиума был вынесен ряд взаимосвязанных проблем: как «работают» карты, какую информацию они могут сообщить своей аудитории, как влияет предназначение карты на её содержание и его возможные интерпретации, какова роль аудитории, среди которой карта могла циркулировать и использоваться.

¹ Этот проект, в свою очередь, является частью программы «За гранью текста» (*Beyond Text*), спонсором которой является Совет по исследованиям в области искусства и гуманитарных наук (Великобритания).

² Все это доступно для широкой публики в Интернете на сайте проекта: <http://www.goughmap.org/map/> (август, 2012 г.).

Тот факт, что карты представляют собой сложные и многосоставные явления, «говорящие» на двух «языках» — текстуальном и визуальном, позволяет поставить вопросы о взаимоотношениях между «картинкой» и «текстом», о функциях, которые им приданы как теми, кто создавал карты, так и теми, для кого они были предназначены. При заданном подходе особое внимание было уделено надписям на картах, а сами карты рассматривались как контекст для этих текстов. Необходимо отметить, что это не новая идея. Еще в 1989 г. американский профессор географии Дж.Б. Харли писал об альтернативном понимании карт в своей статье «Деконструируя карту»³. И в связи с этим можно вспомнить «карты» англо-саксонской Англии, где не было визуального изображения, а были только описания.

Все эти вопросы находятся на стыке многих наук и потому требуют для своего исследования применения междисциплинарного подхода с привлечением специалистов по истории искусства и книжного дела, истории лингвистики, исторической географии, археологии, картографии и истории картографии, что и получило отражение в программе коллоквиума и составе его участников.

В соответствии с поставленной общей темой, было условно выделено четыре большие подтемы (по сессии на каждую): «Диалог», «Нарративы», «Чтение» и «Запись», — в рамках которых было сделано 19 докладов. Кроме того, в дополнение к ним были прочитаны две лекции приглашенных исследователей: лингвиста (Джереми Смит; J. Smith) и историка картографии (Питер Барбер; P. Barber).

В рамках первой сессии («Диалог») был затронут и поставлен целый ряд проблем. Речь идет о двух типах диалога (из множества возможных): диалоге между разными картами (сравнение копий одной и той же карты, различных — преимущественно локальных — карт одной и той же местности и т.п.) и диалоге между картами и теми, кто на них смотрит. Это включает в себя рассмотрение таких разных вопросов, как «правдивость» карт, выборка

³ Harley 1989. Основной идеей Харли было то, что карты необходимо очень тщательно анализировать для выявления внутренних противоречий, ошибок и слабых мест. Причем все это надо рассматривать не с позиции «ошибочности» или «достоверности», а как материал, на основании которого можно понять, как картографы создают свои карты и как эти карты работают.

информации из источников (в том числе картографических) при их создании, способы отображения информации. Изображение одной и той же территории на разных картах позволяет выявить цели создания этих карт и, как предполагается, соотнести полученные результаты с сохранившимися другими картами аналогичного типа, что помогает понять, что именно хотел сообщить автор каждой из карт и каким образом достигал своей цели, для кого делались карты и зачем они им были нужны. Как правило, это локальные карты, и в двух представленных случаях речь идет о картах, созданных для судебных разбирательств: карты XV–XVI вв. из английских архивов, связанные с выяснением границ владений или держаний (Р. Митчелл и Б. Шэннон; R. Mitchell, B. Shannon «Карты, диалог и правда») и французские карты начала XVI в., касающиеся разбирательств о правах в долине р. Роны (П. Фермон; P. Fermon «Создание карт для юристов: Николя Дипр, художник за работой, около 1500 г.»). В последнем докладе также поднимался вопрос о соотношении искусства и картографии, в связи с тем что автором одной из карт (предназначенной для разрешения имущественного конфликта), был художник авиньонской художественной школы, занимавшийся украшением часовен.

Судебные карты демонстрируют точки зрения разных сторон, и до конца XVI в. мнение каждой, как правило, изображалось на отдельной карте. Это поднимает вопрос о том, насколько такие карты можно считать надежными источниками информации и подчеркивает важность такой проблемы, как цель создания (функция) карты и влияние последней на её содержание. В то же время, интерес представляют и те способы (характер графики, значки и т.п.), которые использовались каждой стороной для отображения на карте своей позиции. В любом случае довольно узкое функциональное предназначение этих карт будет означать большую степень субъективности в отображении реальности. Этот пример заставляет задуматься о предназначении и функциях сохранившихся карт в целом; не были ли они также частью некоторого диалога и отражают только определенный взгляд на действительность?

Другой случай наличия нескольких карт одной и той же местности — это дошедшие до нас многочисленные изображения Святой Земли (Палестины) (П. Харви; P. Harvey «Средневековые карты Святой земли: цели, информация и влияние»). В отличие от

судебных карт, карты Святой Земли имеют другую дополнительную смысловую нагрузку и предназначение в виде символического изображения местности, когда карта выступает как вариант представления информации о библейских событиях. Это скорее воображаемая по Библии, а не современная картографу Палестина.

Карты могли выполнять самые разные функции. Отдельными примерами функционирования карт не как отображения географических знаний своего времени, а, скорее, как определенного политического заявления являются циклы карт-фресок в Италии (например, Ватиканский дворец, Палаццо Веккьо во Флоренции, Вилла Фарнезе в Карпароле) второй половины XVI в. (М. Роузен; М. Rosen «Пояснительные проекции: итальянские карты-фрески XVI в. и их печатные источники») и изображение морских кораблей на картах (Р. Ангер; R. Unger «Риторика морской державы и украшение ренессансных карт»).

В первом случае карты сопровождаются аллегорическими, политическими и историческими изображениями; они представляют весь известный мир или определенную (как правило, локальную) территорию, соотнося её с каким-нибудь важным символическим местом вроде Святой земли, выражая таким образом политические амбиции и наиболее значимые вопросы для местных властей. Сравнение этих фресок с их источниками (картами Ортели и Гастальди) позволяет увидеть, как их авторы заимствовали, вычеркивали, опускали или отвергали информацию современных им карт. В то же время, такие карты были рассчитаны на артистически и географически подготовленную аудиторию.

Во втором случае рассматривается функция изображений кораблей как части риторики, связанной с господством на море, контролем над прибрежными водами. Этот способ изображения моря не как просто пустого пространства между берегами зародился еще в XIV в., но для Р. Ангера отправной точкой рассуждений послужила титульная иллюстрация книги Джона Ди «Общие и исключительные произведения, относящиеся к искусству навигации» (1577), где изображена плывущая на корабле королева Елизавета как повелительница тех морей, по которым плывет корабль

Таким образом, характер диалога между картами и их аудиторией был прежде всего связан с конкретными задачами, которые ставили картографы в каждом отдельном случае. Не разбирая под-

робно различные способы передачи информации, характерные для картографии, тем не менее, докладчики наметили вопрос о значении эстетической компоненты в представлении картографического материала. Любопытно, что художник Николя Дипр, когда создавал карты сугубо практического назначения (для судебных разбирательств), явно «забывал» о своем знании законов перспективы при изображении.

Вторая сессия («Нарративы») затрагивает вопросы о различных способах представления информации на картах, её сложности и многослойности, а также о том, как карты нужно интерпретировать и соотносить изображение с легендой карты. Важным оказывается вопрос об источниках, послуживших основой для создания карты. Пример уже рассмотренных выше типов карт (судебной и символической) теперь рассматривается с бóльшим акцентом не столько на функции карт, сколько на способах выражения и представления информации на них. Зачастую, картографы предполагали заранее порядок, согласно которому карта должна была «прочитываться», создавая единое произведение из сочетания изображения и текста.

Карта Святой Земли (П. Арад; P. Arad «Нарратив и метанарратив на карте Святой Земли (Oxford, Bodl. Ms. Douce 389)») предстает, скорее, как некоторое символическое изображение (икона), субъективное восприятие этой земли, и является по сути «мистическим свидетельством», изображая то, что видно только «глазам веры», позволяя верующим лицезреть библейские события и даже поучаствовать в сакральной драме. Паломники XV в. (в основе данного исследования лежит карта Уильяма Уэя⁴) сопровождали свои итинерарии картами всей территории Святой земли, хотя сами они при этом посещали только ограниченную территорию около Иерусалима. Таким образом, эти карты были призваны передать не путь конкретного паломничества, а, скорее, идею Святой земли, её мистику. Карта основывалась на отрывках текстов (как библейских, так и других) и создавала свой собственный метанарратив этой территории.

⁴ Уильям Уэй (William Wey), английский паломник, посетивший в середине XV в. Иерусалим и оставивший описание своих путешествий (Wey 2010).

Доклад К. Серчук (С. Serchuk) «Многоязычная карта: французская карта леса XVI в. и её графический язык», был посвящен судебной карте, созданной в 1540 г. для разрешения спора между собственниками в лесу Телль в Пикардии касательно нарушений прав на заготовку леса. Эта карта показывает не только размер леса и его ресурсы, но и пахотные земли, сады, пастбища, мельницы и мастерские, местные города и замки. При этом города (среди них Париж, Амьен и Руан) изображены в виде панорам⁵. Все изображения несут дополнительную смысловую нагрузку: замки призваны удовлетворить тщеславие тяжущихся и пригласить их к участию в судебном процессе, а города — подчеркнуть значимость и центральность, а не периферийность и провинциальность рассматриваемой собственности. Каждый тип информации представлен особым стилем, и это многоязычие графического языка влияет на содержание карты и усложняет его. Таким образом, эта карта демонстрирует разные стили графического представления, сочетая изображение ландшафта и официальную правовую географию, городское и сельское пространства, итальянизированные и северо-европейские способы представления природного мира. Кроме того, карта сочетает в себе две функции — официального правового документа и произведения искусства. Карта создавалась путем личных наблюдений (на этом собственно зиждется её авторитет), сопровождавшихся зарисовками, которые были обобщены в конечной карте. Конечно, не все карты делались с такой тщательностью и высокой степенью художественности. Например, известна современная карта из Шампани, на которой нет изображений городов и такой подробной прорисовки деталей.

В то же время, в этой сессии затрагивается вопрос о связи карты с текстами как источниками информации, а также текстуальной географии. Данная тема рассмотрена на трех разных по характеру примерах: пьесе из цикла мистерий, карты одной страны и глобусе.

М. Лофтин в своем докладе (М. Loftin, «Подготовьте также *mapra mundi*»: картография на сцене в Честерском цикле мистерий») рассматривает то, как пьеса «Адам и Ева» (начало XV в.)

⁵ Исследователи считают эти изображения правдоподобными, хотя Париж изображен без Нотр-Дама, но зато с мостом.

представляет сценическую карту рая и земли. Восприятию данной пьесы как карты способствовало (хотя и неверное) приписывание авторства этого цикла Ранульф Хигдену (ок. 1280–1364), автору «Полихроникона», где приводится карта мира. Данный цикл отличается по своему акценту на изображении земли и небес от мистерий других северных английских городов, для которых был характерен, скорее, акцент на акте грехопадения. Фактически карта, созданная на сцене, отражает средневековый Честер, его расположение в Англии и современные картографические представления. До выноса физической карты на сцену дело не доходит (это будет сделано Шекспиром в «Короле Лире» и «Генрихе IV»).

Новый лингвистический и палеографический анализ «Гоф-мэп» (Э. Солопова; Е. Солорова «Лингвистическая география: три века языка, письма и картографии на Гоф-мэп Великобритании»⁶) показали, что карта была создана в 1370-х гг., а затем сильно изменена в первой четверти – первой трети XV в. Она отражает современный ей язык, традиции письменности и картографии, а также геополитические воззрения как своих создателей, так и редакторов XV в. Кроме того, она почти наверняка отражает географические познания и политические надежды, которые появились еще в XIII в. Таким образом, карта может быть понята только как изменяющаяся картинка и текст, включающие наслоения языка и значений на протяжении трех веков средневековой английской истории. Анализ текста, содержащегося на карте, позволяет выявить (по написанию топонимов) различные диалекты; выбор топонимов, обозначенных на карте, увидеть, какие территории представляли наибольший интерес для картографов: более подробно изображены центр и юго-восток Англии; очевидно близкое знакомство с южным Йоркширом, что связывают с происхождением или родственными связями картографов, а также наличие интереса к Уэльсу и Шотландии. Даже само составление государственной карты было необычно для того времени.

Ещё большую роль текст и связь с письменными источниками играют в случае глобуса Бехайма (М. Роулэнд; M. Roland «Глобус Бехайма: литературная карта географической мысли позднего

⁶ Доклад отражает результаты исследований в рамках проекта «Лингвистическая география».

Средневековья и раннего Нового времени»), созданного в 1492 г. в Нюрнберге. Этот глобус не только содержит изображения, восходящие к тексту «Приключений Сэра Джона Мандевиля», но также и текстовые цитаты (нанесенные на континенты и моря), из «Приключений Сэра Джона Мандевиля», «Книги о разнообразии мира» Марко Поло и «Географии» Птолемея. Это позволяет говорить о текстуальной географии. Глобус сочетает в себе как средневековые традиции (например, мирабилии), так и отражает, под влиянием представлений о мире Птолемея, другие веяния (ориентация глобуса на север, нецентральное положение Иерусалима, наличие долготы и широты, формы континентов, основанные на вычислениях Птолемея, и указание Птолемея как одного из авторитетных источников географической информации глобуса). Кроме того, очертания Африки основываются на появляющейся информации португальских исследований и торговых экспедиций. Таким образом, глобус Бежайма представляет собой литературный нарратив и географические представления XIV в., переосмысленные в парадигме Птолемея и раннего Нового времени, и отражает сложность создания карт в этот период, затрагивая проблему картографического сознания на рубеже Средневековья и раннего нового времени.

Сессия 3 («Чтение») посвящена вопросу о важности внимательного прочтения надписей, имеющихся на картах. Кроме того, затрагивается вопрос о визуальной выразительности карт и соотношении их эстетики с информативностью.

Значимость надписей на картах была продемонстрирована М. Смол (M. Small, «Католическая согласованность? Олаус Магнус и библейские цитаты на *Carta Marina*»), обратившей внимание на библейские цитаты, расположенные над изображениями монархов стран, показанных на карте, а также на связь между библейским контекстом цитат и политическим положением королей. Правда, только одна цитата носит чисто политический характер: над изображением короля Норвегии, который смотрит на короля Швеции, написано «никто не завладеет твоей короной». Другие цитаты больше связаны с пропагандой католицизма, так как католические короли получили хвалебные цитаты (из Откровения), а протестанты — осуждающие (из Ветхого завета). Таким образом, «Карта марина» имеет свой собственный текстуальный язык, но

еще большее значение она приобретает в контексте другой работы Олауса — «Истории северных людей», которая дополняет язык карты. Олаус Магнус использовал и карту и текст для пропаганды и продвижения своей доктрины, при этом он оказывается более суров по отношению к лютеранам, чем к язычникам.

Выбор языка для надписей на карте сам по себе может быть многозначен. Так, Фра Мауро использовал венецианский диалект (т.е. народный язык) при создании своей «*Mapa Mundi*» около 1450 г. (А. Каттанео; A. Cattaneo «*Mapa Mundi* Фра Мауро в контексте “выбора языка” в Венеции XV века. Роль Камальдозезского ордена»). Что стояло за этим выбором, и какая аудитория предполагалась при таком выборе языка? Этот вопрос рассматривается в свете истории венецианской культуры в целом и, более конкретно, в связи с производством венакулярных книг в камальдозезских монастырях Мурано XV — начала XVI века. Именно ими (и практически одновременно с созданием карты) были составлены фундаментальные труды на венецианском диалекте, появились первые печатные издания Библии на народном языке и «Золотой легенды» Якопо да Вараджине. Все это было осуществлено представителями ордена камальдозезов. Создание карты на народном языке можно рассматривать как одну из составляющей этой культурной тенденции, а потому адресатом Фра Мауро была не «неграмотная в латыни» публика, а, скорее, публика, «читающая на вульгате».

Соотношение изображения и письменного текста на карте как способа донести информацию до своей аудитории может быть лучше понято при соотношении с похожим явлением средневековой культуры — церковными *tabulae* (Д. Теркла; D. Terkla «Представление земли: *mappaemundi* и церковные *tabulae*»). Как показали исследования целого ряда ученых, Англия шла впереди в конструировании и производстве церковных *tabulae*, которые использовались в том числе как алтарные фронтоны. Их часто украшали изображениями Марии и помещали в её часовни. Оба источника достигли расцвета примерно одновременно в XII–XIII веках. Для обоих было характерно разное сочетание текста и изображения: некоторые состояли только из текста, другие — только из изображений, в то время как третьи сочетали обе системы. Подобно своим картографическим родственницам, *tabulae* обслуживали разную публику, действуя на разных уровнях грамотности, и ис-

пользовались для нравоучения, проповедования и как средства исторической информации. Аналогии между созданием, расположением и использованием *tabulae* и *mappaemundi* дают новый взгляд на то, как визуальный и текстуальный языки карт (подобных тем, что хранятся в Херефорде, Эшридже и Мертон-колледже в Оксфорде) «разговаривали» со своей публикой, как мирянами, так и клириками.

Наконец, фрагмент одной карты рассмотрен как пример отражения определенных идей на карте, где последняя выступает не просто как изображение, а как определенный аргумент (А. Миттман; А. Mittman «Иудейско-мусульманско-политеистический идол на алтаре: Херефордская карта и конструирование Другого»). В юго-восточной четверти мира, в Аравии, около Красного моря, изображены евреи (четыре человека в смутно монашеском одеянии), склонившиеся в молитве перед алтарем, на котором сидит Махун, уродливый, изогнувшийся теленок, который поднимает свою заднюю ногу, чтобы испражниться на алтарь. Хотя идол — рукотворная вещь, но тут он действует, т.е. мыслится как живой. Данное изображение имеет смысл в геоисторических рамках средневековой картографии, конструкта, который позволяет гладкие переходы во времени (настоящее и прошлое) и пространстве (там и тут). Любопытно, что происходит некоторое слияние образов евреев и мусульман, которые воспринимаются как идолопоклонники. Кроме того, изображение крестов на алтаре намекает на происходящую десакрализацию христианства и, более конкретно, на средневековое обвинение в осквернении гостии.

Подобное (но только в политическом контексте) идеологическое значение имела английская карта XVI в. *Angliae Figura* (лекция П. Барбера «Изменение Гоф-мэп для Генриха VIII: Морис Гриффит и *Angliae Figura*»), анализ которой показывает, что она во многом опиралась на предшествующую ей «Гоф-мэп», но при этом демонстрирует политические амбиции очень короткого периода, что позволяет её датировать 1536–1537 гг. П. Барбер видит в ней «удачную» политическую карту, изображающую королевство, которое понравилось бы Генриху VIII, что нашло свое выражение в том факте, что она висела около королевских покоев в Хэмптон-корте. На этой карте одним цветом (белым, в отличие от желтого у Ирландии и Шотландии) изображены Англия и Уэльс, и в этом

можно видеть последствие акта парламента 1535 г. об объединении Англии и Уэльса. Помимо политической значимости, в карте также нашли отражение новые картографические тенденции (например, исправленное птолемеево очертание Шотландии) и личность самого составителя — Мориса Гриффита (его связь с северным Уэльсом и Бангором, особенно подробное изображение Кента).

Вопрос о визуальной культуре позднего Средневековья на основе анализа морских карт XIV–XV вв. поднимает Г. Гальперн (G. Halpern, «Картографирование поверхности и структура за морем»). Она обращает свое внимание на структуру тех карт, которые «покинули корабль и удалились на берег», лишившись таким образом своего первоначального предназначения и методов построения (физических измерений моряков), а также на то, как на них изображена суша. Эти карты, например, «Каталанский атлас» и реконструированные Венско-клостернойбургские *Schyfkarten* сочетают очертания морских карт с «ошибками» (несбалансированными сетками, плохо выравненными розами ветров, неправильно расположенными городами), демонстрируя искажение соотношения между функциональностью и эстетикой карт.

Сессия 4 («Написание») посвящена вопросам форм картографического мышления и их изменения, что рассматривалось на общем материале (доклад К. Делано Смит; K. Delano Smith), материале Англии и частном примере (доклад Дж. Саймона; J. Simon), а также способам осмысления и изучения средневековых карт в наше время (доклад М. Фуаса; M. Foys).

С картографической точки зрения водораздел между Средними веками и ранним Новым временем традиционно связывают с тем, что в середине XVI в. образованный класс изменил свое отношение к созданию и использованию карт. Однако при ближайшем рассмотрении ситуация оказывается несколько иной (К. Делано-Смит «Средневековое картографическое мышление – ренессансное картографическое сознание ('map consciousness')»). Интерес к картам наблюдается у средневековых образованных слоев практически повсеместно — в монастырях и университетах (карты и планы, нарисованные для объяснения библейских и научных текстов), при дворе (карты как политический или правовой аргумент). Отличие заключается только в их схематичном стиле

(поэтому они не всегда классифицируются нами как карты), тогда как карты XVI в. были птолемея типа, структурировались по евклидовой геометрии и включали астрономически измеренные широты и долготы. Изучение средневековой картографии выявляет значительное количество разных по типу карт, но преобладающее влияние на них оказывает именно церковное мышление, изображение зачастую не материального мира, а интеллектуальной мысли или попытки преобразовать материальное в нематериальное.

Более частный случай производства средневековых карт был затронут в докладе Дж. Саймона («Абстрактные формы, физическое пространство: использование теоретической геометрии в картах византийских землемеров»). Он рассматривает вопрос о влиянии античных трактатов по теоретической геометрии, прежде всего трактата Герона Александрийского, на картографическое восприятие византийских землемеров XI–XII веков. Собственно примеры рисунков землемеров не сохранились (так как после произведения оценки надобность в них пропадала), и об их представлениях мы можем судить только по небольшому корпусу византийских геометрических трактатов, возникших, как считается, в XI в., и поэме, приписываемой Пселлу, которая описывает землемера за работой. Опора на геометрические тексты могла привести к процессу абстрагирования, появлению легко узнаваемых форм в рисунках землемеров, что отражает, с одной стороны, восприятие пространства, а с другой, ставит вопрос о соотношении между реальным пространством, его текстуальным описанием и графическим изображением. Примечательно, что в данном случае картография выступает лишь как средство достижения поставленной задачи.

Развитие цифровых технологий в картографических исследованиях открывает все большие возможности для анализа карт. М. Фуас выделяет две тенденции в ранних цифровых исследованиях («Исправление реального: цифровые отклонения и ранние исторические карты»). В целом, исследователи склонны к геопространственной коррекции и переработке исторической формы для приобретшего новую форму содержания. Цифровые технологии использовались для того, чтобы соотнести исторические карты с нынешней физической измеряемой географией, привести их в со-

ответствие с современным метрическим схематическим чувством пространства. Другим распространенным технологическим приемом является исправление старой карты путем переписывания её репрезентативной топографии как хранилища для первоначально внешнего использования данных.

Недостатком такого рода исследований является подлаживание формы и функций исторических карт под временные понятия геопространственного изображения. Таким образом происходит, с одной стороны, некоторое искажение информации, а с другой, теряется специфика исторических карт. Тем не менее, постепенное накопление информации и создание доступных в сети широко-масштабных картографических баз данных (*datascape*) на основе карты, текста и с открытыми схемами аннотации, включая корректировку по координатам и крупномасштабное тематическое моделирование, позволяют соотнести детали на ранних исторических картах. Примерами таких баз могут послужить, например, проект *Digital Mappaemundi* (Университет Дрю, США) и проект *Mappae: Cognitive Maps of the Middle Ages* (Университет имени Фридриха-Александра в Эрлангене и Нюрнберге).

Последний доклад сессии (К. Лилли, К. Ллойд и К. Поттер; K. Lilley, C. Lloyd, C. Porter, «Измерительная революция: прорисовка линьяжей в британской картографии») затронул обе поставленные в сессии проблемы: об изменении картографического мышления от Средневековья к раннему Новому времени и о современном изучении исторических карт. Сомнению подвергается идея, что новая «картографическая сознательность» возникла, когда «научные» и «правильные» (*accurate*) способы геодезической съемки и картографирования заменили более ранние практики средневековой картографии. Исследователи предлагают другой подход, который измеряет, насколько английские карты изменились, начиная со Средневековья, путем прослеживания их картографических «линьяжей». Сочетание цифровых технологий и пространственной статистики, были использованы для того, чтобы количественно определить, насколько похожи или отличны «Гофмэп» и *Angliae Figura* в отношении их географического содержания и картографической достоверности. Для этого местоположения объектов, отмеченных на картах, используются вместе с современными географическими координатами для того, чтобы

определить картографическую «правдивость» каждой карты, используя такие статистические методы как двумерная регрессия. Это дает основание для сравнения, как карты изменяются со временем, используя искажение сетки и другие показатели для характеристики каждой карты. Два основных вопроса: что представлено и как представлено, — позволяют определить насколько карты заимствовали информацию друг у друга и насколько они отражают нововведения в картографировании Британии.

Подводя итог, можно выделить несколько общих тем, которые прозвучали в целом ряде докладов. «Язык карт» может восприниматься совершенно на разных уровнях. С одной стороны, можно говорить о том, как представлена информация на карте, как текстуальный нарратив карт (выраженный через надписи на карте) соотносится с графическим/визуальным содержанием карт и глобусов. В ходе обсуждения возникла дискуссия, читается ли текстовое содержание в более «прямолинейной» форме, по сравнению с более «подвижным» прочтением визуального содержания.

В то же время, если анализировать непосредственно текстуальную составляющую карт, то можно говорить об идентификации «Языков на картах» через присутствующие на них отрывки из литературных произведений, например, созданные под влиянием или происходящие из описаний паломничеств или путешествий. Таковы были описания Мандевилья или Марко Поло, или цитаты, происходящие из Писания или текстов Отцов церкви. Кроме того, можно читать карты как «карты языков», например, через присутствие определенных народных языков, использованных картографами в некоторых исторических картах, таких как «Гоф-мэп» Великобритании и *Mapra mundi* Фра Мауро. Существуют также современные карты на средневековых народных языках, к примеру, «Лингвистический атлас позднесредневекового английского языка», который Джереми Смит использовал и анализировал в своей лекции («Гоф-мэп и история английского языка»), соотнося с лингвистической географией «Гоф-мэп».

В ходе конференции также был затронут вопрос о соотношении типа карты (государственной, религиозной, судебной, художественным произведением) с использованными методами представления информации. Эта тема была затронута в нескольких докладах, например, в докладах о судебном использовании карт

в XV и XVI вв., а также в докладах о месте таких карт и глобусов, как глобус Бехайма и карта *Angliae Figura*, которая была основным объектом лекции Питера Барбера. Те способы, которыми карты отражают определенные общие языки (и практики) внутри этих разных общин, действительно помогают определить, сконструировать и передать их, нуждаются в дальнейшем исследовании.

Таким образом, на коллоквиуме был поставлен и обсужден целый ряд проблем, связанных с «языком карт», но можно отметить, что исследователи не ограничивались только текстуальным анализом (хотя он был заявлен как главный) и целый ряд наблюдений относился к функциям изображений и неоднократно ставился вопрос о значимости эстетической составляющей карт.

Связь коллоквиума с проектом, посвященным в основном изучению «Гоф-мэп», нашла отражение в ряде докладов, уделивших особое внимание именно этой карте или для которых она стала отправной точкой исследования. Кроме того, некоторые результаты проекта в области нового анализа Гоф-мэп были представлены в рамках отдельного доклада (Э. Солопова). Одновременно, сама карта была выставлена на всеобщее обозрение в библиотеке. В рамках конференции также был официально запущен сайт проекта.

А.А. Анисимова

БИБЛИОГРАФИЯ

- Harley 1989 — *Harley J.B.* Deconstructing the map // *Cartographica*. 1989. Vol. 26. No. 2. P. 1–20.
- Wey 2010 — *The Itineraries of William Wey* / Ed. and transl. by F. Davey. Oxford, 2010.

НОВОЕ ДИССЕРТАЦИОННОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПО ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ И ГЕОГРАФИИ ПЕРСИДСКОГО ЗАЛИВА

18 мая 2011 г. на историческом факультете МГУ состоялась защита диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.03 — Всеобщая история (история древнего мира) Николая Александровича Маккавеева «Регион Персидского залива в селевкидо-парфянской эпохе» (научный руководитель — к.и.н., доцент С.В. Новиков). Несмотря на то, что диссертация представлена по специальности «всеобщая история», значительный ее объем отведен историко-географической тематике, и ее анализ на страницах ежегодника «Историческая география» вполне оправдан.

Тематика диссертации, представленной Н.А. Маккавеевым, предполагает исследование истории значительной части территории Ближнего Востока на протяжении почти шести столетий во всех ее проявлениях — политической, экономической, культурной. «Регион Персидского залива» составляют такие центры цивилизации в древности, как территории современных Ирана и Ирака, а также и Восточная и значительная часть Юго-Восточной Аравии. Автор начинает свое исследование со ссылки на «историю стран Персидского залива...» (с. 1)¹. Знакомство же с диссертацией показывает, что сама работа посвящена территориально истории о. Файлака (с. 34–143), области Харакена (Месена) (с. 143–200), ряду поселений на аравийском (с. 200–245) и иранском (с. 246–268) побережьях. Очевидно, что тематика исследования, вынесенная в заголовок, значительно шире, чем его фактическое содержание. Диссертанту следовало или ограничиться более узкой темати-

¹ Здесь и далее в скобках даются ссылки на страницы рукописи диссертации.

кой (например, «Файлака в системе селевкидского государства»), или значительно расширить рамки самой работы, обращаясь к истории всего Юго-Западного Ирана и Южной Месопотамии в означенный период, что едва ли оправдано в диссертации начинающего исследователя. Показательно, что, даже работая по заявленной тематике, диссертант неоднократно жалуется на то, что ему остались недоступны те или иные (общее количество недоступных работ измеряется несколькими десятками!) работы (с. 6, 8, 19, 21, 30, 32, 36, 49, 60, 77–78, 89, 104–105, 113, 131, 133, 146, 185, 198, 229, 235, 244, 249, 261–262; в иных случаях диссертант выходил из положения тем, что цитировал одни работы по другим, например: с. 245, прим. 3). Определенно, не стоило «замахиваться» на исследования по означенной теме, не будучи в состоянии учесть наиболее актуальные исследования коллег. Работа заведомо получается в значительной степени ущербной, постановка вопроса — неактуальной, а выводы диссертанта не могут претендовать на точность, полноту или новизну.

Диссертант указывает, что «история стран Персидского залива в древности активно изучается примерно с 1950-х гг., когда здесь нашли нефть и у местных государств появились средства на археологические исследования» (с. 1). Автор, вероятно, имеет в виду государства на западном берегу Персидского залива — Саудовскую Аравию, ОАЭ, Бахрейн, Катар и примыкающий к ним Оман. Однако, как указано выше, понятие «страны Персидского залива» гораздо шире и включает в себя территорию современных Ирана и Ирака, изучение древней истории которых насчитывает уже не одно столетие.

В следующем предложении диссертант заключает: «Иранский берег залива в археологическом отношении известен гораздо хуже аравийского, так как после 1979 г. Иран оказался закрытым для иностранных ученых». И это утверждение выдает незнакомство диссертанта с реальным положением дел. На территории Ирана плодотворно работает несколько иностранных миссий.

Далее диссертант пишет: «В западной историографии уже появились первые обобщающие работы по истории данного региона в древности, в отечественной же литературе о нем до недавнего времени упоминалось лишь от случая к случаю, только сейчас ситуация начала изменяться благодаря работам М.Д. Бухарина».

Нельзя не отметить того, что в так называемой «западной» историографии обобщающие работы появились не «уже», а давно. Основной (двухтомный!) труд по данной тематике² вышел более двадцати лет назад; немало работ, которые можно счесть «обобщающими», издавалось и до³, и после⁴ него, а в работах М.Д. Бухарина региону Персидского залива как раз уделяется второстепенное внимание, так как основной акцент в них делается на континентальной Аравии и красноморском бассейне.

Суммируя аргументы, диссертант утверждает: «Таким образом, актуальность темы исследования обусловливается необходимостью систематизировать труднодоступные, а потому малоизвестные отечественным историкам материалы, которые, тем не менее, могут пригодиться для решения ряда важных вопросов древней истории, таких как военная организация державы Селевкидов, различные вопросы денежного обращения, исторической географии и т.д.» (с. 1). Здесь диссертант, с одной стороны, противоречит сам себе. Ему осталось недоступным так много указанных им же (а еще больше не указанных) работ, что вопрос о «систематизировании» даже не может быть поднят. Кроме того, данный подход переводит работу из области собственно исторических исследований в область историографических штудий, а работа представлена по специальности «всеобщая история»! Автор претендует на то, что он знаком с некими работами (несистематизированными!), которые недоступны другим отечественным историкам, занимающимся историей региона Персидского залива в древности. Диссертант не может использовать декларации подобного рода, так как он не может знать, что известно, а что неизвестно «отечественным историкам».

Таким образом, единственным аргументом для того, чтобы считать тематику исследования актуальной, для диссертанта является необходимость систематизировать античную традицию — на самом деле давно систематизированную, и некие исследования, в

² Potts 1990.

³ Многочисленные лоции и географические справочники Персидского залива, напр.: Constable, Stiffe 1908; Lorimer 1915.

⁴ Rice 1994; Weeks 2003; Potter 2009 (особенно следует обратить внимание на статью Potts 2009, в которой фактически выполнены все задачи, которые поставил перед собой диссертант); Kauz 2010.

систематизации которых, вероятно, нуждается научное сообщество. При этом сам автор пользуется двумя источниками информации: российскими библиотеками (знакомство с работой не оставляет сомнений в том, что основной массив литературы заимствовался из частной библиотеки) и интернетом.

Античная литературная традиция, все изданные к настоящему времени папирусы, надписи и острака находятся в открытом доступе в интернете, снабженном разнообразными системами поиска информации, у большинства исследователей имеются соответствующие тезаурусы. При нынешнем положении дел «собрание и систематизация» совершенно неактуальны. Эта задача сродни попыткам изобрести счеты и противопоставить их современным компьютерам.

Тем не менее, основная цель работы сформулирована как систематизация античной традиции о Персидском заливе. Обратившись к содержанию (и к тексту работы тоже), нетрудно заметить, что систематизации античной традиции о Персидском заливе посвящена отдельная глава, занимающая десять (!) страниц из всего объема работы. Из этих десяти страниц четыре уделены ахеменидскому периоду, который не входит в хронологические рамки исследования. В иных разделах представлены выдержки из сочинений античных авторов по Файлаке, Бахрейну и Герре. Однако ни малейшей «систематизации» (готов признаться, что я так и не понял, что имел в виду автор диссертации под этим словом) в работе не содержится. Как можно решить основную задачу работы на шести страницах? «Максимально собрать и систематизировать» материалы по истории региона (стиль формулировок не только в данном случае, но и по всему тексту, оставляет очень тяжелое впечатление) на основе «комплексного анализа в свете достижений предшествующей историографии» автор диссертации также не в состоянии по уже указанной (в том числе и им самим) причине: отсутствия полного доступа к научной литературе.

Нельзя не отметить, что постановка такой задачи должна предполагать наличие существенных недостатков в предшествующих исследованиях. Между тем, указанное исследование Д.Т. Поттса является до сих пор и, определенно, будет оставаться еще долгое время настольной книгой для всех, кто обращается к античной традиции о Персидском заливе. Без выявления недостат-

ков в данном исследовании (а Д.Т. Поттс — не просто ведущий археолог, работающий на Ближнем Востоке, он свободно работает с материалом нескольких неродственных древних языковых традиций!) бессмысленно братья за выполнение данной задачи.

Нужно признать, что автор диссертации поставил заведомо невыполнимые цели, при этом осознавая, что и основы для их выполнения у него не имеется.

Собственную методологическую позицию, заслуживающую пристального внимания, автор излагает на с. 23: «В некоторых случаях возможно сопоставление Файлакских надписей с рядом надписей из других регионов эллинистического мира, прежде всего из Суз. Хотя наши сопоставления отнюдь не всегда являются бесспорными, ничего другого в литературе пока еще не предложено, поэтому подобные сравнения вполне допустимы».

Таким образом, по мнению автора допустимо все, что до сих пор отсутствует в научной литературе вне зависимости от серьезности предлагаемых рассуждений и выводов! Позиция автора, сформулированная со столь неосмотрительной откровенностью, обнаруживает совершенное нарушение всех тех принципов, которые были обозначены автором в данном разделе *pro forma*. Принцип историзма, критического анализа источников, все то, что составляет арсенал научного работника при обращении к анализу источников несовместимы с тем, чему готов следовать Н.А. Маккавеев: допустимо и применимо все то, что пока не высказано. Как правило, исследователи стараются не высказывать то, за что могут подвергнуться критике, то есть ошибочные, непроверенные тезисы. Н.А. Маккавееву следовало бы задуматься: а не потому ли и не высказаны эти суждения, что их и не следовало высказывать? Методологическая позиция автора, на которой и построена вся его работа, не соответствует принципам, на которых строится написание диссертационных работ.

Автор диссертации разделяет «цели» и «задачи» исследования. Обращаясь к последним, он пишет: «Задачи исследования. Рассмотреть вопросы исторической географии, прежде всего, проблемы, связанные с локализацией тех городов, которые на сегодняшний день известны только по письменной традиции. А также вопросы политической, экономической и религиозной истории края, вопросы денежного обращения и направления торговых пу-

тей» (с. 1). Можно, конечно, не обратить внимание на то, что необходимый абзац не поставлен, а два предложения подряд лишены согласования. Вопросы локализации поселений как на побережье Персидского залива, так и на некотором отдалении от него на аравийском и иранском берегах — задача, безусловно, актуальная. В определенной степени она уже выполнена на аравийском материале⁵. Неотождественным и нелокализованным остается значительное количество этнических и географических названий, особенно из «Естествознания» Плиния Старшего. И диссертант оказал бы большую услугу всем интересующимся исторической географией древнего Ближнего Востока, если бы он, сконцентрировавшись на данной тематике, сумел бы решить эту задачу в рамках диссертации, специально этому посвященной, например, на иранском материале.

Стремление выполнить такую задачу должно основываться на свободном обращении с материалом древнеперсидской, древнеюжноаравийской, арабской, вавилонской и арамейской (не говоря уже об античной) традиций. Как показывает диссертация Н.А. Маккавеева, работать ни с одной из неантичных традиций (о работе с античной традицией речь впереди) ее автор не умеет. Маккавеев даже путает такие понятия как «арабский» и «аравийский», то есть понятия, обозначающие этническую и языковую принадлежность, с географической: один «арабский город Герра» (с. 5) или «вся арабская торговля» (с. 66) чего стоят (см. также с. 25–26, 90 и др.)! Мы можем лишь предположительно указать, где Герра находилась, а об определении этнического состава населения этого горда (да и города ли?) не может быть и речи! Единственное, что нам известно по этому поводу, это факт основания Герры халдейскими беженцами из Вавилонии в VIII в. до н. э. (Strabo. XVI. 3. 3), которых нельзя назвать ни этническими арабами, ни носителями арабского языка. Во всяком случае, как сам я старался показать, передача местных восточно-аравийских названий на карте Птолемея говорит о том, что исходные формы были восточноарамейскими (а в случае с Геррой можно говорить и об аккадском субстрате⁶), а не арабскими: «Северо-Западная и вся Восточная

⁵ Бухарин 2009: 160–169.

⁶ Bukharin 2007: 80–85.

Аравия демонстрируют стойкое преобладание арамейского языка»⁷. Диссертант и далее выдает за «арабские» монеты, терракоту и т.д., происходящие с территории Аравии. «Арабы» в селевкидское время не занимались трансаравийской сухопутной торговлей: об этом нет ни малейших сведений. Контроль над посреднической торговлей на «Пути благовоний» в V–I вв. до н. э. осуществлялся жителями Южной Аравии — минейцами. А участие представителей арабских племен, живших в Южной Аравии, в трансаравийской торговле, вероятно, выражалось в снабжении минейцев верблюдами.

Автор диссертации не скрывает, что не знает арабского языка (с. 40). Не знает он не только языка, но и элементарных основ исследовательской традиции, и здесь его невежество иногда поистине комично: так, на с. 201 появляется арабский географ «Якут»! Единственно правильным написанием имени этого географа является «Йакут» (Йакут ибн ‘Абдаллах ар-Руми аль-Хамави)⁸.

Но и не зная языка, можно быть уверенным в том, что на территории Аравии живут не только арабы. Именно совершенным незнанием с азами арабистики объясняется использование такого нелепого написания как «ед-Дур» по всему тексту работы. Любой человек, знакомый хотя бы отдаленно с арабской традицией и ее отражением в русскоязычных источниках, знает, что арабский артикль *al-* может быть передан на русском языке либо как *аль-* (*ан-, ад-, аш-, ар-* и др.), либо как *эль-* (*эн-, эд-, эш-, эр-* и др.; соответственно и вместо «аль-Табари» (с. 197, 217) нужно писать «ат-Табари»). Использование формы *ед-* выдает полную неподготовленность автора для работы с данными арабской традиции. Зачем же в таком случае ставить перед собой задачи, заведомо невыполнимые? Как можно работать с аравийской топонимикой, не зная арабского, а с иранской — древне- и среднеперсидского языка? При этом разделе «Топография залива по античной традиции» (автор даже не указал — какого залива) уделено всего две (!) страницы — с. 262–263 (реальная пагинация отличается от указанной в

⁷ Бухарин 2009: 135.

⁸ О написании этого имени диссертант мог справиться в несомненно доступных ему изданиях: Матвеев, Куббель 1985: 101–162; Крачковский 2004.

содержании)! И ни один топоним или этноним, относящийся к региону Персидского залива, в данном разделе не локализован. Даже раздел § 2.2.3 «Локализация Спасину Харакса» (с. 157–161) не содержит ничего конструктивного, кроме пересказа ряда источников и некоторых голословных утверждений («На самом деле, гипотеза Нодельмана, несостоятельна...» с. 159; это «на самом деле» в качестве единственного и решающего аргумента используется Н.А. Маккавеевым и в иных случаях, напр.: с. 21, 60, 183 и др.). Это и естественно: автор не знает восточных языков и не в состоянии оперировать данными античной традиции о регионе Персидского залива в контексте местной историко-географической традиции. К чему, в таком случае, обращаться к пересказу и псевдоанализу арамейской надписи с Файлаки (с. 101–103)? Ни один специалист не будет воспринимать всерьез эти дилетантские рассуждения.

Автор диссертации продолжает: «Кроме того, ряд важных задач связан с изучением селевкидской катойкии на Файлаке. Проанализировать этнический состав катойкии...» (с. 2; согласование фрагмента, точнее — его отсутствие, принадлежит автору диссертации). Этому «кроме того» диссертант уделил 108 страниц, то есть половину объема диссертации!

В связи с этим показательны соображения диссертанта о структуре работы. Она, по его мнению, должна оправдываться степенью изученности материала (в этом есть определенный резон), и поэтому материал с Файлаки, как изученный наилучшим образом, поставлен во главу угла. Однако, по моему мнению, как раз наоборот: наилучшим образом исследованный материал заслуживает внимания в последнюю очередь. Какой смысл к нему обращаться в диссертации (и посвящать ему половину объема — 108 страниц; при этом главе 4 посвящено всего 13 страниц, а главе 5 и того меньше — 11!), которая должна быть ориентирована на решение вопросов, остающихся без ответа? Другой аргумент автора — возможность адекватной интерпретации эпитафического материала на основе точных представлений об археологической основе — не срабатывает: надписи с Файлаки — лишь частная тема внутри общефайлакского контекста. И важность главы в составе работы не может обосновываться важностью частного вопроса внутри главы.

Весьма желательно было бы включить в работу Введение, отсутствующее в диссертации, в котором следовало бы дать обзор представлений о Персидском заливе в эллинистической географии (Персидский залив — как часть Эритрейского моря), прежде всего о его названии. И совершенно нелепо выглядит присутствие раздела «Персидский залив при Ахеменидах» в самом конце работы. Структура работы должна быть выдержана хронологически. И, посвящая диссертацию истории селевкидского и парфянского периода, диссертант вполне мог (и должен был) в гипотетическом Введении очертить положение дел в предшествующую эпоху. Это только придало бы работе стройность. Поэтому такие заявления, как «в пятой, главе разбираются отдельные вопросы, которые невозможно было поместить в другие главы, но без которых исследование было бы неполным: Персидский залив в ахеменидское время...» выдают неспособность диссертанта выстроить схему работы, опираясь на территориальный и хронологический принципы.

Постоянные апелляции автора к «отечественной литературе» выдают провинциализм мышления диссертанта. Отсутствие тех или иных рассуждений в «отечественной литературе» не является поводом для написания диссертации. Многие отечественные специалисты по рассматриваемому кругу проблем (А.В. Седов, С.А. Французов, А.В. Муравьев и др.) публикуют свои работы в так называемой «западной» литературе. Причем преимущественно в «западной» (*Rossica non leguntur!*⁹ — жаловался академик М.И. Ростовцев в письме Э.Х. Миннзу). Наука в целом (и изучение древних обществ в том числе) давно стала глобальным явлением, и разделение его на «отечественное» и «неотечественное» совершенно неактуально.

Практическая значимость работы в контексте выше сказанного может определяться только желанием самого автора в корне переделать свою работу. Представленный диссертантом текст не может и не должен использоваться ни «при преподавании исторических дисциплин», ни при «написании учебных пособий и разработке лекционных курсов». Для того чтобы работа имела практическую значимость, она должна быть опубликована. Едва ли какое-либо научное издательство возьмется публиковать работу

⁹ «По-русски не читают» (*лат.*).

Н.А. Маккавеева как целиком, так и по частям в виде статей. В работе есть разделы, не вызывающие сильного раздражения, — например, изложение результатов археологических исследований на Файлаке (с. 42–62). Однако едва ли серьезный исследователь будет пользоваться такого рода рефератом, составленным к тому же без учета всех работ по данной теме. Он, несомненно, обратится к оригинальной публикации. Так же обстоит дело и со «сводкой» данных античной литературы по Файлаке или рассуждениями об эпиграфическом материале с Файлаки: содержательную ценность будет иметь обсуждение данного материала только на основе оригинальных (т.е. не *second hand*) самостоятельных изданий.

Едва ли материалы диссертации могут войти и в лекционные курсы. Исследование прибрежных поселений в акватории Персидского залива — узкоспециальная тематика, которая находится в центре внимания небольшой группы специалистов, работающих непосредственно в регионе. Неспроста в трехтомной «Истории древнего мира» (под редакцией И.М. Дьяконова, В.Д. Нероновой и И.С. Свенцицкой. М., 1988), построенной в виде цикла из 60 лекций, ни о Харакене, ни о Файлаке нет ни слова.

Таким образом, приходится констатировать очевидное: ни одна из первоочередных задач, поставленных диссертантом перед собой (систематизация данных античной традиции о Персидском заливе и локализация населенных пунктов), не решена и не могла быть решена, так как автор диссертации не владеет инструментарием, необходимым для работы с историко-географическим материалом из региона Персидского залива, а сам диссертант не может учитывать опыт наиболее актуальных исследований зарубежных коллег (отрадно, что хоть это обстоятельство диссертант сознает). Обоснование актуальности темы исследования как таковое отсутствует. Сама тема исследования сформулирована крайне широко и расплывчато для диссертационного исследования, что заранее ставит диссертанта в уязвимое положение. Структура диссертации негармонична и нелогична, так как не следует хронологическому принципу.

Следующая глава посвящена обзору источников, использованных диссертантом (с. 3–29). Практически каждый абзац в данной главе вызывает необходимость его коренной переработки, так как содержит множество неточностей, прямых ошибок и прочих

недостатков. Для примера проанализируем второй, приводимый с авторской пунктуацией, стилистическими нелепостями и синтаксическими несогласованностями:

«Большинство данных письменной традиции, за редкими исключениями, относятся к I–II вв. н. э., то есть ко времени расцвета Римской империи, благодаря которому наладились активные торговые контакты с Индией. А в III в., когда Рим вступил в полосу кризиса, никто из античных авторов об этом регионе практически не упоминает. Хотя еще во II в. до н. э. египетские моряки научились использовать муссон, чтобы плавать в Индию через Красное море, старый путь через Персидский залив, как видно из источников, нисколько не утратил своего значения» (с. 3).

Обращаясь к данным письменной традиции о Персидском заливе, автор делает акцент на том, что они относятся к периоду налаживания торговых связей с Индией в I–II вв. до н. э. При чем здесь связи с Индией, осуществлявшиеся в первую очередь через Южную Аравию и Красное море, автор не поясняет. Если уж автор коснулся торговых отношений Рима с Индией, то едва ли стоило как-то отдельно выделять III в. — в это время, несмотря на расхожий историографический стереотип, торговые отношения Рима с Индией не находились в состоянии кризиса¹⁰. Таким образом, интенсивность контактов с Индией не обуславливает степень информированности римских авторов о Персидском заливе в III веке.

Далее, автор утверждает, что «еще во II в. до н. э. египетские моряки научились использовать муссон, чтобы плавать в Индию через Красное море». Это утверждение, повторенное и на с. 7, абсурдно по многим параметрам. Автор, вероятно, имеет в виду греческих моряков из птолемеевского Египта, обозначение которых как «египетских» едва ли правомочно. Неясно, на основании чего диссертант делает вывод о том, что во II в. до н. э. греки научились использовать муссон для плавания в Индию. Диссертант, вероятно (приходится догадываться, так как никаких пояснений на этот счет он не дает), имеет в виду описание злоключений Эвдокса Кизикского. Этот вопрос уже рассматривался мною: «И хотя плавание Эвдокса в открытом море было связано с... «постоянными западными ветрами» (Strabo. II. 3. 4–8), разница в положении Эвдокса и

¹⁰ Бухарин 2003: 36–43.

Гиппала заключалась в том, что последний знал эту «форму моря» на собственном опыте; а так как индийца, из-за которого и начались все злоключения Эвдокса, нашли у самой впадины Аравийского залива полумертвым на пустом корабле, севшем на мель, можно предположить, что маршрут от Индии до Красного моря хотя и был известным во времена Эвдокса, но оставался мало исследованным и проходил вдоль берегов, то есть не был связан с муссонами или с умением их использовать. По словам самого Эвдокса, Птолемей VIII Эвергет II Физикон сомневался в такой возможности (Strabo. II. 3. 4), а это может говорить о том, что этот маршрут мог быть известен только индийцам, но не жителям Средиземноморья»¹¹. Вместо того, чтобы сослаться на сделанный вывод или попытаться его оспорить на материале источников, диссертант отделяется легкомысленным поверхностным заявлением, уровень легкомысленности и поверхностности которого очень хорошо характеризует уровень всей работы.

Обращаясь к данным Плиния Старшего (с. 4), Н.А. Маккавеев пишет: «Как считает М.Д. Бухарин, описание Аравии могло быть позаимствовано Плинием у некоего еврейского или арамейского автора, бывшего спутником Элия Галла, так как Плиний упоминает Аден, но не упоминает возникшую между 50–80 гг. н. э. Сану, тогда как ко времени создания «Перипла Эритрейского моря» (см. ниже) Аден уже потерял свое значение (ПЭМ § 26: 8. 30)». Ссылкой на мою работу (и не только в этом случае) диссертант прикрывает очередную нелепость, а в данном случае, еще более симптоматическую: описание Плиния, которое имеет в виду диссертант, относится исключительно к Западной и Юго-Западной Аравии. Оно вообще никак не затрагивает Персидский залив, то есть не имеет к теме диссертации ни малейшего отношения! Анализ трех параграфов из «Естествознания» Плиния (VI. 157–159) как раз привел меня к выводу о том, что суждения Х. фон Виссманна, пытавшегося разглядеть в этом описании путь к Персидскому заливу, неосновательны. Если бы диссертант внимательно ознакомился к текстом данной работы, вышедшей не только в виде главы в монографии, но и в виде статьи¹², то не стал бы привлекать ее для своей

¹¹ Бухарин 2007б: 176.

¹² Бухарин 2007а: 76–99.

работы в целом (и не назвал бы ее предполагаемого иудейского автора еврейским в частности — здесь автор диссертации опять подменяет одно понятие другим, при этом ссылаясь на чужое исследование).

Анализируя историю «региона Персидского залива», как обозначено в теме диссертации, ее автор пишет: «Нас интересуют исключительно конец пятой и начало шестой книг, а также отрывок из двенадцатой книги о флоре Бахрейна (Plin. H.N. XII, 39–40)» (с. 4). Между тем, данные по исторической географии региона Персидского залива в целом и самого залива в частности содержатся практически по всей шестой книге работы Плиния (VI. 95, 98–100, 108, 116–118, 125, 129, 136, 138–143, 145, 147, 149–150, 162, 167, 212–213)! И далее совершенно необходимый материал содержится в следующих книгах «Естествознания»: IX. 7, 106, XII. 35, 63, 68, 80, XXXI. 78. Нельзя написать работу по древней истории региона Персидского залива, если диссертант заранее отсекает практически весь массив сведений важнейшего источника по истории региона!

Уровень компетентности автора хорошо виден и при обращении к другим источникам. Так, диссертант заявляет: «Некоторую информацию дает “Перипл Эритрейского моря”, составленный, скорее всего, в 70-е гг. I в. н. э. неким римским или египетским купцом...» (с. 7). Если автор под «египетским купцом» имел в виду этнического египтянина, то такого рода заявление требует предварительного обоснования. Противопоставление «римского» и «египетского» для представителей торговой верхушки римского Египта — личного владения римского императора — совершенно неправомочно.

На следующей странице автор заявляет: «Ценные сведения о жителях Герры можно также найти у Агафархида Книдского — александрийского историка...» (с. 8). Агафархид Книдский дважды упоминает геррейцев (De mag. § 87, 102), но в обоих случаях речь идет не о жителях Герры, а о торговцах, ареал активности которых простирался по Северо-Западной Аравии! Ни диссертант, ни кто-либо еще не может сказать, бывали ли они вообще в Герре! Как правило, такого рода торговцы составляли замкнутые колонии, этнические землячества, в крупных перевалочных пунктах на

протяжении «Пути благовоний», вероятно, годами (а, может быть, и вовсе) не навещая свою историческую родину.

Столь же легковесны и поверхностны суждения автора и относительно «Введения в географию» Клавдия Птолемея. Автор верно отмечает наличие сложностей при работе с данным источником (с. 11). Однако легкость преодоления этих сложностей поистине завораживает: «В литературе нередко высказываются сомнения, будто бы сам Птолемей никаких карт не составлял, ибо никаких сведений о них нет, а дошедшие до нас карты начерчены уже в Средние века. Однако подобные сомнения не имеют под собой надежных аргументов»¹³. Помимо неснятой гиперссылки (диссертант поленился набрать фамилию автора от «руки»), следовало бы обозначить историю вопроса, насчитывающую не одно столетие, а не пытаться решить его одним примечанием и ссылкой на две работы, автор первой из которых едва ли может претендовать на авторитетность суждений.

Совершенно неясно, для чего диссертант так подробно излагает методы вычисления Птолемея: в работе они не имеют ни малейшего применения! Ни один топоним или этноним в регионе Персидского залива не локализован, и словесно-математическая эквилибристика (с. 11–18) ничему не служит.

Способность (точнее совершенная неспособность) Н.А. Макавеева решать поставленные задачи видна из обозначения следующей категории источников: «эпиграфические надписи» (с. 23), повторяющегося и далее (с. 62). Данное высказывание (для демонстрации его нелепости можно предложить аналогичное: нумизматические монеты, скульптурные статуи и т.д.) мог себе позволить только начинающий, не знакомый с научной терминологией (можно привести пример и из области нумизматики: «полудрахма» на с. 65 вместо «гемидрахмы») и, соответственно, с материей, которая за ней стоит, дилетант.

При обращении к нумизматическому материалу диссертант говорит об «арабских подражаниях» монетам Александра (с. 24). Хотелось бы узнать подробнее: в чем состоит «арабскость» этих подражаний? Древнейший источник на арабском языке относится к 328 г. н. э. (надпись Имру-ль-Кайса из Немары), древнейшие

¹³ Подробнее: Шувалов 2001: 11, прим. 2.

надписи, сделанные арабским алфавитом, еще моложе. Остается предположить, что их чеканили этнические арабы, использовавшие неарабские монетные легенды (интересно, на каком языке выполнена «Арабская легенда: *Абиатха*», упоминаемая на с. 64; утверждение же, что «Монограмма царя α — арабская буква алеф» выдает и путаницу арабского и древнеюжноаравийского). Однако и это предположение столь же невозможно, сколь и нелепо. Впрочем, и дальше автор и пишет об «арабских» монетах так же уверенно (с. 25), и проявляет незнакомство с базовой научной терминологией: «В Южной Аравии собственные деньги начали возникать уже в IV в. до н. э.» (с. 25) — возникают не деньги, а монетная чеканка и монетное обращение!

Для оценки уровня представленной диссертации в высшей степени показателен исходный тезис автора: «Отдельные замечания по истории Персидского залива в Античности встречались еще в работах XIX в., все они были обобщены в ряде статей «Реальной энциклопедии классических древностей» под ред. Пауля и Виссова. Хотя эти статьи давно уже устарели, поскольку писались без опоры на археологические материалы, они по-прежнему сохраняют свое значение в первую очередь как обобщение античной традиции». Автор диссертации одним лихим «росчерком пера» обозначил уровень работ собранных в наиболее авторитетном издании для всей античной истории и филологии, даже не потрудившись привести хотя бы один пример! Статьи, вошедшие в «Реальную энциклопедию...» были написаны лучшими знатоками античной истории, филологии, географии. Они писались отнюдь и не столько на основании опыта исследователей XIX в. (хотя, конечно, с уважением к нему и с его учетом), а на основе собственных изысканий. Эти статьи писались на протяжении большей части XX столетия. Да, некоторые из них не учитывали результаты раскопок на ряде городищ на территории Саудовской Аравии и Кувейта. Однако античная письменная нарративная традиция о Персидском заливе за отчетный период не претерпела ни малейших изменений, и можно быть уверенным в том, что авторы соответствующих статей — профессора лучших университетов Германии, Франции и других ведущих научных держав, знали ее не хуже Н.А. Маккавеева, столь неуважительно с ними расправившегося.

Да и сам автор признает, говоря о статье из RE, посвященной Файлаке: «В Реальной энциклопедии Пауля-Виссова Икаросу посвящена особая статья, где собрана вся античная традиция о нем» — то есть основная задача, поставленная самим диссертантом, выполнена еще в 1914 г. (*Heeg J. Ikaros // RE. 1914. IX/1. Col. 977–989*). При этом диссертант не счел нужным не только ее проанализировать, а даже сослаться или указать в списке работ! И далее показательное признание: «Свидетельства античных авторов об Икаре (Файлаке) собраны И. Кальве (*Calvet Y. Ikaros: Testimonia // Failaka.Fouilles françaises. Lyon; Paris, 1983. P. 21–30*). Наиболее интересные из них воспроизведены Еппесенем (*Jeppesen K. The sacred enclosure... P. 115–116*)» (с. 37).

Для того, чтобы завершить анализ «изысканий» автора в области историографии вопроса, можно процитировать следующий пассаж о работах ведущего специалиста в истории региона Д.Т. Поттса: «Среди других его работ особо хотелось бы отметить статью *The Parthian Presence in the Arabian Gulf*, в которой утверждается, будто после свержения харакенского царя Мередата Вологезом IV бывшие харакенские владения по берегам Персидского залива перешли под прямое парфянское управление. Но, на наш взгляд, его аргументы неубедительны» (с. 31). Автор не удосужился не только проанализировать аргумента своего оппонента, но даже и перечислить их!

Нечего и говорить о том, что анализ историографии вопроса в работе Н.А. Маккавеева отсутствует. Несколько броских фраз о безнадежной устарелости работ целого поколения авторов не могут заменить его отсутствие. В итоге, точка отсчета в работе автора отсутствует: из изложения диссертанта нельзя понять ни состояние вопроса, ни необходимость его исследования.

Основная часть работы, как и предыдущие главы, начинается там же, где заканчивается предыдущая, вводная, без разрыва страницы. Глава I «Остров Файлака» занимает более сотни страниц (с. 34–141) и посвящена в основном описанию археологических памятников о. Файлака. Данное описание построено на пересказе чужих исследований и лишено самостоятельной ценности. И даже при этом некоторые высказывания автора привлекают внимание своей редкой нелепостью и неуместностью в диссертационном исследовании: «Результаты этих и некоторых других экспедиций

остались мне недоступны, либо вообще не опубликованы масштабы их работ были в общем незначительными» (с. 36). Что осталось неопубликованным, — остается только догадываться. Здесь и во многих других местах автор проявляет редкое неуважение к читателю, заставляя осваивать («читать» его невозможно, приходится продирается сквозь буреломы стилистических, лексических, синтаксических и фактических завалов) неотредактированный текст. Имело бы смысл лишь остановиться на главных выводах автора и тех параграфах главы, в которых автор предпринимает попытку вести независимое исследование, однако выводов как таковых в данной главе не содержится.

Раздел 1.1 («Свидетельства античных авторов») могли бы составить основу Приложения. Анализ (или то, что имел в виду диссертант) античной традиции о Файлаке, то есть то, что, как указывалось выше, составляет первоочередную цель работы, занимает целых три страницы: с. 88–91. К каким же выводами приходит автор? «Таким образом, все наши источники относятся к римскому и частично к византийскому времени, но восходят к более ранним авторам» (с. 88; далее автор пересказывает гипотезы о происхождении греческого названия острова). Неужели ради столь «революционного» открытия стоило писать диссертацию на 400 страниц?

На основании находки фрагментов древнеюжноаравийской надписи, диссертант утверждает, что еще при персах Файлака была вовлечена в международную морскую торговлю (с. 59). Автор, совершенно определенно, ни в малейшей степени не осведомлен о том, как осуществлялась торговля региона Персидского залива с древней Южной Аравией. Сведений о существовании торговых флотилий в древнеюжноаравийских царствах в период до н. э. нет совершенно никаких. «При персах», то есть в доэллинистический период, торговля с Южной Аравией осуществлялась по материковым торговым путям, реконструкция которых представлена в неоднократно цитированной автором книге (Бухарин 2009).

Способность к самостоятельной научной работе Н.А. Маккаеве мог бы проявить при работе с данными эпиграфической и нумизматической традиции. Однако и здесь отмечается лишь отсутствие таковой — на протяжении 15 страниц обзора монетных находок из Восточной Аравии (с. 62–77) не сделано ни одного вы-

вода (не только самостоятельного, а вообще ни одного). Так же и в отношении терракот (с. 87) и керамики (с. 93): в этих разделах нет ничего, что не было бы известно из работ, которые цитирует автор.

Постоянно присутствует неаккуратность в обращении с источниками, особенно явственно она проявляется в работе с надписями (с. 95–129). Так, дважды автор цитирует следующую надпись: «.../ ὑπερ/ Θεοκύδρου / σωτήριας / [·]σ[·]θε[·]ας / Ἀρτέμιδι» (с. 105, 150). Автор не приводит ее обозначения (IK Estremo oriente 419) и цитирует ошибочно (правильно: σωτηρίας и Ἀρτέμιδι); на с. 94 в надписи Сотела (IK Estremo Oriente 418) пропущен знак η в этниконе.

Показательна интерпретация этих надписей, предложенная автором: «Первая надпись выполнена неумелой рукой и, судя по начертанию букв, относится к концу IV – началу III в. до н. э. Вторая надпись также датируется III в. до н. э. По мнению Салля, у нас нет твердого основания считать, что она обязательно связана с появлением здесь постоянного греческого поселения и могла быть просто оставлена какой-то военной экспедицией как благодарность богам за счастливое окончание тяжелого плавания. С этим едва ли можно согласиться: какой был бы смысл грекам делать посвятельную надпись в чужом святилище у чужого народа» (с. 96). Совершенно непонятно, к какой из надписей относится «она обязательно связана». Надписи, сделанные греками в иноязычных святилищах, известны хорошо и смысл, конечно, вполне ясен: продемонстрировать лояльность этому божеству и снискать его расположение. Однако на этой же странице Н.А. Маккавеев противоречит сам себе, утверждая: «Стела, несомненно, поставлена воинами (гарнизона?) в честь удачного прибытия на остров: об этом свидетельствуют упоминание Посейдона, Зевса, который также отвечал за погоду, и Артемиды Спасительницы, которая, помимо прочих функций, являлась покровительницей моряков». Только что с легкостью низвергнув мнение Ж.-Ф. Салля (имя которого диссертант так и не научился верно воспроизводить и предпочитает пропускать или передавать как Ж.Ф.), его же воспроизводит сам Н.А. Маккавеев.

Не выглядит необходимым ни в структуре главы, ни в структуре работы огромный параграф 1.6.5, посвященный надписи Икадиона (с. 103–130). С одной стороны, диссертант указывает, что

надпись оставляет больше вопросов, чем дает ответов (с. 118), с другой стороны, говорит, что за исключением двух, на все вопросы уже дан ответ (с. 121).

Здесь нельзя не обратиться к переходу от «анализа» данных античной традиции к рассмотрению археологических данных: «Столь краткие сведения античных авторов, естественно, необходимо анализировать в свете археологических находок» (с. 42). Потратив половину объема работы на пересказ работ «западных» археологов, предвосхищенный подобной преамбулой, можно было бы ожидать некоего синтеза — сопоставительного анализа данных письменной традиции и археологии. Но во всей главе нет ни намека на какое-либо сопоставление данных двух источниковых традиций. Как тут не вспомнить цели автора диссертации («...и провести их комплексный анализ...» (с. 1). И в данном аспекте поставленная цель не выполнена: ни комплексного, ни некомплексного анализа какой-либо традиции, не говоря уже об их синтезе, в работе Н.А. Маккавеева нет.

В целом, материал по археологии Файлаки резюмирован в первой главе достаточно грамотно. Гораздо менее грамотно представлен нумизматический и эпиграфический материалы. Однако представлять реферат, выполненный к тому же на неполной источниковой базе (здесь источниками диссертанту служат публикации результатов раскопок, а не собственно древние источники), в качестве основы диссертации, не владея инструментарием для анализа данных, содержащихся в них и, соответственно, не проведя его, ничем не оправдано.

Глава II «Харакена (Мезена)» (с. 143–200) также начинается с той же страницы, где заканчивается предыдущая. Обращаясь к названиям Месены на разных языках (к древним и средневековым зачем-то добавлено название на «ново-еврейском»), диссертант пишет: «Существуют различные гипотезы о происхождении этого названия...» (с. 141). Хотелось бы увидеть имена авторов этих гипотез. Сам автор обозначает языки, на которых приведено название Месены, то латиницей (и почему-то по-немецки), то кириллицей, явно не имея опыта в такого рода вопросах. Необъяснимой выглядит передача *š* через звонкий сибилант *z* в названии *Mayšan* («Мезена» вместо «Месена»). Изложение точки зрения автора относительно происхождения названия Месены и Харакены путано и

несамостоятельно. Так, автор утверждает: «На деле же, это, скорее, две сопредельные области в составе одного и того же царства... возможно, оба названия могли выступать и как синонимы» (с. 142). Первое утверждение остается неразвернутым: в состав какого царства входили Месена и Харакена, автор не поясняет. Второй вариант представляется более правдоподобным. Однако он требует развития и дополнительного обоснования. И, если в начале главы автор колеблется и не отдает предпочтений какой-либо точке зрения относительно языковой принадлежности названия Месены, то далее (с. 156), со ссылкой на универсальное «на самом деле» он уверенно заявляет: «На самом же деле оно имеет иранское происхождение и означает «Страна быков» (avest. *maēša*, mittelpers. *mēš* — бык)». Конечно, критика иных точек зрения не приводится (да и не может быть предложена, так как автор не знает иранских языков), и семантического толкования автор не дает: откуда в заболоченной Южной Месопотамии может взяться страна быков?

Как и в разделе о надписях с Файлаки автор демонстрирует небрежность при обращении с источником: *Μαισανίτες κόλπος* вместо *Μαισανίτης κόλπος*. А уровень знания древнегреческого языка виден из перевода: «залив Мезэнцев» вместо «Месенский залив».

Касаясь соотношений понятий Месена и Харакена, автор задается вопросом: «Из текста Плиния можно заключить, что Мезена и Харакена — это две соседние области. Однако не совсем ясно, относит ли он Харакену к Сузиане или к Элимаиде» (с. 153). Комментируя фразу Плиния «*Pars eius maxime in via Characene vocatur*» диссертант задается спрашивает: «Особенно недоступная ее (Элимаиды или Сузианы? — *Н. М.*) часть зовется Харакеной...» (с. 154). Так как эта фраза относится к параграфу, где речь идет только об Элимаиде («*Infra Eulaeum Elymais est*», — пишет Плиний выше), то вопрос излишен.

Поражает легкость, с которой диссертант расправляется с «ошибками» древних историков. Так, упоминания Страбоном области *Μακίγη* он считает «несомненно, просто ошибкой». Да будет известно диссертанту, что приблизительно в этой же области Клавдий Птолемей расположил *Μάγων κόλπος* (6. 7. 17). Данное название, возможно, отражает наименование этой области, известное еще из источников Бронзового века — *Magan*. Таким образом,

Μακίηνη – не ошибка Страбона, а, скорее всего, отражение этого же названия. Во всяком случае, нельзя не отметить, что «лихость» в обращении с источниками (как и с выводами многих исследователей) в работе Н.А. Маккавеева, происходит не от тщательно проведенного предварительного анализа (или знания результатов исследований коллег), а от поверхностности и легкомысленности суждений.

Автор посвятил раздел § 2.2.2 «Соотношение понятий Мезена и Харакена» попытке выяснить, что стояло за понятиями Месена и Харакена. Приведя длинные выписки из источников, снабженные переводами, автор делает вывод: «Приведенные источники позволяют сделать вывод, что первоначально под Мезеной понимался остров, образованный каналом Шатт-аль-Хаи, Тигром и Евфратом. Города же Харакс и Форат лежали *вне* Мезены. При Сасанидах значение этого слова изменилось: Под названием Даст-и-Майсан стала пониматься территория к востоку от нижнего течения Тигра и до самой Сузианы и выделялась в удел кому-либо из членов царской семьи» (с. 157). В выводе нет ни слова о Харакене. Стоило ли «городить огород», если в результате «исследования» вывод, ожидаемый читателем, не сделан? Столь же бессмыслен и раздел § 2.2.3 «Локализация Спасину Харакса» (с. 157–161): никаких определенных выводов (да и неопределенных тоже) в нем не содержится. Последующие параграфы, посвященные античной традиции о городах Харакены (Апамея-в-Месене, Форат, Тередон, Аполог, «прочие» города), содержат весьма связный пересказ сообщений античных авторов о них и гипотез об их локализации, но никаких выводов не содержат.

В следующем разделе «Политическая история» диссертант приводит реферат о последовательности царей Харакены. И эта часть работы несамостоятельна. При пересказе мнений авторитетных исследователей диссертант еще в состоянии «держаться на плаву». Как только он пытается излагать свои собственные суждения, выясняется, что он не обладает не только достаточной квалификацией для самостоятельной исследовательской работы, но и достаточной культурой.

В начале диссертант приводит таблицу с именами царей и их языковой атрибуцией. Значение ни одного иранского имени не приведено, тогда как исследования из серии «Iranisches

Personennamenbuch» или хотя бы старая, но во многом (особенно для непрофессионала) надежная, а главное, — общедоступная книга Ф. Юсти (*Justi F. Iranisches Namenbuch. Marburg, 1895*) могли бы оказать ему существенную помощь в трактовке иранских имен царей Харакены.

Об уровне подготовки диссертанта к рассмотрению политической истории Харакены свидетельствует, например, отождествление царя «Сагдодона» — иранца — с «Адад-надин-ахе», который известен «по кирпичным клеймам из Телло, в III в. он построил там храм» (с. 170). Вообще-то речь может идти не о Сагдодоне (данная форма могла появиться только под влиянием образа пушкинского царя Додона), а о Сагдодонаке (лат. *Sagododonacus*), а его сын Ὑπλασίβης, как говорит Диодор Сицилийский (68. 28. 4) и есть тот Σπλασίβης, который основал Харакс. Это имя действительно иранское, восходит к **aspa-* («конь»). Имя же *Adad-nadin-ahhe* иранским не является: носители таких имен фиксируются еще в Вавилонии II тысячелетия до н. э. И, насколько мне известно, храм, о котором идет речь у диссертанта, был восстановлен (а не построен) во II в. до н. э.¹⁴, а не в III в. н. э., как утверждается в работе Н.А. Маккавеева (с. 170).

Показательно и следующее высказывание: «Следующим после Гиспаосина царем был Аподок, иранское имя которого заставляет предположить, что это его сын» (с. 174). Можно подумать, что степень родства определяется исключительно языковой принадлежностью имен отца и сына.

На с. 175 диссертант приводит следующую монетную легенду: ΘΕΟΠΑΤΟΡ ΑΥΤΟΚΡΑΤΟΡ ΣΩΤΕΡ ΦΙΛΟΠΑΤΟΡ ΦΙΛΕΛΛΕΝ. Передача диссертантом двух слов явно ошибочна: вместо ΣΩΤΕΡ правильно ΣΩΤΗΡ, а вместо ΦΙΛΕΛΛΕΝ — ΦΙΛΕΛΛΗΝ.

Естественно, воспринимать всерьез рассуждения автора по политической истории Харакены, совершенно не владеющего языковым инструментарием, неверно передающего имена царей, неверно цитирующим античные источники (а неточность цитирования происходит от плохого знания языка) не приходится.

¹⁴ Moorey 1994: 28.

Едва ли достаточно информирован диссертант и в области истории торговли. Так, он утверждает: «И это иногда заставляет исследователей сомневаться, существовала ли морская торговля с Индией в Селевкидское время, поскольку в Индии не обнаружено никаких селевкидских монет, хотя римские там имеются в изобилии». В хорошо доступном Н.А. Маккавееву исследовании М.Д. Бухарина о «Перипле Эритрейского моря» говорится со ссылками на соответствующие публикации о том, что «уже в III–II вв. до н. э. греки не осваивали западное побережье Индии. Об их проникновении в Юго-Западную Индию говорит то, что в одном только районе Карура найдено более десятка селевкидских монет, несколько из них принадлежат Селевку II (246–226 гг. до н. э.), четыре финикийские монеты, две родосские, одна критская и одна фракийская (Krishnamurthy 1996: 8–9)»¹⁵.

Очень длинный, излишне подробный раздел о Харакене не дает совершенно ничего нового для истории региона. И даже аккуратно подытожить «старое» диссертант не в состоянии, раз за разом демонстрируя собственную неподготовленность для решения задач, поставленных в диссертации, не говоря уже о самостоятельной научной работе.

Глава 3 «Аравийское побережье» производит столь же тяжелое впечатление. При чтении создается ощущение, что автор представил в виде диссертационного исследования неструктурированные конспективные записки. Так после краткого описания географического положения Бахрейна (с. 198–199) автор безо всякого перехода начинает обильно цитировать античных авторов, приводя их сведения по флоре Бахрейна. Все эти усилия совершенно напрасны, так как ботанические сведения Теофраста, как и Плиния, многократно составляли предмет исследования серьезных исследователей, глубоких знатоков античной ботаники, прежде всего С. Амиг¹⁶.

Едва завершив пересказ сведений о форме Бахрейна, в рамках этого же параграфа диссертант переходит к пересказу археологического материала так, как будто это два совершенно однопоряд-

¹⁵ Бухарин 2007б: 181.

¹⁶ Hort 1916–1926; Einarson, Link 1976–1990; Wöhrle 1985; Amigues 1988–2006; Amigues 2002.

ковых вопроса. Естественно, что все сказанное автором так же, как и в случае с Файлакой, является *second hand*. Самостоятельные же выводы лишены малейшего основания. Так, автор провозглашает: «Все сказанное выше показывает, что на Бахрейне, видимо, существовала греческая колония и что на протяжении веков остров находился под властью Харакены» (с. 210). «Все выше сказанное» заключается в наличии на острове одной (!) харакенской монеты, атрибуция которой в высшей степени ненадежна, и надписи-посвящения Кефисодором храма Диоскурам времени первого царя Харакены (при этом в качестве «надписей с Бахрейна» автор указывает надпись с Файлаки (!) (с. 209, прим. 3, напр.: *IK Estremo Oriente* 415). В ней действительно упоминается стратег Тила). Со ссылкой на Э. Бикермана (Государство селевкидов. С. 185), Н.А. Маккавеев утверждает, что «Титул стратега является синонимом сатрапа», что дает ему основание считать сатрапом упомянутого в надписи стратега Тила.

Но именно здесь кроется явная подтасовка! Действительно, Э. Бикерман писал, что в ряде случаев руководитель сатрапии мог именоваться стратегом: «Поставленные царем во главе административных округов правители тоже не везде носили один и тот же титул. Казалось бы, можно было ожидать, что глава сатрапии будет называться сатрапом. И действительно, таким был титул правителя Селевкиды при царе Деметрии. Однако в это же время правитель Келесирии и Финикии назывался стратегом». Таким образом, Бикерман не говорит о том, что сатрап по своему значению и административному предназначению тождествен стратегу! Он говорит лишь о двух случаях именовании руководителя сатрапии стратегом, относящихся к эпохе Деметрия (а не к концу II в. до н. э.), а не о том, что стратег всегда являлся синонимом сатрапа! Указанные Бикерманом ситуации могли иметь совершенно иное объяснение: сатрапа по каким-то причинам не было, и его функции временно выполнял стратег. Во всяком случае, в документе, цитированном Бикерманом (*OGIS*. 230), говорится о том, что стратег был и жрецом: «Πτολεμαῖος Θρασέα, στρατηγός καὶ ἀρχιερεὺς Συρίας Κοίλης καὶ Φοίνικας Ἐρμῆι καὶ Ἡρακλεῖ καὶ βασιλεῖ μεγάλῳ Ἀντίῳ». И сам Бикерман далее поясняет, почему эти два правителя именовались не сатрапами а стратегами: «Провинция «Келесирия и Финикия» была просто прежней «Сирией» Ла-

гидов, ее правитель и при Селевкидах сохранял птолемеевское наименование стратег». Таким образом, титул «стратег» в селевкидском государстве не может на основании доступных источников считаться тождественным «сатрапу». И Бикерман не писал ничего подобного! А стратег Тила, скорее, мог быть руководителем поселения греков на острове, вроде римского *praefectus portus* на Фарасане. На таком зыбком основании утверждение о принадлежности Тила Харакене «на протяжении веков» не может восприниматься серьезно, а намеренное искажение точки зрения Э. Бикермана выдает желание диссертанта прикрыть собственные домыслы авторитетом великого ученого. Хотелось бы в этом контексте напомнить диссертанту его собственные слова о необходимости следовать принципам историзма, научной объективности и критического анализа источников.

Ошибочное цитирование следующей надписи с Бахрейна (IK Estremo Oriente 428) говорит (в который уже раз) об отсутствии у диссертанта опыта работы с эпиграфическим материалом: Αυδισαρος Αυδισαρο[v] вместо правильного Αυδισαρος Αυδισαρο[v] (с. 210). Не вполне верно цитируется (с. 211) и следующая надпись (IK Estremo Oriente 423): первые два знака в слове [κν]βερνήτης являются восстановленными.

Раздел «Герра» (с. 214–243) начинается с такого же бессмысленного воспроизведения всем хорошо известных сведений античной традиции об этом поселении (§ 3.2.1 «Известия о Герре», с. 214–222), с легкостью обнаруживаемых в любой базе данных по античной традиции. Ничего, кроме пересказа ряда суждений Ж.-Ф. Салля и его коллег диссертант в данном разделе не приводит. Стоило ли его готовить в таком случае? Этот же вопрос можно задать и относительно раздела § 3.2.3 «Локализация Герры» (с. 227–232) тем более что и сам автор признает: «Вопрос о локализации Герры, на наш взгляд, успешно, решен Бухариным...».

Чтение раздела «Ед-Дур» (с. 232–243) затрудняет нелепое обозначение поселения (см. выше): правильно — «эд-Дур». Раздел такой же несамостоятельный, не дающий совершенно ничего нового для исследования истории Персидского залива. При обращении к данному разделу, безусловно, радуется, что в нем отсутствует нелепость, присутствующая в автореферате (с. 16), да еще и прикрытая ложной ссылкой на мою книгу: «Скорее всего, ед-Дур —

это Κουάνα (Καύανα) (Ptol. 6.19.14), он же *Cobodea portus* (Plin. N.H. 6.150)¹⁷» (Плиний к тому же упоминает не *Cobodea*, а *Coboera*).

Глава 4 «Иранское побережье» (как и прочие главы, начинающаяся на той же странице, где заканчивается предыдущая) (с. 243–256) посвящена анализу имеющихся сведений об о. Харк (4. 1), Антиохии-в-Персиде и Селевкии-на-Эритрейском море (4. 2). Все уже указанные особенности «исследовательского метода» Н.А. Маккавеева встречаются и в этом разделе. Легкомысленным, непроверенным и, скорее всего, неверным является трактовка происхождения древнего названия о. Харк: «В античное время Харк был известен под названием Араха или остров Александра (последнее название он, несомненно, получил от Неарха, хотя в Индике об этом и не упоминается)...» (с. 244). Отсутствие сомнений по этому вопросу у диссертанта ни на чем не основано. Ни один (!) из цитированных им источников не указывает того, кто дал острову имя Александра. В нашем распоряжении имеется пример того, что Неарх дал определенному месту (гавани) имя Александра (Agt. Ind. 21. 10). Однако и это обстоятельство едва ли может рассматриваться как серьезный аргумент в определении того, кто дал имя острову Александра.

Сама глава, как и предыдущие, содержательно представляет собой краткий очерк археологического исследования о. Харк (раздел 4.1), пересказанный, отталкиваясь от некоторых работ французских археологов, изучавших остров, то есть не содержит ни малейшего намека на самостоятельность работы.

Раздел § 4.2.1 «Чекан Антиохии-в-Персиде» так же, как и остальные, основан на пересказе результатов других исследований. В самом деле, можно ли ожидать серьезных выводов по истории монетного обращения от «специалиста», не работавшего с монетами, о которых он пишет? И, даже заявив, что «аргументы Хугтона и Лорбер небезупречны» (с. 254), Н.А. Маккавеев не потрудился показать, в чем состоит их небезупречность.

Раздел § 4.2.3 «Селевкия-на-Эритрейском море» казалось бы, должен быть посвящен означенному поселению, известному как таковое из единственной надписи *Magnesia 12 = OGIS 233*. Говоря,

¹⁷ Бухарин 2009: 163.

что «единственное упоминание об этом городе содержится в надписи из Магнесии-на-Меандре» (с. 246), диссертант ссылается на три надписи (OGIS 231–233; там же, прим. 6). При этом автору неизвестно, что в надписи упоминается не город Селевкия-на-Эритрейском море, а «селевкийцы на Эритрейском море», что, по меньшей мере, не одно и то же. Однако раздел начинается с длинной и совершенно неуместной дискуссии о родине астронома Селевка, что, если уж приниматься за этот сюжет, должно было составить отдельный раздел. Автор ссылается на подготовленный им перевод этих надписей, помещенный в Приложение: «В приложении дается мой перевод этих надписей». Увы, экземпляр диссертации, предоставленный в мое распоряжение, оказался лишен этого раздела.

Глава 5 «Античная традиция о Персидском заливе», посвященная доэллинистической эпохе (с. 256–267), занимает совершенно не свое место в работе. Автор совершенно нелепо объясняет ее присутствие в диссертации (см. выше), не осознавая, что хронологический принцип выстраивания работы подразумевает, что доселевкидский материал должен открывать работу, а не завершать ее. Небольшой объем раздела не позволил диссертанту не только полно осветить, но даже кратко очертить весь круг проблем, встающих перед исследователем: раздел § 5.2 «Топография залива по античной традиции» (с. 262–263) занимает чуть более страницы, хотя этому сюжету можно было бы посвятить отдельную диссертацию! Глава, как и прочие разделы в диссертации, представляет собой пересказ некоторых работ, которые, вероятно, волей случая оказались доступны автору, и некоторых фрагментов из источников. Ни малейшей ценности, тем более самостоятельной, данная глава не представляет.

Относительно здравым на общем фоне работы выглядит Заключение (с. 267–270). Краткое и лишенное (возможно, по этой причине) большинства недостатков работы, оно очерчивает основные линии в истории региона Персидского залива в античную эпоху. Однако едва ли хоть одно положение из Заключения может считаться выводом, сделанным самим автором на основе самостоятельного изучения источников, а не пересказа исследовательской литературы.

Крайне небрежно оформлен библиографический список. Не пожалев времени и сил, я выписал все особенности его оформления в отзыве на диссертацию, представленном в ВАК. Рамки журнальной рецензии избавляют от их печатной передачи. Невероятно велико количество недочетов оформительского свойства, стилистических и орфографических ошибок, выдающих отсутствие у диссертанта культуры письменной работы. Избавляю читателя от их перечисления по той же причине. Все это говорит как о спешке, в которой готовилась работа (совершенно неуместной в работе над диссертацией), так и полном неуважении к читателю.

Представленная диссертация не является научным исследованием: работа Н.А. Маккавеева несамостоятельна, представляет собой компиляцию работ, в основном, по археологии и нумизматике некоторых областей и городищ на побережье Персидского залива. «Обобщение» античной традиции выглядит совершенно ненужным, так как эта работа давно была проделана, а наличие целого ряда общедоступных баз данных античных источников делает эту работу (а такова цель работы, поставленная диссертантом) изначально ненужной. Содержание работы не соответствует поставленной теме; работа выполнена крайне неряшливо, с нарушением не только норм ВАК, но и большинства принятых правил написания научной работы; диссертант не владеет инструментарием, необходимым для работы по заявленной теме: он не знает нужных для работы иранских и семитских языков, не владеет всей полной информацией о текущих исследованиях; диссертант не в состоянии придать своей работе необходимую композиционную и хронологическую стройность. В работе не содержится никаких выводов, которые могли бы показать наличие у диссертанта способности к ведению самостоятельной аналитической научной работы. Рецензируемая работа не представляет собой практической ценности, не может быть использована в ее нынешнем виде ни для преподавания, ни в собственно научной работе (если только не как пример того, как нельзя работать).

М.Д. Бухарин

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бухарин 2003 — *Бухарин М.Д.* Средиземноморско-южноазиатская торговля в III в. н. э. // ВДИ. 2003. № 1. С. 36–43.
- Бухарин 2007a — *Бухарин М.Д.* Древнейший путеводитель по Аравии (Plin. NH. VI. 157–159) // ВДИ. 2007. № 1. С. 76–99.
- Бухарин 2007б — *Бухарин М.Д.* Неизвестного автора «Перипл Эритрейского моря»: текст, перевод, комментарий, исследования. СПб., 2007.
- Бухарин 2009 — *Бухарин М.Д.* Аравия, Восточная Африка и Средиземноморье. Торговые и историко-культурные связи. М., 2009.
- Крачковский 2004 — *Крачковский И.Ю.* Арабская географическая литература. М., 2004.
- Матвеев, Куббель 1985 — Древние и средневековые источники по этнографии и истории Африки южнее Сахары. Арабские источники XII–XIII вв. / Изд. подг. В.В. Матвеев, Л.Е. Куббель. М., 1985.
- Шувалов 2001 — *Шувалов П.В.* «География» Птолемея: карты и рукописная традиция // Жебелевские чтения-3. Тез. докл. науч. конф. 29–31 октября 2001 г. СПб., 2001. С. 46–54.
- Amigues 1988–2006 — *Theophrastus.* Recherches sur les plantes: texte et traduction / Ed. par S. Amigue. Paris, 1988–2006. T. 1–5.
- Amigues 2002 — Études de Botanique Antique / Ed. par S. Amigues, preface par P. Quézel. Paris, 2002 (Mémoires de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres; 25)
- Bukharin 2007 — *Bukharin M.D.* Der zentralarabische Zweig der «Weihrauchstraße» // Arabian Archaeology and Epigraphy. 2007. Vol. 18. P. 80–85.
- Constable, Stiffe 1908 — *Constable C.G., Stiffe A.W.* The Persian Gulf Pilot, Comprising the Persian Gulf, Gulf of Oman, and Makran Coast. London, 1908.
- Einarson, Link 1976–1990 — *Theophrastus.* De Causis Plantarum / Ed. by B. Einarson, G. Link. London; Cambridge, 1976–1990. Vol. 1–3 (Loeb Classical Library).
- Hort 1916–1926 — *Theophrastus.* Enquiry into Plants / Ed. by A. Hort. London; Cambridge, 1916–1926. Vol. 1–2 (Loeb Classical Library).
- Kauz 2010 — *Kauz R.* Aspects of the Maritime Silk Road: From the Persian Gulf to the East China Sea. Wiesbaden, 2010 (East Asian Economic and Socio-Cultural Studies. East Asian Maritime History; 10).

- Lorimer 1915 — *Lorimer J.G.* Gazetteer of the Persian Gulf, Oman and Central Arabia. 1, Calcutta, 1915. Vol. 1–2.
- Moorey 1994 — *Moorey P.* Ancient Mesopotamian Materials and Industries: the Archaeological Evidence. Oxford, 1994.
- Potter 2009 — The Persian Gulf in History / Ed by L.G. Potter. New York, 2009.
- Potts 1990 — *Potts D.T.* The Arabian Gulf in Antiquity. Oxford, 1990.
- Potts 2009 — *Potts D.T.* The Archaeology and Early History of the Persian Gulf // Potter 2009. P. 27–56.
- Rice 1994 — The Archaeology of the Arabian Gulf: c. 5000–323 BC / Ed. by M. Rice. London; New York, 1994.
- Weeks 2003 — *Weeks L.R.* Early Metallurgy of the Persian Gulf: Technology, Trade, and the Bronze Age World. Boston, 2003.
- Wöhrlé 1985 — *Wöhrlé G.* Theophrasts Methode in seinen botanischen Schriften. Amsterdam, 1985.

ABSTRACTS

T.G. ALPATKINA, O.S. NIKULINA

The Old Termez Site in Terms of Geographical Factors: The Interconnection Between Two Groups of Historical Monuments

In antiquity, the oasis of Surkhandarya in the south of Uzbekistan was part of the territory of Northern Bactria. One of Bactria's largest cities was Termez. The Old Termez site includes two groups of historical monuments, "Amudarya" and "Surkhandarya". The article presents the stages of the city's history from the middle of the 1st millennium BC to the 18th century. Excavations have established that, to the 9th – 10th centuries, only the 'Amudarya' group had existed. The article examines the issue of water supply and considers the geographical features that facilitate irrigation in the lower reaches of the Surkhandarya River, where it flows into the Amudarya. The article concludes that geographical factors, namely the specific landscape and climatic conditions, had been of paramount importance for the emergence of settlements in the "Surkhandarya" group and for digging the main irrigation channels towards the city in the "Amudarya" part, without which the growth and development of Termez would have been impossible.

Southern Uzbekistan, Surkhandarya oasis, Old Termez site, the Importance of geographical factors.

M.D. BUKHARIN

Return or Turn? τὸ πέρας τῆς ἀνακομιδῆς in the *Periplus of the Erythraean Sea* (3: 1. 12–15)

Two hundred years of studies of the *Periplus of the Erythraean Sea* have not revealed the meaning of one of the basic concepts of the trade terminology used by its anonymous author: τὸ πέρας τῆς

ἀνακομιδῆς. Practically all interpreters of the text treated it as an indication of the final point on the way back, i.e. Berenice. However, analysis of the distances between the ports shows that this concept means a turn (i.e. the beginning of the way back) rather than a point of return, and should be placed in the modern Anfile Bay. This means that one of the trade routes described in the *Periplus* did not cross the modern strait of Bāb al-Mandab.

Red Sea, Sea trade, *Periplus of the Erythraean Sea*, Berenice, Adulis.

E.I. BURLA

The Potential of Oral History in the Study of Historical Landscapes

In the paper, the potential of an oral history approach to the study of historical landscapes is considered. In recent decades, oral history has been celebrated by its practitioners for its ability to inquire into social and political histories of people and communities for which archival evidence is lacking. When dealing with these narratives, the humanizing potential and thus the value of oral history is unquestionable. Lately, however, oral historians have increasingly expanded their gaze to consider other spheres of intimate knowledge, in particular accounts of landscape change, land use, and farm practices. This shift in academic and practical interests begs questions about the oral historical methods chosen, the limits to oral historical theory, and the concordance of oral evidence with written and material data. The paper begins to address these questions while giving a panoramic view of the research conducted so far in the US, Africa, and Australia concerning investigations of the indigenous peoples' places of memory, as well as in the UK, where scholars' interests lie mostly in historical farming and past rural landscapes. In this part, special attention is paid to the remarkable phenomenon of cooperation between archaeology and oral history. The two approaches turn out not to be mutually exclusive; their data combined allow for a more complete picture of the past. Other than that, both European and American scholars argue for the potential of oral history to bring a deeper understanding of the process of how places become meaningful. The second part of the paper considers the development of

oral historical methods and theory in historical landscapes investigations in Russia. One of the axes adopted by scholars and aimed at the reconstruction of past rural landscapes through recollection, location, and mapping of place names has proved to have a number of positive features. Meanwhile, another axis, which deals with the study of sacred places, has showed that it is here that oral history can make a contribution to the interpretation and understanding of features in a landscape. Finally, it is suggested in the paper that the oral history approach has considerable potential in augmenting and challenging existing landscape narratives. Indeed, when few material records survive, oral histories can provide an insight into landscape change and thus help to understand the behavior of past generations.

Oral history, Oral tradition, Historical landscapes, Rural landscape, Memory, Oral history and archaeology, Place names, Mental landscapes.

L.S. CHEKIN

**Eschatological Geography in the Ninth Century:
The End of the Earth and the Conversion of the Last Nations**

The revival of the imperial idea both in Byzantium and in the Latin West resulted in a new awareness of the spatial world and renewed eschatological expectations. The spreading of the Gospel to the spatial “ends of the earth” was supposed to bring about the temporal end of the world. A comparative study of records about the conversion of Khazars to Judaism (by Christian of Stavelot), about St. Ansgar’s mission to the Swedes (by Rimbert) and about the so called ‘First Baptism of Rus’ (in the Circular Letter of Patriarch Photius) adds a new dimension to the famous rivalry between the Eastern and Western Churches in the second half of the ninth century. They were competing for the last frontier of the Christian mission, the “ends of the Earth”, and thus creating a new ethnographic map of what is known today as Eastern and Northern Europe.

Eschatology, Mission, Gog and Magog, Cynocephales, Rhos, Normans, Khazars, Christian of Stavelot, St. Ansgar, St. Photius.

S.Z. CHERNOV

**Recommended Formats for Historical *Uezd* and *Volost'* (*Stan*)
Maps of 13th – 17th Century Russia
(According to Sources from *Vzvad*, *Volok Lamskii*
and the Moscow *Volosti* of *Voria* and *Pekhorka*)**

The author offers some patterns which may be used by scholars to make historical maps in 1:25000 scale. These patterns are as follows: a format for an *uezd* map that consists of *volosti* (*stany*), and a format for a *volost'* (*stan*) in the 13th – 17th centuries. The article is based on the results of specific historical and archeological studies. Using the example of *Voria volost* of Moscow *uezd* and *Sestrinskii stan* of *Volok uezd*, the author demonstrates which realities and objects may be represented on such maps.

County, Village, Hamlet, Cultural Landscape, GIS, Landholding.

V.V. CHIKHICHIN

**Historical and Geographical Image of Stavropol:
From the Walled City to the Granary and Health Resort**

Historical and geographical images of the territories contain not only modern representations, connected with the history of these territories, but also reflect past dynamics of constantly evolving representations by the population about the cities and regions. The image of Stavropol transformed in four stages due to both external and internal influences. These stages were determined by administrative changes, the evolution of features of the city, and important historical events. During the first stage the image of Stavropol entered Russian public consciousness (1777–1847); in the second stage this image became fixed in public consciousness (1847–1917); the third stage marked the evolution of the city's image during Soviet times (1917–1991), and the fourth stage its transformation in the post-Soviet period (from 1991).

Historical and geographical image of city, Popular representations, the Azov-Mozdok defense line, North Caucasus, Stavropol Territory.

A.A. FROLOV

**Administrative System of the Central Districts of Novgorod
in the 10th – Beginning of the 17th Century
in the Context of the History of Territorial Jurisdictions**

The article is devoted to the general characteristic of the administrative system of Novgorod land in the 10th – beginning of the 17th century in two aspects: 1) the territorial growth of Novgorod land and 2) forms of governance in the territories under Novgorod control. The history of the Novgorod administrative system is examined in the context of the history of the territorial jurisdictions of various types. The most important element of this system was the so called ‘joint management’. This mode was practiced in lands along the border between Novgorod and the Grand Duchy of Vladimir and between Novgorod and Smolensk. Only part of the prerogative belonged to Novgorod, as the administrative power was shared with the neighboring lands listed above. In addition to systematizing the historiographical data made available since the middle of the 19th century, the article offers some new interpretations of such important historical documents as the Charter of Prince Svyatoslav of 1137, the Charter of Prince Yaroslav ‘o mostekh’, and cadastres from the turn of the 15th – 16th centuries.

Administrative system, Novgorod Land in the Middle Ages, Territorial jurisdictions

T.P. GUSAROVA

**Historical Geography of the Middle Ages
at Moscow State University**

The paper addresses the development of training in historical geography at the Department of Medieval and Early Modern History at Moscow State Lomonosov University. The Department’s comprehensive approach combines a general course, practical studies, elements of individual student research, and the systematic repetition of the historico-geographical nomenclature. This approach yields positive results. Together with other disciplines (historiography, source studies, etc.) it helps to train professional medievalists and general historians.

Historical geography, Department of Medieval and Early Modern History, Training, Methodology.

F.S. KORANDEI

**The Personality of Ireland Reconsidered:
Historico-Geographical Images of the Island in Regional
Descriptions of the 19th – 21st Centuries**

This paper examines standard approaches to geographical description in published geographies and histories of Ireland. The use of the regional method implies indirect observation, generalization, and intellectual construction. It is true of geographical narratives and historiography. The geographer and the historian face the same problem of regionalization when they define the territorial framework for their study. The article considers geographical image as a stable representation of territory based on other geographical concepts. The idea of Ireland as a historical-geographical entity was shaped by i) the concept of historical provinces; ii) the sequence of spatio-political images of travels; iii) the metonymical transfer from the picture of a typical landscape to the conception of the whole country; iv) the juxtaposition of the two islands and v) spatial oppositions within the island.

Historical geography of Ireland, Early Medieval Ireland, Geographical images, Regional geography.

O.S. PETROVA

**Historical Geography in Russia
in the Second Half of the 19th – Beginning of the 20th Century
(According to the Papers
of the All-Russian Archaeological Congresses)**

The establishment of historical geography as a separate scientific field was long and was far from completion at the beginning of the 20th century. The All-Russian Archaeological Congresses of the second half of the 19th – beginning of the 20th century facilitated the institutionalization of historical geography. The congresses' documents allow one to trace various aspects of the emerging discipline from empirical knowledge about the localization of historical monuments to theoretical and methodological problems of historical geography.

Historical geography, Archaeology, Source study, Historical cartography, Special historical disciplines, History of science.

A. V. POSTNIKOV

**Foreign Travelers in the Amur Region
in the Second Half of the 18th – Beginning of the 19th Century
in Search of Trade and Missionary Access
to the Tsing Empire via Russia**

Europeans, especially the English, were heavily interested in the previously unknown regions of Siberia and in the dramatic events, which developed there due to the encounter of the two great powers, Russia and China and led to the Treaty of Nerchinsk of 1689 and Russia's loss of the left bank of the Amur. In this new geopolitical situation, the English were inclined to see an opportunity of reaching China by land, which would be faster than the sea route that they had had to use before. Besides their geopolitical content, the foreign travelers' writings offer important new data about Russian-native relations, the history of the missionary activities of the Russian Orthodox Church, and the development of the system of exile, prisons, and camps in Siberia.

Russian-Chinese frontier, Missionaries, European travelers in Siberia, the Amur River, Trans-Baikal Region, Geopolitics, Siberia, Tsing Empire, Jesuits, England, Descriptions, Surveys and mapping.

I. E. SURIKOV

**Pericles, Lamachus and the Euxine Sea
(Historical Geography and Onomastics:
On the Benefit of Combined Use of Data)**

The article demonstrates that the combined use of onomastic data can clarify some disputed problems of historical geography. The author takes Pericles' Pontic expedition (ca. 437–436 BC) for an example. As a result of the use of onomastic data, it is possible now to state that: 1) Pericles' fleet undoubtedly visited the Northern Black Sea region; 2) additional confirmations appear of the Athenians' presence in Nymphaeum, as does the first firm evidence of the visit of Pericles' fleet to Panticapaeum; 3) Chersonesos Taurica was no doubt in existence by the time of the expedition; any arguments for its later foundation must be rejected.

Historical geography of the Classical Antiquity, Onomastics, the Euxine Sea, Athens, Pericles, Lamachus, Chersonesos Taurica.

A.V. TUTORSKII

**Methodological Notes on the Microtopographic Study
of Rural Settlements
(the Experience of Russian Ethnography)**

The article analyzes different types of rural settlements, as described in Russian ethnographical science. Before the 1950s, different approaches did not correlate with each other (works by Fenomenov, Kuftin, Cheboksarov). In 1953 Mikhail Vitov proposed four aspects of researching rural settlements 1) the study of socio-economic ‘types of settlements’; 2) the study of ‘types of land occupation’, focused on the settlement’s relation to the landscape; 3) the study of ‘settlement forms’, focused on the topographic makeup of settlements; 4) the study of ‘types of settling’, which is focused on the relations of the settlement to other settlements.

Microgeography, Rural settlements, Mikhail Vitov, Ethnography, Russian North.

AR.A. ULUNYAN

**The Problem of Geospatial Models
in Contemporary Public and Academic Discourse in Estonia**

Since Estonia re-established its independence in 1991, public and academic discussions of the newly born state’s geospatial orientation has intensified. The central question of these deliberations involved the manner and time in which Estonia could achieve a useful and secure place within the international community and “build up” her own “new political geography”. Public and academic discourse developed with reference to geospatial plans which had existed in Estonian political and academic thought in the 1920–30s, historical traditions and the global process of the emergence of “new regions”.

Estonia, Geospatial models, New political geography, Public and academic discourse.

D.N. ZAMJATIN

Meta-Geographical Axes of Eurasia

The article represents an introduction to meta-geographical problems. Meta-geography is a specific knowledge field at the junction of science, philosophy and art; it studies different aspects and discourses of geographical thinking and imagination. The author provides a broad overview of rationalistic and scientific approaches to this concept starting from the first half of the 19th century. The problems of the geographical image of Eurasia as a 'world island' and of the fractality of Eurasia's space are considered. The author suggests a discursive schema for the meta-geographical axial composition of Eurasia which assumes substantial historico-geographical, geopolitical, geo-cultural, and geo-economic implications.

Meta-geography, Meta-geographical axis, Space, Civilization, Local civilization, Discourse, Geographical image.

CONTENTS

BY WAY OF INTRODUCTION

Historical Geography at Interdisciplinary Crossroads (<i>I.G. KONOVALOVA</i>).....	8
---	---

HISTORICAL GEOGRAPHY IN VARIOUS CONTEXTS

T.G. ALPATKINA AND O.S. NIKULINA

The Old Termez Site in Terms of Geographical Factors: The Interconnection Between Two Groups of Historical Monuments.....	20
--	----

I.E. SURIKOV

Pericles, Lamachus and the Euxine Sea (Historical Geography and Onomastics: On the Benefit of Combined Use of Data).....	51
---	----

M.D. BUKHARIN

Return or Turn? τὸ πέρασ τῆς ἀνακομιδῆς in the “Periplus of the Erythraean Sea” (3: 1. 12–15).....	68
---	----

L.S. CHEKIN

Eschatological Geography in the Ninth Century (The End of the Earth and the Conversion of the Last Nations).....	81
---	----

A.A. FROLOV

Administrative System of the Central Districts of Novgorod in the 10 th – Beginning of the 17 th Century (in the Context of the History of Territorial Jurisdictions).....	110
--	-----

A.V. POSTNIKOV

Foreign Travelers in the Amur Region in the Second Half of the 18 th – Beginning of the 19 th Century (in Search of Trade and Missionary Access to the Tsing Empire via Russia).....	155
--	-----

O.S. PETROVA

Historical Geography in Russia in the Second Half of the 19 th Century – Beginning of the 20 th Century (According to the Papers of the All- Russian Archaeological Congresses).....	196
--	-----

GEOGRAPHICAL IMAGES

<i>D.N. ZAMJATIN</i> Meta-Geographical Axes of Eurasia.....	206
<i>F.S. KORANDEI</i> The Personality of Ireland Reconsidered: Historico-geographical Images of the Island in Regional Descriptions of the 19 th – 21 st Centuries.....	247
<i>V.V. CHIKHICHIN</i> Historical and Geographical Image of Stavropol: From the Walled City to the Granary and Health Resort.....	282
<i>AR.A. ULUNYAN</i> The Problem of Geospatial Models in Contemporary Public and Academic Discourse in Estonia.....	302

METHODS AND TRAINING

<i>S.Z. CHERNOV</i> Recommended Formats for Historical <i>Uezd</i> and <i>Volost'</i> (<i>Stan</i>) Maps of 13 th – 17 th Century Russia (According to Sources from <i>Vzvad</i> , <i>Volok</i> <i>Lamskii</i> and the Moscow <i>Volosti</i> of <i>Voria</i> and <i>Pekhorka</i>).....	344
<i>A.V. TUTORSKII</i> Methodological Notes on the Microtopographic Study of Rural Settlements (the Experience of Russian Ethnography).....	362
<i>E.I. BURLA</i> The Potential of Oral History in the Study of Historical Landscapes.....	390
<i>T.P. GUSAROVA</i> Historical Geography of the Middle Ages at Moscow State University...	419

REVIEWS

<i>Kenderova S., A. Stamatov, and D. Stoimenov. Atlas: Bulgarian Territories in Medieval Arabic Cartographic Tradition (9th – 14th Centuries) / Ed. by S. Kenderova and A. Stamatov. Sofia: TANGRA TanNakRa Publishing House, 2011. 336 p. (I.G. KONOVALOVA)...</i>	431
<i>Tsyburskiy V.L. Conjunctures of Earth and Time: Geopolitical and chronopolitical intellectual investigations. Moscow: Evropa, 2011. 372 p. (A.S. SHCHAVELEV).....</i>	439
<i>Aiken E.J. Scriptural Geography: Portraying the Holy Land. London, New York: I.B. Tauris, 2010. 244 p. (F.S. KORANDEI).....</i>	447
<i>Gautier Dalché P. La Géographie de Ptolémée en Occident (IVe – XVIe siècle). Turnhout: Brepols, 2009. 443 p. (Terrarum Orbis.</i>	

Histoire des représentations de l'espace: textes, images. T. 9) (<i>L.S. CHEKIN</i>).....	459
<i>O'Loughlin Th.</i> Adomnán and the Holy Places. The Perceptions of an Insular Monk on the Locations of the Biblical Drama. T&T Clark. London, New York, 2007. 348 p. (<i>F.S. KORANDEI</i>).....	466
Routes d'Arabie. Archéologie et histoire du Royaume d'Arabie Saoudite / Sous la direction de Ali Ibrahim al-Habban, Béatrice André- Salvini, Françoise Demange, Carine Juvin et Marianne Cotty. Paris: Somogy Éditions d'Art; Louvre Éditions, 2010. 623 p. (<i>M.D. BUKHARIN</i>).....	472

CHRONICLE

24 th International Conference on the History of Cartography (Moscow, 10–15 July 2011) (<i>V.E. BULATOV, L.S. CHEKIN, I.G. KONOVALOVA</i>).....	488
Two Conferences on Historical Geography: Historical Geography: Man's Space vs Man in Space: 23 rd International scientific conference (Moscow, 27–29 January 2011); Global and Regional Problems of Historical Geography: 4 th International scientific conference (St.-Petersburg, 28–31 March 2011) (<i>F.S. KORANDEI</i>)...	502
1 st International Conference on Historical Demography and Historical Geography (Syktyvkar, 11–13 May 2011) (<i>I.G. KONOVALOVA</i>).....	507
Colloquium “The Language of Maps: Communicating through Cartography during the Middle Ages and the Renaissance” (<i>A.A. ANISIMOVA</i>).....	510
New Dissertation on the Ancient History and Geography of the Persian Gulf (<i>M.D. BUKHARIN</i>).....	525

IN MEMORIAM

Nikolai Nikolaevich Komedchikov (24 November 1959 – 24 October 2011).....	555
--	-----

ABBREVIATIONS.....	558
ABSTRACTS.....	559
CONTENTS.....	568
AUTHORS.....	571

DIGITAL OBJECT IDENTIFIERS (DOI)

Поиск DOI

<http://search.rads-doi.org/index.php/>; <http://www.doi.org/>

Алпаткина Т.Г., Никулина О.С. 10.21267/AQUILO.2020.1.55669	Корандей Ф.С., рец. (O'Loughlin Th.) 10.21267/AQUILO.2020.1.55712
Анисимова А.А. 10.21267/AQUILO/2020.1.55717	Корандей Ф.С., хр. 10.21267/AQUILO/2020.1.55715
Бурла Е.И. 10.21267/AQUILO.2020.1.55706	Петрова О.С. 10.21267/AQUILO/2020.1.55692
Бухарин М.Д. 10.21267/AQUILO/2020.1.55676	Постников А.В. 10.21267/AQUILO.2020.1.55690
Бухарин М.Д., рец. 10.21267/AQUILO/2020.1.55713	Суриков И.Е. 10.21267/AQUILO.2020.1.55672
Бухарин М.Д., хр. 10.21267/AQUILO.2020.1.55718	Туторский А.В. 10.21267/AQUILO/2020.1.55705
Гусарова Т.П. 10.21267/AQUILO/2020.1.55707	Фролов А.А. 10.21267/AQUILO/2020.1.55679
Замятин Д.Н. 10.21267/AQUILO.2020.1.55693	Чекин Л.С. 10.21267/AQUILO.2020.1.55677
Коновалова И.Г. 10.21267/AQUILO.2020.1.55638	Чекин Л.С., рец. 10.21267/AQUILO/2020.1.55711
Коновалова И.Г., рец. 10.21267/AQUILO.2020.1.55708	Чихичин В.В. 10.21267/AQUILO.2020.1.55702
Коновалова И.Г., хр. 10.21267/AQUILO.2020.1.55716	Улунян Ар.А. 10.21267/AQUILO/2020.1.55703
Коновалова И.Г., Чекин Л.С. 10.21267/AQUILO.2020.1.55714	Чернов С.З. 10.21267/AQUILO.2020.1.55704
Корандей Ф.С. 10.21267/AQUILO/2020.1.55701	Щавелев А.С. 10.21267/AQUILO/2020.1.55709
Корандей Ф.С., рец. (Aiken E.J.) 10.21267/AQUILO.2020.1.55710	

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

ТОМ 1

Ответственный редактор
Ирина Геннадиевна КОНОВАЛОВА

*Утверждено к печати
Институтом всеобщей истории РАН*

Дизайн обложки *И.Н. Граве*
Корректор *М.М. Горелов*

Подписано в печать 03.02.2020
Формат 60 x 90/16. Бумага офсетная № 1.
Гарнитура Таймс. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 36. Тираж 500. Заказ №

Издательство «Аквилон»
Тел.: +7 (916) 384 94 91
Электронная почта: aquilopress@gmail.com
Адрес в Интернете: aquilopress.com

Отпечатано с оригинал-макета в типографии
Onebook.ru ООО «Сам Полиграфист»
109316, Москва, Волгоградский просп., д. 42, Технополис МОСКВА
Телефон: +7 (495) 545 37 10
Электронная почта: info@samprint.ru
Адрес в Интернете: www.samprint.ru

ISBN 978-5-906578-55-6

9 785906 578556